Геродот

История

ГЕРОДОТ

Книга I
КЛИО

Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения[1], чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния[2], как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

1. По словам сведущих среди персов людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне. Последние прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю[3] и поселились в стране, где и теперь еще живут[4]. Финикияне тотчас же пустились в дальние морские путешествия. Перевозя египетские и ассирийские товары во многие страны, они, между прочим, прибыли и в Аргос. Аргос же в те времена был самым значительным городом в стране, которая теперь называется Элладой. Когда финикияне прибыли как раз в упомянутый Аргос[5], то выставили свой товар на продажу. На пятый или шестой день по их прибытии, когда почти все товары уже были распроданы, на берег моря среди многих других женщин пришла и царская дочь. Ее имя было Ио, дочь Инаха; так же называют ее и эллины. Женщины стояли на корме корабля и покупали наиболее приглянувшиеся им товары. Тогда финикияне по данному знаку набросились на женщин. Большая часть женщин, впрочем, спаслась бегством, Ио же с несколькими другими они успели захватить. Финикияне втащили женщин на корабль и затем поспешно отплыли в Египет[6].

2. Так-то, говорят персы, Ио попала в Египет. Эллины же передают это иначе. Событие это послужило первой причиной вражды. Затем, рассказывают они далее, какие-то эллины (имя они не могут назвать) прибыли в Тир Финикийский и похитили царскую дочь Европу[7]. Должно быть, это были критяне[8]. Этим они только отплатили финикиянам за их проступок. Потом эллины все-таки снова нанесли обиду варварам. На военном корабле они прибыли в Эю в Колхиде и к устью реки Фасиса. Завершив там все дела, ради которых прибыли, эллины затем похитили царскую дочь Медею. Царь колхов отправил тогда в Элладу посланца с

---

[1] В подлиннике ιστοριηω [ποδεφιζ] –изложение сведений, полученных путем расспросов.

[2] В подлиннике erga –деяния, постройки, вообще все результаты деятельности, успехи.

[3] Здесь: Персидский залив. Наше море –Средиземное море.

[4] Имеется в виду арамейское переселение народов (ок. 1400–200 гг. до н. э.) из восточной Аравии в северную Сирию. Арамеи основали там города, упоминаемые в Библии.

[5] В шахтовых микенских (Аргос) гробницах (XVII в. до н. э.) найдены золотые украшения, алебастровые сосуды и страусовые яйца. Упомянутые Геродотом торговые сношения могли существовать уже во второй половине II тысячелетия до н.э.

[6] Такая причины войны греков с варварами пародируется Аристофаном (Ахарняне 330 сл.).

[7] Ядром сказания является, быть может, похищение ахейцами кумира малоазиатской богини в эпоху падения хеттского царства (ок. 1700 г. до н.э.). На хеттских печатях-цилиндрах встречается изображение нагой богини, сидящей на быке. Так изображали Европу и греки.

[8] Критяне или родственные им "морские народности" высадились около 1200 г. до н.э. на сирийском и палестинском побережье и основали там много городов (например Газа, Аскалон). Библия называют их "филистимлянами".

требованием пени за похищенную и возвращения дочери. Эллины, однако, дали такой ответ: так как они сами не получили пени за похищение аргивянки Ио, то и царю ничего не дадут.

3. Затем в следующем поколении, говорят они, Александр, сын Приама, который слышал об этом похищении, пожелал умыканием добыть для себя женщину из Эллады. Он был твердо уверен, что не понесет наказания, так как и эллины тогда ничем не поплатились. После того как Александр таким образом похитил Елену, эллины сначала решили отправить посланцев, чтобы возвратить Елену и потребовать пени за похищение. Троянцы же в ответ бросили им упрек в похищении Медеи. Тогда ведь, говорили они, сами эллины не дали никакой пени и не возвратили Медеи, а теперь вот требуют пени от других.

4. До сих пор происходили только временные похищения женщин. Что же до последующего времени, то, несомненно, тяжкая вина лежит на эллинах, так как они раньше пошли походом в Азию, чем варвары в Европу. Похищение женщин, правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лакедемона собрали огромное войско, а затем переправились в Азию и сокрушили державу Приама. С этого времени персы всегда признавали эллинов своими врагами. Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них – чужая страна.

5. Таков, говорят персы, был ход событий, и взятие Илиона, думают они, послужило причиной вражды к эллинам. О похищении же Ио финикияне рассказывают иначе, чем персы, вот что. Именно, по их словам, они вовсе не увозили Ио насильно в Египет, так как она уже в Аргосе вступила в любовную связь с хозяином корабля. Когда же почувствовала себя беременной, то от стыда перед родителями добровольно уехала с финикиянами, чтобы скрыть свой позор. Так рассказывают персы и финикияне. Что до меня, то я не берусь утверждать, случилось ли это именно так или как-нибудь иначе. Тем не менее, я хочу назвать человека, который, как мне самому известно, положил начало враждебным действиям против эллинов[9]. Затем в продолжение моего рассказа я опишу сходным образом как малые, так и великие людские города. Ведь много когда-то великих городов теперь стали малыми, а те, что в мое время были могущественными, прежде были ничтожными. А так как я знаю, что человеческое счастье изменчиво, то буду одинаково упоминать о судьбе тех и других.

6. Крез, родом лидиец[10], сын Алиатта, был владыкой народов по эту сторону реки Галиса (Галис течет с юга на север между землями сирийцев[11] и пафлагонцев и впадает в море, называемое Евксинским Понтом). Этот Крез, насколько я знаю, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань; с другими же он заключил союзные договоры. Покорил же он ионян, эолийцев и азиатских дорийцев[12], а с лакедемонянами вступил в союз. Однако до владычества Креза все

---

[9] Причины войны греков с варварами –это взаимные обиды. Первый нанес обиду Крез, подчинивший эллинов в Малой Азии. Обида и месть часто встречается у Геродота для объяснения исторических событий (см.: А.И. Доватур. Стиль, стр. 113).

[10] Они, по-видимому, относятся к индоевропейским народностям. Язык лидийцев принадлежит к хетто-лувийской группе или к хетто-лидийской подгруппе (см.: В.В. Шеворошкин. Лидийский язык. М., 1967, стр. 17). Лидийцы упоминаются в египетских надписях (ок. 1234- 1225 гг. до н. э.) как "турша" среди "морских" народов, напавших на Египет.

[11] Под сирийцами здесь имеются в виду халибы (у Гомера –гализоны. Илиада II, 856).

[12] Геродот упоминает только часть греческих племен, осевших на западном побережье Малой Азии. Греческие племена переселились в Малую Азию после падения хеттского царства (ок. 1700 г. до н.э.). Сначала пришли эолийцы, потом ионяне и последними дорийцы.

эллины были свободными. Ведь нашествие киммерийцев[13], которые еще до времен Креза дошли до Ионии, не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи.

7. Власть, принадлежавшая ранее дому Гераклидов, перешла к роду Креза (этот род зовется Мермнадами)[14]. Произошло это таким образом: Кандавл, которого эллины называют Мирсилом, был тираном Сард. Он был потомком Алкея, сына Геракла. Первым царем Сард из дома Гераклидов стал Агрон, сын Нина, внук Бела, правнук Алкея. Кандавл же, сын Мирса, был их последним царем. Цари, управлявшие этой страной до Агрона, были потомками Лида, сына Атиса, того лидийца, от которого весь нынешний народ (прежде называемый меонами) получил имя лидийцев. От них, по предсказанию оракула, получили власть Гераклиды. Последние вели свой род от Геракла и рабыни Иардана и правили в течение 22 людских поколений[15], 505 лет, причем всегда сын у них наследовал власть от отца вплоть до Кандавла, сына Мирса.

8. Этот Кандавл был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой красивой женщиной на свете. Был у него среди телохранителей некий Гигес[16], сын Даскила, которого он особенно ценил. Этому-то Гигесу Кандавл доверял самые важные дела и даже расхваливал красоту своей жены. Вскоре после этого (ведь Кандавлу предречен был плохой конец) он обратился к Гигесу с такими словами: "Гигес, ты, кажется, не веришь тому, что я говорил тебе о красоте моей жены (ведь ушам люди доверяют меньше, чем глазам), поэтому постарайся увидать ее обнаженной". Громко вскрикнув от изумления, Гигес отвечал: "Что за неразумные слова, господин, ты говоришь! Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя и стыд![17] Давно уже люди узнали правила благопристойности и их следует усваивать. Одно из них главное: всякий пусть смотрит только за своим. Я верю, что она красивее всех женщин, но все же прошу: не требуй от меня ничего, противного обычаям".

9. Так говорил Гигес, пытаясь отклонить предложение царя в страхе попасть из-за этого в беду. Кандавл же возразил ему такими словами: "Будь спокоен, Гигес, и не бойся: я сказал это не для того, чтобы испытать тебя, и моя жена тебе также не причинит никакого вреда. Я подстрою сначала все так, что она даже и не заметит, что ты ее увидел. Тебя я поставлю в нашем спальном покое за закрывающейся дверью. За мной войдет туда и жена, чтобы возлечь на ложе. Близко от входа стоит кресло, куда жена, раздеваясь, положит одну за другой свои одежды. И тогда ты сможешь спокойно ею любоваться. Если же она направится от кресла к ложу и повернется к тебе спиной, то постарайся выйти через дверь, чтобы она тебя не увидела".

---

[13] Нашествие киммерийцев относится ко времени ок. 700 г. до н.э. Аккадская версия персидских царских надписей знает киммерийцев как саков на западе совр. Туркестана. Они обитали к северу от Окса и назывались "гимир", или "гиммири".

[14] Геродот дает мифическую генеалогию лидийских царей. Он, видимо, не знает лидийских преданий. Так, имя царя Кандавл –не собственное имя определенного царя, но скорее означает "властитель".

[15] В хронологии Геродот придерживается принципа своих предшественников: три поколения равны ста годам (см.: С.Я. Лурье. Геродот, стр. 112).

[16] Имя основателя новой лидийской династии интерпретируется исследователями по-разному. Одни считают его термином родства ("дед"), другие –названием птицы (см.: В. В. Шеворошкин. Лидийский язык, стр. 56). Отец Гигеса, быть может, происходил из вифинского города Даскилиона и потому назван Даскилом. Царь Гигес создал могущественное и независимое государство, благодаря чему лидийцы сосредоточили в своих руках всю сухопутную торговлю в Передней Азии (С.Я. Лурье. История, стр. 97).

[17] Смысл: "в тот момент, когда женщина снимает свой хитон, она лишается подобающего ей уважения" (ср.: В. Нагder. Herodot I 8, 3. Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschungen. Munchen, 1962, S. 374).

10. Тогда Гигес уже не мог уклониться от такого предложения и выразил свою готовность. Когда Кандавл решил, что настала пора идти ко сну, то провел Гигеса в спальный покой, куда затем тотчас же пришла и жена. И Гигес любовался, как она вошла и сняла одежды. Как только женщина повернулась к нему спиной, Гигес постарался, незаметно ускользнув, выйти из покоя. Тем не менее женщина видела, как он выходил. Хотя, она поняла, что все это подстроено ее мужем, но не закричала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу. Ведь у лидийцев и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим.

11. Как ни в чем ни бывало женщина хранила пока что молчание. Но лишь только наступил день, она велела своим самым преданным слугам быть готовыми и позвать к ней Гигеса. Гигес же пришел на зов, уверенный, что ей ничего не известно о происшествии, так как и прежде он обычно приходил всякий раз, как царица его призывала к себе. Когда Гигес предстал перед ней, женщина обратилась к нему с такими словами: "Гигес, перед тобой теперь два пути; даю тебе выбор, каким ты пожелаешь идти. Или ты убьешь Кандавла и, взяв меня в жены, станешь царем лидийцев, или сейчас же умрешь, для того чтобы ты, как верный друг Кандавла, и в другое время не увидел, что тебе не подобает. Так вот, один из вас должен умереть: или он, соблазнивший тебя на этот поступок, или ты, который совершил непристойность, увидев мою наготу". Пораженный ее словами, Гигес сначала не знал, что ответить, а затем стал молить царицу не вынуждать его к такому страшному выбору. Гигесу не удалось все же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен – или убить своего господина, или самому пасть от руки палачей, – он избрал себе жизнь и обратился к царице с таким вопросом: "Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, то скажи же, как мы с ним покончим?". На это царица дала такой ответ: "Мы нападем на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна".

12. Обдумав совместно этот коварный план, Гигес с наступлением ночи проник в спальный покой вслед за женщиной (ведь она не отпускала Гигеса; выход ему был отрезан, и предстояло или самому умереть, или умертвить Кандавла). Тогда царица дала ему кинжал и спрятала за той же дверью. Когда же Кандавл заснул, Гигес, крадучись, пробрался к нему и, заколов его, овладел таким образом его женой и царством. Об этом рассказывает также Архилох из Пароса, который жил в то время, в ямбическом триметре.

13. Так-то Гигес овладел царством, и дельфийский оракул подтвердил его право на престол изречением. Лидийцы же после убиения Кандавла в негодовании взялись за оружие, но приверженцы Гигеса договорились с остальными лидийцами о том, что Гигес останется их царем, если только оракул признает его. Оракул же изрек признание, и таким образом Гигес стал царем. Впрочем, Пифия добавила еще я такое изречение: Гераклиды получат возмездие в пятом потомке Гигеса. Однако лидийцы и их царь вовсе не придали значения этому оракулу, пока он не исполнился.

14. Так Мермнады завладели царской властью, которую они отняли у Гераклидов. Гигес же, вступив на престол, отослал в Дельфы немалое число посвятительных даров (большинство серебряных вещей в Дельфы посвятил он)[18]. А кроме серебра, он посвятил еще несметное количество золота; среди прочих вещей, достойных упоминания, там 6 золотых кратеров весом в 30 талантов. Стоят они в сокровищнице коринфян. В действительности же это не сокровищница государства коринфян, а Кипсела, сына Эетиона. Этот Гигес был, насколько я знаю, первым из варваров (после Мидаса[19], сына Гордия, царя Фригии), который посвятил дары в Дельфы. Ведь Мидас также принес дары, именно свой царский трон, восседая на котором он творил суд. Этот достопримечательный трон стоит на том же месте, где и Гигесовы кратеры. А эти золотые и серебряные сосуды, посвященные Гигесом, дельфийцы называют Гигадами, по имени посвятителя.

[18] Как неэллин, Гигес не мог иметь в Дельфах своей сокровищницы.

[19] Имя Мидас встречается в древнефригийской надписи VII в. до н.э. в форме Мидаи.

После воцарения Гигес выступил походом на Милет и Смирну и завоевал город Колофон. Впрочем, за свое 38-летнее царствование Гигес[20] не совершил ничего великого, и так как мы уже много рассказали о нем, то можем теперь перейти к его потомкам.

15. Я упомяну Ардиса, сына Гигеса, который царствовал после него. Ардис завоевал Приену и пошел войной на Милет[21]. В его правлении в Сардах киммерийцы[22], изгнанные из своих обычных мест обитания скифами-кочевниками[23], проникли в Азию и захватили Сарды (кроме акрополя).

16. После 49-летнего царствования Ардиса престол перешел по наследству к его сыну Садиатту, который царствовал 12 лет. Садиатту же наследовал Алиатт. Последний начал войну с Киаксаром (внуком Деиока) и с мидийцами. Затем он изгнал киммерийцев из Азии, завоевал Смирну, колонию Колофона, и пошел войной на Клазомены. От Клазомен ему пришлось вернуться не так, как он бы хотел, но с большим уроном.

17. Из других деяний его царствования вот наиболее достойные упоминания. Продолжая войну, начатую еще его отцом, он воевал с милетянами. Выступив в поход, он действовал при осаде Милета так. Он начинал поход с войском против Милета в пору созревания хлеба на полях. Шел он под звуки свирелей, пектид[24] и мужских и женских флейт. Прибыв в землю милетян, он не стал разрушать и сжигать дома на полях и взламывать двери, но оставлял в неприкосновенности. Только деревья он срубил и уничтожил хлеб на полях, а затем возвратился домой. Осаждать город было бесполезно, так как милетяне господствовали на море. Дома же лидийский царь не разрушал для того, чтобы милетяне могли, живя в них, оттуда снова засеять и вспахать свои поля и чтобы сам он, когда они вновь обработают землю, мог при следующем набеге опять опустошить их.

18. Так вел войну лидийский царь одиннадцать лет подряд. За эти годы милетяне дважды понесли большие поражения: на их собственной земле при Лименее и в долине Меандра. Шесть из этих одиннадцати лет относятся еще к эпохе правления над лидийцами Садиатта, сына Ардиса, который в это время воевал с милетянами (ведь это Садиатт начал войну). Пять последних лет войну вел Алиатт, сын Садиатта, который, как я упомянул выше, приняв ее от отца, ревностно продолжал. Милетянам в этой войне не помогал ни один ионийский город, кроме одних хиосцев, которые в отплату пришли им на помощь. Прежде ведь милетяне вели войну вместе с хиосцами против эрифрейцев.

19. Когда же на двенадцатый год войны войско лидийцев вновь сожгло нивы, произошло вот что. Лишь только запылали нивы, огонь, подхваченный ветром, перекинулся на храм Афины по прозвищу Ассесии[25]. Объятый пламенем, храм сгорел. Сначала лидийцы этому событию не придали никакого значения. По возвращении же войска в Сарды Алиатт занемог. Болезнь между тем затянулась, и царь отправил послов в Дельфы – посоветовал ли ему кто-нибудь или же сам он решил – вопросить оракула о болезни. По прибытии послов в Дельфы Пифия дала ответ, что бог не даст им прорицания, пока они не восстановят сожженный храм

---

[20] Гигес пал в битве с киммерийцами ок. 654 г. до н.э. (см.: В.В. Струве. Этюды, стр. 91).

[21] Лидийские цари вели упорную войну с Милетом (из-за торговых интересов), но взять город им не удалось. Во внутренние дела городов они, однако, не вмешивались и оставили в руках греков всю морскую торговлю. Лидийское господство было для греков скорее выгодным (см.: С.Я. Лурье. История, стр. 98).

[22] По аккадскому (ассирийскому) преданию, с киммерийцами сражался уже Гигес (Ги-гу), отец Ардиса. Лидийский царь сначала вступил в союз с ассирийским царем Ассурбанипалом, а потом с царем Египта Псамметихом.

[23] Ок. 720 г. до н.э. скифы пришли в причерноморские степи из совр. Западного Туркестана и затем ок. 623 г. завоевали мидийское царство Киаксара.

[24] Пектида –20-струнный инструмент вроде арфы, обнимал 2 октавы. Флейта низкого тона называлась мужской, а высокого –женской.

[25] Ассес –место, где стоял храм. Лидийское имя богини Афины Асви (В.В. Шеворошкин. Лидийский язык, стр. 54).

Афины, что у Ассеса в земле милетян.

20. Такой рассказ я сам слышал в Дельфах. Милетяне же добавляют к этому еще вот что. Периандр, сын Кипсела, близкий друг Фрасибула, тогдашнего тирана Милета, узнал о данном Алиатту оракуле. Он послал к Фрасибулу вестника с сообщением об оракуле, чтобы тот заранее принял свои меры. Так передают милетяне.

21. Алиатт же, говорят милетяне, получив ответ Пифии, тотчас послал глашатая в Милет заключить перемирие с Фрасибулом и милетянами на время, пока он не отстроит храма. Так вот, царский глашатай прибыл в Милет. Фрасибул же, заранее уведомленный обо всем и зная намерения Алиатта, придумал такую хитрость. Он приказал весь хлеб, что был в городе (и его собственный, и отдельных граждан), снести на рыночную площадь и велел милетянам по данному знаку начинать веселые пирушки с песнями.

22. А это Фрасибул сделал и отдал такое приказание для того, чтобы глашатай из Сард, увидев огромные кучи хлеба, наваленные на площади, и людей, живущих в свое удовольствие, сообщил об этом Алиатту. Так действительно и случилось. Вестник увидел все это и затем, передав поручение лидийского царя Фрасибулу, возвратился в Сарды. И, как я узнал, мир был заключен не по какой-либо иной при чине, а только из-за его сообщения. Алиатт ведь рассчитывал на то, что в Милете сильный голод и что измученный народ дошел до предела несчастья. Теперь же он услышал по возвращении глашатая из Милета сообщение, прямо противоположное тому, что он ожидал. После этого был заключен мир, по которому они вступили в дружбу и союз друг с другом. Алиатт же воздвиг в Ассесе вместо одного храма Афине два и исцелился от своего недуга. Так обстояло у Алиатта с войной против милетян и Фрасибула.

23. Периандр, который сообщил Фрасибулу упомянутое изречение оракула, был сыном Кипсела. Периандр был тираном Коринфа. С ним-то, как говорят коринфяне (и этот рассказ подтверждают также лесбосцы), приключилось в жизни величайшее диво. Арион из Мефимны был вынесен на дельфине из моря у Тенара. Это был несравненный кифаред своего времени и, насколько я знаю, первым стал сочинять дифирамб[26], дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе.

24. Этот-то Арион большую часть времени своей жизни провел у Периандра и затем решил отплыть в Италию и Сикелию. Там он нажил великое богатство, потом пожелал возвратиться назад в Коринф. Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял больше коринфян, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали [злое дело]: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами. Арион же, догадавшись об их умысле, стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велели Ариону либо самому лишить себя жизни, чтобы быть погребенным в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком отчаянном положении Арион все же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачась в полный наряд певца, взял кифару и, стоя на корме, исполнил торжественную песнь[27]. Окончив песнь, он, как был во всем наряде, ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару. Арион вышел на берег и в своем наряде певца отправился в Коринф. По прибытии туда он рассказал все, что с ним случилось. Периандр же не поверил рассказу и велел заключить Ариона под стражу и никуда не выпускать, а за корабельщиками внимательно следить. Когда же те прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе

---

[26] Дифирамб –собственно, культовое прозвище Диониса. Впоследствии слово стало обозначать торжественную песнь в честь бога или героя. Она пелась под аккомпанемент главным образом флейты.

[27] Νομοω ορυιοω –напев, мелодия, исполняемая очень высоким голосом.

и спросил, что им известно об Арионе. Корабельщики отвечали, что Арион живет и здравствует где-то в Италии и они-де оставили его в Таранте в полном благополучии. Тогда внезапно появился Арион в том самом одеянии, в каком он бросился в море. Пораженные корабельщики не могли уже отрицать своей вины, так как были уличены. Так рассказывают коринфяне и лесбосцы. А на Тенаре есть небольшая медная статуя – жертвенный дар Ариона, изображающая человека на дельфине.

25. По окончании войны с милетянами лндиец Алиатт скончался. Царствовал он 57 лет. Исцелившись от своего недуга, царь (вторым из этого царского дома) принес посвятительные дары в Дельфы: большую серебряную чашу для смешивания вина с водой на железной инкрустированной подставке – одно из самых замечательных приношений в Дельфах работы Главка хиосца (он первый из людей изобрел искусство инкрустировать[28] железо).

26. После кончины Алиатта царство перешло к его сыну Крезу[29], которому было тогда 35 лет от роду. Первым эллинским городом, на который он напал, был Эфес. Когда Крез осадил Эфес, эфесцы посвятили свой город Артемиде и протянули канат от храма богини к городской стене. Расстояние же между старым городом, который был тогда осажден, и храмом было 7 стадий. Так вот, Крез сначала выступил в поход на эфесцев, а затем по очереди на всех ионян и эолийцев. При этом царь выставлял каждый раз все новые поводы для нападения. Если можно было подыскать важную причину, то выдвигал и более серьезные обвинения, в других же случаях довольствовался даже ничтожными поводами.

27. Покорив азиатских эллинов, Крез заставил их платить дань. Затем он задумал построить флот и напасть на островитян. Когда все уже было готово для постройки кораблей, прибыл в Сарды Биант из Приены (другие же говорят, что Питтак[30] из Митилены). Крез спросил пришельца: "Что нового в Элладе?". А тот ответил вот что (чем и отклонил Креза от постройки кораблей): "О царь! Островитяне закупают множество коней, собираясь в поход на Сарды против тебя". Крез думал, что Биант говорит правду и сказал ему: "О если бы боги только внушили островнтянам эту мысль идти на конях против сынов-лидийцев". Биант же, прервав его, сказал: "Царь! Ты, конечно, страстно желаешь, чтобы островитяне со своей конницей попали в твои руки на материке, и к этому у тебя есть все основания. Что же, ты думаешь, желают островитяне, узнав, что ты намерен построить флот против них? Ничего другого, как захватить лидийцев на море и отомстить за порабощение материковых эллинов". Эти слова очень обрадовали Креза. Он нашел заключение вполне правильным и велел прекратить постройку флота[31]. Так-то Крез вступил в дружбу с ионийскими островитянами.

28. С течением времени Крезу удалось подчинить почти все народности по сю сторону реки Галиса, потому что все остальные, кроме киликийцев и ликийцев, были подвластны Крезу. Вот имена этих народностей: лидийцы, фригийцы, мисийцы, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы в Финны и Вифинии, карийцы, ионяне, дорийцы, эолийцы и памфилы[32].

---

[28] Иначе: "спаивать железо".

[29] Для греков Крез –тип царя филэллина, для лидийцев царствование Креза –время расцвета и блеска лидийской державы; в глазах дельфийцев Крез –почитатель авторитета оракула. В рассказе о Крезе соединены две концепции: одна –дельфийская, по которой возмездие за преступления Гигеса падает на пятого потомка –Креза; другая –переносит вину на самого Креза, который навлек на себя "зависть" (или "ревность") богов (ср.: А.И. Доватур. Стиль, стр. 191).

[30] Питтак не мог встретиться с Крезом в 560 г., так как умер в 570 г. до н.э. (см.: В.В. Струве. Этюды, стр. 93).

[31] Этот рассказ отражает попытку лидийцев заняться морской торговлей и покорить острова (см.: С.Я. Лурье. История, стр. 98, прим. 1).

[32] Из отсутствия в этом перечне подвластных Крезу народностей –ликийцев и киликийцев – заключают, что малоазийское побережье Средиземного моря, за исключением Памфилии, было независимо от Креза. Подданными Креза были памфилы, ионяне, эолийцы и дорийцы.

29. После того как Крез покорил все эти народности и присоединил их к лидийскому царству, в богатые и могущественные Сарды стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы (каждый из них – по самым различным побуждениям). Прибыл, между прочим, и афинянин Солон, который дал афинянам по их желанию законы и затем на десять лет уехал из страны. Отплыл Солон якобы с целью повидать свет, а на самом деле для того, чтобы его не вынудили изменить законы. Ведь сами афиняне, связанные торжественными клятвами десять лет хранить данные Солоном законы, не могли их изменить.

30. По этой-то причине, а быть может, и для того, чтобы повидать чужие страны, Солон уехал в Египет к Амасису, а затем – в Сарды к Крезу[33]. В Сардах Крез оказал Солону радушный прием в своем дворце. А потом на третий или четвертый день слуги по приказанию Креза провели гостя по царским сокровищницам и показали ему все огромные царские богатства. После осмотра и любования всем, что заинтересовало гостя, Крез обратился к Солону с таким вопросом: "Гость из Афин! Мы много уже наслышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя: "Встретил ли ты уже счастливейшего человека на свете?"". Царь задал этот вопрос в надежде, что гость объявит его самого счастливейшим человеком. Солон же нисколько не желал льстить Крезу и сказал правду: "Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это – афинянин Телл". Крез очень удивился такому ответу и с нетерпением спросил: "Почему это ты считаешь Телла самым счастливым?". Солон ответил: "Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, и ему довелось увидеть, как у всех них также родились и остались в живых дети. Это был по нашим понятиям зажиточный человек. К тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на государственный счет на месте гибели, оказав этим высокую честь".

31. Рассказ Солона о великом счастье Телла возбудил дальнейшее любопытство Креза, и царь спросил его: "Кто же самый счастливый после Телла?", совершенно уверенный, что уж по крайней мере на втором месте Солон укажет его. Но Солон сказал: "После Телла самые счастливые – Клеобис и Битон. Родом из Аргоса, они имели достаточно средств к жизни и к тому же отличались большой телесной силой. Помимо того, что оба они были победителями на атлетических состязаниях, о них рассказывают еще вот что: у аргосцев есть празднество в честь Геры Аргосской. Их мать, [жрицу богини], нужно было обязательно привезти на повозке в святилище богини. Однако быки их не успели вернуться с поля. Медлить было нельзя, и юноши сами впряглись в ярмо и потащили повозку, в которой ехала их мать. 45 стадий пробежали они и прибыли в святилище. После этого подвига, совершенного на глазах у всего собравшегося на праздник народа, им суждена была прекрасная кончина. И божество дало ясно этим понять, что смерть для людей лучше, чем жизнь. Аргосцы, обступив юношей, восхваляли их силу, а женщины – их мать за то, что она обрела таких сыновей. Мать же, возрадовавшись подвигу сыновей и народной молве о них, стала перед кумиром богини и молилась даровать ее сыновьям Клеобису и Битону, оказавшим ей столь великий почет, высшее благо, доступное людям. После этой молитвы и жертвоприношения и пиршества юноши заснули в самом святилище и уже больше не вставали, но нашли там свою кончину. Аргосцы же велели поставить юношам статуи и посвятить в Дельфы за то, что они проявили высшую доблесть".

32. Когда Солон объявил этих юношей на втором месте по счастью, Крез в гневе сказал ему: "Гость из Афин! А мое счастье ты так ни во что не ставишь, что даже не считаешь меня наравне с этими простыми людьми". Солон отвечал: "Крез! Меня

---

[33] В этом ошибка Геродота, ибо путешествие Солона падает на 594–84 гг., Крез же царствовал с 560 г. до н.э.; поэтому Солон не мог встретиться с Крезом. Посещение Солоном Амасиса (егип. Аб-мосе), который царствовал с 569 по 526 г., также противоречит хронологии.

ли, который знает, что всякое божество завистливо и вызывает у людей тревоги, ты спрашиваешь о человеческой жизни? За долгую жизнь много можно увидеть и многое пережить. Пределом человеческой жизни я считаю 70 лет. Эти 70 лет составляют 25200 дней без вставного месяца. Но если к каждому второму году прибавлять еще по месяцу, чтобы времена года [в соответствии с календарными месяцами] наступали в свое надлежащее время, то за 70 лет вставных месяцев наберется 35, а дней получается из этих месяцев 1050. И из всех дней, приходящихся на 70 лет, т. е. из 26 250 дней, нет ни одного совершенно похожего на другой: каждый день несет новые события. Итак, Крез, человек – лишь игралище случая. Я вижу, что ты владеешь великими богатствами и повелеваешь множеством людей, но на вопрос о твоем счастье я не умею ответить, пока не узнаю, что жизнь твоя окончилась благополучно. Ведь обладатель сокровищ не счастливее [человека], имеющего лишь дневное пропитание, если только счастье не сопутствует ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства. Поэтому многие даже очень богатые люди, несмотря на их богатство, несчастливы, и, наоборот, много людей умеренного достатка счастливы. Богатый, но несчастливый человек имеет лишь два преимущества перед счастливцем умеренного достатка, а этот последний превосходит его во многом: один в состоянии легче удовлетворять свои страсти и скорее перенесет тяжкие удары судьбы, а другой хотя и не может одинаково с ним терпеть невзгоды, но все же превосходит его в следующем: именно, что счастье оберегает его, так как он человек, лишенный телесных недостатков и недугов, беспорочный, счастливый в своих детях и благообразный. Если же, кроме того, ему еще предназначена судьбой блаженная кончина, то это и есть тот, о ком ты спрашиваешь, – человек, достойный именоваться блаженным. Но пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным, но [называй его] лучше удачливым. Однако одному человеку получить все эти блага зараз невозможно: так же как и никакая земля не производит всего, что необходимо, но одна – только одно, а другая – другое; самая же лучшая земля – это та, что обладает наибольшими благами. Так и ни одно человеческое тело не производит все из себя, потому что одно [достоинство] у нас есть, а другого не хватает. Но тот, что постоянно обладает наибольшим количеством благ и затем счастливо окончит жизнь, тот, царь, в моих глазах, в праве называться счастливым. Впрочем, во всяком деле нужно иметь в виду его исход, чем оно кончится. Ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило".

33. Эти слова Солона были, как я думаю, не по душе Крезу, и царь отпустил афинского мудреца, не обратив на его слова ни малейшего внимания. Крез счел Солона совершенно глупым человеком, который, пренебрегая счастьем настоящего момента, всегда советует ждать исхода всякого дела.

34. Вскоре после отъезда Солона страшная кара божества постигла Креза, вероятно, за то, что тот считал себя самым счастливым из смертных. Крез заснул, и тотчас предстало ему сновидение, которое провозвестило беду его сыну. А было у Креза два сына: один из них был калека, глухонемой; другой же по имени Атис[34] далеко превосходил своих сверстников [доблестью]. Сновидение предсказало Крезу, что Атис погибнет, пораженный насмерть железным копьем. Когда Крез, пробудившись, пришел в себя, то в ужасе от сновидения решил, женив сына, впредь никогда больше не отпускать в поход, хотя обычно на войне тот был во главе лидийцев. Царь приказал также вынести из мужского покоя дротики, копья и другое подобное оружие и сложить во внутренних женских покоях, чтобы никакое висящее [на стене] оружие не упало на сына.

35. Когда Крез был занят свадьбой сына, прибыл в Сарды некий фригиец царского рода. Его постигла страшная беда; а именно он запятнал себя кровопролитием. Пришелец явился во дворец Креза и просил очистить его [от скверны] по местному обычаю очистительным обрядом. И Крез очистил его. Этот очистительный обряд у лидийцев такой же, как у эллинов[35]. После очищения Крез

---

[34] Имя Атис встречается в древнефригийских надгробных надписях в форме Атес.

[35] Очистительный обряд у греков состоял в следующем: руки убийцы обливали кровью

спросил чужестранца, кто он и откуда, сказав: "Чужестранец! Кто ты и из какого места Фригии пришел искать защиты к моему очагу? Кого убил ты, мужчину или женщину?". А тот отвечал: "Царь! Я – сын Гордия, сына Мидаса, а зовут меня Адрастом. Я нечаянно убил своего брата; мой отец изгнал меня, и вот теперь я прихожу к тебе лишенный всего". А Крез отвечал ему так: "Ты – потомок друзей и пришел к друзьям. Оставайся у нас, и у тебя не будет ни в чем нужды. И чем легче ты будешь переносить твое несчастье, тем будет лучше для тебя". Так-то чужеземец остался жить во дворце Креза.

36. В то время на Мисийском Олимпе обитал огромный вепрь. Он спустился с этой горы и опустошал нивы мисийцев. Мисийцы то и дело устраивали охоту на зверя, но не могли причинить ему вреда, и им самим даже приходилось еще терпеть от него. Наконец, к Крезу пришли вестники от мисийцев и сказали так: "Царь! В нашей земле появился огромный вепрь, который опустошает наши нивы. При всем старании мы не можем его поймать. Поэтому просим послать твоего сына к нам с отборным отрядом воинов и сворой собак и избавить нашу землю от этой напасти". Так они просили, а Крез, помня о вещем сне, ответил им: "О сыне моем вы и не помышляйте: я не могу отпустить его с вами, он ведь новобрачный и теперь у него медовый месяц. Но все же я отправлю с вами отборный отряд лидийцев со сворой охотничьих собак и велю им постараться избавить вашу землю от этого зверя".

37. Так отвечал им Крез, и мисийцы остались довольны. Тогда пришел сын Креза, услышав о просьбе мисийцев. Когда царь отказался отпустить сына, то юноша сказал отцу так: "Отец! Самым высшим и благородным удовольствием прежде было для меня и для тебя отличиться в походе или на охоте. А теперь ты запрещаешь мне и то и другое, хотя никогда ты не замечал во мне ни трусости, ни малодушия. Какими глазами будут глядеть на меня люди, когда я пойду в народное собрание и оттуда домой? Что подумают обо мне сограждане и что станет думать моя молодая жена о человеке, с которым ей предстоит жить? Поэтому или позволь мне идти на охоту, или по крайней мере приведи разумные доводы, что так поступить будет действительно лучше для меня". Крез же отвечал сыну так.

38. "Сын мой! Я поступаю так не оттого, что заметил за тобой трусость или какой-либо другой неблаговидный поступок. Явилось мне сновидение и предрекло, что ты будешь недолговечен и погибнешь от железного копья. Из-за этого-то сновидения я и поспешил с твоей свадьбой и теперь запрещаю тебе участвовать в подобных предприятиях, чтобы избавить тебя от таких опасностей, по крайней мере [хоть на время], пока я жив. Ведь ты у меня единственный сын (второго сына, глухонемого калеку, я не считаю)".

39. Юноша же отвечал: "Я не хочу, отец, винить тебя, что ты из-за этого видения оберегаешь меня. Но ты неверно понял сон, и я должен тебе объяснить его. Ты говоришь, что сновидение предсказало тебе мою кончину от железного копья. А разве у вепря есть руки или железное копье, которое тебя страшит? Ведь если бы было предсказано, что я погибну от клыков вепря или от чего-либо подобного, тогда ты поступал бы правильно. Но сновидение говорит – от копья. И так как мы теперь идем не против людей, то отпусти меня!".

40. Крез отвечал: "Сын мой! Твои слова о сновидении меня как-то убедили, и я отпускаю тебя на охоту".

41. Затем царь велел призвать фригийца Адраста и сказал ему так: "Адраст! Я очистил тебя от тяжкой беды, в которую ты попал, за что я не упрекаю тебя, принял в свой дом, и обеспечил всем необходимым. Поэтому твой долг отплатить мне добром за добро, которое я тебе сделал. Я прошу тебя ныне быть стражем

животного (поросенка) и затем обтирали в знак освобождения от кровавого греха; потом божество умилостивляли жертвами и молитвами (В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Ч. II. СПб., 1899. С. 78). "Скверна", лежащая на убийце (по-гречески $\mu\iota\alpha\sigma\mu\alpha$, мыслилась в виде живого существа), поражает прежде всего родичей, а затем распространяется на весь город, заражая его (см.: С. Я. Лурье. История, с. 89).

моего сына, который отправляется на охоту, чтобы разбойники внезапно по дороге не напали на погибель вам. Кроме того, тебе также следует отправиться в этот поход, чтобы добыть себе славу. Ведь у тебя жажда славы от предков, и к тому же ты полон юношеской силы".

42. Адраст отвечал: "Царь! При других обстоятельствах я не стал бы участвовать в таком трудном предприятии. Ведь мне, испытавшему столь ужасное несчастье, не подобает искать общения со счастливыми сверстниками. У меня нет даже стремления к этому, и я по разным соображениям удерживал себя от такого общения. А теперь, раз уж ты настаиваешь и мне приходится тебе угождать (ведь мой долг отплатить тебе за добро), я готов сделать это. Сын твой, которого ты доверяешь мне охранять, возвратится к тебе здравым и невредимым, поскольку это зависит от меня как защитника".

43. После этого они выступили на охоту с отборными воинами и сворами [охотничьих] псов. Прибыв к горе Олимпу, охотники принялись выслеживать зверя. Найдя затем вепря, они окружили его и стали метать свои дротики. Тут метнул копье в вепря и чужеземец Адраст, который только что был очищен от пролития крови, но промахнулся и попал в Крезова сына. Юноша был поражен копьем: так-то исполнилось пророчество вещего сна. Тотчас же был послан вестник в Сарды сообщить Крезу о случившемся, и по прибытии в Сарды он рассказал царю о борьбе с вепрем и об участи сына.

44. А Крез был глубоко опечален смертью сына. Особенно же горько было царю то, что сына убил именно тот человек, кого он сам очистил от пролития крови. Подавленный горем, царь стал призывать Зевса Катарсия в свидетели причиненного ему чужеземцем страдания. Он взывал также к Зевсу Эфестию и Зевсу Этерию (Крез призывал одного и того же бога, именуя его то Эфестием, потому что принял в свой дом чужеземца, не подозревая в нем убийцу своего сына, то Этерием, потому что тот, кого он поставил стражем сына, оказался злейшим врагом).

45. Затем прибыли лидийцы с телом покойного сына Креза. За ними последним шел убийца. Адраст остановился перед телом и отдал себя во власть Креза. Простирая вперед руки, он требовал заколоть его как жертву над телом покойного. По его словам, после первой своей беды теперь, когда он погубил еще и сына своего очистителя, жизнь ему стала больше невыносимой. Крез услышал это и почувствовал жалость к Адрасту, хотя его собственное горе было тяжело. Он сказал ему: "Чужеземец! Я получил от тебя полное удовлетворение: ведь ты сам осуждаешь себя на смерть. Не ты виноват в моем несчастье, поскольку ты невольный убийца, а какой-то бог, который давно уже предвозвестил мне определенное роком". Затем Крез предал тело своего сына погребению по местным обычаям. Адраст же, сын Гордия, внук Мидаса, убийца собственного брата и затем убийца [сына] своего очистителя, когда [близкие покойного разошлись] и у могилы воцарилось спокойствие, заколол себя на могильном кургане: он чувствовал себя самым несчастным из всех людей, которых ему пришлось знать.

46. Два года Крез глубоко скорбел, опечаленный потерей сына. После этого Кир, сын Камбиса, сокрушил царство Астиага, сына Киаксара. Возвышение персидской державы положило конец печали Креза и внушило ему тревожные думы, нельзя ли как-нибудь сломить растущую мощь персов, пока они не стали слишком могущественны. Для этого Крез тотчас стал испытывать оракулы в Элладе и Ливии, рассылая послов по разным местам. Одних он отправил в Дельфы, других в Абы, что в Фокиде, третьих в Додону; иные были посланы также к Амфиараю и к Трефонию и, наконец, в Бранхиды в Милетской области. Это были эллинские прорицалища, куда Крез послал вопросить оракулов. Впрочем, он отправил послов также к оракулу Аммона в Ливии. Царь хотел сначала испытать проницательность оракулов. Затем если обнаружится их правдивость, то полагал снова отправить послов с вопросом: "Идти ли мне войной на персов?".

47. Итак, царь послал лидийцев для испытания оракулов с таким приказанием:

со дня отправления из Сард они должны отсчитывать время и на сотый день вопросить оракулы: "Что теперь делает царь лидийцев Крез, сын Алиатта?". Ответы каждого оракула на этот вопрос послы должны записать и доставить ему. Об ответах прочих оракулов ничего не сообщается. По прибытии же лидийцев в Дельфы они вступили в священный покой, чтобы вопросить бога о том, что им было велено. А Пифия изрекла им такой ответ стихами в шестистопном размере:

Числю морские песчинки и ведаю моря просторы, Внятны глухого язык и слышны мне речи немого. В грудь мою запах проник облаченной в доспех черепахи, В медном варимой котле меж кусками бараньего мяса. Медь распростерта под ней и медною ризой покрыта.

48. Это изречение Пифии лидийцы записали и затем возвратились в Сарды. Когда же прибыли и остальные послы с изречениями оракулов, Крез развернул свитки и стал читать. Ни одно прорицание, однако, не удовлетворило царя, и только, услышав ответ дельфийского оракула, Крез отнесся к нему с благоговейным доверием. По словам царя, единственно правдивый оракул – это дельфийский, так как он угадал, чем он, Крез, был занят тогда один, без свидетелей. Отправив послов к оракулам, царь выждал назначенный день и замыслил вот что (его выдумку никак нельзя было открыть или о ней догадаться). Он разрубил черепаху и ягненка и сам сварил их вместе в медном котле, а котел накрыл медной крышкой.

49. Таково было дельфийское прорицание Крезу. Что до ответа оракула Амфиарая, то я не могу сказать, что именно изрек лидийцам этот оракул, когда те прибыли к его святилищу и по обычаю вопросили (об этом ведь ничего не сообщается). Мне известно только, что Крез признал правдивым прорицание и этого оракула.

50. После этого Крез стал умилостивлять дельфийского бога пышными жертвами. Так, он приказал принести в жертву 3000 голов отборного скота каждой породы и затем, воздвигнув огромный костер, сжечь на нем выложенные золотом и серебром ложа, серебряные чаши и пурпурные одежды. Этим царь надеялся добиться больше милостей у бога. [На этом костре] царь также повелел всем лидийцам приносить жертвы из своего имущества. Затем Крез приказал переплавить несметное количество золота и изготовить из него слитки [в виде] полукирпичей, 6 ладоней в длину, шириной в 3 ладони, высотой же в 1 ладонь. [Общее] число полукирпичей было 117; из них 4 – из чистого золота, весом 21/2 таланта каждый; другие полукирпичи – из сплава с серебром, весом 2 таланта. После этого царь велел отлить из чистого золота статую льва весом в 10 талантов. Впоследствии во время пожара святилища в Дельфах лев этот упал с [подставки из] полукирпичей, на которых он был установлен. И поныне еще стоит этот лев в сокровищнице коринфян, но вес его теперь только 61/2 талантов, так как 31/2 таланта расплавились при плавке.

51. После изготовления Крез отослал эти предметы в Дельфы и вместе еще несколько других, а именно: две огромные чаши для смешивания вина – золотую и серебряную. Золотая чаша стояла в святилище как войдешь направо, а серебряная – налево. После пожара чаши были также переставлены на другое место. Золотая чаша стоит теперь в сокровищнице клазоменян (вес ее 81/2 талантов и 12 мин), а серебряная в углу в притворе храма. Вмещает она 600 амфор. Чашу эту дельфийцы наполняют вином с водой на празднике Феофаний. Как утверждают в Дельфах, чаша эта – изделие Феодора из Самоса. И я тоже так думаю, так как она, видимо, на редкость чудесной работы. Потом царь отослал в Дельфы 4 серебряных сосуда, которые стоят [ныне] в сокровищнице коринфян, и 2 кропильницы – золотую и серебряную. На золотой кропильнице начертана надпись, гласящая: "Посвятительный дар лакедемонян". Это, однако, неверно: ведь эти кропильницы – посвятительный дар Креза. Надпись же на ней вырезал какой-то дельфиец, желая угодить лакедемонянам. Я знаю имя этого человека, но не хочу называть. Только [статуя] мальчика, через руку которого течет вода [в кропильницы] – приношение лакедемонян, но ни та, ни другая из кропильниц. Вместе с этими Крез послал

много и других даров без надписей. Среди них круглые чаши для возлияний, а также золотая статуя женщины в 3 локтя высотой (по словам дельфийцев, она изображает женщину, выпекавшую царю хлеб)[36]. Крез пожертвовал также ожерелья и пояса своей супруги.

52. Эти-то дары Крез послал в Дельфы; Амфиараю же, о деяниях и судьбе которого ему пришлось слышать, царь посвятил в дар щит целиком из золота и копье, древко и наконечник которого были также из чистого золота. Эти оба предмета еще и поныне находятся в Фивах в святилище Аполлона Исмения.

53. Затем Крез повелел лидийцам, отвозившим дары в святилища, вопросить оракулы, следует ли ему идти войной против персов и искать для этого союзников. По прибытии же в святилище послы передали приношения и затем вопросили оракул в таких словах: "Крез, царь лидийцев и других народов, считая, что здесь он получил единственно правдивые на свете прорицания, послал вам эти дары как достойное вознаграждение за то, что вы разгадали его замысел. Теперь царь спрашивает вас: выступать ли ему в поход на персов и искать ли для этого союзников". Так вопрошали послы, а оба оракула дали одинаковый ответ и объявили Крезу: если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство. Оракулы также советовали царю отыскать самый могущественный эллинский город и заключить с ним союз[37].

54. А Крез, получив прорицания оракулов и узнав их содержание, чрезвычайно обрадовался. Теперь царь твердо уповал, что сокрушит царство Кира. Затем Крез вновь отправил посольство в Пифо с дарами всему дельфийскому народу, узнав его численность: каждый дельфиец получил по 2 золотых статера. За это дельфийцы предоставили Крезу и лидийцам право первыми вопрошать оракул, свободу от пошлин и налогов и почетные места [на Пифийских играх] и, кроме того, каждый лидиец получил еще право гражданства в Дельфах на вечные времена[38].

55. Одарив дельфийцев, Крез в третий раз обратился к оракулу (ведь царь убедился теперь в правдивости оракула и стал даже слишком часто вопрошать его). На этот раз Крез спросил, долго ли будет существовать его держава. Пифия же изрекла ему вот какой ответ:

Коль над мидянами мул царем когда-либо станет,
Ты, нежноногий лидиец, к обильному галькою Герму
Тут-то бежать торопись, не стыдясь малодушным казаться.

56. Когда эти слова сообщили Крезу, царь весьма обрадовался. Он полагал, что никогда, конечно, вместо человека мул не будет царствовать над мидянами и поэтому власть навсегда останется в его доме. Затем Крез принялся разыскивать самое могущественное эллинское племя, чтобы вступить с ним в союз. Из расспросов же царь узнал, что самые выдающиеся из эллинов – это лакедемоняне и афиняне. Первые – среди дорийского племени, а вторые – среди ионийского. Это были два наиболее значительных тогда эллинских племени. Так, ионяне первоначально были пеласгийского происхождеяия, а дорийцы – эллинского. Ионийское племя никогда не покидало своей земли, дорийское же – очень долго странствовало. Ибо во времена царя Девкалиона оно обитало в земле Фтиотида, а затем при Доре, сыне Эллина, – у подошвы Оссы и Олимпа, в области под названием Гистиеотида. После изгнания из Гистиеотиды кадмейцами дорийцы поселились у Пидна и назывались теперь македнами. Отсюда это племя снова переселилось в Дриопиду, а оттуда прежде всего в Пелопоннес, где и приняло имя

---

[36] Эта женщина раскрыла покушение мачехи Креза погубить его отравленным хлебом.

[37] Руководящая роль Лидии в малоазийской торговле и щедрые дары Креза в дельфийский храм были причиной того, что дельфийские жрецы прославляли царя как любимца богов и толкнули на борьбу с Персией, предвещая победу. После же покорения Лидии Дельфы изменили свою политику и советовали грекам не сопротивляться персам (см.: С. Я. Лурье. История, с. 184).

[38] Этот почетный декрет взят Геродотом из документального источника (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 28, 30).

дорийцев.

57. На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне (они некогда были соседями племени, которое ныне называется до-убийцами, и обитали тогда в стране, теперь именуемой Фессалиотида), и затем – по тем пеласгам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте и оказались соседями афинян, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который они принесли с собой после переселения в эти края.

58. Что до эллинского племени, то оно, по-моему, с самого начала всегда говорило на одном и том же языке. До своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен. Итак, по крайней мере до соединения с эллинами, как я думаю, племя пеласгов, пока оно было варварским, так никогда и не стало значительной народностью.

59. Из этих двух народов, как я узнал, аттический народ был расколот и подавлен междоусобными смутами. Писистрат, сын Гиппократа, в то время был тираном в Афинах. Этому-то Гиппократу, когда он как простой гражданин присутствовал на Олимпийских играх, было явлено великое знамение: при жертвоприношении стоявшие там котлы с мясом и водой закипели без огня и вода полилась через край. Лакедемонянин Хилон, как раз случившийся при этом и видевший знамение, дал совет Гиппократу прежде всего не брать себе в дом жену, рожающую детей. А если он уже женат, то отпустить жену; если даже у него есть сын, – то отказаться от сына. Гиппократ же отверг совет Хилона. После этого у него родился сын – упомянутый выше Писистрат. У афинян же шли в то время распри между обитателями побережья (предводителем их был Мегакл, сын Алкмеона) и равнинными жителями (во главе с Ликургом, сыном Аристолаида). Писистрат, тогда уже помышлявший о тирании, создал третью партию. Он набрал приверженцев и, открыто став вождем партии гиперакриев[39], придумал вот какую хитрость. Он изранил себя и своих мулов и затем въехал на повозке на рыночную площадь, якобы спасаясь от врагов, которые хотели его избить, когда он ехал по полю. Писистрат просил народ дать ему охрану. Он уже ранее отличился как полководец в войне с мегарцами, завоевав Нисею и совершив другие замечательные подвиги. Народ же афинский позволил себя обмануть, предоставив ему телохранителей из числа горожан: они были у Писистрата не копьеносцами, а дубинщиками, сопровождая его с деревянными дубинами. Во главе с Писистратом они-то и восстали и захватили акрополь. Тогда Писистрат стал владыкой афинян. Он не нарушил, впрочем, порядка государственных должностей и не изменил законов, но управлял городом по существующим законоустановлениям, руководя государственными делами справедливо и дельно.

60. Вскоре, однако, после этого приверженцы Мегакла[40] и Ликурга объединились и изгнали Писистрата. Таким-то образом Писистрат в первый раз овладел Афинами, и так лишился своей тирании, которая еще не глубоко

---

[39] Иначе диакриев. Писистрат опирался на крестьян, жителей северовосточной Аттики. Вся экономическая политика Писистрата была направлена на защиту интересов беднейшего крестьянства (С. Я. Лурье. История, с. 154).

[40] Мегакл - глава афинского знатного рода Алкмеонидов - стоял во главе городских ремесленников и торговцев. Алкмеониды имели основные торговые интересы в Малой Азии и потому быяи сторонниками персо-фильской политики (С. Я. Лурье. История, с. 159).

укоренилась. Между тем враги Писистрата, изгнавшие его, вновь начали распри между собой. Попав в затруднительное положение, Мегакл послал вестника к Писистрату. Он предложил ему свою дочь в жены и в приданое – тиранию. Писистрат принял предложение, согласившись на эти условия. Для возвращения Писистрата они придумали тогда уловку, по-моему, по крайней мере весьма глупую. С давних пор, еще после отделения от варваров, эллины отличались большим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий, и все же тогда эти люди [Мегакл и Писистрат] не постеснялись разыграть с афинянами, которые считались самыми хитроумными из эллинов, вот какую штуку[41]. В Пеонийском доме[42] жила женщина по имени Фия ростом в 4 локтя без трех пальцев и вообще весьма пригожая. Эту-то женщину в полном вооружении они поставили на повозку и, показав, какую она должна принять осанку, чтобы казаться благопристойной, повезли в город. Затем они отправили вперед глашатаев, которые, прибыв в город, обращались по их приказанию к горожанам с такими словами: "Афиняне! Примите благосклонно Писистрата, которого сама Афина почитает превыше всех людей и возвращает теперь из изгнания в свой акрополь!". Так глашатаи кричали, обходя улицы, и тотчас по всем демам прошел слух, что Афина возвращает Писистрата из изгнания. В городе все верили, что эта женщина действительно богиня, молились смертному существу и приняли Писистрата.

61. Придя таким образом снова к власти, Писистрат по уговору с Мегаклом взял себе в жены его дочь. Но так как у него были уже взрослые дети, а род Алкмеонидов, к которому принадлежал Мегакл, как считали, был поражен проклятием, то Писистрат не желал иметь детей от молодой жены[43] и потому общался с ней неестественным способом. Сначала жена скрывала это обстоятельство, а потом рассказала своей матери (в ответ на ее вопросы или же по собственному почину), а та – своему мужу. Мегакл же пришел в страшное негодование за то, что Писистрат так его обесчестил. В гневе он снова примирился со своими [прежними] сторонниками. А Писистрат, узнав, что затевается против него, удалился из города и вообще из Аттики[44]. Прибыв в Эретрию, он стал совещаться со своими сыновьями. Верх одержало мнение Гиппия о том, что следует попытаться вновь овладеть верховной властью. Тогда они [Писистрат и сыновья] стали собирать добровольные даяния от городов, которые были им чем-либо обязаны. Многие города предоставили Писистрату большие суммы денег, но фиванцы превзошли всех денежными дарами. Одним словом, через некоторое время после этого все было готово для их возвращения в Афины. И действительно, из Пелопоннеса прибыли аргосские наемники, из Наксоса также приехал добровольно ревностный приверженец [Писистрата] по имени Лигдамид с деньгами и людьми.

62. Так вот, Писистрат и его сторонники выступили из Эретрии и на одиннадцатом году своего изгнания снова прибыли в Аттику[45]. Первое место, которое они захватили там, был Марафон. Во время их стоянки [в Марафоне] к ним присоединились не только сторонники из [самого] города Афин, но также стали стекаться и другие люди из демов, которым тирания была больше по душе, чем

---

[41] Геродот и Аристотель видели в триумфальном вступлении Писистрата в Афины с девушкой, изображавшей богиню Афину Эргану (покровительницу городских ремесленников), простое одурачивание афинян. В действительности же актер, игравший роль бога, воспринимался как воплощение бога (см.: С. Я. Лурье. История, с. 152).

[42] Демы - округа в Аттике.

[43] Писистрат не желал иметь детей от дочери Мегакла, чтобы не навлечь на свое потомство родовое проклятие, тяготевшее над Алкмеонидами (см.: С. Я. Лурье. История, с. 152, примеч. 2).

[44] Обычно принимают двукратное изгнание Писистрата, но теперь большинство ученых считает, что здесь имеем дело с дублированием одного и того же изгнания (см.: С. Я. Лурье. История, с. 151, примеч. 3).

[45] Возможно, что число лет изгнания Писистрата Геродот взял из городской хроники Афин.

теперешняя свобода. Так [тиран и его сторонники] собирали свои силы. Афиняне же в городе вовсе не думали о Писистрате, пока тот только собирал средства, и даже после занятия Марафона. Услышав о выступлении Писистрата из Марафона на Афины, только теперь горожане двинулись против него. Все городское ополчение вышло против возвратившихся изгнанников. Когда Писистрат со своими людьми, выйдя из Марафона, напал на Афины, оба войска сошлись у святилища Афины Паллены и там расположились станом друг против друга. Тут-то предстал Писистрату прорицатель Амфилит[46] из Акарнании и по божественному внушению изрек ему в шестистопном размере следующее пророчество:

Брошен уж невод широкий, и сети раскинуты в море,
Кинутся в сети тунцы среди блеска лунного ночи.

63. Такое предсказание изрек вдохновенный прорицатель. А Писистрат понял смысл изречения и, объявив, что принимает оракул[47], повел свое войско на врага. Афинские же горожане как раз в это время дня завтракали, а после завтрака одни занялись игрой в кости, а другие легли спать. Тогда Писистрат с войском напал на афинян и обратил их в бегство. Когда противники убежали, Писистрат придумал хитрый способ, чтобы воспрепятствовать бегущим вновь собраться и чтобы заставить войско рассеяться. Он велел своим сыновьям скакать на конях вперед. Настигая бегущих, сыновья Писистрата предлагали от имени отца ничего не бояться и разойтись всем по домам.

64. Афиняне так и сделали. Таким-то образом Писистрат в третий раз завладел Афинами. Он упрочил свое господство сильными отрядами наемников и денежными сборами как из самих Афин, так и из области на реке Стримоне[48]. Он взял затем заложниками сыновей тех афинян, которые сопротивлялись и не сразу бежали, и переселил их на Наксос (Писистрат завоевал Наксос и отдал его во владение Лигдамиду). Кроме того, он "очистил" по повелению оракула остров Делос. А сделал Писистрат это вот как: он велел выкопать всех покойников, погребенных в пределах видимости, из храма и перенести отсюда в другую часть Делоса[49]. И Писистрат стал тираном в Афинах; что же до афинян, то одни [его противники] пали в борьбе, а другим вместе с Алкмеонидами пришлось уйти в изгнание из родной земли.

65. Таково было в то время положение дел в Афинах. Напротив, лакедемоняне, как узнал Крез, избежали великих бедствий и теперь уже одолели тегейцев. Ведь при спартанских царях Леонте и Гегесикле лакедемоняне побеждали во всех других войнах, но только в одной войне с тегейцами терпели поражение. Прежде у лакедемонян были даже почти что самые дурные законы из всех эллинов, так как они не общались ни друг с другом, ни с чужеземными государствами. Свое теперешнее прекрасное государственное устройство они получили вот каким образом. Ликург, знатный спартанец, прибыл в Дельфы вопросить оракул. Когда он вступил в святилище, Пифия тотчас же изрекла ему вот что:

Ты притек, о Ликург, к дарами обильному храму,
Зевсу любезный и всем на Олимпе обитель имущим,
Смертный иль бог ты? Кому изрекать прорицанье должна я?
Богом скорее, Ликург, почитать тебя нужно бессмертным.

---

[46] Прорицатели пользовались в то время в Афинах большим влиянием.

[47] Предсказание оракула (или прорицателя) не всегда безусловно исполняется: его можно принять или отвергнуть. Так, Писистрат принимает прорицание Амфилита, т. е. это значит, что он нашел правильное его истолкование. Напротив, Гиппарх в ночь перед убийством, увидев сон, предсказавший ему несчастье, отверг предсказание, т. е. старался неправильно его понять (см.: M. P. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion. I. Munchen, 1955.S.165).

[48] Здесь имеются в виду доходы с серебряных лаврийских рудников в Аттике и с рудников на р. Стримоне во Фракии (у Эйона и Амфиполя).

[49] "Очищение" о. Делоса, национальной святыни ионийского племени, Писистрат произвел, чтобы снискать милость дельфийского бога, который (в лице жрецов) санкционировал его владычество в Афинах.

По словам некоторых, Пифия, кроме этого предсказания, предрекла Ликургу даже все существующее ныне спартанское государственное устройство. Не, как утверждают сами лакедемоняне, Ликург принес эти нововведения [в государственный строй] Спарты из Крита. Он был опекуном своего племянника Леобота, царя Спарты. Как только Ликург стал опекуном царя, то изменил все законы и строго следил, чтобы их не преступали. Затем он издал указы о разделении войска на эномотии[50], установил триакады[51] и сисситии[52]. Кроме того, Ликург учредил должность эфоров[53] и основал совет старейшин [геронтов][54].

66. Так-то лакедемоняне переменили свои дурные законы на хорошие, а после кончины Ликурга воздвигли ему храм и ныне благоговейно его почитают. Так как они жили в плодородной стране с многочисленным населением, то скоро достигли процветания и изобилия. И действительно, они уже больше не довольствовались миром: убедившись в превосходстве над аркадцами, лакедемоняне вопросили дельфийский оракул: могут ли они завоевать всю Аркадскую землю. Пифия же изрекла им в ответ вот что:

Просишь Аркадию всю?
Не дам тебе: многого хочешь!
Желудоядцев-мужей обитает в Аркадии много,
Кои стоят на пути. Но похода все ж не возбраняю.
Дам лишь Тегею тебе, что ногами истоптана в пляске,
Чтобы плясать и поля ее тучные мерить веревкой.

Лакедемоняне, услышав такой ответ оракула, оставили все другие города Аркадии и пошли войной на тегейцев. С собой они взяли оковы в уповании хотя и на двусмысленный [ответ] оракула, так как твердо рассчитывали обратить в рабство тегейцев. В битве, однако, лакедемоняне потерпели поражение, и на тех, кто попал в плен к врагам, были наложены [те самые] оковы, которые они принесли с собой: пленники, как рабы, должны были, отмерив участок поля тегейцев мерной веревкой, обрабатывать его. Оковы же эти, наложенные на [лакедемонских] пленников, еще до сего дня сохранились в Тегее и висят на стенах храма Афины Алеи.

67. Так вот, в прежних войнах с тегейцами лакедемоняне постоянно терпели неудачи. Однако во времена Креза, когда царями Лакедемона были Анаксандрид и Аристон[55], спартанцы наконец одержали верх над ними, и вот как это произошло[56]. Из-за своих постоянных поражений лакедемоняне отправили послов в Дельфы вопросить [оракул], какое божество им следует умилостивить для победы над тегейцами. Пифия дала ответ: они должны перенести в Спарту останки Ореста, сына Агамемнона, [и тогда] одолеют тегейцев. Однако спартанцы не могли отыскать могилы Ореста, и [им пришлось] вновь отправить послов в Дельфы вопросить бога: "Где погребен Орест?". На вопрос послов Пифия ответила вот что:

Есть в Аркадии град Тегея на низкой равнине.
Веют там ветры (их два), гонимые силой могучей.
[Слышен] удар, отраженный ударом, и беда возлежит над бедою...
Сын там Атрида сокрыт земли жизнетворной на лоне.

---

[50] Эномотии в спартанском войске - подразделение из 25-36 человек, связанных взаимной клятвой.

[51] Триакады - подразделения из 30 человек.

[52] Сисситии- совместные трапезы у спартанцев.

[53] Эфоры - коллегия из 5 человек, выбиравшаяся на один год. Первоначально они выполняли, по-видимому, судейские функции, а позднее - функции надзора и контроля. Они узурпировали даже часть царской власти.

[54] Совет старейшин (или герусия) - из 28 членов. Вместе с двумя царями совет был высшим органом власти в Спарте.

[55] Соответственно делению дорийцев на два племени - гиллеев и диманов у них было два вождя (царя), которые стояли во главе двух отрядов войска.

[56] Описываемые здесь события падают, вероятно, на вторую половину VI в. до н.э.

Прах его перенесешь и станешь владыкой Тегеи.

Однако и после этого ответа оракула лакедемоняне все-таки не могли найти могилы, несмотря на все усилия, пока не нашел ее Лих, один из так называемых агатоергов[57] в Спарте. Эти-то агатоерги – старейшие граждане числом пять – ежегодно выходят из сословия всадников. В течение того года, когда они выходят из всаднического сословия, они должны быть наготове постоянно выполнять обязанности послов в разных местах для Спарты.

68. Среди этих-то людей был некто Лих. Он и отыскал в Тегее [могилу Ореста], отчасти случайно, отчасти хитростью. В то время у лакедемонян с тегейцами было перемирие. Лих зашел в кузницу посмотреть, как куют железо, и дивился искусству [кузнеца]. Кузнец заметил его удивление и, прекратив работу, сказал: "Друг-лаконец! Ты дивиться, как искусно обрабатывают железо. Но вот если бы тебе довелось увидеть то же, что мне, то как бы ты сильно удивился! Я хотел выкопать у себя во дворе колодец и, копая, наткнулся на гроб 7 локтей длины. Не веря, однако, чтобы люди когда-нибудь были больше нынешних ростом, я открыл гроб и увидел, что покойник действительно был одинаковой величины с гробом. Измерив гроб, я снова засыпал его землей". Так передавал ему кузнец то, что видел, а Лих обдумал эти слова. Ему пришло на мысль, что это и есть останки Ореста, о которых говорил оракул. Рассудил же Лих вот как: рассматривая два раздуваемых меха кузнеца, он решил, что это ветры, о которых говорил оракул; наковальня же и молот – это удар и ответный удар, а беда, возлежащая на беде,– выковываемое железо (это потому, думал он, что железо изобретено на беду человеку). Так рассуждая, Лих возвратился в Спарту и рассказал все, что случилось с ним. Лакедемоняне же обвинили его для вида в вымышленном преступлении и изгнали из города. Тогда Лих опять прибыл в Тегею и рассказал кузнецу о своей беде. Затем он просил отдать ему в наем двор, но кузнец сначала не соглашался. В конце концов Лиху удалось уговорить кузнеца. Он поселился потом на этом дворе, раскопал могилу и собранные кости привез в Спарту. С этого времени и всякий раз, когда дело доходило до столкновения, лакедемоняне неизменно оказывались гораздо сильнее [тегейцев]. И они покорили, таким образом, уже большую часть Пелопоннеса.

69. Все это Крез узнал и отправил послов в Спарту с дарами и предложением союза. Царь указал послам, что они должны говорить, а те по прибытии в Спарту сказали вот что: "Прислал нас Крез, царь лидийцев и других народов, и говорит вам так: "Лакедемоняне! Бог возвестил мне через оракул, чтобы я заключил союз с эллинами. Вы же, как я слышу, – самые могущественные люди в Элладе. Поэтому-то я по повелению оракула и обращаюсь к вам и желаю быть вашим другом и союзником без коварства и обмана"". Это Крез приказал объявить через своих послов, а лакедемоняне, которые уже слышали о прорицании, данном Крезу, обрадовались приезду лидийцев и заключили с ним освященный клятвой договор о дружбе и союзе, тем более что уже раньше Крез оказывал им некоторые услуги. Так, когда лакедемоняне послали с Сарды купить золото для статуи Аполлона, которая ныне стоит в Форнаке в Лаконии, Крез отдал им золото в дар[58].

70. Ради этого-то (а также и потому, что Крез предпочел их в качестве союзников всем прочим эллинам) лакедемоняне и заключили этот союз. Сами же они не только приняли предложение царя, но даже хотели сделать Крезу ответный подарок, если бы он того потребовал. Так лакедемоняне изготовили медную чашу для смешивания вина, украшенную снаружи по краям всевозможными узорами, огромных размеров, вместимостью на 300 амфор. Впрочем, эта чаша так и не попала в Сарды по причинам, о которых рассказывают двояко. Лакедемоняне передают, что на пути в Сарды чаша оказалась у острова

---

[57] Агатоерги - 5 членов спартанского корпуса из 300 всадников, которые ежегодно по возрасту выбывали из его состава и назначались послами за границу.

[58] Лидия была для греков того времени страной, откуда привозили золото. Лидийцы первыми стали чеканить золотую монету. Так же и персы (согласно древнеперсидским надписям) получали большую часть золота из Лидии.

Самоса. Самосцы же, узнав об этом, подплыли на военных кораблях и похитили ее. Сами же самосцы, напротив, утверждают: лакедемоняне, везшие чашу, прибыли слишком поздно и по пути узнали, что Сарды взяты [персами], а Крез пленен. Тогда они будто бы предложили продать эту чашу на Самосе, и несколько [самосских] граждан купили ее и посвятили в храм Геры. Возможно также, что люди, действительно продавшие чашу, по прибытии в Спарту объявили там, что их ограбили самосцы.

71. Так-то обстояло дело с чашей для смешивания вина. Крез же неправильно истолковал оракул и выступил в поход на Каппадокию, надеясь низвергнуть Кира и сокрушить персидскую державу. Во время приготовлений к походу на персов один лидиец дал царю такой совет (этот лидиец – имя его было Санданис – и прежде слыл благоразумным, а благодаря этому совету он и подавно прославился у лидийцев)[59]: "Царь! Ты собираешься в поход на людей, которые носят кожаные штаны и другую одежду из кожи; едят же они не столько, сколько пожелают, а сколько у них есть пищи, так как обитают в земле суровой. Кроме того, они не пьют вина, довольствуясь лишь водой. Нет у них ни смокв и никаких других полезных плодов. Если ты и одолеешь их, то что возьмешь у народа, лишенного всех благ? С другой стороны, подумай о том, чего ты можешь лишиться в случае поражения. Ведь, вкусив прелести нашей жизни, они так привяжутся к нам, что мы не сможем уже их изгнать [из нашей страны]. Я благодарю богов за то, что они не внушают персам мысль воевать с лидийцами!". Эти слова, впрочем, не убедили Креза. Я рассказываю это потому, что до покорения Лидии персы действительно вовсе не знали ни роскоши, ни богатства.

72. Каппадокийцев эллины называют сирийцами. А сирийцы эти до персидского владычества были подвластны лидийцам, а потом [подчинились] Киру. Границей же мидийского и лидийского царств была река Галис, текущая с Арменского горного [хребта] через Киликию; затем она протекает справа по области матиенов, а с левой стороны – по земле фригийцев. Минуя Фригию, река поворачивает на север и затем образует границу между сирийскими каппадокийцами на правом берегу и пафлагонцами – на левом. Таким образом, река Галис рассекает почти всю нижнюю часть Азии от моря, лежащего против Кипра, до Евксинского Понта. Это самое узкое место всей страны, и хороший пешеход пройдет этот путь за 5 дней.

73. А начал Крез войну с Каппадокией вот почему: во-первых, из страсти к земельным приобретениям (он стремился присоединить и эту область к своим владениям), а главным образом потому, что, доверяя изречению оракула, желал отомстить Киру за Астиага[60]. Кир, сын Камбиса, победил Астиага, сына Киаксара, царя мидян и шурина Креза. Астиаг же стал шурином Креза вот как. Орда мятежных скифов-кочевников переселилась в Мидийскую землю. Царем же мидян в то время был Киаксар, сын Фраорта, внук Деиока. Царь сначала дружественно принял этих скифов, так как они пришли просить убежища, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука. Однако по прошествии некоторого времени вышло так, что скифы, которые постоянно занимались охотой и всегда добывали дичь, ничего не убили. Когда они вернулись с пустыми руками, Киаксар (человек, очевидно, вспыльчивый) обошелся с ними весьма сурово и оскорбительно. Получив такое незаслуженное оскорбление от Киаксара, скифы решили разрубить на куски одного из мальчиков, бывших у них в обучении. Затем, выпотрошив, как обычно потрошат дичь, подали на стол Киаксару как охотничью добычу. После этого скифы хотели немедленно бежать в Сарды к Алиатту, сыну Садиатта. Так это и произошло: Киаксар и его гости отведали этого мяса, а скифы

---

[59] Рассказ о предостережении Крезу мудрого Санданиса возник среди состоятельных слоев местного населения. В греческих рассказах предостережения Крезу делались греческими мудрецами - Солоном, Биантом или Питтаком (ср. 127,32). Политический смысл рассказа: нападение нелепо, если нападающий находится на вершине материального благополучия (ср.: А. И. Доватур. Стиль, с. 141).

[60] См. выше.

отдались под защиту Алиатта.

74. Так как Алиатт, несмотря на требования Киаксара, не захотел выдать скифов, то у лидийцев с мидянами началась война. Пять лет длилась эта война, причем верх одерживали то мидяне, то побеждали лидийцы и однажды – даже в какой-то ночной битве. Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило[61]. Когда лидийцы и мидяне увидели, что день обратился в ночь, то прекратили битву и поспешно заключили мир. Посредниками [при этом] были киликиец Сиеннесий и вавилонянин Лабинет. Они-то и добились, чтобы лидийцы и мидяне принесли клятву примирения и скрепили ее заключением брака. Они убедили Алиатта выдать замуж свою дочь Ариенис за Астиага, сына Киаксара. Ведь без таких родственных уз мирные договоры обычно непрочны. Скрепленные же клятвой договоры эти народы заключают так же, как и эллины, и, кроме того, слегка надрезают кожу на руке и слизывают друг у друга [выступившую] кровь.

75. Этого-то Астиага, своего деда по матери, Кир низложил. Причины этого я расскажу в последующем рассказе. За это Крез упрекал Кира и послал вопросить оракул: идти ли ему войной на персов. И, даже получив двусмысленный ответ, Крез истолковал его в свою пользу и пошел войной на персидские владения. Подойдя к реке Галису, Крез, как я по крайней мере думаю, переправил свое войско по существующему теперь мосту. Эллины же обычно рассказывают, что переправил войско Креза через реку Фалес Милетский. [Как передают эллины], царь был в затруднении, как ему перевести войско через реку, потому что теперешнего моста в то время еще не существовало. Фалес же, который, как говорят, находился в стане Креза, сумел сделать так, что река потекла не только с левой стороны войска, но и с правой. Устроил же Фалес это так: он велел прокопать выше стока глубокий канал в виде полумесяца так, чтобы река обходила стан с тыла. Отклоняясь этим путем по каналу от старого русла, река затем снова проходила мимо стана и потом опять возвращалась в старое русло. Таким образом, после разделения реки на два рукава оба они стали проходимыми. Некоторые даже утверждали, что старое русло тогда совершенно пересохло, чему я, впрочем, не верю. Как же тогда на обратном пути они снова могли перейти реку?

76. Так вот, Крез, перейдя с войсками Галис, прибыл в так называемую Птерию в Каппадокии[62] (Птерия – весьма сильно укрепленное место в этой стране – лежит приблизительно около Синопы, города на Евксинском Понте). Там царь разбил свой стан и начал опустошать поля сирийцев. Город птерийцев он захватил, а жителей продал в рабство. Он взял также все окрестные города, а ни в чем не повинных жителей-сирийцев изгнал. А Кир собрал свое войско, присоединив к нему воинов всех народностей, через земли которых он проходил, и пошел в поход на Креза. Еще до своего выступления Кир послал вестников к ионянам побудить их к отпадению от Креза. Ионяне, однако, отказались. Когда Кир с войском прибыл, он разбил свой стан против [стана] Креза. Здесь, на Птерийской земле, персы и лидийцы померялись своими силами. Сеча была жестокой, и с обеих сторон пало много воинов. В конце концов ни той, ни другой стороне не удалось одержать

---

[61] Это солнечное затмение произошло 28 мая 585/4 г. до н.э. Геродот же взял другое затмение, именно 30 сентября 610 г., и поэтому отодвинул на 25 лет смерть Гигеса и включил в число исторических фактов свидания Креза с Солоном, Питтаком и Алкмеоном (В. В. Струве. Этюды, с. 98). Таким образом, неправильная датировка событий в Малой Азии и Греции VII - VI вв. до н.э. обусловлена не субъективными религиозно-моральными воззрениями Геродота, а неправильной датировкой предсказанного Фалесом солнечного затмения (В. В. Струве. Этюды, с. 100).

[62] Описание похода Креза на каппадокийских сирийцев показывает, что Крез думал только об экспансии на Черноморское побережье. Но так как каппадокиицы были подвластны Киру, то дело дошло до войны с Киром.

победы, и с наступлением ночи противники разошлись.

77. Так сражались оба войска друг с другом. Крез же считал свое войско слишком малочисленным (и действительно, оно значительно уступало численностью войску Кира). На следующий день Кир не возобновил битвы, и Крез с войском отступил к Сардам. Он хотел призвать на помощь своих союзников-египтян (с Амасисом, царем Египта, Крез заключил союз еще раньше, чем с лакедемонянами). Крез собирался отправить послов и к вавилонянам, также бывшим с ним в союзе (царем Вавилона был тогда Лабинет). Наконец, Крез велел сообщить лакедемонянам, чтобы те явились на помощь в условленное время. Собрав все эти вспомогательные боевые силы и объединив их со своим войском, Крез по окончании зимы, в начале весны, намеревался выступить против персов. Таковы были его замыслы. По прибытии в Сарды царь послал вестников к союзникам, предлагая собраться на пятый месяц в Сарды. Войско же свое, состоявшее из наемников, которое сражалось с персами, он распустил по домам. Крез ведь вовсе не ожидал, что Кир после столь нерешительной битвы пойдет [прямо] на Сарды.

78. Пока Крез обдумывал эти свои замыслы, все окрестности города внезапно наполнились змеями. С появлением змей кони бросили пастбища и поедали змей. Это явление Крез счел божественным знамением, как это и было в действительности. Тотчас царь отправил послов к тельмесским толкователям знамений. Послы прибыли к тельмессцам и узнали смысл этого чудесного знамения. Но им не пришлось уже передать ответ Крезу: ибо не успели они отплыть в Сарды, как Крез был уже взят в плен. Тельмессцы же истолковали знамения так: Крезу следует ожидать нападения чужеземного войска на свою страну. Войско это придет и истребит туземных жителей. Ведь змея, говорили они, – дитя родной земли, конь же – нечто враждебное и чуждое ей. Такой ответ дали тельмессцы [послам] Креза, вовсе ничего не ведая о Сардах и об участи самого Креза, бывшего тогда в плену.

79. А Кир, лишь только узнал после битвы при Птерии об отступлении Креза и о том, что тот намерен распустить свое войско, то решил как можно скорее идти на Сарды, пока лидийцы не успели снова собрать войска. Этот свой замысел Кир быстро привел в исполнение. Он совершил вторжение с войском в Лидию и сам явился вестником к Крезу. Крез оказался в весьма затруднительном положении, так как ход событий оказался совершенно иным, чем он предполагал. Тем не менее царь повел своих лидийцев в бой. В то время не было в Азии народа, сильнее и отважнее лидийцев. Они сражались верхом на конях[63], вооруженные копьями, и были прекрасными наездниками.

80. Так вот, оба войска сошлись на большой, лишенной растительности равнине перед городом Сардами. Через эту равнину протекало много рек, и среди них Гилл[64], впадающий в самую большую реку под названием Герм. Герм берет начало со священной горы Матери Диндимены и впадает в море у города Фокеи. Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарпага поступил вот так: всех вьючных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших за войском, Кир велел согнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил все остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь

[63] Ядром лидийского войска была прекрасная конница.

[64] Упоминание р. Гилла позволяет думать, что решительная битва произошла не при Сардах, а к северу от Магнесии.

рассчитывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад и надежды Креза рухнули. Но все же лидийцы и тут не потеряли мужества. Когда они заметили происшедшее, то соскочили с коней и стали сражаться с персами пешими. Наконец после огромных потерь с обеих сторон лидийцы обратились в бегство. Персы оттеснили их в акрополь и начали осаждать [Сарды].

81. Так-то лидийцы были осаждены, а Крез, рассчитывая на долгую осаду, отправил из города новых послов к своим союзникам. Прежние послы были посланы к союзникам с приказанием собраться в Сарды на пятый месяц, а на этот раз они просили немедленной помощи, так как Крез был в осаде.

82. Среди других союзников Крез отправил послов также и в Лакедемон. В это время у самих спартанцев была война с аргосцами за область под названием Фирея. Эта Фирея, собственно, была частью Арголиды, но лакедемоняне завладели ею. Аргосцам принадлежали также материковая область на запад вплоть до Малеев, затем остров Кифера и другие острова. Аргосцы прибыли на защиту своей земли, захваченной [спартанцами]. Здесь они вступили в переговоры со спартанцами и сошлись на том, что с каждой стороны вступят в бой по 300 воинов. Спорная же область останется за победителями. Остальные бойцы обеих сторон должны были возвратиться домой и не участвовать в битве, для того чтобы в случае поражения своих они не вмешались в схватку. Условившись так, оба войска удалились, а оставшиеся отборные бойцы вступили в схватку. Однако силы противников оказались настолько равными, что после боя из всех 600 воинов осталось в живых только трое: у аргосцев Алкенор и Хромий, а у лакедемонян – Офриад. Этих только и застала в живых наступившая ночь. Тогда двое аргосцев, считавшие себя победителями, поспешили в Аргос, а лакедемонянин Офриад снял с павших аргосцев доспехи и отнес их в стан спартанцев, а затем оставался на поле битвы, как бы удерживая свое место [в строю]. На следующий день оба войска прибыли на поле боя узнать об исходе битвы. Сначала победу приписывали себе обе стороны: одни говорили, что у них осталось больше людей в живых, другие же объявляли противников беглецами, [утверждая], что их воин не покинул поля битвы и даже снял доспехи с павших противников. Наконец после долгих споров они вновь бросились в рукопашную схватку. Несмотря на огромные потери с обеих сторон, победителями все же остались лакедемоняне. С этого времени аргосцы стали коротко стричь себе волосы (прежде, по обычаю, они отращивали длинные волосы). Они даже ввели закон и изрекли проклятие, чтобы ни один аргосец не смел отращивать себе длинные волосы и ни одна женщина – носить золотых украшений, пока Фирея не будет отвоевана. Лакедемоняне же, напротив, установили законом отныне носить длинные волосы (до этого они коротко стригли их). Передают, что единственный, оставшийся в живых из 300 лакедемонян, Офриад, стыдясь возвратиться в Спарту, так как все его соратники пали, лишил себя жизни в Фирее.

83. Таковы в то время были дела у спартанцев, когда прибыл к ним посол из Сард с просьбой о помощи Крезу. Выслушав посла, лакедемоняне все же решили отправить помощь царю. Но когда все уже было готово и корабли снаряжены к отплытию, пришло другое известие о том, что город лидийцев взят и сам Крез захвачен в плен. Это великое несчастье заставило лакедемонян отложить поход.

84. Сарды же были взяты персами вот как[65]. На четырнадцатый день осады Кир отправил всадников к своему войску и объявил, что щедро наградит первого взошедшего на стену города. После неудачного первого приступа, когда все остальные воины уже отступились, некий мард по имени Гиреад сделал попытку подняться на стену в том единственном месте акрополя, которое не охранялось. С этой стороны нельзя было когда-нибудь опасаться штурма, так как здесь скала акрополя круто спускалась вниз и была совершенно неприступной. Только в одном

---

[65] Город Сарды не был обнесен стенами. Персы осаждали только городской кремль (акрополь).

этом месте древний царь Сард Мелес не обнес льва[66], которого ему родила наложница (хотя тельмессцы предсказали ему, что Сарды будут неприступны, если льва обнесут вокруг стен). Мелес же приказал обнести льва вокруг остальной стены, где крепость была легко уязвимой для нападения. Это же место он оставил незащищенным, так как оно было неприступное и обрывистое [по природе]. Эта часть города обращена к Тмолу. Этот-то мард Гиреад увидел накануне, как какой-то лидиец спустился здесь с акрополя за упавшим шлемом и поднял его наверх. Гиреад заметил это место и затем сам поднялся здесь на стену, а за ним и другие персы. После того как большой отряд воинов оказался на стене, Сарды были взяты и весь [нижний] город разрушен.

85. Самого Креза постигла вот какая участь: был у него еще сын, о котором я упоминал уже раньше, весьма одаренный юноша, но немой. Прежде, в счастливую пору своей жизни, Крез сделал все возможное для исцеления ребенка. Так, пытаясь помочь сыну, царь, между прочим, отправил послов в Дельфы вопросить оракул о сыне. Пифия дала ему вот какой ответ:

Многих народов властитель, о мидянин, Крез неразумный! Не пожелай ты услышать вожделенного лепета сына В доме твоем: лучше б навеки устам его быть неотверстым! В оный ведь день, для тебя роковой, возгласит он впервые!

При взятии акрополя какой-то перс, не узнав Креза, бросился на царя и хотел уже умертвить его. Крез заметил нападающего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Когда же глухонемой сын увидел перса, устремившегося на отца, он вдруг обрел от страха и горя дар речи и произнес: "Человек, не убивай Креза!". Это были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить.

86. Так-то персы овладели Сардами и самого Креза взяли в плен живым[67]. Царствовал же Крез 14 лет, и 14 дней продолжалась осада [столицы], и, как предсказал оракул, он разрушил свою великую державу. Пленного Креза персы отвели к Киру. А Кир повелел сложить огромный костер и на него возвести Креза в оковах, а с ним "дважды семь сынов лидийских"[68]. Быть может, Кир хотел принести их в жертву как победный дар некоему божеству или же исполнить данный обет. Быть может, наконец, так как Киру было известно благочестие Креза, Кир возвел лидийского царя на костер, желая узнать, не спасет ли его от сожжения заживо какое-нибудь божество. Так поступил Кир, [по словам лидийцев]. А Крез, стоя на костре, все же в своем ужасном положении вспомнил вдохновенные божеством слова Солона о том, что никого при жизни нельзя считать счастливым. Когда Крезу пришла эта мысль, он глубоко вздохнул, застонал и затем после долгого молчания трижды произнес имя Солона. Кир услышал это и приказал переводчикам узнать у Креза, кого это он призывает, и те, подойдя, спросили его. Крез некоторое время хранил молчание, но затем, когда его заставили [говорить], сказал: "Я отдал бы все мои сокровища, лишь бы все владыки могли побеседовать с тем, кого я призываю". Так как ответ Креза был непонятен, то переводчики опять стали настаивать, [чтобы пленник объяснил свои слова]. Наконец, в ответ на настойчивые просьбы Крез рассказал о том, как однажды прибыл в его царство афинянин Солон. Он осмотрел все царские сокровища и презрел их. Крез передал затем Киру, как все сказанное Солоном сбылось. Солон ведь говорил это не столько о самом Крезе, сколько вообще о

---

[66] Рассказ о льве Мелеса - местный лидийский; к нему добавлен персидский рассказ, героем которого был мард Гиреад (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 85). Лев - геральдическое животное Сард (быть может, древний тотем), изображается на лидийских монетах. Он был атрибутом божества - хранителя Сард.

[67] Взятие Сард персами произошло в 546 г. до н.э. Рассказ об этом заимствован из персидской традиции (А. И. Доватур. Стиль, с. 92).

[68] Сожжение Креза на костре - это скорее самосожжение. Крез приносит себя в жертву богу солнца Аполлону, который затем тушит костер. Вместе с Крезом возведены на костер "дважды семь" юношей (семь - священное число). На древних вазах сохранилось изображение Креза, сидящего на костре и приносящего жертвы.

человеческой жизни, и именно о людях, которые сами себя почитают счастливыми. Так рассказывал Крез, а костер между тем загорелся и уже пылал. А Кир, услышав от переводчиков рассказ Креза, переменил свое решение. Царь подумал, что и сам он все-таки только человек, а хочет другого человека, который до сих пор не менее его был обласкан счастьем, живым предать огню. К тому же, опасаясь возмездия и рассудив, что все в человеческой жизни непостоянно, Кир повелел как можно скорее потушить огонь и свести с костра Креза и тех, кто был с ним. Однако попытки потушить костер оказались тщетными.

87. И вот (так передают лидийцы), когда Крез заметил раскаяние Кира и увидел напрасные старания всех затушить пламя костра, он громко воззвал к Аполлону. Крез молил бога: если богу были угодны его [Креза] жертвоприношения, то пусть он придет на помощь и спасет от настоящей беды. Так Крез слезно молил, призывая Аполлона. И вот тотчас средь ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер[69]. Тогда-то Кир понял, что Крез – человек, любезный богам и благочестивый. Он повелел Крезу сойти с костра и обратился к пленнику с такими словами: "Крез! Кто из людей убедил тебя идти войной на мою землю и стать мне врагом вместо друга?". А Крез отвечал: "Я поступил так, царь, тебе во благо и на горе себе. Виновник же этого эллинский бог, который побудил меня к войне. Ведь нет [на свете] столь неразумного человека, который предпочитает войну миру. В мирное время сыновья погребают отцов, а на войне отцы – сыновей. Впрочем, такова, должно быть, была воля богов".

88. Так говорил Крез, а Кир повелел снять с него оковы, усадил рядом с собой, оказывая [пленнику] величайшую честь. При этом и сам Кир, и вся его свита смотрели на Креза с удивлением. Крез же, погруженный в раздумье, молчал. Затем он оглянулся и, увидев, как персы разоряют город, сказал: "Царь! Надо ли ныне поведать тебе мои думы или я должен молчать?". Кир приказал пленнику смело говорить, что хочет. Тогда Крез спросил царя: "Что делает здесь эта орда [воинов] с такой яростью?". Кир отвечал: "Они грабят город и расхищают твои сокровища". Крез же возразил на это: "Нет! Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня больше ничего: они расхищают твое достояние".

89. Слова Креза внушили Киру беспокойство. Царь приказал свите удалиться и обратился с вопросом к пленнику: "Какую опасность Крез видит для него, Кира, в происходящем?". Крез отвечал: "Боги сделали меня твоим рабом, и я считаю долгом сказать тебе нечто такое, что другие не замечают. Персы, будучи по натуре непокорными, бедны. Если ты позволишь им грабить и овладеть великими сокровищами, то вот что из этого выйдет: кто из них больше всего награбит, тот (ты можешь ожидать этого) поднимет против тебя восстание. Если тебе угодно послушаться меня, то поступи так: поставь у всех ворот стражу по несколько твоих телохранителей; пусть они отнимают добычу у тех, кто ее выносит, говоря, что десятую часть следует посвятить Зевсу. Тогда они не только не возненавидят тебя за то, что ты силой отнимаешь у них добычу, но, признав справедливость твоих действий, даже добровольно отдадут ее".

90. Услышав это, Кир весьма обрадовался, так как совет показался ему превосходным. Осыпав Креза похвалами, царь приказал телохранителям исполнить совет и затем обратился к пленнику с такими словами: "Крез, ты умеешь говорить и действовать, как подобает царственному мужу. Проси у меня какой хочешь милости, и я тотчас же окажу тебе ее". Крез отвечал: "Владыка! Ты окажешь мне величайшее благодеяние, позволив послать эллинскому богу, которого я чтил превыше всех других богов, вот эти оковы и спросить его: неужели у него в обычае обманывать своих друзей?". Кир спросил, в чем же Крез упрекает бога, обращаясь к нему [Киру] с такой просьбой. Тогда Крез снова рассказал все свои замыслы [о войне с персами] и ответ оракула, особенно упомянув о своих дарах богу. Затем поведал, как он по побуждению оракула

---

[69] Вмешательство божественных сил в ход исторических событий - довольно частый мотив у Геродота.

пошел войной на персов. Рассказ свой Крез опять закончил просьбой позволить ему укорить божество. Кир же со смехом отвечал: "Я исполню, Крез, и эту твою просьбу, и все, о чем бы ты меня ни попросил". Услышав эти слова, Крез отправил лидийских послов в Дельфы с приказанием возложить его оковы на пороге святилища и спросить, не стыдно ли было богу побуждать Креза прорицаниями к войне с персами, чтобы сокрушить державу Кира, отчего и получились такие вот "победные дары", и показать при этом на оковы. Послы должны были вопросить [бога] об этом, а также и о том, в обычае ли у эллинских богов проявлять неблагодарность.

91. Прибыв в Дельфы, лидийцы выполнили поручение. А Пифия, как передают, дала им вот какой ответ: "Предопределенного Роком[70] не может избежать даже бог. Крез ведь искупил преступление предка в пятом колене. Этот предок, будучи телохранителем Гераклидов, соблазненный женским коварством, умертвил своего господина и завладел его [царским] саном, вовсе ему не подобающим. Локсий же хотел, чтобы падение Сард случилось по крайней мере не при жизни самого Креза, а при его потомках. Но бог не мог отвратить Рока. Впрочем, все, что позволили богини Судьбы[71], Аполлон сделал и оказал услугу Крезу: бог ведь на три года отложил завоевание Сард; пусть Крез знает, что он попал в плен тремя годами позднее времени, предопределенного [Судьбой]. Во второй раз бог оказал Крезу помощь, когда тот горел [на костре]. Так же и на данное ему предсказание Крез жалуется несправедливо. Ведь Локсий предсказал: если Крез пойдет войной на персов, то разрушит великое царство. Поэтому, если бы Крез желал принять правильное решение, то должен был отправить послов вновь вопросить оракул: какое именно царство разумеет бог – его, Креза, или Кира. Но так как Крез не понял изречения оракула и вторично не вопросил его, то пусть винит самого себя. И смысл последнего изречения Локсия о муле Крез также не понял. Ведь этим мулом и был именно Кир, так как происходил от двух разных народов – от матери, более знатной, чем отец. Мать его была мидянкой, дочерью мидийского царя Астиага, а отец – перс, подвластный мидянам, будучи ниже ее во всех отношениях, взял супругой свою госпожу". Таков был ответ Пифии лидийцам, а те отнесли его в Сарды и объявили Крезу. Тогда Крез, выслушав изречение оракула, понял, что это его собственная вина, а не [вина] бога.

92. Такова история владычества Креза и первого покорения Ионии. Есть в Элладе еще и много других (кроме упомянутых) посвятительных даров Креза. Так, в Фивах в Беотии находится золотой треножник, посвященный Крезом Аполлону Исмению; в Эфесе – известные золотые коровы и большинство колонн [в храме] от него же; в храме Пронии[72], что в Дельфах, – большой золотой щит. Эти дары сохранились еще и по сей день, другие же пропали. Что до посвятительных даров Креза в Бранхидах в Милетской области, то они, как я слышал, одинакового веса и похожи на те, что в Дельфах. Дары Креза в Дельфы и в храм Амфиарая были его личным достоянием и составляли лучшую долю его отеческих сокровищ. Остальные принадлежали к имуществу его врага, против которого Крез боролся еще до вступления на престол, так как тот ревностно помогал Панталеонту захватить власть над лидийцами. Этот Панталеонт также был сыном Алиатта и братом Креза, но не единоутробным. Крез ведь был сыном Алиатта от жены кариянки, а Панталеонт – от ионянки. Когда Крез по воле отца стал царем, то приказал умертвить своего соперника, терзая его на "чесальном гребне"[73]. Имущество же его, которое Крез еще раньше обещал посвятить богам, Крез по

---

[70] Судьба (Рок) и кара богов за преступления привлекаются для объяснения широкого круга явлений: падение и гибель городов и царств, смерть политических деятелей, государственные перевороты, битвы, войны и пр.

[71] Богини Судьбы - Мойры, дочери Зевса и Фемиды. Их было три - Атропа, Клото и Лахесис.

[72] Т. е. в храме Афины Пронии, находящемся перед храмом Аполлона.

[73] "Чесальный гребень" - орудие пытки. В рассказе о расправе Креза со своим братом отражается эпизод борьбы между сторонниками и противниками греческой ориентации (см.: А. И. Доватур. Стиль, с.. 83).

воцарении принес в дар вышеуказанным образом в упомянутые храмы. О приношениях сказано достаточно.

93. Природными достопримечательностями, как другие страны, Лидия совсем не обладает, кроме, быть может, золотого песка, приносимого [течением] реки Тмола. Есть, правда, в Лидии одно сооружение, далеко превосходящее величиной все другие (помимо построек египтян и вавилонян). Это – могильный памятник Алиатта, отца Креза. Его основание состоит из огромных каменных плит, остальная же часть памятника – земляной курган[74]. Рыночные торговцы, ремесленники и девушки, "занимающиеся своим ремеслом на дому", соорудили этот памятник. На верху памятника помещены каменные плиты числом пять, существующие и поныне, с высеченными на них надписями, [гласящими], какая часть работы выполнена каждым из этих разрядов людей. При измерении оказалось, что большая часть работы произведена девушками. Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе приданое[75]. Делают же они это, пока не выйдут замуж, причем сами же выбирают себе мужа. Объем кургана составляет 6 стадий и 2 плефра, диаметр же 13 плефров. К кургану примыкает большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает. Называется оно Гигесовым. Таково это замечательное сооружение.

94. Нравы и обычаи лидийцев одинаковы с эллинскими, за исключением того, что лидийцы разрешают молодым девушкам заниматься развратом. Первыми из людей они, насколько мы знаем, стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монету и впервые занялись мелочной торговлей. Сами лидийцы утверждают, что и игры, которые ныне в ходу у них и у эллинов, – их изобретение. Лидийцы изобрели эти игры именно в то самое время, как говорят, когда выселились в Тирсению[76]. О себе они рассказывают так: при царе Атисе, сыне Манеса, во всей Лидии наступил сильный голод [от недорода хлеба]. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и [новой] родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю омбриков и построили там город, где и живут до сей поры. Они переименовались, назвав себя по имени сына своего царя [Тирсена], который вывел их за море, тирсенами. Лидийцы же на родине были порабощены персами.

95. Отныне речь у нас пойдет о Кире – кто был этот человек, разрушивший державу Креза, – и о том, как персы стали владыками Азии. Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впрочем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три. Ассирийское владычество над Верхней Азией продолжалось 520 лет[77]. Первыми от ассирийцев

---

[74] Описанный Геродотом курган существует еще и теперь.

[75] Речь идет о так называемой священной проституции, связанной с культом вавилонской богини Иштар.

[76] Здесь Геродот передает древнейшее известие о переселении этрусков в Италию. Даже в эпоху Римской республики, когда язык этрусков еще существовал, малоазийское происхождение их считалось общепризнанным.

[77] Ассирийская держава пала в 612 г. до н.э. Таким образом, возникновение ассирийского царства, по Геродоту, следует отнести ко времени незадолго до царствования Тиглатпеласара I (1116-1090 гг. до н.э.). Геродот пользуется здесь аккадскими источниками.

отпали мидяне. В освободительной борьбе они, мне думается, проявили доблесть и, свергнув рабство, обрели свободу. Примеру мидян последовали затем и прочие народности[78].

96. Едва, однако, все народности этого материка обрели независимость, как были снова порабощены. Произошло же это вот как. Жил в Мидии мудрый человек по имени Деиок[79], сын Фраорта. Этот-то Деиок страстно желал стать царем и сумел выполнить это свое желание вот как: мидяне жили тогда по деревням, и Деиок в своем [родном] селении уже и раньше пользовался уважением, а теперь старался еще усерднее соблюдать справедливость, отправляя правосудие. И так он поступал в то время, когда во всей Мидии царило великое беззаконие, хотя и знал, что кривда правде – всегда враг. Видя такие его качества, односельчане выбрали его судьей. И именно потому-то Деиок и был честным и праведным судьей, что стремился к царской власти. Этим он и заслужил у односельчан изрядную похвалу, и даже жители других селений (прежде ставшие жертвой несправедливости), прослышав, что Деиок – единственно праведный судья, с радостью приходили к нему для разбора своих тяжб, пока в конце концов не стали доверяться только ему одному.

97. Между тем [число] приходящих к Деиоку людей все увеличивалось, так как люди слышали, что он выносил справедливые приговоры. Тогда-то Деиок решил, что [теперь] все в его руках и отказался восседать [на судейском кресле], на котором он прежде судил народ. Он заявил, что вообще больше не будет творить суд, так как ему не выгодно, пренебрегая собственными делами, по целым дням разбирать чужие тяжбы. Между тем грабежи и беззакония в селениях пошли еще сильнее прежнего. Тогда мидяне собрались в одном месте для совещания о положении дел. При этом, как я думаю, приверженцы Деиока говорили примерно вот как[80]: "Не можем мы больше жить так, как [живем] ныне! Давайте изберем себе царя. Тогда в земле нашей воцарятся закон и порядок, и сами мы сможем вернуться к обычным делам, и беззаконие не заставит нас покинуть родину". Такими речами в общем они убедили друг друга и решили избрать царя.

98. Когда затем начали совещаться, кого же выбрать царем, то все стали настоятельно восхвалять и предлагать Деиока, пока наконец единодушно не избрали его на царство. Тогда Деиок повелел построить дворец, подобающий его царскому достоинству, и дать ему телохранителей. Мидяне же повиновались и воздвигли на указанном им самим месте большой и неприступный дворец [замок] и позволили набирать телохранителей по всей Мидии. По воцарении Деиок заставил мидян построить один [новый] город и защищать его; остальные же города покинуть на произвол судьбы. Мидяне исполнили и это его повеление, и Деиок воздвиг большой укрепленный город – нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго – черные, третьего – желто-красные, четвертого – темно-синие, пятого – сандаракового цвета[81]. Таким образом,

---

[78] К числу покоренных Ассирией народностей принадлежали вавилоняне, сирийцы, киликийцы, народности Урарту и Египет (до 669 г. до н.э.).

[79] Новелла о Деиоке решает вопрос о возникновении монархической власти: умный человек создает себе славу справедливейшего; затем, отойдя от дел, дает почувствовать народу контраст между его справедливой властью и воцарившейся анархией и, наконец, при содействии своих агентов получает власть, к которой он давно уже стремился (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 138). В 715 г. до н.э. Саргон II покорил мидийского царя Даиуку.

[80] Речи обычно сочинены самим историком, но в новеллах не принадлежат ему (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 190, примеч. 2).

[81] Сандараковый цвет - оранжево-красный (сандарак - сернистый мышьяк).

бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого – позолоченные.

99. Такие-то стены воздвиг Деиок вокруг своего дворца. Прочему же народу он повелел поселиться около стен. По окончании строительства [дворца] Деиок первым делом ввел вот какой порядок [дворцового церемониала]: никто не должен иметь непосредственного доступа к царю, но по всем делам сноситься с ним через слуг [вестников], лицезреть же самого царя [не дозволяется] никому. Кроме того, для всех без исключения считалось непристойным смеяться или плевать в присутствии царя. Таким величием Деиок окружил себя, чтобы оградиться от сверстников и друзей юности, происходивших из знатных семейств и не уступавших ему в доблести. Не видя его, они не будут завидовать или посягать на его жизнь, но, как он думал, будут считать его высшим существом.

100. Когда Деиок установил такие порядки и упрочил свою царскую власть, то строго соблюдал законность. Жалобы подавались царю в письменном виде. Он рассматривал их и отсылал обратно. Так поступал он с жалобами; в других же случаях царь завел вот какой порядок. Слыша о каком-нибудь преступлении, Деиок призывал к себе виновников и наказывал по заслугам. По всей стране были у него соглядатаи и наушники.

101. Так-то Деиок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Вот сколько мидийских племен[82].

102. У Деиока был сын Фраорт. После 53-летнего царствования Деиок скончался, и царство унаследовал Фраорт. Получив власть, Фраорт не удовольствовался владычеством над мидянами, но пошел войной на персов. Персы первыми подверглись его нападению и первыми подчинились мидянам. Властвуя над этими двумя и к тому же могущественными народами, Фраорт затем начал покорение Азии народ за народом. Наконец, он выступил в поход на ассирийцев (именно на тех, что владели Нином и прежде были владыками всей Азии, а теперь после отпадения своих союзников остались одни; у себя дома, впрочем, они были еще довольно могущественны). В этом-то походе пал и сам Фраорт после 22-летнего царствования, и погибла большая часть его войска.

103. После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Деиока, Киаксару. Этот Киаксар, по рассказам, был еще гораздо воинственнее своих предшественников и первым разделил азиатское войско на [боевые] отряды по родам оружия и каждому отряду – копьеносцам, лучникам и всадникам – приказал действовать самостоятельно. До этого все [войско] было перемешано в беспорядке. Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью. Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина, чтобы отомстить за отца и разрушить город. Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов[83] во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю.

104. От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии – не дальше, только между этими странами живет одна народность – саспиры. Минуя их, можно попасть в Мидию. Скифы во всяком случае вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, пошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа. Здесь-то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили

---

[82] Мидяне, по-видимому, в X-IX вв. до н.э. переселились из Бактрии и Согдианы, заняли северо-западную часть Ирана и покорили местное, неиндоевропейское население.

[83] Быть может, скифов изгнали из южнорусских степей киммерийцы, которые перешли Боспор и вторглись в Малую Азию. Скифы же через Дербентский проход по пути между Кавказом и Каспийским морем проникли в Мидию.

свое владычество по всей Азии.

105. Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании[84]. Как я узнал из расспросов, это святилище – самое древнее из всех храмов этой богини. Ведь святилище на Кипре основано выходцами оттуда, как утверждают сами киприоты, а храм в Кифере воздвигли финикияне, жители Сирии Палестинской. Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки "женским" недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев[85].

106. 28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили. Так мидяне восстановили прежнее величие своей державы и еще завоевали Нин (как они завладели городом, я расскажу в другой части моего труда)[86] и покорили ассирийцев[87], за исключением Вавилонской области. После этого скончался Киаксар. Царствовал он 40 лет (считая и годы скифского владычества).

107. Наследовал ему сын Астиаг. У Астиага родилась дочь, которую звали Манданой. Астиагу приснился сон, что дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царь вопросил снотолкователей-магов [о смысле] сновидения. Когда маги точно разъяснили ему [значение] сна, царь понял и устрашился. Затем, когда пришла пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его [по знатности] гораздо ниже среднего мидянина.

108. Как раз в первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем повелел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка. По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца[88]. Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения [младенца] Кира Гарпага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: "Гарпаг! Я даю тебе важное поручение. Выполни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитая интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине.

---

[84] Это был знаменитый храм филистимлян, посвященный Астарте (Иштар).

[85] Энареи (иранск. "анарья" - немужественный) - кастраты, гермафродиты - жрецы богини Иштар. Скифы во время вторжения в Сирию познакомились с культом богини Иштар.

[86] Ассирийские "логосы" Геродота до нас не дошли. Возможно, что Геродот их не успел написать.

[87] Завоевание ассирийского царства царем Мидии Киаксаром подтверждается табличками летописи царя Набупаласара (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 67). О царствовании Киаксара сведения Геродота противоречивы: по одному варианту (173), гибель скифов произошла перед войной Киаксара с Лидией, а по другому (1106) - она непосредственно предшествовала завоеванию Нина (Ниневии).

[88] Новелла о рождении и воспитании Кира взята Геродотом из легенд царского рода Ахеменидов. В действительности Кир был вассалом Астиага, восстал и низверг этого царя. Мотивы легенды о Кире напоминают легенду о Ромуле и Реме и др.

Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно". Гарпаг же отвечал: "Царь! Никогда и прежде у тебя не было повода быть недовольным мною, и впредь я будут остерегаться в чем-нибудь провиниться перед тобой. Если такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить".

109. Так ответил Гарпаг. Когда же ему передали младенца, уже обряженного в погребальную одежду, он с плачем вернулся домой. Там он передал жене все слова Астиага. Жена спросила: "Что же ты теперь будешь делать?". Гарпаг отвечал: "Я, конечно, не собираюсь выполнять приказания Астиага, и даже если царь будет еще более безрассуден и ослеплен безумием, чем теперь, то я все-таки не исполню его поручения и не буду соучастником столь ужасного убийства. По разным причинам я не хочу губить ребенка. Прежде всего потому, что младенец мне родственник, затем – Астиаг уже старик и нет у него мужского потомства. Если после кончины царя престол перейдет к его дочери, сына которой он теперь приказывает мне умертвить, то разве нам не грозит смертельная опасность? Впрочем, безопасности ради надо умертвить этого младенца, но убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, но не мои люди".

110. Так сказал Гарпаг и тотчас же послал вестника к одному пастуху-волопасу Астиага, который, как он знал, пас коров на горных пастбищах, где много диких зверей. Звали пастуха Митрадат. Жил он там с женой, которая также была рабыней Астиага. Имя ее на эллинском языке было Кино, а по-мидийски Спако ("собака" по-мидийски спако). Пастбища же, где пас свои стада этот пастух, находились у подножья горы к северу от Акбатан по направлению к Евксинскому Понту. Только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия – плоская равнина. Когда пастух поспешно прибыл на зов, Гарпаг сказал ему вот что: "Астиаг приказал тебе взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб. При этом царь велел сказать тебе еще вот что: "Если ты не умертвишь ребенка, а как-нибудь его спасешь, то тебя ожидает самая лютая казнь". Смотреть же за тем, что младенец действительно подкинут, поручено мне".

111. Выслушав приказ, пастух взял на руки ребенка и тем же путем вернулся в свою хижину. В это время жена его, со дня на день ожидавшая разрешения от бремени, по воле случая родила как раз тогда, когда муж ушел в город. Оба тревожились друг за друга: муж страшился [исхода] родов жены, а жена беспокоилась [о том], зачем это Гарпаг послал за ее мужем (чего никогда раньше не бывало). Когда же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, неожиданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарпаг? А муж отвечал: "Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было никогда случиться у наших господ. Весь дом Гарпага оглашался рыданиями. В испуге я все же вошел в дом. А лишь только я вступил туда, как увидел младенца, трепещущего и кричащего. На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние. Завидев меня, Гарпаг велел тотчас же взять с собой ребенка и оставить в горах, где полно диких зверей. Гарпаг добавил, что таково повеление Астиага, присовокупив страшные угрозы, если я не выполню царского приказа. Я взял ребенка на руки и понес, думая, что это дитя кого-нибудь из слуг. Ведь я никогда бы не догадался, чей это ребенок на самом деле. Я дивился только золотым украшениям и роскошной одежде младенца. Да и громкий плач и стенания в доме Гарпага поразили меня. Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!".

112. С этими словами пастух распеленал младенца и показал жене. А жена, лишь только увидела, какой это рослый и миловидный ребенок, в слезах бросилась к ногам мужа, заклиная его никоим образом не оставлять младенца. Муж, однако,

ответил, что не может поступить иначе: ведь придут соглядатаи Гарпага проверить и за ослушание царского приказа его предадут мучительной смерти. Не убедив мужа, жена на худой конец решила снова обратиться к нему с такими словами: "Я не могу уговорить тебя не оставлять ребенка, но уж если людям обязательно нужно видеть, что ребенок брошен, то сделай вот так: я ведь также родила, но мертвого ребенка. Его-то ты возьми и выставь на съедение диким зверям, а младенца дочери Астиага давай воспитаем, как нашего родного сына. Таким образом, и тебя не уличат в ослушании, и нам от этого будет неплохо. Ведь наше умершее дитя будет погребено по-царски, а живое останется в живых".

113. Пастух решил, что жена в данном случае совершенно права и тотчас последовал ее совету. Осужденного на смерть младенца, которого принес с собою, он отдал жене, а своего собственного мертвого ребенка положил в корзину, в которой нес царского младенца. Затем, обрядив мертвого в одежды царского младенца, пастух отнес его в самое уединенное место в горах и там оставил. Спустя три дня пастух отправился в город, оставив на месте сторожить одного из своих подпасков. Придя в дом Гарпага, он сказал, что может показать труп ребенка. А Гарпаг послал туда осмотреть труп младенца своих самых верных телохранителей и затем велел похоронить дитя пастуха. Его-то и похоронили, а другого ребенка, впоследствии названного Киром, взяла на воспитание жена пастуха и дала ему какое-то другое имя, а не Кир.

114. Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как. Ребенок играл как раз в том селении, где стояли в своих хлевах быки. Играл же он с другими сверстниками на дороге. И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Одному мальчику велел быть "оком царя"[89], другому приказал сообщать царю новости: каждому он поручил особую должность. Один из ребят – участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал в город к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киром (конечно, не называя его Киром, так как ведь тогда он еще не носил этого имени, а "сыном Астиагова волопаса"). Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном. "Царь, – сказал он, – вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын волопаса!". И при этом он показал плечи своего сына [со следами побоев].

115. Астиаг, услышав это и увидев [следы побоев], приказал послать за волопасом и его сыном (из уважения к Артембару царь хотел дать удовлетворение его сыну). Когда оба они пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал: "Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?". Мальчик же ответил так: "Господин! Я поступил с ним так по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни (а среди них был и этот вот мальчик) во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не обращал внимания [на приказы], пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!".

116. После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Черты лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для [сына] раба. Да и время, когда был выброшен [на съедение диким зверям] его внук, по-видимому, совпадало с возрастом мальчика. От ужаса Астиаг некоторое время оставался безмолвным. Едва придя наконец в себя, царь объявил, что желает допросить пастуха с глазу на глаз и для этого отослал Артембара. "Артембар, – сказал он, – я постараюсь дать тебе и твоему сыну полное удовлетворение". Так царь отпустил Артембара, а Кира по его приказанию слуги

---

[89] "Оком" и "ушами" царя назывались чиновники при дворе персидского царя, выполнявшие полицейские функции.

ввели во внутренние покои дворца. Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и кто его передал ему. Пастух сказал, что это его ребенок, мать которого еще и теперь живет при нем. Астиаг отвечал пастуху, что было бы неразумно ему подвергаться страшным пыткам, и тотчас же подал знак телохранителям схватить пастуха. Под пыткой пастуху пришлось сознаться во всем. Он сначала правдиво рассказал, как это произошло, и закончил мольбами о милости и прощении.

117. После признания пастуха Астиаг перестал обращать на него внимание, но, перенеся теперь свой яростный гнев на Гарпага, велел телохранителям призвать его. Когда Гарпаг предстал перед ним, царь сказал: "Гарпаг! Как ты тогда умертвил младенца – сына моей дочери, которого я тебе передал?". Гарпаг же заметил, что пастух находится во дворце, и [потому] не пошел на ложь [из страха] быть уличенным, но сказал вот что: "Царь! Когда я взял младенца, я начал обдумывать, как исполнить твою волю, оставаясь пред тобой невиновным, и не стать убийцей в глазах твоей дочери и перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить. И эти мои слова, конечно, были чистой правдой. Ведь таково было твое повеление. При этом я отдал младенца с приказанием оставить его на пустынной горе и сторожить там, пока дитя не умрет. Я грозил пастуху страшными карами за ослушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных мне слуг-евнухов проверить [исполнение приказа] и затем похоронил его с их помощью. Таковы, царь, обстоятельства этого дела и такой смертью умер младенец".

118. Так-то Гарпаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам-де он рад, что все обошлось благополучно. "Я очень страдал, – сказал, между прочим, царь, – из-за того, что причинил этому мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть [ко мне] собственной дочери. А теперь, так как все сложилось к лучшему, пришли твоего сына [поиграть] к нашему "новопришлому"[90] внуку. Сам же ты приходи ко мне на пир, так как я хочу принести за спасение ребенка благодарственную жертву богам, которым подобает эта честь".

119. Услышав эти слова, Гарпаг пал к ногам царя. Он был на верху блаженства оттого, что, несмотря на его провинность, все обошлось так благополучно и ради такого радостного события он даже приглашен на пир. Затем Гарпаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына (его единственному сыну было что-то около 13 лет от роду) и велел ему исполнить все приказания царя. Сам же он с великой радостью рассказал жене обо всем происшедшем. Между тем, лишь только сын Гарпага пришел [во дворец] к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь [труп] на куски. Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове. Когда же наступило время пира, среди других приглашенных явился и Гарпаг. Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей – рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине). Когда Гарпаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что получил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарпагу открыть [ее] и взять оттуда все, что пожелает. Гарпаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище, однако, не смутило Гарпага, и он не потерял самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарпаг отвечал, что знает и что все, что ни сделает царь, ему [должно быть] мило. С такими словами он собрал

---

[90] Гомеровское слово. Гомеризмы Геродота - одна из особенностей устных ионийских рассказов, перешедших вместе с этими рассказами в "Историю" Геродота (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 180, примеч. 5).

остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле.

120. Так-то Астиаг наказал Гарпага. Затем царь призвал на совет об участи Кира тех же самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. Маги явились, и Астиаг вновь спросил их о значении сна. Они же повторили сказанное ими в первый раз: если бы мальчик преждевременно не умер, а остался в живых, то безусловно стал бы царем. Астиаг же возразил им: "Мальчик не умер, он жив. Когда он жил в деревне, то деревенские ребятишки выбрали его царем. При этом он вел себя совершенно так, как настоящие цари, окружив себя телохранителями, привратниками, вестниками и прочими слугами, как и подобает царю. Что же это предвещает, по вашему мнению?". Маги отвечали: "Если мальчик жив и даже стал царем вовсе без умысла [так что никто и не подозревал этого], то не страшись и не беспокойся: ведь во второй раз он уже не будет царем. Даже некоторые прорицания оракулов [иногда] сводятся к пустякам и всевозможные сны подчас вовсе не имеют значения". Астиаг же отвечал так: "Я, маги, такого же мнения: раз мальчик [однажды] уже (хотя и по имени только) был царем, то сновидение сбылось и мне уже больше нечего опасаться. Но все же прошу вас хорошо обдумать и посоветовать мне, что следует делать для безопасности моего дома и вашей". На это маги ответили так: "Царь! И для нас ведь весьма важно, чтобы престол остался за тобой. Если же он перейдет к этому персидскому мальчику, то попадет в чужие руки, и мы, мидяне, станем рабами, а персы будут нас презирать, как чужеземцев. Но пока царем остаешься ты, наш единоплеменник, и мы также участвуем в правлении и в великом почете у тебя. Поэтому-то у нас все основания стоять за тебя и за твою власть. И если бы мы предвидели грозящую тебе опасность, то все бы откровенно высказали. Но так как сновидение оказалось пустяковым, то мы теперь и сами ничего не страшимся и тебе советуем оставить страхи. Убери этого мальчика с глаз долой и отправь к родителям в Персию".

121. Услышав такой совет магов, обрадованный Астиаг призвал Кира и сказал ему вот что: "Дитя! Я обидел тебя из-за [лживого сновидения], которое не исполнилось, но велением Рока ты остался жив. Теперь здравым отправляйся в Персию, а я дам тебе провожатых. Там ты найдешь отца и мать – не таких, как волопас Митрадат и его жена".

122. С этими словами Астиаг отпустил Кира. А когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его и, узнав, [откуда и кто он], осыпали поцелуями (они ведь думали, что он тогда сразу же был умерщвлен). Затем они стали расспрашивать сына, каким образом он остался в живых. А он рассказал им, что прежде ничего не знал [о своем происхождении] и даже имел о нем ложные представления. Только по дороге сюда он узнал всю свою горькую участь: сам же он считал себя сыном Астиагова пастуха, но в пути спутники рассказали ему все; воспитала его, по его словам, жена пастуха. Рассказывая свою историю, Кир непрестанно восхвалял ее: он только и говорил, что о Кино. Родители же подхватили это имя и, для того чтобы спасение сына казалось персам еще более чудесным, распространили слух, что подброшенного Кира вскормила собака[91]. От этой-то Кино и пошло это сказание.

123. Между тем Кир возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников. Все любили его. И Гарпаг, который горел желанием отомстить Астиагу, также старался войти в доверие к Киру. Он посылал Киру подарки за подарками, подстрекая к мщению. Гарпаг понимал, что один он, будучи простым гражданином, не может отомстить Астиагу. Поэтому, видя, что Кир уже подрастает, Гарпаг выбрал юношу в союзники, так как Кир ведь претерпел одинаковые с ним несчастья. Сперва Гарпаг поступил так: он завязал отношения со всеми знатными мидянами, побуждая их свергнуть царя (Астиаг ведь был суровым владыкой мидян) и поставить царем Кира. Когда Гарпагу удалось склонить [знать] на свою сторону и все было готово, он решил сообщить свой

---

[91] Собака у иранцев была посвящена верховному богу Ахурамазде и считалась священным животным.

замысел Киру. Кир же находился в Персии, и так как все дороги охранялись, а иным путем нельзя было передать весть, то Гарпаг придумал вот какую хитрость. Он искусно приготовил зайца, а именно распорол ему живот, не повредив шкуры, и затем вложил туда грамоту, в которой объяснил свой замысел. Потом он снова зашил живот зайца и послал зверя в Персию с одним из самых преданных слуг, дав ему охотничью сеть, как охотнику. На словах же он велел передать, чтобы Кир вскрыл [живот] зайца собственноручно и без свидетелей.

124. Слуга выполнил это приказание Гарпага, и Кир, получив зайца, распорол ему живот. Там Кир нашел послание, взял его и стал читать. А в послании говорилось так: "Сын Камбиса! Боги хранят тебя. Иначе ведь они не уготовали бы тебе такой счастливой доли. Отомсти же Астиагу, твоему убийце! Ведь его-то умыслом ты был предан смерти и только по воле богов и благодаря мне остался жив. О своих собственных несчастьях ты, я думаю, конечно, уже давно узнал, и не только о том, что Астиаг причинил тебе, но также и мне [за то, что] я не умертвил тебя, а отдал пастуху. Теперь же, если ты только меня послушаешь, вся Астиагова держава будет твоей. Убеди персов восстать и выступай в поход на мидян. И если Астиаг в войне против тебя поставит меня военачальником или другого кого-нибудь из знатных мидян, то ты достигнешь желанной цели. Ведь они первыми перейдут на твою сторону и будут стараться низложить Астиага. Итак, здесь все готово, и поэтому послушайся моего совета и действуй поспешно".

125. Прочтя вслух это послание, Кир стал обдумывать способ, как бы похитрее склонить персов к измене Астиагу. Обдумывая же, он решил, что лучше всего сделать так: записав то, что он задумал, в послании, он созвал народное собрание персов. Затем он раскрыл послание, прочитал его, объявив персам, что Астиаг назначил его военачальником. В своей речи Кир, между прочим, сказал: "Теперь, персы, я приказываю всем вам явиться, вооружившись серпом". Так приказывал Кир. Племен персидских много. Кир собрал часть из них и убедил отложиться от мидян. Вот эти племена, от которых зависят все остальные: персы, пасаргады, марафии, маспии. Из них самые благородные – пасаргады, к которым принадлежит также род Ахеменидов (откуда произошли персидские цари). Другие персидские племена – это панфиалеи, дерусиеи, германии. Все упомянутые племена занимаются земледелием, прочие же – даи, марды, дропики – кочевники[92].

126. Когда все они явились с упомянутым серпом, то Кир приказал за день расчистить определенный участок земли (известная часть Персидской земли площадью приблизительно 18 или 20 стадий была покрыта колючим кустарником). По окончании этой тяжелой работы Кир приказал на следующий день явиться снова, предварительно вымывшись. Между тем Кир велел собрать в одно место всех коз, овец и коров своего отца, заколоть их и приготовить угощение для персидского войска. Кроме того, он заготовил большое количество вина и хлеба. На следующий день, когда персы явились, Кир предложил им, расположившись на лугу, угощаться. После пиршества Кир спросил персов: какой день им больше понравился – вчерашний или сегодняшний. "Между этими днями есть, конечно, большое различие, – отвечали они,– ведь вчерашний день принес нам только невзгоды, а сегодня – все прекрасно". Подхватив эти слова, Кир открыл персам все свои замыслы и сказал: "Персидские воины! Дело обстоит вот как: если вы пожелаете следовать за мною, то у вас будут и эти блага, и еще в тысячу раз больше. Если же не захотите, то вас ожидает бесконечный подобный вчерашнему тяжкий труд. Поэтому следуйте за мною и обретете свободу. Я рожден, как я верю, по воле богов взять на себя дело вашей свободы. Я думаю, что вы ничуть не уступаете мидянам во всем прочем и в особенности как воины. Поэтому вам следует как можно скорее отложиться от Астиага".

127. Отныне персы обрели вождя и были рады избавлению от мидийского ига. Уже давно ведь мидийское владычество было им ненавистно. Астиаг же, когда

---

[92] Некоторые из упомянутых народностей, например даи, только впоследствии были покорены Киром. По Беросу, Кир пал (530 г. до н.э.) в битве с даями, кочевавшими на р. Оксусе (совр. Амударья).

узнал о таких приготовлениях Кира, отправил к нему вестника с приказанием явиться к себе. А Кир велел вестнику объяснить царю, что прибудет к нему раньше, чем тому будет угодно. Услышав такой ответ, Астиаг призвал весь мидийский народ к оружию и назначил военачальником Гарпага (бог ведь помрачил ум царя, и он предал забвению все, что сам причинил Гарпагу). Когда мидяне выступили в поход и начали битву с персами, то сражалась лишь одна часть войска, не причастная к заговору, другая добровольно перешла на сторону персов, большинство же воинов, изменив своему долгу, трусливо обратилось в бегство.

128. Так-то мидийское войско позорно рассеялось. Астиаг же, узнав о поражении, грозно воскликнул: "Все равно! Несдобровать же Киру!". Затем царь велел сначала посадить на кол снотолкователей-магов, которые убедили его пощадить Кира, а потом велел, чтобы все оставшиеся в городе мидяне – стар и млад – взялись за оружие. С этим войском Астиаг сам выступил против персов, но в битве потерпел поражение. Сам царь был при этом взят в плен, а мидийское войско уничтожено[93].

129. Тогда Гарпаг подошел к пленному Астиагу и стал злорадно издеваться над несчастным. Обращаясь к пленнику с язвительными словами, между прочим, спросил его: что такое для него потеря владычества по сравнению с тем пиром, когда он, Астиаг, предложил на угощение ему, Гарпагу, мясо его же сына. За это-то злодеяние он, Астиаг, и стал теперь из царя рабом. Астиаг же посмотрел на Гарпага и в свою очередь заметил: не приписывает ли Гарпаг себе деяние Кира. А Гарпаг возразил, что он сам написал Киру об этом, [побуждая его к восстанию], и потому по справедливости – это его заслуга. Тогда Астиаг стал приводить доводы в доказательство того, что Гарпаг глупейший и самый негодный человек на свете. Самый глупый – потому что возложил царский венец на другого, хотя мог бы сам стать царем (если, действительно, как он уверяет, переворот – дело его рук). Самый же негодный оттого, что "из-за своего пиршества" он сделал мидян рабами. Если уж непременно нужно было кого-нибудь другого облечь царской властью вместо него, Астиага, то справедливее было бы по крайней мере предоставить эту честь мидянину, а не персу. Отныне же ни в чем не повинные мидяне стали из господ рабами, а персы – прежние рабы – теперь владыки.

130. Итак, Астиаг после 35-летнего царствования лишился власти. Из-за его жестокости мидянам пришлось подчиниться персам. Владычество же мидян над Азией по ту сторону Галиса продолжалось 128 лет, исключая время господства скифов[94]. Впоследствии мидяне раскаялись в том, что покорились персам и подняли восстание против Дария. Однако они потерпели поражение в битве и вынуждены были вновь подчиниться. Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией. Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и восшествия Кира на престол. Затем Кир победил также и Креза, который, как я уже сказал, первым напал на него. Так-то после победы над Крезом Кир стал владыкой Азии.

131. Что до обычаев персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари [богам] у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу[95] они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом[96].

---

[93] Это сообщение подтверждается летописью вавилонского царя Набонида: Астиаг был выдан Киру его собственными восставшими воинами.

[94] Данные Геродота о времени господства мидян восходят к аккадским источникам. Основание мидийского царства относится к 671 г., а его падение - к 553 г. до н.э.

[95] Геродот отождествляет греческого Зевса с персидским Ахурамаздой (мудрый владыка).

[96] Эти слова напоминают одно место из гат (песней Авесты), по которому Мазда "несет мощные небеса подобно одеяниям" (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 117).

Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам[97]. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, а персы – Митра)[98].

132. Этим-то богам персы совершают жертвоприношения вот как. Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня[99]. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенного ячменя. Если кто-нибудь пожелает принести жертву указанным богам, то приводит жертвенное животное в "неоскверненное" место и призывает бога, причем чаще всего украшает свою тиару[100] миртовыми ветвями. Приносящему жертву не дозволяется просить о даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам. Затем он разрезает жертву на части и варит мясо, а потом подстилают самую свежую траву (чаще всего – трилистник) и кладет на нее мясо. Тогда подходит маг с песнопением "теогонии"[101], как они называют это заклинание. Ведь без мага совершать жертвоприношение у них не положено. Через некоторое время приносящий жертву уносит мясо домой и поступает с ним, как ему вздумается.

133. Самым большим праздником у персов признается день рождения каждого человека. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. Люди богатые тогда подают на стол целиком зажаренного в печи быка[102], коня, верблюда или даже осла, а бедные выставляют лишь голову мелкого рогатого скота. Обеденных яств у них немного, зато в изобилии подаются десертные блюда одно за другим. Поэтому персы утверждают, что эллины встают из-за стола голодными, так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавался десерт, то они бы ели не переставая. Персы – большие любители вина. В присутствии других людей у них не принято извергать пищу и мочиться. Эти обычаи персы строго соблюдают. За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает [на утверждение] гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю[103].

134. При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц. Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем –

---

[97] Перечисленные здесь божества: солнце (Митра), луна (Магх), земля (Зам), огонь (Атар), вода (Ап), ветер (Вата) принадлежат древней арийской религии. Поклонение этим божествам сохранила и религия Заратуштры.

[98] Геродот смешивает здесь бога солнца Митру с богиней воды Анаитой. В пограничной вавилонско-иранской области рано произошло смешение Анаиты с богиней Иштар, что, по-видимому, указывает на то, что осведомитель Геродота происходил оттуда.

[99] В культе Ахурамазды священный огонь считался вечным, и поэтому персы "не возжигают огня" (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 120).

[100] Головной убор персов в виде усеченного конуса.

[101] При жертвоприношении маг пел гату (песнь из Авесты), содержание которой Геродот совершенно произвольно сопоставляет с эллинской теогонией (поэмой о происхождении богов).

[102] Слухи о таких обильных угощениях персов были распространены в Греции еще в V в. до н. э. (см.: Аристофан. Ахарняне, с. 86).

[103] Здесь речь идет о ритуальных, а не о бытовых оргиях. Опьяняющий напиток "хаома", который употребляли персы, должен делать "знающими" участников оргии (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 26). В Авесте опьянение "зла-тоцветной хаомой" дарует "всестороннее знание".

более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными. Во время владычества мидян один народ также господствовал над другим, а мидяне – над всеми, а также и над своими ближайшими соседями; эти же последние – опять над своими соседями и т. д. Так же и персы [ныне] оценивают народы. Ведь этот народ постепенно распространял свое влияние сначала непосредственно, а затем с помощью других народов.

135. Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи. Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками. У каждого перса много законных жен, а, кроме того, еще больше наложниц.

136. Главная доблесть персов – мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с пяти до двадцатилетнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. До 5-летнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения[104].

137. Я одобряю этот обычай, хвалю также и тот, что у них даже и сам царь не имеет права казнить человека за один определенный проступок, да и вообще никто из персов не может казнить своих слуг за единичное преступление. Только если по зрелому размышлению он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него[105]. По утверждению персов, у них не было случаев убиения родного отца или матери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконнорожденных детей или подкидышей: ведь совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын.

138. О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее – по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать. Кто из горожан страдает проказой или белыми лишаями, тот не входит в город и не вступает в сношения с другими персами. Эти недуги персы приписывают какому-нибудь греху человека по отношению к Солнцу. Всякого чужеземца, страдающего этими недугами, они изгоняют из своей страны. По этой же причине многие убивают также белых голубей[106]. В реку персы не мочатся и не плюют; рук они и сами не моют в реке и никому другому не позволяют этого делать. К рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением.

139. Вот еще с какой своеобразной особенностью приходится встречаться у персов, которой сами они не замечают, а для нас она, разумеется, ясна. Собственные имена их, по значению соответствующие их телесной силе и величию, все оканчиваются на одну и ту же букву, которую дорийцы называют сан, а ионяне – сигма. На эту-то букву оканчиваются не только некоторые их имена, а решительно все[107], как это можно обнаружить при ближайшем рассмотрении.

---

[104] Подобное же известие о воспитании юношей содержится в надгробной надписи Дария I (В. В. Струве. Этюды, с. 84).

[105] В Накширустемской надписи Дария царь требует тщательно обсудить, кто подлинный враг, а кто нет (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 82).

[106] Белые голуби были посвящены Иштар. Персы считали их носителями проказы.

[107] Очевидно, персидские имена были известны Геродоту лишь в греческой транскрипции.

140. Эти известия о персах я могу сообщить как безусловно достоверные. Напротив, сведения о погребальных обрядах и обычаях персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп перса предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. Они ведь делают это совершенно открыто. Во всяком случае персы предают земле[108] тело покойника, покрытое воском[109]. Маги[110] в значительной степени отличаются [одним своим обычаем] как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не убивают ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и летающих животных. Впрочем, пусть этот обычай существует, как он был искони, я же возвращусь к своему прежнему рассказу.

141. Тотчас после завоевания Мидии персами ионяне и эолийцы отправили вестников в Сарды к Киру. Они велели объявить ему, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рассказал им басню: "Какой-то флейтист увидел в море рыбу и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: "Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!"". Эту басню Кир рассказал ионянам и эолийцам потому, конечно, что те прежде отклонили предложение Кира отложиться от Креза, а теперь, когда все было уже кончено, изъявили готовность подчиниться Киру. Таков был ответ разгневанного Кира. Когда весть об этом пришла в ионийские города, то ионяне обнесли каждый город стеной и все, кроме милетян, собрались в Панионий (ведь только с одними милетянами Кир заключил союз на тех же условиях, что и мидийский царь). Остальные ионян единодушно решили послать вестников в Спарту с просьбой о помощи.

142. Эти-то ионяне, которым также принадлежит Панионий, основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, а вторые – от жары и засухи. Ионяне говорят не на одном языке, а на четырех различных наречиях[111]. Дальше всего к югу лежит Милет, затем идут Миунт и Приена. Эти города находятся в Карии, и жители их говорят на одном наречии. Напротив, следующие города расположены в Лидии: Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея. [В этих городах] также говорят на общем наречии, отличном от наречия вышеназванных городов. Кроме того, есть еще три ионийских города: два из них – на островах, именно Самос и Хиос, а один – Эрифры – на материке. Хиосцы и эрифрейцы говорят на одном наречии, самосцы же – на своем особом. Это и есть четыре ионийских наречия.

143. Итак, из этих ионян милетянам нечего было страшиться, так как они заключили союз с Киром. Впрочем, и островитянам не грозила [непосредственная] опасность: ведь персы еще не покорили финикиян, а сами они не были мореходами. От остальных ионян эти [азиатские] ионяне отделились потому лишь, что ионийское племя было самым слабым и незначительным среди вообще слабого

---

[108] Погребение в земле считалось у персов одним из способов почитания богини земли (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 144).

[109] Обмазывание тела покойника воском - вавилонский обычай, принятый персами. Тела персидских царей после бальзамирования помещались в саркофаги. Выставление трупов на растерзание диким зверям в это время было в обычае только у североиранских племен и у магов.

[110] Обычай магов оставлять трупы на растерзание зверям восходит к способу погребения каспиев (см.: Страбон XI, 9,3,8).

[111] Геродот говорит здесь о местных говорах отдельных местностей и городов. Они отличались от того ионийского диалекта, на котором писал Геродот.

еще тогда эллинского народа. Кроме Афин, вообще не существовало ни одного значительного ионийского города. Поэтому как остальные ионяне, так и афиняне избегали имени "ионяне", не желая называться ионянами. И поныне даже, как я думаю, многие из них стыдятся этого имени. А те двенадцать [азиатских] городов[112], напротив, гордились своим именем. Они воздвигли общее святилище, назвав его Панионий, и постановили не допускать туда других ионян (о чем, конечно, кроме смирнейцев, никто и не просил).

144. Точно так же и дорийцы[113] из нынешней области пятиградья (которая прежде называлась шестиградьем) не только запретили соседним дорийцам доступ в Триопийское святилище, но даже не допускали и своих сограждан участвовать [в религиозных обрядах] за непочтительность к храму. При состязаниях в честь Аполлона Триопийского они издревле, по обычаю, давали победителям в награду медные треножники. Победители, однако, не должны были брать с собой эти треножники из святилища, но посвящать их богу. Как-то раз победу одержал один галикарнассец по имени Агасикл, который пренебрег этим обычаем, унес треножник домой и повесил там на гвозде на стену. В наказание за это пять городов – Линд, Иалис, Камир, Кос и Книд – отстранили шестой город – Галикарнасс от участия [в религиозных обрядах]. Так наказали они этот город.

145. Так вот, ионяне, как я думаю, основали двенадцать городов и не пожелали больше никого допускать в свой союз вот по какой причине. Когда они жили еще в Пелопоннесе, у них, как и у ахейцев, которые их изгнали[114], было двенадцать городов. Ахейцы же еще и поныне занимают двенадцать областей [в Пелопоннесе]. Это, во-первых, Пеллена, лежащая близ Сикиона, затем Эгира и Эги (где течет неиссякающая река Крафис, по имени которой названа и река в Италии); потом Бура и Гелика (куда бежали ионяне после неудачной битвы с ахейцами), далее Эгий, Рипы, Патры, Фары и Олен (где течет большая река Пир); наконец, Дима и Тритеи – единственные из этих городов, расположенные внутри страны. Эти двенадцать областей теперь принадлежат ахейцам, а прежде были ионийскими.

146. По этой же причине ионяне и основали двенадцать городов. И было даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян. Добрую часть их составляют абанты с Евбеи, которые ничего общего не имеют даже в имени с ионянами. Кроме того, ионяне смешались с орхоменскими минийцами[115], с кадмейцами, дриопами, фокейцами, отделившимися [от своего народа], молоссами, пеласгическими аркадцами, дорийцами из Эпидавра и многими другими племенами. Те же ионяне, которые выступали прямо из афинского пританея и считали себя самыми благородными, не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили. Из-за этой-то резни [родителей] карийские женщины под клятвой ввели у себя обычай и передали своим дочерям: никогда не вкушать пищи вместе со своими мужьями и не называть мужей по имени за то, что те умертвили их отцов, мужей и детей, а затем взяли их в жены. Все это произошло в Милете.

147. Царями же одни из этих ионийских городов выбрали себе ликийцев, отпрысков Главка, сына Гипполоха, другие – кавконов из Пилоса, потомков Кодра,

---

[112] 12 ионийских городов возникли из 12 областных союзов ионян. У них было общее святилище в Панионии.

[113] 6 дорийских городов возникли из 6 дорийских областных союзов. Их общее святилище находилось на мысе Триопии у Книда.

[114] По Геродоту, дорийское переселение вынудило ахейцев отступить на север. Ахейцы вытеснили тогда ионян, живших у Патрасского залива, и заставили их переправиться в Малую Азию.

[115] Минийцы первоначально жили в Фессалии в области Иолка. Под давлением пеласгов (эолийцев) часть их двинулась на юг и основала Орхомен в Беотии. Другая часть заняла о. Лемнос, откуда их впоследствии изгнали пеласги. Тогда минийцы перешли в южную часть Пелопоннеса, но под натиском дорийцев вынуждены были отступить в горную область Тайгета.

сына Меланфа; иные, наконец,– потомков и того и другого. Конечно, они несколько более держались за свое имя [ионян], чем остальные ионяне, и их, пожалуй, все же можно назвать чистокровными ионянами. Впрочем, все они ионяне, поскольку происходят из Афин и справляют праздник Апатурий. Это празднество устраивают все ионяне, кроме эфесцев и колофонян. Это – единственные ионийские города, где не празднуют Апатурий, будто бы из-за какого-то убийства.

148. Панионий – это священное место на Микале, посвященное ионийским союзом Посейдону Геликонию (расположено оно на северной стороне горной цепи). Микале же – это мыс на западе [малоазийского] материка, напротив Самоса. Туда собирались ионийские города на праздник, названный ими Панионии. <Так обстоит дело не только с ионийскими празднествами, но и вообще все названия эллинских праздников, так же как и имена персов, оканчиваются на эту букву>[116].

149. Это – ионийские города. Эолийские же города вот какие: Кима, называемая также Фриконидой, Ларисы, Неон Тихос, Темнос, Килла, Нотий, Эгироесса, Питана, Эгеи, Мирина, Гриния. Это – одиннадцать древних эолийских городов. Один из них – Смирну – ионяне отняли у эолийцев. Первоначально ведь на [азиатском] материке было, [так же как и ионийских], двенадцать эолийских городов[117]. Эти эолийцы заняли область плодороднее ионийской, но не обладающую столь благодатным климатом.

150. Смирну же эолийцы потеряли вот каким образом. Жители Смирны дали убежище беглецам из Колофона, побежденным при восстании и изгнанным из своей родины. Впоследствии эти колофонские изгнанники воспользовались случаем, когда горожане справляли за городскими стенами праздник в честь Диониса, закрыли ворота и овладели городом. Остальные эолийцы поспешили на помощь городу, но заключили [с колофонскими изгнанниками] соглашение, по которому эолийцы оставили город, после того как ионяне отдали им домашнее имущество. Затем одиннадцать ионийских городов поделили между собой смирнейцев и даровали им гражданские права.

151. Это – эолийские города на [азиатском] материке, кроме поселений на Иде, которые составляют особую группу. Из островных городов пять находятся на Лесбосе (шестой город на Лесбосе – Арисбу – покорили мефимнейцы, хотя жители ее были их кровными родственниками). На Тенедосе есть также один город, а другой – на так называемых "Ста островках"[118]. Итак, лесбосцам и тенедосцам (так же как и островным ионянам) нечего было пока опасаться [персов]. Остальные эолийские города решили сообща во всем следовать ионянам.

152. По прибытии же в Спарту ионийских и эолийских послов (а они очень спешили) они выбрали своим представителем фокейского посла по имени Пиферм. Пиферм надел на себя пурпурное одеяние, чтобы спартанцев, если они услышат об этом, собралось бы как можно больше. Затем он выступил [в собрании лакедемонян] с длинной речью, прося помощи. Лакедемоняне даже не стали и слушать его, но решили отказать ионянам в помощи. Послы возвратились домой, а лакедемоняне, несмотря на отказ ионянам, все же послали 50-весельный корабль, как я думаю, чтобы наблюдать за ходом борьбы Кира с ионянами. По прибытии лакедемонского корабля в Фокею спартанцы отправили в Сарды самого уважаемого человека из своей среды по имени Лакрин объявить Киру от имени лакедемонян, что они не позволят ему разорить ни одного эллинского города.

153. После этих слов глашатая, как говорят, Кир спросил эллинов из своей свиты, что это за люди лакедемоняне и сколь они многочисленны, что осмеливаются говорить такие речи. Получив ответ, Кир сказал спартанскому глашатаю: "Я не страшусь людей, у которых посреди города есть определенное

---

[116] Фразу "так обстоит дело... оканчиваются на эту букву" некоторые ученые считают позднейшей вставкой.

[117] Эти 12 эолийских городов первоначально были племенными округами. Имена некоторых городов (например, Лариса) встречаются в Фесалии и в Малой Азии. Эолийцы переселились из Фессалии раньше ионян под натиском дорийцев.

[118] "Сто островков" - многочисленная группа островков между Лесбосом и материком.

место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы. Если я останусь жив, то им придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных". Эти презрительные слова Кир бросил в лицо всем эллинам за то, что у них покупают и продают на рынках (ведь у самих персов вовсе нет базарной торговли и даже не существует рынков). Затем Кир отдал город Сарды [в управление] персу Табалу, а золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить[119] лидийцу Пактию. Сам же он вместе с Крезом возвратился в Акбатаны, пока что не обращая никакого внимания на ионян. Ведь помехой Киру были Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне. Против этих-то народностей Кир и намеревался лично выступить в поход[120], а против ионян послать другого полководца.

154. После отъезда Кира из Сард Пактий поднял восстание против Табала и Кира и затем двинулся к морю, захватив с собой все золото из Сард. Ему удалось навербовать наемников и убедить жителей приморских [городов] присоединиться к походу. Потом Пактий направился в Сарды и осадил Табала, который заперся в акрополе[121].

155. Получив в пути весть об этих событиях, Кир сказал Крезу вот что: "Крез! Чем кончится все это? Лидийцы, видимо, не перестанут доставлять хлопот и беспокойства себе и другим. Я думаю, не лучше ли всего будет продать их в рабство? Я поступил, кажется, столь же глупо, как тот человек, который убил отца и затем оставил жизнь его детям. Так вот и я: веду в плен тебя, который был лидийцам даже больше, чем отец, а столицу оставил самим лидийцам, и после этого еще удивляюсь, что они восстали против меня!". Так Кир высказал, что у него было на душе, а Крез в страхе, что персидский царь разрушит Сарды, отвечал ему такими словами: "Царь! Ты совершенно прав, но все-таки не следует гневаться по всякому поводу и разрушать древний город, который совершенно неповинен ни в прежних, ни в теперешних событиях. Ведь за прошлое вина моя, и я поплачусь за это головой. Виновник же теперешнего восстания – Пактий, которому ты отдал Сарды. Его-то ты и покарай! А лидийцам окажи снисхождение. Для того же, чтобы они вновь не подняли мятежа и тебе не нужно было их опасаться, сделай так: пошли вестника и запрети им иметь боевое оружие[122] и прикажи носить под плащами хитоны и высокие сапоги на ногах. Затем повели им обучать своих детей игре на кифаре и лире и заниматься мелочной торговлей. И ты увидишь, царь, как скоро они из мужей обратятся в женщин, так что тебе никогда уже не надо будет страшиться восстания".

156. Крез дал Киру этот совет, полагая, что такая участь предпочтительнее лидийцам, чем продажа в рабство. Крез был убежден, что без веской причины нельзя заставить Кира изменить свое намерение. Он опасался также, как бы лидийцы, даже избежав на этот раз грозной опасности, вновь не восстали против персов и затем не были бы обречены на гибель. Кир, однако, очень обрадовался словам Креза, умерил свой гнев и сказал, что последует его совету. Затем царь велел призвать мидянина Мазареса и приказал передать лидийцам совет Креза. Кроме того, Кир повелел обратить в рабство всех, кто вместе с лидийцами пошел на Сарды, а самого Пактия непременно схватить и привести к нему живым.

---

[119] В подлиннике xomizein. Вместе со Штейном и Мищенко я перевожу "поручил хранить", а не "перевозить", как предлагает Пауэлл (J. E. Powell. A lexicon to Herodotus, s. v. xomizein).

[120] После завоевания лидийского царства Кир намеревался покорить Вавилон, бактрийцев, саков и египтян. Вавилон был взят в 539 г. Дата завоевания Бактрии неизвестна. Сатрапом Бактрии был поставлен Гистасп, отец царя Дария I. В 529 г. до н.э. Кир погиб в битве с саками-массагетами (скифами).

[121] Восстание Пактия охватило только Сарды и греческие приморские города. Остальная Лидия оставалась спокойной. Пактий опирался на греческих наемников (ср.: А. И. Доватур. Стиль, с. 88).

[122] Запрещение ливийцам носить оружие нельзя понимать буквально. Лидийская конница с тех пор исчезла, потому что был уничтожен общественный слой, который составлял ядро вооруженной силы независимой Лидии (ср.: А. И. Доватур. Стиль, с. 90).

157. Отдав эти приказания прямо с дороги, Кир затем двинулся далее в персидские пределы. Пактий же при вести о приближении высланного против него персидского войска в страхе бежал в Киму. Между тем мидянин Мазарес во главе части персидского войска направился в Сарды, но не нашел там уже сообщников Пактия. Прежде всего он заставил лидийцев подчиниться повелениям Кира, в силу чего лидийцам пришлось изменить весь уклад своей жизни. Затем Мазарес отправил вестника в Киму с требованием выдать Пактия. Кимейцы, однако, решили обратиться за советом к богу [в святилище] в Бранхидах. Там издревле было прорицалище, которое обычно вопрошали все ионяне и эолийцы. Местность же эта лежит в Милетской области выше гавани Панорма.

158. Итак, кимейцы отправили послов к Бранхидам[123] вопросить бога: как им поступить с Пактием, чтобы умилостивить богов. Послы вопросили бога и получили ответ: выдать Пактия персам. Услышав такое изречение оракула, кимейцы постановили выдать Пактия. Однако, когда народ уже собирался это сделать, Аристодик, сын Гераклида, один из уважаемых граждан, сумел удержать их от этого. Он усомнился в правильности изречения оракула, полагая, что послы говорят ложь. В конце концов кимейцы отправили других послов к оракулу вопросить о Пактии (среди них был также и Аристодик).

159. Когда [новые] послы прибыли в Бранхиды, то Аристодик от имени всех обратился к богу с таким вопросом: "Владыка! Пришел к нам, умоляя о защите, лидиец Пактий, чтобы избежать лютой смерти от персов. Персы же требуют у кимейцев его выдачи. А мы, хотя и страшимся персидской мощи, не смеем выдать просящего защиты, пока ты ясно не укажешь, что нам делать". Так вопрошал Аристодик, а бог изрек им опять тот же самый ответ, повелевая выдать Пактия персам. Тогда Аристодик, обдумав заранее свои действия, поступил так: он стал обходить вокруг святилища и разорять гнезда воробьев и разных других птиц, которые нашли себе приют при храме. В это время, как говорят, из святилища послышался голос, взывавший к Аристодику так: "О нечестивейший из смертных! Зачем дерзаешь ты на такое деяние? Зачем изгоняешь ищущих защиты из моего храма?". Аристодик же не смутился, но возразил богу так: "Владыка! Сам ты помогаешь прибегающим к твоей защите, а кимейцам приказываешь выдать молящего о защите!"[124]. А бог опять возразил ему такими словами: "Да, так я повелеваю, чтобы вы скорее погибли из-за вашего нечестия и впредь не приходили вопрошать оракул о выдаче молящих о защите".

160. После такого ответа оракула кимейцы не захотели выдать Пактия из страха погибнуть или, оставив у себя, подвергнуться осаде. Поэтому они отослали его в Митилену. Митиленцы же, когда Мазарес послал вестника к ним с приказанием выдать Пактия, выразили готовность сделать это за некоторую мзду (точно не знаю какую, так как сделка не состоялась, потому что кимейцы, проведав намерение митиленцев, отправили корабль на Лесбос и доставили Пактия оттуда на Хиос). Там хиосцы силой вытащили Пактия из святилища Афины Полиухос и выдали персам. Выдали же его хиосцы в обмен на Атарней (местность, где расположен этот Атарней, находится в Мисии, напротив Лесбоса). Получив в свои руки Пактия, персы содержали его в темнице, чтобы потом привести к Киру. Однако еще долго после этого ни один хиосец не посылал богам в жертву ячменя и не выпекал жертвенных лепешек из урожая плодов в Атарнее. Вообще ничего из того, что рождала эта земля, не употреблялось для жертвоприношений.

161. Так хиосцы выдали Пактия. Мазарес же после этого выступил в поход против всех городов, которые участвовали в осаде Табала. Сначала он подчинил приенцев, потом прошел всю долину Меандра, отдав ее на разграбление своему войску, так же как и город Магнесию. Вслед за тем Мазарес занемог и скончался.

---

[123] Геродот разоблачает обман жрецов. Бранхиды и жрецы Аполлона поддерживали персов.

[124] Все люди, прибегавшие к храму, алтарю или статуе божества, считались неприкосновенными под защитой божества, и выдача их была святотатством. Пактий явился в Киму "умоляющим о защите".

162. После кончины Мазареса преемником его в должности военачальника стал Гарпаг, как и он, родом мидянин. Это был тот самый Гарпаг, которому мидийский царь Астиаг устроил нечестивое пиршество и который помог Киру вступить на престол. Этот-то человек, назначенный Киром в военачальники, прибыл в Ионию и стал захватывать города, окружая их валом. Он запирал жителей в стенах города, возводил у стен насыпи и затем брал город приступом. Первым ионийским городом, подвергшимся его нападению, была Фокея.

163. Жители этой Фокеи первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс. Они плавали не на "круглых" торговых кораблях, а на 50-весельных судах[125]. В Тартессе они вступили в дружбу с царем той страны по имени Арганфоний. Он царствовал в Тартессе 80 лет, а всего жил 120. Этот человек был так расположен к фокейцам, что сначала даже предложил им покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно. А затем, когда фокейцы не согласились на это, царь, услышав об усилении могущества лидийского царя, дал им денег на возведение стен в их городе. Дал же он денег, не скупясь, так как окружность стен [Фокеи] составляет немало стадий, а вся стена состоит целиком из огромных тщательно прилаженных камней.

164. Таким-то образом фокейцы воздвигли стену своего города. А Гарпаг, когда привел свое войско и начал осаду города, то велел сказать фокейцам, что удовольствуется, если горожане разрушат один только бастион на стене и "посвятят" [в знак покорности царю] один дом. Фокейцы же, которые ненавидели рабство, объявили, что просят один день на совещание и затем дадут ответ, а на время совещания пусть Гарпаг отведет свое войско от города. Гарпаг же велел им ответить, что прекрасно понимает их замысел, но тем не менее дает им время на размышление. Однако, когда Гарпаг отвел войско от города, фокейцы спустили на воду свои 50-весельные корабли, погрузили на них жен и детей и все пожитки, а также изображения богов и прочие посвятительные дары из храмов, кроме мраморных и медных статуй и картин. Погрузив затем и все остальное имущество, они взошли сами на борт и отплыли по направлению на Хиос. Фокею же, оставленную жителями, заняли персы.

165. Хиосцы, однако, не захотели продать фокейцам так называемые Энусские острова, опасаясь, что эти острова станут торговым центром, а их собственный остров из-за этого лишится торговых выгод. Поэтому фокейцы отправились на Кирн. Ведь на Кирне за двадцать лет до этих событий они по велению божества основали город по имени Алалия (Арганфоний тогда уже скончался). Отправляясь на Кирн, фокейцы сначала возвратились в Фокею и перебили там персидскую стражу, оставленную Гарпагом в городе. После этого они изрекли страшные проклятия тем, кто отстанет от похода. Затем погрузили в море кусок железа и поклялись, что не вернутся в Фокею прежде, чем это железо не всплывет [на поверхность]. Во время приготовлений к отплытию на Кирн больше половины граждан охватила мучительная тоска по родному городу и насиженным местам. И вот, нарушив данную клятву, они отплыли назад в Фокею. Те же, кто остался верен клятве, покинули Энуссы и отплыли [на Кирн].

166. По прибытии на Кирн фокейцы пять лет жили там вместе с прежними поселенцами и воздвигли святилища богам. Так как они стали [потом] разорять окрестности и грабить жителей, то тирсены и карфагеняне, заключив союз, пошли на них войной (те и другие на 60 кораблях). Фокейцы также посадили своих людей на корабли числом 60 и поплыли навстречу врагам в так называемое Сардонское море. В морской битве фокейцы одержали нечто вроде Кадмейской победы[126]: 40

---

[125] Круглые корабли - торговые суда, имевшие малую скорость, 50-весельные военные корабли и триеры (с тремя рядами весел) развивали большую скорость. Техника плавания на парусах была несовершенна, и рулевое управление плохое, компас был неизвестен. Навигация продолжалась 50 дней после летнего солнцестояния. Торговые корабли не были так связаны с берегом, как триеры. За день корабль мог пройти 500-700 стадий.

[126] Кадмейская победа (поговорка) - гибельная для обеих сторон, как в битве Этеокла с

кораблей у них погибло, а остальные 20 потеряли боеспособность, так как у них были сбиты носы. После этого фокейцы возвратились в Алалию. Там они посадили жен и детей на корабль и, погрузив затем сколько могло на него поместиться имущества, покинули Кирн и отплыли в Регий.

167. Что до людей с погибших кораблей, то по крайней мере большую часть их захватили в плен карфагеняне и тирсены и, высадившись на сушу, побили камнями [...][127] С тех пор у агиллейцев все живые существа – будь то овцы, рабочий скот или люди, проходившие мимо места, где лежали трупы побитых камнями фокейцев, – становились увечными, калеками или паралитиками. Тогда агиллейцы отправили послов в Дельфы, желая искупить свое преступление. Пифия повелела им делать то, что агиллейцы совершают еще и поныне: они приносят богатые жертвы фокейцам, как героям, и устраивают в их честь гимнастические состязания и конские ристания. Вот какая участь постигла этих фокейцев. Другие же, которые нашли убежище в Регии, двинулись оттуда и захватили в земле Энотрии город, ныне носящий имя Гиела. А заселили они этот город потому, что какой-то человек из Посейдонии объяснил им, что Пифия в своем изречении подразумевала героя Кирна, а не заселение острова Кирна.

168. Такова была судьба Фокеи в Ионии. Почти так же, как фокейцы, поступили и жители Теоса. После того как Гарпаг, возведя насыпь, захватил стены [их города], все теосцы сели на корабли и отплыли во Фракию. Там они поселились в городе Абдерах. Город этот основал ранее Тимесий из Клазомен; основав же город, он, однако, не сумел воспользоваться плодами своих трудов, потому что был изгнан фокейцами. Теперь зато теосцы, поселившись в Абдерах, воздают ему героические почести.

169. Эти два ионийских города были единственными, которые предпочли покинуть свою родину, чем терпеть рабство. Остальные ионяне, кроме милетян, так же как и те, что покинули родину, вступили в борьбу с Гарпагом и доблестно сражались каждый за свой родной город. Однако они потерпели поражение и были покорены. Все они остались на месте и платили наложенную на них дань. Милетяне же, как я сказал выше, заключили союз с самим Киром и сохранили мир [и спокойствие]. Так-то Иония вторично потеряла свободу. После покорения Гарпагом материковых ионян островные ионяне, устрашившись подобной же участи, добровольно подчинились Киру[128].

170. Несмотря на понесенное поражение, ионяне все же собрались в Панионий. Там, как я слышал, Биант из Приены подал им весьма полезный совет. Последуй ионяне этому совету, они стали бы, пожалуй, самыми счастливыми и богатыми среди эллинов. Биант предложил им всем вместе отплыть на Сардон и там основать один общий для всех ионян город. Так они избежали бы порабощения, достигли бы процветания, живя на самом большом из всех островов на свете, и даже подчинили бы себе другие племена. Оставаясь же в Ионии, они, по его словам, потеряют надежду получить когда-нибудь свободу. Этот совет дал ионянам Биант из Приены уже после их подчинения персам. Но еще раньше, когда Иония была свободной, Фалес из Милета (по происхождению финикиянин) подал им вот такой полезный совет. Он предложил ионянам построить один общий дом для совещаний, именно на Теосе, так как Теос лежит в середине Ионии. Отдельные города тем не менее должны были сохранить самостоятельность, но только как местные общины. Такие советы подали эти два человека ионянам.

171. Покорив Ионию, Гарпаг пошел войной на карийцев, кавниев и ликийцев, взяв с собой ионян и эолийцев. Карийцы пришли на материк с островов[129]. В

Полиником.

[127] Далее в тексте лакуна.

[128] Нуждаясь в греках (как в мореходах), Кир не ухудшил условий, в которых они находились под властью Креза (ср.: С. Я. Лурье. История, с. 184).

[129] По критскому преданию, первоначальные жители Крита (по Геродоту, карийцы-лелеги) поставляли экипажи для кораблей критского царя Миноса. Теснимые ионянами и дорийцами, критяне частично выселились в Малую Азию. Носители дворцовой культуры

глубокой древности они были подвластны Миносу, назывались лелегами и жили на островах. Впрочем, лелеги, по преданию, насколько можно проникнуть в глубь веков, не платили Миносу никакой дани. Они обязаны были только поставлять по требованию гребцов для его кораблей. Так как Минос покорил много земель и вел победоносные войны, то и народ карийцев вместе с Миносом в те времена был самым могущественным народом на свете. Карийцы изобрели три вещи, которые впоследствии переняли у них эллины[130]. Так, они научили эллинов прикреплять к своим шлемам султаны, изображать на щитах эмблемы и первыми стали приделывать ручки на щитах (до тех пор все народы носили щиты без ручек и пользовались ими с помощью кожаных перевязей, надевая их на шею и на левое плечо). Затем, много времени спустя, карийцев изгнали с их островов дорийцы и ионяне, и таким-то образом они переселились на материк. Так-то рассказывают о карийцах критяне. Сами же карийцы, впрочем, не согласны с ними: они считают себя исконными жителями материка, утверждая, что всегда носили то же имя, что и теперь. [В доказательство этого] они показывают в Миласах древнее святилище Зевса Карийского, принадлежащее мисийцам и лидийцам, так как это родственные карийцам племена. Ведь, по их преданию, Лид и Мис были братьями Кара. Им-то, [лидийцам и мисийцам], конечно, и принадлежало святилище, а не племенам другого происхождения, даже если те и говорили на одном языке с карийцами.

172. Что до кавниев, то они, мне думается,– исконные жители [материка]; сами же они тем не менее считают себя пришельцами с Крита. Похож ли их язык на карийский или, наоборот, карийский схож с кавнийским, я не могу это точно решить. По обычаям же они сильно отличаются не только от карийцев, но и от всех прочих народов. Так, для кавниев самое высокое удовольствие – это собираться на многолюдные пирушки сверстникам и друзьям, именно мужчинам, женщинам и детям. Они воздвигли у себя храм чужеземным богам, а затем раскаялись в этом и решили почитать только отеческих богов. Тогда все кавнии, способные носить оружие, вооружились: ударяя копьями по воздуху, они шли до калиндийских пределов и восклицали при этом, что изгоняют чужеземных богов.

173. Таковы [странные] обычаи кавниев. Ликийцы же первоначально пришли из Крита (весь Крит в древности целиком занимали варвары)[131]. Когда на Крите сыновья Европы Сарпедон и Минос поссорились из-за верховной власти, то в борьбе верх одержал Минос и изгнал Сарпедона с его приверженцами. Изгнанники прибыли в землю Милиаду в Азии. Страна, где ныне обитают ликийцы, в древности называлась Милиадой, а жители ее именовались солимами. Ведь, пока царем изгнанников был Сарпедон, они сохраняли свое имя – термилов, принесенное с Крита, как еще и поныне соседи называют ликийцев. Когда же к Сарпедону в страну термилов прибыл из Афин Лик, сын Пандиона, также изгнанный своим братом Эгеем, то они с течением времени стали называться по его имени ликийцами. Обычаи их частью критские, частью карийские. Есть, впрочем, у них один особенный обычай, какого не найдешь больше нигде: они называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии. И если женщина-гражданка сойдется с рабом, то дети ее признаются свободнорожденными. Напротив, если гражданин – будь он даже самый влиятельный среди них – возьмет в жены чужестранку или наложницу, то дети не имеют прав гражданства.

174. Итак, карийцы покорились Гарпагу, не покрыв себя славой: ни сами

Кносса и Феста частично остались на Крите, подчинившись ахейцам. Легендарный Минос, по Геродоту, был царем ахейцев на Крите и предпринял походы в Египет и Сирию. Критяне переселились в Малую Азию после вторжения на остров ионян и дорийцев.

[130] На микенских вазах (ок. 100 г. до н.э.) изображаются ахейские воины ионян и дорийцев.

[131] Быть может, рассказ Геродота основан на ликийском предании, связанном с историческим фактом завоевания Крита ахейцами и последующего захвата его ионянами и дорийцами.

карийцы, ни эллины, живущие в их стране, при этом не совершили никаких подвигов. Среди других эллинов живут там и книдяне – поселенцы из Лакедемона. Область книдян простирается до моря и носит название Триопий. Книдия начинается от части Херсонеса у города Бибасса и вся окружена морем, кроме незначительной местности. Так, на севере она граничит с заливом Керамик, на юге – с морем у острова Симы и Родоса. Когда Гарпаг завоевывал Ионию, книдяне стали прокапывать упомянутую выше узкую полосу земли (шириной почти 5 стадий), чтобы превратить свою землю в остров. Ведь вся область книдян лежит по эту сторону полуострова. Как раз там, где конец книдской земли, и находится перешеек, который они начали прокапывать. И вот, когда множество книдян взялось за работу, оказалось, что рабочие стали получать ранения на теле, и особенно [повреждения] глаз [от осколков камней], когда приходилось пробивать скалу. [Ранения эти] указывали на более прямое, явно сверхъестественное воздействие божества. Тогда книдяне отправили послов в Дельфы вопросить бога о том, что препятствует им [в работе]. Пифия же, по их словам, изрекла такой ответ стихами в трехстопном размере:

Не ройте Истма! Стен не воздвигайте! Зевс создал остров тут, коль только б захотел

Получив такое прорицание, книдяне прекратили работы, и, когда Гарпаг с войском подошел [к городу], они сдались без боя.

175. По ту сторону Галикарнасса в глубине страны жили педасийцы. Всякий раз, когда им самим или их соседям угрожало какое-нибудь несчастье, у жрицы Афины вырастала длинная борода. И так бывало уже у них трижды. Эти-то педасийцы – единственные карийцы, которые некоторое время оказывали сопротивление Гарпагу, доставив ему немало хлопот. Они укрепили место на горе под названием Лида.

176. Со временем, однако, педасийцы все же были покорены. Ликийцы же, когда Гарпаг вступил с войском в долину Ксанфа, вышли ему навстречу и доблестно сражались небольшими отрядами против огромного войска. Потерпев поражение, они были оттеснены в город [Ксанф]. Тогда ликийцы собрали на акрополе жен, детей, имущество и рабов и подожгли акрополь, отдав его в жертву пламени. После этого ксанфии страшными заклятиями обрекли себя на смерть: они бросились на врага и все до единого пали в бою. Ведь среди нынешних жителей Ксанфа, которые выдают себя за ликийцев, большинство – пришельцы, за исключением 80 семей. Эти 80 семей в то время случайно находились в чужом краю и потому избежали этой страшной участи. Так-то Гарпаг овладел Ксанфом. Подобным же образом он захватил и город Кавн, так как большинство кавниев последовало примеру ликийцев.

177. В то время как Гарпаг разорял [города] приморской области Передней Азии, сам Кир покорял народ за народом внутри страны, не минуя ни одного. О большей части этих походов я умолчу и расскажу только о тех, которые доставили ему больше всего хлопот и особенно достойны упоминания.

178. После завоевания всего [азиатского] материка Кир обратился против ассирийцев. В Ассирии есть много и других больших городов, но самым знаменитым и наиболее могущественным городом, где у ассирийцев после разрушения Нина находился царский дворец, был Вавилон. Построен Вавилон вот как. Лежит он на обширной равнине, образуя четырехугольник, каждая сторона которого 120 стадий длины. Окружность всех четырех сторон города составляет 480 стадий[132]. Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю. Прежде всего город окружен глубоким, широким и полным водой рвом, затем идет стена шириной в 50 царских локтей, а высотой в 200. Царский же локоть на 3 пальца больше обыкновенного.

179. Здесь я должен рассказать, куда употребили землю, вынутую изо рва, и как была возведена стена. Лишь только выкопали ров, то взятую оттуда землю стали

[132] Геродот сильно преувеличил размеры Вавилона. По данным раскопок, окружность города не превышает 18 км.

употреблять для выделки кирпича. Изготовив достаточное количество сырых кирпичей, обжигали их в печах. Вместо цемента строители пользовались горячим асфальтом и через каждые тридцать рядов кирпича закладывали между камнями камышовые плетенки. Сначала таким образом укрепили края рва, а затем и саму стену. На верху стены по краям, возвели по две одноэтажные башни, стоявшие друг против друга. Между башнями оставалось пространство, достаточное для проезда четверки лошадей. Кругом на стене находилось 100 ворот целиком из меди (в том числе их косяки и притолоки). Есть и другой город в восьми днях пути от Вавилона по имени Ис. Там протекает небольшая река также под названием Ис. Впадает она в реку Евфрат. Эта-то река Ис выносит своим течением комочки асфальта. Отсюда и был доставлен асфальт для постройки вавилонской стены.

180. Таким-то образом были возведены стены Вавилона. Город же состоит из двух частей. Через него протекает река по имени Евфрат, берущая начало в Армении. Эта большая, глубокая и быстрая река впадает в Красное море. По обеим сторонам реки стена, изгибаясь, доходит до самой реки, а отсюда по обоим берегам идет стена из обожженных кирпичей. Город же сам состоит сплошь из трех- и четырехэтажных домов и пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, а частью поперек реки. На каждой поперечной улице в стене вдоль реки было столько же маленьких ворот, сколько и самих улиц. Ворота эти были также медные и вели к самой реке.

181. Эта [внешняя] стена является как бы панцирем города. Вторая же стена идет внутри первой, правда, ненамного ниже, но уже нее. В середине каждой части города воздвигнуто здание. В одной части – царский дворец, окруженный огромной и крепкой стеной; в другой – святилище Зевса Бела[133] с медными вратами, сохранившимися еще до наших дней. Храмовой священный участок – четырехугольный, каждая сторона его длиной в 2 стадии. В середине этого храмового священного участка воздвигнута громадная башня, длиной и шириной в 1 стадию. На этой башне стоит вторая, а на ней – еще башня, в общем восемь башен – одна на другой. Наружная лестница ведет наверх вокруг всех этих башен. На середине лестницы находятся скамьи, должно быть, для отдыха. На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога, бог выбирает себе из всех местных женщин.

182. Эти жрецы утверждают (я, впрочем, этому не верю), что сам бог иногда посещает храм и проводит ночь на этом ложе. То же самое, по рассказам египтян, будто бы происходит и в египетских Фивах. И там в храме Зевса Фиванского также спит какая-то женщина. Обе эти женщины, как говорят, не вступают в общение со смертными мужчинами. Точно так же, впрочем, и прорицательница – жрица бога в Патарах Ликийских [спит в храме], когда является бог и изрекает оракул (что бывает не всегда, а лишь по временам). Но при явлении бога жрицу запирают с ним по ночам в храме.

183. Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще и другое святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса. Рядом же стоят большой золотой стол, скамейка для ног и трон – также золотые. По словам халдеев, на изготовление [всех этих вещей] пошло 800 талантов золота. Перед этим храмом воздвигнут золотой алтарь. Есть там и еще один огромный алтарь; на нем приносят в жертву взрослых животных; на золотом же алтаре можно приносить в жертву только сосунков. На большом алтаре халдеи ежегодно сжигают 1000 талантов ладана на празднике в честь этого бога. Была еще в священном участке в то время, о котором идет речь, золотая статуя бога, целиком из золота, 12 локтей высоты. Мне самому не довелось ее видеть, но я передаю лишь то, что рассказывали халдеи. Эту-то статую страстно желал Дарий, сын Гистаспа, но не дерзнул захватить ее. Однако Ксеркс, сын его, похитил статую,

[133] Царский дворец теперь раскопан. Храм Зевса Бела, вероятно, святилище бога Мардука.

повелев умертвить жреца, который не позволял [прикасаться к статуе] и двигать ее с места. Так роскошно украшен этот [храм] и священный участок, где также есть много посвятительных даров от частных лиц.

184. Много и других царей правило в Вавилоне, о которых я расскажу в моей истории Ассирии[134]. Они еще более укрепили стены [города] и украсили святилища. Среди этих-то царей были и две женщины. Старшая по имени Семирамида, которая царствовала за пять поколений до младшей, велела построить в долине достопримечательную плотину. Прежде ведь река обычно при разливах затопляла всю долину.

185. Вторая царица, которую звали Нитокрис[135], была еще более мудрой, чем ее предшественница, и оставила памятники, о которых я расскажу. Кроме того, эта царица видела, как велико могущество мидян, сколь это беспокоит народ и как много городов они уже завоевали (среди них даже Нин). Поэтому-то она и решила принять заранее все возможные меры предосторожности. Прежде всего она изменила течение реки Евфрата, который протекал раньше прямо через середину города. Для этого Нитокрис велела прокопать канал выше города, и таким образом река стала настолько извилистой, что, например, мимо одного селения в Ассирии она протекала трижды (название этого селения, куда Евфрат подходит три раза, Ардерикка). Еще и поныне, совершая путешествие из Нашего моря в Вавилон вниз по Евфрату, приходится трижды проезжать мимо этого селения в течение трех дней. Это было одно деяние Нитокрис. Затем по ее повелению по обеим сторонам реки насыпали плотину поразительной величины и высоты. Потом на значительном расстоянии выше Вавилона она приказала выкопать водоем для озера неподалеку от реки такой глубины, чтобы повсюду выступили подпочвенные воды. Ширина же этого водоема достигла в окружности 420 стадий. Вырытую из ямы землю царица велела употреблять для речной плотины. Когда бассейн был готов, она приказала привезти камень и облицевать им края водоема. Произвела же царица обе эти работы – именно сделала реку излучистой и обратила всю прокопанную местность в болото – не только для того, чтобы множеством излучин замедлять течение реки, но и затем, чтобы сделать речной путь в Вавилон более извилистым и, наконец, чтобы после плавания путешественникам нужно было делать еще большой объезд озера по суше. Эти работы производились в той части страны, где были проходы и самый короткий путь из Мидии. Целью этих мероприятий было затруднить мидянам проникновение в страну при торговых сношениях и не позволить им точно разузнать положение дел в стране.

186. Эти сооружения царица воздвигла [против мидян] из земли, добытой при рытье водоема. Кроме того, она воспользовалась этими работами еще и для другой, побочной цели. Город состоял из двух частей, разделенных рекой. При прежних царях, чтобы попасть из одной половины города в другую, нужно было переправляться на лодке, что, мне думается, было неудобно. Нитокрис позаботилась и об этом. Когда был вырыт водоем для озера, она оставила в память об этих работах вот еще что. Она повелела вырубить огромные камни. Когда эти камни были изготовлены и водоем выкопан, Нитокрис отвела весь речной поток в этот водоем, и по мере наполнения водоема старое русло высыхало. Затем Нитокрис приказала укрепить берега реки вдоль города и спуски, ведущие от стенных ворот к реке, облицевать обожженным кирпичом таким же способом, как и городские стены. Потом приблизительно в середине города она велела построить мост из вырубленных камней (камни были скреплены железом и свинцом). Днем на мост настилали поперек четырехугольные доски, по которым вавилоняне переходили через реку. На ночь же этот настил убирали, для того чтобы люди не бродили туда и сюда и не грабили друг друга. После сооружения моста, когда выкопанное озеро наполнилось водой, царица велела отвести реку Евфрат из озера в старое русло. Таким образом, озеро превратилось в болото, для

[134] Эта история до нас не дошла.

[135] Царице Нитокрис Геродот приписывает сооружения царя Набукаднецара II (605-562 гг. до н.э.).

чего и было предназначено, а горожанам, кроме того, был построен мост.

187. Эта же царица обманула потомство вот какой хитростью. Она повелела воздвигнуть себе гробницу над воротами в самом оживленном месте города (гробница находилась непосредственно над самими воротами) и вырезать на ней надпись, гласящую вот что: "Если кто-нибудь из вавилонских царей после меня будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет эту гробницу и возьмет сколько пожелает денег. Однако без нужды пусть напрасно не открывает ее. Но лучше бы вовсе [не открывать гробницы]". Так эта гробница оставалась нетронутой, пока вавилонское царство не перешло к Дарию. Дарию казалось даже странным, почему он не воспользовался [этой гробницей над] воротами, хотя там лежат сокровища, которые к тому же [как бы] сами приглашают завладеть ими. Царь, однако, не захотел пройти через эти ворота, потому что над головой [у него] оказался бы мертвец. Открыв же гробницу, он не нашел там никаких сокровищ, а только покойника и вот такую надпись: "Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы гробниц покойников". Вот что рассказывают об этой царице.

188. Против сына этой-то женщины[136] (его звали, как и отца, Лабинетом, и он был царем Ассирии) Кир и пошел войной. Всякий раз когда великий царь выступает в поход, то, сделав дома хороший запас хлеба и мелкого скота, он берет с собой, кроме того, еще воду из протекающей у Сус реки Хоаспа[137] (единственной реки, откуда он пьет воду). Множество четырехколесных повозок, запряженных мулами, с этой-то кипяченой водой из Хоаспа в серебряных сосудах всегда следует за царем, куда бы он ни отправлялся в поход.

189. Двигаясь на Вавилон, Кир достиг реки Гинда. Истоки этой реки находятся в Матиенских горах, течет же она через землю дарданов, а впадает в другую реку – Тигр. Тигр же протекает мимо города Опиды и впадает в Красное море. Когда Кир хотел перейти эту судоходную реку Гинд, один из его священных белых коней от резвости прыгнул в воду, чтобы переплыть реку. Однако река поглотила коня и унесла его своим течением. Тогда Кир страшно разгневался на реку за такую дерзость и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы впредь даже женщины могли легко переходить, не замочив колена. После такой угрозы Кир отложил пока что поход на Вавилон. Разделив затем свое войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и велел на каждом берегу наметить по всем направлениям 180 прямых, как стрела, каналов, ведущих к реке. Потом он расставил воинов и приказал копать. При большом числе рабочих рук работа была быстро завершена, но все же на нее пришлось затратить целое лето.

190. Так-то покарал Кир реку Гинд, разделив ее на 360 каналов. А когда вновь наступила весна, царь выступил в поход на Вавилон. Вавилоняне вышли из города с войском и ожидали Кира. Когда царь подошел к городу, вавилоняне бросились в бой, но, потерпев поражение, были оттеснены в город. Вавилонянам было уже заранее известно, что Кир теперь не будет бездействовать: они видели ведь, как персидский царь нападал на один народ за другим. Поэтому, запасшись продовольствием на очень много лет, они не обращали никакого внимания на осаду. Между тем Кир оказался в затруднительном положении, так как прошло уже много времени, а дело [осады] нисколько не подвигалось вперед.

191. Наконец – другой ли кто подал совет в затруднении или же сам Кир сообразил, как ему поступать,– но сделал он вот что[138]. Он поставил часть своего войска в том месте, где река входит в город, а другую часть – ниже по течению, у

---

[136] Лабинет (вав. Набу-на'ид), по происхождению арамей из Харрана, не мог быть сыном царицы Нитокрис.

[137] Город Сусы был конечным пунктом царского пути от Эфеса на восток.

[138] Описание осады Вавилона относится ко второму завоеванию города Дарием I (18 декабря 522 г. до н.э.). Уровень воды в р. Евфрате в это время самый низкий, и поэтому персам не надо было прибегать к искусственным сооружениями, описанным Геродотом. Город был взят в день храмового праздника. Первое взятие города Киром произошло в 539 г. до н.э. после победоносной битвы. Аккадцы восстали против царя Набу-на'ида, так что персидский полководец Гобрий занял затем город без сопротивления.

ее выхода из города. Затем он приказал воинам, как только увидят, что русло стало проходимым вброд, вступать по этому руслу в город. После этого сам царь с нестроевой частью войск отступил. По прибытии к упомянутому выше озеру Кир сделал с рекой приблизительно то же самое, что некогда совершила и вавилонская царица. Персидский царь отвел реку с помощью канала в озеро, которое, собственно, было болотом, а таким образом старое русло сделалось проходимым. После того как вода в реке спала настолько, что доходила людям приблизительно до колена, персы по старому руслу вошли в Вавилон. Если бы вавилоняне заранее узнали замысел Кира или вовремя заметили его действия, то, конечно, не только не позволили бы персам проникнуть в город, но даже совершенно уничтожили бы врага. Ведь они могли просто запереть все ведущие к реке ворота и, взойдя на стены по обоим берегам реки, поймать персов, как в ловушку. Однако теперь персы внезапно напали на вавилонян. Город же Вавилон столь огромный, что, по рассказам тамошних людей, горожане, жившие в центре, не знали, что враги уже заняли окраины. В это время они по случаю праздника плясали и веселились до тех пор, пока слишком хорошо не узнали [свое ужасное положение]. Так-то Вавилон был взят тогда в первый раз.

192. Сколь велико богатство Вавилона, я могу ясно показать на многих других примерах, но ограничусь следующим. Вся страна, подвластная великому царю, обязана, кроме обычной подати, еще содержать царя и его войско. Итак, вавилонская земля из двенадцати месяцев четыре месяца в году поставляет царю продовольствие, а восемь месяцев – вся остальная Азия. Таким образом, одна эта Ассирия по богатству занимает третье место во всей Азии. И наместничество в этой стране, которое персы называют сатрапией, безусловно самое доходное из всех наместничеств. Тритантехм, сын Артабаза, которому царь пожаловал эту область в управление, каждый день собирал с нее полную артабу серебра (артаба – персидская мера, вмещающая 1 аттический медимн и 3 аттических хеника). У самого Тритантехма, кроме боевых коней, было еще 800 жеребцов, покрывающих кобылиц, а кобылиц было 16 000 (каждый жеребец покрывал по 20 кобылиц). Он держал также так много собак индийской породы, что четыре больших селения на равнине должны были доставлять пищу для них и за это были освобождены от прочих повинностей. Так богат был правитель Вавилона.

193. Дождей в Ассирийской земле выпадает мало, но и этих незначительных дождей достаточно для первоначального питания и роста корней злаков. При этом посевы орошаются из реки, зреют и злак растет. Сама река, однако, здесь не заливает поля, как в Египте, но орошение производится вручную водочерпательными приспособлениями [журавлями]. Вся Вавилония, подобно Египту, всюду перерезана каналами. Самый большой из этих каналов судоходен; в юго-восточном направлении он течет из Евфрата в другую реку – Тигр, на которой лежал город Нин. Из всех стран на свете, насколько я знаю, эта земля производит безусловно самые лучшие плоды Деметры. Напротив, плодовые деревья там даже вообще не произрастают: ни смоковница, ни виноградная лоза, ни маслина. Что же до плодов Деметры, то земля приносит их в таком изобилии, что урожай здесь вообще сам-двести, а [в хорошие годы] даже сам-триста. Листья пшеницы и ячменя достигают там целых четырех пальцев в ширину. Что просо и сесам[139] бывают там высотой с дерево, мне хорошо известно, но я не стану рассказывать об этом. Я знаю ведь, сколь большое недоверие встретит мой рассказ о плодородии разных хлебных злаков у тех, кто сам не побывал в Вавилонии. Оливкового масла вавилоняне совсем не употребляют, но только из сесама. Повсюду на равнине растут там финиковые пальмы, в большинстве плодоносные. Из плодов пальм приготовляют хлеб, вино и мед. Выращивают вавилоняне финиковые пальмы тем же способом, как и смоковницы. Они привязывают плоды так называемых у эллинов "мужских" пальм к плодоносным деревьям, чтобы орехотворка, проникнув в финик, помогла ему созреть и он преждевременно не опал. Ведь орехотворки сидят в плодах "мужских" пальм, так же как и в зимних смоквах.

---

[139] Сесам-кунжут (Sesamum indicum L.).

194. Теперь я перейду к рассказу о самом удивительном из всего, что есть в этой стране (кроме самого города Вавилона). Суда, на которых плавают вниз по реке в Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи[140]. В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи [остов] обтягивают плотными шкурами наподобие [круглого] днища корабля. Они не расширяют кормовой части судна и не заостряют носа, но делают судно круглым, как щит. Затем набивают все судно соломой [для обертки груза] и, нагрузив, пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке главным образом глиняные сосуды с финикийским вином. Управляют судном с помощью двух рулевых весел, которыми стоя загребают двое людей. Один из них при этом тянет судно веслом к себе, а другой отталкивается. Такие суда строят очень большого размера и поменьше. Самые большие вмещают до 5000 талантов груза. На каждом судне находится живой осел, и на больших – несколько. По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и [плетеный] остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению. Вверх по реке ведь из-за быстрого течения плыть совершенно невозможно. Поэтому и суда строят не из дерева, а из шкур. Когда же купцы на своих ослах прибывают в Армению, то строят новые суда таким же способом. Таковы у них [речные] суда.

195. Одеяние же у вавилонян вот какое. [На теле] вавилонянин носит льняной хитон, доходящий до ног, а поверх – другой шерстяной. Затем поверх накидывает еще тонкую белую хланиду. Обувь у них – общепринятая [в этой стране], похожая на беотийских сапоги. Отпуская длинные волосы, вавилоняне повязывают на голове тюрбаны и все тело умащают миррой. У всякого вавилонянина есть перстень с печатью и посох искусной работы. На каждом посохе вырезаны яблоко, роза, лилия, орел или что-либо подобное. Носить посох без такого изображения у них не принято. Таково внешнее обличье вавилонян, а о нравах и обычаях их я расскажу вот что.

196. Самый благоразумный обычай, который, как я знаю, бытует также и у иллирийских энетов, по моему мнению, у них вот какой. Раз в году в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай заставлял каждую девушку поодиночке вставать и начиналась продажа невест. Сначала выставляли на продажу самую красивую девушку из всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте (девушки же продавались в замужество). Очень богатые вавилонские женихи наперебой старались набавлять цену и покупали наиболее красивых девушек. Женихи же из простонародья, которые вовсе не ценили красоту, брали и не красивых девиц и в придачу деньги. После распродажи самых красивых девушек глашатай велел встать самой безобразной девушке или калеке и предлагал взять ее в жены за наименьшую сумму денег, пока ее кто-нибудь не брал с наименьшим приданым. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, и таким образом красавицы выдавали замуж дурнушек и калек. Выдать же замуж свою дочь за кого хочешь не позволялось, а также нельзя было купленную девушку уводить домой без поручителя. И только, если поручитель установит, что купивший девушку действительно желает жить с нею, ее можно было уводить домой. Если же кто не сходился со своей девушкой, то по закону требовалось возвращать деньги. Впрочем, женихам можно было являться и из других селений и покупать себе девушек. Этот прекраснейший обычай теперь у них уже не существует[141]. Зато недавно они нашли другое средство оградить девиц от обиды и не допустить увода их на чужбину [...] После завоевания страны и разорения ее персами жители лишились своего имущества, и все простые люди из народа были вынуждены по бедности заставлять своих дочерей заниматься развратом.

---

[140] Еще и теперь в Иране употребляются подобные круглые суда под названием куфа.

[141] О подобных обычаях в Вавилоне из других источников ничего не известно.

197. Есть у вавилонян еще и другой весьма разумный обычай. Страдающих каким-нибудь недугом они выносят на рынок (у них ведь нет врачей)[142]. Прохожие дают больному советы [о его болезни] (если кто-нибудь из них или сам страдал подобным недугом, или видел его у другого). Затем прохожие советуют больному и объясняют, как сами они исцелились от подобного недуга или видели исцеление других[143]. Молча проходить мимо больного человека у них запрещено: каждый должен спрашивать, в чем его недуг.

198. Покойников вавилоняне погребают в меду[144], и похоронные обряды у них одинаковы с египетскими. Всякий раз как вавилонянин сходится со своей женой, он садится перед жертвенным сосудом, воскуряя фимиам; так же поступает и жена. На следующее утро оба они совершают омовение. Перед этим омовением они не должны прикасаться ни к какому сосуду. Такой же обычай существует и у арабов[145].

199. Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться [за деньги] чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с [толпой] остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: "Призываю тебя на служение богине Милитте!". Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года[146]. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре.

200. Таковы обычаи вавилонян. Есть среди них три племени, которые питаются только рыбой. Пойманную рыбу они вялят на солнце и затем поступают так: бросают рыбу в ступку и раздробляют пестиком, а затем пропускают через кисейное сито. Потом из этой массы по желанию замешивают сырое тесто или пекут хлеб.

201. После покорения этого народа Кир задумал подчинить массагетов. Эти массагеты[147], как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке

---

[142] Напротив, медицинская наука была высоко развита в Вавилоне и там было много врачей.

[143] Подобные обычаи еще долго существовали на Востоке.

[144] Вавилоняне пропитывали тело покойника особого рода смолой (бальзам), которую Геродот называет медом. Обычно покойников погребали под полом домов.

[145] Подобные обычаи очищения существовали у древних иудеев. Отсюда некоторые делают заключение, что под арабами Геродот имеет в виду иудеев. Но Геродот, по-видимому, не знал иудеев. По крайней мере он нигде о них не упоминает.

[146] Обычай священной храмовой проституции описан у Геродота неправильно. Священной проституцией на службе богини Иштар занимались только девушки - жрицы богини Иштар (принадлежавшие, правда, к знатнейшим семьям Вавилона), а вовсе не все девушки-вавилонянки.

[147] Массагеты-саки делились на две большие группы: 1) северные саки - "большие саки" (т. е. большая орда) проникли в Маргиану с севера; 2) саки-амиргийцы (перс. сака-гаума-варга

по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем.

202. По рассказам некоторых, Аракс[148] больше Истра; другие же, напротив, считают эту реку меньше. На Араксе, как передают, много островов величиной с Лесбос. На этих-то островах живут люди, летом питающиеся разными кореньями, выкапываемыми из земли. В летнюю же пору они собирают спелые плоды с деревьев и затем сохраняют их про запас. Там есть будто бы также и другие деревья, приносящие особого рода плоды. Собравшись толпой в одно место, массагеты зажигают костер и затем усаживаются вокруг и бросают эти плоды в огонь. От запаха сжигаемого плода они приходят в состояние опьянения, подобно тому как эллины пьянеют от вина. Чем больше плодов они бросают в огонь, тем сильнее их охватывает опьянение; пока наконец они не вскакивают, пускаются в пляс и начинают петь песни[149]. Так рассказывают об образе жизни этого племени. Река же Аракс берет начало в Матиенских горах, откуда течет и Гинд, который Кир разделил на 360 упомянутых выше каналов. Аракс извивается, [образуя] 40 рукавов, из которых все, кроме одного, теряются в болотах и топях. В этих-то болотах, по рассказам, обитают люди, питающиеся сырой рыбой[150] и обычно носящие одежду из тюленьих шкур. Одно единственное устье Аракса течет по открытой местности, [впадая] в Каспийское море. Каспийское же море – это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем. Ведь море, по которому плавают эллины, именно то, что за Геракловыми Столпами, так называемое Атлантическое и Красное море, – все это только одно море[151].

203. Напротив, Каспийское море – это море совершенно особого рода. Длина его – пятнадцать дней плавания на гребном судне, а ширина в самом широком месте – восемь дней. На западе оно граничит с Кавказским хребтом – самой обширной и высокой из всех горных цепей. Много разных племен обитает на Кавказе, большинство которых питается дикими древесными плодами. В этой стране есть, как говорят, деревья с удивительными листьями. Из этих-то листьев изготовляют краску, растирая их и смешав с водой[152], и затем наносят ею узоры на свою одежду. Узоры эти не смываются, а истираются только вместе с шерстяной [материей, на которую их наносят], как будто бы они были вотканы в материю с самого начала. Совокупление у этих людей происходит совершенно открыто, как у скота.

204. Так вот, с запада Кавказ граничит с так называемым Каспийским морем, а на востоке по направлению к восходу солнца к нему примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной. Много было у Кира

- "хаому изготовляющие") жили в долине совр. р. Мургаба и в походе носили остроконечные шапки. В конце царствования Дария их стали называть "даха", "дая". О массагетах у Геродота есть два различных известия (аккадское и скифско-эллинское). Согласно скифско-эллинскому источнику Геродота, массагеты жили против исседонов на западном берегу Каспийского моря севернее совр. р. Куры.

[148] Реку Аракс Геродот описывает по двум источникам: по аккадскому, р. Аракс (совр. Кызылсу) начинается в Матиенских горах (на северо-востоке Мидии), затем главная река течет с Бингол-дага (в совр. Армении) и, наконец (совр. Кура), впадает на западе в совр. Каспийское море. По скифско-эллинскому источнику, р. Аракс впадает с востока в Каспийское море (в настоящее время высохшее устье Амударьи - Узбой).

[149] Здесь, по-видимому, идет речь об изготовлении опьяняющего напитка "хаома". В надписях царя Дария I упоминаются амиргийские саки-массагеты (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 30).

[150] Имеются в виду саки-массагеты (от иранск. "масья" - рыба), собственно, "рыболовы" или "рыбоеды".

[151] Это утверждение Геродота показывает, что он уже принимает во внимание сведения, добытые финикиянами при объезде вокруг Африки при фараоне Неко.

[152] Геродот описывает здесь изготовление краски из растения синильный красильник (Isatis tinctoria L.}.

весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего – способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем – счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участи.

205. Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты[153] через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни.

206. Пока войско Кира было занято этими работами, Томирис велела через глашатая сказать Киру вот что: "Царь мидян! Отступись от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо или нет сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а предпочтешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если же ты страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Переходи спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же". После этого Кир призвал к себе персидских вельмож на совещание, изложил им дело и спросил совета, как ему поступить. Все единогласно сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь на этой земле.

207. Присутствующий на совещании лидиец Крез не одобрил, однако, это решение. Он высказал свое возражение в таких словах: "Царь! Я уже раньше (после того как Зевс предал меня в твои руки) обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, то мое мнение, пожалуй, тебе бесполезно. Если же ты признаешь, что ты только человек и царствуешь над такими же смертными людьми, то пойми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. Так вот, в настоящем деле я держусь другого мнения, противоположного мнению твоих вельмож. Ведь если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. В случае же победы над врагом твой успех, думаю, будет вовсе не так велик, как если бы ты победил массагетов в их стране и стал преследовать бегущих. Я хочу сравнить твои преимущества и их: ведь, разбив неприятеля, ты сможешь прямым путем вторгнуться во владения Томирис. Да и, кроме того, Киру, сыну Камбиса, было бы постыдно и нестерпимо подчиниться женщине и позволить ей вторгнуться в твою страну. Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, а затем попытаться одолеть их, поступив вот как. Как я узнал, массагетам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее великие наслаждения. Поэтому-то нужно, думается мне, устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Ведь если я не обманываюсь [в своем суждении], то враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги"[154].

---

[153] Сооружение мостов было нужно Киру для обеспечения коммуникации с плодородными областями юга.

[154] Совет Креза не имеет, конечно, исторического значения и выражает собственные

208. Так мнения советников разошлись. Кир же отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь велел объявить Томирис, чтобы она отступила, так как он намерен переправиться в ее владения. И царица отступила [с войском], верная своему прежнему обещанию. Тогда Кир вверил Креза своему сыну Камбису, которого он назначил своим наследником. При этом царь настоятельно внушал сыну почитать Креза и покровительствовать ему (в случае неудачи переправы и похода в страну массагетов). С таким поручением Кир отпустил Камбиса и Креза и отправил их в Персию, а сам с войском начал переправу через реку.

209. После переправы через Аракс уже на земле массагетов ночью Кир увидел вот какой сон. Царю представилось, что он видит старшего из сыновей Гистаспа[155] с крыльями на плечах, осеняющим одним крылом Азию, а другим Европу. Самым старшим из сыновей Гистаспа, сына Арсама, из рода Ахеменидов был Дарий, в то время еще юноша около двадцати лет (юноша оставался в Персии как негодный еще по молодости лет к военной службе). Пробудившись, Кир стал размышлять о смысле сновидения. Царь решил, что сон имеет важное значение. Он велел затем позвать Гистаспа и без свидетелей сказал ему: "Гистасп! Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Мне это точно известно, и я скажу тебе откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне грозящую беду. И вот теперь прошлой ночью я видел во сне старшего из твоих сыновей с крыльями на плечах, причем одним крылом он осенял Азию, а другим Европу. Во всяком случае из моего сновидения совершенно ясно, что твой сын посягает на мою жизнь. Поэтому возвращайся как можно скорее в Персию и позаботься представить твоего сына к ответу, после того как я покорю эту страну и возвращусь домой".

210. Кир говорил так, полагая, что Дарий имеет против него злой умысел. Однако божество этим сновидением желало лишь открыть, что царь примет смерть здесь[156], в стране массагетов, а его царство перейдет к Дарию. Гистасп же отвечал царю такими словами: "Царь! Лучше бы не родиться тому персу, который посягнет на твою жизнь! А если есть такой, то да погибнет он и как можно скорее! Ведь это ты из рабов сделал персов свободными и из данников другим народам – владыками всех. А если сновидение возвестило тебе, что сын мой замышляет мятеж, то я отдаю его в твои руки: поступай с ним как тебе угодно!". Такой ответ дал царю Гистасп. Затем он, переправившись через Аракс, возвратился в Персию, чтобы [в угоду Киру] схватить и держать сына под стражей.

211. А Кир между тем проник с войском за Аракс на один дневной переход и затем поступил по совету Креза. Оставив на месте только слабосильных воинов, сам царь с лучшей частью войска снова отступил к Араксу. Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киром воинов и, несмотря на храброе сопротивление, перебила их. [После победы], увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили большую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

212. А царица Томирис, узнав об участи своего войска и сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами: "Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, [напившись], начинаете извергать потоки недостойных речей, – вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты

взгляды Геродота.

[155] Гистасп (перс. Висташпа) - почитатель и покровитель пророка Заратуштры; поддерживал народное движение против знати в Маргиане. Он был ненавидим знатью и потому должен был уступить престол сыну Дарию (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 38).

[156] В рассказе о сне Кира отразилась легенда, объясняющая поражение Кира не мощью противника, а волей Ахурамазды (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 65).

этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен".

213. Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя. Так он скончался.

214. Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: "Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью". Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным[157].

215. Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготовляют из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии.

[157] Кир пал в 530 г. до н.э. Рассказ о гибели Кира напоминает рассказ Плутарха о гибели Красса в битве с парфянами. По сообщению Бероса (эпоха первых Селевкидов), Кир нашел смерть после 9-летнего царствования "в долине Даас", т. е. "в стране даха-даев" (ср.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока. II. Л., 1954, с. 118).

216. Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о [подобном] обычае скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на ее кибитке и затем спокойно сообщается с этой женщиной. [Никакого] предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву. Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это – солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете.

Книга II
ЕВТЕРПА

1. После кончины Кира царство наследовал Камбис, сын Кира и Кассанданы, дочери Фарнаспа, скончавшейся уже раньше. Кир не только сам глубоко скорбел о покойной супруге, но и всем подданным своим повелел объявить траур. Сыном этой женщины и Кира и был Камбис. Камбис уже считал ионян и эолийцев своими наследственными подданными. Поэтому, собираясь в египетский поход, он взял с собой среди прочих народностей также и этих эллинов.

2. Египтяне же до царствования Псамметиха[158] считали себя древнейшим народом на свете. Когда Псамметих вступил на престол, он стал собирать сведения о том, какие люди самые древние. С тех пор египтяне полагают, что фригийцы еще древнее их самих, а сами они древнее всех остальных народов. Псамметих, однако, собирая сведения, не нашел способа разрешить вопрос: какие же люди древнейшие на свете? Поэтому он придумал вот что. Царь велел отдать двоих новорожденных младенцев (от простых родителей) пастуху на воспитание среди стада [коз]. По приказу царя никто не должен был произносить в их присутствии ни одного слова. Младенцев поместили в отдельной пустой хижине, куда в определенное время пастух приводил коз и, напоив детей молоком, делал все прочее, что необходимо. Так поступал Псамметих и отдавал такие приказания, желая услышать, какое первое слово сорвется с уст младенцев после невнятного детского лепета. Повеление царя было исполнено. Так пастух действовал по приказу царя в течение двух лет. Однажды, когда он открыл дверь и вошел в хижину, оба младенца пали к его ногам и, протягивая ручонки, произносили слово "бекос"[159]. Пастух сначала молча выслушал это слово. Когда затем при посещении младенцев для ухода за ними ему всякий раз приходилось слышать это слово, он сообщил об этом царю; а тот повелел привести младенцев пред свои царские очи. Когда же сам Псамметих также услышал это слово, то велел расспросить, какой народ и что именно называет словом "бекос", и узнал, что так фригийцы называют хлеб. Отсюда египтяне заключили, что фригийцы еще древнее их самих. Так я

[158] Во II книге Геродот без грубых ошибок излагает связную историю Египта, начиная с середины VII в. (с начала царствования Псамметиха I). Для Саисской эпохи (VII - VI вв. до н.э.) рассказы Геродота имеют неоценимое значение (см.: С. Я. Лурье. Геродот, с. 122).

[159] Это действительно фригийское слово, встречающееся во фригийских надписях.

слышал от жрецов Гефеста[160] в Мемфисе. Эллины же передают об этом еще много вздорных рассказов, и, между прочим, будто Псамметих велел вырезать нескольким женщинам языки и затем отдал им младенцев на воспитание.

3. Столько рассказов о воспитании обоих детей мне передавали. Пришлось мне слышать и другие рассказы в Мемфисе от жрецов Гефеста. Потом я направился в Фивы и Гелиополь, чтобы установить, сходятся ли тамошние рассказы с мемфисскими. Ведь в Гелиополе, как говорят, знают об этом больше, чем в остальном Египте. Впрочем, то, что мне рассказывали о богах, я не намерен передавать, за исключением только имен богов, так как, по моему мнению, о богах все люди знают одинаково мало. Если же мне придется говорить об этом, то только для связи моего повествования.

4. Что же касается деяний человеческих, то вот что единогласно передавали мне [жрецы]. Египтяне были первыми людьми на свете, кто установил продолжительность года, разделив его на двенадцать частей [по] временам года[161]. Это открытие, по словам жрецов, египтяне сделали, наблюдая небесные светила. Их способ исчисления [месяцев], как мне думается, точнее эллинского: эллины ведь каждый третий год добавляют вставной месяц, чтобы сохранить соответствие времен [естественного года][162]. Египтяне же считают 12 месяцев по 30 дней и прибавляют каждый год [в конце] еще 5 дней сверх [этого] числа, причем у них круговращение времен года [всегда] приходится на одно и то же время. Они утверждают также, что имена двенадцати богов восходят к египтянам, а от них заимствованы эллинами. Египтяне также были первыми, кто стал воздвигать богам алтари, статуи и храмы и высекать изображения на камне. Что это именно так, мне пришлось во многих случаях убедиться на деле. Древнейшим царем из людей в Египте был Мин. В его время весь [Нижний] Египет, кроме Фиванской области, являлся болотом и вся местность, лежащая теперь ниже озера Мериды, находилась под водой. До озера же от моря семь дней теперь плавания вверх по реке.

5. Эти рассказы о стране мне представляются совершенно правильными. И действительно, всякий здравомыслящий человек (даже если он об этом раньше и ничего не слышал) с первого взгляда убедится, что [Нижний] Египет, куда эллины плавают на кораблях, недавнего происхождения и является даром реки [Нила]. И такова же часть страны еще на расстоянии трехдневного пути плавания вверх по реке от озера, хотя об этой области ничего подобного не говорят. Ведь свойство почвы Египта вот какое. Если, подплывая к Египту, бросить лот, даже на расстоянии дневного пути от берега, то вытащишь ил на глубине 11 оргий. Это показывает, сколь далеко идут наносы [реки].

6. Протяжение морского побережья самого Египта – 60 схенов. К Египту я причисляю все побережье от Плинфинского залива до озера Сербонида[163], к которому примыкает гора Касий. Отсюда-то и следует считать 60 схенов. Ведь малоземельные народы измеряют свою землю оргиями, те же, что богаче землей, – стадиями, еще более богатые – парасангами, а самые богатые – схенами. Парасанг же составляет 30 стадий, а каждый схен (египетская мера) равен 60 стадиям. Поэтому длина египетского побережья равняется 3600 стадий.

7. От побережья в глубь страны, т. е. вплоть до Гелиополя, Египет широк, сплошь низменный, обилен водой и покрыт илистыми наносами. Путь вверх от моря до Гелиополя приблизительно так же велик, как дорога от алтаря

[160] Т.е. Пта (бог - покровитель кузнецов), который отождествлялся с Гефестом.

[161] Египетский гражданский год начинался 19 июля с восходом Сириуса (егип. Содпет, Сотис), когда начинался разлив Нила, и продолжался до следующего разлива. Год делился на три времени года (разлив, посев, жатва).

[162] Греческий год делился на 12 лунных месяцев (6 месяцев по 30 дней и 6 - по 29 дней). Через каждые три, пять и восемь лет восьмилетнего цикла прибавлялся "вставной" месяц (Посейдеон второй).

[163] Плинфинский залив и озеро Сербонида являются восточной и западной границами Египта.

Двенадцати богов в Афинах до Писы, именно до храма Зевса Олимпийского. Если точно измерить оба эти расстояния, то, конечно, разница будет небольшая, не больше 15 стадий. Ведь по дороге от Афин до Писы 1500 стадий без 15, тогда как путь от моря до Гелиополя составляет полностью 1500 стадий.

8. От Гелиополя в глубь страны Египет суживается[164]. Здесь с одной стороны он ограничен Аравийскими горами, которые непрерывно тянутся с севера на юг, вплоть до так называемого Красного моря. В этих горах находятся каменоломни, откуда вырубали камни для пирамид в Мемфисе. Там горы кончаются и поворачивают, как сказано, к Красному морю. В самом широком месте, как я слышал, нужно два месяца, чтобы перейти [эти горы] с востока на запад. В восточных пределах, говорят, растет ладан[165]. Таковы эти горы. На другой же, ливийской, стороне тянутся скалистые и "в зыбком песке глубоко погребенные"[166] горы. В этих горах стоят пирамиды. Простираются эти горы так же, как и Аравийские, с севера на юг. Итак, начиная от Гелиополя, Египет уже более не широк (поскольку эта местность принадлежит к Египту), но около четырнадцати дней пути вверх по течению [Нила] Египет – узкая страна. Между этими упомянутыми горами земля плоская и в самом узком месте, по моей оценке, расстояние между Аравийскими и Ливийскими горами не больше 200 стадий. Отсюда Египет снова расширяется. Таковы природные свойства этой страны.

9. А от Гелиополя до Фив девять дней плавания вверх по реке, длина же пути 4860 стадий, или 81 схен. Вот число стадий Египта в общей сложности: так, длина морского побережья Египта, как я уже сказал выше[167], составляет 3600 стадий. Теперь я покажу, как велико расстояние от моря в глубь страны до Фив; оно составляет 6120 стадий, а от Фив до города под названием Элефантина – 1800[168].

10. Итак, большая часть этой названной области, как меня уверяли жрецы, и как я сам думаю, лишь [недавнего происхождения] и является наносной землей; и действительно, у меня создалось впечатление, что низменность, лежащая между упомянутыми горами к югу от Мемфиса, некогда была морским заливом совершенно так же, как долины в Илионской области[169] и в Тевтрании около Эфеса и долина Меандра (если вообще можно сравнивать эти маленькие долины с огромной египетской низменностью). Ведь ни одну из рек, образовавших свои долины наносами, нельзя по ширине сравнить даже с одним рукавом при устье Нила (а у него таких рукавов пять). Впрочем, есть также и в других местах реки (хотя и не такой величины, как Нил), которые совершили огромную работу. Я мог бы назвать среди них именно Ахелой, который течет через Акарнанию и при впадении в море уже соединил с материком половину Эхинадских островов.

11. А в Аравии, недалеко от Египта, есть морской залив, который тянется от так называемого Красного моря [до Сирии]. Он очень длинный и узкий, как я сейчас объясню: чтобы переплыть залив в длину на гребном судне от самой отдаленной части залива в открытое море, требуется 40 дней, тогда как в ширину в самом широком месте нужно всего полдня плавания. Каждый день в заливе бывает прилив и отлив. Таким именно заливом, как мне думается, был когда-то и Египет: он [залив] простирался от Северного моря к Эфиопии, тогда как Аравийский, о котором я еще скажу, тянулся от Южного моря к Сирии. Оба залива почти соприкасались друг с другом своими вершинами, если бы они не расходились, отделенные только узким пространством земли. Если бы Нил вздумал переменить свое течение и направиться в этот Аравийский залив, то, что помешало бы реке

[164] Ширина Нильской долины от Каира до Сиены (Асуан) меняется от 20 до 1 км.

[165] Это - страна Пунт, т. е. сомалийское побережье.

[166] Гомеровское выражение (ср.: Одиссея 14,136).

[167] См. выше, II.6.

[168] Как показывает упоминание Геродотом египетской меры схен ("хеннуб"), автор пользовался здесь египетскими источниками. Тем не менее цифры для расстояний неверны.

[169] Т.е. долина р. Скамандра.

занести его илом за 20.000 лет? Я же думаю, что для этого нужно всего лишь 10.000 лет. Почему же за все время, прошедшее до моего рождения, даже гораздо больший залив не оказался занесенным илом этой столь огромной и деятельно [отлагающей наносы] реки?

12. Итак, я верю рассказам жрецов о Египте и целиком разделяю их мнение. Я вижу ведь, что египетское побережье выдается в море дальше соседних областей. Затем в горах находят раковины, и из почвы выступает соленая вода, которая разрушает даже пирамиды. Далее, там одна-единственная гора – та, что выше Мемфиса, – покрыта песком. Наконец, ни почва пограничной Аравии, ни Ливии, ни Сирии (аравийская прибрежная полоса населена сирийцами) не похожа на египетскую. Египетская почва – черная[170], рыхлая, именно потому, что она состоит из ила, перенесенного Нилом из Эфиопии[171]. Почва же Ливии, как известно, каменистая и довольно песчаная, тогда как аравийская и сирийская – более глинистая и несколько каменистая.

13. Жрецы приводили к тому же еще вот какой весьма важный довод: во времена царя Мерида всякий раз, когда река поднималась, по меньшей мере, на 8 локтей, она заливала Египет ниже Мемфиса. И еще не прошло и 900 лет после кончины Мерида[172], когда я слышал об этом от жрецов. Теперь же река затопляет страну, только если уровень воды достигает 15 или 16 локтей, по меньшей мере. Поэтому я полагаю: если эта страна будет и дальше расти в том же соотношении и становиться все выше, то когда-нибудь Нил вообще не будет затоплять ее. Область же ниже озера Мериды, и особенно жители так называемой Дельты, впредь будут всегда испытывать то, что они раньше предрекли эллинам. Ведь когда они услышали, что вся эллинская земля орошается дождем (а не, так как их страна, реками), то объявили, что эллины когда-нибудь обманутся в своих твердых упованиях [на небесную помощь] и испытают страшный голод. Этим они хотели сказать, что если божество не ниспошлет им больше дождя, а долгую засуху, то эллинов "поразит" голод: ведь влага у эллинов только от Зевса.

14. То, что египтяне говорят об эллинах, правильно. Теперь я расскажу, как обстоит дело у самих египтян. Если область ниже Мемфиса (именно та, что растет [от наносов]) также и впредь будет возвышаться от наносов в такой же мере, как я сказал выше, то разве жители ее не будут страдать от голода? Ведь в их стране не бывает дождей, а река уже перестанет заливать поля. Теперь, конечно, нет другого народа на свете (а также и в остальном Египте), кто так легко добывал бы плоды своей земли, как здесь. Им ведь не нужно трудиться, проводя борозды плугом, разрыхлять землю [киркой] и заниматься прочими работами на ниве, столь изнурительными для остальных людей. После каждого естественного разлива, когда река, оросив поля, снова входит в берега, каждый египтянин засевает свою пашню, а потом выгоняет на нее свиней. Затем, когда семена втоптаны в почву свиньями, ожидают время жатвы, а потом при помощи этих же свиней обмолачивают зерно и, наконец, свозят его в амбары[173].

15. Итак, если мы согласимся с мнением ионян, которые только одну Дельту считают Египтом, а побережьем Египта называют лишь пространство на 40 схенов, от так называемой башни Персея до пелусийских заведений для вяления и засола рыбы[174], и от моря [в глубь страны] только местность до города Керкасора (т. е. до места, где Нил разделяется и один его рукав течет к Пелусию, а другой – к Канобу); остальная же часть Египетской земли, по их мнению, принадлежит частью к Ливии, а частью к Аравии; если, повторяю, примем это мнение, то,

[170] Местное египетское название Египта Кемет (черный).

[171] Речь идет о Голубом Ниле, который приносит ил с Абиссинских гор.

[172] Геродот пользуется записями жрецов, которые относятся к разливу Нила при царе Аменофисе IV (137-1358 гг. до н.э.). Этот царь смешан здесь с Меридом (Аменемхет III, ок. 1840-1792 гг. до н.э.).

[173] В области нильской Дельты землю не вспахивали плугом.

[174] Подобные заведения были также у Каноба (в устье западного рукава Нила).

пожалуй, окажется, что у египтян прежде не было вовсе земли. Ведь, конечно, как утверждают, по крайней мере, сами египтяне (с чем и я согласен), Дельта – наносная земля и, так сказать, лишь недавно возникшая [из моря]. Если у египтян, в самом деле [когда-то] не было никакой земли, то они напрасно считали себя древнейшим народом на свете. И им вовсе не нужно было бы подвергать испытанию детей, на каком языке они сначала заговорят. Однако, как мне думается, египетский народ не только не произошел одновременно с образованием так называемой у ионян Дельты, но существовал всегда, с тех пор как на свете появились люди. По мере же роста их страны многие жители оставались на старых местах, а многие постепенно стали спускаться вниз [по течению реки]. В древности же вообще только Фиванская область называлась Египтом[175]. Область эта в окружности простиралась на 6120 стадий.

16. Итак, если наш взгляд правилен, то представления ионян о Египте ложны. Если же правы ионяне, то я могу показать, что эллины и сами ионяне не умеют считать: они утверждают, что существуют три части света – Европа, Азия и Ливия. К ним, однако, придется причислить еще и четвертую часть света – египетскую Дельту, так как она не принадлежит ни Азии, ни Ливии. Ведь, согласно этому взгляду, Нил не образует границы между Азией и Ливией, но разделяется на рукава на вершине Дельты, так что Дельта оказывается между Азией и Ливией.

17. Впрочем, предоставим ионянам думать [как им угодно]. Я же держусь вот какого мнения об этом: Египтом я считаю всю страну, населенную египтянами, так же как Киликией и Ассирией [признаю] всю область, населенную киликийцами и ассирийцами. И, собственно говоря, я не знаю настоящей границы между Азией и Ливией, кроме самой Египетской земли. Если же принять обычное у эллинов представление [о границе], то придется целиком весь Египет (начиная от Катадупов[176] и города Элефантины [вниз по течению реки]) считать разделенным на две части, которые имеют два названия. Ведь одна часть Египта принадлежит Ливии, другая – Азии: начиная от Катадупов, в своем течении к морю Нил рассекает Египет на две части. Вплоть до города Керкасора Нил течет по одному руслу. Здесь же он течет, уже разделяясь на три рукава, из которых один (так называемое Пелусийское устье) поворачивает на восток, другой – на запад (это устье называется Канобским). Третий же рукав течет прямо в море вот как: начинается он на вершине Дельты и на своем пути к морю разделяет Дельту на две равные половины. Это устье несет к морю огромную массу воды. Оно самое знаменитое и называется Себеннитским устьем. Есть и еще два других устья, которые ответвляются от этого Себеннитского устья и текут в море. Вот их названия: одно – Саисское, другое – Мендесийское. Больбитское же и Буколийское устья – не естественные, а искусственно [рукой человека] прорытые устья.

18. В пользу моего мнения, что Египет так велик, как я указал здесь, я могу сослаться еще и на изречение оракула Аммона (я узнал об этом изречении уже после того, как составил свое мнение о Египте). Жители египетских городов Мареи и Аписа (на границе с Ливией), которые считали себя ливийцами, а не египтянами, тяготились [египетскими] религиозными обычаями и обрядами. Так, они не желали воздерживаться от [вкушения] коровьего мяса. Поэтому они отправили [вестников] к оракулу Аммона объявить, что у них нет ничего общего с египтянами. Они ведь, по их словам, не только живут вне Дельты, но и говорят на разных языках и [потому] просят позволения вкушать мясо всех животных. А бог отклонил их просьбу и сказал, что вся страна, наводняемая и орошаемая Нилом, принадлежит Египту и все люди, живущие ниже Элефантины и пьющие нильскую воду, – египтяне, Такой ответ они получили от оракула.

19. Когда Нил выходит из берегов, то не только заливает Дельту, но даже и часть так называемой Ливийской и Аравийской области, именно [область] на два

[175] Греческое название Египта восходит к египетскому Хикупта (Ка - дом Пта). Хикупта - имя главного святилища в Мемфисе. По этому храму был назван город Мемфис, а впоследствии и вся долина Нила.

[176] Здесь имеется в виду первый катаракт у Сиены.

дня пути в обе стороны (иногда больше, иногда меньше). О природных свойствах этой [удивительной] реки я не мог ничего узнать ни от жрецов, ни от кого-либо другого. Именно, я старался дознаться у них, почему Нил, начиная от летнего солнцестояния, выходит из берегов и [вода его] поднимается в течение приблизительно 100 дней; по истечении же этого срока вода снова спадает, река входит в свое прежнее русло и затем низкий уровень воды сохраняется целую зиму, вплоть до следующего летнего солнцестояния. Ни один египтянин не мог мне ничего сообщить о [причинах] этого явления, никто не был в состоянии ответить на вопрос: отчего природа Нила прямо противоположна природе остальных рек. Путем расспросов я желал узнать причину указанного явления и почему из всех рек [на свете] только с этой реки не дуют [холодные] ветры.

20. Однако некоторые эллины, которые хотели, конечно, прославиться своими знаниями и проницательностью, высказали три различных объяснения причин разливов [Нила]. Два из них, собственно, даже не заслуживают обсуждения (разве что вкратце), но мне хочется, по крайней мере, упомянуть о них. Согласно одному толкованию, причиной нильских разливов являются этесийские ветры, которые-де препятствуют реке течь в море[177]. Однако в иные годы этих ветров не бывает, но подъем воды в Ниле все-таки происходит. К тому же, если бы причиной тут были ветры, то и все другие реки, также текущие против них, должны были бы вести себя подобно Нилу.

21. Второе толкование еще неразумнее и, так сказать, удивительнее первого[178]. Оно гласит: подъем и спад [воды Нила] происходит оттого, что Нил вытекает из Океана, а этот Океан обтекает всю землю кругом.

22. Наконец, третье объяснение, хотя и наиболее правдоподобное, тем не менее, самое ложное. Действительно, и оно так же решительно ничего не объясняет, утверждая, будто Нил выходит из берегов от таяния снегов[179]. Между тем Нил течет из Ливии, затем проходит через Эфиопскую землю и впадает в море в Египте. В самом деле, как же [разлив] Нила может происходить от [таяния] снегов, если эта река течет из самых жарких стран в страны, значительно более холодные. По крайней мере, всякому, кто вообще в состоянии судить о таких предметах, представляется невероятным, чтобы [разлив] Нила происходил от [таяния] снегов. Первый и решающий довод [против этого] – знойные ветры, дующие из этих стран. Во-вторых, в этой земле вовсе не бывает дождей и она никогда не покрывается льдом. После же снегопада в течение пяти дней непременно должны выпадать дожди. Поэтому если бы [в этих странах] шел снег, то были бы также и дожди. В-третьих, люди там черные от действия [сильного] зноя. Коршуны и ласточки остаются там целую зиму, а журавли, спасаясь от скифских холодов, прилетают в эти места на зимовку. Итак, если бы в этой стране, по которой течет и откуда берет начало Нил, выпадало бы хоть немного снега, то ни один из приведенных фактов был бы невозможен, как это и логически необходимо.

23. Толкователь же, который рассуждает об Океане[180], забрался в такую темную, неизведанную область и [потому] ничего не доказывает. Мне, по крайней мере, ничего не известно о существовании реки Океана. Имя "Океан" придумал, по моему мнению, Гомер или еще какой-нибудь древний поэт и ввел его в свою поэзию.

24. А если теперь, отвергнув приведенные мнения, я должен высказать свой собственный взгляд на это неясное явление, я скажу, отчего, как мне думается, разливы Нила происходят летом. Зимней порою солнце, гонимое северными

[177] Эту гипотезу высказал Фалес Милетский (ок. 600 г. до н.э.).

[178] Это толкование принадлежит Евфимену из Массалии (конец VI в. до н.э.). Евфимен, плавая вдоль западного побережья Африки, достиг совр. Сенегала и думал, что истоки Нила находятся в Океане.

[179] Геродот опровергает мнение философа Анаксагора (ок. 500-428 гг. до н.э.).

[180] Здесь Геродот, по-видимому, имеет в виду Гекатея Милетского.

ветрами, уходит со своего обычного летнего пути в Верхнюю Ливию. Этим, одним словом, и объясняется все явление. Ведь та страна, к которой ближе всего этот бог [солнце] и где он пребывает, естественно, самая безводная, и реки там высыхают.

25. Если же вдаваться в подробности, то дело обстоит вот как. На своем пути через Верхнюю Ливию солнце производит вот какое действие: так как при всегда ясном небе земля там нагрета и нет холодных ветров, то действие [солнца] там такое же, как в летнее время [у нас], когда оно проходит посредине неба. Ведь солнце притягивает к себе воду и затем снова отталкивает ее вверх, где ее подхватывают ветры, рассеивают и заставляют испаряться. Поэтому совершенно естественно, что ветры, дующие из этой страны (именно, южный и юго-западный), больше всего приносят дождей. Солнце же, мне думается, каждый раз не отдает назад всю нильскую воду, которую ежегодно притягивает к себе, но [всегда] оставляет некоторое количество себе [в пищу]. Когда же зима подходит к концу, солнце снова возвращается на середину неба и с этих пор уже равномерно притягивает к себе воду из всех рек. До того времени [зимою] благодаря обильному притоку дождевой воды реки полноводны, так как в стране выпадают обильные дожди и она испещрена [полными воды] оврагами. Летом же, когда дождей больше нет и солнце притягивает воду, реки мелеют. Нил же, не питаемый дождями, напротив, как раз в это время, когда солнце не притягивает его воды, [т. е. зимою], – единственная из всех рек, у которой, естественно, зимой гораздо меньше воды (сравнительно с нормальным уровнем ее летом). Ведь летом солнце притягивает к себе нильские воды в такой же мере, как и воды других рек, тогда как зимой только один Нил подвергается действию солнечных лучей. Таким образом, я держусь того мнения, что солнце – причина [летних разливов] и зимнего обмеления Нила.

26. Я думаю также, что от солнца зависит и сухость воздуха в этих странах, так как оно раскаляет [землю] на своем пути. Таким образом, в Верхней Ливии – вечное лето. Если бы порядок времен года [и стран света] изменился, и в той части неба, где теперь северный ветер и зима, были бы южный ветер и полдень, и северный ветер дул бы из тех краев, откуда теперь дует южный ветер; если бы это было так, тогда солнце (лишь только зима и северный ветер прогонят его с середины неба) пошло бы в Верхнюю Европу вместо Верхней Ливии, как теперь, и на пути солнца через всю Европу, как я думаю, оно действовало бы на Истр почти таким же образом, как теперь на Нил.

27. А почему не дует с Нила холодный ветер, по-моему, объясняется вот чем: из очень знойных стран, как правило, вообще не дуют ветры, но всегда только из какой-нибудь холодной.

28. Впрочем, пусть это остается, как есть и как было искони! Что до истоков Нила, то никто из египтян, ливийцев или эллинов, с которыми мне приходилось иметь дело, не мог ничего мне сообщить об этом, кроме храмового писца и управителя храмовым имуществом Афины в египетском городе Саисе[181]. Но, как мне кажется, он шутил, утверждая, будто можно знать это. Рассказывал же он вот что: есть две горы с остроконечной вершиной, возвышающиеся между городами Сиеной в Фиванской области и Элефантиной. Названия этих гор – Крофи и Мофи. Между этими-то горами и выходят на поверхность бездонные источники Нила, причем половина их вод течет на север, в Египет, а другая половина на юг, в Эфиопию[182]. А то, что эти источники бездонные, установил, по его словам, произведя исследование, египетский царь Псамметих. Царь приказал свить канат длиной во много тысяч оргий и опустить в пропасть, но канат не достал до дна. Если писец действительно сказал правду, то его рассказ, по-моему, доказывает только то, что в этой местности есть сильные водовороты, встречные течения и воды [поэтому] разбиваются там о скалы, отчего опущенный туда лот не мог достичь дна.

[181] Писец храма богини Нейт (Афины), один из высших должностных лиц при храме, вероятно, главный осведомитель Геродота о Египте и его истории.
[182] Этот миф известен из египетских текстов пирамид.

29. Так вот, ни от кого другого я ничего не мог узнать об этом. Впрочем, свои изыскания я распространил как можно дальше, так как я сам доходил до города Элефантины; начиная же оттуда, мне пришлось, конечно, собирать сведения по слухам и расспросам. Если плыть вверх по течению до города Элефантины, то местность круто повышается. Поэтому здесь нужно привязывать канат к барке с обеих сторон и тащить вперед, как быка. А если канат оборвется, то барку отнесет течением вниз. Расстояние же это [вверх по течению от Элефантины до острова Тахомпсо] составляет четыре дня плавания. Здесь Нил излучист наподобие Меандра[183]. Таким-то образом приходится преодолевать это расстояние в 12 схенов. Затем вступаем в ровную долину, где Нил образует остров под названием Тахомпсо. Выше Элефантины живут уже эфиопы, и остров этот наполовину населяют они, а наполовину египтяне. К этому острову примыкает большое озеро[184], вокруг которого живут эфиопы-кочевники. Переплыв это озеро, попадаем снова в Нил, который вливается в это озеро. Затем приходится сойти с барки и далее двигаться сухим путем вдоль реки 40 дней. Ведь здесь Нил усеян острыми утесами, [выступающими из воды] подводными камнями, так что плавание невозможно. Пройдя за 40 дней эту страну, садишься на другую барку и после 12-дневного плавания прибываешь в большой город по имени Мерое[185]. Этот город, как говорят, – столица всей Эфиопии. Жители его признают только двух богов – Зевса[186] и Диониса[187] – и почитают их весьма усердно. Там находится также прорицалище Зевса. В поход они выступают, когда и куда бог укажет им своим изречением.

30. Если же плыть далее от этого города, то за то же самое время, какое требуется для переезда из Элефантины в столицу эфиопов, достигнешь страны "перебежчиков". Эти "перебежчики" называются по-египетски "асмах"[188], что на эллинском языке означает "люди, стоящие по левую руку царя". Это были те 240.000 египтян из сословия воинов, которые ушли к этим эфиопам вот почему. Во времена царя Псамметиха египтяне выставили пограничную стражу в городе Элефантине против эфиопов, в Дафнах, что в Пелусийской области, – против арабов и сирийцев и в Марее – против ливийцев. Еще и в наше время стоит персидская стража в тех же самых местах, как и при Псамметихе. И действительно, и в Элефантине, и в Дафнах находится персидская пограничная охрана. И вот, когда эти египтяне три года провели там, неся стражу, и никто не пришел их сменить, они сообща решили тогда отпасть от Псамметиха и переселиться в Эфиопию. А Псамметих, узнав об этом, пустился за ними в погоню. Когда же он настиг их, то настоятельно упрашивал возвратиться и не покидать [на произвол судьбы] отеческих богов, и жен, и детей. Тогда, как передают, один из беглецов ответил царю, указывая на свой половой орган: "Будь только это, а жены и дети найдутся". Прибыв в Эфиопию, беглецы отдались под власть эфиопского царя. А тот наградил их за это вот каким образом. Некоторые эфиопские племена восстали против своего царя. Их-то и повелел царь египтянам изгнать и затем поселиться на земле изгнанников. И с тех пор, как эти египтяне поселились среди эфиопов, эфиопы восприняли египетские обычаи и сделались более культурными.

31. Таким образом, течение Нила (не считая пространства, по которому он течет в Египте) известно на расстоянии 4-месячного плавания и сухопутного пути. Ведь столько получается месяцев, если сосчитать время пути от Элефантины до страны

[183] Здесь Геродот дает описание первого катаракта Нила ниже Сиены.

[184] Запруженный и разлившийся в этом месте Нил Геродот принимает за озеро.

[185] Прежняя столица эфиопов была Напата на р. Джебель Баркал, но после похода Камбиса перенесена дальше на юг в Мерое. Эфиопское царство со столицей в Мерое существовало до 355 г. н.э.

[186] Зевс у эфиопов - Амон-Ра.

[187] Дионис - Осирис.

[188] Лемех (егип. "схм" - по левую руку) означает, вероятно, восточные племена, которые впоследствии переселились на юг.

этих перебежчиков. Нил течет здесь с запада на восток. О дальнейшем же его течении никто ничего определенного сказать не может. Ведь страна эта безлюдна из-за сильного зноя.

32. Впрочем, мне удалось узнать от киренцев еще вот что: по их рассказам, при посещении прорицалища Аммона они беседовали с царем аммониев Этеархом. И вот, между прочим, речь у них зашла о Ниле, именно о том, что истоки его никому не известны. И Этеарх рассказал: пришли к нему как-то насамоны (а народ это ливийский, живущий на Сирте и в области, расположенной несколько далее на восток). По прибытии этих насамонов царь спросил, не могут ли они сообщить более точные сведения о Ливийской пустыне. Они ответили: "Были у них отважные молодые люди, сыновья вождей. Возмужав, эти юноши придумывали разные сумасшедшие затеи и даже выбрали по жребию пятерых из своей среды совершить путешествие по Ливийской пустыне с целью проникнуть дальше и увидеть больше всех тех, кто раньше побывал в самых отдаленных ее частях. На ливийском побережье Северного моря[189] от Египта до мыса Солоента всюду живут ливийцы, а именно многочисленные ливийские племена (кроме мест, занятых эллинами и финикиянами). [Внутренняя же часть] Ливии над морем, за населенной прибрежной областью к югу от этих племен, полна диких зверей. Еще далее к югу от страны диких зверей земля песчаная, безводная и совершенно безлюдная. Итак, юноши, посланные сверстниками, отправились в путь с большим запасом воды и продовольствия. Сначала они шли по населенной местности, а затем, миновав ее, прибыли в область диких зверей, а оттуда, наконец, в пустыню, держа путь все время на запад. После многодневного странствования по обширной пустыне они снова увидели растущие в долине деревья. Подойдя к деревьям, юноши стали рвать висевшие на них плоды. В это время на них напали маленькие (ниже среднего роста) люди, схватили их и увели с собой[190]. А языка этих людей насамоны не могли понять, и те, кто их вел, также не понимали речи насамонов. Юношей вели через обширные болота и, наконец, доставили в город, где все люди были так же малы, как и их вожаки, и [тоже] черного цвета. Мимо этого города протекает большая река, а течет она с запада на восток и в ней были видны крокодилы".

33. Вот что я хочу сообщить о том, что мне передавали киренцы о своей беседе с Этеархом Аммонийским. Прибавлю только еще: со слов киренцев он сообщал, что насамоны благополучно возвратились назад и что все люди, к которым они приходили, были волшебниками. Что до реки, протекающей там мимо [города], то Этеарх считал ее Нилом и не без основания: ведь Нил течет из Ливии, рассекая ее посредине. И, как я заключаю, судя по известному о неизвестном, Нил берет начало, как и Истр, в таких же отдаленных странах. Ведь река Истр начинается в стране кельтов у города Пирены и течет, пересекая Европу посредине. Кельты же обитают за Геракловыми Столпами по соседству с кинетами, живущими на самом крайнем западе Европы. Впадает же Истр в Евксинский Понт, протекая через всю Европу там, где милетские поселенцы основали город Истрию.

34. Так вот, течение Истра, который несет свои воды по населенным землям, известно многим. Об истоках же Нила никто ничего определенного сказать не может. Ведь Ливия, которую Нил пересекает, необитаема и пустынна. О его верхнем течении я рассказал все, что только можно было узнать из рассказов. Затем Нил втекает в Египет. Египет же лежит приблизительно напротив Киликийской горной области. А отсюда до Синопы, что на Евксинском Понте, прямым путем для хорошего пешехода пять дней пути. Синопа же расположена против устья Истра[191]. Поэтому-то мне думается, что течение Нила, пересекающего всю Ливию, подобно течению Истра.

[189] Т.е. Средиземное море.

[190] Насамоны пересекли Сахару в юго-западном направлении от берегов Большого Сирта, вероятно, до Тимбукту на Нигере. "Маленькие люди", быть может, одно из племен пигмеев.

[191] Это, конечно, неверно.

35. О Ниле сказано достаточно. Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому что в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами. Поэтому я должен дать более точное ее описание. Подобно тому как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов. Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. Другие народы при тканье толкают уток кверху, а египтяне – вниз. Мужчины [у них] носят тяжести на голове, а женщины – на плечах. Мочатся женщины стоя, а мужчины сидя. Естественные отправления они совершают в своих домах, а едят на улице на том основании, что раз эти отправления непристойны, то их следует удовлетворять втайне, поскольку же они пристойны, то открыто. Ни одна женщина [у них] не может быть жрицей ни мужского, ни женского божества[192], мужчины же [могут быть жрецами] всех богов и богинь. Сыновья у них не обязаны содержать престарелых родителей, а дочери должны это делать даже против своего желания.

36. В других странах жрецы богов носят длинные волосы, а в Египте они стригутся. В знак траура у других народов ближайшие родственники, по обычаю, стригут волосы на голове, египтяне же, если кто-нибудь умирает, напротив, отпускают волосы и бороду, тогда как обыкновенно стригутся. Другие народы живут отдельно от животных, а египтяне – под одной крышей с ними; другие питаются пшеницей и ячменем, в Египте же считается величайшим позором употреблять в пищу эти злаки. Хлеб там выпекают из полбы, которую некоторые называют зеей. Тесто у них принято месить ногами, а глину руками. Собирают они также и навоз. Половые части другие народы оставляют, как они есть; только египтяне (и те народности, которые усвоили этот обычай от них) совершают обрезание. Каждый мужчина носит у них две одежды, а всякая женщина – одну. Парусные кольца и канаты другие привязывают снаружи [к стенке судна], а египтяне же – внутри. Эллины пишут свои буквы и считают слева направо, а египтяне – справа налево. И все же, делая так, они утверждают, что пишут направо, а эллины – налево. У них употребляется, впрочем, двоякого рода письмо: одно называется священным [иератическим], а другое демотическим [общенародным][193].

37. Египтяне – самые богобоязненные люди из всех, и обычаи у них вот какие. Пьют они из бронзовых кубков и моют их ежедневно, при этом именно все, а не только некоторые. Они носят льняные одежды, всегда свежевыстиранные; об этом они особенно заботятся. Половые части они обрезают ради чистоты, предпочитая опрятность красоте. Каждые три дня жрецы сбривают волосы на своем теле, чтобы при богослужении у них не появилось вшей или других паразитов. Одеяние жрецы носят только льняное и обувь из [папирусного] лыка. Иной одежды и обуви им носить не дозволено. Дважды днем и дважды ночью они совершают омовение в холодной воде и, одним словом, соблюдают еще множество других обрядов. Конечно, жрецы получают и немалые выгоды. Из своих средств им ничего не приходится тратить, так как они получают [часть] "священного" хлеба и каждый день им достается довольно большое количество бычьего мяса и гусятины, а также и виноградного вина. Напротив, употреблять в пищу рыбу им не дозволено. Бобов же в своей стране египтяне вовсе не сеют и даже не едят и дикорастущих ни в сыром, ни в вареном виде. Жрецы не терпят даже вида бобов, считая их нечистыми плодами. У каждого бога там, впрочем, не один, а много жрецов. Из них один – верховный жрец. Когда какой-нибудь жрец умирает, то ему наследует

[192] Это сообщение неправильно: в Египте было много женщин-жриц.

[193] Здесь Геродот неточен. В его время у египтян было распространено древнейшее иероглифическое письмо (для надписей), иероглифическое упрощенное письмо, иератический курсив (для деловых бумаг и писем) и, наконец, демотическое письмо (для широкого употребления). Демотическим письмом писали главным образом справа налево.

сын[194].

38. Быки считаются посвященными Эпафу[195], и поэтому их тщательно исследуют вот каким образом. Если найдут на нем хоть один черный волос, то бык считается нечистым. Исследование же это производит нарочно назначенный для этого жрец, причем животное стоит прямо, а затем лежит на спине. Потом у быка вытягивают язык, чтобы узнать, чист ли он от особых знаков, которые я опишу в другом месте. Жрец осматривает также волосы на хвосте: правильно ли они по природе растут. Если животное окажется чистым по всем статьям, то жрец отмечает его, обвивая папирусом рога, и затем, намазав их печатной глиной, прикладывает свой перстень с печатью, после чего быка уводят. За принесение в жертву неотмеченного животного полагается смертная казнь.

39. Так вот, осмотр животного производится указанным способом. Жертвоприношение же совершается вот как. Отмеченное животное приводят к алтарю, где приносят в жертву, и возжигают огонь. Затем, совершив возлияние вином над алтарем, где лежит жертва, и, призвав божество, они закалывают животное, а после заклания отсекают голову. Тушу животного обдирают и уносят, призвав страшные проклятия на его голову. Если там есть рынок и на нем торгуют эллинские купцы, то голову приносят на рынок и продают. Если же эллинов нет, то голову бросают в Нил. Над головой же они изрекают вот какие заклятия: если тем, кто приносит жертву, или всему Египту грозит беда, то да падет она на эту голову. Обычаи, касающиеся голов жертвенных животных и возлияния вина, у всех египтян одинаковы и соблюдаются при каждом жертвоприношении и в силу этого обычая ни один египтянин не может употреблять в пищу головы какого-либо животного.

40. Способ потрошения и сжигания жертв у них различен для разных животных. Я имею в виду здесь [культ Исиды], которую они считают величайшей богиней и в честь нее справляют самое главное празднество[196]. При жертвоприношении Исиде они обдирают тушу быка и совершают молитву, а затем вынимают целиком желудок, но внутренности и жир оставляют в туше. Потом отрезают ляжки, верхнюю часть бедра, плечи и шею. После этого наполняют остальную тушу быка чистым хлебом, медом, изюмом, винными ягодами, ладаном, смирной и прочими благовониями. Наполнив тушу всем этим, они сжигают ее, обильно поливая маслом. Перед принесением жертвы они постятся, а при сжигании жертв все участники предаются скорби. Затем, прекратив плач, устраивают пиршество из оставшихся [несожженными] частей жертв.

41. "Чистых" [лишенных особых примет] быков и телят египтяне приносят в жертву повсюду. Напротив, коров приносить в жертву им не дозволено: они посвящены Исиде. Ведь Исида изображается в виде женщины с коровьими рогами (подобно изображению Ио у эллинов), и все египтяне точно так же почитают больше всех животных коров[197]. Вот почему ни один египтянин или египтянка не станет целовать эллина в уста и не будет употреблять эллинского ножа, вертела или котла. Они даже не едят мяса "чистого" быка, если он разрублен эллинским ножом. Погребают же павших [коров и быков] они вот каким способом: коров бросают в реку, а быков всякий предает земле перед своим городом, причем один или два рога торчат над землей как могильный знак. Когда туша сгниет, в определенное время в каждый город с острова под названием Просопитида подъезжает барка. Остров этот лежит в Дельте: окружность его равна 9 схенам. На этом острове Просопитиде много и других городов, а тот, откуда приходит

[194] Во многих храмах Египта жреческие должности были наследственными. Все египетские правители несли огромные расходы на содержание храмов и жрецов. Даже персидские завоеватели при Дарии I должны были признать древние привилегии храмового жречества и оказывать жрецам денежную помощь.

[195] Быков в Египте с древнейших времен приносили в жертву богу Солнца.

[196] Имеется в виду праздник Исиды, справлявшийся в Бусирисе.

[197] Культ Исиды был распространен среди ливийцев в области Дельты.

барка за костями, называется Атарбехис, и на нем воздвигнуто святилище в честь Афродиты[198]. Из этого города выезжает много барок в разные египетские города выкапывать кости, которые потом увозят и погребают все в одном месте. Так же, как и быков, египтяне погребают и остальных животных, когда те околевают. Это ведь там всеобщий обычай, так как домашних животных они не убивают.

42. Все египтяне, принадлежащие к храмовому округу Зевса Фиванского или живущие в Фиванской области, не едят баранины, но приносят в жертву коз. Ведь они не везде почитают одних и тех же богов. Только Исиду и Осириса (который, по их словам, есть наш Дионис) они все одинаково чтят. Напротив, египтяне, принадлежащие к храмовому округу Мендеса, не употребляют в пищу козьего мяса, но приносят в жертву овец. По рассказам фиванцев и всех тех, кто по их побуждению воздерживается от баранины[199], обычай этот установлен вот почему. Геракл захотел однажды непременно увидеть Зевса, а тот вовсе не пожелал, чтобы Геракл его видел. Когда Геракл стал настойчиво добиваться [свидания], Зевс придумал хитрость: он ободрал барана и отрезал ему голову, затем надел на себя руно и, держа голову перед собой, показался Гераклу. Поэтому-то египтяне и изображают Зевса с ликом барана, а от египтян переняли такой способ изображения аммонии (они происходят от египтян и эфиопов, а язык у них смешанный из языков этих народов). По-моему, и свое имя аммонии заимствовали от Зевса; ведь в Египте Зевса называют Аммоном. Так вот, фиванцы не приносят в жертву баранов; они считают баранов священными по упомянутой выше причине. Только в единственный день в году на празднике Зевса они закалывают одного барана и, сняв руно, надевают его на статую Зевса, как это сделал некогда сам бог. Затем они приносят к ней другую статую Геракла. После этого все жители храмовой округи оплакивают барана и потом погребают в священной гробнице[200].

43. О Геракле же я слышал, что он принадлежит к сонму двенадцати богов. Напротив, о другом Геракле, который известен в Элладе, я не мог ничего узнать в Египте. Впрочем, тому, что египтяне заимствовали имя Геракла не от эллинов, а скорей, наоборот, эллины от египтян, у меня есть много доказательств. Между прочим, оба родителя этого Геракла – Амфитрион и Алкмена – были родом из Египта[201]. Египтяне утверждают также, что имена Посейдона и Диоскуров им неизвестны и эти боги у них не приняты в сонм прочих богов. Но, в самом деле, если бы они вообще заимствовали у эллинов имя какого-нибудь божества, то, конечно, они, прежде всего, должны были бы заимствовать имена этих богов (предполагая, что уже в те стародавние времена они занимались мореплаванием, а также и среди эллинов были мореходы, как я думаю и твердо убежден). Поэтому египтяне должны были бы скорее знать имена этих богов, чем имя Геракла. Но Геракл – древний египетский бог, и, как они сами утверждают, до царствования Амасиса[202] протекло 1700 лет с того времени, как от сонма восьми богов [первого поколения] возникло двенадцать богов[203], одним из которых они считают Геракла.

44. Так вот, желая внести в этот вопрос сколь возможно больше ясности, я отплыл в Тир Финикийский, узнав, что там есть святилище Геракла. И я видел это святилище, богато украшенное посвятительными дарами. Среди прочих посвятительных приношений в нем было два столпа, один из чистого золота, а другой из смарагда, ярко сиявшего ночью[204]. Мне пришлось также беседовать со

[198] Афродитой Геродот называет богиню Гатор, имя которой сохранилось в названии города Атарбехис.

[199] Баран считался у египтян воплощением Хнума.

[200] Имеется в виду праздник солнечного бога Амона и принесение в жертву священного барана.

[201] Алкей - отец Амфитриона и Электрион - отец Алкмены, по мифу, происходили из Египта.

[202] Датировка по предпоследнему египетскому царю Амасису II указывает на то, что Геродот цитирует здесь Гекатея, который посетил Египет при этом царе.

[203] Египтяне знали только цикл девяти богов (эннеада).

[204] Описание Геродота подтверждается надписью на стеле, найденной в Тире.

жрецами бога, и я спросил их, давно ли воздвигнуто это святилище. И оказалось, что в этом вопросе они не разделяют мнения эллинов. Так, по их словам, святилище бога было воздвигнуто при основании Тира, а с тех пор, как они живут в Тире, прошло 2300 лет. Видел я в Тире и другой храм Геракла, которого называют Гераклом Фасийским. Ездил я также и на Фасос[205] и нашел там основанное финикиянами святилище Геракла, которые воздвигли его на своем пути, когда отправились на поиски Европы. И это было не менее чем за пять поколений до рождения в Элладе Амфитрионова сына Геракла. Эти наши изыскания ясно показывают, что Геракл – древний бог. Поэтому, как я думаю, совершенно правильно поступают некоторые эллинские города, воздвигая два храма Гераклу. В одном храме ему приносят жертвы как бессмертному олимпийцу, а в другом – заупокойные жертвы как герою.

45. Много ходит в Элладе и других нелепых сказаний. Так, например, вздорным является сказание о том, как египтяне по прибытии Геракла в Египет увенчали его венками, а затем в торжественной процессии повели на заклание в жертву Зевсу. Сначала Геракл не сопротивлялся, а, когда египтяне хотели уже приступить к закланию его на алтаре, собрался с силами и перебил всех египтян. По моему же мнению, подобными рассказами эллины только доказывают свое полное неведение нравов и обычаев египтян. В самом деле, возможно ли, чтобы люди, которым не дозволено убивать даже домашних животных, кроме свиней, быков, телят (если только они "чисты") и гусей, стали приносить в жертву людей. Притом Геракл прибыл туда совершенно один и, по их же собственным словам, был только смертным, как же мог он умертвить такое множество людей? Да помилуют нас боги и герои за то, что мы столько наговорили о делах божественных!

46. Итак, коз и коров в упомянутых округах египтяне не приносят в жертву и вот почему. Мендесийцы причисляют к сонму восьми богов также Пана и утверждают, что эти восемь богов древнее двенадцати. Пишут же художники и высекают скульпторы изображения Пана[206] подобно эллинам – с козьей головой и козлиными ногами, хотя и не считают, конечно, такое изображение правильным, полагая, что этот бог имеет такой же вид, как и прочие боги. Но почему они все-таки изображают его таким, мне трудно сказать. Мендесийцы почитают всех коз священными, но козлов еще больше, чем коз, и козьи пастухи у них в большом почете. Одного козла они, однако, особенно чтят, и смерть его всякий раз приносит великое горе всему Мендесийскому округу. Называется же козел и Пан по-египетски одинаково – Мендес[207]. В бытность мою в этом округе произошло удивительное событие: козел открыто сошелся с женщиной. И об этом стало известно всем.

47. Свинью египтяне считают нечистым животным. И если кто-нибудь, проходя мимо, коснется свиньи, то сразу же идет к реке и в одежде, которая на нем, погружается в воду. Так же и свинопасам, единственным из всех египтян, несмотря на их египетское происхождение, не дозволено вступать ни в один египетский храм. Никто не хочет выдавать за них замуж своих дочерей или брать в жены их девиц, так что они женятся и выходят замуж только между собой. Прочим богам, кроме Селены и Диониса, египтяне не приносят в жертву свиней, да и этим богам – только в известное время, а именно в день полнолуния. Затем после жертвоприношения они вкушают свинину. О том, почему в другие праздники они пренебрегают свиньями, а в этот приносят их в жертву, у египтян существует сказание. Я знаю это сказание, но не считаю благопристойным его рассказывать. Жертвоприношения же свиней Селене совершаются вот как. После заклания свиньи жрец кладет рядом кончик хвоста, селезенку и сальник и покрывает их

[205] Фасос, по-видимому, имя финикийского божества, храм которого Геродот посетил в Тире.

[206] Богом города Мендеса был Хнум. Баран у египтян был символом производительной силы. Геродот отождествляет бога Мендеса с греческим Паном потому, что тот изображался с козлиными рогами.

[207] Мендес, быть может, егип. Бен-иб-дд (баран).

всем жиром из брюшины животного. Затем все это сжигают на огне. Остальное мясо съедают еще в день полнолуния[208], когда приносят жертву. В другой день уже больше никто не станет есть свинины. Бедняки же по скудости средств [к жизни] вылепливают фигурки свиней из пшеничного теста, пекут их и приносят в жертву.

48. Каждый египтянин закалывает в честь Диониса вечером накануне праздника поросенка перед дверьми своего дома и затем отдает его свинопасу, который продал ему поросенка. В остальном египтяне справляют праздник в честь Диониса почти совершенно так же, как и в Элладе (за исключением хоров). Только вместо фаллосов они придумали носить другой символ – куклы-статуэтки в локоть величиной, приводимые в движение с помощью шнурков. Эти куклы с опускающимся и поднимающимся членом женщины носят по селениям, причем этот член почти такой же величины, как и все тело куклы. Впереди шествует флейтист, а за ним следуют женщины, воспевая Диониса. А почему член куклы так велик и отчего это единственно подвижная часть тела куклы, об этом существует священное сказание.

49. По-моему же, этот праздник был небезызвестен Меламподу[209], сыну Амифеона, а даже, напротив, хорошо знаком. Ведь именно Мелампод познакомил эллинов с именем Диониса, с его праздником и фаллическими шествиями. Конечно, он посвятил их не во все подробности культа Диониса, и только мудрецы, прибывшие впоследствии, полнее разъяснили им [значение культа]. Впрочем, фаллос, который носят на праздничном шествии в честь Диониса, ввел уже Мелампод, и от него у эллинов пошел этот обычай. Я же того мнения, что Мелампод, этот мудрый человек, [не от богов] приобрел свой пророческий дар, а обязан им самому себе. Он услышал об этом египетском обычае и ввел в Элладе среди прочих обычаев также и служение Дионису с незначительными изменениями. Поэтому, мне думается, что совпадение обрядов служения этому богу в Египте и у эллинов вряд ли случайно. Ведь тогда эти обряды более соответствовали бы эллинским нравам и не появились бы так поздно. Я не могу себе представить также, чтобы египтяне могли заимствовать этот или какой-либо иной обычай от эллинов. Скорее всего, думается мне, Мелампод познакомился с египетским служением Дионису через тирийца Кадма и его спутников, прибывших с ним из Финикии в страну, которая теперь называется Беотией[210].

50. Вообще почти все имена эллинских богов происходят из Египта. А то, что эти имена варварского происхождения, как я полагаю, скорее всего, – египетского, это я точно установил из расспросов. Ведь, кроме Посейдона, Диоскуров (о чем я заметил выше)[211], Геры, Гестии, Фемиды, Харит и Нереид, имена всех прочих эллинских богов издревле были известны египтянам. Я повторяю лишь утверждение самих египтян[212]. А прочие боги, имена которых, по словам египтян, им неизвестны, получили свои имена, как я думаю, от пеласгов, кроме Посейдона, который происходит из Ливии. Ведь первоначально ни один народ не знал имени Посейдона, кроме ливийцев, которые издревле почитали этого бога. Однако у египтян нет обычая почитать героев.

51. Эти и еще много других обычаев, о которых я также упомяну, эллины заимствовали у египтян. Напротив, обычай изображать Гермеса с напряженным членом, эллины восприняли не от египтян, а от пеласгов. Первым эллинским племенем, перенявшим этот обычай, были афиняне, а от них переняли уже все остальные. Ведь в то время, когда афиняне уже считались эллинами, пеласги поселились в Аттической земле, почему с тех пор и население Аттики также стало

[208] Геродот имеет в виду, вероятно, праздник Памилий.

[209] Мелампод исцелил от дионисического безумия дочерей тиринфского царя Прета и потребовал в награду за это себе и брату в жены его дочерей и часть царства.

[210] Некоторые формы культа Диониса греки, вероятно, заимствовали у фракийцев.

[211] См. выше, II 43.

[212] Геродот передает мнение жителей нильской Дельты.

считаться эллинским. Всякий, кто посвящен в тайное служение Кабиров, совершаемое на Самофракии и заимствованное от пеласгов, тот поймет меня. Ведь Самофракию прежде населяли те пеласги, которые впоследствии поселились среди афинян, и от них-то самофракийцы переняли эти таинства. Итак, афиняне первыми из эллинов стали делать изображение Гермеса с прямо стоящим членом и научились этому от пеласгов. А у пеласгов было об атом некое священное сказание, которое открывается в Самофракийских мистериях.

52. В прежние времена, как я узнал в Додоне, пеласги совершали жертвоприношения богам, вознося молитвы, но не призывали по именам отдельных богов. Ведь они не знали еще имен богов. Имя же "боги" [ψεοι] пеласги дали им потому, что боги установили [ψεντεω] мировой порядок и распределили все блага по своей воле. Только спустя долгое время они узнали из Египта имена всех прочих богов (кроме имени Диониса, с которым познакомились гораздо позднее). Потом они вопросили об этих именах оракул в Додоне[213] (ведь это прорицалище считается древнейшим в Элладе и в то же время было единственным). Так вот, когда пеласги вопросили оракул в Додоне, следует ли им принять имена богов от варваров, оракул дал утвердительный ответ. С этого-то времени пеласги стали при жертвоприношениях употреблять эти имена богов. А от пеласгов впоследствии их переняли эллины.

53. О родословной отдельных богов, от века ли они существовали, и о том, какой образ имеет тот или иной бог, эллины кое-что узнали, так сказать, только со вчерашнего и с позавчерашнего дня. Ведь Гесиод и Гомер, по моему мнению, жили не раньше, как лет за 400 до меня[214]. Они-то впервые и установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы. Поэты, которые, как говорят, старше этих людей, по-моему, родились уже после них[215]. То, что я сообщил здесь в предшествующих главах, я слышал от жриц в Додоне, последний же мой рассказ о Гесиоде и Гомере – мое собственное утверждение.

54. О прорицалищах в Элладе и о ливийском оракуле рассказывают в Египте вот что. Жрецы Зевса в Фивах рассказывали мне, что две женщины, жрицы из Фив, были увезены финикиянами и одна из них, как узнали, была продана в Ливию, а другая – в Элладу. Эти-то женщины и положили основание первым оракулам у упомянутых народов. На мой вопрос, откуда у них такие точные сведения, жрецы отвечали, что они тщательно разыскивали этих женщин, но, правда, безуспешно, а впоследствии узнали то, что и рассказали мне. Так мне передавали фиванские жрецы.

55. А жрицы в Додоне сообщили вот что. Две черные голубки однажды улетели из египетских Фив, одна – в Ливию, а другая к ним в Додону. Сев на дуб, голубка человеческим голосом приказала воздвигнуть здесь прорицалище Зевса. Додонцы поняли это как волю божества и исполнили ее. Голубка же, прилетевшая в Ливию, как говорят, приказала основать там прорицалище Аммона. И это также – оракул Зевса. Это мне рассказывали додонские жрицы. Старшую из них звали Промения, среднюю Тимарета, а младшую Никандра. И другие люди из Додоны, из числа храмовых служителей, подтвердили мне их рассказ.

56. Мое собственное мнение об этом вот какое. Если финикияне действительно похитили тех женщин из храма и одну продали в Ливию, а другую в Элладу, то, по-моему, эта последняя прибыла в Феспротию в Элладе (тогда Эллада называлась еще Пеласгией). Здесь в плену, будучи рабыней, она основала под мощным дубом святилище Зевса, так как она, естественно, помнила о Зевсе также и на чужбине, куда приехала, будучи служительницей его храма в Фивах. Когда она научилась затем эллинскому языку, то устроила прорицалище и рассказала, что ее сестру

[213] В Додоне почитали не определенных богов, а священный дуб. В этом историческое ядро рассказа Геродота.

[214] Геродот, следовательно, относит возникновение гомеровских поэм приблизительно к 850 г. до н.э.

[215] Имеются в виду Орфей, Мусей, Лин и Олимп.

продали в Ливию те же самые финикияне, которые продали и ее.

57. Голубками же, как я думаю, додонцы называли этих женщин потому, что те были из чужой страны и, казалось, щебетали по-птичьи[216]. Когда затем голубка заговорила человеческим голосом, то это значит, что они теперь стали понимать женщину. Пока же она говорила на чужом языке, им казалось, что она щебечет по-птичьи. Действительно, как же может голубка говорить человеческим языком! Когда же они называют голубку черной, то этим указывают на то, что женщина была египтянкой.

58. Способ прорицания в египетских Фивах[217] и в Додоне почти одинаков. Искусство предсказания по жертвенным животным пришло в Элладу также из Египта. Затем египтяне прежде всех ввели у себя всенародные празднества и торжественные шествия, а от них уже [все это] заимствовали эллины. Доказательство этого в том, что эти египетские празднества, очевидно, введены давно, эллинские же, напротив, установлены недавно[218].

59. Всенародные празднества египтяне справляют не один раз в году, а весьма часто. Чаще же всего и с наибольшей охотой египтяне собираются в городе Бубастисе на праздник в честь Артемиды и затем в Бусирисе в честь Исиды. Ведь в этом городе находится самый большой храм Исиды. Расположен же этот город в середине египетской Дельты (Исида – это египетское имя Деметры). Третье празднество бывает в городе Саисе в честь Афины, четвертое – в Гелиополе в честь Гелиоса, пятое – в городе Буто в честь Латоны, шестое – в Папремисе в честь Ареса[219].

60. Когда египтяне едут в город Бубастис, то делают вот что. Плывут туда женщины и мужчины совместно, причем на каждой барке много тех и других. У некоторых женщин в руках трещотки, которыми они гремят. Иные мужчины весь путь играют на флейтах. Остальные же женщины и мужчины поют и хлопают в ладоши. Когда они подъезжают к какому-нибудь городу, то пристают к берегу и делают вот что. Одни женщины продолжают трещать в трещотки, как я сказал, другие же вызывают женщин этого города и издеваются над ними, третьи пляшут, четвертые стоят и задирают [подолы] своей одежды. Это они делают в каждом приречном городе. Наконец, по прибытии в Бубастис они справляют праздник с пышными жертвоприношениями: на этом празднике выпивают виноградного вина больше, чем за весь остальной год. Собирается же здесь, по словам местных жителей, до 700.000 людей обоего пола, кроме детей.

61. Таково празднество в Бубастисе. О празднике же Исиды в городе Бусирисе я уже рассказал выше[220]. После жертвоприношения все присутствующие мужчины и женщины – много десятков тысяч – бьют себя в грудь в знак печали. А кого они оплакивают, мне не дозволено говорить[221]. Карийцы же, живущие в Египте, при этом заходят еще дальше египтян: они наносят себе раны ножами на лбу; по этому-то узнают, что они чужеземцы, а не египтяне.

62. Когда египтяне собираются на праздник в Саисе, то все в ночь [после жертвоприношения] возжигают множество светильников и ставят их вокруг домов. Светильники же эти – мелкие сосуды, наполненные солью и маслом, на поверхности которых плавает светильня. Светильники горят целую ночь, и праздник этот называется праздником возжигания светильников. Даже те

[216] Здесь игра слов: голуби, по-гречески πελει[δεω, а на эпирском диалекте υ]λειοω - старый, почтенный.

[217] Прорицалище в Фивах было, по-видимому, основано греческими наемниками.

[218] Геродот имеет в виду Панафинейские празднества с торжественной процессией, введенной при Писистрате.

[219] Отождествление египетских богов с греческими восходит к греческим колонистам в области Дельты. Сведениями, полученными от них, пользовался уже Гекатей, посетивший Египет при царе Амасисе.

[220] См. выше, II 40.

[221] Они оплакивали Осириса.

египтяне, кто не участвует в саисском торжестве, соблюдают этот праздник: все возжигают в ночь после жертвоприношения светильники, так что возжигание их происходит не только в Саисе, но и по всему Египту[222]. А почему этой ночью возжигают свет и так торжественно справляют [праздник], об этом говорится в священном сказании.

63. В Гелиополь и Буто египтяне собираются только для жертвоприношений. А в Папремисе приносят жертвы и совершают священнодействия так же, как и в других местах. Всякий раз, когда солнце склоняется к западу, лишь немногие жрецы хлопочут около статуи бога, большинство же с деревянными дубинками становится при входе в святилище. Против них стоит толпой больше тысячи богомольцев, выполняющих обет (также с деревянными дубинками). Статую же бога в деревянном позолоченном ковчеге в виде храма переносят ночью в канун праздника в новый священный покой. Несколько жрецов, оставшихся у статуи бога, влечет на четырехколесной повозке ковчег со статуей бога. Другие же жрецы, стоящие перед вратами в преддверии храма, не пропускают их. Тогда богомольцы, связавшие себя обетом, заступаются за бога и бьют жрецов, которые [в свою очередь] дают им отпор. Начинается жестокая драка на дубинках, в которой они разбивают друг другу головы, и многие даже, как я думаю, умирают от ран[223]. Египтяне, правда, утверждают, что смертных случаев при этом не бывает. Произошло же это празднество, по словам местных жителей, вот почему. В этом храме жила мать Ареса. Арес[224] же был воспитан вдали от родителей, Когда он возмужал и захотел посетить мать, то слуги матери, никогда прежде его не видавшие, не допустили его к ней и задержали. Тогда Арес привел с собой людей из другого города, жестоко расправился со слугами и вошел к матери. От этого-то, говорят, и вошла в обычай потасовка на празднике в честь Ареса.

64. Египтяне первыми ввели обычай не общаться с женщинами в храмах и не вступать в святилища, не совершив омовения после сношения с женщиной. Ведь, кроме египтян и эллинов, все другие народы общаются с женщинами в храме и после сношения неомытыми вступают в святилище, так как полагают, что люди – не что иное, как животные. Они видят ведь, что другие животные и птицы спариваются в храмах и священных рощах богов. Если бы богам это было не угодно, то даже животные, конечно, не делали бы этого. На этом основании эти люди так и поступают. Однако мне этот довод не нравится.

65. Религиозные же обряды египтяне вообще строго соблюдают, а в особенности следующие. Хотя Египет граничит с Ливией, в нем не особенно много зверей. Но все животные, которые там есть, как домашние, так и дикие, считаются священными. Если бы я пожелал рассказать, почему их считают священными, мне пришлось бы коснуться религиозных представлений [египтян], чего я по возможности стараюсь избегать. А то, что я упомянул об этом мимоходом, я сказал лишь поневоле. Обычаи же, связанные с [почитанием] животных, вот какие. Для ухода за животными каждой породы назначены из египтян особые служители – мужчины и женщины, и эти должности переходят по наследству от отца к сыну. Каждый житель города выказывает свое благоговение перед священным животным следующим образом. После молитвы богу, которому посвящено данное животное, они стригут своим детям всю голову, половину или только треть головы, и затем взвешивают волосы на серебро. Сколько веса серебра потянут волосы, столько они отдают служительнице, а та за это нарезает рыбы в пищу животным. Таков способ питания этих животных. Если кто-нибудь умышленно убьет какое-нибудь из этих животных, того карают смертью; если же – неумышленно, то платит пеню, установленную жрецами. А кто убьет ибиса или ястреба, должен, во всяком случае, умереть.

66. Хотя у египтян много домашних животных, но их было бы еще гораздо

[222] Так Геродот описывает здесь праздник Осириса в Саисе.

[223] Речь идет о ритуальной борьбе в воспоминание эпизода из мифа об Осирисе.

[224] Арес - здесь египетский бог Гор.

больше, если бы с кошками не происходило вот какого странного явления. Всякий раз, как у кошек появляются на свет котята, они уже больше не идут к котам, а те, желая с ними спариться, не находят их. Поэтому коты прибегают к такой хитрости: они силой похищают котят у кошек, умерщвляют их, но не пожирают. А кошки, лишившись своих котят и желая снова иметь других, приходят тогда к котам. Ведь это животное любит детенышей. Во время пожара с кошками творится что-то удивительное. Египтяне не заботятся о тушении огня, а оцепляют горящее пространство и стерегут кошек, а те все же успевают проскользнуть между людей и, перескочив через них, бросаются в огонь. Это повергает египтян в великое горе. Если в доме околеет кошка, то все обитатели дома сбривают себе только брови. Если же околевает собака, то все стригут себе волосы на теле и на голове[225].

67. Трупы кошек отвозят в город Бубастис, бальзамируют и погребают там в священных покоях. Собак же хоронят каждый в своем городе в священных гробницах. Так же, как собак, хоронят, ихневмонов; землероек же и ястребов отвозят в город Буто, а ибисов – в Гермополь. Медведей, редких в Египте, и волков, которые несколько больше лисиц, хоронят там, где найдут их мертвыми.

68. О крокодилах нужно сказать вот что. Четыре зимних месяца крокодил ничего не ест. Хотя это четвероногое и земноводное животное, но кладет яйца в землю и высиживает их. Большую часть дня крокодил проводит на суше, а ночь – в реке. Ведь вода ночью теплее воздуха и росы. Из всех известных нам живых существ это животное из самого маленького становится самым большим. Ведь яйца крокодила немного крупнее гусиных и детеныш соответственно величине яйца вылупляется маленьким. Когда же он вырастает, то достигает длины в 17 локтей и даже более. У крокодила свиные глаза, большие зубы с выдающимися наружу клыками в соответствии с величиной тела. Это – единственное животное, не имеющее от природы языка. Нижняя челюсть у него неподвижна. Только крокодил придвигает верхнюю челюсть к нижней, чем и отличается от всех прочих животных. У него также острые когти и чешуйчатая твердая кожа на спине. Слепой в воде, крокодил, однако, прекрасно видит на суше. Так как он живет в воде, то пасть его внутри всегда полна пиявок[226]. Все другие птицы и звери избегают крокодила: только трохил – его друг, так как оказывает ему услуги. Так, когда крокодил выйдет из воды на сушу и разинет пасть (обычно лишь только подует западный ветер), тогда эта птица проникает в его пасть и выклевывает пиявок. Крокодилу приятны эти услуги, и он не причиняет вреда трохилу.

69. Так вот, в иных областях Египта крокодилы считаются священными, а в других – нет и с ними даже обходятся, как с врагами. Жители Фив и области Меридова озера почитают крокодилов священными[227]. Там содержат по одному ручному крокодилу. В уши этому крокодилу вдевают серьги из стекла с золотом, а на передние лапы надевают кольца. Ему подают особо назначенную священную пищу и, пока он живет, весьма заботливо ухаживают за ним, а после смерти бальзамируют и погребают в священных покоях. Жители города Элефантины, напротив, не почитают крокодилов священными и даже употребляют их в пищу. Называют их там не крокодилами, а "хампсами"[228]. Крокодилами же их назвали ионяне, потому что это животное казалось им похожим на ящериц, живущих у них на оградах.

70. Ловят же крокодилов различными способами. Я опишу один такой способ, по-моему, наиболее стоящий упоминания. Насадив на крюк в виде приманки свиной хребет, забрасывают его на середину реки. Охотник же стоит на берегу с живым поросенком и бьет его. Крокодил, привлеченный визгом поросенка, находит хребет и проглатывает его. Охотники же вытаскивают зверя. А когда вытащат на берег,

[225] Этот обычай соблюдался не во всем Египте, а лишь в некоторых областях.

[226] Пиявки сидят на деснах зубов крокодила.

[227] В городе Арсиное (егип. Шелет, совр. Мединет-эль-Файюм), который греки называли Крокодилополем, крокодилы были посвящены богу Сухос.

[228] Так Геродот передает егип. "схм" (крокодил).

то, прежде всего, залепляют ему глаза грязью. После этого с животным легко справиться, а иначе трудно.

71. Гиппопотамы в Папремитском округе считаются священными[229], а в остальном Египте – нет. Наружный вид их вот какой: это четвероногое животное с раздвоенными бычьими копытами, тупорылое, с лошадиной гривой и выдающимися вперед клыками, с лошадиным хвостом и голосом, как у лошади, величиной с огромного быка. Кожа гиппопотама такая толстая, что, когда высохнет, из нее делают древки для копий.

72. В реке [Ниле] водятся также выдры[230], которых почитают священными. Из рыб у египтян считаются священными так называемый лепидот[231] и угорь. Эти рыбы, как говорят, посвящены Нилу. Из птиц они почитают лисьих гусей[232].

73. Есть еще одна священная птица под названием феникс[233]. Я феникса не видел живым, а только – изображения, так как он редко прилетает в Египет: в Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет. Прилетает же феникс только, когда умирает его отец. Если его изображение верно, то внешний вид этой птицы и величина вот какие. Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла. О нем рассказывают вот что (мне-то этот рассказ кажется неправдоподобным). Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умащенное смирной тело отца в храм Гелиоса, где его и погребает. Несет же его вот как. Сначала приготовляет из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо [с собой] в Египет в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица.

74. В Фиванской области есть священные змеи, отнюдь не "пагубные" для людей. Они маленькие, с двумя рогами на голове[234]. Мертвых змей погребают в храме Зевса[235], так как они, по словам египтян, посвящены этому богу.

75. Есть в Аравии местность, расположенная примерно около города Буто. Туда я ездил, чтобы разузнать о крылатых змеях[236]. Прибыв на место, я увидел кости и хребты в несметном количестве. Целые кучи [змеиных] хребтов лежали там – большие, поменьше и совсем маленькие; их было очень много[237]. Местность, где лежат кучи костей, имеет вот какой вид: это узкий проход, ведущий из горных теснин в обширную равнину. Равнина же эта примыкает к египетской равнине. Существует сказание, что с наступлением весны крылатые змеи летят из Аравии в Египет. Ибисы же летят им навстречу до этой теснины и, не пропуская змей, умерщвляют их. Поэтому-то, по словам арабов; египтяне воздают такие великие почести ибису[238]. И сами египтяне согласны, что именно поэтому они и почитают этих птиц.

[229] Гиппопотам считался священным животным Осириса.

[230] Здесь имеются в виду не выдры, а особый род ихневмонов ("фараонова мышь" - Herpetes ichneumon).

[231] Лепидот - чешуйчатая рыба, вымерший вид рыб.

[232] По Лидделу-Скотту, s. v. Chenalopex acgyptiaca; no В.Х. Дворецкому, Anas tadorna - утка-пеганка, живущая в норах.

[233] Феникс (егип. "бану") - воплощение бога Амон-Ра. В христианскую эпоху феникс стал символом смерти и воскресения Христа.

[234] Рогатая гадюка (Vipera cerastes) - весьма опасная ядовитая змея. "Пагубные" - гомеризм (см.: Одиссея XVIII, 85).

[235] Т.е. Амон-Ра. Мумии этих священных змей найдены в Египте.

[236] По-видимому, род саранчи.

[237] Какие кости видел Геродот, неясно (у саранчи нет костей).

[238] Белый ибис (птица из семейства бекасовых) был посвящен богу мудрости Тоту, который поэтому часто изображался с головой ибиса.

76. Внешний вид ибиса вот какой. Он совершенно черный[239], ноги, как у журавля, с сильно загнутым клювом, величиной с птицу крек. Таков этот черный ибис, воюющий со змеями. У другой же породы, которая стаями держится около людей (есть ведь два рода ибисов), голова и шея лысые, оперенье белое (кроме головы, затылка, концов крыльев и хвоста, – все эти части совершенно черные); ноги и клюв такие же, как у другой породы. А крылатые змеи видом похожи на водяных змей. Крылья же у них перепончатые, а не из перьев, скорее всего похожие на крылья летучих мышей. О священных животных сказано достаточно.

77. Что до самих египтян, то жители пригодной для земледелия части страны больше всего сохраняют память [о прошлом своей земли] и потому разбираются в истории своей страны лучше всех людей, с которыми мне приходилось общаться в моих странствиях. Образ же жизни египтян вот какой. Желудок свой они очищают[240] каждый месяц три дня подряд, принимая слабительные средства, и сохраняют здоровье рвотными и клистирами. Ведь, по их мнению, все людские недуги происходят от пищи. Вообще же египтяне, исключая ливийцев, самый здоровый народ на свете, что зависит, по-моему, от климата (ведь там нет смены времен года). Действительно, [климатические] перемены приносят людям большинство недугов, в особенности же смена времен года. Хлеб, который они едят, приготовляется из полбы, по-египетски называемой "киллестис"[241]. Вино, которое они пьют, изготовляется из ячменя, потому что в этой стране нет виноградной лозы[242]. Рыбу же египтяне едят частью в сыром виде вяленой на солнце, частью просоленной в рассоле. Из птиц употребляют в пищу также в соленом виде перепелок, уток и мелких птичек. Птицу и рыбу всех других пород, кроме, конечно, почитаемых священными, они едят жареной или вареной.

78. На пиршествах у людей богатых после угощения один человек обносит кругом деревянное изображение покойника, лежащего в гробу. Изображение представляет собой расписную фигуру величиной в один или два локтя с чертами покойника. Каждому сотрапезнику показывают эту фигуру со словами: "Смотри на него, пей и наслаждайся жизнью. После смерти ведь ты будешь таким!"[243]. Таковы обычаи египтян на пиршествах.

79. Придерживаясь своих местных отеческих напевов, египтяне не перенимают иноземных. Среди других достопримечательных обычаев есть у них обычай исполнять одну песнь Лина[244], которую поют также в Финикии, на Кипре и в других местах. Хотя у разных народов она называется по-разному, но это как раз та же самая песнь, которую исполняют и в Элладе и называют Лином. Поэтому среди многого другого, что поражает в Египте, особенно удивляет меня: откуда у них эта песнь Лина? Очевидно, они пели ее с давних пор. На египетском же языке Лин зовется Манерос[245]. По рассказам египтян, это был единственный сын первого египетского царя. Его безвременную кончину египтяне чествовали, [прославляя] жалобными песнями, и эта [песнь] была сначала их первой и единственной жалобной песнью.

80. У египтян есть еще и другой обычай, сходный с эллинским, именно с лакедемонским, вот какой. При встрече со старцами юноши уступают дорогу, отходя в сторону, и при их приближении встают со своих мест. Напротив, следующий египетский обычай не похож на обычай какого-нибудь эллинского

[239] Черный ибис - это чапрак, вальдрап.

[240] В подлиннике стоит глагол σψρμαθζοψσι от егип. "срмит" - средство от глистов.

[241] Егип. "клшт", греч. ξλψστηρ.

[242] Геродот, следовательно, не посетил виноградную область Египта в западной части Дельты на оз. Мариут.

[243] Имеется в виду саркофаг, на котором изображался покойник.

[244] Скорбная песнь о безвременной кончине Лина, которую пели на празднике в честь Лина в Греции, а в Финикии - на празднике Адониса, оплакивая его смерть.

[245] Здесь, по-видимому, идет речь об Осирисе, смерть которого под именем Манероса, оплакивали на празднике.

племени: на улице вместо словесного приветствия они здороваются друг с другом, опуская руку до колена.

81. Египтяне носят на теле льняные, обшитые по подолу бахромой хитоны под названием "каласирис". Поверх этих рубах они надевают в накидку белые шерстяные плащи. Однако в шерстяных одеждах они не вступают в храм и в них не погребают покойников. Это считается нечестивым. В этом у египтян сходство с учениями так называемых орфиков[246], с вакхическими таинствами, происходящими из Египта, и с учениями пифагорейцев. Ведь посвященных в эти таинства не дозволено погребать в шерстяных одеждах. Об этом также существует у них священное сказание.

82. Затем египтяне придумали еще вот что. Каждый месяц и день [года] посвящены у них какому-нибудь богу. Всякий может предугадать заранее, какую судьбу, какой конец и характер будет иметь родившийся в тот или иной день[247]. Это также заимствовали у египтян эллинские поэты. Предзнаменованиям и чудесам они придают гораздо больше значения, чем все другие народы. Так, если произойдет какое-нибудь чудо, египтяне внимательно следят за его последствиями и отмечают их. В подобном же случае, по их мнению, в будущем результаты будут одинаковы.

83. Искусство прорицания у них вот какое. Пророческий дар, по их мнению, не дан в удел смертным, этим даром обладают лишь некоторые боги. Так, у них есть прорицалища Геракла, Аполлона, Афины, Артемиды, Ареса и Зевса. Наибольшим уважением, однако, пользуется прорицалище Латоны в городе Буто. Способ прорицания, впрочем, не всюду одинаков, но различен.

84. Искусство же врачевания у них разделено. Каждый врач лечит только один определенный недуг, а не несколько, и вся египетская страна полна врачей. Так, есть врачи по глазным болезням, болезням головы, зубов, чрева и внутренним болезням[248].

85. Плач по покойникам и погребение происходят вот как. Если в доме умирает мужчина, пользующийся некоторым уважением, то все женское население дома обмазывает себе голову или лицо грязью. Затем, оставив покойника в доме, сами женщины обегают город и, высоко подпоясавшись и показывая обнаженные груди, бьют себя в грудь. К ним присоединяется вся женская родня. С другой стороны, и мужчины бьют себя в грудь, также высоко подпоясанные. После этого тело уносят для бальзамирования.

86. Для этого поставлены особые мастера, которые по должности занимаются ремеслом бальзамирования. Когда к ним приносят покойника, они показывают родственникам на выбор деревянные раскрашенные изображения покойников[249]. При этом мастера называют самый лучший способ бальзамирования, примененный [при бальзамировании того], кого мне не подобает в данном случае называть по имени[250]. Затем они предлагают второй способ, более простой и дешевый, и, наконец, третий – самый дешевый. Потом опрашивают [родных], за какую цену [и каким способом] те желают набальзамировать покойника. Если цена сходная, то родственники возвращаются домой, а мастера остаются и немедленно самым тщательным образом принимаются за работу. Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную

[246] Орфизм - религиозное движение в Греции, возникшее в VIII в. до н.э. Некоторые воззрения последователей орфизма (орфиков), например вера в переселение душ, напоминают египетские представления. Пифагорейцы - сторонники религиозно-философской секты Пифагора, как и орфики, были участниками вакхических мистерий (таинств), связанных с культом Диониса.

[247] Астрология в позднем Египте была очень распространена.

[248] В Египте было много врачей по разным специальностям. Сохранились гинекологические и хирургические папирусы и сборники рецептов.

[249] Имеются в виду деревянные доски с изображением процесса бальзамирования.

[250] Вероятно, Осириса.

же часть – путем впрыскивания [растворяющих] снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренностей. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми благовониями[251]. Наконец, наполняют чрево чистой растертой миррой[252], касией[253] и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью[254] (ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготовляют деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника. Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпальнице, где ставят гроб стоймя к стене.

87. Таким способом богачи бальзамируют своих покойников. Если родственникам из-за дороговизны [первого] приходится выбирать второй способ бальзамирования, то [мастера] поступают вот как. С помощью трубки для промывания впрыскивают в брюшную полость покойника кедровое масло[255], не разрезая, однако, паха и не извлекая внутренностей, Впрыскивают же масло через задний проход и затем, заткнув его, чтобы масло не вытекало, кладут тело в натровый щелок на определенное число дней. В последний день выпускают из кишечника ранее влитое туда масло. Масло действует настолько сильно, что разлагает желудок и внутренности, которые выходят вместе с маслом. Натровый же щелок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да кости. Затем тело возвращают [родным], больше уже ничего с ним не делая.

88. Третий способ бальзамирования, которым бальзамируют бедняков, вот какой. В брюшную полость вливают сок редьки[256] и потом кладут тело в натровый щелок на 70 дней. После этого тело возвращают родным.

89. Тела жен знатных людей отдают бальзамировать не сразу после кончины, точно так же как и тела красивых и вообще уважаемых женщин. Их передают бальзамировщикам только через три или четыре дня. Так поступают для того, чтобы бальзамировщики не совокуплялись с ними. Действительно, говорят, был случай, что один из них совокупился со свежим трупом женщины и был пойман по доносу своего товарища.

90. Если какого-нибудь египтянина или (что все равно) чужеземца утащит крокодил или он утонет в реке, то жители того города, где труп прибило к берегу, непременно обязаны набальзамировать его, обрядить как можно богаче и предать погребению в священной гробнице. Тела его не дозволено касаться ни родным, ни друзьям. Жрецы бога [реки] Нила сами своими руками погребают покойника как некое высшее, чем человек, существо.

91. Эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать. Вообще говоря, они не желают перенимать никаких обычаев ни от какого народа. Исключение составляет в этом отношении большой город Хеммис в Фиванской области близ Неаполя. В этом городе есть четырехугольный священный участок Персея, сына Данаи. Вокруг участка растет пальмовая роща. Огромное преддверие участка построено из камня с двумя большими каменными же статуями при входе. В этом священном участке есть храм, а в нем стоит статуя Персея. Эти жители Хеммиса рассказывают, что Персей нередко появляется в их стране, то тут, то там и часто – в своем святилище. Находили также его сандалию величиной в 2 локтя. Всякий раз при появлении сандалии повсюду в Египте наступает благоденствие. Так они

[251] Внутренности покойника погребали в особых сосудах, но не в гробах.

[252] Смирна (мирра) - ароматическая камедь (смола) аравийского мирта.

[253] Касия (Cinпатотит iners) - ароматическое и целебное растение (дикая корица).

[254] Камедь (егип. "коми") - смола растения Acacia arabica L

[255] Кедровое масло при бальзамировании предохраняло внутренности от гниения до введения щелочи.

[256] Редьковое масло заменяет кедровое масло.

рассказывают и по эллинскому образцу устраивают в честь Персея гимнические состязания всякого рода, назначая в награду [победителям] головы скота, плащи и звериные шкуры. На мой вопрос, почему Персей является только им и почему они в отличие от прочих египтян устраивают гимнические состязания, они отвечали: "Персей происходил из нашего города". Ведь Данай и Линкей были из Хеммиса и оттуда-то на кораблях прибыли в Элладу. Их родословную перечисляли мне жители Хеммиса вплоть до Персея. Прибыл же, по их рассказам, Персей в Египет по той же причине, которую упоминают и эллины, именно за головой Горгоны. Как они передают, Персей приехал к ним в Египет и признал всех своих родственников. Имя города Хеммиса он тоже раньше слышал от своей матери и знал о нем, когда ему пришлось посетить Египет. По его-то повелению египтяне и установили гимническое состязание.

92. Все это обычаи египтян, живущих в Верхнем Египте над болотами. Впрочем, и у жителей болотистой прибрежной области обычаи те же, как и у других египтян. Так и там каждый живет только с одной женой, как и у эллинов. Однако для удешевления пищи они придумали еще вот что. Когда на реке начинается половодье и поля затоплены, в воде вырастает много лилий, которые египтяне называют лотосом[257]; египтяне срезают эти лилии, высушивают на солнце, затем толкут семенные зернышки, похожие на мак из цветочного мешочка лотоса, и пекут из них хлеб на огне. Корень этого растения также съедобен, довольно приятен на вкус, круглый, величиной с яблоко. Есть там и другие, похожие на розы, лилии[258], также растущие в реке. Их плод не находится в цветочной чашечке, но вырастает из корня в особой [побочной] чашечке, по виду весьма схожей с осиными сотами. В этой [чашечке] – множество съедобных зерен величиной с маслинную косточку. Их употребляют в пищу сырыми и сушеными. Однолетние побеги папируса извлекают из болота. Верхнюю часть срезают и употребляют на другие цели, а нижний остаток длиной с локоть идет в пищу или на продажу. Иные, чтобы придать папирусу особый вкус, тушат его в раскаленной духовой печи и в таком виде едят. Другие египтяне питаются исключительно рыбой[259]. Наловив рыбы, они потрошат ее, вялят на солнце и едят сухою.

93. Рыба, держащаяся стаями, редко попадается в нильских рукавах. Живет она больше в озерах и ведет себя вот как. Когда наступает пора нереста, рыба стаями спускается в море. Впереди идут самцы и выпускают молоки, которые поглощают плывущие за ними самки и оплодотворяются. После оплодотворения в море рыба поднимается вверх по реке назад в свои обычные места. Теперь, однако, предводительствуют уже не самцы, а самки. Они стаями плывут впереди и делают то, что раньше делали самцы: именно, они выпускают икринки величиной с просяное зерно, а плывущие сзади самцы поглощают их. Эти зернышки и есть рыбки. Из уцелевших, непоглощенных икринок рождаются маленькие рыбки. Если поймать несколько рыб, плывущих в море, то у них окажутся ссадины на левой стороне головы, а при возвращении назад ссадины уже на правой стороне. Это происходит вот от чего. Когда рыба спускается в море, то держится левого берега и так же – на обратном пути, причем теснится как можно ближе к берегу и трется об него, чтобы течением ее не сбило с пути. Когда же начинается разлив Нила, то вода наполняет, прежде всего, овраги и поймы по берегам, причем вода просачивается туда из реки. Едва только вода нахлынет в эти места, как они уже кишат мелкой рыбешкой. Откуда появляются эти рыбки, я думаю, можно понять. Когда в предшествующем году вода в Ниле спадает, рыба мечет икру в ил и затем уходит с последней водой. Через некоторое время вода снова возвращается, и из этих икринок тотчас появляются рыбки. Вот что происходит с рыбой.

94. Масло египтяне, живущие в болотистых частях страны, добывают из плода

[257] Нильский лотос (Nymphaea lotos) - род лилии (Nymphaeaceae).

[258] Этот вид лилий теперь в Египте не встречается.

[259] Именно, жители области Дельты.

силликиприи, который в Египте называется "кики"[260]. Приготовляют же масло египтяне вот как. Именно, они сажают эти силликиприи по берегам рек и озер, тогда как в Элладе – это дикорастущее растение. Посаженное в Египте, оно приносит много плодов, но дурного запаха. После сбора плоды толкут и выжимают масло или же, высушив, вываривают, а вытекающую жидкость собирают. Это – жирное масло и не менее нашего оливкового пригодно для светильников, но при горении дает тяжелый чад.

95. Против несметных комаров египтяне придумали вот какие предохранительные средства. Жители [возвышенной части страны], что над болотами, строят себе особые спальные помещения в виде башен, куда и забираются спать[261]. Ведь комары от ветра не могут летать высоко. Жители же болотистой области вместо башен применяют другое устройство. У каждого там есть рыбачья сеть, которой днем ловят рыбу, а ночью пользуются вот как. Сеть эту натягивают [в виде полога] вокруг спального ложа. Потом подлезают под полог и там спят. Если спать покрытым плащом или под [кисейной] простыней, то комары могут прокусить эти [покрывала], тогда как сквозь [сеть] они даже не пробуют кусать.

96. Грузовые суда египтяне строят из аканфа[262], который очень похож по виду на киренский лотос. Сок аканфа – это камедь. Из этого аканфа изготовляют брусья локтя в два и складывают их вместе наподобие кирпичей. Эти двухлоктевые брусья скрепляют затем длинными и крепкими деревянными гвоздями. Когда таким образом построят [остов] корабля, то поверх кладут поперечные балки. Ребер вовсе не делают, а пазы законопачивают папирусом. На судне делается только один руль, который проходит насквозь через киль; мачту делают также из аканфа, а паруса из упомянутого выше папируса. Такие суда могут ходить вверх по реке лишь при сильном попутном ветре; их буксируют вдоль берега. Вниз же по течению суда двигаются вот как. Сколачивают из тамарисковых досок плот в виде двери, обтянутый плетенкой из камыша, и затем берут просверленный камень весом в 2 таланта. Этот плот, привязанный к судну канатом, спускают на воду вперед по течению, а камень на другом канате привязывают сзади. Под напором течения плот быстро движется, увлекая за собой "Барис"[263] (таково название этих судов); камень же, который тащится сзади по дну реки, направляет курс судна. Таких судов у египтян очень много, и некоторые из них грузоподъемностью во много тысяч талантов.

97. Когда Нил затопляет страну, только одни лишь города возвышаются над водой почти как острова в нашем Эгейском море. Ведь вся остальная египетская страна, кроме городов, превращается в море. Тогда плавают на судах уже не по руслу реки, а напрямик по равнине. Так, например, на пути из Навкратиса в Мемфис проезжают мимо самих пирамид, хотя это необычный путь по реке: [обычный путь] идет мимо вершины Дельты и города Керкасора. Плывя через равнину от побережья у Каноба в Навкратис, приедешь в город Анфиллу и к так называемому городу Архандру.

98. Эта Анфилла – значительный город, предназначен поставлять супруге египетского царя обувь (этот обычай установлен со времени персидского владычества в Египте). Другой же город, по-видимому, получил имя от зятя Даная Архандра, сына Фтия[264], внука Ахея. И действительно, он называется городом Архандра. Впрочем, возможно, был и какой-то еще другой Архандр, но все же это имя не египетское.

99. До сих пор я рассказывал о том, что видел своими глазами, руководствуясь собственным суждением или сведениями, которые я собирал лично. Теперь же я

[260] Силликиприй (егип. "кики") - разновидность клещевины.

[261] Не из-за комаров, а из-за скорпионов и змей еще и теперь египтяне спят на крышах.

[262] Acacia Nilotica.

[263] Егип. "бар-ит" (корабль).

[264] Или: "из Фтиотиды", откуда ахейцы переселились в Пелопоннес.

хочу сообщить то, что я узнал по рассказам из египетской истории. Впрочем, к рассказам [египетских жрецов] мне придется добавить и кое-что из собственных наблюдений. Мин, первый египетский царь, по словам жрецов, возвел защитную плотину у Мемфиса. Прежде ведь вся река протекала вдоль песчаных гор на ливийской стороне. Мин же велел засыпать [плотиной] нильскую излучину приблизительно в 100 стадиях выше Мемфиса. Старое русло он осушил, а реку направил в середину [низменности] между горами. Еще и поныне персы весьма заботятся об этой огражденной плотиной излучине Нила и каждый год укрепляют ее. Если река прорвет здесь плотину и разольется, то Мемфису угрожает опасность полного затопления. На этой-то осушенной с помощью плотины земле Мин, первый египетский царь, и основал город, ныне называемый Мемфисом. Мемфис также лежит еще в узкой части [Верхнего] Египта. Вокруг города царь велел выкопать озеро, проведя воду из реки, именно на северо-запад от города, потому что на востоке мимо города протекает сам Нил. И в городе царь воздвиг большое и весьма достопримечательное святилище Гефеста.

100. За Мином следовало 330 других царей, имена которых жрецы перечислили мне по своей книге. В течение стольких людских поколений среди этих царей были эфиопы и одна женщина-египтянка. Все остальные были мужчины и египтяне[265]. Царицу же эту звали, так же как и ту вавилонскую, Нитокрис. По рассказам жрецов, она мстила за своего брата, который был до нее царем Египта, убитого египтянами. После убиения брата египтяне передали царскую власть ей, а она в отмщение за брата коварно погубила много египтян вот каким образом. Царица велела построить обширный подземный покой. Затем под предлогом его торжественного открытия, а на самом деле с совершенно другой целью, она пригласила на торжество главных виновников (кого она знала) убиения брата. Пока гости пировали, царица велела выпустить в покой воды реки через большой потайной канал. Вот все, что рассказывали жрецы об этой царице. Впрочем, как говорят еще, она сама после такого деяния, чтобы избежать возмездия, бросилась в какой-то покой, полный пепла.

101. Из прочих царей ни один, по словам жрецов, не совершил никаких [замечательных] деяний и не покрыл себя славой, кроме одного последнего царя Мерида. А этот царь оставил в память о себе обращенное на север преддверие святилища Гефеста[266] и велел выкопать озеро (сколько стадий оно в окружности, я расскажу ниже) и на озере он воздвиг пирамиды, о высоте которых я скажу при описании озера. Таковы деяния этого царя. Другие же цари ничего не совершили.

102. Поэтому я обойду этих царей молчанием и перейду к их преемнику, имя которого было Сесострис. Сесострис, как говорили жрецы, первым отправился на военных кораблях из Аравийского залива и покорил народы на Красном море[267]. Он плыл все дальше, пока не достиг моря, непроходимого для судов из-за мелководья. Когда он возвратился в Египет, то, по словам жрецов, с большим войском двинулся по суше, покоряя все народы на своем пути. Если это был храбрый народ, мужественно сражавшийся за свою свободу, тогда царь ставил на их земле памятные столпы с надписями[268], гласившими об имени царя, его родине и о том, что он, Сесострис, силой оружия покорил эти народы. Если же удавалось взять какие-нибудь города без труда и сопротивления, то он ставил те же столпы с надписями, как и у храбрых народов, и, кроме того, еще прибавлял изображение

[265] Сведения Геродота о египетских фараонах до эпохи эфиопских царей (715-663 гг. до н.э.) восходят к двум различным преданиям. Из первого предания взяты рассказы о Нитокрис (VI династия), о царях XII династии Сесострисе III и Мерисе (Аменемхет III). Второе предание является источником народных сказок о Рампсините (Рамсес III) и царях IV династии Хеопсе, Хефрене и Микерине. Геродотова хронология египетских царей не соответствует царской хронологии во фрагментах царских списков Манефона.

[266] Храм бога Пта в Мемфисе.

[267] Красное море - здесь Индийский океан, которого достиг египетский царь в походе в страну благовоний Пунт (сомалийское побережье).

[268] Надписи принадлежат не Сесострису III, а Рамсесу II.

женских половых органов, желая показать этим, что они трусы.

103. Так Сесострис прошел по материку, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев[269]. До этих-то народов – не дальше – дошло, по-моему, египетское войско, так как в этих странах еще есть такие столпы, а дальше – уже нет. Отсюда Сесострис повернул назад к югу, и когда подошел к реке Фасису, то оставил там часть своего войска. Я не могу точно сказать, сам ли царь Сесострис поселил в этой стране часть своих воинов, или же некоторые из них, удрученные долгим блужданием, самовольно поселились на реке Фасисе.

104. Ведь колхи, по-видимому, египтяне: я это понял сам еще прежде, чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать [об этом родстве] как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска. Сам я пришел к такому же выводу, потому что они темнокожие, с курчавыми волосами. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Ведь есть и другие народы такого же вида. Гораздо более зато основательны следующие доводы. Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы. Финикияне же и сирийцы, что в Палестине, сами признают, что заимствовали этот обычай у египтян. А сирийцы, живущие на реках Фермодонте[270] и Парфении, и их соседи-макроны говорят, что лишь недавно переняли обрезание у египтян. Это ведь единственные народы, совершающие обрезание, и все они, очевидно, подражают этому обычаю египтян. Что до самих египтян и эфиопов, то я не могу сказать, кто из них и у кого заимствовал этот обычай. Ведь он, очевидно, очень древний. А то что [финикияне и сирийцы] переняли этот обычай вследствие торговых сношений с Египтом, этому есть вот какое важное доказательство. Все финикияне, которые общаются с Элладой, уже больше не подражают египтянам н не обрезают своих детей.

105. Назову еще одну черту сходства колхов с египтянами. Только они одни да египтяне изготовляют полотно одинаковым способом. Так же и весь образ жизни, и язык у них похожи. У эллинов, правда, колхидское полотно называется сардонским, а привозимое из Египта – египетским.

106. Что до столпов, которые воздвигал египетский царь Сесострис в [покоренных] землях, то большей части их уже не существует. Но все же мне самому пришлось еще видеть в Сирии Палестинской несколько столпов с упомянутыми надписями и с женскими половыми органами. И в Ионии также есть два высеченных на скале рельефных изображения этого царя[271]: одно – на пути из Эфеса в Фокею, а другое – из Сард в Смирну. В том и другом месте это рельефное изображение мужчины-воина в 41/2 локтя высотой; в правой руке он держит копье, а в левой лук. Соответственно и остальное вооружение египетское и эфиопское. На груди у него от одного плеча до другого вырезана надпись священными египетскими письменами, гласящая: "Я завоевал эту землю моими плечами". Кто этот воин и откуда, он, правда, здесь не объясняет, но зато в другом месте называет себя. Впрочем, иные, видевшие эти рельефы, считают их изображениями Мемнона. Но тут они далеки от истины.

107. Когда этот египетский царь Сесострис на обратном пути, как рассказывают жрецы, с множеством пленников из покоренных стран прибыл в Дафны у Пелусия, то брат его, которому царь поручил управление Египтом, пригласил Сесостриса с сыновьями на пир, а дом снаружи обложил дровами. А, обложив дом дровами, он поджег его. Когда Сесострис заметил огонь, то тотчас же обратился за советом к супруге (она ведь сопровождала царя в походе). А та посоветовала взять двоих из

[269] Геродот путает царя Сесостриса с царем Псамметихом I, который воевал со скифами и фракийцами в Палестине, но никогда не вторгался в Скифию.

[270] На р. Фермодонте греки, по преданию, разбили амазонок и затем привезли их в скифские степи (совр. Дон).

[271] Имеется в виду наскальный рельеф в Сипиле и Кара-Бель в области Смирны (сов. Измир) с изображением бога в виде воина. Он принадлежит, однако, не египтянам, а хеттам.

шести сыновей и положить в виде моста над огнем, самим же перейти по их телам и спастись. Сесострис так и сделал, и двое его сыновей сгорели, остальным же вместе с отцом удалось спастись[272].

108. Возвратившись в Египет, Сесострис отомстил своему брату и заставил множество приведенных с собою пленников работать вот на каких работах. Они должны были перетаскивать огромные камни, которые при этом царе были приготовлены для [строительства] святилища Гефеста, и рыть все каналы, существующие и поныне в Египте. И таким образом они, не помышляя о том, сделали эту страну неудобной для езды верхом и на повозках[273]. Ведь с этого времени по всему Египту, хотя он и представляет собой равнину, нельзя проехать ни верхом, ни на повозке. Причиной этому множество каналов, пересекающих страну в разных направлениях. А перерезал каналами свою страну этот царь вот ради чего. Все жители Египта, города которых лежали не на реке, а внутри страны, как только река отступала, страдали от недостатка воды и вынуждены были пить солоноватую воду, которую вычерпывали из колодцев. Поэтому-то Сесострис и перерезал Египет каналами[274].

109. Этот царь, как передавали жрецы, также разделил землю между всеми жителями и дал каждому по квадратному участку равной величины. От этого царь стал получать доходы, повелев взимать ежегодно поземельную подать. Если река отрывала у кого-нибудь часть его участка, то владелец мог прийти и объявить царю о случившемся. А царь посылал людей удостовериться в этом и измерить, насколько уменьшился участок для того, чтобы владелец уплачивал подать соразмерно величине оставшегося надела[275]. Мне думается, что при этом-то и было изобретено землемерное искусство и затем перенесено в Элладу. Ведь "полос" и "гномон", так же как и деление дня на 12 частей[276], эллины заимствовали от вавилонян.

110. Этот-то египетский царь был единственным царем, который властвовал также и над Эфиопией. Он оставил также памятники – две каменные статуи высотой в 30 локтей[277], изображавшие его самого и его супругу, и четыре статуи своих сыновей высотой в 20 локтей каждая. Они стоят перед храмом Гефеста. Еще много времени спустя, когда персидский царь Дарий пожелал поставить свою статую перед этими древними статуями, жрец Гефеста не позволил этого сделать, заявив, что Дарий не совершил столь великих подвигов, как Сесострис Египетский. Сесострис, по его словам, ведь не только покорил все те народы, что и Дарий, да к тому же еще скифов, которых Дарий не мог одолеть. Поэтому-то и не подобает ему стоять перед статуями Сесостриса, которого он не смог превзойти своими подвигами. И Дарий, как говорят, должен был согласиться с этим.

111. После кончины Сесостриса, рассказывали жрецы, царский престол унаследовал его сын Ферон. Этот царь не вел никакой войны и имел несчастье

[272] Хеттский рельеф в Сипиле изображал царя с супругой и сыновьями, попирающими распростертого на земле врага. Осведомитель Геродота сочинил, быть может, на этом основании рассказ, переданный Геродотом.

[273] Это неверно: лошади и боевые колесницы впервые ввели вожди семитских племен гиксосы, которые властвовали над частью Египта в 1670-1570 гг. до н.э.

[274] Каналы служили в Египте для орошения полей, а не для снабжения питьевой водой.

[275] Во времена Геродота в Египте существовал земельный кадастр. Налоги собирались с каждого участка соответственно его урожайности натурой, так как денег не было в обращении. После завоевания Египта персидские сатрапы (особенно Арианд) стали чеканить огромное количество серебряной монеты и, пользуясь высоким курсом серебра, скупали все продукты, добываемые в стране.

[276] Гномон (солнечные часы) - вертикальный штифт, отбрасывающий тень на вогнутую поверхность (polow - модель небесного свода). Гномон и полос, по преданию, были вывезены в Грецию из Вавилона Анаксимандром Милетским (около 547 г. до н.э.). Двенадцать делений дня - часы дневные.

[277] Имеются в виду две 13-метровые статуи, лежащие у Мит-Рахине. Одна из них в 1954 г. перевезена в Каир.

ослепнуть, и вот по какому случаю. В то время вода в реке поднялась очень высоко, локтей до 80, так что затопила поля. Затем поднялась буря и река разбушевалась. Царь же в своем преступном нечестии, говорят, схватил копье и метнул в реку, в самую пучину водоворота. Тотчас же его поразил глазной недуг, и царь ослеп. Десять лет был он лишен зрения, а на одиннадцатый год пришло к нему из города Буто прорицание оракула, что срок кары истек и царь прозреет, промыв глаза мочой женщины, которая имела сношение только со своим мужем и не знала других мужчин. Сначала царь попробовал мочу своей собственной жены, но не прозрел, а затем подряд стал пробовать мочу всех других женщин. Когда наконец царь [исцелился] и стал вновь зрячим, то собрал всех женщин, которых подвергал испытанию, кроме той, чьей мочой, омывшись, прозрел, в один город, теперь называемый Эрифраболос. Собрав их в этот город, царь сжег всех женщин вместе с самим городом. А ту женщину, от мочи которой он стал вновь зрячим, царь взял себе в жены. Исцелившись же от своего глазного недуга, он принес во все почитаемые храмы посвятительные дары, среди которых особенно достойны упоминания два каменных обелиска, оба из цельного камня, вышиной в 100 локтей и в 8 шириной.

112. Наследником этого царя, как рассказывали жрецы, был царь из Мемфиса, которого эллины называли Протей. Еще и поныне существует в Мемфисе его очень красивый, прекрасно построенный священный участок [и храм] к югу от святилища Гефеста. Вокруг этого священного участка живут финикияне из Тира. А называется все это место Тирским Станом[278]. Есть в этом священном участке Протея храм, называемый храмом "чужеземной Афродиты". Как я предполагаю, это – храм Елены, дочери Тиндарея. Во-первых, потому, что по сказанию, которое мне сообщили, Елена жила у Протея, а во-вторых, оттого, что этот храм называется храмом "чужеземной Афродиты". Ведь ни один другой храм в Египте не носит такого названия.

113. В ответ на мои расспросы о Елене жрецы рассказали вот что. После того как Александр похитил Елену из Спарты, он поплыл с нею на свою родину. И вот, когда он был уже в Эгейском море, противные ветры отнесли его в Египетское море. Отсюда же, так как ветры не унимались, он прибыл к египетским берегам, а именно в устье Нила, которое ныне называется Канобским, в Тарихеи. На берегу стоял (да и поныне еще стоит) храм Геракла – убежище для всех рабов, которые бежали от своих господ. Если раб, чей бы то ни было, убежит сюда и посвятит себя богу наложением священных знаков[279], то становится неприкосновенным. Обычай этот существует издревле до нашего времени. Так вот, несколько слуг Александра, услышав об обычае в этом храме, бежали туда. Сидя там как молящие бога о защите, они стали обвинять Александра. Чтобы его погубить, они рассказали всю историю о похищении Елены и об обиде, нанесенной Менелаю. Обвиняли же они его в этом перед жрецами и перед стражем этого нильского устья по имени Фонис.

114. Услышав это, Фонис поспешно отправил в Мемфис к Протею вот какую весть: "Прибыл чужеземец, родом тевкр, совершивший нечестивое деяние в Элладе. Он соблазнил жену своего гостеприимца и вместе с нею и богатыми сокровищами находится здесь, потому что буря занесла его к нашей земле. Отпустить ли его безнаказанно или же отнять все добро, привезенное им?". На это Протей послал вот какой ответ: "Этого человека, совершившего нечестивое деяние против своего гостеприимца, схватите и приведите ко мне: я послушаю, что-то он скажет".

115. Услышав это, Фонис велел схватить Александра и задержать его корабли. А его самого вместе с Еленой и сокровищами, а также и умоляющих о защите [слуг Александра] отправил вверх [по реке] в Мемфис. Когда все они предстали перед царем, Протей спросил Александра, кто он и откуда плывет. А тот перечислил ему своих предков и назвал имя родной страны, а также рассказал, откуда теперь плывет. Тогда Протей спросил, откуда он взял Елену. Так как Александр старался

[278] Финикияне имели в Мемфисе свое поселение с храмом богини Иштар.

[279] Храмовые рабы носили особые знаки и считались неприкосновенными.

уклониться от ответа и, очевидно, говорил неправду, то [слуги], умоляющие о защите, стали его уличать и рассказали подробно о его постыдном деянии. Наконец Протей вынес приговор в таких словах: "Если бы я раз и навсегда не установил не казнить никого из чужеземцев, занесенных бурей в мою страну, то я отомстил бы тебе за эллина, негодный человек! Ты был его гостем и оскорбил его самым нечестивым поступком: ты прокрался к жене твоего гостеприимца – и этого тебе было еще мало! Ты соблазнил ее бежать с тобой и похитил. И даже этим ты не удовольствовался: ты еще и ограбил дом своего гостеприимца. Но, так как я ни в коем случае не желаю казнить чужеземца, ты можешь уехать. Женщину же и сокровища я все же не позволю тебе увезти, но сохраню их для твоего эллинского гостеприимца, если он сам пожелает приехать ко мне и увезти их. Тебе же и твоим спутникам я повелеваю в течение трех дней покинуть мою страну и уехать куда угодно. В противном случае я поступлю с вами, как с врагами".

116. Так-то Елена, говорили мне жрецы, прибыла к Протею. По-видимому, и Гомеру эта история была хорошо известна. Но так как она не так хорошо подходила к его эпосу, как то другое, принятое им сказание о Елене, то Гомер нарочно отбросил эту историю. Но все же Гомер ясно дал понять, что это сказание ему известно. Это очевидно из того, как поэт рассказывает в "Илиаде" о скитаниях Александра (и нигде не противоречит этому сказанию), а именно, как Александр вместе с Еленой, отнесенный ветрами, сбился с пути и как он, блуждая по разным местам, прибыл также в Финикийский Сидон. Об этом Гомер упоминает в песни о подвигах Диомеда. Стихи же эти гласят так:

Там у нее сохранилися пышноузорные ризы, Жен сидонских работы, которых Парис боговидный Сам из Сидона привез, преплывая пространное море. Сим он путем увозил знаменитую родом Елену[280].

Упоминает Гомер об этом и в "Одиссее" в таких стихах:

Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным; Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона, Им наделила; земля там богатообильная много Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых[281].

А вот что в другом месте говорит Телемаху Менелай:

Все еще боги в отечество милое мне из Египта Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы[282].

Из этих слов явствует, что Гомер знал о скитаниях Александра в Египте. Ведь Сирия граничила с Египтом, а финикияне, которым принадлежит Сидон, живут в Сирии.

117. Из этих стихов совершенно ясно, что эпос "Киприи"[283] не принадлежит Гомеру, а какому-то другому поэту. Ведь в "Киприях" рассказывается о том, как Александр на третий день прибыл с Еленой из Спарты в Илион:

С ветра попутным дыханьем по глади спокойного моря,

тогда как в "Илиаде" Гомер говорит о его скитаниях с Еленой. Впрочем, довольно о Гомере и "Киприях".

118. Когда я спросил жрецов, верно ли сказание эллинов об осаде Илиона, они ответили, что знают об этом из расспросов самого Менелая вот что. После похищения Елены в землю тевкров на помощь Менелаю прибыло большое эллинское войско. Эллины высадились на берег и разбили стан, а затем отправили в Илион послов, среди которых был и сам Менелай. Когда послы прибыли в город, то потребовали возвращения Елены и сокровищ, тайно похищенных Александром, и, сверх того, удовлетворения за нанесенные обиды. Однако тевкры и тогда, и впоследствии клятвенно и без клятв утверждали, что нет у них ни Елены, ни требуемых сокровищ, но что все это – в Египте. Поэтому было бы несправедливо им

[280] Илиада VI. 289 (перев. Н.И. Гнедича).

[281] Одиссея IV. 228 (перев. В.А. Жуковского).

[282] Одиссея IV, 351 (перев. В.А. Жуковского).

[283] В "Киприях" рассказывалось о предыстории Троянской войны (эти поэмы до нас не дошли).

понести наказание за то, чем владеет Протей, египетский царь. Эллины же, думая, что над ними издеваются, принялись осаждать город и, наконец, взяли его. А когда взяли город и Елены там действительно не оказалось, и им повторили опять то же самое [о ее местопребывании], что и раньше, то эллины, в конце концов, убедились, что тевкры с самого начала говорили правду. Тогда они отправили Менелая в Египет к Протею.

119. По прибытии в Египет Менелай поднялся вверх по реке в Мемфис. Он рассказал правду о своих делах и был весьма радушно принят [царем]. Затем он получил назад не только Елену здравой и невредимой, но и все свои сокровища. При этом Менелай, несмотря на то что египтяне сделали ему много добра, отплатил им за это бесчестным поступком. Противные ветры задерживали его отплытие, и так как это промедление тянулось долго, то Менелай задумал нечестивое дело. Он схватил двух египетских мальчиков и принес в жертву, чтобы умилостивить [ветры]. Когда это злодеяние обнаружилось, то возмущенные египтяне погнались за ним и он бежал с кораблями в Ливию. Куда он затем направился дальше, египтяне не могли мне сказать. Однако они утверждали, что знают об этом частично, правда, по слухам, а частью могут ручаться за достоверность, так как события происходили в их стране.

120. Это мне рассказывали египетские жрецы, и я сам считаю их сказание о Елене правдивым, так как я представляю себе дело так. Если бы Елена была в Илионе, то ее выдали бы эллинам с согласия ли или даже против воли Александра. Конечно, ведь ни Приам, ни остальные его родственники не были столь безумны, чтобы подвергать опасности свою жизнь, своих детей и родной город для того лишь, чтобы Александр мог сожительствовать с Еленой. Если бы они даже и решились на это в первое время войны, то после гибели множества троянцев в битвах с эллинами, когда, если верить эпическим поэтам, в каждой битве погибало по одному или по несколько сыновей самого Приама – после подобных происшествий, я уверен, что, живи даже сам Приам с Еленой, то и он выдал бы ее ахейцам, чтобы только избежать столь тяжких бедствий. Притом царская власть переходила не к Александру (так что он не мог править за старого Приама). Но после кончины Приама на престол должен был вступать Гектор, который был и старшим, и более мужественным. Без сомнения, он не стал бы потворствовать своему преступному брату, тем более что тот навлек такие страшные бедствия и на него самого, и на всех остальных троянцев. Но ведь троянцы не могли выдать Елену, потому что ее не было там, и эллины не верили им, хотя троянцы и говорили правду. Все это, по-моему, было заранее уготовано божеством, чтобы их полная гибель показала людям, что за великими преступлениями следуют и великие кары богов[284]. Вот что я сам думаю об этом.

121. После Протея, рассказывали жрецы, царская власть перешла к Рампсиниту. Он оставил памятник – преддверие, стоящее к западу от храма Гефеста. Перед этим преддверием он велел поставить две статуи высотой в 25 локтей[285]. Одну из них, стоящую на северной стороне, египтяне называют "лето", а другую – на южной – "зима". Первой статуе они поклоняются, а с той, которую называют "зимой", поступают как раз наоборот. Этот царь, по рассказам жрецов, был очень богат, и никто из позднейших царей не мог превзойти его богатством или хоть как-то сравняться с ним. Желая сохранить свои сокровища в безопасном месте, царь повелел построить каменное здание так, чтобы одна стена его примыкала к внешней стене царского дворца. Строитель же коварно обманул царя и придумал вот что: он сложил камни так, что один из них можно было с легкостью вынуть двум и даже одному человеку. И вот, когда здание было готово, царь велел

[284] Здесь Геродот объясняет исторические события карой, ниспосланной богами, или в пределах человеческих отношений цепью обид Τδιωραι и возмездии τρσειρ. В конечном счете руководят событиями боги, которые пользуются людьми как орудиями, но могут обойтись и без них (ср.: А.И. Доватур. Стиль, с. 111).

[285] Имеются в виду сооружения Рамсеса II в храме Пта в Мемфисе. Там находились две колоссальные статуи царя, которые во времена Геродота еще стояли.

сложить туда свои сокровища. Спустя некоторое время строитель в предчувствии кончины призвал сыновей (а у него их было двое) и поведал им, какую хитрость применил при строительстве царской сокровищницы ради того, чтобы обогатить их. При этом он все точно объяснил сыновьям, как вынуть камень, и указал, на каком расстоянии в ширину и высоту [от края стены] лежит он. Если они не забудут этого, добавил строитель, то станут "казначеями" царских сокровищ. После этого строитель скончался, а сыновья тотчас же принялись за дело. Ночью они подкрались ко дворцу, нашли этот камень в здании [сокровищницы], легко вынули его и унесли с собой много денег. Когда же царю случилось как-то войти в сокровищницу, он удивился, что в сосудах не хватает золота, но не мог, тем не менее, никого обвинить, так как печати были целы и сокровищница заперта. Царь дважды и трижды открывал сокровищницу, и раз от разу там оказывалось все меньше золота (ведь воры продолжали похищать его). Тогда он сделал вот что: приказал наделать капканов и поставить их около сосудов, полных золота. А когда воры пришли в обычное время, как и раньше, то один из них проник в сокровищницу и только лишь приблизился к сосуду, как тотчас же попался в капкан. Поняв, в какой он беде, вор тотчас же кликнул брата, рассказал, что случилось, и приказал как можно скорее спуститься и отрубить ему голову, чтобы и другой брат не погиб, когда его самого увидят и опознают, кто он. А тот решил, что брат прав, и поступил по его совету. Он вставил затем камень [на прежнее место] и ушел домой с головой брата. На другое утро царь вошел в сокровищницу и был поражен, увидев тело вора в западне без головы, а сокровищницу нетронутой, без всякой лазейки для входа и выхода. В недоумении царь сделал вот что: он повелел повесить тело вора на городской стене[286], затем поставил около тела стражу с приказанием, если увидят, схватить и немедленно привести к нему всякого, кто вздумает оплакивать или сетовать о покойнике. Когда тело вора было повешено, то мать его пришла в негодование. Она обратилась к оставшемуся сыну и велела ему каким бы то ни было способом отвязать и привезти домой тело брата. Если же сын не послушается, то мать грозила прийти к царю и донести, у кого находятся царские сокровища. Мать принялась жестоко бранить уцелевшего сына, а тот не мог ее успокоить и тогда придумал вот какую хитрость. Он запряг своих ослов, навьючил на них полные мехи вина и затем погнал. Поравнявшись со стражами, которые стерегли тело, он потянул к себе два или три завязанных в узел кончика меха. Вино потекло, и он стал с громкими криками бить себя по голове, как будто не зная, к какому ослу сначала броситься. А стражи, увидев, что вино льется [рекой], сбежались на улицу с сосудами черпать льющуюся [из меха] жидкость, считая, что им повезло. Вор же, притворно рассерженный, принялся осыпать их всех по очереди бранью. Стражи старались утешить его, и через некоторое время он сделал вид, будто понемногу смягчается и гнев его проходит. Наконец он согнал ослов с улицы и снова стал навьючивать [мехи]. Затем у них начались разговоры, и, когда один из стражей рассмешил его какой-то шуткой, он дал им еще мех. А стражи тут же на месте расположились пить, причем приглашали и его остаться, чтобы вместе выпить. Он позволил себя уговорить и остался с ними. Во время попойки стражи чрезвычайно любезно пили за его здоровье, и он тогда подарил им еще мех с вином. От славной выпивки все стражи скоро захмелели. Сон одолел их, и они завалились спать тут же на месте. Была уже глубокая ночь. Тогда вор снял тело брата со стены и затем остриг в насмешку всем стражам правую щеку наголо[287]. Потом навьючил тело брата на ослов и погнал домой. Так он выполнил приказание своей матери. Когда же царю сообщили, что вор похитил тело, он распалился гневом и захотел во что бы то ни стало узнать, кто этот хитрец, придумавший такие ловкие плутни. А сделал царь для этого вот что. (Я-то, впрочем, этому не верю). Он поместил будто бы свою дочь в публичный дом, приказав ей принимать всех без разбора. Но прежде чем отдаться, она должна была заставить каждого [мужчину] рассказать ей свой

[286] В Египте обычно трупы казненных выставляли на столбах на стене.

[287] Очевидно, сторожа были чужеземцы-наемники; египтяне брили себе головы и бороды.

самый хитрый и самый нечестный поступок в жизни. А кто расскажет историю с вором, того она должна схватить и не отпускать. Дочь так и сделала, как приказал отец. Вор же понял, чего ради царь отдал такое приказание. Он решил превзойти царя хитростью и сделал вот что. Отрубив руку по плечо у свежего мертвеца и, скрыв ее под плащом, вор пошел к царской дочери. Когда он явился к ней, царевна задала ему тот же вопрос, как и другим, и он рассказал, что совершил самый нечестивый поступок, отрубив голову брата, попавшего в западню в царской сокровищнице, а самый ловкий поступок, когда напоил допьяна стражей и унес висевшее на стене тело брата. Царевна же, услышав эту историю, хотела схватить его. А вор в темноте протянул ей руку мертвеца. Та схватила ее, думая, что держит его собственную руку. Вор же оставил отрубленную руку в руке царевны и выбежал через дверь. Когда царю сообщили об этой [новой] проделке, царь поразился ловкости и дерзкой отваге этого человека. Тогда, наконец, царь послал вестников по всем городам и велел объявить, что обещает вору полную безнаказанность и даже великую награду, если тот явится перед его очи. А вор поверил и явился к царю. Рампсинит же пришел в восхищение [от него] и отдал за него замуж свою дочь, как за умнейшего человека на свете. Ведь, как он полагал, египтяне умнее прочих народов, а этот вор оказался даже умнее египтян.

122. После этого, как рассказывали жрецы, царь этот живым совершил нисхождение в подземный мир, который у эллинов называется Аидом[288]. Там, по рассказам, он играл в кости с Деметрой[289], причем то выигрывал, то проигрывал у нее. Затем он снова вернулся на землю с подарком от богини – золотым полотенцем. В память сошествия Рампсинита в подземный мир после его возвращения египтяне, по словам жрецов, установили праздник, который, как я знаю, справляется еще и поныне (впрочем, я не могу сказать, по этой ли причине или по другой)[290]. На этом празднике жрецы ткут [особое] одеяние. Одному из жрецов завязывают глаза повязкой, затем накидывают на него это одеяние и выводят на дорогу к святилищу Деметры. Сами они возвращаются назад, жреца же этого с завязанными глазами, как говорят, два волка[291] проводят в святилище Деметры в 20 стадиях от этого города и затем снова отводят из святилища на прежнее место.

123. Кто может верить этому сказанию египтян, это его дело. Мне же в продолжение всего моего повествования приходится ограничиваться лишь передачей того, что я слышал. Владыками подземного мира египтяне считают Деметру и Диониса[292]. Египтяне также первыми стали учить о бессмертии человеческой души. Когда умирает тело, душа переходит в другое существо, как раз рождающееся в тот момент. Пройдя через [тела] всех земных и морских животных и птиц, она снова вселяется в тело новорожденного ребенка. Это круговращение продолжается три тысячи лет. Учение это заимствовали некоторые эллины, как в древнее время, так и недавно. Я знаю их имена, но не называю.

124. Так вот, до времени царя Рампсинита, рассказывали далее жрецы, при хороших законах, Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс[293] вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего, он повелел закрыть все

[288] Египетская сказка о нисхождении в царство мертвых.

[289] Деметра (в Дельте - Исида) - здесь, вероятно, Гатор, почитавшаяся в Фивах как владычица мертвых. Царство мертвых по-египетски называлось "аментет" (западная страна), так как египтяне погребали покойников к западу от Нила.

[290] По верованию египтян, умерший царь соединялся с Осирисом, смерти и воскресению которого был посвящен особый праздник в Египте.

[291] Очевидно, бог мертвых Анубис (егип. Ануп), изображавшийся с песьей головой, который провожал покойника в царство мертвых.

[292] Исида и Осирис.

[293] Геродот путает хронологию Египта: Рампсинит (Рамсес II) - царь XIX династии (1345-1200 гг. до н.э.), а Хеопс - IV династии (2600-2480 гг. до н.э.).

святилища и запретил совершать жертвоприношения[294]. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы, – работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды. Ведь дорога была 5 стадий длины, а шириной в 10 оргий, в самом высоком месте 8 оргий высоты, построена из тесаных камней с высеченными на них фигурами. Десять лет продолжалось строительство этой дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды. В этих покоях Хеопс устроил свою усыпальницу на острове, проведя на гору нильский канал[295]. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет. Она четырехсторонняя, каждая сторона ее шириной в 8 плефров и такой же высоты, и сложена из тесаных, тщательно прилаженных друг к другу камней. Каждый камень длиной, по крайней мере, в 30 футов.

125. Построена же эта пирамида вот как. Сначала она идет в виде лестницы уступами, которые иные называют площадками, или ступенями. После того как заложили первые камни [основания], остальные [для заполнения площадок] поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок. Так поднимали с земли камни на первую ступень лестницы. Там клали камень на другой помост; с первой ступени втаскивали на второй помост, при помощи которого поднимали на вторую ступень. Сколько было рядов ступеней, столько было и подъемных приспособлений. Быть может, однако, было только одно подъемное приспособление, которое после подъема камня без труда переносилось на следующую ступень. Мне ведь сообщали об обоих способах – почему я и привожу их. Таким образом, сначала была окончена верхняя часть пирамиды, затем соорудили среднюю и напоследок самые нижние ступени на земле. На пирамиде египетскими письменами было обозначено, сколько редьки, лука, чеснока съели рабочие. И, как я очень хорошо помню, переводчик, который читал мне надпись, объяснил, что на все это было израсходовано 1600 талантов серебра[296]. Если это верно, то сколько же денег пошло на железные орудия, на хлеб и одежду для рабочих, так как строительство всех этих сооружений продолжалось 20 лет и, кроме того, немало времени понадобилось на ломку и перевозку камней и сооружение подземных покоев [для усыпальницы].

126. А Хеопс, в конце концов, дошел до какого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег – сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой оставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей, по крайней мере, один камень для сооружения гробницы. Из этих-то камней, по словам жрецов, и построена средняя из трех пирамид, что стоит перед великой пирамидой (каждая сторона этой пирамиды в полтора плефра).

127. Царствовал же этот Хеопс, по словам египтян, 50 лет[297], а после его кончины престол наследовал его брат Хефрен. Он поступал во всем подобно брату

[294] По-видимому, этот царь сократил доходы жрецов, и поэтому жреческое предание считало его тираном-нечестивцем.

[295] Геродот, вероятно, неправильно понял своего осведомителя. Имеется, видимо, в виду канал, по которому доставлялись стройматериалы к месту сооружения пирамиды. Три месяца работ, указанные Геродотом, - время разлива Нила, когда сельскохозяйственные рабочие привлекались на строительство государственных сооружений (каналов и пирамид).

[296] Это, конечно, очень заниженная цифра расходов, которая даже отдаленно не соответствует стоимости этого грандиозного сооружения.

[297] Хеопс (Хуфу) царствовал только 24 года. Ему наследовал брат Дедефра, после которого вступил на престол сын Хеопса Хефрен.

и также построил пирамиду, которая, впрочем, не достигает величины Хеопсовой. Я сам ведь ее измерил. Под ней нет подземных покоев и не проведен из Нила канал, как в той другой пирамиде, где вода по искусственному руслу образует остров, на котором, как говорят, погребен Хеопс. Самый нижний ряд ступеней он велел вывести из многоцветного эфиопского камня и построил пирамиду на 40 футов ниже первой, при таких же, впрочем, размерах. Обе пирамиды стоят на том же самом холме высотой около 100 футов. Царствовал же Хефрен, по словам жрецов, 56 лет.

128. Эти 106 лет считаются временем величайших бедствий для Египта, когда святилища были заперты. Египтяне так ненавидят этих царей, что только с неохотой называют их имена. Даже и пирамиды эти называют пирамидами пастуха Филитиса, который в те времена пас свои стада в этих местах.

129. Затем царем Египта, по словам жрецов, стал Микерин, сын Хеопса. Ему не по душе были отцовские деяния. Он открыл храмы и освободил измученный тяготами народ, отпустив его трудиться [на своих полях] и приносить жертвы. Он был самым праведным судьей из всех царей, за что его особенно восхваляют египтяне среди всех когда-либо правивших над ними царей. Ведь он был не только судьей праведным, но даже давал деньги из своего добра недовольным его приговорами, чтобы удовлетворить их просьбы. Этого-то Микерина, столь кроткого к своим подвластным и так заботившегося о них, поразили тяжкие удары судьбы. Первым несчастьем была кончина дочери, единственного ребенка в его доме. Глубоко скорбя об этой беде, царь пожелал предать ее погребению с еще большей пышностью, чем это было в обычае. Он приказал изготовить из дерева пустотелую [статую] коровы[298], позолотить и затем положить в нее покойную дочь.

130. Корова эта, однако, не была погребена в земле, но еще до сего дня ее можно видеть в Городе Саисе, где она стоит в царском дворце в пышно украшенном покое. Каждый день около нее воскуряют там всевозможные благовония, а целую ночь возжигают светильник. Близ этой коровы в другом покое стоят статуи наложниц Микерина, как мне, по крайней мере, рассказывали саисские жрецы. Это – нагие колоссальные статуи женщин[299] из дерева числом 20. Но кто они – об этом я могу лишь повторить то, что мне сообщили.

131. Другие же сообщают об этой корове и о колоссальных женских статуях вот какое сказание. Микерин будто бы воспылал страстью к своей родной дочери и против ее воли силой овладел ею. После этого девушка, говорят, с горя и стыда сунулась в петлю. Отец же предал ее погребению в этой корове, а мать девушки велела отрубить руки служанкам, которые выдали дочь отцу. Еще и поныне их безрукие статуи показывают, что они претерпели при жизни. Все это, впрочем, как мне думается, пустая болтовня, особенно же – история с руками статуй. Ведь я сам видел, что руки у статуй отвалились от времени и еще при мне лежали тут же у ног.

132. А корова почти целиком покрыта пурпурной одеждой, кроме шеи и головы, которые позолочены толстым слоем золота. Между рогами находится изображение солнечного диска также из золота. Корова не стоит прямо, но лежит на камнях, а величиной она с большую живую корову. Каждый год ее выносят из покоя, именно в тот день, когда египтяне бьют себя в грудь в честь бога, которого я не хочу называть из благоговейного страха[300]. Рассказывают, что дочь перед смертью попросила отца позволить ей один раз в год видеть солнце.

133. После кончины дочери этого царя постигло второе несчастье, вот какое. Прорицание оракула из города Буто возвестило, что ему осталось жить только шесть лет, а на седьмом году он умрет[301]. Царь был весьма опечален и послал к

[298] Имеется в виду статуя богини неба Гатор, которую изображали в виде коровы. Геродот путает ее со статуей Исиды (в саисском храме).

[299] Не обнаженные, а в тесно прилегающих одеждах.

[300] На празднике Осириса.

[301] Позднейшая легенда анахронистически связывает Микерина с оракулом в Буто.

оракулу в Буто упрекнуть богиню: в ответ на прорицание царь жаловался на то, что его отец и дядя, которые заперли храмы, забыли богов и угнетали народ, прожили долго, а он, человек благочестивый, все-таки должен скоро умереть. А от оракула ему пришло другое прорицание, гласившее, что как раз из-за этого-то богиня и сокращает дни его жизни. Ведь он не совершил того, что должен был совершить: Египту суждено было претерпевать бедствия 150 лет. Два царя, его предшественники, поняли это, а он – нет. Услышав такой ответ, Микерин понял, что рок неотвратим и приказал изготовить множество светильников. По ночам царь велел зажигать их, стал пить вино и непрестанно веселиться днем и ночью. Он блуждал по лугам и рощам и всюду, где только находил подходящие места для удовольствия. Так поступал он, превращая ночи в дни, чтобы уличить оракул во лжи и сделать из шести лет двенадцать.

134. И этот царь также оставил пирамиду, хотя и значительно меньше отцовской: каждая ее сторона на 20 футов короче 3 плефров. Она также четырехугольная и наполовину построена из эфиопского камня[302]. Некоторые эллины думают, что это пирамида гетеры Родопис, но это неверно. Они утверждают так, очевидно не зная, кто была Родопис. Иначе ведь они не могли бы приписать ей постройку такой пирамиды, для чего, вообще говоря, потребовались бы тысячи и тысячи талантов. Кроме того, Родопис жила во времена царя Амасиса, а не при Микерине, т. е. много поколений позднее строителей этих пирамид. Родопис происходила из Фракии и была рабыней одного самосца, Иадмона, сына Гефестополя. Вместе с ней рабом был и баснописец Эзоп. Ведь и он принадлежал Иадмону, что особенно ясно вот из чего: когда дельфийцы по повелению божества вызывали через глашатая, кто желает получить выкуп за убиение Эзопа[303], то никто не явился, кроме внука Иадмона, которого также звали Иадмоном. Он и получил выкуп. Стало быть, Эзоп принадлежал тому Иадмону.

135. А Родопис прибыла в Египет; ее привез туда самосец Ксанф. Прибыв же туда для занятия своим "ремеслом", она была выкуплена за большие деньги митиленцем Хараксом, сыном Скамандронима, братом поэтессы Сапфо. Так-то Родопис получила свободу и осталась в Египте. Она была весьма прелестна собой и потому приобрела огромное состояние – для такой, как Родопис, – но далеко не достаточное, чтобы на него построить такую пирамиду. Десятую часть ее добра каждый желающий может видеть еще и сегодня (поэтому можно думать, что оно было не слишком уж велико). Ведь Родопис пожелала оставить о себе память в Элладе и придумала послать в Дельфы такой посвятительный дар, какого еще никто не придумал посвятить ни в одном храме. На десятую долю своих денег она заказала (насколько хватило этой десятой части) множество железных вертелов[304], столь больших, чтобы жарить целых быков, и отослала их в Дельфы. Еще и поныне эти вертелы лежат в куче за алтарем, воздвигнутым хиосцами, как раз против храма[305]. Гетеры же в Навкратисе вообще отличались особенной прелестью. Эта, о которой здесь идет речь, так прославилась, что каждый эллин знает имя Родопис. После Родопис была еще некая Архидика, которую также воспевали по всей Элладе, хотя о ней было меньше толков, чем о Родопис. А когда Харакс, выкупив Родопис, возвратился в Митилену, то Сапфо зло осмеяла его в одной своей песне. Впрочем, о Родопис довольно.

136. После Микерина, как рассказывали жрецы, египетским царем стал Асихис[306]. Он построил расположенное по направлению к восходу солнца

[302] Размеры, приводимые Геродотом, не соответствуют действительности. Эфиопский камень - гранит.

[303] Эзоп был обвинен в краже из храма в Дельфах и низвергнут со скалы. За его убиение дельфийцы должны были заплатить денежную пеню.

[304] В такой форме отливались тогда металлические бруски (до введения чеканной монеты, заимствованной из Лидии, ими пользовались как деньгами).

[305] Храма Аполлона.

[306] Асихис (египт. Шепсес-каф, ок. 2480 г. до н.э.) оставил гробницу в виде кирпичной

преддверие святилища Гефеста, далеко превосходящее красотой и обширностью все другие. И все другие преддверия украшены также рельефами и тысячью других архитектурных орнаментов, но Асихисовы все же гораздо роскошнее. Когда в правление этого царя, как передавали жрецы, деньги почти совершенно исчезли из обращения, в Египте был издан закон, [по которому] разрешалось брать деньги в долг под залог мумии собственного отца. А к этому закону был прибавлен еще вот какой. Заимодавец вступал во владение всей семейной усыпальницей должника, и в случае неуплаты долга должника ожидала вот какая кара: и сам он после кончины лишался погребения в семейном или в каком-либо другом склепе, равно как и его потомки. Чтобы превзойти прежних египетских царей, Асихис воздвиг в память о себе пирамиду из глиняных кирпичей с надписью, вырезанной на камне и гласящей: "Не ставь меня ниже каменных пирамид. Как Зевс над прочими богами, стою я над ними. Шест погружали в озеро и из грязи, которая приставала к шесту, изготовляли кирпичи. И таким образом меня воздвигли". Вот что совершил этот царь.

137. После него, рассказывали жрецы, царствовал слепец из города Анисиса по имени также Анисис[307]. В его правление эфиопы с сильным войском вторглись в Египет под предводительством своего царя Сабака. Слепец Анисис бежал в прибрежные низменности, а эфиоп стал царем Египта и царствовал 50 лет. За это время он совершил вот что. Если египтянин совершал какое-нибудь преступление, то царь его не казнил. Он осуждал каждого преступника соответственно тяжести его вины на земляные работы в том городе, откуда тот происходил. Таким-то образом города выросли еще выше [над своим основанием]. Ведь сначала насыпи были сооружены рабочими, которые прокопали каналы при царе Сесострисе, а теперь при эфиопском царе их подняли еще выше. Хотя и другие египетские города расположены высоко, однако, по-моему, самые значительные насыпи находятся у города Бубастиса. В этом городе стоит знаменитый храм [богини] Бубастис. Есть, правда, и другие еще более обширные и великолепные святилища, но ни одно из них так не радует взор, как этот храм. Бубастис же по-эллински – Артемида.

138. Святилище же Бубастис вот какое. Оно целиком, за исключением входа, лежит на острове. Ведь из Нила ведут два канала, до входа в святилище идущие отдельно. Они обтекают храм с обеих сторон. Каждый канал шириной в 100 футов и осенен деревьями. Преддверие же высотой в 10 оргий и украшено замечательными статуями в 6 локтей вышины. А святилище расположено посреди города, и вид на него открывается из всех частей города. Так как город этот поднят насыпью, а святилище осталось на своем прежнем месте, то поэтому оно и доступно обозрению [из города] со всех сторон. Оно ограждено стеной, украшенной рельефами, а внутри его – роща с могучими деревьями, которыми обсажено высокое храмовое здание со статуей богини. Длиной и шириной священный участок с каждой стороны в одну стадию. От входа ведет дорога, мощенная камнем, около 3 стадий длиной, через городскую рыночную площадь на восток. Ширина ее 4 плефра. По обеим сторонам дороги стоят высокие до небес деревья. А ведет она к святилищу Гермеса. Таков этот храм.

139. Избавился же Египет от владычества эфиопского царя, по рассказам жрецов, вот каким образом. Бежал эфиопский царь из страны вследствие сновидения. А привиделось ему, что предстал пред ним некий человек и дал совет собрать всех египетских жрецов и разрубить каждого пополам. Увидев этот сон, царь сказал, что боги, видимо, побуждают его таким советом осквернить святыни и навлечь на себя мщение богов и людей. Но он не последует совету, а, напротив, покинет страну, так как время его владычества [над Египтом], предреченное оракулом, уже истекло. Ведь еще в Эфиопии оракул, который вопрошают эфиопы, предрек ему пятидесятилетнее царствование в Египте. Так вот, по истечении этого

мастабы (четырехугольной формы гробница).

[307] Геродот делает здесь скачок от конца IV династии (ок. 2480 г. до н.э.) к началу эфиопского владычества в Египте (ок. 715 г. до н.э.).

срока Сабак (к тому же встревоженный сновидением) добровольно удалился из Египта[308].

140. А лишь только эфиопский царь покинул Египет, слепец Анисис снова воцарился, возвратившись из [прибрежной] низменности. Там он пробыл 50 лет и насыпал остров из золы и земли. Ведь, кроме съестных припасов, которые он приказывал египтянам тайно от эфиопского царя доставлять себе, египтяне должны были приносить в дар слепому царю также золу. Остров же этот вплоть до времени царя Амиртея никому не удавалось отыскать. Более 700 лет цари, предшественники Амиртея, тщетно пытались найти его. Называется же этот остров Эльбо, а длина и ширина его 10 стадий.

141. После Анисиса царствовал жрец Гефеста по имени Сетос[309]. Этот царь безрассудно пренебрегал кастой египетских воинов[310], как будто вовсе не нуждаясь в них. Он даже обижал их и отнял у них земли, пожалованные прежними царями[311] (каждому по 12 отборных участков). После этого пошел войной на Египет с сильным войском Санахариб, царь арабов и ассирийцев. И вот египетские воины отказались выступить в поход. А царь-жрец, доведенный до отчаяния, вступил в святилище[312] и стал с рыданьями горько жаловаться на свою тяжкую участь перед кумиром божества. Когда царь так рыдал, напал на него сон и во сне предстал ему бог и, ободряя его, сказал: "Пусть царь, ничего не боясь, идет на арабское войско; он, бог, сам пришлет ему помощь". Ободренный этим сновидением, царь взял с собой египтян, готовых следовать за ним, и разбил стан в Пелусии (там ведь находятся "ворота" Египта). Впрочем, никто из воинов не пошел с царем, но только мелочные торговцы, ремесленники и разный сброд с рынка. Когда они прибыли в Пелусий, то ночью на вражеский стан напали стаи полевых мышей[313] и изгрызли их колчаны, луки и рукоятки щитов, так что на следующий день врагам пришлось безоружными бежать и множество врагов пало. И поныне еще в храме Гефеста стоит каменная статуя этого царя[314]. Он держит в руках мышь, и надпись на статуе гласит: "Взирай на меня и имей страх божий!".

142. До сих пор египтяне и их жрецы передавали мне сказания о стародавних временах. Они объяснили мне, что со времени первого египетского царя и до этого последнего жреца Гефеста прошло 341 поколение людей и за это время было столько же верховных жрецов и царей. Но 300 поколений составляет 10000 лет, считая по три поколения в столетие. Да сверх 300 еще 41 поколение дает 1340 лет. Таким образом, по словам жрецов, за 11340 лет в Египте царствовали только смертные люди, а не боги в человеческом образе. Так же и среди царей, правивших в Египте до или после этого времени, по их мнению, не было богов в человеческом образе. В это время, рассказывали жрецы, солнце четыре раза восходило не на своем обычном месте: именно, дважды восходило там, где теперь заходит, и дважды заходило там, где ныне восходит. И от этого не произошло в Египте никакой перемены в смысле плодородия почвы и растений, режима реки, болезней или людской смертности.

[308] Эфиопские цари официально правили в Египте с 715 по 655 г. до н.э. После мирного соглашения они передали должность верховной жрицы Амуна в Фивах, последнюю опору их власти в Верхнем Египте, дочери Псамметиха, властителя области Дельты, и удалились из Египта.

[309] Геродот рассказывает здесь сказку, отражающую исторические события: войны эфиопских царей Египта с ассирийцами (671-653 гг. до н.э.).

[310] Имеются в виду ливийские наемники.

[311] Это были свободные от налогов земельные участки, которые египетские (эфиопские) цари отдали ливийским наемникам в награду за службу.

[312] Именно, в храм бога Пта.

[313] Мышь была у семитов символом чумы.

[314] Геродот неправильно относит здесь к этому царю статую бога Гора с его священным животным - мышью.

143. Когда однажды историк Гекатей[315] во время пребывания в Фивах перечислил жрецам свою родословную (его родоначальник, шестнадцатый предок, по его словам, был богом), тогда жрецы фиванского Зевса поступили с ним так же, как и со мной, хотя я и не рассказывал им своей родословной. Они привели меня в огромное святилище [Зевса] и показали ряд колоссальных деревянных статуй. Их было действительно столько, сколько я перечислил выше. Каждый верховный жрец ставил в храме еще при жизни себе статую. Так вот, жрецы перечисляли и показывали мне все статуи друг за другом: всегда сын жреца следовал за отцом. Так они проходили по порядку, начиная от статуи скончавшегося последним жреца, пока не показали все статуи. И вот, когда Гекатей сослался на свою родословную и в шестнадцатом колене возводил ее к богу, они противопоставили ему свои родословные расчеты и оспаривали происхождение человека от бога. Противопоставляли же они свои расчеты вот как. Каждая из этих вот колоссальных статуй, говорили они, это – "пиромис"[316] и сын пиромиса, пока не показали ему одну за другой 345 колоссальных статуй (и всегда пиромис происходил от пиромиса), но не возводили их происхождения ни к богу, ни к герою. "Пиромис" же по-эллински означает "прекрасный и благородный человек".

144. Так вот, такими и были все эти люди, статуи которых там стояли, а вовсе не богами. Правда, до этих людей в Египте царствовали боги, которые жили совместно с людьми, и один из них всегда был самым могущественным. Последним из этих царей был Ор, сын Осириса, которого эллины зовут Аполлоном. Низложив Тифона, он стал подлинным царем-богом в Египте. А Осирис – по-эллински Дионис.

145. У эллинов самыми младшими из богов считаются Геракл, Дионис и Пан. У египтян же, напротив, Пан – самый древний бог, один из сонма так называемых восьми[317] первых богов. А Геракл принадлежит к сонму двенадцати так называемых вторых богов, Дионис – к третьему сонму, который произошел от этих двенадцати богов. Сколько лет, по словам египтян, прошло от Геракла до царя Амасиса, я уже упомянул выше[318]. От Пана, по их расчетам, прошло еще больше времени, от Диониса же гораздо меньше, хотя все-таки до царя Амасиса – 15000 лет. И это, как утверждают египтяне, они знают точно, так как всегда вычисляют и записывают года [царей и верховных жрецов]. Напротив, от Диониса, которого считают сыном Семелы, дочери Кадма, до нашего времени протекло самое большее 1600 лет, от Геракла, сына Алкмены, – около 900 лет, а от Пана, сына Пенелопы (эллины ведь считают Пана сыном Гермеса и Пенелопы), прошло до сегодняшнего дня еще меньше лет, чем от Троянской войны, – только 800 лет.

146. Итак [что касается Диониса и Пана], то из этих двух сказаний о них всякий волен принимать то, какое ему кажется более вероятным. Мое же собственное мнение о происхождении эллинских богов я уже высказал[319]. Действительно, если бы Дионис, сын Семелы, и Пан, сын Пенелопы, так же как и Геракл, сын Амфитриона, стали знаменитыми героями и жили в Элладе, тогда и о них, так же как и о Геракле, можно было бы сказать, что они были простыми смертными людьми и носили лишь имена более древних богов. Однако эллины рассказывают, что Зевс тотчас же после рождения зашил Диониса в свое бедро и отнес на Нису, что в Эфиопии выше Египта; и о Пане они не могут вообще ничего сказать: куда он попал после рождения. Поэтому я убежден, что оба эти бога стали известны эллинам гораздо позднее других богов, а время, когда эллины узнали этих богов, они приняли за время их рождения.

147. Все это мне сообщили сами египтяне. Теперь же я буду продолжать

[315] Гекатей Милетский посетил Египет в царствование Амасиса II (569-526 гг. до н.э.).

[316] Егип. "пи-роми" - человек, т. е. доблестный человек (греч. xal\w x[gau\w). Египтяне считали только себя пи-роми, другие народы, по их мнению, не заслуживали этого названия.

[317] У египтян существовал цикл не из 8, а из 9 богов.

[318] См. выше, II.43.

[319] См. выше, II.43 - 49

историю этой страны, как мне передавали (кроме египтян) другие ее жители и согласно с ними египтяне. Прибавлю к этому и виденное мною собственными глазами. После освобождения Египта [от эфиопов] и правления Гефестова жреца египтяне (они ведь не могли жить без царей) разделили весь Египет на двенадцать частей и поставили двенадцать царей[320]. Эти цари породнились между собою путем браков и заключили договор [в том, чтобы] не свергать друг друга и не отнимать земли, но жить всегда в дружбе. Причина же заключения этого договора, который они твердо соблюдали, была вот какая. Дано им было тотчас же по достижении власти предсказание оракула: кто из них совершит возлияние из медной чаши в святилище Гефеста, тот станет царем над всем Египтом. Поэтому цари обыкновенно собирались во все святилища все вместе [для жертвоприношений].

148. И вот они решили оставить общий памятник, а, решив это, воздвигли лабиринт[321] немного выше Меридова озера близ так называемого Города Крокодилов. Я видел этот лабиринт: он выше всякого описания. Ведь если бы собрать все стены и великие сооружения, воздвигнутые эллинами, то, в общем, оказалось бы, что на них затрачено меньше труда и денежных средств, чем на один этот лабиринт. А между тем храмы в Эфесе и на Самосе[322] – весьма замечательны. Конечно, пирамиды – это огромные сооружения, и каждая из них по величине стоит многих творений [эллинского строительного искусства], вместе взятых, хотя и они также велики. Однако лабиринт превосходит [размерами] и эти пирамиды. В нем двенадцать дворов с вратами, расположенными одни против других, причем шесть обращены на север, а шесть на юг, прилегая друг к другу. Снаружи вокруг них проходит одна единственная стена. Внутри этой стены расположены покои двух родов: одни подземные, другие над землею, числом 3000, именно по 1500 тех и других. По надземным покоям мне самому пришлось проходить и осматривать их, и я говорю о них как очевидец. О подземных же покоях знаю лишь по рассказам: смотрители-египтяне ни за что не желали показать их, говоря, что там находятся гробницы царей, воздвигших этот лабиринт, а также гробницы священных крокодилов. Поэтому-то я говорю о нижних покоях лишь понаслышке. Верхние же покои, которые мне пришлось видеть, превосходят [все] творения рук человеческих. Переходы через покои и извилистые проходы через дворы, будучи весьма запутанными, вызывают чувство бесконечного изумления: из дворов переходишь в покои, из покоев в галереи с колоннадами, затем снова в покои и оттуда опять во дворы. Всюду каменные крыши, так же как и стены, а эти стены покрыты множеством рельефных изображений. Каждый двор окружен колоннами из тщательно прилаженных кусков белого камня. А на углу в конце лабиринта воздвигнута пирамида[323] высотой 40 оргий с высеченными на ней огромными фигурами. В пирамиду ведет подземный ход[324].

149. Как ни поразителен этот лабиринт своей грандиозностью, но еще большее удивление вызывает так называемое Меридово озеро, на берегу которого он стоит. Окружность этого Меридова озера составляет 3600 стадий, или 60 схенов, т. е. как раз равняется длине всей прибрежной полосы Египта. В длину озеро простирается с севера на юг, и в самом глубоком месте глубина его 50 оргий. А то, что оно – произведение рук человеческих и вырыто искусственно, это ясно видно. Почти что посредине озера стоят две пирамиды, возвышающиеся на 50 оргий над водой; такой же глубины и их подводная часть. Рядом с каждой пирамидой поставлена

[320] Имеются в виду местные царьки области Дельты. Число 12 - неверно.

[321] Геродот принимает маленькие пристройки времен саисских царей (663-525 гг. до н.э.) за главное здание - заупокойный храм царя Аменемхета III (1840-792 гг. до н.э.).

[322] Храмы Артемиды в Эфесе и Геры на Самосе.

[323] Кирпичная пирамида в Хаваре с заупокойным храмом, который Геродот называет лабиринтом.

[324] Крытый проход, ведущий из храма в пирамиду.

колоссальная каменная статуя, восседающая на троне[325]. Таким образом, высота этих пирамид 100 оргий, а 100 оргий равняется как раз 1 стадии и 6 плефрам, так как оргия имеет 6 футов, или 4 локтя; фут же равен 4 пяденям, а локоть – 6 пяденей. Вода же в озере не ключевая (местность эта совершенно безводна), а проведена по каналу из Нила, и шесть месяцев она течет в озеро, шесть месяцев – обратно в Нил. Во время отлива воды рыбная ловля в озере доставляет доход царской казне каждый день по 1 таланту серебра, а за время прилива – только 20 мин.

150. Местные жители рассказывали, что озеро это имеет подземный выход в ливийском Сирте: оно течет под землей на запад внутрь страны вдоль горного хребта, что выше Мемфиса. Так как я нигде не видел [отвалов] земли, вынутой из водоема, то, заинтересовавшись этим, я спросил окрестных жителей, где же выкопанная земля. А те рассказали мне, куда ее отнесли, и их сообщения мне показались правдоподобными. Ведь я слышал, что в городе Нине в Ассирии с землей сделали то же самое, что и здесь. Там грабители задумали похитить великие сокровища царя Сарданапала, сына Нина, хранившиеся в подземных сокровищницах. Так вот, грабители принялись копать подземный ход от своего собственного дома к царскому дворцу. Землю же, вынимаемую из прокопа, ночью сбрасывали в реку Тигр, текущую у Нина, пока, наконец, не достигли своей цели. Подобным же образом, как я слышал, было выкопано озеро и в Египте, только работа велась не ночью, а днем: выкопанную землю египтяне относили в Нил, который, естественно, принимал ее и рассеивал своим течением. Так-то, по рассказам, было выкопано это озеро.

151. А двенадцать царей, верно соблюдали свой договор; но однажды, когда они приносили жертву в храме Гефеста и хотели в последний день праздника совершить возлияние, верховный жрец по ошибке подал им вместо двенадцати золотых жертвенных чаш, в которых обычно совершалось возлияние, только одиннадцать. Тогда последний царь Псамметих, так как у него не было чаши, снял с головы медный шлем и протянул его для возлияния. Все цари носили тогда медные шлемы, и они были в это время у них на головах. Псамметих, однако, протянул свой шлем без всякого коварного умысла, а другие заметили поступок Псамметиха и вспомнили предсказание оракула о том, что совершивший возлияние из медной чаши будет царствовать над всем Египтом. Так вот, вспомнив об этом, они все же решили не лишать жизни Псамметиха, так как после допроса нашли, что он совершил это неумышленно. Тем не менее они постановили лишить его большей части владений и изгнать в прибрежную [низменную] область страны, запретив общение с остальным Египтом.

152. А этому Псамметиху уже прежде однажды пришлось бежать от эфиопского царя Сабака, который убил его отца Неко. Сам он спасся тогда бегством в Сирию. Когда затем эфиопский царь, побуждаемый сновидением, удалился [из Египта], египтяне, жители Саисской области, вернули Псамметиха назад. Теперь, уже будучи царем, Псамметиху вторично пришлось бежать в прибрежную низменность от одиннадцати царей из-за шлема. Почувствовав себя тяжко оскорбленным, Псамметих задумал отомстить своим гонителям. Он вопросил оракул Латоны в городе Буто, где находится самое правдивое прорицалище в Египте, и получил ответ: "Отмщенье придет с моря, когда на помощь явятся медные люди". А Псамметих ни за что не хотел поверить, что спасение ему принесут медные люди. Через некоторое время, однако, ионян и карийцев, которые занимались морским разбоем, случайно занесло ветрами в Египет. Они высадились на берег в своих медных доспехах, и один египтянин, никогда прежде не видавший людей в медных доспехах, прибыл к Псамметиху в прибрежную низменность с вестью, что медные люди пришли с моря и разоряют поля. Царь же понял, что сбывается прорицание оракула, вступил в дружбу с ионянами и карийцами, и великими посулами ему удалось склонить их поступить к нему на службу наемниками. А когда он склонил их, то со своими египетскими сторонниками и с помощью этих

[325] Статуя Аменемхета III.

наемников свергнул других царей[326].

153. Став царем над всем Египтом, Псамметих воздвиг южные преддверия святилища Гефеста в Мемфисе, а для Аписа – двор против преддверий, где держат [это священное животное], когда оно появится. Двор этот окружен со всех сторон колоннадой с рельефными фигурами. Вместо столбов опорами двора служат колоссальные статуи 12 локтей высотой. Апис же по-эллински называется Эпафом.

154. Ионянам же и карийцам, которые помогли ему [вступить на престол], Псамметих пожаловал участки земли для поселения друг против друга на обоих берегах Нила. Эти поселения назывались станами. Земли эти царь пожаловал им и, кроме того, все остальное по обещанию. Он передал им даже египетских юношей на обучение эллинскому языку. Эти египтяне – предки теперешних толмачей в Египте. А ионяне и карийцы долгое время жили в этой области. Она лежит по направлению к морю немного выше города Бубастиса, у так называемого Пелусийского устья Нила. Впоследствии царь Амасис повелел им оставить эту местность и переселил в Мемфис, сделав их телохранителями для защиты от своих же египтян. С этими поселенцами эллины, естественно, поддерживали сношения, и потому-то мы так хорошо осведомлены обо всех событиях в Египте со времени Псамметиха и позднее. Они были первыми иноземцами, поселившимися в Египте. В тех местах, откуда их переселил Амасис, еще до моего времени виднелись остатки корабельных верфей и жилищ. Так-то Псамметих стал царем Египта.

155. Я уже неоднократно упоминал о прорицалище [в Буто] в Египте и теперь хочу подробнее рассказать об этом достопамятном месте. Это египетское прорицалище находится в храме Латоны в большом городе у так называемого Себеннитского устья Нила, если плыть от моря внутрь страны. Имя этого города, где находится оракул, Буто, как я только что сказал. Кроме того, в этом Буто есть еще святилище Аполлона и Артемиды. Храм же Латоны, где именно и находится оракул, и сам очень велик, а его преддверия 10 оргий высотой. Я должен еще упомянуть о том, что меня больше всего поразило из виденного в этом святилище. На этом священном участке Латоны воздвигнуто храмовое здание, высеченное целиком из одного камня. Стены его одинаковой высоты и ширины, именно 40 локтей. Кровлю над ним образует другой камень с выступом в 4 локтя.

156. Это храмовое здание, таким образом, – самое удивительное из того, что можно видеть в этом святилище. Но почти столь же замечателен и остров под названием Хеммис. Лежит остров на большом и глубоком озере рядом со святилищем в Буто. Египтяне же утверждают, будто это плавучий остров. Я-то сам, впрочем, не видел, чтобы он плавал или двигался, и был весьма удивлен, услышав, что в самом деле могут существовать плавучие острова. На нем стоит большой храм Аполлона и воздвигнуты три алтаря и, кроме того, растет много пальм и других плодоносных и неплодоносных деревьев. Египтяне передают вот какое сказание о плавучем острове, который раньше не был плавучим. Когда Латона, принадлежавшая к сонму восьми древних богов, жила в Буто, где ныне находится ее прорицалище, Исида передала ей на попечение Аполлона. Латона сохранила Аполлона и спасла на так называемом ныне плавучем острове, когда всюду рыскавший Тифон пришел, чтобы захватить сына Осириса. По словам египтян, Аполлон и Артемида – дети Диониса и Исиды. Латона же была их кормилицей и спасительницей. У египтян Аполлон называется Ором, Деметра – Исидой, а Артемида – Бубастис. Из этого-то сказания, и не из какого другого, Эсхил, сын Евфориона, заимствовал то, что я сейчас скажу и чего нет ни у кого из прежних поэтов. Именно в одной своей трагедии он изобразил Артемиду дочерью Деметры[327]. Вот почему остров этот стал плавучим, как по крайней мере рассказывают египтяне.

157. Псамметих же царствовал в Египте 54 года. 29 лет[328] он провел, осаждая

[326] Т.е. он устранил областных царьков.

[327] Это драма Эсхила не сохранилась.

[328] Эта цифра неверна.

большой сирийский город Азот, и наконец взял его. Ни один из известных нам других городов не выдержал столь долгой осады.

158. У Псамметиха был сын Неко, который после него стал царем Египта. Он первым начал строить канал, ведущий в Красное море, который потом продолжил персидский царь Дарий. Длиной этот канал в четыре дня пути и был выкопан такой ширины, что две триеры могли плыть рядом. Вода в него проведена из Нила немного выше города Бубастиса. Затем канал проходит мимо аравийского города Патума и впадает в Красное море. Сначала канал пересекает часть египетской равнины, примыкающую к Аравии. Южнее этой низменной полосы возвышается гора, которая тянется до Мемфиса, где находятся каменоломни. У подошвы этой горы канал долго идет в направлении с запада на восток, затем поворачивает на юг в ущелье, ведущее через город, и, наконец, впадает в Аравийский залив. Самый прямой и короткий путь идет из Северного моря к Южному, так называемому Красному морю, т. е. от горы Касия (на границе Египта и Сирии) до Аравийского залива, [и составляет] ровно 1000 стадий. Это кратчайший путь, канал же гораздо длиннее, потому что извилист. На строительстве канала при царе Неко погибло 120.000 египтян. Впрочем, Неко велел прекратить работы в силу неблагоприятного изречения оракула. Изречение это гласило, что царь строит канал только на пользу варварам. Варварами же египтяне называют всех, кто не говорит на их языке.

159. Итак, Неко не закончил строительства канала и выступил в поход. Он велел построить триеры, как в Северном море, так и в Аравийском заливе для Красного моря. Их верфи можно видеть там еще и поныне. В случае нужды царь всегда пользовался этими кораблями. [С этим флотом] Неко напал на Сирию и одержал победу при Магдоле. А после битвы он взял большой сирийский город Кадитис. Свои доспехи, в которых совершил эти подвиги, он посвятил Аполлону, отослав их в святилище бранхидов в Милетской области. Затем после 16-летнего правления Неко скончался и оставил царство своему сыну Псаммису[329].

160. В царствование этого Псаммиса прибыли в Египет послы элейцев и стали похваляться тем, что устроили Олимпийские игры по самым справедливым и прекрасным законам на свете. Кроме того, по их словам, даже сами египтяне, мудрейший народ на свете, не могли бы придумать ничего лучше [и справедливее]. Итак, когда элейцы прибыли в Египет и изложили царю дело, ради которого приехали, царь этот велел созвать египтян, славных своей великой мудростью. Мудрецы собрались и стали расспрашивать элейцев, какие у тех правила и порядки на олимпийских состязаниях. Элейцы рассказали им все, прибавив в заключение, что прибыли сюда узнать, не могут ли египтяне придумать еще более беспристрастные правила и порядки на состязаниях. А мудрецы, посоветовавшись, спросили, принимают ли участие на состязаниях также элейские граждане. Те ответили, что и они также могут состязаться подобно всем другим эллинам. Египтяне же на это возразили, что такими порядками они совершенно нарушают беспристрастие: ведь как судьи они не могут беспристрастно относиться к борцу из своих граждан и не обижать чужеземцев. Если же они желают проводить состязания действительно по справедливости и ради этого прибыли в Египет, то должны допускать к состязаниям только иноземцев и исключить всех элейцев. Такой ответ дали египтяне элейцам.

161. Псаммис царствовал в Египте всего шесть лет. Он совершил поход в Эфиопию и вскоре затем скончался. Наследовал ему сын Априй. Это был самый счастливый царь из всех древних царей после своего прапрадеда Псамметиха. Царствовал он 25 лет. За это время он ходил войной на город Сидон и сражался на море с тирским царем. С Априем случилось несчастье по причине, о которой я упомяну здесь лишь вскользь, чтобы подробно рассказать потом при описании Ливии. Априй послал войско против Кирены, но оно потерпело тяжкое поражение. За это египтяне распалились на царя и подняли восстание, так как полагали, что он, желая извести их, намеренно послал на явную погибель, чтобы самому более

[329] Псамметих II.

надежно править над остальными. Так вот, уцелевшие от гибели египтяне и их друзья, возмущенные этим, подняли открытый мятеж.

162. Получив весть о восстании, Априй послал к мятежникам Амасиса успокоить их посулами. Когда же Амасис прибыл и стал уговаривать их, какой-то египтянин во время его речи сзади надел ему шлем на голову и объявил, что этим коронует его на царство. Это произошло отнюдь не против воли Амасиса, что он и не замедлил доказать. Когда мятежники провозгласили его царем, Амасис стал готовиться к борьбе с Априем. Априй же, узнав об этом, отправил к Амасису одного знатного египтянина из своей свиты, по имени Патарбемис, с приказанием доставить Амасиса к нему живым. Когда этот Патарбемис прибыл и стал звать Амасиса к царю, Амасис, приподнявшись в седле (он как раз в это время сидел на коне), испустил ветер и сказал Патарбемису, чтобы тот отнес это Априю. Патарбемис все же настаивал, чтобы Амасис явился к царю, если уж тот послал за ним. Амасис же отвечал, что давно уже собирался это сделать и Априю не придется гневаться на него: скоро он сам придет к царю и других еще приведет с собой к нему. Патарбемис же прекрасно понял смысл этих слов. Он видел приготовления к войне и поспешно уехал, чтобы немедленно сообщить царю о положении дел. Когда же Патарбемис явился к Априю, то царь, разгневавшись, не дал сказать ни слова и приказал отрезать ему уши и нос. Когда остальные египтяне, до сих пор еще верные царю, увидели такое отвратительное поругание знатнейшего человека из своей среды, то немедленно перешли на сторону мятежников и предались Амасису.

163. При известии об этом Априй вооружил наемников и выступил против восставших египтян. А было у него 30.000 наемников – карийцев и ионян. В городе Саисе у царя был также большой и замечательный дворец. Итак, Априй шел войной на своих же египтян, а Амасис – против чужеземных наемников. В городе Момемфисе оба войска сошлись и начали сражение.

164. В Египте существует семь различных каст: жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы, мелочные торговцы, толмачи и кормчие. Столько каст в Египте, а названия каст взяты по роду занятий [их членов]. Каста воинов делится на так называемых каласириев и гермотибиев, которые живут в следующих округах (весь Египет ведь разделен на округа).

165. Гермотибии живут в округах: Бусирис, Саис, Хеммис, Папремис, на острове по имени Просопитида и в Нафо. Это – округа гермотибиев[330], численность которых, когда их было больше всего, доходила до 160.000 человек. Никто из них не занимается никаким ремеслом, но только военным делом.

166. Каласирии же обитают в следующих округах: Фивы, Бубастис, Афтис, Танис, Мендес, Себеннис, Атрибис, Фарбаис, Фмуис, Онуфис, Анисис, Миекфорис. Последний находится на острове против города Бубастиса. Это – округа каласириев[331], численность которых, когда их было больше всего, доходила до 250.000 человек. Им также не дозволено заниматься никаким ремеслом, но только военным, которому сын учится от отца.

167. Научились ли эллины от египтян также и этому, я не могу определенно решить. Я вижу только, что и у фракийцев, скифов, персов, лидийцев и почти всех других варварских народов меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан. Люди же, не занимающиеся физическим трудом, считаются благородными, особенно же посвятившие себя военному делу. Так вот, этот обычай переняли все эллины, и, прежде всего, лакедемоняне. Менее же всего презирают ремесленников в Коринфе.

168. Кроме жрецов, только воины в Египте пользовались особыми преимуществами: каждому из них [с семьей] жаловалось [в надел] по 12 арур отборной земли, не облагаемой налогом. Арура же составляет 100 квадратных египетских локтей; египетский же локоть по величине равняется самосскому. Так вот, столько земли жаловалось каждому [воину] в собственность. Кроме того, от

[330] Области в западной части Дельты.

[331] Области в восточной части Дельты.

времени до времени и попеременно они получали еще следующие доходы: тысяча каласириев и столько же гермотибиев ежегодно служили царскими телохранителями. Последние, кроме доходов с земельных наделов, получали ежедневно по 5 мин хлеба, по 2 мины говядины и по 4 аристеры вина на каждого. Таково было постоянное жалование телохранителей.

169. Итак, после того как Априй во главе наемников и Амасис со всеми египтянами прибыли к городу Момемфису, началась битва. Хотя наемники храбро сражались, но все же потерпели поражение, так как значительно уступали врагам численностью. По рассказам, Априй воображал, что даже бог не может лишить его царства. Столь прочно, казалось ему, сидит он на престоле. Но все же тогда он был побежден в бою, захвачен в плен и уведен в город Саис в свой прежний дворец, теперь уже принадлежавший Амасису. Сначала Априя некоторое время содержали в царском дворце, и Амасис хорошо обходился с ним. В конце концов, когда египтяне стали роптать (они считали, что Амасис несправедливо поступает, оставляя жизнь своему и их злейшему врагу), и Амасису пришлось выдать им Априя. Египтяне же задушили его и затем предали погребению в усыпальницах предков. Эти усыпальницы находятся в храме Афины очень близко от главного святилища, как войдешь, так по левую руку. А хоронили саисцы в этом святилище всех своих царей саисской династии. Так же и усыпальница Амасиса – во дворе храма, хотя и дальше от главного святилища, чем Априева и его предков. Она представляет собой обширную каменную галерею с колоннами в виде пальм и другими украшениями. В этой галерее находятся два [двухстворчатых] портала, а за ними [в нише] стоит саркофаг.

170. В том же саисском святилище Афины есть и гробница того, чье имя я не считаю позволительным здесь разглашать[332]. Она находится позади храмового здания вдоль всей стены храма Афины. Затем внутри этой священной ограды стоят высокие каменные обелиски и расположено озеро, обложенное по краям очень красиво камнем, по-моему, такой же величины, как так называемое Круглое озеро на Делосе[333].

171. На этом-то озере во время ночных бдений египтяне представляют действа, [изображающие] страсти бога. Эти представления они называют мистериями. Впрочем, об этом я буду хранить молчание, хотя и мог бы сообщить более подробно о том, что происходит на этих действах. Так же хочу я умолчать и об обрядах на празднике Деметры[334], который эллины называют Фесмофориями, поскольку непосвященным сообщать об этом не дозволено. Дочери Даная принесли к нам из Египта этот праздник и обряды [Деметры] и научили им пеласгических женщин. Впоследствии же, когда дорийцы изгнали из Пелопоннеса всех прежних жителей, эти [мистические] празднества совершенно прекратились. Только аркадцы – единственное племя, которое не было изгнано и осталось от древнего населения Пелопоннеса, – сохранили их.

172. Так-то после свержения Априя воцарился Амасис родом из Саисского округа, из города по имени Сиуф. Сперва египтяне мало уважали и ни во что не ставили царя, так как прежде он был простым гражданином и даже незнатного рода. Потом, однако, Амасису удалось завоевать их расположение хитростью, но деликатным способом. Среди несметных сокровищ был у него умывальный таз, из которого сам царь и все его гости всегда умывали ноги. Этот-то таз Амасис велел расплавить, отлить из него статую бога и воздвигнуть в самом оживленном месте города. Египтяне же, проходя мимо статуи, благоговейно молились ей. Когда же Амасис услышал об этом, то повелел призвать к себе египтян и объявил им, что статуя [бога] сделана из того таза для омовения ног, куда они раньше плевали, мочились и где умывали ноги, а теперь ее благоговейно почитают. Вот и с ним,

[332] Гробница Осириса в храме богини Нейт.

[333] Священное озеро, на берегу которого стояла священная пальма.

[334] Сюжетом мистериальных представлений в честь Осириса было убийство Осириса Сетом и воскресение бога.

прибавил царь, произошло примерно то же самое, что с этим тазом. Пусть когда-то прежде Амасис был только простым гражданином, а теперь – он их царь. Поэтому они должны почитать и уважать его. Так-то Амасис расположил к себе египтян, так что они добровольно согласились служить ему.

173. Порядок [ежедневных] занятий Амасис установил такой: ранним утром еще до времени, когда народ собирается на рынок, царь усердно разбирал дела, которые ему докладывали. Затем он пировал и легкомысленно и весело шутил со своими застольными друзьями. Друзей же царя удручало его поведение, и они упрекали его такими словами: "Царь! Ты умаляешь свое царское достоинство, предаваясь таким легкомысленным и пустяковым занятиям. Тебе следовало бы, восседая на пышном троне, целый день заниматься делами. Тогда египтяне поняли бы, что над ними властвует действительно великий муж, и о тебе пошла бы лучшая слава. А теперь ты ведешь жизнь вовсе не такую, как подобает царю". А царь возразил им: "Стрелок натягивает свой лук, только когда он нужен, и спускает тетиву, когда нет нужды. Ведь если бы лук был постоянно натянут, он бы лопнул, и его нельзя уже было бы пустить в дело в случае надобности. Такова же и человеческая природа: если бы человек вздумал всегда предаваться серьезным делам, не позволяя себе никаких развлечений и шуток, то либо неприметно впал бы в безумие, либо сразу был бы разбит параличом. Поэтому-то я всему уделяю свое время". Так он отвечал своим друзьям.

174. Как говорят, Амасис, будучи еще простым гражданином, очень любил выпить и пошутить и вовсе не имел склонности к серьезным занятиям. А когда он пропил и прогулял свое добро, то начал будто бы воровать у соседей. А те обвиняли его в кражах, и когда он запирался, то водили в прорицалище и вопрошали, где украденные вещи. Иногда оракул его уличал, но часто и оправдывал. Когда же Амасис стал царем, то сделал вот что. О храмах тех богов, которые его оправдывали [в кражах], он вовсе не заботился и не жаловал денег на их украшение. Он и не посещал их и не приносил жертв: по его словам, ведь эти боги не заслуживают жертвоприношений и их прорицания лживы. Напротив, богов, уличавших его в воровстве, он глубоко чтил, как истинных богов, дающих правдивые прорицания.

175. Прежде всего, он воздвиг в Саисе удивительные преддверия Афине, которые далеко превосходят высотой и обширностью, а также величиной и красотой камней, из которых они сложены, все другие. Затем он повелел поставить колоссальные статуи и огромные сфинксы с головами мужчины, а также доставить огромные глыбы камней для других работ. Некоторые глыбы были перевезены из каменоломен у Мемфиса, а другие, самые огромные, из города Элефантины, который отстоит от Саиса не менее чем на двадцать дней плавания вверх по реке. Но вот что меня в этом больше всего удивляет. Царь повелел доставить из Элефантины целое здание, высеченное из цельного камня. Перевозили же его три года, и для этого было назначено 2000 человек, которые все были кормчими. Длина этого храмового здания снаружи 21 локоть, ширина 14, высота 8 локтей. Это – наружные размеры этого монолитного здания. Изнутри же оно 18 локтей и 20 пядeней длины, 12 локтей ширины и 5 локтей высоты. Здание стоит при входе в священный участок. Внутрь [священного участка], говорят, его не втащили вот почему. Зодчий, как рассказывают, при перетаскивании этого здания глубоко вздохнул, так как ему наскучила бесконечная работа. Амасис же принял это за недобрый знак и не позволил тащить здание дальше. Другие, впрочем, говорят, что один из рабочих, двигавших здание рычагами, был раздавлен и поэтому-то здание и не втащили в святилище.

176. И во все другие знаменитые святилища Амасис также посвятил архитектурные сооружения, удивительные своей величиной. Так, между прочим, в Мемфисе перед святилищем лежит на земле колосс длиной 75 футов. На том же цоколе стоят еще два других колосса из эфиопского камня в 20 футов высоты каждый, по обеим сторонам того большого колосса. Есть также и в Саисе такой же величины колосс, лежащий на земле, как и в Мемфисе. И Исиде в Мемфисе воздвиг

Амасис большой и достойный удивления храм.

177. При царе Амасисе, как рассказывают, Египет достиг величайшего процветания. Река дарила [блага] земле, а земля – людям, и населенных городов в Египте было тогда, говорят, 20.000. Амасис также издал вот какое постановление египтянам: каждый египтянин должен был ежегодно объявлять правителю округа свой доход. А кто этого не сделает и не сможет указать никаких законных доходов, тому грозила смертная казнь. Афинянин Солон перенял из Египта этот закон и ввел его в Афинах. Еще и поныне он там сохранился как самый превосходный закон.

178. Амасис был другом эллинов. Он не только выказывал благосклонность некоторым из них, но даже предоставил эллинским переселенцам город Навкратис[335] для жительства. А тем, кто не желал селиться там, а приезжал только временно [для торговли], он отвел места, где они могли бы воздвигнуть алтарь и храмы богов. Самое большое, знаменитое и наиболее часто посещаемое из этих святилищ называется Эллений. Его основали сообща следующие города: из ионийских – Хиос, Теос, Фокея и Клазомены; из дорийских – Родос, Книд, Галикарнасс и Фаселида; из эолийских – одна Митилена. Эти-то города сообща владеют святилищем, они же назначают начальников для надзора за торговлей в порту. Прочие города, которые посещают святилище, там только гости. Город Эгина воздвиг особое святилище Зевса, самосцы – Геры, а милетяне – Аполлона.

179. Первоначально Навкратис был единственным торговым портом [для чужеземцев] в Египте; другого не было. Если корабль заходил в какое-нибудь другое устье Нила, то нужно было принести клятву, что это случилось неумышленно. А после этого корабль должен был плыть назад в Канобское устье Нила. Или если нельзя было подниматься вверх против ветра, то приходилось везти товары на нильских барках вокруг Дельты до Навкратиса. Такие права и преимущества были у Навкратиса.

180. Когда амфиктионы за 300 талантов отдали подряд на строительство нового дельфийского храма (прежний храм случайно погиб в огне пожарища), то четвертую часть денег за подряд пришлось уплатить дельфийцам. Тогда дельфийцы стали ходить по городам и собирать пожертвования, причем возвратились из Египта далеко не с пустыми руками. Так, Амасис пожертвовал им 1000 талантов квасцов[336], а эллины, жившие в Египте, – 20 мин серебра.

181. С киренцами же Амасис заключил оборонительный и наступательный союз и не задумался даже взять себе супругу оттуда потому ли, что желал иметь супругой эллинку, или, быть может, только ради союза с киренцами. Так вот, он взял себе в супруги девушку по имени Ладику, которая, как одни говорят, была дочерью Батта, по другим же, – Аркесилая или даже знатного гражданина Критобула. Однако, разделяя с супругой ложе, Амасис не мог сойтись с нею, хотя еще сходился с другими женщинами. И так как это повторялось не раз, то Амасис сказал Ладике: "Женщина! Ты меня совершенно околдовала! Ничто уже не спасет тебя от самой лютой казни, которую когда-либо испытала женщина!". Хотя Ладика отрицала свою вину, Амасис не сменил свой гнев на милость. Тогда Ладика принесла обет Афродите посвятить в Кирену статую богине, если Амасис сойдется с ней в эту ночь (ведь в этом одном было ее спасение). И действительно, после этого обета Амасис тотчас же сошелся с ней и с тех пор, всякий раз как приходил, имел сношение с ней, и потом очень полюбил ее. Ладика же исполнила свой обет богине. Она велела изваять статую и отослала ее в Кирену. Когда я был там, статуя была еще цела и стояла [в храме] за городом Киреной. Эту Ладику Камбис после завоевания Египта, узнав от нее самой, кто она, отослал в Кирену, не причинив обиды.

[335] Навкратис был основан, вероятно, при Неко или Псамметихе. При Амасисе город достиг уже расцвета.

[336] Египет был главным экспортером квасцов, которыми пропитывались деревянные доски при постройке храмов.

182. Амасис же послал посвятительные дары также и в Элладу. В Кирену он пожертвовал позолоченную статую Афины и свое собственное изображение в красках; затем Афине в Линде – две каменные статуи и замечательный льняной панцирь; наконец, в храм Геры на Самосе – две свои портретные деревянные статуи, которые еще в мое время стояли в большом храме за порталом. Эти приношения на Самос царь сделал ради своей дружбы и гостеприимства с Поликратом, сыном Эака. Что же до даров Амасиса в Линд, то он принес их вовсе не ради дружбы с кем-нибудь или гостеприимства, а потому что святилище Афины в Линде, по сказанию, воздвигли дочери Даная, остановившись там во время бегства от сыновей Египта. Эти посвятительные дары принес Амасис. Он завоевал также впервые остров Кипр и заставил остров платить ему дань.Книга III

ТАЛИЯ

1. На этого-то Амасиса и пошел войной Камбис, сын Кира, и вместе с ним шли все покоренные им народности, в том числе ионяне и эолийцы. Причина похода была вот какая. Камбис отправил вестника в Египет просить дочь Амасиса [себе в жены]. А просил Камбис по совету одного египтянина, который дал этот совет из ненависти к Амасису, за то, что царь его одного из всех египетских врачей, разлучив с женой и детьми, передал персам, когда Кир послал к Амасису просить самого лучшего глазного врача в Египте[337]. Так вот, ненавидя царя за это, египтянин и дал Камбису совет: просить [в жены] дочь Амасиса[338], для того чтобы египетский царь либо огорчился, отдав дочь, либо отказом раздражил Камбиса. Амасис же ненавидел могущественных персов и вместе с тем опасался их: он не знал, как поступить, – отдать ли дочь или отказать. Ведь царь был вполне уверен, что Камбис берет ее не законной супругой, а в наложницы. Так вот, обдумывая свое положение, Амасис нашел такой выход. Была у Априя, прежнего царя, дочь, весьма видная и красивая девушка. Она одна из всей его семьи осталась в живых. Звали ее Нитетис. Эту-ту девушку Амасис велел нарядить в роскошные, украшенные золотом одежды и отослать в Персию вместо своей дочери. Через некоторое время Камбис обратился к ней с приветствием, как к дочери Амасиса, а девушка ответила ему: "Царь! Ты не знаешь, что Амасис обманул тебя. Он нарядил меня в эти роскошные одежды и прислал к тебе как свою родную дочь. А я на самом деле дочь Априя, его прежнего господина, на которого он вместе с египтянами восстал и затем умертвил". Эти-то слова и эта причина побудили сына Кира Камбиса, страшно разгневавшегося, к войне против Египта. Так, по крайней мере, гласит персидское предание.

2. Напротив, египтяне считают Камбиса египтянином, именно сыном этой дочери Априя. Ведь, по их словам, Кир, а вовсе не Камбис послал к Амасису сватать его дочь. Но это неверно. Египтянам было, во-первых, прекрасно известно (ведь никто так хорошо не знает персидских обычаев и законов, как египтяне), что у персов не в обычае ставить царем незаконного сына, если есть законный наследник, а во-вторых, что Камбис был сыном Кассанданы, дочери Фарнаспа Ахеменида, а вовсе не египтянки. Египтяне искажают историческую истину, выдавая себя за родственников Кирова дома. Так в действительности обстоит дело.

3. Есть, впрочем, еще и другое сказание (по-моему, правда, оно невероятное). Одна персидская женщина пришла будто бы как-то на женскую половину [дворца] Кира. Увидев стоящих рядом с Кассанданой ее красивых статных детей, она принялась громко хвалить и любоваться ими. А Кассандана, супруга Кира, сказала на это: "Хотя я и родила Киру таких детей, но он меня презирает, а вот эту женщину, сосватанную из Египта, носит на руках". Так она сказала с досады на Нитетис. А ее старший сын, Камбис, при этом заметил: "Мать! Когда я возмужаю, я

[337] Египетские врачи славились в то время. Как показывают папирусы, медицина в Египте достигла высокого уровня.

[338] Женитьба на законной наследнице египетского престола укрепляла притязания Камбиса на египетский трон.

переверну весь Египет вверх дном". Так сказал Камбис, будучи еще десятилетним ребенком, и женщины дивились [его словам]. И вот, помня об этом, Камбис, когда возмужал и вступил на престол, пошел войной на Египет.

4. А в этом походе случилось вот какое происшествие. Был у Амасиса в числе наемников один галикарнассец, по имени Фанес, человек умный и храбрый воин. Этот Фанес поссорился с Амасисом и бежал из Египта на корабле, чтобы предложить свои услуги Камбису. Но так как Фанес имел большой авторитет среди наемников и был посвящен во все дела в Египте, то Амасис послал поспешно погоню, чтобы захватить его. А послал царь в погоню на триере самого верного своего евнуха. Тот захватил Фанеса в Ликии, а, захватив, не смог, однако, доставить в Египет, так как Фанес его перехитрил. Он напоил своих стражей допьяна и бежал в Персию[339]. А Камбис в это время как раз собирался в поход на Египет и не знал, как пройти безводную пустыню. Тогда явился Фанес, сообщил Камбису о положении дел у Амасиса и указал путь через пустыню. А именно, он посоветовал Камбису послать к царю арабов с просьбой обеспечить безопасный проход через его землю.

5. Только этим путем открыт доступ в Египет. Ведь от Финикии до области города Кадитиса простирается земля так называемых палестинских сирийцев[340]. А от Кадитиса (города, который, по-моему, едва ли меньше Сард) до города Ианиса приморские торговые порты принадлежат аравийскому царству. От Ианиса же опять идет земля сирийцев до озера Сербониды, вдоль которого к морю тянется гора Касий. А от озера Сербониды, где, по преданию, погребен Тифон, – от этого озера начинается уже Египет. Земля же между городом Ианисом, горой Касием и озером Сербонидой – длинная полоса на три дня пути – совершенно безводная пустыня.

6. Теперь я хочу рассказать о том, что удается заметить лишь немногим, побывавшим в Египте. Из всей Эллады да, кроме того, еще из Финикии в Египет привозят дважды в год вино в глиняных сосудах и все-таки, можно сказать, там не увидишь ни одного порожнего сосуда. Куда же, спрашивается, они деваются? Я отвечу на это. Каждый староста общины обязан собирать все [порожние] глиняные сосуды в своем городе и отправлять в Мемфис. Из Мемфиса же, наполнив водой, их переправляют в ту безводную Сирийскую пустыню. Таким образом, всю глиняную винную посуду, ввозимую в Египет, там опоражнивают и затем, в дополнение к прежней, отправляют в Сирию[341].

7. Теперь и персы после завоевания Египта также снабжают водой этот путь в Египет вышеуказанным способом. Однако в то время там еще не было заготовлено воды. Узнав об этом от галикарнасского наемника, Камбис послал вестников к царю арабов[342] просить о безопасном проходе. Царь арабов согласился, и они заключили между собой союз.

8. Арабы считают такие договоры о дружбе особенно священными. Заключают же они договоры вот как. Когда двое желают заключить договор о дружбе, то третий становится между ними и острым камнем делает надрез на ладони у большого пальца каждого участника договора. Затем, оторвав от их плащей по кусочку ткани, смачивает кровью и намазывает ею семь камней, лежащих между будущими союзниками. При этом он призывает Диониса и Уранию. После этого обряда заключивший договор представляет чужеземца или родича (если договор заключен с ним) своим друзьям и те также свято соблюдают договор. Из богов арабы почитают одного Диониса и Уранию и утверждают, что носят стрижку

[339] Бегство Фанеса произошло не в 525, а в 547 г. до н. в.

[340] Здесь под "сирийцами" Геродот имеет в виду филистимлян, города которых Аскалон, Ашдод, Гат и Экрон персидская армия прошла на пути в Египет.

[341] Персы приказали все глиняные сосуды от финикийского вина в Египте наполнять водой и отправлять по дороге назад в Финикию, чтобы обеспечить снабжение водой в пустыне между Египтом и Палестиной.

[342] Это был царь независимых арабов, набатеев.

такого же фасона, как у самого Диониса. Стригут же они голову в кружок, подстригая также волосы и на висках[343]. На своем языке Диониса они зовут Оротальт, а Уранию – Алилат.

9. Итак, царь арабов, заключив договор с вестником Камбиса, придумал вот что. Он велел наполнить водой мехи из верблюжьей кожи и навьючить на всех своих верблюдов. Затем он выступил с этим караваном в пустыню и там стал ожидать войско Камбиса. Так, по крайней мере, гласит более достоверное предание. Но все же не следует умалчивать и о менее достоверном предании, раз оно существует. Есть в Аравии большая река по имени Корис, впадающая в так называемое Красное море[344]. Так вот, из этой-то реки, по преданию, царь арабов провел воду в пустыню (с помощью рукава, сшитого из сыромятных бычьих и других шкур). А в пустыне царь велел выкопать большой водоем для приема и сохранения воды. От реки же до этой пустыни двенадцать дней пути. Три таких рукава, как говорят, царь провел в три разных места.

10. В так называемом Пелусийском устье Нила разбил свой стан[345] Псамменит, сын Амасиса, ожидая Камбиса. Самого же Амасиса Камбис во время египетского похода уже не застал в живых. Амасис скончался после 44-летнего царствования. За это время ему не пришлось испытать никакой особенно тяжкой беды. По кончине царя тело его было набальзамировано и погребено в усыпальнице святилища, которое он сам воздвиг[346]. А при Псаммените, сыне Амасиса, явилось египтянам великое знамение, именно выпал дождь в египетских Фивах, чего, по словам самих фиванцев, не бывало ни раньше, ни после вплоть до нашего времени. Ведь в Верхнем Египте вообще не бывает дождей, да и тогда в Фивах выпали лишь какие-то капли.

11. Персы же прошли через безводную пустыню и расположились станом вблизи египтян, чтобы сразиться с ними. Тогда египетские наемники – эллины и карийцы – в гневе на Фанеса за то, что тот привел вражеское войско в Египет, придумали отомстить ему вот как. Были у Фанеса сыновья, оставленные отцом в Египте. Этих-то сыновей наемники привели в стан, поставили между двумя войсками чашу для смешения вина и затем на виду у отца закололи их над чашей одного за другим. Покончив с ними, наемники влили в чашу вина с водой, а затем жадно выпили кровь и ринулись в бой. После жаркой битвы, когда с обеих сторон пало много воинов, египтяне обратились в бегство.

12. Удивительную вещь мне пришлось увидеть там, на месте битвы (на это обратили мое внимание местные жители). Кости воинов, павших в этой битве, были свалены в отдельные кучи. На одной стороне лежали кости персов, как они были погребены, а на другой – египтян. Черепа персов оказались такими хрупкими, что их можно было пробить ударом камешка. Напротив, египетские черепа были столь крепкими, что едва разбивались от ударов большими камнями. Причина этого, как мне объяснили, и я легко этому поверил, в том, что египтяне с самого раннего детства стригут себе волосы на голове, так что череп под действием солнца становится твердым. В этом также причина, почему египтяне не лысеют. Действительно, нигде не встретишь так мало лысых, как в Египте. Вот почему у них такие крепкие черепа. У персов, напротив, черепа хрупкие, и вот почему. Персы с юности носят на голове войлочные тиары и этим изнеживают свою голову. Таковы эти черепа. Такие, как здесь, черепа я видел в Папремисе, где лежали тела персов, павших во главе со своим вождем Ахеменом, сыном Дария, в борьбе против ливийца Инара.

13. Египтяне же, потерпев поражение в той битве, обратились в беспорядочное бегство. Их оттеснили в Мемфис, и Камбис отправил туда к ним вверх по реке на митиленском корабле персидского вестника с предложением сдаться. А египтяне,

[343] Такая прическа арабов-кочевников упоминается в Библии (Левит 20, 27).

[344] Геродот смешивает здесь Красное море с Мертвым морем.

[345] Именно, у города Таниса.

[346] В храме богини Нейт в Саисе.

завидев подходивший к Мемфису корабль, толпою бросились из города, потопили корабль, людей порубили в куски и тела их потащили в город. Затем [персы] осадили город, и египтяне после долгой осады вынуждены были, наконец, сдаться. Соседние же с Египтом ливийцы в страхе, как бы их не постигла участь Египта, без сопротивления покорились персам, сами наложили на себя подать и послали царю дары. Так же поступили киренцы и баркейцы, устрашившись, подобно ливийцам. Камбис милостиво принял дары ливийцев, дарами же киренцев остался недоволен, как я думаю, потому что они были ничтожны (ведь киренцы послали царю всего 500 мин серебра). Царь взял деньги и собственноручно разделил своему войску.

14. На десятый день после взятия города Мемфиса Камбис велел посадить в предместье на позор египетского царя Псамменита, который был царем всего шесть месяцев. А, посадив его вместе с другими знатными египтянами, Камбис стал подвергать мужество и стойкость царя вот каким позорным испытаниям. Камбис велел царевну, дочь Псамменита, одеть в одежду рабыни, и послал ее за водой, а вместе с ней и других девушек, дочерей знатнейших египтян, в таком же одеянии, как царевна. Когда девушки с воплями и плачем проходили мимо своих отцов, те также подняли вопли и рыдания, глядя на поругание дочерей. Только Псамменит, завидев издали девушек, и, узнав [среди них свою дочь], потупил очи долу. Когда девушки с водой прошли, Камбис послал затем [на казнь] сына Псамменита и 2000 его сверстников с петлей на шее и заткнутым удилами ртом[347]. Их вели на казнь в отмщение за митиленцев, погибших с кораблем в Мемфисе. Такой приговор вынесли царские судьи: за каждого человека казнить десять знатнейших египтян[348]. Когда Псамменит увидел, как они проходили мимо, и понял, что сына ведут на казнь, он также потупил очи, тогда как другие египтяне, сидевшие около него, плакали и сетовали [на свою горькую участь]. После того как миновали и эти, подошел, случайно проходя мимо Псамменита, сына Амасиса, и сидевших у ворот египтян, один из его застольных друзей, человек уже весьма преклонного возраста. Он лишился всего своего добра и теперь, как нищий, просил подаяния у воинов. А Псамменит, завидев друга, громко зарыдал, назвал его по имени и стал бить себя по голове. Около Псамменита, конечно, стояли стражи, которые доносили Камбису о каждом его шаге. Камбис удивился поступку Псамменита и послал вестника спросить вот что: "Псамменит! Владыка Камбис спрашивает: почему при виде твоей опозоренной дочери и сына на смертном пути ты не рыдал и не оплакивал их, а этому нищему, который, оказывается, даже не родственник тебе, воздал честь [этими знаками скорби]". Так спрашивал вестник, а Псамменит отвечал такими словами: "Сын Кира! Несчастья моего дома слишком велики, чтобы их оплакивать. Несчастье же друга, который ныне, на пороге старости, из роскоши и богатства впал в нищету, достойно слез". Когда вестник передал Камбису эти слова, они показались царю справедливыми. При этом, по рассказам египтян, Крез, сопровождавший Камбиса в египетском походе, заплакал; заплакали также и персы из царской свиты. Даже сам Камбис был тронут и тотчас же приказал помиловать царского сына, а самого Псамменита привести к нему с того места [у ворот] в предместье, где тот сидел.

15. Сына Псамменита посланные [Камбисом], правда, уже не застали в живых: он был казнен первым. Самому же Псамменту они приказали встать и повели к Камбису. При дворе Камбиса Псамменит и остался жить и в дальнейшем не терпел никаких обид. Если бы он сумел воздержаться от козней, то получил бы в управление Египет. Ведь у персов обычно царские дети в почете. Если даже какой-нибудь царь и поднимает восстание против них, то все же сыну его возвращают престол. Подобных случаев можно привести много. Так они, например, поступили с Фанниром, сыном ливийца Инара, которому возвратили престол его отца, и с Павсирисом, сыном Амиртея, хотя никто не причинил персам зла больше Инара и

[347] В таком виде изображены побежденные на рельефе Бехистунской надписи.

[348] Экипаж корабля состоял таким образом из 200 человек.

Амиртея[349]. Теперь же Псамменит, "зло замышляя", получил достойное возмездие: он был уличен в подстрекательстве египтян к мятежу. Услышав об этом, Камбис приказал Псамменту выпить бычьей крови, отчего египетский царь тотчас же скончался. Таков был конец Псамменита.

16. Камбис же прибыл из Мемфиса в город Саис ради того, чтобы совершить там деяние, которое он и действительно совершил. Именно, вступив во дворец Амасиса, он повелел выбросить из усыпальницы тело царя. А когда это было исполнено, Камбис велел бичевать тело, вырвать волосы, исколоть, словом, всячески осквернить. Когда, наконец, исполнители царского приказа измучились, а набальзамированное тело, несмотря на их усилия, все-таки не распадалось, Камбис приказал предать мумию огню[350]. Это было нечестивое, безбожное повеление. Ведь персы считают огонь божеством. Сжигание же трупов вовсе не в обычае у обоих этих народов. У персов потому, что они по приведенной выше причине считают преступным предавать какому-нибудь богу человеческое тело. Египтяне же признают огонь живой тварью, которая пожирает все, что ни попало, чтобы потом, насытившись, умереть вместе со своей жертвой. Поэтому отдавать покойника на съедение зверям противно египетскому обычаю. По этой-то причине египтяне и бальзамируют покойника, чтобы он не был съеден в земле червями. Таким образом, повеление Камбиса противоречило обычаям обоих этих народов. Египтяне, конечно, рассказывают, что сожжен был не Амасис, а какой-то другой египтянин одинакового с ним роста [и телосложения]. Оскверняя мумию [этого человека], персы думали, что оскверняют Амасиса. Амасис же перед своей кончиной, как говорят, узнал от оракула, какая участь постигнет его тело. Во избежание этого царь велел после смерти похоронить этого человека, тело которого теперь было подвергнуто бичеванию, перед дверью своей усыпальницы. Свое же собственное тело приказал сыну положить в самом отдаленном ее углу. Впрочем, по-моему, вся эта история с распоряжением Амасиса о своей усыпальнице и об этом человеке совершенно неправдоподобна и выдумана египтянами, чтобы приукрасить дело.

17. После этого Камбис задумал три похода: на карфагенян, на аммониев[351] и на долговечных эфиопов, живущих на Южном море в Ливии[352]. Замышляя [эти походы], царь решил снарядить свой флот против карфагенян, а против аммониев послать часть сухопутного войска. К эфиопам же он хотел отправить сначала соглядатаев, чтобы узнать, действительно ли у них есть так называемая трапеза солнца, и, кроме того, под предлогом поднесения даров их царю все разведать.

18. Вот что такое, по рассказам, эта "трапеза солнца". Перед городскими воротами находится лужайка, полная вареного мяса разного рода животных. Каждую ночь начальники горожан кладут сюда куски мяса, стараясь делать это незаметно, а днем всякий желающий приходит есть это мясо. Народ же, конечно, верит, что мясо это каждый раз порождает земля. Такова, как передают, эта трапеза солнца.

19. Камбис же, решив послать [к эфиопам] соглядатаев, велел вызвать из города Элефантины несколько ихтиофагов, знающих эфиопский язык. Когда они были еще в пути, царь приказал своим кораблям плыть на Карфаген. Финикияне, однако, отказались подчиниться царскому приказу. Они объявили, что связаны страшными клятвами и выступить в поход на своих потомков для них великое нечестие. А без финикиян корабли остальных [подвластных царю городов] не могли тягаться с

[349] Персы не могли проникнуть в болотистую западную часть Дельты, где властвовали Инар и Амиртей, и потому должны были признать там власть их сыновей.

[350] Об этих мнимых преступлениях Камбиса египетские источники ничего не сообщают. Святотатственные действия Камбиса - выдумка враждебных ему египетских жрецов. Гнев жреческой касты против Камбиса объясняется тем, что царь значительно урезал доходы главных египетских храмов.

[351] Жители оазиса Сива.

[352] Имеется в виду нубийское царство (совр. Джебель-Баркал). Южное море, по Геродоту, образует южные границы Ливии.

карфагенянами. Так-то карфагеняне избежали персидского ига. Ведь Камбис не пожелал силой заставить финикиян [выступить в поход], потому что они добровольно подчинились персам и вся морская мощь персидской державы зависела от финикиян [и держалась] на них. И жители Кипра также добровольно подчинились персам и участвовали в египетском походе.

20. Когда ихтиофаги из Элефантины прибыли к Камбису, царь отправил их в Эфиопию, объяснил им поручение и передал дары эфиопскому царю: пурпурное одеяние, золотое ожерелье, золотые браслеты, алебастровый сосуд с миррой и кувшин финикийского вина[353]. А об этих эфиопах, к которым Камбис отправил послов, рассказывают, что они самые рослые и красивые люди на свете. И обычаи у них совершенно иные, чем у всех остальных народов. Например, обычай избирать царя: они, как говорят, выбирают самого рослого и сильного из граждан и ставят его царем.

21. Так вот, когда ихтиофаги прибыли к этим людям, они поднесли их царю дары с такими словами: "Царь персов Камбис желает быть твоим другом и союзником, а нас послал для переговоров. И вот он подносит тебе эти дары, которыми он и сам больше всего любит наслаждаться". А царь эфиопов понял, что они пришли как соглядатаи, и ответил вот что: "Не потому послал вас ко мне персидский царь с дарами, что высоко ценит мою дружбу, и не говорит он правды. Вы ведь пришли в мое царство соглядатаями, и он вовсе не праведный человек. Будь он праведным человеком, не жаждал бы он чужой земли и не порабощал бы народов, которые не причинили ему никакого вреда. Поэтому передайте ему вот этот лук и скажите: царь эфиопов советует персидскому царю вот что: если персы так же легко сумеют натянуть столь большой лук, как я его натягиваю, то пусть они идут войной с несметной силой на долговечных эфиопов. Если же нет, пусть персидский царь возблагодарит богов, что они не внушили сынам Эфиопии присоединить к своей земле еще и чужую".

22. Так он сказал и, ослабив [тетиву] лука, передал ее посланцам. Потом, взяв пурпурное одеяние, царь спросил: "Что это такое и как это сделано?". Ихтиофаги правдиво рассказали ему, что такое пурпур и как его окрашивают, на что царь заметил: "Обманчивые люди, обманчивы и их одежды". Далее царь спросил о золотом ожерелье и браслетах. Когда ихтиофаги показали, как их носят, царь возразил со смехом (он принял эти украшения за оковы), что у эфиопов оковы крепче этих. Затем царь спросил о мирре, и когда посланцы рассказали об изготовлении этого благовония и о том, как им умащаться, то он заметил то же, что и об одеянии. Наконец, он дошел до вина и осведомился, как его приготовляют, причем очень обрадовался этому напитку. Потом эфиоп спросил, чем же питается персидский царь и до какого предельного возраста могут дожить персы. Те отвечали, что пища царя – хлеб, и объяснили, что такое пшеница. 80 лет, добавили они,– наибольшая продолжительность жизни смертного. На это эфиопский царь ответил, что вовсе не удивлен кратковременностью жизни персов, так как они питаются навозом. Но даже и этого срока они бы не могли прожить, если бы не подкреплялись вот этим напитком (при этом царь указал ихтиофагам на вино); вино ведь – это единственное, в чем персы превосходят их.

23. Ихтиофаги же в свою очередь задали царю вопрос о продолжительности жизни и о жизненном укладе у эфиопов. Царь отвечал, что большинство эфиопов достигает 120-летнего возраста, а некоторые живут даже еще дольше. Их пища – это вареное мясо и молоко. Соглядатаи дивились такому долголетию, и тогда царь провел их к источнику, от омовения в котором кожа их стала блестящей, словно это был источник елея. От источника струился аромат, как от фиалок. Вода этого источника, по рассказам соглядатаев, так легка, что никакой предмет не может плавать на ней – ни дерево, ни даже еще более легкое вещество, чем дерево, но все идет ко дну. Если эта вода действительно такая, как говорят, то, быть может, долголетие эфиопов как раз и зависит от того, что они пьют ее. От источника царь

[353] Речь идет о дарах, которые подносили на Востоке чужеземным владыкам - золото, ладан и мирра (смирна).

повел ихтиофагов затем в темницу. Все заключенные там были закованы в золотые цепи. Ведь у этих эфиопов медь – самый редкий и наиболее ценный металл. Посетив темницу, ихтиофаги осмотрели потом и так называемую трапезу солнца.

24. Напоследок соглядатаи посетили также гробницы эфиопов, которые, говорят, делаются из прозрачного камня вот каким образом. Сначала тело покойника высушивают по египетскому способу или как-нибудь иначе. Затем его покрывают гипсом и со всех сторон разрисовывают красками, так что мумия по возможности правильно передает черты умершего. Наконец, мумию помещают в полый столб из прозрачного камня (камень этот у них добывают в большом количестве, и он легко поддается обработке). Находящаяся внутри столба мумия ясно видна, но не распространяет дурного запаха и вообще не производит отталкивающего впечатления. При этом [раскрашенная] мумия выглядит совершенно похожей на покойника. Целый год родные покойника держат этот столб в доме[354], предлагают ему долю при каждом угощении и приносят жертвы. Затем столб с мумией увозят и ставят за городом.

25. Осмотрев все это, соглядатаи возвратились [в Египет]. Когда они принесли эту весть Камбису, царь так разгневался, что немедленно выступил в поход на эфиопов, даже не позаботившись о съестных припасах для войска и не подумав, что ему предстоит идти на край света. Словно в неистовом безумии от вести, принесенной ихтиофагами, собрался царь в поход, а сопровождавшим его эллинам приказал оставаться в Египте. Все же остальное войско он взял с собой. Когда Камбис прибыл в Фивы, то разделил свое войско: 50000 воинов должны были покорить и продать в рабство аммониев и сжечь прорицалище Зевса. Сам же царь с остальным войском двинулся на эфиопов. Не успело, однако, войско пройти пятой части пути, как уже истощились взятые с собой съестные припасы. Вьючные животные были также забиты и съедены. Если бы Камбис, заметив это, одумался и повернул назад, то, несмотря на свою первую ошибку, он все-таки поступил бы как благоразумный человек. Однако царь, ни о чем не рассуждая, шел все вперед и вперед. Пока воины находили еще съедобную траву и коренья, они питались ими. Когда же пришли в песчаную пустыню, то некоторые воины совершили страшное дело: каждого десятого они по жребию убивали и съедали. Когда Камбис узнал об этом, то в страхе, что воины съедят друг друга, прекратил поход и велел повернуть назад. В Фивы царь прибыл, потеряв большую часть своего войска. А из Фив он спустился вниз по реке в Мемфис и отправил эллинов на кораблях домой.

26. Так кончился поход на эфиопов. Часть же войска, посланная против аммониев, выступила из Фив с проводниками. До города Оасиса[355], населенного будто бы самосцами из филы Эсхрионии, войско без сомнения дошло. Город этот находится в семи днях пути от Фив по песчаной пустыне, а называется эта местность в переводе на эллинский язык Островом Блаженных. Так вот, до этой-то местности, говорят, дошло персидское войско, а что с ним случилось потом, этого никто не знает, кроме, пожалуй, самих аммониев и еще тех, кто слышал их рассказы. До Аммона, во всяком случае, они не дошли и назад не вернулись. Сами же аммонии рассказывают об этом вот что. Из Оасиса персы пошли на них через песчаную пустыню. Приблизительно на полпути между Оасисом и Аммоном как раз во время завтрака поднялась страшная [песчаная] буря с юга и погребла войско под кучами песка. Так погибли персы. Таков рассказ аммониев об участи персидского войска.

27. Когда Камбис снова прибыл в Мемфис, "явился" египтянам Апис, которого эллины называют Эпафом. При его "явлении" египтяне тотчас облачились в праздничные одежды и радостно пировали. Видя это, Камбис заподозрил, что египтяне устроили праздник и так веселятся именно по случаю его неудачного похода и приказал городским властям Мемфиса явиться к нему. Когда же они предстали пред его царские очи, Камбис спросил, почему при его первом

[354] Домашние захоронения покойников встречаются уже в доисторическую эпоху в Египте.

[355] Оазис Харга. Персидский гарнизон оазиса состоял из греческих наемников-самосцев из филы Эсхриония.

пребывании в Мемфисе египтяне так не радовались, как ныне, когда он потерял большую часть своего войска. А те отвечали, что им явился бог, обычно являющийся только по истечении долгого времени. При явлении этого бога по всему Египту справляют радостные празднества. Услышав такой ответ, Камбис назвал их лжецами и за ложь велел предать казни.

28. Казнив их, Камбис приказал затем призвать пред свои очи жрецов. Жрецы дали такой же ответ. Царь сказал тогда, что сам убедится, действительно ли бог явился им в виде домашней скотины. Так он сказал и повелел жрецам привести Аписа. Те пошли и привели Аписа. Этот Апис, или Эпаф, должен происходить от коровы, которая после отела уже никогда не сможет иметь другого теленка. По словам египтян, на эту корову с неба нисходит луч света и от него-то она рождает Аписа. А теленок этот, называемый Аписом, имеет вот какие признаки: он черный, на лбу у него белый четырехугольник, на спине изображение орла, на хвосте двойные волосы, а под языком – изображение жука.

29. Когда жрецы привели Аписа, Камбис как безумный выхватил кинжал и, желая ударить животное в брюхо, рассек ему только бедро. Тут он рассмеялся и сказал жрецам: "Жалкие вы людишки! Разве это боги с кровью и плотью и уязвимые железом? Такого бога египтяне, конечно, вполне достойны. Но вам-то уж не придется больше безнаказанно издеваться надо мной!". С этими словами он приказал палачам бичевать жрецов и хватать и убивать всякого египтянина, справляющего праздник. Так-то кончилось это празднество у египтян. Жрецов бичевали, Апис же, пораженный в бедро, умер, лежа в храме. После его кончины от раны жрецы тайно, чтобы Камбис не узнал об этом, предали Аписа погребению[356].

30. Камбис же, по рассказам египтян, из-за этого кощунства тотчас был поражен безумием (хотя, впрочем, и прежде был не совсем в своем уме). Первый безумный поступок он совершил против своего брата Смердиса, рожденного от одного с ним отца и матери. Царь отослал Смердиса из Египта в Персию из зависти (потому что тот, единственный из персов, мог почти на два пальца натягивать тетиву принесенного ихтиофагами лука эфиопского царя). Так вот, после отъезда Смердиса в Персию Камбис увидел во сне, что прибыл к нему вестник из Персии с вестью, будто Смердис восседает на царском престоле, а голова его касается неба. Тогда Камбис в страхе, что брат умертвит его, и сам станет царем, послал в Персию Прексаспа, самого преданного ему человека, убить Смердиса. А тот отправился в Сусы и убил Смердиса. Одни говорят – заманив его на охоту, а другие – будто привел к Красному морю и там утопил[357].

31. Это было, как говорят, первое злодеяние Камбиса. Затем он умертвил свою сестру. Она сопровождала царя в Египет, и Камбис жил с ней, хотя она была его родной сестрой по отцу и по матери. А взял он ее в супруги вот как. Прежде ведь у персов вовсе не было обычая вступать в брак с сестрами. Камбис воспылал страстью к одной из своих сестер и задумал взять ее в жены хотя бы вопреки обычаю[358]. Для этого царь созвал царских судей, и спросил, нет ли закона, разрешающего по желанию вступать в брак с сестрами. А царские судьи – это знатные персы – выбирались [на эту должность] пожизненно или пока их не уличат в каком-либо беззаконии. Они судят тяжбы между персами, толкуют законы и обычаи предков и разбирают все сложные дела. Так вот, судьи отвечали на вопрос

[356] Рассказ об убиении Аписа Камбисом неверен. Сохранилась на погребальном саркофаге Аписа 524 г. (которого Камбис только и мог убить) надпись, свидетельствующая о торжественном официальном (а не тайном) погребении Аписа. Надпись гласит: "Камбис, царь Верхнего и Нижнего Египта, посвятил большой саркофаг своему отцу Осирису".

[357] Геродот сообщает здесь официальную персидскую версию. Камбис убил Бардию, а затем отправился в поход на Египет. В это время, воспользовавшись недовольством вновь покоренных персами областей, маг Гаумата захватил власть 2 апреля 522 г. Маг опирался на знать Запада. Противниками Гауматы был Гистасп и знать Востока. Маг был убит 29 сентября 522 г. до н.э.

[358] Брак на родной сестре, по религиозным воззрениям персов, считался почетным.

Камбиса, сообразуясь с законом и соблюдая собственную безопасность: нет такого закона, разрешающего брак с сестрой, но есть, конечно, другой закон, который позволяет царю делать все, что ему угодно. Таким образом, судьи не нарушили закона из страха перед Камбисом, но, чтобы самим не погибнуть, оберегая [отеческий] закон, они нашли другой, более благоприятный для его желания жениться на сестре[359]. Так Камбис вступил в брак с любимой сестрой, но все же немного спустя, он взял в жены и вторую сестру. Младшую же из этих сестер, которая сопровождала его в Египет, он убил.

32. О ее смерти, так же как и об убиении Смердиса, есть два разных сказания. Эллины рассказывают, что Камбис велел стравить львенка со щенком. Супруга его также смотрела на эту борьбу. Когда щенок стал ослабевать, то другой щенок, его брат, сорвался с цепи и бросился на помощь и таким образом они вдвоем одолели львенка. Камбис с удовольствием смотрел на борьбу, а супруга рядом с ним проливала слезы. Заметив это, царь спросил, почему она плачет. А та отвечала, что плачет, видя, как щенок пришел на помощь брату: она вспомнила при этом о Смердисе, зная, что за него никто не отомстит. За эти-то слова, говорят эллины, Камбис и велел умертвить ее. Египтяне же передают, будто царица, сидя с царем за столом, взяла кочан салата, ощипала его и спросила супруга, какой салат красивее, ощипанный или пышный [с листьями]. А когда царь отвечал, что с листьями красивее, царица сказала: "Ты поступил с домом Кира, как я с этим салатом, – ты сделал его пустым". Тогда Камбис, распалившись гневом, бросился на нее. А та была беременной, родила преждевременно и скончалась[360].

33. Такие неистовства творил Камбис со своими родными – [неясно] из-за Аписа ли или по какой-либо другой причине, так как ведь много бедствий поражает людей. Впрочем, говорят, Камбис от рождения страдал тяжким недугом, который у иных слывет под названием "священного"[361]. Поэтому вполне естественно, что при тяжком телесном недуге он страдал и душевно.

34. А вот какие дела творил Камбис в своем безумии против других персов. Как-то раз царь, говорят, сказал Прексаспу, который был у него в великой чести и докладывал ему дела (сын его был виночерпием у Камбиса, а это также – великая честь), говорят, Камбис сказал Прексаспу: "Прексасп! Кем меня считают персы? Что они говорят обо мне?". А тот отвечал: ""Владыка! Они воздают тебе великую хвалу во всем, только говорят, что ты слишком пристрастился к вину". Это он сказал о суждении персов. А Камбис с гневом воскликнул: "Стало быть, персы считают меня пьяницей и безумцем? Поэтому то, что они говорили прежде, – ложь". Действительно, Камбис как-то раз прежде спросил своих персидских советников (среди них был и Крез), каким он, Камбис, представляется им в сравнении с его отцом, Киром. А те отвечали, что он гораздо более велик, чем Кир, так как владеет всей державой Кира и к тому же Египтом и господствует на море. Так говорили персы, а бывший тут Крез не согласился с ними и возразил Камбису: "Сын Кира! Я думаю, ты не можешь сравниться с Киром: ведь у тебя нет сына, какого оставил он". Камбис с удовольствием выслушал эти слова и похвалил Креза.

35. Так вот, вспомнив теперь об этом, Камбис с раздражением сказал Прексаспу: "Смотри, говорят ли персы правду или сами лишились рассудка! Если я попаду стрелой в самое сердце твоего сына, который стоит там перед дверьми, то ясно, что речь персов – вздор. Если же я промахнусь, то, значит, персы говорят правду и я не в своем уме". С этими словами царь натянул свой лук и пустил стрелу в мальчика. И когда тот упал, то приказал рассечь его тело и осмотреть рану.

[359] Т. е. на Атоссе. Вторая сестра - жена Камбиса - Роксана. Властная Атосса не могла примириться с оскорблением, нанесенным ей Камбисом. Атосса интриговала против Камбиса, вышла замуж затем за мага, а после его убийства договорилась с Дарием (представителем младшей ветви Ахеменидов) и стала его супругой.

[360] Эта и следующая история о Камбисе, вероятно, исходит из кругов младшей ветви Ахеменидов. Цель их - показать неспособность к правлению старшей линии. Сюда же относится и выдуманная эпилепсия Камбиса.

[361] Эпилепсия.

Стрелу нашли в сердце, и Камбис со смехом и радостью обратился к отцу мальчика: "Прексасп! Тебе ясно теперь, что я не безумец, а вот персы – не в своем уме. Скажи-ка мне, видал ли ты на свете еще такого прекрасного стрелка, как я?". Прексасп же, видя, что перед ним безумец, и в страхе за свою участь, сказал: "Владыка! Я думаю, что даже сам бог не может так хорошо стрелять, как ты!"[362]. Вот что Камбис тогда совершил. А в другой раз он велел без всякой веской причины схватить двенадцать знатнейших персов и с головой закопать живыми в землю.

36. Из-за таких злодейств Крез, лидийский царь, решил обратиться к Камбису со словами увещания: "Царь! Не подчиняйся всецело юношескому пылу, но сдерживайся и властвуй над собою. Благоразумие – благотворно, а предусмотрительность – свойство мудреца. А ты убиваешь людей – своих же сограждан, хватая их без всякой веской причины, и умерщвляешь даже детей. Если и далее будешь так поступать, то берегись, как бы персы не восстали против тебя. Отец твой Кир строго наказал мне наставлять тебя и давать советы, какие я признаю полезными". Так советовал Крез из расположения к царю. А Камбис возразил на это такими словами: "И ты еще смеешь давать мне советы! Ты, который так "хорошо" управлял своей страной и дал такой "удачный" совет моему отцу, побудив его перейти реку Аракс и напасть на массагетов, в то время как они сами хотели перейти на нашу землю[363]. Ты погубил и себя, дурно управляя своей страной, и Кира, который внимал твоим советам. Но не радуйся: я давно уже искал случая добраться до тебя". С этими словами Камбис схватил лук, чтобы застрелить Креза, но тот успел отскочить, и выбежал [из покоя]. Так как Камбис не смог поразить Креза стрелой, то приказал слугам схватить и казнить его. Слуги, однако, зная царский нрав, скрыли Креза. Они надеялись, что Камбис раскается и станет разыскивать Креза и тогда они получат награду за то, что сохранили жизнь лидийскому царю. Если же царь не пожалеет о своем поступке и не спросит о Крезе, тогда они успеют его умертвить. И действительно, спустя немного времени Камбис потребовал к себе Креза, а слуги, узнав об этом, объявили ему, что лидийский царь еще жив. Тогда Камбис сказал, что очень рад этому, но тех, кто его спас, он все же не оставит без наказания и казнит. Так царь и сделал.

37. Много еще подобных преступных деяний в неистовстве совершил Камбис против персов и союзников. Во время своего пребывания в Мемфисе он велел открыть древние гробницы царей и осматривал мумии покойников. Так он вступил и в святилище Гефеста[364] и насмеялся над кумиром бога. Этот кумир Гефеста очень похож на изображения Патеков, которые находятся на носах финикийских триер. Для тех, кто не видал этих изображений, я добавлю в пояснение, что они имеют вид карлика. Вступил Камбис также и в святилище Кабиров, куда не дозволено входить никому, кроме жреца. Кумиры этих богов после поругания он приказал сжечь. Эти кумиры похожи на изображение Гефеста. Они, как говорят, – сыновья Гефеста.

38. Итак, мне совершенно ясно, что Камбис был великий безумец. Иначе ведь он не стал бы издеваться над чужеземными святынями и обычаями. Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные. Так, каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие. Поэтому как может здравомыслящий человек издеваться над подобными вещами! А что люди действительно такого мнения о своем образе жизни и обычаях, в этом можно убедиться на многих примерах. Вот один из них. Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они съесть своих

[362] Здесь Камбису приписываются греческие религиозные представления. Бог - греческий Аполлон - меткий стрелок из лука.

[363] Ср. выше, I 207.

[364] Святилище Гефеста - храм Пта в Мемфисе.

покойных родителей. А те отвечали, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев[365], которые едят тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. А те громко вскричали и просили царя не кощунствовать. Таковы обычаи народов, и, мне кажется, прав Пиндар, когда говорит, что обычай – царь всего.

39. Пока Камбис был занят войной в Египте, лакедемоняне выступили в поход на Самос против Поликрата, сына Эака, который стал владыкой острова, подняв народное восстание. Сначала Поликрат разделил город на три части и правил вместе с братьями Пантагнотом и Силосонтом. Затем одного из братьев он убил, а младшего – Силосонта изгнал. С тех пор Поликрат стал владыкой всего Самоса. Он заключил договор о дружбе с Амасисом, царем Египта, послал ему дары и получил ответные подарки. Вскоре за тем могущество Поликрата возросло и слава о нем разнеслась по Ионии и по всей Элладе[366]. Ведь во всех походах ему неизменно сопутствовало счастье. У него был флот в 100 50-весельных кораблей и войско из 1000 стрелков. И с этой военной силой Поликрат разорял без разбора земли друзей и врагов. Ведь лучше, говорил он, заслужить благодарность друга, возвратив ему захваченные земли, чем вообще ничего не отнимать у него. Так-то Поликрату удалось захватить много островов и много городов на материке. Между прочим, он одержал победу над лесбосцами в морской битве, когда они со всем своим флотом пришли на помощь Милету. Тиран заставил пленников в оковах выкопать ров вокруг стен на Самосе.

40. До Амасиса также дошли как-то слухи о великом преуспевании Поликрата, и это очень встревожило царя. Когда же Поликрат стал еще гораздо больше преуспевать, Амасис написал такое послание тирану и отправил на Самос: "Амасис Поликрату говорит так: "Приятно узнать, что друг наш и гостеприимец счастлив. Но все же твои великие успехи не радуют меня, так как я знаю, сколь ревниво [к человеческому счастью] божество. Поэтому я желал бы, чтобы и у меня самого и моих друзей одно удавалось, а другое нет, чтобы лучше на своем веку мне попеременно сопутствовали успехи и неудачи, чем быть счастливым всегда. Ведь мне не приходилось слышать еще ни об одном человеке, кому бы все удавалось, а, в конце концов, он не кончил бы плохо. Поэтому послушайся моего совета теперь и ради своего счастья поступи так: обдумай, что тебе дороже всего на свете и потеря чего может больше всего огорчить тебя. Эту-то вещь ты закинь так, чтобы она больше не попалась никому в руки. И если и тогда успехи у тебя не будут сменяться неудачами, то и впредь применяй то же средство по моему совету"".

41. Поликрат прочел послание и понял, что совет Амасиса хорош. Он стал размышлять, потеря какой драгоценности больше всего огородит его. А, обдумывая, Поликрат вспомнил вот что. Был у него смарагдовый перстень с печатью, в золотой оправе, который он носил [на пальце], – изделие самосца Феодора, сына Телекла. Этот-то перстень Поликрат и решил забросить и поступил так. Посадив людей на 50-весельный корабль, он сам поднялся на борт и приказал затем выйти в море. Когда корабль отошел далеко от острова, Поликрат снял перстень и на глазах у всех своих спутников бросил в море. После этого он отплыл назад и опечаленный потерей возвратился во дворец.

42. А спустя пять или шесть дней после этого случилось вот что. Какой-то рыбак поймал большую красивую рыбу и решил, что это достойный подарок Поликрату. Рыбак принес рыбу к воротам дворца и сказал, что желает предстать перед Поликратовы очи. Когда желание рыбака было исполнено, он подал Поликрату рыбу со словами: "Царь! Поймав эту рыбу, я не захотел нести ее на рынок, хотя и живу от трудов рук своих. Я решил, что она достойна тебя и твоего царства. Поэтому я приношу ее тебе в дар". А Поликрат обрадовался таким словам и

[365] Имя происходит от санскритского слова "кала" (черный) и указывает на принадлежность к древнему темнокожему населению Индии.

[366] В конце VI в. до н.э. о. Самос при тиране Поликрате был наиболее сильным греческим государством в Ионии.

отвечал: "Ты поступил прекрасно. Я благодарю тебя вдвойне: за речь и за подарок. Приглашаю тебя на обед". Рыбак, польщенный, отправился домой, а слуги выпотрошили рыбу и нашли в ее брюхе тот Поликратов перстень. Увидев перстень, они тотчас же с радостью понесли его Поликрату. Отдавая перстень, слуги рассказали, как он нашелся. А Поликрат понял [тогда], что это божественное знамение и написал послание [Амасису] обо всем, что он сделал, и что из этого вышло. А, написав послание, он велел отправить его в Египет.

43. Амасис же, прочтя послание Поликрата, убедился, что ни один человек не может уберечь другого от предреченной ему участи и что Поликрат не кончит добром, так как он преуспевает во всем и даже находит то, что сам забросил. Так вот, Амасис послал на Самос вестника объявить, что разрывает свой союз и дружбу с Поликратом. А поступил так Амасис ради того, чтобы не пришлось ему сокрушаться о Поликрате" как о своем друге, когда того постигнет страшное бедствие.

44. Итак, против этого-то баловня счастья Поликрата и выступили в поход лакедемоняне. Их призвали на помощь самосцы [изгнанники], основавшие впоследствии Кидонию на острове Крите. Поликрат же послал вестника к Камбису, сыну Кира, который в то время снаряжал войско в египетский поход, прося его отправить послов на Самос и требовать у него, Поликрата, войска на помощь. Камбис же, услышав это, охотно послал на Самос с просьбой прислать ему военные корабли в Египет. Тогда Поликрат отобрал граждан, которых особенно подозревал в мятежных замыслах, и послал их на 40 триерах[367] [в Египет], а Камбису предложил не отпускать их назад на Самос.

45. Одни говорят, что эти отправленные Поликратом самосцы вовсе не прибыли в Египет, но, доплыв до острова Карпафа, держали совет и решили не плыть дальше. По другим же сведениям, они приплыли в Египет, но бежали оттуда, хотя их и стерегли. Во всяком случае, они возвратились на Самос, и Поликрат встретил их со своими кораблями и дал морской бой. Изгнанники одержали победу и высадились на острове. На суше, однако, они потерпели поражение и тогда отплыли в Лакедемон. Некоторые, впрочем, утверждают, что возвратившиеся из Египта самосцы победили Поликрата, но, по-моему, это неверно. Ведь им вовсе не нужно было бы тогда звать на помощь лакедемонян, если бы они сами могли одолеть Поликрата. К тому же нельзя поверить, чтобы Поликрат, у которого было много иноземных наемников и местных лучников, был побежден кучкой самосских изгнанников. Жен и детей подвластных ему граждан Поликрат запер в корабельных доках и держал их там, чтобы сжечь вместе с доками, если их мужья [и отцы] перейдут на сторону изгнанников.

46. Когда изгнанные Поликратом самосцы прибыли в Спарту, то явились к архонтам и в длинной речи настоятельно просили о помощи. Архонты же дали на этом первом приеме ответ: они забыли начало речи и поэтому не понимают конца ее. После этого, явившись вторично, самосцы ничего не сказали, но принесли с собой только хлебную суму со словами: "Сума просит хлеба". Архонты же отвечали, что самосцы слишком перестарались с сумой. Впрочем, они все же решили помочь самосцам.

47. После этого лакедемоняне снарядили [войско] и выступили в поход на Самос из чувства признательности, как говорят самосцы, так как самосцы прежде послали им корабли на помощь против мессенцев. Напротив, лакедемоняне утверждают, что выступили в поход не ради просьб самосцев о помощи, но, прежде всего, чтобы отомстить за похищение чаши для смешения вина, которую они послали Крезу, и за панцирь, подаренный им египетским царем Амасисом н похищенный самосцами годом раньше чаши. Панцирь был льняной с множеством вытканных изображений, украшенный золотом и хлопчатобумажной бахромой. Самым удивительным в нем было то, что каждая отдельная завязка ткани, как она ни тонка, состояла из 360 нитей и все они видны. Другой такой панцирь Амасис

[367] Корабли с тремя рядами весел (один над другим). Экипаж триеры состоял из 170 человек, 20 матросов для парусов, 16 офицеров и 12 воинов.

посвятил в святилище Афины в Линде.

48. К этому походу на Самос добровольно присоединились коринфяне. Ведь и против них самосцы совершили преступление за одно поколение до этого похода, около того времени, когда похитили и чашу для смешения вина. Периандр, сын Кипсела, отправил 300 сыновей знатных людей с острова Керкиры в Сарды к Алиатту для оскопления. Когда же коринфяне с этими мальчиками на борту пристали к Самосу, то самосцы, узнав, зачем их везут в Сарды, сначала научили детей искать убежища в святилище Артемиды, а затем не позволили насильно вытащить "умоляющих о защите" из святилища. А когда коринфяне не хотели давать детям пищи, то самосцы устроили праздник, который справляют еще и поныне. Каждый вечер, пока дети оставались в святилище как умоляющие о защите, самосцы водили хороводы и пляски девушек и юношей и во время плясок ввели в обычай приносить лепешки из сесама с медом, чтобы дети керкирян могли уносить их и есть. Это продолжалось до тех пор, пока коринфские стражи не уехали с острова, оставив детей. Затем самосцы отвезли детей назад на Керкиру.

49. Так вот если бы коринфяне после кончины Периандра были в дружбе с керкирянами, то, конечно, по этой причине они не стали бы участвовать в походе на Самос. Однако, с тех пор как коринфяне основали поселение на острове Керкире, они, несмотря на племенное родство, жили в постоянной вражде с керкирянами, Коринфяне же питали злобу к самосцам вот за что: Периандр послал в Сарды для оскопления, выбрав детей самых знатных керкирян, чтобы отомстить жителям острова. Ведь керкиряне первыми совершили против него злодеяние.

50. Когда Периандр убил свою супругу Мелиссу[368], то, кроме этой беды, поразила его еще и другая. Было у него от Мелиссы двое сыновей семнадцати и восемнадцати лет. Дед их по матери Прокл, тиран Эпидавра, вызвал юношей к себе и обласкал их (как это и естественно, ведь они были детьми его дочери). При расставании, провожая их, дед сказал: "Знаете ли вы, дети, кто умертвил вашу мать?". Старший юноша вовсе не обратил внимания на эти слова, а младший, по имени Ликофрон, принял их так близко к сердцу, что, возвратившись в Коринф, не здоровался с отцом, как с убийцей матери, не говорил с ним и не отвечал на его вопросы. В конце концов, Периандр распалился на сына страшным гневом и изгнал его из дома.

51. А, изгнав [младшего] сына, Периандр стал расспрашивать старшего, о чем с ними говорил дед. Тот рассказал отцу, как ласково с ними обошелся дед, а о словах Прокла при расставании не упомянул, так как не понял их смысла. Периандр же возразил на это: невозможно, чтобы дед не намекнул им на что-нибудь, и продолжал настойчиво расспрашивать сына. Наконец юноша вспомнил и передал ему слова деда. Периандр же понял смысл и пожелал в полной мере показать сыну строгость. Он послал вестника в дом, где жил изгнанный сын, и запретил [хозяевам] принимать юношу. Теперь, куда бы ни приходил Ликофрон, отовсюду его прогоняли, так как Периандр грозил [карой] людям, приютившим сына, и приказывал изгонять его. Так вот, постоянно гонимый, он, наконец, пришел в дом друзей, которые хотя и со страхом, но все же дали ему приют, как сыну Периандра.

52. В конце концов, Периандр повелел объявить через глашатая: всякий, кто примет [в дом] его сына или будет говорить с ним, должен уплатить священную пеню (определенную сумму денег) в святилище Аполлона. Поэтому-то никто не желал больше говорить с изгнанником или давать ему приют в своем доме. Да и сам Ликофрон уже не пытался больше склонить кого-нибудь к нарушению отцовского приказа, но терпеливо выносил свою участь, скитаясь под портиками Коринфа. На четвертый день [после этого] Периандр увидел сына, немытого и голодного, и сжалился над ним. Подавив свой гнев, тиран подошел к Ликофрону и сказал: "Сын мой! Что тебе милее: твое нынешнее положение или власть и

[368] Рассказы о жестокостях Периандра сильно преувеличены. Они созданы в ту эпоху, когда власть тиранов воспринималась уже как препятствие для дальнейшего развития рабовладельческого государства (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 114)

богатства, которые теперь мои, но будут твоими, если ты подчинишься отцовской воле? Ты, сын мой, наследственный владыка "блаженного" Коринфа, избрал, однако, жалкую жизнь нищего, восстав в гневе на того, кто менее всего должен вызывать твой гнев. Если, действительно, случилась у нас беда, из-за чего ты питаешь подозрение, то это также и моя беда: меня она касается ближе всего, потому что я ее виновник. Но теперь, когда ты изведал, насколько лучше возбуждать зависть, чем сожаление, и что такое распалиться гневом на родителей и на владык, то вернись в отчий дом!". А Ликофрон только ответил отцу: отец должен уплатить священную пеню богу [Аполлону] за то, что разговаривал с ним. Тогда Периандр понял, как неисправимо зло и как неодолимо оно в его сыне, и отослал Ликофрона на корабле с глаз своих в Керкиру, которая тогда также была ему подвластна. А, отправив сына, Периандр пошел войной на своего тестя Прокла, главного виновника его несчастий. Он завоевал Эпидавр и самого Прокла захватил в плен живым.

53. Когда со временем, достигнув преклонного возраста, Периандр убедился, что не в силах больше управлять городом, он послал на Керкиру за Ликофроном, чтобы передать ему власть. Ведь своего старшего сына Периандр считал неспособным [к управлению] из-за его слабоумия. Ликофрон, однако, даже не удостоил ответом отцовского посланца. Периандр же, искренне полюбивший юношу, вторично послал за ним свою дочь, сестру юноши, думая, что тот хоть ее-то послушает. А та приехала и сказала: "Брат! Неужели ты предпочитаешь отдать власть в чужие руки и позволишь расхитить отцовское добро, вместо того чтобы возвратиться и самому владеть всем? Вернись домой, перестань терзать себя. [Ложная] гордость – это плохое качество. Не исправляй беду бедою. Многие ведь отдают предпочтение [гуманному] духу закона перед его буквой, но многие также, добиваясь материнской доли [наследства], теряют отцовскую. Царская власть таит в себе опасности; ведь многие жаждут ее, а отец уже дряхлый старик. Не отдавай своего достояния чужим!". Так сестра приводила ему по отцовскому внушению самые веские доводы. А брат отвечал, что не приедет в Коринф, пока знает, что отец жив. Когда она передала такой ответ Ликофрона, Периандр в третий раз послал вестника объявить, что сам готов жить на Керкире, Ликофрон же должен приехать в Коринф и наследовать царскую власть. Сын согласился на это. Тогда Периандр стал готовиться к отплытию на Керкиру, а сын его – в Коринф. Однако керкиряне, услышав об этих замыслах, умертвили юношу, для того чтобы Периандр не приезжал на их остров. За это-то Периандр и хотел отомстить керкирянам.

54. А лакедемоняне высадились на Самосе с сильным войском и осадили город. Они проникли до городской стены и уже взобрались на башню (что стоит в предместье со стороны города). Тогда подошел на помощь Поликрат с сильным отрядом и оттеснил их назад. А с другой башни на вершине горы наемники и большой отряд самосских горожан сделали вылазку. Однако после короткой схватки они были отброшены лакедемонянами и обратились в бегство. Лакедемоняне же преследовали и убивали их.

55. Если бы все лакедемоняне в этот день сражались так же доблестно, как Архий и Ликоп, то Самос был бы взят. Эти два воина, Архий и Ликоп, только вдвоем проникли в город по пятам бегущих самосцев, но пали, когда путь назад был отрезан. С внуком этого Архия, сыном Самия (его также звали Архием), я сам познакомился в Питане, спартанском округе, откуда он был родом. Он говорил о самосцах с большим уважением, чем обо всех прочих чужеземцах. Его отец получил имя Самия, потому что дед нашел на Самосе доблестную смерть. По его словам, он уважает самосцев за то, что те похоронили его деда и воздвигли ему памятник за счет города.

56. Лакедемоняне же после 40-дневной безуспешной осады города Самоса отплыли назад в Пелопоннес. По одному известию (конечно, недостоверному), Поликрат подкупил лакедемонян самосскими деньгами, будто бы приказав выбить монету из позолоченного свинца, а те, получив эти деньги, отплыли домой. Так

окончился первый поход в Азию лакедемонских дорийцев.

57. Враждебные Поликрату самосские [изгнанники], покинутые на произвол судьбы лакедемонянами, отплыли оттуда на остров Сифнос. Они ведь нуждались в деньгах, а Сифнос тогда процветал и был самым богатым из всех островов. На острове были золотые и серебряные рудники, такие богатые, что на десятину доходов с них сифнийцы воздвигли в Дельфах одну из самых пышных сокровищниц. Ежегодно граждане [острова] делили доходы между собою. Когда они воздвигли эту сокровищницу, то вопросили оракул, долго ли продлится их благоденствие. Пифия же дала им такой ответ:

Лишь когда белизной пританей засияет сифнийский И когда белой оградой оденется рынок, тогда-то, Благоразумный, засады древесной, багряного вестника бойся.

И действительно, тогда уже у сифнийцев рыночная площадь и пританей были украшены паросским мрамором.

58. В то время, однако, они не могли понять смысла предсказания, и даже тогда, когда самосцы были уже у ворот. Ведь едва лишь самосцы бросили якорь у Сифноса, как отправили послов на одном корабле в город. А в древние времена все корабли окрашивали в красный цвет (суриком), и это-то и имела в виду Пифия, советуя сифнийцам "остерегаться древесной засады" и "багряного вестника". Так вот, послы по прибытии потребовали у сифнийцев ссудить им 10 талантов. Когда сифнийцы отказались, самосцы стали опустошать их поля. Узнав об этом, сифнийцы поспешили на помощь, но потерпели поражение и большая часть их была отрезана от города. После этого сифнийцам пришлось заплатить 100 талантов выкупа.

59. На эти деньги самосцы купили у гермионян остров Гидрею, что у Пелопоннеса, и поручили его охрану трезенцам. Затем они основали на Крите город Кидонию, хотя туда они отправились не с этой целью, а для того чтобы изгнать с острова закинфян. В Кидонии самосцы остались и жили там пять лег, благоденствуя. Поэтому и святилища, ныне стоящие в Кидонии (между прочим, и храм Диктинны), воздвигнуты самосцами. На шестой год они потерпели поражение в морской битве от эгинцев и критян и были проданы в рабство. У их кораблей эгинцы отрубили носы с изображениями вепря[369] и посвятили в храм Афины на Эгине. А сделали это эгинцы в гневе на самосцев, которые еще при царе Амфикрате первыми напали на Эгину, причинив эгинцам много вреда, но, конечно, и сами потерпели от них урон. Это было причиной теперешнего похода на Крит против самосцев.

60. Остановился же я несколько подробнее на самосских делах потому, что самосцы воздвигли на своем острове три самых больших сооружения во всей Элладе. Во-первых, они пробили сквозной тоннель в горе высотой в 150 оргий, начинающийся у ее подошвы, с выходами по обеим сторонам. Длина тоннеля 7 стадий, а высота и ширина по 8 футов. Под этим тоннелем по всей его длине они прокопали канал глубиной в 20 локтей и 3 фута ширины, через который в город по трубам проведена вода из одного обильного источника. Строителем же этого водопроводного сооружения был Евпалий, сын Навстрофа, мегарец. Это одно из трех сооружений. Второе – это дамба в море, возведенная вокруг гавани. Дамба эта 20 оргий высотой и более 2 стадий в длину. Третье сооружение – величайший из известных нам храмов[370]. Первым строителем этого храма был Рек, сын Филея, самосец. Ради этих-то сооружений я и рассказал более подробно о самосских делах.

61. Пока Камбис, сын Кира, находился еще в Египте и творил там безумные деяния, двое братьев из племени магов подняли мятеж. Одного из них Камбис оставил в Персии управителем своего дома. Этот-то человек и поднял восстание,

[369] Имеется в виду таран корабля в виде клыков вепря. Храм на Эгине был посвящен Афее (критская богиня), а не Афине. На двух фронтонных группах стоит посреди Афина, так что ошибка Геродота понятна.

[370] Храм Геры. Его стены были раскопаны в 1910 - 1913 гг.

хорошо зная, что кончину Смердиса держат в тайне и что в Персии об этом известно лишь немногим, большинство же считает, что Смердис жив. На этом-то маг и построил свой замысел захватить царскую власть. Был у него брат, который, как я уже сказал, вместе с ним поднял мятеж, по внешности очень похожий на Смердиса, убитого по приказанию своего брата Камбиса. А был он не только похож на Смердиса, но даме и имя его было Смердис. Этого-то человека, своего брата, маг Патизиф убедил, что все для него устроит, и "сесть на престол пригласил"[371]. А, посадив [брата] на престол, Патизиф разослал глашатаев по разным областям [персидской державы], а также и к войску в Египет [с вестью], что отныне надлежит повиноваться Смердису, сыну Кира, а не Камбису[372].

62. Итак, глашатаи повсюду объявляли об этом; между прочим, был отправлен глашатай и в Египет (царя он застал с войском в Акбатанах в Сирии)[373]. Выступив посредине [царского] стана, глашатай объявил повеление мага. А Камбис, услышав такую весть, подумал, что глашатай говорит правду и Прексасп его предал, не исполнив приказания умертвить Смердиса. Царь посмотрел на Прексаспа и сказал: "Так-то ты, Прексасп, выполнил мое поручение?". А тот отвечал: "Владыка! Неправда это, что брат твой Смердис восстал против тебя. Никогда уже не выйдет у тебя со Смердисом ссоры – ни большой, ни малой. Ведь я сам лично исполнил твое повеление и своими руками предал тело его погребению. Если теперь и мертвые воскресают, тогда можно ожидать, что и мидийский царь Астиаг восстанет против тебя. Если же на свете все осталось, как прежде, то, конечно, от Смердиса уж больше не угрожает тебе никакой беды. Так вот, я думаю, нужно воротить глашатая и допросить, кто его послал требовать повиновения царю Смердису".

63. Такой совет Прексаспа пришелся по душе Камбису. Тотчас же нагнали глашатая и привели назад. А когда он явился, Прексасп сказал ему вот что: "Человек! Ты говоришь, что пришел вестником от Кирова сына Смердиса. Так вот, скажи нам правду и иди с миром: сам ли Смердис лично дал тебе это поручение или один из его слуг?". А тот отвечал: "Я-то ни разу не видел Смердиса, сына Кира, с тех пор как царь Камбис отправился в Египет. Но маг, которого Камбис назначил управителем своего дома, дал мне это поручение и сказал, что Смердис, сын Кира, так велел объявить вам". Так отвечал глашатай и сказал сущую правду. А Камбис сказал: "Прексасп! Ты честно выполнил мое поручение, ты не виновен. Но кто же в Персии восстал против меня, обманом присвоив себе имя Смердиса?". Прексасп же отвечал: "Мне думается, царь, я знаю это. Маги восстали против тебя: Патизиф, которого ты оставил управителем своего дома, и брат его Смердис".

64. Когда Камбис услыхал имя Смердиса, ему сразу же стало ясно, что Прексасп прав и что сновидение его сбылось. А видел он во сне, что некто принес ему весть: Смердис восседает на царском троне и головой касается неба. Тогда царь понял, что напрасно погубил брата, и стал его оплакивать. Оплакав же брата и страшно подавленный всем этим несчастьем, Камбис вскочил на коня и решил немедленно выступить в поход на Сусы против мага. А когда царь вскакивал на коня, отпал наконечник ножен его меча и обнаженный меч рассек ему бедро. Рана была в том самом месте, куда он прежде сам поразил египетского бога Аписа. Камбис решил, что рана смертельна и спросил об имени города. Ему сказали, что [город называется] Акбатаны. А Камбису еще прежде было предсказано оракулом в египетском городе Буто, что он окончит жизнь в Акбатанах. Камбис думал, что умрет в главном городе Мидии – мидийских Акбатанах [глубоким] старцем. Оракул же, стало быть, имел в виду сирийские Акбатаны. И действительно, когда на вопрос Камбиса ему назвали имя города, безумие внезапно оставило царя: так сильно его потрясли известие о восстании мага и рана. Царь понял предсказание

[371] Одиссея II, 330.

[372] То же самое сообщает и Бехистунская надпись Дария. Маг Гаумата (Лжесмердис) был провозглашен царем в отсутствие Камбиса и пользовался поддержкой влиятельной касты магов и знати Запада.

[373] Акбатан в Сирии нет. Камбис умер в 522 г. до н.э. после возвращения в Персию.

оракула и сказал: "Здесь суждено окончить жизнь Камбису, сыну Кира".

65. Тогда царь ничего [больше] не прибавил. Но приблизительно через двадцать дней он велел призвать к себе знатнейших персов из своей свиты и сказал им вот что: "Персы! Постигло меня несчастье, которое я [до сих пор] хранил в глубочайшей тайне, и эту тайну ныне я открою вам. В Египте было мне одно сновидение – о, если бы я никогда его не видел! Предстал [во сне предо мною] прибывший из дома вестник и сообщил, что Смердис восседает на царском троне, головой касаясь неба. В страхе, что брат лишит меня престола, я поступил скорее поспешно, чем благоразумно. Ведь, стало быть, не в человеческой власти отвратить определенное Роком. А я, безумец, посылаю Прексаспа в Сусы убить Смердиса! Когда свершилось это злодеяние, я жил без опасений, вовсе не помышляя о том, что кто-нибудь после устранения Смердиса восстанет против меня. Совершенно не ведая грядущей судьбы, я стал без нужды братоубийцей и вот, тем не менее, теперь лишился престола! Ведь это был Смердис, маг, о мятеже которого провозвестило мне в сновидении божество. Так вот, злодеяние это совершено мною, верьте мне, и Смердиса, Кирова сына, нет уже в живых. Маги владеют теперь вашим царством – управитель моего дома и брат его Смердис. А тот, кто, скорее всего, должен был бы отомстить за причиненный мне магами позор,– этот самый человек преступно умерщвлен своим самым близким родственником. А так как его теперь уже нет в живых, то я хочу затем высказать вам, персы, перед смертью мою последнюю волю – то, что лежит тяжелым камнем у меня на сердце. И вот я наказываю вам, заклиная нашими царскими богами всех вас и, прежде всего, вас, здесь присутствующие Ахемениды: не допускайте, чтобы власть снова перешла к мидянам! Но если они захватили власть коварством, то и вы также должны вырвать ее у них коварством; если же они добыли власть силой, то и вы также отвоюйте ее у них силой оружия. Если вы совершите это, то да будут ваши нивы тучными, а жены и скот плодоносны, и тогда вы навеки останетесь свободными. Если же вы не отвоюете у них власть и даже не сделаете попытки, то в противоположность к этому желаю вам [засухи и бесплодия]. И, кроме того: да постигнет [тогда] каждого перса такой же жалкий конец, как и меня". Так говорил Камбис и горько плакал о своей жалкой участи.

66. Персы же, увидев своего царя плачущим, разодрали на себе одежды и разразились громкими рыданиями. После этого скончался Камбис, сын Кира, пораженный сухой гангреной в кости, когда [от воспаления] омертвело бедро. Царствовал же Камбис всего семь лет и пять месяцев. Детей у него вовсе не было – ни сыновей, ни дочерей. А персов, слышавших последнюю речь Камбиса, охватило сильное недоверие [к словам царя], будто маги захватили власть. Персы заподозрили, что Камбис своим рассказом о кончине Смердиса хотел только обмануть их и возбудить против Смердиса всю Персию.

67. Итак, они поверили, что Смердис, сын Кира, действительно вступил на престол. Ведь Прексасп решительно отрицал теперь, что умертвил Смердиса: после смерти Камбиса ему было опасно сознаться, что он своей рукой убил Кирова сына. А маг после кончины Камбиса, обманом присвоив себе, имя Смердиса, Кирова сына, спокойно процарствовал семь месяцев, недостававших Камбису до полных восьми лет царствования. За это время маг успел даровать всем своим подвластным великие милости, так что после смерти мага все азиатские народы, кроме самих персов, горько оплакивали его. Ведь он разослал вестников ко всем подвластным народам, объявив освобождение от податей и военной службы на три года[374].

68. Объявил же маг об этих милостях тотчас по вступлении на престол. А на восьмой месяц обман открылся вот каким образом. Отан, сын Фарнаспа, по роду и

[374] В результате войн Кира в Иране разгорелась классовая борьба. Господствовавшая на Западе знать стремилась покончить с укрепившимся положением "народа-войска", а на Востоке военно-племенная демократия старалась воспрепятствовать возвышению знати. К этому присоединилось недовольство всех народностей персидской державы непомерным ростом налогов и податей и бесконечными наборами в войско.

богатству был одним из самых выдающихся людей в Персии. Этот Отан первым заподозрил мага, что тот вовсе не Киров сын Смердис. Об этом Отан заключил из того, что маг никогда не выходил из царского дворца и не призывал пред свои очи никого из знатных персов. А, заподозрив мага, Отан поступил вот как. Дочь его, по имени Федима, была супругой Камбиса, и теперь, как и все остальные жены Камбиса, стала супругой Смердиса. Так вот, Отан послал к этой своей дочери спросить, кто теперь ее супруг, с которым она делит ложе, Киров ли сын Смердис или кто другой. Дочь велела передать в ответ, что не знает: она ведь никогда раньше не видала Кирова сына Смердиса и ей неизвестно, кто ее теперешний супруг. Тогда Отан вторично послал к ней со словами: "Если ты сама не знаешь Смердиса, сына Кира, то спроси Атоссу, кто ее и твой муж. Ведь она-то уж непременно должна знать своего собственного брата". На это дочь велела передать вот что: "Я не могу спросить Атоссу и вообще не вижу ни одной из других царских жен. Ведь этот человек – кто бы он ни был – сразу же по вступлении на престол отделил нас одну от другой".

69. Когда Отан услыхал этот ответ, его подозрения стали все более усиливаться. Он послал тогда дочери третье поручение, гласившее вот что: "Дочь моя! Ты – благородного происхождения и должна решиться поэтому на опасное дело, которое поручает тебе ныне отец. Ведь если это не Смердис, сын Кира, а тот, кем я его считаю, то он дорого заплатит за то, что делит с тобой ложе и властвует над персами. Он не должен остаться безнаказанным. Поэтому сделай так. Когда он взойдет к тебе на ложе и ты заметишь, что он уже заснул, то ощупай его уши. Если у него окажутся уши, считай, что делишь ложе со Смердисом, сыном Кира; если же нет, то – с магом Смердисом". В ответ Федима велела передать, что подвергнется великой опасности, если сделает это. Ведь если у ее мужа действительно нет ушей и он поймает ее при ощупывании, то, наверное, казнит. Тем не менее, она все-таки сделает это. Итак, она обещала отцу выполнить это поручение. А этому магу Смердису царь Камбис, сын Кира, велел отрезать уши за какую-то немалую вину. Так вот, эта Федима, дочь Отана, исполнила все, как обещала отцу. Когда наступил ее черед идти к магу (ведь у персов жены поочередно посещают своего супруга), Федима пришла, чтобы разделить с ним ложе. А когда маг погрузился в глубокий сон, она ощупала его уши. Тогда Федима легко убедилась, что у мужа нет ушей, и лишь только наступил день, она послала к отцу сообщить об этом.

70. Отан же пригласил к себе Аспафина и Гобрия, знатных персов, самых преданных своих друзей, и поведал им все. А те сами уже подозревали, что это так, но теперь, после сообщения Отана, всецело убедились. И они решили, что каждый из них привлечет к их союзу еще одного перса, которому особенно доверяет. Так, Отан привлек Интафрена, Гобрий – Мегабиза, Аспафин – Гидарна. Когда их стало шестеро, то прибыл в Сусы[375] из Персии Дарий, сын Гистаспа (ведь отец его был правителем Персии). Так вот, по прибытии Дария шестеро персов решили принять в сообщники и его.

71. А эти семеро, собравшись, заключили клятвенный союз и держали совет. Когда пришла очередь Дарию высказать свое мнение, он сказал им вот что: "Я думал, что, кроме меня, никому не известно, что у нас теперь царем маг, а Киров сын Смердис мертв. И только ради того я так быстро и приехал в Сусы, чтобы вызвать вас на борьбу с магом. А так как я вижу теперь, что и вам, а не мне одному только известно об обмане, то предлагаю немедленно приступить к делу. Промедление смерти подобно!". На это Отан ответил: "Сын Гистаспа! Отец твой – доблестный муж. И ты, несомненно, нисколько не уступаешь ему доблестью. Однако не торопись так безрассудно с нашим делом, но приступай к нему более осмотрительно. Сначала нас должно быть больше, а затем уже следует браться за дело". Дарий возразил на это: "Господа здесь присутствующие! Если вы примете совет Отана, то знайте, что вам предстоит жалкая гибель. Ведь кто-нибудь

[375] События разыгрывались не в Сусах, по рассказу Геродота, а в резиденции Бардии (Смердиса) в Мидии (в . северо-восточной Персии). Здесь Бардия был убит 29 сентября 522 г. до н.э. в крепости Сикайавати.

непременно донесет магу, чтобы получить выгоду себе одному. Лучше всего, конечно, чтобы вам тотчас действовать на свой страх и риск. Но раз уж вы решили набрать еще сообщников и доверились мне, то давайте совершим это дело сегодня. Иначе знайте: если мы упустим сегодняшний день, то я сам пойду к магу с доносом на вас, чтобы никто другой не успел упредить меня".

72. Отан, видя такую горячность Дария, отвечал на это: "Если уж ты вынуждаешь нас спешить, не оставляя времени на размышление, то скажи, как нам проникнуть во дворец и напасть на магов? Ты знаешь, конечно, что там расставлена стража, и если ты сам ее не видел, то слышал об этом. Как же мы минуем ее?". Дарий же отвечал ему так: "Отан! На многое можно дать ответ не словами, а делом. Об ином же можно рассуждать, но за словами не следует никакого славного деяния. Вы прекрасно знаете, что вовсе не трудно миновать стражу. Ведь никто не станет задерживать столь знатных людей либо из почтения к ним, либо из страха. Затем у меня есть самый благовидный предлог, под которым мы и пройдем: я скажу, что только что прибыл из Персии и желаю передать известие от отца. Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать. Ведь лжем ли мы иди говорим правду – добиваемся одной цели – [выгоды]. Одни, правда, лгут, желая убедить ложью и [затем] извлечь для себя выгоду, так же как другие говорят правду, чтобы этим также приобрести корысть и заслужить больше доверия. Таким образом, мы стремимся [в обоих случаях] к одной цели, только разными путями. Если бы мы не искали выгоды, то, конечно, правдивый так же легко стал бы лжецом, как и лжец – правдивым. Итак, привратники, которые добровольно пропустят нас, вскоре получат награду. А кто посмеет противиться нам, с тем мы расправимся, как с врагом. Тогда мы проникнем во дворец и – за дело!".

73. После этого Гобрий сказал вот что: "Друзья! Когда еще, как не ныне, представится нам такой удобный случай отвоевать власть или погибнуть в тщетной борьбе за нее? Теперь над нами, персами, владыка мидянин, маг, и к тому же безухий. Те из вас, кто стоял при смертном одре Камбиса, без сомнения помнят, какими проклятиями грозил отходящий царь персам, если они оставят власть в чужих руках. Тогда мы, конечно, не поверили ему, думая, что Камбис говорил это с целью обмануть нас. Поэтому я за то, чтобы принять совет Дария и не расходиться, а прямо с нашего собрания идти против мага". Так сказал Гобрий, и все согласились с ним.

74. Пока эти [семеро персов] держали совет, случилось вот какое происшествие. Маги решили привлечь на свою сторону Прексаспа, оттого что ему пришлось на себе испытать жестокость Камбиса (царь ведь убил стрелой его сына); кроме того, и потому, что Прексасп был единственным человеком, кто знал о кончине Смердиса, которого он убил своей рукой; и, наконец, потому, что Прексасп пользовался большим уважением у персов. По этой же причине маги послали за ним, назвали его своим "другом" и связали клятвой строго хранить тайну и не открывать никому обмана, которым они одурачили персов. За это они сулили Прексаспу золотые горы. Получив согласие Прексаспа, маги дали ему второе поручение. Они объявили, что созовут всех персов под стены царского дворца, а он должен с башни заверить народ, что над ним действительно царствует сын Кира, а не кто иной. Маги избрали на это именно Прексаспа, конечно, потому, что персы доверяли ему больше всех и он часто заявлял, что Смердис, сын Кира, жив, решительно отрицая его убиение.

75. Прексасп изъявил свою готовность, и маги, созвав народ, велели ему взойти на башню и [оттуда] обратиться к народу. А Прексасп намеренно позабыл об их приказаниях. Речь свою он начал с [Кирова] родоначальника Ахемена и перечислил всю родословную Кира. Когда же в заключение дошел до Кира, то прославил благодеяния его персидскому народу; а, перечислив эти благодеяния, он, наконец, раскрыл всю тайну. До сих пор, по его словам, он молчал обо всем, так как признаться было опасно. А ныне настало время, когда необходимо открыть всю правду. Так вот, Прексасп рассказал, как он по повелению Камбиса сам, своими

руками, умертвил Кирова сына, а теперь, по его словам, [над персами] царствуют маги. Затем он призвал страшные проклятия на главы пер сов, если те не отнимут власть у магов и не отомстят им, и стремглав ринулся с башни. Такова была славная кончина Прексаспа, который всю жизнь прожил как достойный человек.

76. А семь персов между тем решили немедленно напасть на магов. Помолившись богам, они выступили [к дворцу], еще ничего не ведая об участи Прексаспа. Свернув с дороги, они стали еще раз держать совет. Отан и его сторонники настоятельно советовали отложить дело, пока не утихнет народное волнение. Дарий со своими приверженцами были за немедленное выполнение замысла и против всякой отсрочки. Когда они еще спорили, появилось семь пар ястребов, которые, преследуя две пары коршунов, рвали и терзали их. Увидев это знамение, все семеро приняли совет Дария и направились во дворец, ободренные явлением вещих птиц.

77. Когда семь [заговорщиков] подошли к [дворцовым] воротам, произошло именно то, что ожидал Дарий. Стража почтительно пропустила знатных персов, совершенно не подозревая их намерений. Боги вели их, и никто [из стражи] ни о чем их не спрашивал. Так они проникли во двор, где их встретили евнухи, докладывавшие царю. Евнухи же стали расспрашивать заговорщиков, что им нужно здесь, и, расспрашивая, осыпали бранью привратников, зачем те пропустили их. Дальше идти евнухи запрещали. А заговорщики, подав друг другу знак, выхватили свои кинжалы и пронзили на месте тех, кто им препятствовал. Сами же бегом устремились в мужские покои.

78. А в это время оба мага как раз находились во дворце и совещались о поступке Прексаспа. Так вот, услышав шум и крики евнухов, они бросились назад и, как только поняли, что происходит, взялись за оружие. Один из них второпях схватил лук, а другой – копье, и началась рукопашная схватка. Тот, у кого был лук, не мог пустить его в ход, так как заговорщики были уже слишком близко и теснили их. Другой же защищался копьем и ранил Аспафина в бедро, а Интафрена в глаз. Интафрен лишился глаза, но, впрочем, не умер от раны. Так один из магов ранил двоих персов. Другой же, так как его лук оказался бесполезен, нашел убежище в покое, выходившем на мужскую половину, и хотел запереть за собой дверь. Однако вместе с ним туда успели ворваться двое из семи [заговорщиков] – Дарий и Гобрий. Гобрий схватился с магом, а Дарий стоял около в нерешительности, боясь в темноте поразить Гобрия. А Гобрий, заметив, что Дарий бездействует, закричал, почему тот не наносит удара. Дарий отвечал: "Боюсь, как бы не поразить тебя". Гобрий возразил на это: "Рази мечом нас обоих!". Дарий повиновался, нанес удар кинжалом и по счастью поразил мага.

79. Умертвив магов, заговорщики отрубили у них головы. Раненых же [товарищей] они оставили на месте, так как те были слишком слабы, а также для охраны дворца. Остальные же пятеро, захватив с собой головы магов, с криком и шумом выскочили из дворца. Затем они созвали прочих персов, объяснили им, что произошло, показывая отрубленные головы, и стали убивать всех магов, попадавшихся на пути. Когда же персы узнали о подвиге семерых и об обмане магов, то не захотели отстать [от заговорщиков]: они выхватили свои кинжалы и бросились убивать всех магов, каких только могли найти; и если бы не наступила ночь, то ни одного мага не осталось бы в живых. Этот день все персы считают величайшим праздничным днем и справляют его весьма торжественно. А зовется у персов этот праздник "избиение магов". Ни одному магу нельзя в то время показаться на улице, и все они сидят дома.

80. Когда волнение улеглось и прошло пять дней, заговорщики стали совещаться о [будущем] устройстве государства. Они держали речи, которые иным эллинам, правда, кажутся невероятными, но все же действительно были произнесены. Так, Отан высказался за то, чтобы передать власть всему персидскому народу. Он сказал: "По-моему, не следует опять отдавать власть в руки одного единодержавного владыки. Это и неприятно, и нехорошо. Вы знаете ведь, до чего дошло своеволие Камбиса, и испытали на себе высокомерие мага.

Как же может государство быть благоустроенным, если самодержец волен творить все, что пожелает? И действительно, если бы даже самый благородный человек был облечен такой властью, то едва ли остался бы верен своим прежним убеждениям. От богатства и роскоши, его окружающих, в нем зарождается высокомерие, а зависть и без того присуща человеческой натуре. А у кого два этих порока, у того уже они все. Он творит множество преступных деяний: одни – из-за пресыщения своеволием, другие – опять-таки из зависти. Конечно, такой властитель должен бы быть лишен зависти, так как ему, как государю, принадлежит все. Однако самодержец по своей натуре поступает со своими подвластными, [исходя из] совершенно противоположного [взгляда]. Ведь он завидует "лучшим" людям за то только, что те здравы и невредимы, а любит самых дурных граждан. Более всего он склонен внимать клевете. Это человек, с которым ладить труднее всего на свете. За сдержанное одобрение [его поступков] он распаляется, видя в этом недостаточную почтительность, а за высокое уважение он недоволен тобой, как льстецом. Но вот я перехожу к самому плохому: он нарушает отеческие обычаи и законы, насилует женщин, казнит людей без суда. Что до народного правления, то оно, прежде всего, обладает преимуществом перед всеми [другими] уже в силу своего прекрасного имени – "исономия". Затем народ-правитель не творит ничего из того, что позволяет себе самодержец. Ведь народ управляет, [раздавая] государственные должности по жребию, и эти должности ответственны, а все решения зависят от народного собрания. Итак, я предлагаю уничтожить единовластие и сделать народ владыкой, ибо у одного народоправства все блага и преимущества"[376].

81. Таково было мнение Отана. Мегабиз же советовал передать власть олигархии и говорил вот что: "То, что сказал Отан об отмене самодержавной власти, повторю и я. Но что до его второго предложения – отдать верховную власть народу, то это далеко не самый лучший совет. Действительно, нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни. Поэтому недопустимо нам, спасаясь от высокомерия тирана, подпасть под владычество необузданной черни. Ведь тиран, по крайней мере, знает, что творит, а народ даже и не знает. Откуда же, в самом деле, у народа разум, если он не учен и не имеет никакой врожденной доблести? Очертя голову, подобно [бурному] весеннему потоку, без смысла и рассуждения, бросается народ к кормилу правления. Пусть ценит народное правление лишь тот, кто желает зла персам! Мы же облечем верховной властью тесный круг высшей знати (в их числе будем и мы). Ведь от "лучших" людей, конечно, исходят и лучшие решения [в государственных делах]"[377].

82. Таково было мнение Мегабиза. Третьим же объявил свое мнение Дарий в таких словах: "По-моему, Мегабиз верно отозвался о народе; на олигархию же у меня взгляд иной. Если мы возьмем из трех предложенных нам на выбор форм правления каждую в ее самом совершенном виде, т. е. совершенную демократию, совершенную олигархию и совершенную монархию, то последняя, по-моему, заслуживает гораздо большего предпочтения. Ведь нет, кажется, ничего прекраснее правления одного наилучшего властелина. Он безупречно управляет народом, исходя из наилучших побуждений, и при такой власти лучше всего могут сохраняться в тайне решения, [направленные] против врагов. Напротив, в олигархии, если даже немногие [лучшие] и стараются приносить пользу обществу, то обычно между отдельными людьми возникают ожесточенные распри. Ведь каждый желает первенствовать и проводить [в жизнь] свои замыслы. Так у них начинается яростная вражда между собой, отчего проистекают смуты, а от смут – кровопролития. От кровопролитий же дело доходит до единовластия, из чего совершенно ясно, что этот последний образ правления – наилучший. При демократии опять-таки пороки неизбежны, а лишь только низость и подлость

[376] Речь Отана перекликается с надгробной надписью Дария, где Дарий отражает упреки Отана в деспотических стремлениях (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 80).

[377] В злобных выпадах Мегабиза против народа нашла отражение острая ненависть персидской знати к "народу-войску" племен Ирана (ср.: В.В. Струве. Этюды, стр. 77)

проникают в общественные дела, то это не приводит к вражде среди подлых людей, а, напротив, [между ними] возникают крепкие дружественные связи. Ведь эти вредители общества обычно действуют заодно, [устраивая заговоры]. Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, и затем этот прославленный [вождь] быстро становится единодержавным властителем. Отсюда еще раз ясно, что единовластие – наилучший образ правления. Наконец, одним словом: откуда у нас, персов, свобода? Кто даровал ее нам? Народ, лучшие люди или единодержавный властитель? По-моему, все же если свобода дарована нам единодержавным властителем, то мы должны крепко держаться этого [образа правления] и вообще не нарушать добрых отеческих обычаев, ибо "мало хорошего в этом""[378].

83. Таковы были эти три мнения. А четверо остальных из семи примкнули к мнению Дария. Когда же Отан, который стремился ввести у персов демократию, понял, что его предложение отвергнуто, то сказал собравшимся вот что: "Друзья! Итак, решено, что один из нас станет царем. Будет ли он избран по жребию, решением персидского народа или как-нибудь иначе – я, во всяком случае, не буду соперничать с вами. Не желаю я ни сам властвовать, ни быть подвластным и отказываюсь от престола с тем условием, чтобы ни сам я, ни мои потомки никогда не подчинялись никому из вас". После таких слов все шестеро согласились на его просьбу. Поэтому Отан отказался от царства и остался в стороне от борьбы за власть. И поныне еще его дом – единственный независимый дом от царя в Персии – подчиняется царской власти, поскольку сам желает этого, но не должен нарушать персидские законы.

84. Остальные же шестеро [персов] стали держать совет, как справедливее всего поставить царя. Прежде всего, они решили: если один из них будет избран царем, то должен жаловать Отану и всем его потомкам ежегодно по наилучшей мидийской одежде и [посылать] другие самые почетные дары, обычные в Персии. А решили они жаловать ему эти дары ради того, что он первым задумал восстание и привлек [всех] их к заговору. Таковы были особые преимущества, предоставленные Отану. А для всех семерых было постановлено, чтобы каждый из них по желанию мог входить без доклада в царский дворец, если только царь не почивает у своей жены. Далее, царь должен был брать себе супругу только из семейств заговорщиков[379]. О царской же власти они решили вот что: чей конь первым заржет при восходе солнца, когда они выедут за городские ворота, тот и будет царем.

85. Был у Дария конюх, сметливый парень, по имени Эбар. Этому-то человеку Дарий после собрания сказал вот что: "Эбар, вот как мы решили о царской власти. Чей конь первым заржет при восходе солнца, когда мы поедем верхом, тот и будет царем. Если ты знаешь какое-нибудь хитрое средство, то устрой так, чтобы я, а не кто другой получил [персидский престол]". Эбар ответил так: "Господин! Если только от этого зависит, быть тебе царем или нет, то соберись с духом и не беспокойся, так как раньше тебя никто не будет царем. Есть у меня такое зелье". А Дарий сказал ему: "Так, если ты действительно знаешь какое-нибудь хитрое средство, то поспеши и не теряй времени: ведь завтра [рано утром] дело у нас должно решиться". Услышав это, Эбар сделал вот что. С наступлением ночи он привел за ворота одну из кобылиц, которую жеребец Дария более всего любил, крепко привязал ее и затем подвел к ней жеребца. Много раз он обводил его вокруг кобылицы и, наконец, пустил покрыть ее.

86. На рассвете все шестеро мужей по уговору сели на коней. Когда они оказались за воротами и приблизились к тому месту, где прошлую ночь была привязана кобылица, конь Дария бросился вперед и заржал. На ясном небе в то же

[378] Речь Дария соответствует его подлинным словам в Накширустемской надписи (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 76). В этих трех речах нашли отражение три политических направления в среде персидской знати эпохи Дария I и его преемников.

[379] Семь персов принадлежали к семи знатнейшим персидским фамилиям (среди них - Гобрий и Аспафин).

время сверкнула молния и загремели громовые раскаты. Это неожиданное значение посвятило Дария на царство, словно по предварительному условию. Тогда другие соскочили с коней, пали к ногам Дария и поклонились ему, как царю.

87. Так вот, по одному известию это [избрание Дария] подстроил Эбар. Но есть и другое известие (ведь персы рассказывают об этом событии двояко), будто тот же Эбар сунул руку в половые части кобылицы и затем спрятал руку в штаны. Когда же затем с восходом солнца кони готовы были устремиться вперед, Эбар вытащил свою руку и поднес к ноздрям Дариева жеребца, а тот, почуяв кобылицу, зафыркал и заржал.

88. Так-то Дарий, сын Гистаспа, был провозглашен царем[380]. И были ему подвластны, кроме арабов, все народы Азии, которые покорил Кир, а затем вторично Камбис. Арабы никогда не были под игом персов. Они стали, однако, друзьями персов после того, как пропустили Камбиса в Египет через свою землю[381]. Дарий взял себе в супруги знатнейших персиянок, во-первых, двух дочерей Кира – Атоссу и Артистону (Атосса уже была прежде женой своего брата Камбиса, а потом мага; Артистона же была еще девицей). Затем он вступил в брак с дочерью Смердиса, Кирова сына, по имени Пармис и, наконец, с дочерью Отана, которая раскрыла обман мага. Могущество Дария было беспредельно. Прежде всего, он повелел высечь из камня и поставить рельефное изображение[382] всадника с надписью, гласившей: "Дарий, сын Гистаспа, обрел себе персидское царство доблестью своего коня (следовало имя) и конюха Эбара".

89. А, сделав это, Дарий разделил персидскую державу на 20 провинций [округов], которые у персов называются сатрапиями[383]. Учредив эти округа и назначив их правителей, царь установил подати по племенам. Многие соседние народности были объединены в одну сатрапию, а иногда. Кроме ближайших соседей, к ней присоединялись и народности другой, более далекой сатрапии. Распределение же сатрапий и ежегодных взносов податей он произвел следующим образом: тем, кто вносил подати серебром, царь назначил плату по весу вавилонского таланта, а платившим золотом – по евбейскому весу. Вес вавилонского таланта составляет 78 евбейских мин[384]. В царствование Кира и потом Камбиса не было еще установлено никакой определенной подати, но только добровольные дары. Из-за этого обложения данью и некоторых других подобных мероприятий Дария в Персии говорили, что Дарий был торгаш, Камбис – владыка, а Кир – отец, потому что Дарий всю свою державу устроил по-торгашески; Камбис – оттого, что был жесток и высокомерен; а Кир – оттого, что был милостив и ему они обязаны всеми благами.

90. От ионян же, азиатских магнетов, эолийцев, карийцев, ликийцев, милиев и памфилов (ибо для всех них была установлена единая подать) поступало 400 талантов серебра. Это была первая область, установленная царем[385]. А от

[380] Геродот пропускает описание длительных войн Дария после его воцарения. По Бехистунской надписи, сначала восстал Элам с древней столицей Сусы, затем Вавилон под предводительством Нидинту-Бела, сына последнего царя, и Мидия (т. е. почти все провинции). В конце 521 г. Дарий усмирил почти всех восставших, кроме Египта и Малой Азии. Египет был покорен в 519/518 г. до н.э.

[381] Страна арабов - набатейское царство. Арабы Сирийской пустыни были уже раньше покорены персами.

[382] Рельеф на скале, как в Бехистуне.

[383] Перечень персидских сатрапий восходит к ионийскому описанию персидских провинций. Сатрапии были, по-видимому, сначала введены в тех областях, где они были связаны с уже существовавшими государственными организациями, а затем в пограничных областях (по соображениям стратегического характера). Народы северо-востока Балканского полуострова в списке не упомянуты.

[384] Монетная реформа Дария базировалась на введении золотой валюты. Дарий чеканил золотые дарейки (8.4 г) = 1/3000 евбейского таланта. Отношение золота к серебру равнялось 13.5 : 1.

[385] Малоазийская прибрежная сатрапия с греческими городами.

мисийцев, лидийцев, ласонцев, кабалиев и гитеннов [поступало] 500 талантов. Это был второй округ. От геллеспонтийцев по правую сторону от входа, затем от фригийцев, азиатских фракийцев, пафлагонов, мариандинов и сирийцев налоги и подати составляли 360 талантов. Это был третий округ[386]. Из Киликии доставляли 360 белых коней (по одному на каждый день в году) и 500 талантов серебра. Из них 140 талантов расходовалось на содержание конницы, охранявшей Киликию, а 360 талантов получал Дарий. Это – четвертый округ.

91. Область от города Посидея, основанного Амфилохом, сыном Амфиарая, на границе между Киликией и Сирией, до Египта, кроме Аравийской земли, свободной от податей, должна была платить 350 талантов подати. В этот округ входят вся Финикия, так называемая палестинская Сирия и Кипр. Это пятый округ[387]. Из Египта, из соседней с Египтом части Ливии, Кирены и Барки[388], которые были включены в египетский округ, получалось 700 талантов, не считая доходов с рыбной ловли на Меридовом озере. Так вот, помимо этих денег и поступающего в счет подати хлеба, с этого округа взималось еще 700 талантов. Ведь для персов и наемников, занимавших Белую крепость в Мемфисе, доставляется 120 000 медимнов хлеба. Это – шестой округ[389]. Саттагиды же вместе с гандариями, дадиками и апаритами платили 170 талантов. Это – седьмой округ[390]. Из Сус и остальной Киссии поступало 300 талантов. Это – восьмой округ[391].

92. Вавилон же и остальная Ассирия платили 1000 талантов серебра и доставляли 500 оскопленных мальчиков. Это – девятый округ[392]. Акбатаны, остальная Мидия, парикании и ортокорибантии платили 450 талантов. Это – десятый округ[393]. Каспии же, павсики, пантимафы и дариты вместе платили 200 талантов. Это – одиннадцатый округ[394]. Народности от бактрийцев до эглов платили 300 талантов подати. Это – двенадцатый округ[395].

93. Из Пактики, Армении и соседних областей до Евксинского Понта поступало 400 талантов. Это – тринадцатый округ[396]. Сагартии, саранги, фаманеи, утии, мики и жители островов Красного моря, куда царь выдворяет так называемые переселенные народности, вместе платили 600 талантов. Это – четырнадцатый округ[397]. Саки и каспии платили 250 талантов. Это – пятнадцатый округ[398]. Парфяне же, хорасмии, согдийцы и арии платили 300 талантов. Это – шестнадцатый округ[399].

94. Парикании и азиатские эфиопы платили 400 талантов. Это – семнадцатый округ[400]. На матиенов, саспиров и алародиев была наложена подать в 200

[386] Прежние северные провинции Лидии от Геллеспонта до устья р. Галиса.

[387] Совр. Ливан, Сирия и Палестина.

[388] Кроме Египта, оазис Харга и побережье от совр. Бенгази.

[389] В Мемфисе еще со времен Амасиса были поселены ионийские и карийские наемники.

[390] Область Пешвара и южная часть совр. Афганистана.

[391] Древний Элам с Сусами.

[392] Совр. Ирак.

[393] В. В. Струве (Этюды, стр. 256) предлагает вместо "парикании" читать "гиркании" или "баркании". Ортокорибантии - перевод перс. "тиграхауда" (с остроконечными шапками) (В. В. Струве. Этюды, стр. 56). Эта сатрапия охватывала северо-западную Персию.

[394] Совр. Азербайджан с Гиланом.

[395] Совр. Северный Афганистан с долиной совр. Верхней Амударьи.

[396] Горные народности между совр. Эрзерумом и Трапезунтом.

[397] Народности между линией совр. Исфахан - Ханум-и-Хильменд и побережьем Персидского залива до пролива Ормус.

[398] Племена, кочевавшие по южному и восточному берегам Каспийского моря до устья высохшего теперь Узбоя.

[399] Область от низовья совр. Сырдарьи до долины Херируд в совр. Афганистане.

[400] Персидское побережье от пролива Ормус до области Карачи и совр. Белуджи-стана. Парикании и азиатские эфиопы - остатки дравидииского населения, оттесненного

талантов. Это – восемнадцатый округ[401]. Мосхам, тибаренам, макронам, моссиникам и марам было приказано платить 300 талантов подати. Это – девятнадцатый округ[402]. Что до индийцев, то этот самый многочисленный народ из всех нам известных и подать должен был платить самую большую сравнительно с другими, именно 360 талантов золотого песку. Это – двадцатый округ[403].

95. Так вот вавилонские серебряные таланты в переводе на евбейский вес составляют 9880 талантов, и если принять отношение золота к серебру как 1 к 13, то ценность золотого песка составляет 4680 евбейских талантов. Таким образом, общая сумма всех ежегодных поступлений Дарию составляла 14 560 евбейских талантов. При этом цифры более мелких доходов я не принимаю в расчет.

96. Эти подати поступали Дарию из Азии и из небольшой части [стран] Ливии. Позднее стали доставлять также подати с эллинских островов и от европейских народностей вплоть до фессалийцев. А сохраняет царь эти свои сокровища, вот каким образом: он приказывает, расплавив металл, выливать его в глиняные сосуды. Когда сосуд наполнен, его разбивают. Всякий раз, когда нужны деньги, царь велит отрубать, сколько требуется золота.

97. Таковы были эти округи и размеры податей. Только одну Персидскую землю я не упомянул в числе земель, обложенных данью, потому что персы живут в стране, свободной от податей. Но есть еще народности, которые, правда, не платят дани, а доставляют дары. Это – эфиопы, живущие на границе с Египтом[404] (их покорил Камбис во время похода на долговечных эфиопов); затем обитатели области у священной Нисы[405], которые справляют известные празднества в честь Диониса. Эти эфиопы и соседние с ними народы такого же происхождения, как и каллатии в Индии; они живут в подземных жилищах. Оба эти эфиопских племени доставляют в дар царю, каждые три года (и делают это до нашего времени) 2 хеника самородного золота, 200 стволов эбенового дерева, 5 эфиопских мальчиков и 20 больших слоновых клыков. Даже колхи и их соседи до Кавказского хребта[406] (до этих пор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) налагают на себя подати в виде добровольных даров. Так вот, эти народы еще и поныне посылают царю по 100 мальчиков и 100 девочек. Наконец, арабы ежегодно посылают 1000 талантов ладана. Эти дары они шлют царю помимо подати[407].

98. Большое количество этого золота, часть которого индийцы посылают царю в виде упомянутого золотого песка, добывают вот каким способом. На востоке Индийской земли есть песчаная пустыня[408]. Ведь из всех известных нам восточных азиатских народов у восхода солнца индийцы – первый народ, о котором у нас есть, по крайней мере, определенные сведения. Ибо восточнее Индии простираются пески и пустыня. В Индии есть много разных племен, говорящих на разных языках. Некоторые из них кочевники, другие же – нет. Одни обитают в

иранцами.

[401] Матиены жили между Ванским озером и верховьями р. Тигра, близ теперешней ирансо-турецкой границы. Саспиры жили в долине совр. р. Чороха, впадающей в Черное море у Батуми. Алародии (урарту) жили в треугольнике, образованном совр. озерами Ван, Урмия и Севан.

[402] Черноморское побережье от совр. Трапезунта до Поти.

[403] Совр. индийская провинция Пенджаб.

[404] Имеется в виду северная часть эфиопского царства в Нубии (быть может, область от совр. Асуана до Хальфы).

[405] Мифическая гора и местность - родина Диониса. По Гомеру, Ниса находилась во Фракии или в Беотии. Геродот помешает ее в стране азиатских эфиопов (драви-дийцев) в Индии.

[406] Совр. западная Грузия и Абхазия.

[407] Приводимые Геродотом цифры податей взяты не из официальных персидских источников, а восходят, по-видимому, к частным греческим оценкам величины податей в отдельных провинциях и, очевидно, слишком высоки.

[408] Пустыня Тар (Фар).

болотистой дельте реки [Инда] и питаются сырой рыбой, которую они ловят со своих бамбуковых лодок (целая лодка делается из одного колена этого бамбука). Эти индийские племена носят одежды из тростникового [лыка]. Тростник они срезают в реке, затем разделяют на полосы, сплетают наподобие циновок и носят в виде панциря.

99. Далее к востоку обитают кочевые индийские племена, питающиеся сырым мясом. Они называются падеями[409]. Обычаи их, по рассказам, вот какие. Когда кто-нибудь – мужчина или женщина – занедужит, то, если это мужчина, его убивают ближайшие друзья – мужчины же. Ведь, по их словам, недуг, снедающий больного, загубит для них его мясо. А тот уверяет, что вовсе не страдает от недуга. Они же, не внимая его словам, умерщвляют его и затем поедают труп. Если же недуг поражает женщину, то ближайшие родственницы больной поступают с ней так же, как мужчины. Что же касается старцев, то их торжественно закалывают [и приносят] в жертву [божеству] и также съедают. Впрочем, до преклонного возраста доживает у них немного людей, так как всякого убивают уже раньше, если он страдает каким-нибудь недугом.

100. Есть индийские племена, которые держатся иных обычаев, а именно вот каких. Они не убивают ни одного живого существа, не трудятся на нивах, нет у них жилищ, а питаются они травой. В их стране дико растет одно растение, стручки которого величиной с просяное зерно. Эти зерна они собирают вместе с шелухой, варят и употребляют в пищу. Если кого-нибудь из них поражает недуг, то он уходит в пустыню и там ложится. Никто уже не заботится ни об умирающем, ни о страждущем[410].

101. У всех названных индийских племен половое общение совершается открыто, как у скота. Цвет кожи у всех их одинаковый, именно такой, как у эфиопов. Так же и семя, которым они оплодотворяют женщин, не белое, как у остальных народов, а черное, под цвет их кожи. Такое же [черное] семя и у эфиопов. Эти индийские племена обитают еще дальше к югу от персов и никогда не подчинялись Дарию.

102. Другие индийские племена, напротив, обитают вблизи области Пактики и ее главного города Каспатира севернее прочих индийцев. По своему образу жизни они приближаются к бактрийцам. Это самое воинственное из индийских племен, и они уже умеют добывать золото. В их земле есть песчаная пустыня, и в песках ее водятся муравьи величиной почти с собаку, но меньше лисицы[411]. Несколько таких муравьев, пойманных на охоте, есть у персидского царя. Муравьи эти роют себе норы под землей и выбрасывают оттуда наружу песок, так же как это делают и муравьи в Элладе, с которыми они очень схожи видом. Вырытый же ими песок – золотоносный, и за ним-то индийцы и отправляются в пустыню. Для этого каждый запрягает в ярмо трех верблюдов, по бокам – верблюдов-самцов, которые бегут рядом, как пристяжные, а в середине – самку-верблюдицу. На нее они и садятся, выбирая преимущественно спокойную, которая только что ожеребилась. Их верблюды быстротой не уступают коням, а помимо того, могут нести гораздо более тяжелые вьюки.

103. Описывать вид верблюда я не буду, потому что он известен в Элладе. Скажу только то, что не знают о верблюде. На задних ногах у верблюда четыре бедренных мускула и четыре сустава, и половые части, находящиеся между задними ногами, обращены к хвосту.

104. В такой верблюжьей упряжке индийцы отправляются за золотом с тем расчетом, чтобы попасть в самый сильный зной и похитить золото. Ведь муравьи

[409] Имя объясняется из санскрита и тамильского языка. Падей родственны веддам на Цейлоне.

[410] Геродот рисует образ жизни брахманских странствующих аскетов.

[411] Геродот передает здесь древнейшую форму легенды, возникшей в Ладаке на тибетско-индийской границе (легенда сохранилась -в тибетской, монгольской и китайской версиях). Новелла принадлежит местным золотоискателям и купцам и выдумана, чтобы отпугнуть конкурентов.

от зноя прячутся под землей. Солнце в стране этих народов самое знойное утром, а не как в других местах в полдень. Лишь около полудня, когда у нас расходится рынок, солнце стоит там уже высоко на небо. Именно в это время оно припекает там гораздо сильнее, чем в полдень в Элладе, так что, по рассказам, люди должны в это время освежаться купаньем. А в полдень в Индии солнце припекает почти так же сильно, как и в других странах, после полудня же солнце сияет там так же ярко, как у нас утром. А затем солнце делается все холоднее, пока при закате не станет совершенно холодным[412].

105. Когда индийцы приедут на место с мешками, то наполняют их [золотым песком] и затем как можно скорее возвращаются домой. Муравьи же тотчас, по словам персов, по запаху почуяв их, бросаются в погоню. Ведь ни одно животное не может сравниться с этими муравьями быстротой [бега], так что если бы индийцы не успели опередить их (пока муравьи соберутся), то никто бы из них не уцелел. Так вот, верблюдов-самцов (те ведь бегут медленнее самок и скорее устают) они отвязывают в пути и оставляют муравьям (сначала одного, потом другого). Самки же, вспоминая оставленных дома жеребят, бегут без устали. Таким-то образом индийцы, по словам персов, добывают большую часть золота, а некоторое гораздо меньшее количество выкапывают из земли.

106. Окраины ойкумены по воле судьбы щедро наделены редчайшими и драгоценными дарами природы. Эллада же зато имеет самый умеренный [благодатный] климат. Самая крайняя страна на востоке, как я сказал, это Индия. И в Индии не только четвероногие животные и птицы гораздо большей величины, чем в других странах, кроме коней (они меньше мидийских, так называемых нисейских коней)[413], но там есть и несметное количество золота, добываемого из земли, частью приносимого реками или похищаемого описанным мною способом. А плоды дикорастущих деревьев дают здесь шерсть[414], по красоте и прочности выше овечьей шерсти. Одежды индийцев изготовляются из этой древесной шерсти.

107. А на юге самая отдаленная из населенных стран – это Аравия. И ни в одной другой земле, кроме Аравии, не растут ладан[415], мирра[416], касия, кинамом[417] и ледан[418]. Все эти благовония, за исключением мирры, арабы добывают с трудом. Так, ладан они получают, сжигая стирак[419], который ввозят в Элладу финикияне. Сжигая этот стирак, они получают ладан. Ведь деревья, дающие ладан, стерегут крылатые змеи[420], маленькие и пестрые, которые ютятся во множестве около каждого дерева. Они же нападают и на Египет. От этих деревьев их нельзя ничем отогнать, кроме как курением стирака.

108. Арабы утверждают даже, что эти змеи наполнили бы всю землю, если бы с ними не происходило того же, что, как известно, происходит с гадюками. Божественный промысел[421], как это и естественно, в своей премудрости сотворил всех робких и годных в пищу животных весьма плодовитыми, чтобы у нас не было недостатка в пище, хищных же и вредоносных – малоплодовитыми. Так, на зайца охотятся все – звери, птицы и человек, и поэтому-то он весьма плодовит. Это единственное животное, которое после зачатия одного плода [сразу же] зачинает

[412] Эти климатические условия характерны для узких горных долин Ладака: после полудня солнце исчезает и наступает холод.

[413] Речь идет об особой породе быстрых и выносливых лошадей. Нисейские лошади конского завода в Мидии.

[414] Хлопок. Индийский хлопок экспортировался в Месопотамию.

[415] Ладан происходил из местности Сафар в Хадрамауте (южная Аравия).

[416] Мирра (смирна) - благовонная смола (см. выше, III 20 и прим. 17).

[417] Касия - ароматическое растение (Cinnamomum iners L.). Кинамом - дерево корицы. Уже тогда ввозили корицу из Цейлона.

[418] Ледан - благовонная смола.

[419] Стирак - благовонная смола растения Styrax officinalis.

[420] Род саранчи.

[421] Геродот не сомневается во всемогуществе и всеведении богов.

второй. Поэтому-то один детеныш у него уже во чреве матери покрыт шерстью, а другой еще голый, третий зародыш только что образуется, четвертого зайчиха еще зачинает. Таково это животное. Напротив, львица, самый мощный и свирепый хищник, рождает раз в жизни единственного детеныша. Ведь при родах она выбрасывает вместе с детенышем и матку. Причина же этого вот в чем. Когда детеныш в матке начинает шевелиться, то разрывает ее своими когтями, которые у него гораздо острее когтей всех прочих животных, и чем больше становится детеныш, тем сильнее он разрушает ее. Когда, наконец, наступают роды, то матка уже совершенно разрушена.

109. Точно так же, если бы гадюки и крылатые аравийские змеи рождались на свет так, как это заложено в их змеиной природе, то жить на свете людям было бы невозможно. Однако, когда гадюки спариваются и самец уже готов испустить семя, самка вцепляется ему в шею и, ухватившись, не отпускает, пока не перегрызет. Так-то самец погибает, а самка должна за это поплатиться, так как детеныши еще в утробе матери мстят за отца: они перегрызают ей чрево и таким образом прокладывают себе выход на свободу. Другие же змеи, не опасные для людей, несут яйца и высиживают множество детенышей. Гадюки водятся на земле повсюду, тогда как крылатые змеи во множестве встречаются только в Аравии и больше нигде, отчего и думают, что их очень много.

110. Так-то арабы добывают этот ладан, а касию – следующим образом[422]. Они обвязывают все тело и лицо, кроме глаз, бычьими шкурами и разными кожами и в таком виде отправляются за касией. Она растет, правда, в мелком озере и вокруг него, а в этом озере живут крылатые звери, очень похожие на летучих мышей. Они испускают громкие крики и храбро нападают на людей. Арабам приходится отгонять этих зверей, защищая свои глаза, и таким образом срывать касию.

111. Корицу они собирают еще более удивительным способом. Где она растет и какая земля порождает это растение, они и сами не знают. Иные утверждают (и они, вероятно, правы), что корица растет в тех краях, где был воспитан Дионис. По их рассказам, большие птицы приносят эти сухие полоски коры, которые у нас зовутся финикийским именем "кинамомон". А приносят их эти птицы в свои гнезда, слепленные из глины, на кручах гор, куда не ступала нога человека. Так вот, для добывания корицы арабы придумали такую уловку. Туши павших быков, ослов и прочих вьючных животных они разрубают сколь возможно большими кусками и привозят в эти места. Свалив мясо вблизи гнезд, они затем удаляются. А птицы слетаются и уносят куски мяса в свои гнезда. Гнезда же не могут выдержать тяжести и рушатся на землю. Тогда арабы возвращаются и собирают корицу. Собранную таким образом корицу из страны этих арабов вывозят затем в другие страны.

112. А ледан, который у арабов зовется ладаном, добывают еще более удивительным способом. Это вещество самое благовонное, хотя и происходит из самого зловонного места. Оно находится на бородах козлов и зарождается там, как смола на деревьях. Его применяют для многих благовонных мазей, и арабы употребляют его главным образом для курений.

113. О благовониях сказано достаточно: вся земля Аравийская благоухает божественным ароматом. Есть там две удивительные породы овец, которых нигде в другом месте не встретишь. У одной из них длинные хвосты, не менее 3 локтей. Если бы позволить этим овцам волочить хвосты по земле, то от трения хвосты покрылись бы ранами. Но все пастухи там знают плотницкое дело настолько, что мастерят маленькие тележки и привязывают их под овечьи хвосты. Таким образом, у каждого животного под хвостом привязана такая тележка. Другая же порода овец имеет хвост даже до локтя шириной[423].

[422] Здесь и далее (111, 112) Геродот излагает рассказы арабских мореходов.

[423] Курдючные овцы (изображения их встречаются уже на ассирийских рельефах) разводились особенно в Аравии.

114. На юго-западе Эфиопия[424] – самая крайняя населенная страна на земле. Эта страна очень богата золотом, и в ней водятся огромные слоны, всевозможные дикорастущие плодовые деревья, а также эбеновое дерево. Люди там очень высокого роста, красивые и самые долговечные.

115. Итак, это – самые отдаленные страны в Азии и в Ливии. Что же до самых отдаленных стран Европы, именно на западе, то я не могу сообщить о них ничего определенного. Я-то ведь не верю в существование реки, называемой у варваров Эриданом[425], которая впадает в Северное море (оттуда, по рассказам, привозят янтарь). Я ничего не знаю также, существуют ли действительно острова Касситериды, откуда к нам привозят олово[426]. Ведь само название "Эридан" оказывается эллинским, а не варварским и придумано каким-нибудь поэтом. С другой стороны, несмотря на все мои старания, я не мог ни от одного очевидца узнать подробности об этом море на севере Европы. Впрочем, верно то, что олово и янтарь привозят из самых далеких стран.

116. На севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его там добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифов одноглазые люди – аримаспы. Но я не верю, что от природы вообще существуют одноглазые люди, а в остальном естество у них, как и у прочих людей. Во всяком случае, кажется, что эти окраины ойкумены, окружающие остальные земли, обладают продуктами, которые у нас считаются весьма ценными и редкими.

117. Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горой, а через эту гору ведет пять узких проходов. Эта долина принадлежала некогда хорасмиям и лежит на границе земель хорасмиев, гирканов, парфян, сарангов и фаманеев[427]. Со времени же персидского владычества они подвластны персидскому царю. Так вот, с этой окружающей [долину] горы стекает большая река по имени Акес. Эта река, разделенная на пять рукавов, прежде орошала земли упомянутых народов, так что из каждого прохода вытекал свой рукав. Однако со времени подчинения персам эти народы очутились вот в каком положении. Царь повелел закрыть горные проходы и построить на каждом шлюзы. Поэтому вода не могла больше вытекать [через проходы], и долина, окруженная горами, обратилась в озеро, так как река разливается по равнине, но выхода не имеет. Так вот, те племена, которые прежде пользовались этой водой для орошения, стали терпеть ужасные лишения. Зимой, конечно, божество, как и в других местах, посылает также и им дожди; летом же просо и сесам, которые они сеют, постоянно испытывают недостаток влаги. Когда нет уже больше воды, они едут в Персию вместе с женами и, остановившись перед вратами царского дворца, начинают громко и жалостно вопить. Царь же, видя крайнюю нужду просителей, велит открыть шлюзы, ведущие в их страну. Когда же их земля вдоволь напитается водой, царь приказывает опять закрыть шлюзы и открыть другие, ведущие в землю тех племен, которые больше всего после них нуждаются в воде. Однако, как я узнал, царь взимает за открытие шлюзов большие суммы денег (сверх податей). Так обстоит дело.

118. А среди тех персов, свергнувших мага, был некто Интафрен, который тотчас после этого восстания был казнен за совершенное преступление. Он хотел войти в царский дворец, чтобы переговорить о чем-то с царем. Действительно, существовало постановление, что заговорщики могут свободно входить к царю без

[424] Эфиопия - здесь восточноафриканское побережье, которое тогда посещали арабские и финикийские купцы-мореходы.

[425] Эридан - название нижнего течения совр. р. По или Эч. Позднее Эриданом стали называть также реку на севере. Быть может, Геродот имеет здесь в виду даже устье совр. р. Вислы.

[426] С Оловянных островов (совр. Британские острова) олово переправлялось через Тартесс в восточную часть Средиземного моря. Янтарь иллирийцы привозили к устью совр. р. По или Эч, а греки переправляли его в Грецию и на Восток.

[427] Известие Геродота, по-видимому, относится к оросительным сооружениям на р. Акесе (совр. Мургаб), где лежит оз. Мерв.

доклада, если только царь не спит на женской половине. Поэтому Интафрен не счел необходимым посылать кого-нибудь с докладом и захотел как один из семи прямо войти. Страж дверей же и докладчик[428] не пропускали его, говоря, что царь находится на женской половине[429]. А Интафрен, думая, что они говорят неправду, сделал вот что. Выхватив свою саблю, он отрубил им уши и нос и нанизал их на поводья своего коня. Затем он обвязал поводья вокруг шеи несчастных и так отпустил их.

119. Тогда искалеченные слуги явились к царю и рассказали ему о причине учиненного над ними насилия. Дарий же, опасаясь, не совершен ли этот поступок с общего согласия всех шестерых, велел призвать к себе каждого из них поодиночке и стал допытываться, одобряют ли те этот поступок. Когда Дарий понял, что Интафрен совершил этот поступок без одобрения других, то велел схватить его вместе с сыновьями и всей родней, твердо убежденный, что тот с родней замыслил мятеж против него. А, схватив их, он велел бросить в темницу для обреченных на казнь преступников. Жена же Интафрена приходила к дворцовым вратам с плачем и жалобами. А так как она не переставала плакать, то Дарий, наконец, сжалился и послал сказать ей: "Женщина! Царь Дарий дарует для тебя свободу одному из твоих родных. Выбирай, кого ты хочешь!". А та, подумав, ответила так: "Если царь желает даровать мне жизнь одного, то я выбираю брата". Узнав об этом, царь удивился ее выбору и велел снова спросить ее: "Женщина! Спрашивает тебя царь, с какой целью ты, оставив мужа и детей, предпочитаешь спасти жизнь брата, который тебе не так близок, как дети, и менее дорог, чем муж?". На это она ответила так: "Царь! Супруг для меня, быть может, найдется (если божеству угодно) и другой, будут и другие дети, если этих потеряю. Но брата уже больше не будет, так как отца и матери у меня уже нет в живых. Это-то и было у меня на уме, когда я давала тебе ответ". Ответ этой женщины пришелся по душе Дарию, и он повелел освободить брата, за которого та просила, и, кроме того, из расположения к ней еще и старшего сына. Остальных же всех казнил. Итак, один из семи персов вскоре же погиб вышеописанным путем.

120. Около того времени, когда недуг поразил Камбиса, случились вот какие события. Сатрапом Сард Кир поставил перса Орета. Этот-то человек возымел желание совершить гнусное дело: задумал захватить и погубить Поликрата Самосского, хотя тот не обидел его ни словом, ни делом и даже и в глаза его раньше не видал. Задумал же сатрап это, как обычно рассказывают, вот по какой причине. Перед вратами царского дворца сидели однажды Орет и другой перс, по имени Митробат, сатрап Даскилейской области. От мирной беседы [друг с другом] они перешли к ссоре. Когда они заспорили о том, кто из них доблестнее, то Митробат бросил Орету упрек: "И ты еще считаешь себя мужем, а не мог завоевать остров Самос, лежащий против твоей сатрапии. Этим островом так легко овладеть, что один самосец с пятнадцатью гоплитами внезапным нападением захватил его и теперь он у них царем". Услышав эти слова, Орет, как некоторые утверждают, будто бы задетый за живое насмешкой, возымел желание не столько отомстить оскорбителю, как совершенно погубить Поликрата, ради которого ему пришлось выслушать такую издевку.

121. Напротив, согласно менее известному преданию, Орет послал глашатая на Самос с какой-то просьбой (а о чем он просил, не сообщается). Поликрат в это время сидел в мужском покое и с ним был Анакреон Теосский[430]. Умышленно ли Поликрат захотел показать свое пренебрежение Орету или это произошло случайно, только, когда глашатай Орета вступил в покой и передал поручение, Поликрат, который сидел, повернувшись к стене, не обратился [к глашатаю] и не

[428] Страж дверей - комендант царского дворца и начальник царских телохранителей (великий визирь). Докладчик (передаватель новостей, секретарь) - высшая придворная должность в Персии. Через этого придворного царь сообщался с внешним миром.

[429] Т. е. царь находился в гареме, в особом дворце.

[430] После падения Поликрата Анакреон (лирический поэт из Теоса) жил в Афинах (умер в 495 г. до н.э.).

дал никакого ответа.

122. Итак, о причинах гибели Поликрата передают два рассказа. Всякий волен верить, какому захочет. Во всяком случае, Орет из Магнесии на Меандре, где он тогда находился, послал лидийца Мирса, сына Гигеса, с известием на Самос к Поликрату, замыслы которого ему были хорошо известны. Именно Поликрат, насколько мы знаем, первым из эллинов, если не считать Миноса, кносского царя, и тех, кто в прежнее время еще до него господствовал на море, задумал стать владыкой на море. Со времени героической эпохи, по крайней мере, до Поликрата никто не стремился покорить Ионию и острова. Итак, эти замыслы Поликрата были известны Орету, и поэтому-то сатрап и отправил к нему посла вот с каким известием: "Орет так говорит Поликрату, Я узнал о твоих замыслах, но у тебя нет средств их осуществить. Если ты примешь мое предложение, то и себя осчастливишь, и меня спасешь. Ведь царь Камбис посягает на мою жизнь, и мне это точно известно. Поэтому спаси и мои сокровища, часть их возьми себе, а остальное оставь мне. С этими деньгами ты станешь властителем всей Эллады. Если же ты не веришь, что у меня так много денег, то пошли ко мне самого верного человека и я ему покажу их".

123. Услышав это, Поликрат с радостью согласился. Ведь тиран, я думаю, страстно желал [получить] эти сокровища и, прежде всего, послал осмотреть их Меандрия, сына Меандрия, одного из самосцев, который был у него писцом. Этот-то человек немного спустя посвятил в храм Геры достопримечательные украшения из мужского покоя Поликратова дворца. Орет же, узнав, что надо ждать прибытия соглядатая, сделал вот что. Он наполнил восемь сундуков камнями почти до краев, а сверху на камни наложил золота и, завязав сундуки, держал их наготове. Меандрий прибыл и, осмотрев [сундуки], донес Поликрату о том, что видел.

124. Тогда Поликрат, невзирая на настоятельные предупреждения прорицателей и друзей, сам отправился в Магнесию. Кроме того, и дочь его имела во сне вот какое видение. Представилось ей, что отец парит в воздухе и его омывает Зевс и умащает Гелиос. После этого сновидения дочь сделала все возможное, чтобы удержать Поликрата от поездки к Орету, и, когда тот уже вступил на борт 50-весельного корабля, она еще кричала, предрекая отцу несчастье. Он же угрожал дочери за это, что если вернется невредимым, то она еще долго останется девой. А дочь молила богов, чтобы отцовские угрозы исполнились, потому что предпочитала надолго остаться в девах, чем потерять отца.

125. Так вот, Поликрат, несмотря на все предостережения, отплыл к Орету с большой свитой приближенных. Среди них был и Демокед, сын Каллифонта из Кротона, врач, превосходивший искусством всех своих современников. По прибытии же в Магнесию Поликрат погиб позорной смертью, совершенно недостойной ни его деяний, ни [великих] замыслов. Ведь, кроме сиракузских тиранов, ни один эллинский властитель не может сравниться могуществом и пышностью с Поликратом. После того как Орет умертвил Поликрата таким способом, о котором я не хочу даже рассказывать, он велел распять тело [несчастного]. Самосцев из свиты Поликрата сатрап отпустил, советуя еще поблагодарить за освобождение, а иноземцев и рабов оставил как пленников в рабстве. Сновидение же дочери Поликрата сбылось, когда он был распят: действительно, его омывал Зевс, именно когда шел дождь, и Гелиос умащал, когда от зноя тело его увлажнялось. Таков был конец великого счастливца Поликрата[431]. Амасис, египетский царь, предрек ему [печальную кончину].

126. Спустя немного, впрочем, и Орета постигла кара за Поликрата. После смерти Камбиса и после правления магов Орет оставался в Сардах, не участвуя в борьбе персов с мидянами, которые оспаривали у них власть. Напротив, во время этой смуты сатрап велел умертвить Митробата, правителя Даскилея, который некогда бросил ему упрек за отношение к Поликрату, а также и сына Митробата

[431] "Зависть" или "ревность" богов к человеческому счастью вызывает гибель счастливцев, проявивших uane? (заносчивость, своеволие).

Кранаспа. Оба они были уважаемыми людьми в Персии. Орет совершал также и разные другие злодеяния. Так, например, сатрап велел убить на обратном пути гонца Дария, потому что был раздосадован вестью. Орет устроил гонцу засаду, послав своих людей, и затем велел убить его, а тело спрятать вместе с конем.

127. Вступив на престол, Дарий задумал покарать Орета за все его преступления, и особенно за убийство Митробата с сыном. Так вот, послать тотчас войско против сатрапа царю казалось неудобным, так как [народное] брожение в стране еще не улеглось и сам он недавно вступил на престол. К тому же Дарий знал, что у Орета большая военная сила: у сатрапа лично была "тысяча" персидских телохранителей[432], а в его сатрапию входили Фригийская, Лидийская и Ионийская области. В таком положении Дарий придумал вот что. Царь призвал знатнейших персов и сказал им: "Персы! Кто из вас возьмется исполнить мое поручение, но только хитростью, без насилия и шума? Ведь все дело в хитрости, а насилие не нужно. Итак, кто из вас приведет мне Орета живым или мертвым? Орет не принес добра Персии, а лишь причинил много зла. Двоих из нашей среды он погубил – Митробата с сыном, а моих вестников, которые должны были призвать его ко мне, убил, показав этим свою нестерпимую наглость. Так вот, мы должны обуздать его, покарав смертью, пока он не натворил еще больших зол".

128. Так спрашивал Дарий, и тридцать персов решили взяться за это дело, причем каждый сам желал исполнить [царское] поручение. Дарий же решил их спор, повелев бросить жребий. Тогда они стали метать жребий, и он выпал Багею, сыну Артонта. А Багей, избранный жребием, приступил к делу вот как. Он написал несколько разных грамот и приложил к ним печать Дария, а затем отправился в Сарды. По прибытии туда Багей явился к Орету и стал давать их царскому писцу[433] для прочтения, распечатывая по очереди (а такие писцы есть у всех сатрапов). Багей велел читать грамоты, чтобы испытать телохранителей, не готовы ли те изменить Орету. Заметив, что они с большим уважением относятся к грамотам и еще более – к их содержанию, [зачитанному] писцом, Багей подал писцу грамоту, в которой были слова: "Персы! Царь Дарий запрещает вам служить телохранителями Орета". А те, услышав это [повеление], опустили свои копья перед Багеем. Багей же, увидев, что телохранители повинуются [царскому] приказу, ободрился и дал писцу последнюю грамоту, которая гласила: "Царь Дарий повелевает персам в Сардах умертвить Орета". Как только телохранители услышали это повеление, они обнажили свои короткие мечи и убили сатрапа на месте. Так-то перса Орета постигла кара за убиение Поликрата Самосского. Рабы и богатые сокровища сатрапа были перевезены в Сусы.

129. Спустя немного после этого Дарий как-то на охоте за дикими зверями, соскакивая с коня, случайно вывихнул себе ногу. Вывих, вероятно, был такой сильный, что лодыжка вышла из сустава. При царе и раньше постоянно находились самые знаменитые египетские врачи, которые теперь должны были его лечить. Они стали силой вправлять царю вывих, но причинили еще больше вреда. Семь дней и семь ночей Дарий провел без сна от боли. На восьмой же день, когда царю не стало лучше, кто-то из приближенных, слышавший ранее в Сардах об искусстве кротонца Демокеда, сообщил об этом Дарию. А Дарий приказал тотчас же привести к нему Демокеда. Демокеда нашли где-то среди рабов Орета совершенно забытым, в оковах и рубище и привели к царю.

130. Когда Демокед предстал перед Дарием, царь спросил его, знает ли он врачебное искусство. А тот не признался, опасаясь, что если откроется, то его никогда уже не отпустят в Элладу. Дарий же понял, что Демокед, зная врачебное искусство, только притворяется, и приказал слугам принести плети и скорпионов. Тогда Демокед открылся, но все же сказал, что знаком с искусством врачевания далеко не вполне, а лишь отчасти и то благодаря знакомству с одним врачом. Когда же после этого Дарий вверился его лечению, то Демокед с помощью

[432] "Тысяча персов" - персидское название телохранителей.

[433] Царский секретарь, приставленный к каждому сатрапу, читал и составлял "бумагу" на арамейском языке и переводил на персидский.

эллинских целительных снадобий и успокоительных средств вместо грубых [лекарств египтян] возвратил царю сон и за короткое время совершенно восстановил здоровье, хотя тот уже потерял надежду вылечить ногу. За это Дарий пожаловал Демокеду две пары золотых оков. А тот спросил царя, не хочет ли Дарий в награду за исцеление сделать его вдвойне несчастным. Царю этот ответ пришелся по душе, и он послал Демокеда к своим женам. Евнухи привели его на женскую половину и сказали женам, что это и есть тот человек, который спас жизнь царю. Тогда каждая из них зачерпнула чашей золота из сундука и подарила Демокеду. Это был столь щедрый дар, что даже его слуга по имени Скитон, подбирая упавшие из чаш золотые статеры, набрал себе еще много золота.

131. А этот Демокед вот каким образом прибыл из Кротона ко двору Поликрата. Он жил в Кротоне, [постоянно] ссорясь с отцом, человеком крутого нрава. Когда он уже не мог больше переносить такой жизни, то, оставив [отчий дом], уехал на Эгину. Поселившись там, он в первый же год превзошел искусством всех прочих врачей, хотя у него и не было инструментов, необходимых для врачевания. На второй год город эгинцев нанял его на службу за талант серебра, а на третий год афиняне – за 100 мин, на четвертый же – Поликрат за 2 таланта. Так он прибыл на Самос. Этому-то человеку больше всего обязаны славой кротонские врачи[434]. Это было время, когда кротонские врачи считались первыми в Элладе, а киренские – вторыми. Тогда же аргосцы слыли мастерами в музыкальном искусстве.

132. Так вот, Демокед, исцелив Дария, получил в Сусах огромный дом для жилья и даже был принят в число сотрапезников царя[435]. И вообще ему было позволено все, кроме одного, – возвращения в Элладу. Так он спас от казни своим заступничеством египетских врачей, прежде пользовавших царя (их хотели распять за то, что они оказались хуже эллинского врача). Затем он спас также прорицателя из Элиды, который [раньше] находился в свите Поликрата, а теперь жил в совершенном пренебрежении среди [бывших] рабов [Орета]. Одним словом, Демокед был весьма важной персоной у царя.

133. Через некоторое время после этого случилось вот какое другое происшествие. У Атоссы, дочери Кира, супруги Дария, появился на груди нарыв, который, затем прорвавшись, стал распространяться дальше. Пока нарыв был еще небольшим, Атосса от стыда скрывала его, не показывая никому. Когда же нарыв стал опасным, она послала за Демокедом и показала ему. А тот, обещав исцелить, взял с нее клятву, что она окажет за это ему взаимную услугу, когда он попросит (но он не будет просить ее ни о чем постыдном).

134. Когда затем Демокед своим врачеванием исцелил ее, то Атосса (по наущению Демокеда) сказала возлежавшему с ней на ложе Дарию вот какие слова: "Царь! При всем твоем великом могуществе ты бездействуешь. Еще ни один народ ты не покорил персам и не преумножил персидской державы. Человеку молодому, как ты, властителю великих сокровищ, следует прославить себя великими подвигами, дабы персы знали, что над ними властвует муж. Это пойдет тебе вдвойне на пользу: персы будут знать, что во главе их стоит муж, и, занимаясь войной, они не будут иметь досуга, чтобы восставать против тебя. Теперь, пока ты еще молод, ты можешь совершить великий подвиг. Ведь с ростом тела растут и духовные силы, а когда тело начинает стареть, то с ним вместе дряхлеет и дух и уже неспособен к великим свершениям". Так сказала Атосса по наущению Демокеда, а царь отвечал ей: "Жена! Все, о чем ты говоришь, я и сам думаю совершить. Я ведь собираюсь перекинуть мост с нашего материка на другой и идти на скифов. И это скоро должно свершиться". Атосса же отвечала на это вот что: "Нет! Тебе не следует сначала идти на скифов. Ведь они будут в твоей власти, как только ты пожелаешь. Ты должен ради меня идти в поход на Элладу.

[434] Школа врачей в Кротоне пользовалась тогда большой славой. Здесь, как и в других медицинских школах, разрабатывали науку на основе философских теорий и опытных наблюдений.

[435] С этой почестью были связаны особые привилегии. Царь сидел при гостях за занавесью, невидимый ими.

Мне рассказывали о лаконских, аргосских, аттических и коринфских женщинах, и я желаю, чтобы они были у меня служанками. А у тебя есть человек, который лучше всякого другого может дать подробные сведения об Элладе и быть проводником. Это тот врач, который исцелил твою ногу". А Дарий сказал: "Жена! Если, по-твоему, нам следует, прежде всего, обратиться против Эллады, то лучше всего, я думаю, сначала послать туда соглядатаев из персов и вместе с ними эллина, о котором ты говоришь. Они разузнают все и сообщат нам о положении дел в Элладе. А тогда я, все, хорошо разузнав, начну войну с эллинами".

135. Как он сказал, так и сделал. На следующее утро царь призвал пятнадцать знатных персов и приказал им вместе с Демокедом объехать все побережье Эллады и смотреть, чтобы он не убежал, и во что бы то ни стало привезти его назад. Отдав им такие приказания, Дарий снова призвал к себе Демокеда и просил его показать всю Элладу этим персам и затем возвратиться назад. При этом царь велел ему взять с собой все свое добро и отвезти в подарок отцу и братьям с обещанием, что [по возвращении] воздаст ему взамен сторицею. Сверх всего этого Дарий объявил, что дает Демокеду в дорогу еще грузовой корабль со всяким добром. Царь говорил ему все это, мне думается, без всякой задней мысли. А Демокед, опасаясь, не хочет ли Дарий его испытать, не кинулся с жадностью на все эти подарки, но объявил, что оставит все свое добро здесь, чтобы по возвращении снова владеть им, но грузовой корабль, пожалованный царем его братьям, он принимает. С таким поручением Демокеду Дарий послал их в море.

136. Спустившись [вдоль берегов] в Финикию, посланцы прибыли в финикийский город Сидон. Там персы немедленно снарядили две триеры и, кроме того, еще финикийское грузовое судно с разным добром. Когда все было готово, они поплыли в Элладу и, держась близ эллинских берегов, осматривали и описывали их. После того как персы осмотрели большинство самых известных мест на побережье, они прибыли в италийский город Тарант. А здесь Аристофилид, царь тарантинцев, по просьбе Демокеда велел снять кормила у мидийских кораблей, а самих персов заключил в темницу как соглядатаев. В то время как персов постигла такая беда, Демокед успел бежать в Кротон. А когда он прибыл в свой родной город, Аристофилид освободил персов и отдал им кормила.

137. Оттуда [из Таранта] персы поплыли в погоню за Демокедом и прибыли в Кротон. Там они нашли Демокеда на рынке и схватили его. Часть кротонцев, опасаясь могущества персов, была готова выдать Демокеда персам, а другие в свою очередь схватили его и стали бить персов палками. А те начали их укорять такими словами: "Кротонцы! Подумайте, что вы делаете. Ведь вы хотите отнять у царя беглого раба. Неужели царь Дарий снесет подобное оскорбление? Неужели ваша выходка кончится добром, если вы похитите его у нас? На ваш город, прежде всего, пойдет войной персидский царь и первым он постарается обратить его в рабство". Такими словами, однако, персам не удалось запугать кротонцев. Так вот, им пришлось отплыть назад в Азию, оставив Демокеда и грузовое судно, которое везли с собой. Дальше они уже не пытались осматривать берега Эллады, лишившись своего проводника. При отплытии персов Демокед все же дал им вот какое поручение: он велел передать Дарию, что он, Демокед, взял себе в жены дочь Милона. Ведь о знаменитом борце Милоне часто шла речь у царя. Поэтому-то, как я думаю, Демокед и ускорил этот брак, истратив на это огромные деньги, именно чтобы показать Дарию, что он и в своем отечестве был знаменитым человеком[436].

138. Персы же после отплытия из Кротона были занесены [ветрами] в Иапигию. Там их обратили в рабство, а Гилл, тарантинский изгнанник, выкупил и отвез к царю Дарию. Дарий же за эту [услугу] посулил ему в награду все, что он сам пожелает. Гилл просил царя вернуть его в Тарант и рассказал историю своего изгнания. Но, чтобы не вызвать возмущения в Элладе (если из-за него сильный флот нападет на Италию), Гилл уверял, что у одних книдян достаточно силы для

[436] Новелла о Демокеде объясняет возникновение проектов похода на Элладу соображениями престижа и личной безопасности царя.

возвращения его из изгнания. По его мнению, книдянам, как друзьям тарантинцев, легче всего удастся вернуть его в родной город. Дарий дал свое согласие [на это] и отправил вестника в Книд с повелением вернуть Гилла в Тарант. Книдяне повиновались царю, но не смогли, однако, убедить тарантинцев [принять изгнанника], а для того, чтобы применить силу, они были слишком слабы. Так кончилось это дело, и те персы были первыми, прибывшими в Элладу из Азии по упомянутой причине, как соглядатаи.

139. Затем царь Дарий завоевал Самос – первый из эллинских и варварских городов. Причина войны была вот какая. Когда Камбис, сын Кира, отправился в египетский поход, много эллинов также прибыло в Египет. Одни [приехали], вероятно, для торговли, другие – как участники похода, а третьи, наконец, просто хотели посмотреть страну. Среди этих последних был Силосонт, сын Эака, изгнанный брат Поликрата Самосского. Этому-то Силосонту выпало великое счастье. Однажды, одетый в красный плащ, он прогуливался по рынку в Мемфисе. Увидел его Дарий, который, будучи телохранителем Камбиса, еще не имел тогда особого веса, и так прельстился плащом, что, подойдя к Силосонту, стал торговать плащ. А Силосонт, видя сильное желание Дария получить этот плащ, сказал (как бы по внушению некоего бога): "Я не продам его ни за что, но хочу тебе подарить, если уж ты непременно хочешь его иметь". Дарий был очень доволен и взял плащ.

140. Так вот, Силосонт думал тогда, что лишился плаща по простоте душевной. А через некоторое время, после кончины Камбиса, когда семь персов свергли мага и из этих семи Дарий был избран царем, тогда Силосонт узнал, что персидский престол достался тому самому человеку, которому он некогда подарил по его просьбе плащ. Так вот, Силосонт отправился в Сусы, сел перед вратами царского дворца и объявил, что он "благодетель" царя Дария. Услышав эти слова, страж дверей[437] передал их царю, и Дарий с удивлением сказал ему: "Кто этот эллин, которому я обязан благодарностью? Ведь я лишь недавно вступил на престол, и за это время едва ли какой-нибудь эллин посетил нас. Я ничем, так сказать, не обязан никому из эллинов. Впрочем, приведите его, и я посмотрю, чего он добивается своими словами". Страж дверей ввел Силосонта [в царские покои], и, когда тот предстал перед царем, толмачи спросили его, кто он и почему именует себя царским благодетелем[438]. Тогда Силосонт рассказал всю историю с плащом, добавив, что это он подарил царю плащ. На это Дарий ответил: "Благородный человек! Так это ты сделал мне подарок, когда я еще не имел власти? Правда, этот подарок незначительный, но моя благодарность будет такой же, как если бы теперь я получил откуда-нибудь великий дар. В награду я дам тебе без счета золота и серебра, чтобы тебе никогда не пришлось раскаиваться в том, что ты сделал добро Дарию, сыну Гистаспа". Силосонт же отвечал на это: "Не дари мне, царь, ни золота, ни серебра, но освободи и, пожалуй, мне родной город Самос, где ныне после убиения Оретом брата моего Поликрата властвует наш раб. Отдай мне этот город, но только без кровопролития и не обращая жителей в рабство".

141. Услышав эти слова, Дарий послал войско во главе с Отаном, одним из [тех] семи персов, и повелел ему сделать все, о чем просил Силосонт. Отан же прибыл к морю и снарядил войско для переправы.

142. А на Самосе тогда властвовал Меандрий, сын Меандрия, которому Поликрат вверил бразды правления. Этот Меандрий желал быть самым справедливым властителем, но ему не довелось стать таким. Когда пришла весть о кончине Поликрата, Меандрий сделал вот что. Сперва он велел воздвигнуть алтарь Зевсу Освободителю и окружил его священным участком (он еще и поныне находится перед городскими воротами на Самосе). Затем он созвал собрание полноправных граждан и сказал вот что: "Мне, как вам известно, Поликратом вверены скипетр и вся власть, и я мог бы стать ныне вашим царем. Однако я сам ни за что не стану делать того, что порицаю в моем ближнем. Я ведь не одобрял владычества

[437] См. выше, III 118 и прим. 92.

[438] "Благодетели" царя (оросанги, перс. "буварзака") - люди, имеющие заслуги перед государством и царем. Им жаловали земельные угодья.

Поликрата над людьми, равными ему, и порицаю всякого, кто творит подобные деяния. Так вот, Поликрата постигла участь, определенная Роком, а я передаю всю власть народу и провозглашаю свободу и равенство. Однако я вправе просить предоставить мне вот какие особые преимущества: во-первых, выплатить из сокровищ Поликрата в виде особой награды шесть талантов, а затем, сверх того, пожаловать на вечные времена жречество Зевса Освободителя мне и моим потомкам. Ведь я сам воздвиг ему святилище и даровал вам свободу". Так он объявил самосцам. А один из граждан встал и возразил ему: "Да, ты вовсе и не достоин быть нашим владыкой, так как ты подлой крови и сволочь. Ну-ка, лучше придумай, как дашь отчет в деньгах, которые присвоил".

143. Так сказал один из уважаемых самосских граждан, по имени Телесарх. А Меандрий понял, что если он выпустит власть из своих рук, то вместо него кто-нибудь другой станет тираном, и больше уже не думал отказываться от нее. Он возвратился в акрополь и приказал гражданам поодиночке явиться к нему якобы для того, чтобы представить им денежный отчет, а затем велел схватить их и заключить в оковы. Пока они находились в темнице, Меандрия поразил какой-то недуг. А брат его по имени Ликарет, ожидая смерти Меандрия, приказал казнить всех заключенных, чтобы легче [самому] захватить власть на Самосе. Ведь самосцы, видимо, не желали быть свободными!

144. Итак, когда персы [теперь] пришли на Самос, чтобы вернуть Силосонта, никто [из граждан] не поднял руки на них. Сторонники Меандрия и сам он объявили даже о согласии по договору покинуть остров. Отан согласился на это и заключил договор. Знатнейшие персы приказали выставить высокие сидения перед акрополем и воссели на них.

145. Был у тирана Меандрия полоумный брат по имени Харилай. Этот человек за какой-то проступок был посажен в подземелье. И вот, услышав о том, что происходит, он выглянул в окошко подземелья, увидел персов, мирно сидящих, и закричал Меандрию, что желает что-то сказать ему. Меандрий приказал снять с него оковы и привести к себе. Как только Харилая привели, он начал с бранью и поношением побуждать брата напасть на персов. Он говорил: "Негодяй! Меня, твоего брата, не совершившего ничего, достойного темницы, ты заключил в оковы и бросил в подземелье, а персов, которые тебя изгоняют и лишают крова, ты не смеешь покарать, хотя их так легко одолеть. Если же ты страшишься их, то дай мне этих наемников, и я отплачу персам за вторжение на Самос. А тебя самого я готов изгнать с нашего острова! ".

146. Так сказал Харилай, а Меандрий принял его предложение. Как мне думается, он все-таки не был настолько глуп, чтобы верить в победу своего войска над царским, но [поступил так] скорее из зависти к Силосонту, который должен был такой дешевой ценой получить во владение город невредимым. Поэтому он желал только раздражить персов и как можно более ослабить могущество Самоса и только тогда уже отдать его [персам]. Меандрий был совершенно уверен, что за потери, которые понесут, персы еще более озлобятся на самосцев, и знал, что ему-то самому вполне обеспечено бегство с острова, когда только захочет (он приказал ведь тайно выкопать подземный ход из крепости к морю). Так вот, сам Меандрий отплыл с Самоса, а Харилай, вооружив всех наемников, отворил крепостные ворота и неожиданно бросился на ничего не подозревавших персов, которые считали, что договор заключен и все улажено. Наемники напали на знатных персов и стали убивать их. Вот что делали наемники! А остальное персидское войско поспешило на помощь, и наемники, теснимые персами, были отброшены в крепость.

147. Когда же Отан, персидский военачальник, увидел, какой страшный урон понесли персы, он позабыл о повелении Дария при отъезде не убивать и не продавать в рабство ни одного самосца, но отдать остров Силосонту неразоренным. Поэтому, нарочно больше не думая об этом повелении, Отан приказал убивать всех, кто попадется, взрослых и детей. Часть персов принялась осаждать крепость, а другая – убивала всех встречных, кто искал убежища в святилище и вне его.

148. Меандрий же, которому удалось бежать с Самоса, отплыл в Лакедемон. Прибыв туда, он перевез в город бывшее с ним добро и сделал вот что. Он велел слугам выставить золотые и серебряные кубки и чистить их, а сам в это время беседовал и провожал домой Клеомена, сына Анаксандрида, царя Спарты. При виде драгоценных кубков изумленный Клеомен пришел в восхищение. Меандрий же сказал царю, что тот может взять себе сколько хочет кубков, и повторил это предложение несколько раз. Однако Клеомен как благороднейший человек не согласился взять предложенные подарки. Опасаясь, что Меандрий подкупит других граждан и все-таки получит [военную] помощь, царь пошел к эфорам и сказал им, что лучше всего для Спарты выслать из Пелопоннеса самосского чужестранца, чтобы тот не соблазнил его самого или других спартанцев на дурное дело. А эфоры послушались царя и приказали Меандрию удалиться.

149. Персы же, опустошив Самос, отдали обезлюдевший остров Силосонту. Однако позднее военачальник Отан вновь заселил остров. [Причина этого] – сновидение и некий недуг, поразивший его детородные части.

150. Во время похода персидского флота на Самос вавилоняне подняли восстание, прекрасно подготовленное. За время правления мага и заговора семи, в течение всего этого смутного времени, вавилоняне готовились к осаде и делали это, я полагаю, втайне. А когда началось открытое восстание, вавилоняне сделали вот что. Каждый выбрал себе по одной женщине (кроме матери), какую хотел; остальных же всех собрали вместе и задушили. А по одной женщине каждый оставил себе для приготовления пищи. Задушили же своих жен вавилоняне, чтобы не тратить на них пищи.

151. При известии о восстании Дарий выступил со всем войском против вавилонян. Подойдя к Вавилону, царь приступил к осаде города. А вавилонян осада вовсе не беспокоила: они поднимались на стенные зубцы и, кривляясь [и выкрикивая обидные слова], издевались над Дарием и его войском. Один из них сказал: "Что вы сидите здесь, персы, и бездельничаете? Убирайтесь-ка лучше восвояси! Только когда лошачиха ожеребится, возьмете вы наш город!". Так сказал какой-то вавилонянин в уверенности, что лошачиха никогда не жеребится.

152. Между тем прошел уже год и семь месяцев, и Дарий и все его войско были очень раздосадованы, что не могли взять Вавилон, несмотря на всяческие уловки и хитрости. Между прочим; царь пробовал также и хитрость, с помощью которой Кир некогда взял Вавилон, однако вавилоняне неусыпно несли стражу и перехитрить их он не мог.

153. Наконец на двадцатом месяце осады явилось Зопиру, сыну Мегабиза, – отец его был одним из семи мужей, свергнувших мага, – этому-то Мегабизову сыну Зопиру явилось диковинное знамение[439]. Одна из его вьючных лошачих ожеребилась. Когда Зопиру сообщили об этом, он сначала не хотел верить, но когда сам увидел жеребенка, запретил всем видевшим говорить об этом и стал обдумывать [знамение]. Он думал о предсказании вавилонянина, данном еще в начале [осады], именно, что город будет взят, когда лошачихи ожеребятся. Теперь-то, как думал Зопир, по этому предсказанию, Вавилон должен пасть: ведь вавилонянин изрек свое предсказание по внушению божества, а у него [также по божьему промыслу] ожеребилась лошачиха.

154. Так вот, Зопир решил, что отныне Вавилон уже обречен на гибель. Он пришел к Дарию и спросил, очень ли важно завоевать Вавилон. А когда Дарий подтвердил [важность этого], Зопир стал обдумывать, как ему совершить этот подвиг и предать город в руки Дария. Ведь персы выше всего чтят такие

[439] Рассказ Геродота основан на "истории Зопира", в основе которой лежат персидские народные сказания. Содержание новеллы неисторично. Из персидских источников известно, что Вавилон был взят дважды. .Первый раз (восстание Нидинту-Бела, сына последнего царя Набонида) его взял сам Дарий (18 декабря 522 г. до н.э.). Второй раз (восстание армянина Арахи) город был взят Индаферном (Виндафарна) 27 ноября 521 г. до н.э. Рассказ о мятеже Вавилона насыщен фольклорными мотивами и восходит к семейным преданиям персидского эмигранта Зопира, правнука Мегабиза.

доблестные подвиги. Зопир полагал, что может достичь цели только одним путем: именно, изувечить себя и затем перебежать к врагам. Тогда с легким сердцем он нанес себе неисцелимые увечья: отрезал нос и уши, безобразно остриг волосы и со следами ударов бича предстал перед Дарием.

155. А Дарий пришел в ужас, увидев так изувеченным столь почтенного человека. Царь с криком вскочил со своего трона и спросил, кто и почему так его изувечил. А Зопир отвечал: "Нет, кроме тебя, на свете человека, который имеет власть так поступить со мной. Не другой кто сделал это, государь, а я сам себя изувечил, потому что горько мне [терпеть] издевательства ассирийцев[440] над персами". А царь сказал ему в ответ: "Несчастный! Ты стараешься приукрасить свой ужасный поступок, утверждая, что так немилосердно изувечил себя ради осажденных. Разве, глупец, враги скорее сдадутся от того, что ты сам себя изувечил? Не сошел ли ты с ума, так искалечив себя?". А Зопир отвечал царю: "Если бы я открыл тебе мой замысел, ты не позволил бы мне [сделать] этого, [над собой]. Поэтому я так поступил на свой страх. Итак, если ты не откажешь в помощи, мы возьмем Вавилон. Я тотчас же перебегу в город и объявлю, что это ты нанес мне такие увечья. Я думаю, они поверят и поставят меня во главе войска. А ты на десятый день с того дня, как я уйду в город, поставь у гак называемых ворот Семирамиды 1000 человек из той части [войска], потеря которой тебе безразлична. На седьмой день после этого поставь еще 2000 человек у так называемых ворот Нина[441]. Затем обожди двадцать дней и пошли 4000 человек против так называемых Халдейских ворот. Ни те первые, ни эти воины не должны иметь при себе никакого другого оружия для защиты, кроме кинжалов. Кинжалы можно им оставить. Наконец, через двадцать дней прикажи всему остальному войску немедленно штурмовать стены со всех сторон. А персов поставь против так называемых Белских и Киссийских ворот. Не сомневаюсь, что, когда я совершу такие великие подвиги, вавилоняне, конечно, доверят мне не только всю защиту города, но даже ключи от ворот. А тогда уж – моя и персов забота, как завершить дело!".

156. После этого Зопир побежал к воротам, беспрестанно оглядываясь [назад], словно настоящий перебежчик. Стражи у ворот, заметив его с башен, спустились вниз, чуть приоткрыли створки ворот и спросили, кто он и зачем пришел. А тот отвечал, что он Зопир и хочет перейти к ним. Услышав такой ответ, привратники повели его к начальникам. Когда Зопир явился перед начальниками, то стал жаловаться, объявив, что увечье, которое на самом деле причинил он себе сам, нанес ему царь Дарий за то будто бы, что он дал совет [снять осаду] и увести войско, так как у царя нет возможности взять город. "И теперь, – сказал он, – я пришел вам на благо, а Дарию с войском – на погибель. Царь дорого поплатится за такие увечья. И знаю его тайные замыслы и хитрости!".

157. Так говорил Зопир, а вавилоняне, видя знатного перса с отрезанным носом и ушами и покрытого кровавыми рубцами от ударов плетей, вполне поверили, что он говорит правду и пришел к ним как друг и союзник. Они были готовы вверить ему все, о чем он ни попросит. А просил он себе отряд войска. Когда же получил его, то стал действовать так, как было условленно с Дарием. На десятый день Зопир вывел вавилонский отряд, окружил ту 1000 человек, что велел Дарию выставить на первый раз, и перебил их. А вавилоняне, убедившись, что слова перса не расходятся с делом, чрезвычайно обрадовались и готовы были во всем слушаться его. Тогда Зопир, выждав условленное число дней, снова вывел отборный отряд вавилонян и перебил 2000 воинов Дария. За этот новый подвиг вавилоняне осыпали Зопира похвалами, и его имя было у всех на устах. А Зопир опять, обождав назначенное число дней, вывел отряд в условленное место и, окружив персов, перебил 4000 человек. Теперь, после такого подвига, Зопир

[440] Здесь - вавилоняне.

[441] Через ворота Нина (северные) путь шел в ассирийскую столицу Ниневию (Нин). Ворота халдеев - южные. Киссийские ворота - северо-восточные, на пути в Киш (совр. Эль-Охеймир); ворота Бела - западные, к мосту через р. Евфрат.

добился всего: его сделали главным военачальником и комендантом крепости.

158. Когда же Дарий по условию приказал со всех сторон штурмовать стены, тут-то и открылся коварный замысел Зопира. На стенах вавилоняне отражали приступы Дариева войска, а Зопир открыл так называемые Киссийские и Белские ворота и впустил персов в крепость. Часть вавилонян увидела, что произошло, и бежала в храм Зевса Бела. Другие же не заметили этого и оставались на своем месте, пока не узнали о предательстве.

159. Так-то Вавилон был взят во второй раз. Дарий же, овладев Вавилоном, повелел, прежде всего, разрушить стены и сломать все ворота, чего Кир не сделал при первом взятии Вавилона. Затем царь приказал распять около 3000 знатнейших граждан. Остальному же населению он позволил жить в городе. А чтобы у вавилонян были жены и от них потомство (своих собственных жен, как я сказал уже, вавилоняне задушили, чтобы сберечь съестные припасы), Дарий сделал вот что. Он повелел соседним племенам послать своих женщин в Вавилон – каждому племени известное количество, так что, в общем, туда собралось 50000 женщин. От этих-то женщин и произошли нынешние вавилоняне.

160. По мнению Дария, никто из персов ни прежде, ни после не превзошел Зопира в доблести, кроме одного Кира (с ним ведь ни один перс не смеет себя сравнивать). А Дарий, по рассказам, говаривал, что предпочел бы видеть Зопира не изувеченным, чем владеть еще двадцатью Вавилонами. Царь окружил Зопира величайшим почетом. Ежегодно посылал ему дары, которые считаются в Персии самыми почетными[442], отдал ему в пожизненное управление Вавилон (без обложения податью) и осыпал другими почестями. У этого Зопира был сын Мегабиз, который сражался во главе персов в Египте против афинян и их союзников[443]. А у этого Мегабиза был сын Зопир, который приехал из Персии в Афины как перебежчик.Книга IV

МЕЛЬПОМЕНА

1. После завоевания Вавилона сам Дарий выступил в поход на скифов[444]. Так как Азия была тогда богата воинами и огромные средства стекались в страну, то царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию и за то, что скифы, победив своих противников-мидян, первыми нарушили мир. Ведь, как я уже сказал раньше[445], скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами[446], они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами.

2. Всех своих рабов скифы ослепляют[447]. [Поступают они так] из-за молока кобылиц, которое они пьют. Добывают же молоко скифы так: берут костяные трубки вроде свирелей и вставляют их во влагалища кобылиц, а затем вдувают ртом туда воздух. При этом один дует, а другой выдаивает кобылиц. Скифы поступают так, по их словам, вот почему: при наполнении жил воздухом вымя у кобылиц опускается. После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, скифы велят им взбалтывать молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат. Вот почему ослепляют всех захваченных ими пленников. Скифы ведь не землепашцы, а кочевники.

3. От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего, они оградили свою землю, выкопав широкий ров[448] от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли

[442] Например, одеяния царя или сбруя его коней.

[443] Ливийский царек Инар поднял восстание с помощью афинян в Египте. Мегабиз разбил Инара в битве при Мемфисе (456 г. до н.э.), Инар был взят в плен и казнен.

[444] В 514 г. до н.э.

[445] См. I 106.

[446] Движение киммерийцев было обусловлено давлением скифов, которых в свою очередь теснили массагеты (IV 11). Дарий не собирался мстить скифам за вторжение в Мидию, но хотел помешать их нападению на Мидию, через Дербентский проход. Для этого царь и предпринял поход против кочевий скифов в Южной России.

[447] Геродот передает здесь древнее скифское сказание. "Слепые рабы" - вероятно, название покоренных скифами народностей, быть может киммерийцев.

[448] "Это так называемый Киммерийский вал на совр. Керченском полуострове для защиты Боспора от кочевников.

одолеть противников; тогда один из них сказал так: "Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т. е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться".

4. Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, устрашенные этим, забыли о битвах и бежали. Итак, скифы были властителями Азии; затем после изгнания их мидянами они таким вот образом возвратились в родную страну. Вот за что Дарий пожелал наказать скифов и собрал против них свое войско.

5. По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша[449]. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему.

6. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами.

7. Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они думают, впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет[450]. Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают ему столько земли, сколько он может за день объехать на коне[451]. Так как земли у них было много, то Колаксаис разделил ее, по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото. В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению[452].

8. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут.

[449] Упомянутые Геродотом золотые предметы почитались скифами. Так, в кургане Гелермес найдена золотая секира, служившая, по-видимому, предметом культа.

[450] Тысячелетнее царство - восточное учение, распространенное также у римлян и этрусков.

[451] Ср. рассказ "Сколько человеку земли нужно" Л. Н. Толстого, сюжет которого навеян этой новеллой Геродота.

[452] Вероятно, Геродот имеет в виду метель и вьюгу.

Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

9. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы – полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя – змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: "Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?". Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: "Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и выполнишь мое желание".

10. С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей – Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу).

11. Существует еще и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)[453]. С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костьми в родной земле, чем спасаться бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они изведали в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной.

12. И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы; есть также и область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор. Спасаясь бегством от скифов в Азию,

[453] Известие Геродота о вторжении скифов (ок. 700 г. до н.э.) восходит к аккадским источникам. Теснимые массагетами, из совр. Западного Туркестана скифы проникли на южное побережье Каспийского моря, перешли Аракс и вторглись в южнорусские степи.

киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа[454]. Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны. Это последнее сказание передают одинаково как эллины, так и варвары.

13. Впрочем, Аристей, сын Каистробия из Проконнеса, в своей эпической поэме сообщает, как он, одержимый Фебом, прибыл к исседонам. По его рассказам, за исседонами обитают аримаспы – одноглазые люди; за аримаспами – стерегущие золото грифы, а еще выше за ними – гипербореи на границе с морем. Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря[455], под напором скифов покинули свою родину. Таким образом, рассказ Аристея не сходен со сказаниями скифов об этих странах.

14. Откуда происходил сочинитель этой поэмы Аристей, я уже сказал. Теперь сообщу также и то, что мне довелось слышать о нем в Проконнесе и Кизике. Как передают, Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он пришел в сукновальную мастерскую и там умер. Валяльщик запер свою мастерскую и пошел сообщить родственникам усопшего. По городу между тем уже пошла молва о смерти Аристея, но какой-то кизикенец из города Артаки оспаривал эту весть. По его словам, он встретил Аристея на пути в Кизик, и сам говорил с ним. Кизикенец настойчиво утверждал, что он прав. Родственники усопшего пошли между тем в сукновальню со всем необходимым для погребения. Но когда они открыли двери дома, то там не оказалось Аристея ни мертвого, ни живого. Через семь лет Аристей, однако, снова появился в Проконнесе и сложил свою эпическую поэму, которая теперь у эллинов называется "Эпос об аримаспах". Сочинив эту поэму, он исчез вторично.

15. Так рассказывают в этих городах. Я же знаю, что в Метапонтии в Италии через 240 лет после вторичного исчезновения Аристея произошло следующее (как я установил это, сравнивая происшествия в Проконнесе и Метапонтии). Аристей, по словам метапонтийцев, явился в их страну и повелел воздвигнуть алтарь Аполлону и возле него поставить статую с именем Аристея из Проконнеса. Ведь Аполлон пришел, говорил он, из всех италиотов только к ним одним [в их город Метапонтий], а в свите бога прибыл также и он сам – ныне Аристей. А прежде как спутник Аполлона он был вороном[456]. После этих слов Аристей исчез. Метапонтийцы же послали в Дельфы вопросить бога, что означает явление призрака этого человека. Пифия повелела им повиноваться призраку, так как это-де послужит им ко благу. Метапонтийцы послушались совета Пифии. И действительно, там еще и теперь стоит статуя с именем Аристея подле самого кумира Аполлона, а вокруг растут лавровые деревья. Кумир же бога воздвигнут на рыночной площади. Об Аристее достаточно.

16. Об областях севернее страны, о которой я начал свой рассказ, никто ничего определенного не знает. И я не видел ни одного человека, который сказал бы, что земли эти он знает как очевидец. Ведь даже сам только что упомянутый мною Аристей говорит в своей эпической поэме, что не заходил дальше страны исседонов; о землях севернее исседонов он передавал сведения по слухам, ссылаясь на рассказы исседонов. Впрочем, я расскажу в точности и как можно обстоятельнее все, что мне, хотя и понаслышке, довелось узнать об этих северных странах.

[454] Упомянутая здесь группа киммерийцев, по-видимому, раньше кочевала в Кубанской области, в то время как племена, кочевавшие в Южной России и в Крыму, проникли по западному побережью Черного моря до Геллеспонта и Боспора Фракийского.

[455] Здесь Черное море.

[456] Ворон - священная птица Аполлона.

17. Ближе всего от торговой гавани борисфенитов[457] (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов) обитают каллипиды – эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако, сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы[458]. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня. Это – племена по реке Гипанису к западу от Борисфена.

18. За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти земледельцы-скифы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа[459], а к северу – на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше их далеко тянется пустыня. За пустыней живут андрофаги – особое, но отнюдь не скифское племя. А к северу простирается настоящая пустыня, и никаких людей там, насколько мне известно, больше нет.

19. Восточнее этих скифов-земледельцев, на другой стороне реки Пантикапа, обитают скифы-кочевники; они вовсе ничего не сеют и не пашут. Во всей земле скифов, кроме Гилеи, не встретишь деревьев. Кочевники же эти занимают область к востоку на десять дней пути до реки Герра.

20. За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Их область к югу простирается до Таврики, а на восток – до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом[460]. Севернее этих царских скифов живут меланхлены – другое, не скифское племя. Севернее меланхленов, насколько мне известно, простирается болотистая и безлюдная страна.

21. За рекой Танаисом[461] – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом разной породы.

22. За будинами к северу сначала простирается пустыня на семь дней пути, а потом далее на восток живут фиссагеты – многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки[462]. Они также промышляют охотой и ловят зверя следующим образом. Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним. Над

[457] Город Ольвия. Геродот описывает торговый путь от устья совр. Днепра на север. Греки, по-видимому, поднимались вверх по Днепру до больших порогов ниже совр. Днепропетровска. Туда, вероятно, приходили купцы из Скандинавии для меновой торговли.

[458] Скифы-земледельцы (gevrgoq) названы так по созвучию их племенного названия (ВДИ, 1946, 2, стр. 42).

[459] Геродот описывает область между совр. Южным Бугом и низовьями Днепра.

[460] Главное скифское племя, по Геродоту, жило в области, ограниченной на западе совр. Днестром, на севере - р. Конской и Донцом, на востоке - Азовским морем. Южной границей Скифской области была горная цепь Тавр (Яйла). В Неаполе у совр. Симферополя раскопаны остатки резиденции скифских царей и в так называемом Золотом Кургане (525-500 гг.) найдены богатые скифские погребения.

[461] В основе описания устья Дона лежит, вероятно, какой-нибудь путеводитель по торговому пути из северного Причерноморья на Восток (в Центральную Азию).

[462] По В. В. Латышеву, иирки - предки мадьяр на севере Урала.

иирками к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю.

23. Вплоть до области этих скифов вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы. А оттуда земля уже твердая, как камень, и неровная[463]. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножия высоких гор обитают люди. Как передают, все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками[464]. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, понтик[465]. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием "асхи"[466]. Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхи они приготовляют в пищу лепешки. Скота у них немного, потому что пастбища там плохие. Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрышки. Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть. Имя этого народа – аргиппеи.

24. Страны до этих лысых людей и народы, живущие по сю сторону их, хорошо известны, так как к ним иногда приходят скифы. Ведь сведения о них можно легко получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов. Скифы же, когда приходят к аргиппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках.

25. Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, недоступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами – другие люди, которые спят шесть месяцев в году. Этому-то я уж вовсе не верю. Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны. Но о землях к северу от исседонов и лысых мы ничего не знаем, кроме того, что они сами рассказывают.

26. Об обычаях исседонов рассказывают следующее[467]. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество[468]. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами.

27. Итак, об исседонах у нас есть еще сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы.

[463] В соленых степях (древнее морское дно) на почве лежит кора, которую Геродот изображает твердой как камень.

[464] По С. Я. Лурье (История, стр. 100), "лысые" люди - предшественники современных башкир.

[465] Вероятно, Prunus padus L. (подорожник). Джунгары в северном Китае и теперь еще едят с молоком плоды этого дерева.

[466] Слово "асхи" (ачи) можно сравнить с древнетюркским "ачуг" (горький). У современных башкир есть кушанье "ахша" (С. Я. Лурье. История, стр. 100).

[467] Данное здесь описание почти соответствует описанию образа жизни массагетов (I 215-216). Вероятно, оба описания относятся к одному и тому же племени. Описание массагетов восходит к сообщениям аккадских купцов, приходивших к массагетам по дороге через Каспийское море, а греки от устья Дона посещали их соседей аргиппеев на совр. Сырдарье.

[468] Рассказ об убиении массагетами и исседонами стариков "вряд ли заслуживает доверия" (В. В. Струве. Этюды, стр. 30).

Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: "арима" у скифов значит единица, а "спу" – глаз.

28. Во всех названных странах зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер. Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва[469], выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов. Такие холода продолжаются в тех странах сплошь восемь месяцев, да и остальные четыре месяца не тепло. Вообще там погода совершенно отличная от других стран: когда в других местах дождливая пора, там дождей почти нет, а летом, напротив, очень сильные. Когда в других местах случаются грозы, здесь их не бывает, летом же они часты. Гроза зимой вызывает изумление, как чудо; так же и землетрясения (летом или зимой) в Скифии считаются диковиной. Лошади легко переносят такие суровые зимы, тогда как мулы и ослы их вовсе не выдерживают. В других странах, напротив, у лошадей на морозе замерзают суставы, ослам же и мулам стужа не вредит.

29. В силу этого, как я думаю, у тамошней породы безрогих быков и не бывает рогов. Это мое мнение подтверждает следующий стих Гомера в "Одиссее":

... и Ливию, где агнцы с рогами родятся,[470]

что совершенно правильно, так как в теплых краях рога быстро вырастают. Напротив, при сильных холодах у скота или совсем не бывает рогов, или только маленькие.

30. В Скифии это происходит от холода. Впрочем, меня удивляет, что по всей Элиде (этот мой рассказ ведь с самого начала допускает подобные отступления) не родятся мулы. Между тем страна эта вовсе не холодная и нет для этого никакой другой видимой причины. По утверждению самих элейцев, мулы не родятся у них в силу какого-то проклятия. Когда наступает пора оплодотворения, кобылиц пригоняют в соседнюю область и там случают с ослами, пока кобылицы не забеременеют. Потом кобылиц пригоняют назад.

31. Об упомянутых перьях, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и оттого, дескать, нельзя ни видеть вдаль, ни пройти, я держусь такого мнения. К северу от Скифской земли постоянные снегопады, летом, конечно, меньше, чем зимой. Таким образом, всякий, кто видел подобные хлопья снега, поймет меня; ведь снежные хлопья похожи на перья, и из-за столь суровой зимы северные области этой части света необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями. Вот сведения, которые у нас есть о самых отдаленных странах.

32. О гипербореях ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают; ведь иначе, пожалуй, и скифы рассказывали бы о них, как они рассказывают об одноглазых людях. Но все же у Гесиода есть известие о гипербореях; упоминает о них и Гомер в "Эпигонах" (если только эта поэма действительно принадлежит Гомеру).

33. Гораздо больше о гипербореях рассказывают делосцы. По их словам, гипербореи посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передает их все дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе[471]. Оттуда дары отправляют на юг: сначала они попадают к додонским эллинам, а дальше их везут к Малийскому заливу и переправляют на Евбею. Здесь их перевозят из одного города в другой вплоть до Кариста. Однако минуют Андрос,

[469] Т. е. к западу от Киммерийского вала.

[470] Одиссея IV. 85.

[471] Упомянутые здесь Геродотом связи этрусков и венетов Верхней Италии с племенами к северу от Альп были главным образом культовыми связями. На бронзовых сосудах из Верхней Италии находим изображения праздничных процессий, подобных описанным у Геродота.

так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос, а теносцы – на Делос. Так-то, по рассказам делосцев, эти священные дары, наконец, прибывают на Делос. В первый раз, говорят делосцы, гипербореи послали с дарами двоих девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гиперборейских горожан. Это те, кого теперь называют перфереями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гипербореи испугались, что посланцев всякий раз может постигнуть несчастье и они не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завернутые в пшеничную солому, на границу своих владений и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам. И вот таким образом, как передают, дары отправлялись и, наконец, прибывали на Делос. Мне самому известно, что и в других местах происходит нечто подобное со священными дарами. Так, фракийские и пеонийские женщины при жертвоприношениях Артемиде-Царице всегда приносят священные дары завернутыми в пшеничную солому.

34. И я точно знаю, что они так поступают. В честь этих гиперборейских девушек, скончавшихся на Делосе, девушки и юноши там стригут себе волосы[472]. Так, девушки перед свадьбой отрезают локон волос, обвивают им веретено и затем возлагают на могилу гипербореянок (могила эта находится в святилище Артемиды при входе с левой стороны; у могилы стоит маслина). Юноши же наматывают свои волосы на зеленую ветку и также возлагают на могилу. Такие почести жители Делоса воздают этим гиперборейским девушкам.

35. По рассказам делосцев, еще раньше Лаодики и Гиперохи из страны гипербореев мимо тех же народов прибыли на Делос две молодые женщины – Арга и Опис. Они несли Илифии священные дары, обещанные за быстрые и легкие роды. Как передают, Арга и Опис прибыли из гиперборейской страны вместе с самими божествами [Аполлоном и Артемидой], и делосцы им также воздают почести. В их честь делосские женщины собирают дары. В гимне, сочиненном ликийцем Оленом[473], женщины призывают их поименно. От делосцев переняли этот обычай жители других островов и ионяне: они также поют гимн, призывая Опис и Аргу, и собирают им священные дары. Этот Олен пришел на Делос из Ликии и сочинил также и другие древние гимны, которые поются на Делосе. Пепел от бедер жертвенных животных, сожженных на алтаре, они рассыпают на могиле Опис и Арги. Могила же их находится за святилищем Артемиды на восточной стороне в непосредственной близости от зала для пиров кеосцев.

36. Итак, о гипербореях сказано достаточно. Я не хочу ведь упоминать сказание об Абарисе[474], который, как говорят, также был гипербореем: он странствовал по всей земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался (в существование гипербореев я вообще не верю). Ведь если есть какие-то люди на крайнем севере, то есть и другие – на крайнем юге. Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли. Они изображают Океан обтекающим землю, которая кругла, словно вычерчена циркулем[475]. И Азию они считают по величине равной Европе. Поэтому я кратко расскажу о величине обеих частей света и о том, какую форму имеет каждая.

[472] Речь идет, вероятно, о древних обрядах инициации, которые совершались при переходе в зрелый возраст.

[473] Геродот раскрывает двойное происхождение делосского культа: во-первых, принесенный греками с Севера культ Аполлона и Артемиды и, во-вторых, почитание Аполлона как божества света, перенесенное из Ликии.

[474] Имя Абариса связывается с апарнами (кочевое племя на Алтае, впоследствии называвшееся аварами). Абарис жил якобы во времена Креза и обходил всю землю со стрелой - символом Аполлона.

[475] Или: "Словно выточена на токарном станке".

37. Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемого Красным[476]. К северу от них обитают мидяне, выше мидян – саспиры, выше саспиров – колхи, граничащие с Северным морем, куда впадает река Фасис. Эти четыре народности занимают область от моря до моря.

38. На западе отсюда в море выдаются от Азии два полуострова, которые я теперь опишу. Один – северный полуостров – берет начало от реки Фасиса и тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до троянского Сигея. На юге этот же самый полуостров простирается в море от Мириандинского залива в Финикии до Триопийского мыса. На этом полуострове живет тридцать народностей.

39. Это – один полуостров. Второй начинается у Персидской земли и тянется до Красного моря[477]. Он охватывает Персию, примыкающую к ней Ассирию и затем Аравию. Оканчивается этот полуостров у Аравийского залива (конечно, только по обычному делению), куда Дарий провел из Нила канал[478]. Итак, широкая равнина далеко простирается от Персии до Финикии. От Финикии же этот полуостров тянется вдоль Нашего моря через палестинскую Сирию и Египет, где он оканчивается. Только три народности обитают на этом полуострове.

40. Эта часть Азии лежит на запад от Персии. Выше персов, мидян, саспиров и колхов на восток простирается Красное море[479], а к северу – Каспийское и река Аракс, текущая на восток. Азия обитаема вплоть до Индии. Далее в восточном направлении тянется уже пустыня, и никто не может сказать, какова она[480].

41. Таковы очертания и величина Азии. Ливия же расположена еще на этом втором полуострове: ведь она уже непосредственно примыкает к Египту. У Египта этот полуостров очень узок, так как от берегов Нашего моря до Красного всего лишь 100000 оргий, т. е. около 1000 стадий. За этим узким местом полуостров, называемый Ливией, опять сильно расширяется.

42. Поэтому мне кажется странным различать по очертанию и величине три части света – Ливию, Азию и Европу (хотя по величине между ними различие действительно немалое). Так, в длину Европа простирается вдоль двух других частей света, а по ширине, думается, она и не сравнима с Азией и Ливией. Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Неко, царь Египта. После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикиян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы, пока не достигнут Северного моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикияне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу, и в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне[481].

43. Так впервые было доказано, что Ливия окружена морем. Впоследствии карфагеняне утверждали, что им также удалось обогнуть Ливию[482]. Зато Сатасп,

[476] Геродот, быть может, пользовался в этом рассказе древней аккадской картой мира, где центром мира была Ассирия.

[477] Здесь - Персидский залив.

[478] Этот соединительный канал Дарий велел прокопать между Нилом и Красным морем. Канал шел через совр. Вади-Тумилат и горькие озера и выходил в Красное море у теперешнего Суэца.

[479] Персидский залив.

[480] Сообщение Геродота показывает, что персидская держава простиралась тогда в Индии до восточного края пустыни Фар.

[481] По приказанию египетского царя Неко (609-593 гг.) финикияне обогнули мыс Доброй Надежды, при этом солнце было у них на правой стороне. На третий год они достигли Гибралтара и снова вошли в Средиземное море.

[482] Карфагенянин Ганнон около 520 г. до н. э. обогнул Африку. Он оставил описание своего

сын Теаспия, из рода Ахеменидов, посланный объехать Ливию, не смог этого сделать. Сатасп устрашился долгого плавания по водной пустыне и возвратился назад. Он не выполнил, таким образом, опасного поручения своей матери. Этот Сатасп оскорбил насилием девушку, дочь Зопира, Мегабизова сына. Царь Ксеркс хотел распять его за это на кресте. Но мать преступника, сестра Дария, упросила царя помиловать сына. По ее словам, она сумеет наказать Сатаспа еще более сурово, чем это сделал бы царь: сын ее должен плыть вокруг Ливии, пока снова не прибудет в Аравийский залив. Ксеркс согласился. Сатасп же прибыл в Египет, снарядил там корабль с египетскими корабельщиками и затем отплыл к Геракловым Столпам. Выйдя за Столпы, он обогнул Ливийский мыс под названием Солоент и потом взял курс на юг. Много месяцев плыл Сатасп по широкому морю, но путь был бесконечен. Поэтому Сатасп повернул назад и возвратился в Египет. Оттуда он прибыл к царю Ксерксу и рассказал следующее: очень далеко в Ливии им пришлось плыть мимо земли низкорослых людей в одежде из пальмовых листьев. Всякий раз, когда мореходы приставали к берегу, жители покидали свои селения и убегали в горы. Тогда персы входили в их селения, но не причиняли никому вреда, а только угоняли скот. Причиной же неудачи плавания вокруг Ливии Сатасп выставил следующее: корабль их не мог, дескать, идти дальше, так как натолкнулся на мель. Ксеркс, однако, не поверил правдивости этого рассказа. Он подверг Сатаспа прежнему наказанию: повелел распять на кресте за то, что тот не исполнил его царского приказа. Один евнух этого Сатаспа, как только услышал о казни своего господина, бежал с его огромными сокровищами на Самос. Сокровищами этими завладел один горожанин с Самоса. Имя его я знаю, но стараюсь забыть о нем.

44. Большая часть Азии стала известна при Дарии. Царь хотел узнать, где Инд впадает в море (это ведь единственная река, кроме Нила, где также водятся крокодилы). Дарий послал для этого на кораблях нескольких людей, правдивости которых он доверял. Среди них был и Скилак кариандинец. Они отправились из города Каспатира в Пактии и поплыли на восток вниз по реке до моря. Затем, плывя на запад по морю, на тридцатом месяце прибыли в то место (как я сказал выше)[483], Откуда египетский царь послал финикиян в плавание вокруг Ливии. После того как они совершили это плавание, Дарий покорил индийцев и с тех пор господствовал также и на этом море[484]. Таким-то образом было выяснено, что Азия (кроме восточной ее стороны) подобно Ливии окружена морем.

45. Омывается ли Европа морем с востока и с севера, никому достоверно не известно. Мы знаем лишь, что по длине она равна двум другим частям света. И я не могу даже понять, почему, собственно, трем частям света, которые являются одной землей, даны названия по именам женщин. Непонятно также мне, почему реки Нил и Фасис в Колхиде (по другим: река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, и киммерийский город Портмеи) образуют границу между ними. Нельзя выяснить имена тех, кто разграничил их и от кого взяты названия этих трех частей света. Ведь Ливия, как обычно думают в Элладе, получила свое имя от местной женщины Ливии, Азия же – от супруги Прометея. Впрочем, лидийцы также желают присвоить себе имя Азии. По их словам, Азия названа от Асия, сына Котия, внука Манеса, а не от супруги Прометея Асии. Поэтому и один из кварталов Сард называется Асиадой. Что до Европы, то никто из людей не знает, омывается ли она морем, откуда ее имя и кто ее так назвал. Или же нужно предположить, что эта страна получила свое имя от тирийской Европы (раньше ведь она была безымянной, как и другие части света). Но все же эта женщина Европа происходит из Азии и никогда не приходила в ту землю, которая теперь у эллинов называется

путешествия, греческая обработка которого сохранилась.

[483] См. выше. IV 42.

[484] Плавание Скилака стояло в связи с завоеваниями Дария в Индии. Персы покорили плодородную долину Инда. Персидское войско возвратилось сухим путем, а Скилак морем достиг южной Аравии, а оттуда прибыл в Красное море до теперешнего Суэца. Между Индией и южной Аравией издавна были оживленные торговые связи.

Европой. Она прибыла из Финикии только на Крит, а с Крита – в Ликию. Но об этом довольно. Я буду придерживаться общепринятых мнений.

46. Из всех стран, куда Дарий выступил походом, помимо скифских народностей, на Евксинском Понте обитают самые невежественные племена. Ведь по эту сторону Понта нельзя назвать ни одного просвещенного племени, и мы не встречаем у них ни одного знаменитого человека, кроме скифа Анахарсиса. Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?

47. Этой особенности скифов, конечно, благоприятствует их земля и содействуют реки. Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте. Я назову только самые известные реки и судоходные от моря в глубь страны. Прежде всего, это Истр с пятью устьями, затем Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакирис, Герр и Танаис. О течении этих рек надо сказать следующее.

48. Истр – самая большая из известных нам рек; зимой и летом она всегда одинаковой величины. Это – первая река Скифии на западе; она становится самой большой, и вот почему: в Истр впадают и другие реки, отчего он становится многоводным; из них пять протекают через Скифскую землю; та, которая у скифов зовется Пората, а у эллинов – Пирет; далее Тиарант, Арар, Напарис и Ордесс. Первая из названных рек – велика, течет на восток и сливает свои воды с Истром. Вторая, по имени Тиарант, имеет более западное направление и меньше первой. Арар же, Напарис и Ордесс протекают в промежутке между первыми двумя и впадают в Истр.

49. Эти притоки Истра берут начало в самой Скифии. Река же Марис течет из страны агафирсов и впадает в Истр. На севере с вершин Гема стекают три большие реки: Атлант, Аврас и Тибисис. Далее в Истр впадают текущие через Фракию и страну фракийских кробизов реки Африс, Ноес и Артанес. Затем из области пеонов и горы Родопы течет в Истр река Киос, пересекающая посредине Гем. Из Иллирии же течет река Ангр на восток в Трибаллскую равнину и впадает в реку Бронг, а Бронг – в Истр. Так Истр принимает обе эти большие реки. Из северной страны омбриков текут на север река Карпис и другая река – Альпис и также впадают в Истр. Ведь Истр течет через всю Европу, начинаясь в земле кельтов – самой западной народности в Европе после кинетов. Так-то Истр пересекает всю Европу и впадает в море на окраине Скифии.

50. Итак, оттого что воды названных рек и многих других вливаются в Истр, он становится величайшей рекой. Впрочем, Нил (если сравнить обе эти реки) сам по себе еще многоводнее. Действительно, в Нил не впадает никакой реки или источника, которые бы делали его полноводным. А то, что количество воды в Истре и летом и зимой одинаково, объясняется, видимо, следующим. Зимой воды этой реки достигают своего естественного уровня или немного выше, потому что в это время в тех странах только изредка выпадают дожди, но зато постоянно идет снег. Летом же глубокий снег, выпавший зимой, тает и отовсюду попадает в Истр. И вот этот-то талый снег стекает и наполняет реку, а также частые и обильные дожди (ведь дожди бывают там и летом). Насколько больше воды летом, чем зимой, притягивает к себе солнце, настолько Истр становится летом полноводнее, чем в зимнее время. Когда же одно возмещается другим, наступает равновесие.

51. Итак, Истр – первая река Скифии, за ней идет Тирас. Последний начинается на севере и вытекает из большого озера[485] на границе Скифии и земли невров. В

[485] Озеро, из которого вытекает, по Геродоту, Тирас, - болотистая область в истоках совр. р. Припяти. Эту область считали огромным озером.

устье этой реки живут эллины, называемые тиритами.

52. Третья река – Гипанис – берет начало в Скифии. Вытекает она также из большого озера, у которого пасутся дикие белые кони. Озеро это справедливо зовется "матерью Гипаниса". Река Гипанис по выходе из озера лишь короткое время – пять дней пути – остается еще пресной, а затем на четыре дня плавания, вплоть до моря, вода ее делается горько-соленой[486]. Ведь в нее впадает настолько горький источник, который, несмотря на незначительную величину, делает воду реки совершенно горькой (а ведь Гипанис больше многих рек). Источник этот находится на границе страны скифов и ализонов. Название источника и места, откуда он вытекает, по-скифски Эксампей, а на эллинском языке – Священные Пути. Тирас и Гипанис очень близко подходят друг к другу в земле аливонов; затем обе реки поворачивают в разные стороны и промежуток между ними расширяется.

53. Четвертая река – Борисфен – самая большая из этих рек после Истра. Эта река, как я думаю, не только из скифских рек наиболее щедро наделена благами, но и среди прочих рек, кроме египетского Нила (с Нилом ведь не сравнится ни одна река). Тем не менее, из остальных рек Борисфен – самая прибыльная река: по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота; в ней водится в больших количествах наилучшая рыба; вода приятна на вкус для питья и прозрачна (по сравнению с водой других мутных рек Скифии). Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, расстилается высокая трава. В устье Борисфена само собой оседает несметное количество соли. В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием "антакеи"[487] и есть много других диковин. С севера течение Борисфена известно на расстоянии сорока дней плавания от моря до земли Герра. Однако никто не может сказать, через области каких племен течет эта река дальше на север. До страны скифов-земледельцев она, очевидно, протекает по пустынной местности. Ведь скифы эти живут по берегам реки на десять дней плавания. Это – единственная река, да еще Нил, истоков которой я не могу указать (да, как думается мне, и никто из эллинов). Близ моря Борисфен – уже мощная река. Здесь к нему присоединяется Гипанис, впадающий в один и тот же лиман[488]. Клинообразная полоса земли между этими реками называется мысом Гипполая. На нем воздвигнуто святилище Деметры. Напротив святилища на Гипанисе живут борисфениты.

54. Таковы мои сведения об этих реках. За ними следует пятая река под названием Пантикап. Течет она также с севера и из озера. Между ней и Борисфеном обитают скифы-земледельцы. Пантикап протекает через Гилею, а затем, минуя ее, сливается с Борисфеном.

55. Шестая река – Гипакирис берет начало из озера, пересекает область скифов-кочевников и затем впадает в море у города Каркинитиды, оставляя на правой стороне так называемое Ахиллесово ристалище.

56. Седьмая река – Герр вытекает из Борисфена в том месте, до которого течение Борисфена известно. Ответвляется она в этом месте, а название ее, общее с местностью, – Герр. Течет эта река к морю, образуя границу между землями кочевых и царских скифов, и потом впадает в Гипакирис[489].

57. Наконец, восьмая река – Танаис. Она течет сверху, беря начало из большого озера, и впадает в еще большее озеро под названием Меотида (оно отделяет царских скифов от савроматов). В Танаис впадает другая река, по имени Сиргис.

58. Вот наиболее значительные реки, орошающие Скифию. Трава, растущая в Скифской земле, из всех известных нам трав больше всего вызывает разлитие желчи у скота. Вскрытие трупов животных убеждает в этом.

59. Таким образом, все важнейшие средства для жизни легко доступны скифам.

[486] Морская соленая вода с южным ветром далеко проникает в устье совр. Южного Буга.

[487] Быть может, белуга (Acipenser huso), достигающая иногда огромных размеров.

[488] Днепровский лиман (куда впадает совр. Днепр и Южный Буг), отделенный от моря Кинбурнской косой.

[489] Геродот смешивает здесь Гипакирис с какой-то другой рекой.

Что же до скифских обычаев, то они таковы. Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) – Папей, Гея – Апи, Аполлон – Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Фагимасад. У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения.

60. Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются вот так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не возжигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса.

61. Так как в Скифии чрезвычайно мало леса, то для варки мяса скифы придумали вот что. Ободрав шкуру жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем бросают в котлы местного изделия[490] (если они под рукой). Котлы эти очень похожи на лесбосские сосуды для смешения вина, но только гораздо больше. Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертв и на них производят варку. Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости. Кости отлично горят, а в желудках свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то приносящий жертву посвящает божеству часть мяса и внутренностей и бросает их перед собой на землю. В жертву приносят также и других домашних животных, в особенности же коней.

62. Таким-то образом и таких животных они приносят в жертву прочим богам. Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно.

63. Таковы обряды при жертвоприношениях у скифов. Свиней они не приносят в жертву и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране.

64. Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь[491]. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез

[490] Такие скифские котлы известны по археологическим находкам.

[491] Кровь убитого врага пьют для того, чтобы вместе с кровью всосать его "силу" (ср.: Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. II. М., 1928, стр. 85).

около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи[492]. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготовляют чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа, действительно, толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях.

65. Таковы военные обычаи скифов. С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши[493]. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними и когда перед судом царя один одержит верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным деянием.

66. Раз в год каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом.

67. У скифов есть много предсказателей. Гадают они с помощью множества ивовых прутьев следующим образом. Приносят огромные связки прутьев и кладут на землю. Затем развязывают пучки и каждый прут один за другим раскладывают в ряд и затем изрекают предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному и опять складывают. Этот способ гадания у них унаследован от предков[494]. Энареи – женоподобные мужчины – говорят, что искусство гадания даровано им Афродитой. Гадают они при помощи липовой мочалы. Мочалу эту разрезают на три части и полоски наматывают вокруг пальцев, а затем вновь распускают и при этом произносят предсказания.

68. Когда царя скифов поражает недуг, он велит привести к себе троих наиболее уважаемых предсказателей. Они гадают вышеупомянутым способом. Обычно предсказание изрекают приблизительно в таком роде: такой-то и такой-то из жителей (называя его по имени) принес-де ложную клятву богами царского очага (если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага). Обвиненного в ложной клятве тотчас хватают и приводят к царю. Предсказатели уличают его в том, что он, как это явствует после вопрошения богов, ложно поклялся богами царского очага и что из-за этого-де царь занемог. Обвиняемый с негодованием отрицает вину. Если он продолжает отпираться, то царь велит призвать еще предсказателей в двойном числе. Если и они после гадания также признают его вину, то этому человеку сразу же отрубают голову, а его имущество по жребию достается первым прорицателям. Напротив, в случае оправдания обвиняемого вторыми прорицателями вызывают все новых и новых прорицателей. Если же большинство их все-таки вынесет оправдательный приговор, то первых прорицателей самих присуждают к смерти.

69. Род казни прорицателей следующий. На запряженный быками воз наваливают доверху хвороста. Прорицателей со связанными ногами и скрученными за спиной руками запихивают в кучу хвороста. Хворост поджигают и

[492] Этот рассказ Геродота подтверждается находками в алтайских курганах.

[493] При этом обычае играют роль тотемистические представления.

[494] Связки прутьев употреблялись также в культовом ритуале мидян и персов,

затем пугают и погоняют быков. Нередко вместе с прорицателями в огне гибнут также и быки. Но все же, когда дышло обгорит, быкам иногда удается спастись, получив ожоги. Упомянутым способом прорицателей сжигают, впрочем, и за другие проступки, называя их лжепророками. Царь не щадит даже и детей казненных: всех сыновей казнит, дочерям же не причиняет зла.

70. Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши.

71. Гробницы царей находятся в Геррах (до этого Борисфен еще судоходен). Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селерея и аниса[495]. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше[496].

72. Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить; купленных же за деньги рабов у царя не бывает). Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину – на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бедер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами, затем натягивают уздечки и привязывают их к колышкам. Всех 50 удавленных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят[497].

73. Так скифы погребают своих царей. Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к

[495] Этот способ бальзамирования засвидетельствован также у алтайцев (Хиунг-ну). Кипер - растение Cyperus rotundus. Селерей - Apeит graveolens. Анис - Pimpinella anisum.

[496] Скифские курганы достигают значительных размеров. В погребальной камере находятся богатые золотые украшения, рядом с ней - место погребения убитых коней.

[497] Выставленные вокруг могилы стражи впоследствии заменялись каменными фигурами (алтайцы называли их "балбал").

друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело [очищают паровой баней], поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни.

74. В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля значительно превосходит лен. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготовляют из конопли даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит – льняные ли они или из конопли. А кто никогда не видел конопляной ткани, тот примет ее за льняную.

75. Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия[498]. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды. Затем полученным от растирания тестом обмазывают все свое тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блестит.

76. Скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, притом они сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских. Это ясно показала судьба Анахарсиса и потом Скила. Анахарсис повидал много стран и выказал там свою великую мудрость. На обратном пути в скифские пределы ему пришлось, плывя через Геллеспонт, пристать к Кизику. Кизикенцы в это время как раз торжественно справляли праздник Матери Богов[499]. Анахарсис дал богине такой обет: если он возвратится домой здравым и невредимым, то принесет ей жертву по обряду, какой он видел у кизикенцев, и учредит в ее честь всенощное празднество. Вернувшись в Скифию, Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом разной породы деревьев). Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны. Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донес царю Савлию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне еще скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи. Анахарсис, как я узнал от Тимна, опекуна Ариапифа, был дядей по отцу скифского царя Иданфирса, сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа. Если Анахарсис действительно происходил из этого царского дома, то да будет известно, что умертвил его родной брат. Ведь Иданфирс был сыном Савлия, а Савлий и был убийцей Анахарсиса.

77. Я слышал, впрочем, от пелопоннесцев и другой рассказ. Анахарсиса отправил в Элладу скифский царь в ученье к эллинам. По возвращении на родину Анахарсис сказал царю, что все эллины, кроме лакедемонян, стараются все узнать и стать мудрыми. Однако только с лакедемонянами можно вести разумную беседу. Рассказ этот, впрочем, – вздорная выдумка самих эллинов; во всяком случае,

[498] Изображенный здесь обычай являлся частью культового обряда. Сжигаемые в юрте стебли конопли производили дым, вызывавший опьянение. Находившиеся в юрте люди (и среди них шаманы) приходили в экстаз. "Вопли от удовольствия" - это, вероятно, песни шаманов, содержанием которых было нисхождение душ в подземное царство (ср. I 201).

[499] Оргиастические культы (Кибелы Великой Матери) проникли к скифам через Кизик.

Анахарсис погиб, как рассказано мною выше.

78. Так несчастливо окончил свою жизнь этот человек за то, что принял чужеземные обычаи и общался с эллинами. Много лет спустя Скилу, сыну Ариапифа, пришлось испытать подобную же участь. У Ариапифа, царя скифов, кроме других детей, был еще сын Скил. Он родился от матери-истриянки, а вовсе не от скифской женщины. Мать научила его говорить и писать по-эллински. Впоследствии через некоторое время Ариапифа коварно умертвил Спаргапиф, царь агафирсов, и престол по наследству перешел к Скилу вместе с одной из жен покойного отца, по имени Опия. Это была скифская женщина, от Ариапифа у нее был сын Орик. Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил образа жизни этого народа. В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милетянами), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам один входил в город и приказывал запирать городские ворота. Затем Скил снимал свое скифское платье и облачался в эллинскую одежду. В этом наряде царь ходил по рыночной площади без телохранителей и других спутников (ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде). Царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Месяц или даже больше он оставался в городе, а затем вновь надевал скифскую одежду и покидал город. Такие посещения повторялись неоднократно, и Скил даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку.

79. Печальная участь, однако, была суждена Скилу. А произошло это вот по какому поводу. Царь пожелал принять посвящение в таинства Диониса Вакха. И вот, когда предстояло приступить к таинствам, явилось великое знамение. Был у царя в городе борисфенитов большой роскошный дворец[500], обнесенный стеною (о нем я только что упомянул). Кругом стояли беломраморные сфинксы и грифоны. На этот-то дворец бог обрушил свой перун, и он весь погиб в пламени. Тем не менее, Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за вакхические исступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными. Когда царь, наконец, принял посвящение в таинства Вакха, какой-то борисфенит, обращаясь к скифам, насмешливо заметил: "Вот вы, скифы, смеетесь над нами за то, что мы совершаем служение Вакху и нас охватывает в это время божественное исступление. А теперь и ваш царь охвачен этим богом: он не только свершает таинства Вакха, но и безумствует, как одержимый божеством. Если вы не верите, то идите за мной и я вам покажу это!". Скифские главари последовали за борисфенитом. Он тайно провел их на городскую стену и посадил на башню. При виде Скила, проходившего мимо с толпой вакхантов в вакхическом исступлении, скифы пришли в страшное негодование. Спустившись с башни, они рассказали затем всему войску о виденном.

80. После этого по возвращении Скила домой скифы подняли против него восстание и провозгласили царем Октамасада, сына дочери Терея. Когда Скил узнал о восстании и о причине его, то бежал во Фракию. Октамасад же, услышав об этом, выступил походом на фракийцев. На Истре его встретили фракийцы. Войска готовились уже вступить в сражение, когда Ситалк послал к Октамасаду сказать следующее: "Зачем нам нападать друг на друга: ведь ты сын моей сестры, у тебя в руках мой брат. Отдай мне его, а я выдам тебе твоего Скила, но не будем подвергать взаимной опасности наши войска!". Это предложение Ситалк велел передать через глашатая. Так как у Октамасада действительно нашел убежище брат Ситалка, Октамасад принял предложение и выдал Ситалку своего дядю по матери, а взамен получил брата Скила. Ситалк принял своего брата и удалился с войском, а Октамасад велел тут же отрубить голову Скилу. Так крепко скифы

[500] Здесь первое упоминание о царских дворцах скифов. Впоследствии скифы построили дворец в Неаполе (на месте Симферополя).

держатся своих обычаев и такой суровой каре они подвергают тех, кто заимствует чужие.

81. Численность населения у скифов я не могу определить точно, так как получил об атом весьма различные сведения. Действительно, согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим – коренных скифов, собственно говоря, очень мало. Местные жители, однако, показывали мне вот что: между реками Борисфеном и Гипанисом существует местность под названием Эксампей. О ней я уже упоминал несколько раньше, говоря, что там есть источник горькой воды; вода его течет в Гипанис и делает воду этой реки негодной для питья. В этой местности стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в шесть раз больше сосуда для смешения вина, который Павсаний, сын Клеомброта, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт. Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда шесть пальцев. По словам местных жителей, сделан он из наконечников стрел. Один скифский царь, по имени Ариант, пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников этот медный сосуд и выставить в Эксампее. Вот сведения, которые я получил о численности скифов.

82. Кроме множества огромных рек, нет в этой стране больше ничего достопримечательного. Впрочем, помимо этих рек и обширного протяжения равнины, я должен упомянуть об одной диковине. В скале у реки Тираса местные жители показывают отпечаток ступни Геракла[501], похожий на след человеческой ноги длиной в 2 локтя. Таков этот след. Теперь я возвращусь к рассказу, начатому мною прежде.

83. Дарий готовился к походу на скифов и рассылал вестников к подвластным народам. Одним царь приказывал выставить войско, другим корабли, наконец, третьим построить мост через Фракийский Боспор. Артабан, сын Гистаспа, царский брат, настойчиво отговаривал царя от похода, указывая на недоступность скифской страны. Артабану, однако, не удалось убедить царя благоразумными советами, и он отступился. Дарий же, завершив все приготовления к походу, выступил из Сус.

84. Там Эобаз, один из персов, у которого было трое сыновей и все они должны были идти в поход, просил царя оставить хоть одного сына. Царь ответил, что он оставит ему как другу и скромному просителю всех трех сыновей. Эобаз весьма обрадовался в надежде, что все его сыновья будут освобождены от похода. Дарий же велел слугам умертвить всех его сыновей. И они, казненные, действительно остались там.

85. Дарий между тем выступил из Сус и прибыл в Боспор в Калхедонской области, где был построен мост. Затем царь вступил на корабль и отплыл к так называемым Кианейским скалам (эти скалы, по сказанию эллинов, прежде были "блуждающими")[502]. Там, сидя на мысе, Дарий обозревал Понт. Действительно, этим морем стоило полюбоваться, так как Понт – самое замечательное из всех морей. Длина его 11 100 стадий, а ширина в самом широком месте 3300 стадий[503]. Устье этого моря шириной 4 стадии, длина же устья или пролива (называемого Боспором)[504], через который был построен мост, около 120 стадий. Боспор простирается до Пропонтиды. Пропонтида же (шириной 500 стадий, а длиной

[501] Следы богов известны и в других местах, например на Цейлоне след Будды.

[502] Геродот имеет в виду здесь знаменитые по мифу об аргонавтах скалистые островки у выхода из Боспора, которые сталкивались и разбивали корабли, попадавшие между ними.

[503] Приводимые Геродотом цифры совершенно не сходятся с данными о величине Черного моря, известными из древней географии.

[504] Северный вход в Боспор шириной в 4,7 км. Самое узкое его место, где Дарий велел построить мост, лежит у совр. Румели-Хиссар (ширина здесь 660 м); длина Боспора 31,7 км.

1400) впадает в Геллеспонт; ширина его в самом узком месте 7, а длина 400 стадий[505]. Впадает Геллеспонт в открытое море, называемое Эгейским.

86. Измерил я эти моря следующим образом: в летний день обычно корабль проходит до 70 000 оргий, а ночью – 60 000. Между тем оба устья Понта до Фасиса (здесь длина Понта наибольшая) 9 дней морского пути и 8 ночей. Это составляет 1 110 000 оргий, или 11 100 стадий. А от страны синдов, где ширина Понта наибольшая, до Фемискиры на реке Фермодонте 3 дня и 2 ночи плавания, что составляет 300 000 оргий, или 3300 стадий. Так я измерил этот Понт, Боспор и Геллеспонт, и их величина такова, как я указал выше. В этот Понт изливается еще озеро величиной немного меньше его самого. Оно называется Меотидой и Матерью Понта.

87. После обозрения Понта Дарий отплыл назад к мосту, строителем которого был Мандрокл самосец. Затем, обозрев и Боспор, царь повелел воздвигнуть на берегу два столпа из белого мрамора и на одном высечь ассирийскими письменами[506], а на другом эллинскими имена всех народов, которых он вел с собой, а предводительствовал он над всеми подвластными народами. Численность пеших и конных воинов составляла (кроме экипажа) 700000 человек. Кораблей же было 600. Впоследствии же византийцы привезли столпы в свой город и употребили их на постройку алтаря Артемиды Орфосии. Только одна каменная глыба осталась у храма Диониса в Византии, на ней были ассирийские письмена. Место на Боспоре, где Дарий повелел построить мост, находится, как я полагаю, между Византием и храмом у входа в Боспор.

88. Дарий остался весьма доволен сооружением моста и строителя его Мандрокла самосца осыпал дарами. На часть этих богатств Мандрокл велел написать картины с изображением всего строительства моста через Боспор; на берегу сидящим на троне был изображен Дарий и его войско, переходящее по мосту через Боспор. Картину эту Мандрокл посвятил в храм Геры на Самосе со следующей надписью:

Чрез многорыбный Боспор перекинув мост, посвятил я Гере картину сию в память о мосте, Мандрокл. Славу самосцам стяжал, себе же венец лишь почетный, Царскую волю свершив, Дарию я угодил.

89. Такой памятник оставил строитель моста. Дарий же, одарив Мандрокла, начал переправу в Европу. Ионянам он повелел плыть в Понт до устья реки Истра, а затем по прибытии к Истру построить мост через реку и ожидать его там (ибо корабли вели ионяне, эолийцы и геллеспонтийцы). Итак, флот прошел через Кианеи и взял курс прямо к Истру. Затем, поднявшись по реке на два дня плавания от моря, мореходы приступили к сооружению моста на "шее" реки, где Истр разделяется на гирла. Дарий же переправился по мосту через Боспор и затем, пройдя через Фракию, прибыл к истокам реки Теара, где стоял станом три дня.

90. По словам окрестных жителей, Теар – наиболее замечательная река: наряду с другими целебными свойствами вода ее исцеляет чесотку у людей и коней. У этой реки 38 источников: одни – горячие, другие – холодные, но все вытекают из одной и той же скалы. Источники эти находятся на одинаковом расстоянии двухдневного пути от города Герея у Перинфа и от Аполлонии на Евксинском Понте[507]. Этот Теар впадает в реку Контадесд, Контадесд – в Агриану, Агриана – в Гебр, а Гебр, наконец, – в море у города Эноса.

91. Дарий прибыл к этой реке и остановился станом на берегу. Обрадовавшись реке, царь повелел и там воздвигнуть столп с надписью, гласившей: "Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов наилучший и самый доблестный из всех людей – Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего азиатского материка". Эту надпись царь повелел вырезать на

[505] Длина Геллеспонта приблизительно 60 км, а ширина в самом узком месте 1350 м.

[506] Т. е. клинописным письмом, которое употреблялось для царских надписей на эламском, аккадском и древнеперсидском языках.

[507] Расстояние между обоими городами в действительности больше.

столпе.

92. Отсюда Дарий двинулся дальше и достиг другой реки под названием Артеск, которая течет через землю одрисов. По прибытии к этой реке царь сделал следующее. Указав своему войску место, он повелел, чтобы каждый воин, проходя мимо, положил туда камень. Когда воины выполнили царское повеление, Дарий двинулся дальше, оставив на месте огромные груды камней.

93. Не доходя еще до Истра, Дарий сперва покорил гетов, которые считают себя бессмертными. Фракийцы же из Сальмидесса и живущие севернее Аполлонии и города Месамбрии, называемые скирмиадами и нипсеями, подчинились Дарию без боя[508]. Однако геты, самые храбрые и честные среди фракийцев, оказали царю вооруженное сопротивление, но тотчас же были покорены.

94. Что касается веры гетов в бессмертие, то она состоит вот в чем. По их мнению, они не умирают, но покойник отходит к богу Салмоксису (иные зовут его также Гебелейзисом). Каждые пять лет геты посылают к Салмоксису вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время. Посылают же вестника они так. Выстроившись в ряд, одни держат наготове три метательных копья, другие же хватают вестника к Салмоксису за руки и за ноги и затем подбрасывают в воздух, так что он падает на копья. Если он умирает, пронзенный копьями, то это считается знаком божьей милости, если же нет, то обвиняют самого вестника. Его объявляют злодеем, а к богу отправляют затем другого человека. Тем не менее поручения ему дают еще при жизни. Эти же самые фракийские племена во время грозы, когда сверкает молния, пускают стрелы в небо и угрожают богу, так как вовсе не признают иного бога, кроме своего.

95. Впрочем, как я слышал от эллинов, живущих на Геллеспонте и на Понте, этот Салмоксис был человеком, рабом на Самосе, а именно рабом Пифагора, сына Мнесарха. Потом, став свободным, приобрел великое богатство и с ним возвратился на родину. Фракийцы влачили тогда жалкое существование и были несколько глуповаты. Салмоксис познакомился с ионийским образом жизни и обычаями, более утонченными, чем фракийские, так как ему пришлось общаться с величайшим эллинским мудрецом Пифагором. Салмоксис велел устроить обеденный покой для мужчин, куда приглашал на угощение знатнейших горожан. При этом он доказывал друзьям, что ни сам он, ни они – его гости и даже их отдаленные потомки никогда не умрут, но перейдут в такую обитель, где их ожидает вечная жизнь и блаженство. Между тем, устраивая упомянутые угощения с такими речами, Салмоксис велел соорудить для себя подземный покой. Когда этот покой был готов, Салмоксис исчез из среды фракийцев, спустился в подземелье и там жил три года. Фракийцы же страстно тосковали по нем и оплакивали как умершего. На четвертый год, однако, Салмоксис вновь явился фракийцам, и те, таким образом, уверовали в его учение.

96. Вот что совершил Салмоксис, по словам фракийцев. Что до меня, то я и не отвергаю рассказа о нем и о подземелье, но и не слишком-то в это верю. Все же я полагаю, что этот Салмоксис жил за много лет до Пифагора. Впрочем, был ли вообще Салмоксис человеком или каким-либо местным божеством гетов, не будем больше говорить о нем.

97. Таковы были верования гетов, когда их покорили персы и они должны были присоединиться к остальному войску в походе. Между тем Дарий с сухопутным войском подошел к Истру. После перехода всех воинов на другой берег он повелел ионянам вместе с экипажами кораблей уничтожить мост и следовать за ним по суше. Выполняя повеление царя, ионяне уже собирались разрушить мост. Тут Кой, сын Эрксандра, стратег митиленцев, осведомившись сперва у царя, угодно ли ему выслушать совет человека, желающего его дать, сказал следующее: "Царь! Ты ведь собираешься в поход на страну, где нет ни вспаханного поля, ни населенного

[508] Из названий покоренных Дарием племен можно заключить, что царь шел не через совр. Шипкинский перевал, а по прибрежному пути через совр. Добруджу.

города. Так прикажи оставить этот мост на месте и охрану его поручи самим строителям. Если все будет хорошо и мы найдем скифов, то у нас есть возможность отступления. Если же мы их не найдем, то, по крайней мере, хоть обратный путь нам обеспечен. Меня вовсе не страшит, что скифы одолеют нас в бою, но я боюсь только, что мы их не найдем и погибнем во время блужданий. Скажут, пожалуй, что я говорю это ради себя, именно оттого, что желаю остаться здесь. Напротив, я сам, конечно, пойду с тобой и не желал бы оставаться". Дарий весьма милостиво принял этот совет и ответил Кою так: "Друг мой, лесбосец, когда я благополучно возвращусь на родину, пожалуйста, явись ко мне, чтобы я мог вознаградить тебя за добрый совет благодеяниями".

98. После этих слов Дарий завязал на ремне 60 узлов. Затем он вызвал ионийских тиранов на совещание и сказал им следующее: "Ионяне, прежнее мое приказание о мосте я отменяю. Возьмите этот ремень и поступайте так: как только увидите, что я выступил против скифов, начиная с этого времени развязывайте каждый день по одному узлу. Если я за это время не возвращусь, а дни, указанные узлами, истекут, то плывите на родину. Пока же, так как я переменил свое решение, стерегите мост и всячески старайтесь его сохранить и уберечь. Этим вы окажете мне великую услугу". Так сказал Дарий и поспешил с войском дальше.

99. Фракия дальше Скифии выдается вперед к морю. Скифия же начинается за Фракией в том месте, где море образует залив и где Истр впадает в море (устье Истра обращено на юго-восток). Я сейчас опишу прибрежную полосу – собственно Скифии, начиная от Истра, для определения ее длины. Это – исконная Скифия, она начинается от устья Истра, обращена к югу и простирается до города, называемого Каркинитидой. Отсюда идет гористая страна, лежащая вдоль того же моря. Она выдается в Понт и населена племенем тавров вплоть до так называемого Херсонеса Скалистого[509]. Херсонес этот на востоке выступает в море. Подобно Аттике две четверти границ Скифской земли (на юге и на востоке) окружены морем. Тавры живут в части Скифии, соответствующей Аттической земле, как если бы не афиняне, а другое племя в Аттике занимало мыс Суний, выступающий дальше в море, т. е. пространство от Форика до селения Анафлиста[510]. Я сравниваю это, насколько можно сравнить малое с великим. Так же обстоит и с Таврией. Тому же, кто не плавал мимо этого мыса Аттики, я разъясню на другом примере. Тавры обитают в этой части Скифии так, как если бы в Иапигии другое племя, а не иапиги отрезало бы для себя землю от гавани Брентесия до Таранта и населяло бы полуостров. Кроме этих двух стран, я мог бы назвать еще много других, на которые похожа Таврия.

100. За таврами опять живут скифы, частично дальше на восток на морском побережье, а частью на западе Киммерийского Боспора и озера Меотиды до реки Танаиса, которая впадает в это озеро в самом дальнем его углу[511]. Северные части Скифии, простирающиеся внутрь материка, вверх по Истру, граничат сначала с агафирсами, затем с неврами, потом а андрофагами и, наконец, с меланхленами[512].

101. Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией. Ибо от устья Истра до Борисфена 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды еще 10 дней и затем от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в

[509] "Скалистый Херсонес" - Крымское побережье до совр. Керченского пролива.

[510] Геродот сравнивает здесь два пункта, лежащие на одной широте на южной оконечности Аттики.

[511] Т. е. восточное побережье совр. Керченского полуострова и западный берег Азовского моря до устья Донца и Дона.

[512] Северную границу Скифской области можно определить лишь приблизительно. На западе страны скифов начиналась область агафирсов, затем шла область невров, далее область так называемых андрофагов до Днепра выше совр. Днепропетровска и, наконец, к востоку от Днепра и севернее р. Конской до Азовского моря - область меланхленов.

200 стадий. Таким образом, поперечные стороны [четырехугольника] Скифии составляют 40000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка,– еще столько же. Такова величина этой области.

102. После совещания скифы убедились, что они одни не в состоянии отразить полчища Дария в открытом бою и отправили послов к соседним племенам. Цари последних уже собрались на совет, чтобы обдумать, как им поступить ввиду вторжения такого огромного войска. На совещании присутствовали цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов.

103. У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибивают к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения[513]. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной.

104. Агафирсы – самое изнеженное племя. Они обычно носят золотые украшения и сообща сходятся с женщинами, чтобы всем быть братьями и как родные не завидовать и не враждовать между собой. В остальном их обычаи схожи с фракийскими.

105. У невров обычаи скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов[514]. Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик[515]. Меня эти россказни, конечно, не могут убедить; тем не менее, так говорят и даже клятвенно утверждают это.

106. Среди всех племен самые дикие нравы у андрофагов. Они не знают ни судов, ни законов и являются кочевниками. Одежду носят подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в той стране.

107. Все меланхлецы носят черные одежды, отчего и происходит их название. Нравы у них скифские.

108. Будины – большое и многочисленное племя; у всех их светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища[516]. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на

[513] Богиня Дева обычно отождествляется с Артемидой.

[514] Геродот сообщает древнюю скифскую легенду о переселении скифов. Змея в народной мифологии - воплощение злого начала - символизирует враждебных пришельцев, которые изгнали невров из их мест обитания.

[515] Волк - тотемное животное невров, с которым они считали себя в родстве. Сообщение об оборотничестве относится к культовому празднику, участники которого носили волчьи шкуры и маски.

[516] Геродот описывает скифские лесные "городища", которые часто находят теперь археологи.

эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной.

109. Будины – коренные жители страны – кочевники. Это – единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками[517]. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно. Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой[518]. Мехом этих зверей будины оторачивают свои шубы, а яички бобров применяют как лечебное средство против болезней матки[519].

110. О савроматах рассказывают следующее[520]. Эллины вели войну с амазонками[521] (скифы называют амазонок "эорпата", что по-эллински означает мужеубийцы; "эор" ведь значит муж, а "пата" – убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на Миф об амазонках распространился в связи с отмеченными уже древними у некоторых скифских племен следами матриархата. Подобные же обычаи засвидетельствованы у карийцев, ликийцев и лидийцев. эллинов и перебили [всех] мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убиения мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали, наконец, к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

111. Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амазонок были им незнакомы. И скифы недоумевали, откуда амазонки явились, и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те; если амазонки начнут их преследовать, то они не должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

112. Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем.

113. В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставал амазонку

[517] Эта ошибка Геродота возникла, быть может, оттого, что в названии племени содержалось слово "белка", которая называлась на языке племени "поедатель сосновых шишек". "Белка" как имя племени встречается у алтайских народностей (ср. китайское название одного кочевого племени "тинг-линг", указывающее также на слово "белка").

[518] Здесь ошибка переписчика: вместо τετρ[γϖνοζ (четырехугольный) надо читать τ[ρανδοζ (лось). Лоси и бобры жили в области будинов на Дону.

[519] "Бобровая струя" получалась вовсе не из яичек бобра. Являясь продуктом особой железы (как самца, так и самки бобра), она служила средством против судорог.

[520] По сказанию, переданному Геродотом, часть позднейших савроматов прибыла из области современной турецкой гавани Самсун морским путем в Северокубанскую область и здесь смешалась со скифскими племенами.

[521]

одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

114. После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда, наконец, они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: "У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами и других у нас не будет". На это амазонки ответили так: "Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе".

115. Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: "Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране: ведь ради нас вы лишились ваших отцов, и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом".

116. Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида[522]. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

117. Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай.

118. Итак, скифские посланцы прибыли в собрание царей упомянутых племен. Они сообщили, что персидский царь, покорив все племена в другой части света, построил мост на перешейке Боспора и переправился на этот материк. Затем царь подчинил фракийцев и навел мост через реку Истр. Теперь он желает завоевать все их земли. "Вам никоим образом не следует держаться в стороне,– говорили послы,– и допустить нашу гибель. Давайте выступим единодушно навстречу врагу. Если вы не сделаете так, то нам придется покинуть нашу страну или же, оставаясь здесь, добровольно подчиниться захватчику. Что же нам делать, если вы не пожелаете помочь? И вам от этого не станет легче. Ведь персидский царь выступил в поход против нас, так же как и против вас. Покорив нас, он не успокоится и не пощадит и вас. Мы дадим вам важное доказательство наших слов. Ведь если бы персидский царь выступил только против нас одних, чтобы отомстить за прежнее порабощение, то ему пришлось бы, оставив в покое все прочие народы, прямо идти на нашу страну. Тогда всем было бы ясно, что он идет

[522] Из сообщения Геродота получается, что Танаисом он считал совр. Донец, а нижнее течение Дона вплоть до устья Донца - продолжением Азовского моря. Дон весной разливается при устье на 10 км.

на скифов, а не против других народов. Ведь лишь только царь переправился на наш материк, он подчинил все народности на своем пути. Все остальные фракийские племена уже в его руках, в том числе и соседние с нами геты".

119. После этого сообщения скифов, прибывшие сюда цари племен стали держать совет. Мнения участников разделились: цари гелонов, будинов и савроматов пришли к согласию и обещали помочь скифам. Цари же агафирсов, невров, андрофагов, а также меланхленов и тавров дали скифам такой ответ: "Если бы вы прежде не нанесли обиды персам и не начали войны с ними, тогда мы сочли бы вашу просьбу правильной и охотно помогли бы вам. Однако вы без нашей помощи вторглись в землю персов и владели ею, пока божество допускало это. Теперь это же божество на их стороне, и персы хотят отплатить вам тем же. Мы же и тогда ничем не обидели этих людей и теперь первыми вовсе не будем враждовать с ними. Если же персы вступят и в нашу страну и нападут на нас, то мы не допустим этого. Но пока мы этого не видим, то останемся в на шей стране. Нам кажется, что персы пришли не против нас, а против своих обидчиков".

120. Получив такой ответ, скифы решили не вступать в открытое сражение с персами (так как эти соседи не пожелали им помочь). Скифы стали медленно отступать, угоняя скот, засыпая колодцы и источники и уничтожая траву на земле. Свое войско они разделили на два отряда. К первому отряду под предводительством царя Скопасиса присоединились савроматы. Отряд этот в случае нападения персов на эту область должен был отступать прямо к реке Танаису вдоль озера Меотида. Если же персы повернут назад, то преследовать их. Это войско принадлежало первой из трех частей скифского царства и получило приказание идти указанным путем. Два других царства – великое царство под властью Иданфирса и третье, царем которого был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, должны были также медленно отступать, держась на расстоянии дневного перехода от персов, и таким образом выполнить военный план. Прежде всего, нужно было заманить персов в земли тех племен, которые отказались от союза со скифами, чтобы вовлечь и их в войну с персами, Если они не пожелали добровольно выступить против персов, то их надо было заставить воевать против воли. После этого им пришлось бы вернуться в свою землю и напасть на персов, если бы это оказалось разумным.

121. Приняв такое решение, скифы выступили против войска Дария, выслав вперед головной отряд лучших всадников. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания количества голов, они отправили вперед с приказанием все время двигаться на север.

122. После этого обоз выступил вперед. Головной отряд скифов встретил персов на расстоянии около трехдневного пути от Истра. Скифы опередили врагов на дневной переход и расположились станом, уничтожая всю растительность. Лишь только персы заметили появление скифской конницы, они начали двигаться по следам врагов, которые все время отступали. Затем персы напали на одну из частей скифского войска и преследовали ее в восточном направлении к реке Танаису[523]. Скифы перешли реку Танаис, а непосредственно за ними переправились и персы и начали дальнейшее преследование, пока через землю савроматов не прибыли в область будинов.

123. Пока путь персов шел через Скифию и Савроматию, они не могли опустошать местность, так как она была бесплодной. Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окруженный деревянной стеной. Будины бежали, город опустел и персы предали его огню. После этого персы продолжали следовать все дальше за отступающим противником, пока, пройдя через эту страну, не достигли пустыни. Пустыня эта совершенно необитаема, расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на семь дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты. Из их земли текут четыре большие реки через область меотов и впадают в так называемое озеро Меотиду. Названия этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис.

[523] Здесь совр. Донец.

124. Дойдя до пустыни, Дарий с войском остановился станом на реке Оаре. Затем царь приказал построить восемь больших укреплений на равном расстоянии – около 60 стадий друг от друга. Остатки этих укреплений сохранились еще до нашего времени. Пока царь занимался этим сооружением, преследуемые им скифы обошли его с севера и возвратились в Скифию. При внезапном исчезновении скифов Дарий велел оставить наполовину завершенные постройки и, так как скифы больше не появлялись, повернул на запад. Царь предполагал, что перед ним находится все скифское войско и что скифы бежали на запад.

125. Дарий шел с войском весьма быстро и, прибыв в Скифию, встретил там оба отряда скифского войска. Столкнувшись с врагами, царь начал преследование, причем скифы опережали его на один день пути. И так как Дарий не прекращал преследования, то скифы, согласно своему военному плану, стали отступать во владения тех племен, которые отказали им в помощи, и, прежде всего – в страну меланхленов. Вторжение персов и скифов устрашило меланхленов. Затем скифы начали завлекать врага в область андрофагов. Устрашив и этих, они стали отступать в землю невров. После этого, наведя страх и на невров, скифы отступили к агафирсам. Агафирсы увидели, как их соседи бежали в страхе перед скифами и послали глашатая, прежде чем те проникли в их землю, с запрещением вступать в их пределы. Агафирсы заявили скифам, что если те все же посмеют вторгнуться в их страну, то им придется сначала выдержать смертельный бой с ними – агафирсами. После этого агафирсы выступили с войском к своим границам, чтобы отразить нападение. Меланхлены же, андрофаги и невры не осмелились оказать сопротивление персам и скифам. Забыв о своих угрозах, они в страхе бежали все дальше на север в пустыню. Скифы же не пошли в страну агафирсов, так как те не желали их пропускать, а стали заманивать персов из страны невров в свою землю.

126. Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: "Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры".

127. На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: "Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это [я сказал] о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров – земли и воды – я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!". Таков был ответ скифов.

128. С этим сообщением глашатай отправился к Дарию. Цари же скифов, услышав слово "рабство", пришли в негодование. Они послали часть войска, в которой находились савроматы под начальством Скопасиса, для переговоров с ионянами, которые охраняли мост через Истр. Остальные решили не завлекать дальше персов, а нападать на них, когда те выходили на поиски пищи. Выполняя это решение, скифы подстерегали воинов Дария, когда те добывали себе пищу. Скифская конница постоянно обращала в бегство вражескую конницу. Бегущие персидские всадники нападали на своих же пехотинцев, которые являлись к ним на помощь. Тогда скифы, отбив нападение конницы, поворачивали назад из страха перед пехотинцами. Подобные же нападения скифы производили и по ночам.

129. Теперь я расскажу о весьма удивительном явлении, которое благоприятствовало персам и мешало скифам при их нападениях на стан Дария, именно о реве ослов и о виде мулов. Ведь, как я уже раньше заметил, во всей Скифской земле из-за холодов вообще не водятся ослы и мулы. Поэтому-то ослиный рев приводил в смятение скифскую конницу. Нередко во время нападения на персов скифские кони, заслышав ослиный рев, в испуге поворачивали назад: в изумлении они поднимали уши, так как никогда прежде не слыхивали таких звуков и не видывали подобной породы животных. Впрочем, это обстоятельство лишь короткое время помогало персам на войне.

130. Скифы же, замечая замешательство персов, поступали следующим образом, стараясь как можно дольше удержать персов в своей стране и терзая их нуждой и лишением всего необходимого. Скифы оставляли часть своих стад вместе с пастухами, а сами уходили в другое место. Персы же приходили, захватывали скот, каждый раз при этом гордясь своей удачей.

131. Это повторялось часто, пока, в конце концов, Дарий не оказался в затруднительном положении. Скифские цари, проведав об этом, отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, должны сами понять значение этих даров.

132. Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему [в знак покорности] землю и воду, так как-де мышь живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами; лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий (один из семи мужей, которые низвергли мага). Он объяснял смысл даров так: "Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами".

133. Так персы стремились разгадать значение даров. Между тем один отряд скифов, прежде стоявший на страже у Меотийского озера, отправился к Истру для переговоров с ионянами. Придя к мосту [на Истре], скифы обратились к ионянам с такими словами: "Ионяне! Мы принесли вам свободу, если вы только пожелаете нас выслушать. Мы узнали, что Дарий повелел стеречь мост только 60 дней и если он за это время не придет, то вы должны вернуться на родину. И вот если вы теперь так и поступите, то не провинитесь ни перед царем, ни перед нами. Обождите указанное вам число дней и после этого отплывайте на родину". Ионяне обещали исполнить просьбу скифов, и те тотчас поспешили назад.

134. После принесения даров царю оставшиеся в своей земле скифские отряды – пехота и конница – выступили в боевом порядке для сражения с персами. Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас же бросились за ним. Когда ряды скифов пришли в беспорядок и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля. Узнав, что скифы гонятся за зайцем, Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно беседовал: "Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой". На это Гобрий ответил: "Царь! Я давно уже узнал по слухам о недоступности этого племени. А здесь я еще больше убедился в этом, видя, как они издеваются над нами. Поэтому мой совет тебе: с наступлением ночи нужно, как мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отступить, пока скифы еще не подошли к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого-нибудь гибельного для нас решения".

135. Такой совет дал Гобрий. Когда настала ночь, Дарий начал приводить его в исполнение. Слабосильных воинов из тех людей, потеря которых была для него

наименее важной, а также всех ослов на привязи царь оставил на месте в лагере. Ослов царь оставил, чтобы те ревели, а людей – из-за их немощи, под тем предлогом, однако, что он намеревается с отборной частью войска напасть на скифов; слабосильные же должны-де в это время охранять стан. Отдав такие приказания оставшимся в стане и повелев зажечь огни, Дарий поспешно направился к Истру. Покинутые ослы стали после отступления войска реветь еще громче прежнего. Скифы же, слыша ослиный рев, были совершенно уверены, что персы еще в стане.

136. На следующий день оставленные в стане персы поняли, что Дарий предал их. Простирая руки к скифам, они стали молить о пощаде и рассказали им все, что произошло. Услышав это, скифы поспешно объединили свои силы, именно два отряда скифов (один отряд вместе с савроматами и другой с будинами и гелонами), и начали преследование персов прямо к Истру. Персидское войско большей частью состояло из пехотинцев и не знало дороги (хотя проезжих дорог там и не было), а скифы были на конях и знали кратчайший путь [к Истру]. Поэтому оба войска разошлись, и скифы пришли к мосту гораздо раньше персов. Когда скифы увидели, что персов еще нет, они обратились к ионянам, которые находились на своих кораблях, с такими словами: "Ионяне! Назначенное вам [для ожидания] число дней истекло, и вы, оставаясь здесь, поступаете неправильно. Ведь вы только страха ради оставались здесь. Теперь же как можно скорее разрушьте переправу и уходите свободными подобру-поздорову, благодаря богов и скифов. А вашего прежнего владыку мы довели до того, что ему больше не придется выступать походом против какого-нибудь народа".

137. Ввиду этого ионяне стали держать совет. Афинянин Мильтиад, полководец и тиран херсонесцев, что на Геллеспонте, подал совет послушаться скифов и освободить Ионию[524]. Гистией из Милета, напротив, был другого мнения. По его словам, каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дария. Если же могущество Дария будет сокрушено, то ни сам он – Гистией – и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом: ведь каждый город предпочитает народное правление господству тирана. К этому мнению Гистиея тотчас же присоединились все участники совещания, хотя раньше соглашались с мнением Мильтиада.

138. Вот имена тех, кто принимал участие в этом голосовании ионян, бывших в милости у царя: тираны геллеспонтийцев Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика, Аристон из Византия. Это были тираны городов на Геллеспонте. Из Ионии же были: Стратис из Хиоса, Эак из Самоса, Лаодам из Фокеи, Гистией из Милета, который подал мнение против Мильтиада. Из эолийских тиранов присутствовал только один значительный человек – Аристагор из Кимы.

139. Приняв совет Гистиея, ионяне решили, кроме того, дополнить его следующими действиями и словами: разрушить мост со стороны скифов, и притом только на расстоянии полета стрелы, чтобы скифам казалось, несмотря на бездеятельность ионян, что те что-то делают, и для того, чтобы скифы не пытались силой перейти по мосту через Истр. Разрушая мост со скифской стороны, ионяне хотели показать скифам, что выполнят все их желания. Такое дополнение к совету Гистиея приняли ионийские тираны. После этого от имени всех Гистией ответил скифам так: "Вы, скифы, пришли с добрым советом и своевременно. Вы указали нам правильный путь, и за это мы готовы ревностно служить вам. Ведь, как вы видите, мы уже разрушаем переправу и будем всячески стараться добыть свободу. Между тем, пока мы разбираем мост, вам как раз время искать персов и, когда вы их найдете, отомстите за нас и за себя, как они того заслуживают".

[524] Дарий, видимо, предполагал возвратиться в Персию вдоль восточного побережья Кавказа, почему и приказал ионянам ждать его возвращения два месяца. Невероятно, чтобы Мильтиад предложил разрушить мост на Дунае. Этот рассказ выдуман в 493 г., когда Мильтиад был привлечен к суду по обвинению в тирании (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 187, прим. 1).

140. Скифы снова поверили в правдивость ионян и повернули назад на поиски персов. Однако им совершенно не удалось найти путь [персов]. Виноваты в этом были сами скифы, так как они-то и уничтожали в этой стороне конские пастбища и засыпали источники. Не сделай они этого, при желании им легко было бы найти персов; теперь же не удался именно тот их план, который они считали самым разумным. В поисках неприятеля скифы шли по таким частям своей страны, где был корм для коней и вода, думая, что и враги отступают теми же путями. Однако персы шли, держась ранее проложенных ими троп, и только таким образом (да и то с трудом) нашли переправу. До места они добрались ночью и обнаружили, что мост разрушен. Тогда персов объял страх, что они покинуты ионянами.

141. В свите Дария был один египтянин с весьма зычным голосом. Этому человеку Дарий велел стать на берегу Истра и кликнуть милетянина Гистиея. Египтянин так и сделал. Гистией же по первому зову его доставил все корабли для переправы войска и снова навел мост.

142. Так персы были спасены. Скифы же в поисках персов потерпели неудачу. С тех пор скифы считают ионян, поскольку те были свободными людьми, самыми жалкими трусами из всех людей, а как рабов весьма преданными своему господину и наименее склонными к побегу. Так скифы издевались над ионянами.

143. Следуя через Фракию, Дарий прибыл в Сест на Херсонесе. Отсюда сам царь на кораблях переправился в Азию, а в Европе оставил полководцем перса Мегабаза. Некогда Дарий оказал Мегабазу великую честь среди персов таким отзывом о нем: Дарий собирался есть плоды граната, и, как только разрезал первый плод, брат царя Артабан спросил его: "Чего бы царю хотелось иметь в таком же количестве, сколько зерен в плоде граната?". На это Дарий отвечал, что предпочитает иметь столько людей, подобных Мегабазу, чем быть владыкой Эллады. Таким отзывом царь некогда почтил Мегабаза среди персов, а теперь оставил полководцем во главе 80-тысячного войска.

144. Этот-то Мегабаз навеки оставил о себе память среди геллеспонтийцев следующим замечанием. В Византии Мегабаз как-то узнал, что калхедоняне поселились в этой стране на семнадцать лет раньше византийцев. Услышав об этом, он сказал, что калхедоняне тогда были слепцами. Ведь не будь они слепы, они не нашли бы худшего места для своего города, когда у них перед глазами было лучшее. Итак, этого-то Мегабаза Дарий оставил полководцем на Геллеспонте, и он покорил все города, еще не подвластные персам.

145. Такие дела совершил Мегабаз. В это самое время другое великое войско выступило в поход на Ливию по причине, о которой я упомяну потом. Сначала я расскажу следующее82. Потомки аргонавтов были изгнаны пеласгами, которые похитили афинских женщин из Браврона, с Лемноса. Они прибыли оттуда морским путем в Лакедемон, расположились станом на горе Тайгет и зажгли огни. Увидев огни, лакедемоняне послали вестника спросить: кто они и откуда. На вопрос вестника пришельцы отвечали, что они минийцы, потомки героев-аргонавтов, которые высадились на Лемносе и стали их родоначальниками. Услышав этот рассказ о происхождении минийцев, лакедемоняне вновь отправили вестника спросить, зачем те прибыли в их страну и зажгли огни. Тогда пришельцы сказали, что их изгнали пеласги и они прибыли назад в землю своих отцов. На это у них ведь есть полное право. Они просят, однако, позволения жить среди лакедемонян. Лакедемоняне решили принять минийцев на предложенных теми условиях. А побудило их решить так главным образом то, что Тиндариды участвовали в походе аргонавтов. Таким образом, лакедемоняне приняли к себе этих минийцев, дали им земельные наделы и распределили по филам. После этого минийцы тотчас же взяли себе в жены [спартанок], а привезенных с собой с Лемноса дочерей и сестер выдали замуж за лакедемонян.

146. Спустя немного времени минийцы стали держаться высокомерно, требовали себе долю в царской власти и совершали разные другие недостойные поступки. Тогда лакедемоняне решили перебить минийцев: схватили их и бросили в темницу. Осужденных на казнь лакедемоняне всегда казнят ночью, а днем –

никого. Итак, когда минийцев собирались уже умертвить, жены их – коренные лакедемонянки и дочери знатнейших спартанцев – попросили позволения переговорить каждая со своим мужем. Лакедемоняне пропустили их, не ожидая никакого коварства. Женщины же, войдя в темницу, поступили так: всю свою одежду они отдали мужьям, а сами надели мужское платье. Минийцы вышли из темницы, переодетые в женскую одежду, как их жены. Ускользнув таким образом из города, они вновь разбили стан на Тайгете.

147. В это самое время Фера, сын Автесиона, внук Тисамена, правнук Ферсандра, праправнук Полиника, как раз собирался вывести колонию из Лакедемона. Этот Фера происходил из рода Кадма и был дядей по матери сыновей Аристодема – Еврисфена и Прокла. Во время несовершеннолетия последних Фера (как их опекун) был царем Спарты. Племянники между тем выросли и сами вступили на престол. Фера же, обиженный тем, что ему теперь приходится подчиняться другим (ведь сам он уже вкусил власть), объявил, что не останется в Лакедемоне, а отправится морем к своим родственникам. На теперешнем острове Фера, который прежде назывался Каллистой, обитали потомки финикиянина Мемблиара, сына Пойкила. Ведь Кадм, сын Агенора, в поисках Европы высадился на острове, ныне называемом Ферой. Полюбилась ли ему эта земля или же он захотел поступить так по другим причинам, но он оставил на острове несколько финикиян[525], в том числе одного своего родственника – Мемблиара, сына Пойкила. Восемь человеческих поколений жили финикияне[526] на острове Каллиста, пока Фера не прибыл туда из Лакедемона.

148. К этим-то финикиянам отправился Фера с людьми из разных спартанских фил. Он хотел жить вместе с ними в дружбе и вовсе не изгонять их. В это время минийцы бежали из темницы и разбили стан на Тайгете. Лакедемоняне угрожали им смертью, но Фера упрашивал сограждан не проливать крови и обещал вывести минийцев из страны. Лакедемоняне уступили его просьбам. Тогда Фера отплыл на трех 30-весельных кораблях к потомкам Мемблиара. Он взял с собой, однако, не всех минийцев, но лишь немногих. Большая же часть минийцев обратилась против парореатов и кавконов и изгнала их из страны. Сами же они разделились на шесть частей и впоследствии основали города: Лепрей, Макист, Фриксы, Пирг, Эпий и Нудий. Большинство этих городов уже в мое время разрушено элейцами. Остров же по имени основателя колоний был назван Ферой.

149. Сын Феры не захотел, однако, плыть вместе с отцом. Поэтому отец сказал, что покидает его как овцу среди волков. От этого отцовского изречения и произошло Имя юноши Эолик, и это имя осталось за ним. Сыном Эолика был Эгей, по имени которого называются Эгеиды – многочисленная фила в Спарте. У мужчин этой филы дети не выживали, поэтому они воздвигли по повелению оракула святилище Эриниям Лаия и Эдипа. С тех пор дети эгеидов стали выживать [как в Спарте, так] и на острове Фера.

150. До сих пор рассказ лакедемонян и ферейцев совпадает. Продолжение же этой истории сообщают только одни ферейцы. Согласно ферейцам, дело было вот как. Потомок этого Феры – Гринн, сын Эсания, царь острова Феры, прибыл в Дельфы принести от имени своего города гекатомбу[527]. Сопровождали его несколько ферейских граждан, и среди них Батт, сын Полимнеста, миниец из рода Евфема. Когда царь ферейцев Гринн стал вопрошать оракул о различных делах, Пифия повелела основать город в Ливии[528]. Царь отвечал на это: "Владыка! Я уже старик, и мне слишком тяжело отправиться в путь. Повели это сделать кому-

[525] Геродот изображает передвижения минийцев согласно древнему племенному преданию. Поход в Ливию относится к 510 г. до н. э.

[526] Обозначенные Геродотом как финикияне, потомки Кадма, вероятно, принадлежали к древним догреческим (эгейским) племенам

[527] Собственно, жертва из 100 быков. В эпоху Геродота - уже только праздничное жертвоприношение.

[528] Жрецы оракула в Дельфах располагали прекрасной информацией от пилигримов о землях, куда направлялась греческая колонизация.

нибудь из более молодых людей здесь". Этими словами царь указал на Батта. Затем больше ничего не произошло, но по возвращении на родину царь и его спутники пренебрегли изречением оракула: они не знали, где находится Ливия, и не решились наудачу отправить поселенцев.

151. После этого бог семь лет не посылал дождя на Феру, и на острове засохли все деревья, кроме одного. Тогда ферейцы вопросили об этом оракул, и Пифия вновь повелела выслать колонию в Ливию. Ферейцы не знали, как им избавиться от беды, и поэтому послали на Крит[529] вестников разузнать, не бывал ли в Ливии какой-нибудь критянин или чужеземец, живший на Крите. Вестники бродили по острову с места на место и под конец пришли в город Итану. Там повстречался им ловец багрянок[530] по имени Коробий, который рассказал, что однажды был отнесен бурей в Ливию, именно к острову Платея у ливийского берега. Ферейцы подрядили Коробия за деньги и повезли его на остров Феру. Затем с Феры отплыли на разведку сначала лишь несколько человек. Когда Коробий привез их на этот остров Платею, ферейцы оставили его там, дав запас продовольствия на несколько месяцев. Сами же поспешно отплыли назад, чтобы рассказать согражданам об острове.

152. Ферейцы, однако, отсутствовали дольше условленного времени, и у Коробия истощился весь запас продовольствия. Вскоре после этого самосский корабль, шедший в Египет (владельцем корабля был Колей), был отнесен к этому острову. Узнав от Коробия всю его историю, самосцы оставили ему продовольствия на целый год. Сами же они снова вышли с острова в открытое море и направились в Египет. Однако восточным ветром их отнесло назад, и так как буря не стихала, то они, миновав Геракловы Столпы, с божественной помощью прибыли в Тартесс. Эта торговая гавань была в то время еще не известна эллинам. Поэтому из всех эллинов самосцы получили от привезенных товаров по возвращении на родину (насколько у меня об этом есть достоверные сведения) больше всего прибыли, исключая, конечно, Сострата, сына Лаодаманта, эгинца (с ним-то ведь никто другой в этом не может состязаться). Самосцы посвятили богам десятую часть своей прибыли – 6 талантов – и велели изготовить медный сосуд вроде арголийского кратера. Вокруг чаши по верхнему краю был словно венец из голов грифонов. Этот-то сосуд они принесли в дар в храм Геры, установив его на подпорках в виде трех огромных коленопреклоненных бронзовых статуй в 7 локтей высотой. Этот благородный поступок самосцев послужил первым основанием тесной дружбы с ними киренцев и ферейцев.

153. Оставив Коробия на острове Платея, ферейцы между тем снова прибыли на Феру с вестью о том, что они заняли остров у ливийских берегов. Ферейцы решили отправить туда по жребию от всех семи общин на острове по одному из двоих братьев, а предводителем и царем выбрали Батта. Затем они послали на Платею два 50-весельных корабля.

154. Таков рассказ ферейцев, и относительно дальнейших событий киренцы также согласны с ними. Что же касается истории Батта, то киренцы передают ее совершенно иначе, а именно так. Есть на Крите город Оакс. Царствовал там Этеарх; у него была дочь по имени Фронима. После смерти жены царь ради дочери, лишившейся матери, женился вновь. Войдя в царский дом, эта женщина захотела быть и действительно стала мачехой для Фронимы: она дурно обращалась с падчерицей, строила ей всяческие козни и, наконец, обвинила в распутстве, причем сумела убедить в этом даже своего мужа. По наущению жены царь задумал страшное злодеяние против дочери. Жил в Оаксе в то время купец из Феры по имени Фемисон. Этого-то Фемисона Этеарх пригласил как гостя во дворец и заставил поклясться, что тот окажет любую услугу, какую от него попросят. После того как купец дал клятву, царь велел привести и передал ему свою дочь с приказанием на обратном пути бросить в море. Фемисон был страшно

[529] Крит вывозил пурпур, шафран и ценные породы дерева и имел торговые связи с землями, которые остальные греки не посещали.
[530] Моллюски, доставляющие пурпурную краску, ловились на ливийском побережье.

возмущен тем, что его обманом заставили принести клятву. Он порвал дружбу с царем и затем поступил так: уезжая с Крита, он взял царскую дочь с собою. В открытом море, чтобы выполнить данную клятву, купец связал девушку веревками и бросил в море, затем опять вытащил на борт корабля и вместе с ней прибыл на Феру.

155. Там один знатный фереец Полимнест взял Фрониму к себе в дом и сделал своей наложницей. Спустя несколько времени у нее родился заикающийся и шепелявящий мальчик. Ребенок, как передают ферейцы и киренцы, был назван Баттом. Я думаю, однако, что [первоначально] у него было другое имя, а Баттом его стали звать лишь после прибытия в Ливию: он получил это имя именно в силу изречения дельфийского оракула и от царского сана, которым он был облечен. [И действительно] ведь ливийцы царя называют "баттос", и поэтому, думается мне, Пифия, изрекая пророчество, называла его по-ливийски царем, так как знала, что он будет царем в Ливии. Когда Батт вырос и прибыл в Дельфы за советом о своей [заикающейся] речи, Пифия ответила ему так:

Батт, ты пришел ради речи, Феб же, владыка Аполлон, В Ливию, агнцев кормящую, шлет поселенцем тебя.

На эллинском языке Пифия сказала бы так: "О царь! Ты пришел ради речи". Батт же ответил такими словами: "Владыка! Я пришел вопросить тебя о моей речи, а ты возлагаешь на меня другую невозможную задачу, приказывая вывести поселение в Ливию. Но с каким войском? С какими людьми?". Этим ответом он, однако, не убедил Пифию дать ему другое прорицание. Пифия повторила свое предсказание, и Батт еще во время изречения пророчества возвратился на Феру.

156. После этого Батта и прочих ферейцев вновь постигли [разные] невзгоды. Не ведая причины этого, ферейцы послали в Дельфы вопросить оракул. Пифия ответила, что наступит облегчение, если они во главе с Баттом заложат основание Кирены в Ливии. Тогда ферейцы отправили Батта с двумя 50-весельными кораблями. Корабли отплыли в Ливию, но Батт и его спутники не знали, что им предпринять, и снова возвратились на Феру. Ферейцы же начали метать в них стрелы, не позволяя пристать к берегу, и приказывали плыть обратно. Тогда переселенцы были вынуждены снова выйти в море и затем высадились на острове у ливийского берега под названием, как уже было упомянуто, Платея. Остров этот, говорят, равен величиной нынешнему городу Кирене.

157. Здесь они жили два года. Ничего хорошего, однако, и здесь с ними не произошло, и все они, оставив лишь одного человека, отплыли оттуда в Дельфы. По прибытии они вопросили оракул, объявив, что хотя они и поселились в Ливии, но дела у них отнюдь не лучше. В ответ Пифия изрекла им вот что:

Ведаешь лучше меня кормящую агнцев Ливию, В ней не бывав. Мне же, бывшему там, дивна твоя мудрость безмерно.

Услышав такой ответ оракула, Батт со спутниками отплыли назад. Ведь бог, очевидно, не освобождал их от обязанности основать поселение, пока они не достигнут самой Ливии. Они прибыли к острову и затем, захватив с собой оставленного там человека, основали поселение в самой Ливии против острова. Местность эта называлась Азирида. С двух сторон она окаймлена прекрасными лесными долинами, а вдоль третьей протекает река.

158. В этих краях поселенцы жили шесть лет. На седьмой год ливийцы вызвались привести их в еще лучшее место и убедили покинуть эту область. Тогда ливийцы повели поселенцев оттуда, побудив двинуться на запад. Для того чтобы эллины не видели самой красивой местности, ливийцы проводили их ночью мимо, соответственно вычисляя точное время суток. Называется это место Ираса. Затем ливийцы привели поселенцев к источнику[531], будто бы посвященному Аполлону, и сказали: "Эллины! Здесь вы должны поселиться, ибо небо тут в дырках".

159. При жизни основателя поселения Батта, правившего сорок лет, и за шестнадцать лет царствования сына его, Аркесилая, численность киренцев

[531] Город лежал приблизительно в 15 км от берега на холме, где впоследствии был акрополь. С холма стекал источник Кира, от которого получил название город Кирена.

оставалась столь же небольшой, как и в начале переселения. При третьем же царе, прозванном Баттом Счастливым, Пифия побудила изречением оракула всех эллинов отплыть в Ливию и поселиться там вместе с киренцами. Ибо киренцы приглашали к себе поселенцев, обещая переделить землю. Изречение оракула гласило так:

Кто слишком поздно придет в вожделенную Ливии землю, После раздела земли, пожалеть тому горько придется.

Итак, в Кирену собралось очень много людей, которые принялись отнимать у соседних ливийцев большие участки земли. Тогда ограбленные и смертельно обиженные ливийцы[532] и царь их по имени Адикран отправили послов в Египет и отдались под защиту египетского царя Априя[533]. А тот собрал большое египетское войско и послал его против Кирены. Киренцы же, выступив походом в местность Ирасу и к источнику Феста, напали на египтян и в сражении одержали победу. Египтянам ведь никогда прежде не случалось иметь дела с эллинами. Они относились к последним с пренебрежением и теперь потерпели столь страшное поражение, что лишь немногим из них удалось спастись в Египет. Виновником своего поражения египтяне считали Априя и в отместку подняли против него мятеж.

160. Сыном этого Батта был Аркесилай. Став царем, он сначала ссорился со своими братьями, пока те не покинули Кирену. Они удалились в другую местность Ливии и там на свой страх и риск основали город, который носил название Барка (и еще теперь так называется). Во время основания города братья подстрекали ливийцев восстать против Кирены. После этого Аркесилай пошел походом против ливийских племен, которые приняли его братьев, и на самих мятежников. В страхе перед ним ливийцы бежали в область восточных ливийских племен. Аркесилай преследовал беглецов до местности Левкон. Там ливийцы решили напасть на него. В сражении киренцы были разбиты наголову: 7000 их гоплитов осталось на поле боя. После этой неудачи Аркесилай занемог. Когда царь выпил лекарственного снадобья, его задушил брат Леарх. Леарха же коварно умертвила жена Аркесилая по имени Эриксо.

161. Наследовал царство Аркесилая его сын Батт. Он был хромой и едва мог стоять на ногах. Киренцы же послали в Дельфы вопросить оракул из-за постигшего их несчастья: при каком государственном устройстве лучше всего им жить. Пифия велела им пригласить посредника из Мантинеи в Аркадии. По их просьбе мантинейцы послали к ним самого уважаемого из своих граждан по имени Демонакт. По прибытии в Кирену посредник познакомился с положением дел в городе и разделил население на три филы так: первая часть состояла из ферейцев и их соседей, вторая – из пелопоннесцев и критян, а третья включала всех островитян. Затем он выделил царю Батту царские [земельные] владения и жреческие доходы, а все остальное, что принадлежало прежде царю, сделал достоянием народа[534].

162. Такие порядки продолжали существовать при жизни этого Батта. Однако уже в царствование его сына Аркесилая начались сильные смуты из-за царских [прав] и преимуществ. Ибо Аркесилай, сын Батта Хромого и Феретимы, заявил, что не желает выносить порядков, установленных мантинейцем Демонактом, и потребовал возвратить ему преимущества и владения его предков. В происшедшей затем междоусобной борьбе Аркесилай потерпел поражение и бежал на Самос, а его мать – в Саламин на Кипре. На Саламине царствовал тогда Евельфонт. Он посвятил в Дельфы замечательную кадильницу, находящуюся в сокровищнице коринфян. Феретима прибыла к Евельфонту и стала просить у него войска, чтобы вернуться с сыном в Кирену. Евельфонт же давал ей все что угодно,

[532] В Ливии речь идет о хамитских народностях.

[533] Египетский царь Априй (Априес, библ. Хофра) происходил из Ливии. Решительная битва произошла ок. 570 г. до н. э.

[534] Царь был вместе с тем и верховным жрецом общины.

кроме войска. Принимая подарки, Феретима говорила, что и этот дар прекрасен, но все же было бы лучше, если бы царь исполнил ее просьбу и дал войско. Так как те же самые слова повторялись при каждом новом подарке, то Евельфонт, в конце концов, выслал ей в дар золотую прялку, веретено и шерсть для пряжи. Феретима и на этот раз повторила все те же слова. Тогда Евельфонт сказал, что именно такие подарки, а не войско надо посылать женщинам.

163. Между тем Аркесилай (он находился в то время на Самосе) начал набирать всевозможных людей для передела земли. Набрав большое войско, он послал в Дельфы вопросить оракул о своем возвращении. Пифия дала царю такой ответ: "При четырех Баттах и четырех Аркесилаях Локсий позволяет вам царствовать в Кирене. А дальше он не советует вам посягать на царство. Сам ты можешь спокойно возвратиться домой. Если ты найдешь печь, полную амфор, то не обжигай амфор, но отсылай их такими, как есть. Если же будешь обжигать, то не вступай в окруженное водой место, иначе и сам умрешь и погибнет самый красивый бык в твоем стаде".

164. Такой оракул изрекла Аркесилаю Пифия. А тот возвратился в Кирену с людьми, набранными на Самосе. После захвата власти Аркесилай забыл, однако, об оракуле: он начал преследовать судом виновников своего изгнания. Некоторые из них были вынуждены навсегда покинуть страну, другие попали в руки Аркесилая, и он отправил их на Кипр для казни. Однако [на пути] их ветром отнесло к Книду, и книдяне освободили пленников и отослали на Феру. Некоторым киренцам удалось найти убежище в большой башне, принадлежавшей Агломаху. Аркесилай же приказал навалить вокруг башни кучу дров и поджечь. Когда все уже было кончено. Аркесилаю пришло на ум, что оракул относится к этому [злодеянию]: ведь Пифия запрещала ему обжигать амфоры, которые он найдет в печи. В страхе от предреченной ему смерти Аркесилай решил тогда добровольно покинуть город киренцев: он считал Кирену "окруженным водой местом". Женат он был на своей родственнице, дочери царя Барки Алазира. К нему-то прибыл Аркесилай, и там его убили баркейцы и некоторые изгнанники из Кирены. Они умертвили его вместе с тестем Алазиром. Аркесилай не избегнул своей участи, так как умышленно или ненароком пренебрег изречением оракула.

165. Пока Аркесилай жил в Барке, где сам навлек на себя беду, его мать Феретима занимала в Кирене почетное положение, подобающее ее сыну, и, между прочим, заседала даже в совете[535]. Узнав о смерти сына в Барке, она бежала и скрылась в Египте. Аркесилай оказал услуги Камбису, сыну Кира. Ведь это Аркесилай выдал Камбису Кирену и платил ему подать. Прибыв в Египет, Феретима бросилась как просительница к ногам Арианда с мольбами о помощи. При этом она уверяла, что сын ее погиб из-за дружбы с персами.

166. Этого-то Арианда Камбис поставил сатрапом Египта. Впоследствии он погиб, вздумав сравниться с Дарием. Именно, когда он услышал и увидел, что Дарий желает оставить памятник, какого еще ни один царь не воздвигал себе, сатрап захотел подражать царю, пока за это его не постигла кара. Ведь Дарий велел переплавлять для чеканки монет насколько возможно самое чистое золото[536]. То же самое, будучи сатрапом Египта, стал делать Арианд с серебряной монетой. Ибо и поныне еще Ариандово серебро – самое чистое. Дарий узнал об этом и велел умертвить сатрапа, выставив против него другое обвинение, именно, что тот замышляет восстание.

167. Но тогда из жалости к Феретиме этот Арианд предоставил ей все египетские военные силы как сухопутные, так и морские. Начальником войска он назначил Амасиса из марафиев, а во главе флота поставил Бадра родом пасаргада. Еще до похода Арианд послал вестника в Барку узнать, кто убил Аркесилая. Баркейцы же все приняли на себя вину [за убийство], ибо потерпели от него много

[535] Феретима представляла род Баттидов в собрании совета Кирены. После изменения конституции царская фамилия была еще очень влиятельна благодаря земельным угодьям.
[536] Право чеканить монету принадлежало только царю. На дарейке (вес 8 г) царь был изображен в виде стрелка из лука.

зла. Услышав это, Арианд отправил против них войско вместе с Феретимой. Это было, однако, только словесным предлогом. Действительной же причиной похода, как я думаю, было завоевание Ливии. Ведь в Ливии живет множество разных племен, и только немногие из них подчинялись царю, большинство их вовсе не обращало внимания на Дария.

168. Ливийцы обитают [в своей стране] в следующем порядке: начиная от Египта, первое ливийское племя – адирмахиды. Обычаи у них большей частью египетские, а одежда – такая же, как у других ливийцев. Женщины их носят на обеих ногах по медному кольцу и отращивают длинные волосы на голове. Поймав вошь, они кусают ее в свою очередь и затем отбрасывают. Так поступают из всех ливийцев только они одни, и только у них существует обычай предлагать царям своих девушек на выданье. А царь тех девушек, которые ему больше всего любы, лишает невинности[537]. Эти адирмахиды обитают в местности от Египта до гавани под названием Плин.

169. За ними следуют гилигамы, занимающие местность к западу до острова Афродисиада. А в промежутке [между этими областями] лежит остров Платея, заселенный киренцами, и на материке – гавань Менелая и местность Азирида, где киренцы основали свой город. Отсюда идет [область, где произрастает] сильфий[538]. А растет сильфий от острова Платеи до устья Сирта[539]. Обычаи гилигамов подобны обычаям других племен.

170. К гилигамам на западе примыкают асбисты. Они живут южнее Кирены. Область их, однако, не доходит до моря, так как побережьем владеют киренцы. Среди ливийцев они больше всех любят править четверками коней и вообще стараются подражать обычаям киренцев.

171. С асбистами на западе граничат авсхисы. Живут они в области за Баркой и доходят до моря у Евесперид. В центре страны авсхисов живут бакалы – маленькое племя, область которого тянется до моря у Тавхир, города в Баркее. Обычаи их те же, что и у ливийцев, живущих за Киреной.

172. За этими авсхисами на западе идет многочисленное племя насамонов. Летом они оставляют свой скот на морском побережье и уходят на сбор фиников в глубь страны, в местность Авгилы. Там растет множество огромных пальм, которые все плодоносят. Насамоны также ловят саранчу, сушат ее на солнце, размалывают и затем всыпают в молоко и [в таком виде] пьют. У каждого насамона обычно много жен, которые являются общими. Сходятся же они с женщинами приблизительно так, как массагеты: ставят палку перед дверью и затем совокупляются с женщиной. Когда насамон женится в первый раз, то, по обычаю, молодая женщина должна в первую же ночь по очереди совокупляться со всеми гостями на свадьбе. Каждый гость, с которым она сходится, дает ей подарок, принесенный с собой из дома. Обычаи же их при клятвах и гаданиях вот какие: они приносят клятвы, упоминая самых справедливых и доблестных мужей древности, и при этом возлагают руки на их могилы. Для гадания они также приходят к могилам предков и, помолившись, ложатся спать на могиле. И всякому сновидению гадающий верит. Дружеские же союзы они заключают так: один дает пить другому из [своей] руки, и сам пьет из его руки. Если под руками нет никакой жидкости, то берут с земли щепотку пыли и лижут ее.

173. Соседи насамонов псиллы. Племя это погибло вот каким образом: южный

[537] В основе лишения невинности (дефлорации) девушек брачного возраста вождем или главой общины лежат примитивные религиозные представления. Главе общины приписывалась сверхъестественная сила (оренда), которая при помощи этого действия устраняла вредные злые силы. Обычай дефлорации девушек бытовал еще недавно среди некоторых негритянских племен в Сенегале.

[538] Сильфий (Laserpitium) - кустарниковое растение; из корня его добывался сок для приправы к рыбе и мясу. Листья и сок сильфия служили важнейшей статьей экспорта из Кирены.

[539] Геродот имеет в виду совр. Большой Сирт между Киренаикой и триполитанским побережьем.

ветер дул с такой силой, что водоемы [у них] высохли и вся страна, лежащая внутри [Сирта], стала совершенно безводной. Тогда псиллы единодушно решили идти войной против южного ветра (я сообщаю только то, что передают ливийцы). И когда они оказались в песчаной пустыне, поднялся южный ветер и засыпал их песком[540]. После гибели псиллов землей их владеют насамоны.

174. Еще дальше к югу от насамонов, в стране диких зверей[541], живут гараманты, которые сторонятся людей и избегают всякого общения. У них нет никакого оружия ни для нападения, ни для защиты.

175. Это племя живет к югу от насамонов. На западе по морскому побережью обитают маки. Они стригут волосы на голове, оставляя чубы: на макушке они отращивают волосы, а по сторонам сбривают до самой кожи. На войне они носят для защиты страусовую кожу. Через их землю протекает река Кинип. Она берет начало с так называемого холма Харит и впадает в море. Холм же этот порос густым лесом, тогда как остальная вышеописанная [часть] Ливии совершенно лишена растительности От моря холм находится в 200 стадиях.

176. Далее за этими маками следуют гинданы. У них все женщины носят множество кожаных колец на лодыжке и, как говорят, вот почему: каждый раз после совокупления с мужчиной женщина надевает себе такое кольцо. Женщина, у которой наибольшее число колец, считается самой лучшей, так как у нее было больше всего любовников.

177. На побережье перед этими гинданами обитают лотофаги. Они питаются исключительно плодами лотоса[542]. Величиной же [плод лотоса] приблизительно равен плоду мастикового дерева, а по сладости несколько похож на финик. Лотофаги приготовляют из него также вино.

178. Далее на побережье живут махлии; [и они] также едят лотос, но не в таком количестве, как упомянутые только что лотофаги. Земля же их простирается до большой реки под названием Тритон. А река эта впадает в большое озеро Тритонида[543]. На озере есть остров под названием Фла. На этом-то озере, как говорят, оракул повелел лакедемонянам основать поселение.

179. Впрочем, существует еще и другое сказание. Когда Ясон завершил у подошвы Пелиона постройку своего корабля "Арго", он погрузил на борт его кроме гекатомбы еще и медный треножник. Затем герой поплыл вокруг Пелопоннеса, чтобы прибыть в Дельфы. На пути у Малеи корабль подхватил северный ветер и отнес к Ливии. Не успел Ясон еще увидеть землю, как очутился на мели озера Тритониды. Когда герой недоумевал, как найти выход, продолжает сказание, явился Тритон и потребовал отдать ему треножник. За это, сказал бог, он покажет аргонавтам проход и отпустит их невредимыми. Ясон послушался, и Тритон показал ему, [как сойти с мели], а треножник поставил в своем святилище. Восседая на этом треножнике, Тритон изрекал предсказания о будущем Ясону и его спутникам: если один из потомков плывших с ним на "Арго" героев привезет домой этот треножник, тогда непременно вокруг озера Тритониды возникнет сто эллинских городов. Услышав это предсказание, местные ливийцы спрятали треножник.

180. За этими махлиями идут авсеи. Эти последние, как и махлии, живут вокруг озера Тритониды, и река Тритон образует границу между ними. Махлии отращивают себе волосы на голове сзади, а авсеи – спереди. На ежегодном

[540] Геродот упоминает здесь песчаную бурю, уничтожившую луга псиллов.

[541] Речь идет о совр. области Джебель-эс-Сода, Джебель Шеркие и Харудж-эс-Сода. Наскальные рисунки в этой области изображают животных, теперь вымерших.

[542] Имеется в виду растение Zizyphus letus, которым еще и теперь питаются жители о. Джерба. Уже Гомер знал ливийских "поедателей лотоса" - лотофагов.

[543] В описании оз. Тритониды в предании, использованном Геродотом, соединялись описания двух озер. Одно относится к Малому Сирту (совр. залив Габес), известному своим мелководьем. Это - та самая Тритонида, куда был отнесен, согласно мифу, Иасон (там находился остров Фла, быть может, совр. Джерба). Другое - к солончаку (совр. Эль-Джерид), который можно назвать озером.

празднике Афины девушки их, разделившись на две партии, сражаются друг с другом камнями и палками[544]. По их словам, они исполняют древний отеческий обычай в честь местной богини, которую мы называем Афиной. Девушек, которые умирают от ран, они называют лжедевушками. Еще до окончания боя народ поступает так: девушку, которая сражалась храбрее всех, народ украшает коринфским шлемом, облачает в эллинские доспехи и, посадив на колесницу, возит вокруг озера. Чем они украшали своих девушек в древнее время, до основания у них эллинских поселений, я не могу сказать, но, видимо, все же египетским оружием. Ведь, как мне думается, даже щит и шлем эллины заимствовали из Египта[545]. Афину же они считают дочерью Посейдона и богини озера Тритониды. Поссорившись со своим отцом, она предалась Зевсу, и тот принял ее как свою дочь. Так они рассказывают. Совокупляются же они с женщинами сообща, не вступая в брак, но сходятся подобно скоту. Если у женщины родится вполне крепкий ребенок, то спустя три месяца мужчины собираются вместе, и тот, на кого он похож, считается его отцом.

181. Это – перечисленные мною прибрежные кочевые ливийские племена[546]. За ними во внутренней части страны начинается область Ливии, где много диких зверей, а за ней лежит холмистая песчаная пустыня, простирающаяся [вдоль побережья] от египетских Фив до Геракловых Столпов. В этой пустыне приблизительно на расстоянии десяти дней пути друг от друга встречаются на холмах огромные глыбы соли. На вершине каждого холма изнутри соляной глыбы бьет ключом источник холодной пресной воды[547]. Вокруг этого соляного холма со стороны пустыни и к югу от области диких зверей еще обитают самые отдаленные ливийские племена. Сначала идут яммонии в десяти днях пути от Фив со святилищем Зевса Фиванского. Ведь, как я уже сказал выше[548], статуя Зевса в Фивах имеет также баранью голову. У аммониев есть и другой источник воды. Утром эта вода тепловатая, около времени, когда рынок наполняется народом она становится холоднее, а в полдень – совершенно холодной[549]. Тогда они поливают свои сады. Когда день идет уже к концу, вода делается менее холодной, а после захода солнца вновь становится тепловатой. До полуночи вода делается все более и более горячей: тогда она кипит и клокочет. После полуночи и до зари вода постепенно остывает. Источник этот называется Солнечным.

182. От области аммониев, пройдя далее по холмистой пустыне еще десять дней пути, придешь опять к такому же соляному холму, как у аммониев, и к источнику. И вокруг этого источника живут люди. Местность эта называется Авгилы. Сюда приходят насамоны для сбора фиников.

183. Далее в десяти днях пути от Авгил – опять соляной холм с источником и множеством плодоносных финиковых пальм, как и в других оазисах[550]. Там обитают люди по имени гараманты (весьма многочисленное племя). Они насыпают на соль землю и потом засевают. Отсюда – кратчайший путь к лотофагам, именно

[544] Речь идет о ритуальных боях в честь богини плодородия (карфагенская Танит).

[545] Как показывают изображения на египетских памятниках, это не соответствует действительности.

[546] До сих пор Геродот описывал прибрежные племена от египетской границы до совр. залива Габес. Дальнейшее описание относится к караванному пути от Фив в Верхнем Египте через различные оазисы до залива Габес. Здесь Геродот, вероятно, использовал египетский источник.

[547] Наблюдение Геродота о присутствии пресноводных источников среди соляных отложений правильно. Неверно, что эти источники начинаются на возвышенностях: источники и оазисы лежат в низменностях.

[548] См. II 143.

[549] Название источника теперь Айн-эль-Хамман. Изменение температуры источника зависит от перемены температуры воздуха.

[550] Речь идет о стране на совр. плоскогорье Фессан, именно о совр. долинах Вади-эш-Шиати и Харудж-эс-Сода. Здесь к югу от насамонов жили гараманты.

тридцать дней[551]. В земле гарамантов есть также быки, пасущиеся, пятясь назад. Пасутся же они, пятясь назад, вот почему. Рога у них загнуты вперед и из-за этого-то они и пасутся, отступая назад; вперед ведь они не могут идти, так как упираются в землю рогами. В остальном они ничем не отличаются от прочих быков, только кожа у них толще и на ощупь (мягче)[552]. Так вот, эти гараманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах[553], запряженных в четверку коней. Ведь пещерные эфиопы – самые быстроногие среди всех людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать. Эти пещерные жители поедают змей, ящериц и подобных пресмыкающихся. Язык их не похож ни на какой другой: они издают звуки, подобные писку летучих мышей[554].

184. Еще дальше, в десяти днях пути от гарамантов, находится другой соляной холм с источником. Около него также живет племя под названием атаранты – единственные, насколько я знаю, безымянные люди. Все они в совокупности носят имя атарантов[555], отдельные же люди – безымянны. Они проклинают беспощадно палящее солнце и осыпают его бранью за то, что солнечный зной губит людей и их землю. Далее еще через десять дней пути [приходим] опять к соляному холму с источником, вокруг которого также обитают люди. К этому-то соляному холму примыкает гора под названием Атлас. Гора эта узкая и круглая[556] и, как говорят, так высока, что вершин ее не видно. Зимой и летом она постоянно покрыта облаками. Местные жители называют ее столпом неба, и от имени этой-то горы они и получили свое название. И действительно, их зовут атлантами. Рассказывают [о них], будто они не едят никаких живых существ и не видят снов.

185. Названия племен, живущих в этой холмистой песчаной пустыне до атлантов, я могу перечислить, а дальше – уже нет. Как бы то ни было, эта холмистая песчаная пустыня простирается до Геракловых Столпов и даже еще дальше. Встречаются в пустыне через каждые десять дней пути все новые соляные копи и у них людские поселения. Жилища всех этих людей строятся из глыб каменной соли[557]. Эта часть Ливии совершенно не орошается дождями, в случае дождя ведь стены [хижин] из соли не могли бы выдержать. Добываемая там [из земли] соль с виду белого и пурпурного цвета. К югу от этой холмистой пустыни, т. е. еще далее в глубь страны, Ливия безлюдна, безводна, лишена зверей, безлесна и не орошается дождями, и нет там даже росы.

186. Итак, ливийские племена от Египта до озера Тритониды[558] – кочевники. Питаются они мясом и пьют молоко. Коровьего мяса они, впрочем, не едят по той же самой причине, как и египтяне. Свиней они тоже не разводят. Даже и киренские женщины считают греховным есть коровье мясо из благоговейного страха перед египетской Исидой. В честь Исиды у них установлены посты и празднества. А баркейские женщины, кроме коровьего мяса, избегают есть еще и свинину.

187. Так обстоит дело там. А к западу от озера Тритониды ливийцы уже не кочевники, и обычаи у них иные, и с детьми они обращаются не так, как это принято у кочевников. Эти-то ливийские кочевники – все ли они (я не могу утверждать достоверно), но, во всяком случае, многие – поступают с детьми вот

[551] Упомянутый здесь караванный путь вел от Герма (Гарама) через совр. Эдри, Хасси-эль-Мисселан, Гадамес и Набут на берегу залива Габес.

[552] На наскальных рисунках в этой области находим изображение буйволов с загнутыми назад рогами.

[553] Боевые колесницы гарамантов изображены на наскальных рисунках.

[554] Вероятно, наскальные рисунки и изображают этих "пещерных эфиопов". Немного спустя после Геродота они были совершенно уничтожены хамитскими пришельцами.

[555] Область атарантов граничила с Сахарой.

[556] Геродот правильно указывает круглую форму Атласских гор.

[557] Стены хижин построены из смеси соли с землей.

[558] Т. е. от совр. Марса Матрух до залива Габес.

как: четырехлетним детям они прижигают грязной овечьей шерстью[559] жилы на темени (а некоторые – даже на висках). [Это делается для того], чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни. Поэтому-то они, по их словам, исключительно здоровы. И действительно, насколько мне известно, ливийцы отличаются наилучшим здоровьем среди всех людей (впрочем, по этой ли именно причине, я точно сказать не могу). Во всяком случае – они самые здоровые люди. На случай судорог с ребенком во время прижигания у них есть лечебное средство: они окропляют ребенка козлиной мочой, и судороги проходят. Впрочем, я передаю только рассказы самих ливийцев.

188. Обычаи же при жертвоприношениях у этих кочевников вот какие. Сначала у жертвы отрезают кусок уха как начаток и бросают его через свой дом, а затем свертывают шею животному. Жертвы они приносят только солнцу и луне. Этим божествам совершают жертвоприношения все ливийцы, а жители области вокруг озера Тритониды – главным образом Афине, а потом Тритону и Посейдону[560].

189. Одеяние и эгиду на изображениях Афины эллины заимствовали у этих ливиянок. Только одежда ливиянок – кожаная, а подвески на эгиде – не змеи, а ремни, в остальном же одеяние того же покроя. Даже и само название указывает на то, что одежда на изображениях Паллады ливийского происхождения[561]. Ведь ливиянки носят поверх одежды козьи шкуры без шерсти, отделанные бахромой и окрашенные мареной. Из этого-то слова "айгес"[562] эллины и взяли [название] эгиды. Я думаю также, что громкие [призывные] вопли[563] [к божеству] при священнодействиях впервые возникли здесь: ведь ливиянки весьма искусные вопленицы. Так же и езде на четверке коней эллины научились от ливийцев.

190. Погребальные [обычаи] у кочевников (кроме насамонов) такие же, как у эллинов. Насамоны же хоронят покойников в сидячем положении. Когда умирающий испускает дух, они наблюдают, чтобы он умирал сидя[564], а не лежа на спине. Хижины их построены из асфоделиевых стеблей и переплетенных тростником циновок, и их можно переносить [с места на место][565]. Таковы обычаи этих племен.

191. К западу от реки Тритона в пограничной с авсеями области обитают ливийцы-пахари, у которых есть уже постоянные жилища. Имя этих ливийцев – максии. Они отращивают волосы на правой стороне головы и стригут их на левой, а свое тело окрашивают суриком. Говорят, будто они – выходцы из Трои[566]. В их земле, да и в остальной части Ливии к западу гораздо больше диких зверей и лесов, чем в области кочевников. Ведь восточная часть Ливии, населенная кочевниками, низменная и песчаная вплоть до реки Тритона. Напротив, часть к западу от этой реки, занимаемая пахарями, весьма гористая, лесистая, с

[559] Имеется в виду грязная овечья шерсть у заднего прохода. Лечение различных болезней, особенно эпилепсии, путем прижигания описанным способом встречается у кочевых племен. Объяснение Геродота основано на представлении о четырех жидкостях в человеческом теле, из коих флегма находилась в голове.

[560] В культе этих племен заметно финикийское (карфагенское) влияние.

[561] Геродот здесь ошибается. Афина - древнекритская змеиная богиня (об этом напоминают только змеи на щите-эгиде). В микенских письменных памятниках линеарного письма В Афина уже "Владычица" и вместе с Посейдоном является божеством - хранителем колесничих (знатных воинов, сражавшихся на колесницах).

[562] Айгес - козьи шкуры. Эгида - щит Афины из козьей шкуры.

[563] Вопли - греческий обычай, засвидетельствованный уже Гомером.

[564] Сидячие погребения.

[565] Речь идет о так называемых гурби - хижинах из хвороста и глины, крытых пальмовыми ветками.

[566] Быть может, воспоминание (легенда) о переселении хамитских племен из Передней Азии.

множеством диких зверей[567]. Там обитают огромные змеи, львы, слоны, медведи[568], ядовитые гадюки, рогатые ослы[569], люди-песьеглавцы и совсем безголовые[570], звери с глазами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливийцы), затем – дикие мужчины и женщины[571] и еще много других уже не сказочных животных.

192. В земле же кочевников вовсе нет таких зверей, но зато водятся вот какие: пигарги[572], зоркады[573], бубалиды[574] и ослы, но не рогатые, а иные, не пьющие воды[575] (и они, действительно, не пьют); затем ории[576] (из рогов их делают изогнутые грифы для лир): это животное величиной с быка; далее лисицы[577], гиены, дикобразы[578], дикие бараны[579], диктии[580], шакалы, пантеры, бории, сухопутные крокодилы[581] (длиной до 3 локтей), весьма похожие на ящериц, страусы[582] и маленькие однорогие змеи[583]. Кроме того, в западной Ливии водятся и такие животные, которые встречаются и в других землях (кроме оленя и дикого кабана). Оленя же и дикого кабана вовсе нет в Ливии. Мыши там трех пород: одни называются двуногие[584], другие – "зегерии" (ливийское слово, по-эллински значит холм)[585], третьи – ежи. В зарослях сильфия живут ласки, очень похожие на тартесских. Вот какое множество зверей водится в земле ливийцев-кочевников, насколько я могу судить по обстоятельным расспросам.

193. С максиями граничат завеки, у которых женщины на войне правят колесницами.

194. За этими [вавеками] далее идут гизанты. В их земле пчелы дают много меда, но еще больше, как говорят, его искусственно приготовляют мастера-ремесленники. Все эти племена раскрашивают свое тело суриком и едят обезьян. Обезьян же там, в горах несметное количество.

195. Против земли гизантов лежит, по словам карфагенян, остров под названием Каравис длиной в 120 стадий и очень узкий. С материка он легко доступен и полон маслин и виноградных лоз. На нем есть озеро, где местные девушки добывают из ила золотой песок с помощью обмазанных смолой птичьих перьев. Я не знаю, правда ли это, но записываю только то, что рассказывают. Впрочем, все может быть! Ведь я сам видел, как на Закинфе из озера и из источника добывали смолу[586]. Есть там [на Закинфе] также и много озер. Самое большое из них 70

[567] Речь идет о совр. Тунисе и Алжире.

[568] Слоны и медведи теперь в Северной Африке вымерли.

[569] Рогатые ослы, вероятно, род антилоп.

[570] Песьеглавцы и безголовые люди изображены на наскальных рисунках; вероятно, демоны.

[571] По-видимому, вымершие теперь в Северной Африке человекообразные обезьяны - гориллы.

[572] Вероятно, род газели с белым задом.

[573] Антилопа (Dorcas gazella) с белым брюхом.

[574] Капский олень (Antilope bubalus).

[575] Гну (Catoblepas gnu) - конебык.

[576] 'Oryez - орикс белый (Oryx leucoryx), вид антилопы, распространенный в Египте и Ливии.

[577] Степная лисица.

[578] Дикобраз (Hystrix cristata).

[579] Муфлон, теперь вымерший в Ливии.

[580] Т. е. жирафы. Название **** (сетчатое животное) происходит от узоров на их коже.

[581] Речь идет о панцирном крокодиле.

[582] Страусы теперь в Северной Африке вымерли.

[583] Речь идет о вымершем роде очковой змеи.

[584] Заяц-прыгун (Pedetes).

[585] Быть может, берберийская мышь.

[586] Смоляные источники находятся в юго-западной части острова около Кери.

футов в длину и ширину, а глубиной в 2 оргии. В это озеро опускают шест с привязанной на конце миртовой веткой, а затем извлекают [из воды] смолу на ветке. Смола эта имеет запах асфальта, но, впрочем, еще лучше пиерийской. Затем смолу выливают в яму, выкопанную близ озера. Когда яма наполнится, смолу разливают оттуда по амфорам. Предметы, попадающие в озеро, проходя под землей, появляются затем в море. А море находится в 4 стадиях от озера. Таким образом, и рассказ об острове у ливийского побережья, пожалуй, правдоподобен.

196. Карфагеняне же рассказывают еще вот что. Обитаемая часть Ливии простирается даже по ту сторону Геракловых Столпов. Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, завидев дым, приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки: если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и уезжают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока оно неравноценно товарам, так же как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота.

197. Это – ливийские племена, имена которых я знаю. Большинство их ни раньше не признавало власти персидского царя, ни теперь [во время похода]. Об этой части света я хочу еще заметить, что здесь живут четыре племени – не больше, насколько я знаю. Два из этих племен – коренные жители страны, а два других – нет. Ливийцы и эфиопы – коренные обитатели страны. Первые живут на севере, а последние – на юге. Финикияне же и эллины – пришельцы.

198. Я думаю, что Ливия не особенно плодородна и в этом ее нельзя сравнить с Азией или Европой. Исключение составляет только местность Кинип, лежащая на одноименной реке. Эта местность по урожаю плодов Деметры не уступает самым плодородным странам [других частей света]. Она вовсе непохожа на остальную Ливию: земля ее черная, она орошается источниками и не страдает ни от засухи, ни от чрезмерной влажности. В этой части Ливии ведь выпадают дожди[587]. Урожай хлеба там обычно столь же богат, как в Вавилонии. Плодородна также и область, занимаемая евесперитами. Она ведь в лучшие годы приносит урожай сам-сто, а Кинипская земля – сам-триста.

199. В Киренской области, самой возвышенной части Ливии, населенной кочевниками, бывает три разных времени жатвы, что весьма удивительно[588]. Сначала созревают [для жатвы] плоды на морском побережье. После уборки здесь урожая поспевает хлеб внутри страны, в лежащей над морем так называемой холмистой местности. Когда убран и этот урожай, зреет и поспевает хлеб на самых высоких местах внутри страны. Поэтому, когда первый урожай винограда и хлеба уже выпит и съеден, поспевает последний. Таким образом, жатва продолжается у киренцев восемь месяцев. Но об этом довольно.

200. Когда персидское войско, посланное из Египта Ариандом на помощь Феретиме, прибыло в Барку, персы приступили к осаде города и потребовали выдачи виновников убийства Аркесилая. Но так как весь народ баркейцев был причастен к убийству, то горожане отвергли это требование. Осада Барки после этого продолжалась девять месяцев. Персы проложили подкопы до городской стены и пытались взять город ожесточенными приступами[589]. Однако эти подкопы одному кузнецу удалось обнаружить при помощи обитого медью щита, именно вот каким образом. Обходя со щитом стены с внутренней стороны, кузнец прикладывал его к земле. Там, где не было подкопа, приставленный к земле щит

[587] Речь идет о зимних дождях. Годовые осадки составляют в совр. Типоли 400, а в Хомсе - 300 мм.

[588] Плодородие Кирены зависело от регулярных зимних дождей (405 мм).

[589] Эта осадная техника развилась в Ассирии и Вавилоне и затем была воспринята персами. Грекам она была тогда еще неизвестна.

не издавал звука, но там, где был подкоп, медь щита начинала звучать. Тогда баркейцы проложили встречный подкоп и перебили рывших землю персов. Так-то был обнаружен подкоп персов, а приступы баркейцы отбивали.

201. Так продолжалось долгое время, и с обеих сторон пало много воинов, и персов – даже больше. Тогда Амасис, начальник сухопутного войска, решив, что силой баркейцев не одолеть, а только хитростью, придумал вот что. Он приказал ночью выкопать широкий ров, положить поперек его тонкие доски, а поверх досок насыпать земли и затем сравнять с остальным грунтом. На рассвете Амасис предложил баркейцам вступить в переговоры. Баркейцы с радостью согласились, так как желали мира. Соглашение было заключено примерно такое. Персы поклялись над потайным рвом: пока земля эта остается нерушимой, нерушима и клятва. Баркейцы же обязались платить царю дань, а персы – больше не причинять им зла. После этой клятвы баркейцы, доверяя договору, не только сами Вышли из города, но и разрешили персам по желанию входить в город и открыли все ворота. Персы же, разломав помост, скрывавший ров, ворвались в город. Разрушили же они этот помост для того, чтобы не преступить клятвы: они ведь поклялись баркейцам, что будут сохранять верность в клятве все время, пока земля остается такой, как была. После уничтожения помоста клятва потеряла силу.

202. После того как персы отдали Феретиме главных виновников [убийства] из баркейцев, она приказала посадить их на кол вокруг городской стены, а их женам отрезать груди и украсить [ими] стену. Остальных горожан она отдала персам для продажи в рабство, кроме потомков Батта и людей, не виновных в убиении Аркесилая. Им-то Феретима и отдала управление городом.

203. Итак, обратив в рабство остальных баркейцев, персы двинулись назад в Египет. Когда персы подошли к городу киренцев, жители его, повинуясь изречению какого-то оракула, пропустили войско через свой город. Пока войско еще проходило через город, Бадр, начальник персидского флота, приказал захватить город. Однако Амасис, начальник сухопутного войска, не позволил этого, так как, по его словам, он послан в поход только против одного эллинского города Барки. Миновав затем город и разбив стан на холме Зевса Ликейского, персы раскаялись, что не овладели Киреной, и сделали попытку снова проникнуть в город. Киренцы, однако, не допустили их. Тут персами овладел такой страх, что они бросились бежать и остановились только стадиях в 60 [от города]. Когда войско разбило здесь стан, прибыл вестник от Арианда с приказанием возвращаться. Тогда персы попросили у киренцев продовольствия на дорогу и, получив его, возвратились в Египет. В пути, однако, их подстерегли ливийцы и убивали отстающих и медленно двигавшихся из-за одежды и поклажи воинов, пока, наконец, войско не пришло в Египет.

204. Это персидское войско проникло в Ливию не далее области Евесперид[590]. Что же до обращенных в рабство баркейцев, то персы увели их из Египта к царю Дарию, а царь отвел им для поселения деревню в Бактрии. Деревню эту они назвали Барка, и еще до нашего времени живут там в Бактрии.

205. Но и Феретима не кончила свою жизнь благополучно. По возвращении в Египет, отомстив баркейцам, она умерла лютой смертью. Ибо ее тело еще заживо сгнило от кишащих в нем червей[591]. И действительно, слишком жестокое мщение делает людей ненавистными богам. Таково-то и столь страшно было мщение баркейцам Феретимы, супруги Батта.

[590] Т. е. приблизительно до совр. области Бенгази.

[591] Вероятно, гангрена как следствие диабета, весьма распространенного на Востоке.

Книга V

ТЕРПСИХОРА

1. Первым из городов на Геллеспонте персидское войско во главе с Мегабазом, оставленное Дарием в Европе, покорило Перинф (перинфяне не желали признать владычества Дария). Уже раньше Перинф потерпел жестокое поражение от пеонов. Этим-то пеонам, живущим на Стримоне, божество изрекло оракул идти войной на перинфян. [Изречение оракула гласило]: "Если из стана, расположенного против перинфян, их громко окликнут по имени, то пеоны должны нападать; в противном же случае – не двигаться". Пеоны так и поступили. Перинфяне же разбили стан перед воротами своего города, и здесь по их вызову произошло тройное единоборство. Два воина, два коня и два пса вступили в бой. Одержав победу в двух поединках, перинфяне от радости запели пеан[592]. Пеоны же приняли слова этого пеана за изречение оракула. Они рассуждали между собой так: "Прорицание оракула исполнилось. Дело теперь за нами!". Тогда пеоны напали на перинфян, когда те затянули пеан, и разбили врага наголову, так что немного их осталось в живых.

2. Вот какую беду перинфянам еще раньше пришлось претерпеть от пеонов. Теперь же персы и Мегабаз все же одолели их численностью, хотя они доблестно сражались за свободу. Овладев Перинфом, Мегабаз повел войско через Фракию и покорил царю все города и народности вдоль побережья. Таково было повеление Дария покорить Фракию.

3. Народ фракийский после индийцев – самый многочисленный на земле[593]. Будь фракийцы только единодушны и под властью одного владыки, то, я думаю, они были бы непобедимы и куда могущественнее всех народов. Но так как они никогда не могли прийти к единодушию, то в этом-то и коренилась их слабость. Племена их в каждой местности носят особые названия. Нравы и обычаи у всех одинаковы, кроме гетов, травсов и племен, живущих севернее крестонеев[594].

4. О деяниях гетов и их вере в бессмертие я уже рассказывал[595]. Образ жизни травсов в общем такой же, как и у других фракийских племен. Только обычаи при рождении и кончине у них особенные. А именно, вот какие. [При рождении] родные усаживаются вокруг новорожденного младенца и горюют о том, сколько бедствий ему предстоит еще перенести в жизни. При этом перечисляют все людские горести и заботы. Напротив, погребение покойников у них проходит с шутками и весельем[596]. Ведь мертвые, [по мнению гетов], уже избавились от всех жизненных зол и печалей и ведут радостную и блаженную жизнь.

5. У племен же, обитающих севернее крестонеев, существует вот какой обычай. Когда кто-нибудь из племени умирает, то его жены (а у всех их много жен) начинают жаркий спор (при ревностном участии друзей): какую из них покойник-муж любил больше всех. Разрешив спор, мужчины и женщины осыпают супругу-избранницу похвалами и ближайшие родственники закалывают ее на могиле и затем предают земле вместе с супругом. Остальные же жены сильно горюют, [что выбор пал не на них]: ведь это для них – величайший позор[597].

6. Обычаи прочих фракийцев вот какие: детей своих они продают на чужбину. [Целомудрия] девушек они не хранят, позволяя им вступать в сношение с любым

[592] Пеан –хоровая песнь, которую запевали в честь победы; рефреном ее служил возглас: "О Пеан". Пеан было прозвищем различных богов, в особенности Аполлона.

[593] Индийцы на востоке и фракийцы на северо-востоке –самые крайние народности, известные грекам.

[594] Племена фракийцев, жившие над крестонеями, обитали между верховьями совр. Струмы и Вардаром.

[595] См. выше, IV 93–4.

[596] Речь идет о ритуальном смехе, которым прогоняли смерть.

[597] Подобный же обычай существовал в Индии.

мужчиной[598]. Напротив, [верность] замужних женщин строго соблюдают и покупают себе жен у родителей за большие деньги. Татуировка [на теле] считается у них [признаком] благородства[599]. У кого ее нет, тот не принадлежит к благородным. Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом. Напротив, к земледельцу они относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника. Таковы самые замечательные их обычаи.

7. Богов фракийцы чтут только трех: Ареса, Диониса и Артемиду[600]. А их цари (в отличие от остального народа) больше всех богов почитают Гермеса и клянутся только им. По их словам, и сами они произошли от Гермеса[601].

8. Погребальные обряды богатых фракийцев вот какие. Тело покойника выставляют на три дня. При этом закалывают жертвенных животных всякого рода и после погребальных воплей устраивают тризну. Затем тело сжигают или иным способом предают земле[602] и, насыпав курган, устраивают различные состязания. Высшие награды назначаются за единоборство, смотря по важности [состязания]. Это погребальные обычаи фракийцев.

9. О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по-видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность – сигинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени. Сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии[603], зовут мелких торговцев, а жители Кипра – копья.

10. По рассказам фракийцев, в области за Истром обитают пчелы[604] и из-за них-де проход далее невозможен. Мне-то такие рассказы кажутся во всяком случае невероятными: ведь эти насекомые, по-видимому, не выносят холода. Скорее, думается мне, эти северные страны необитаемы, именно, из-за холодов. Такие рассказы передают об этой стране, побережье которой Мегабаз подчинил персам.

11. Едва перейдя Геллеспонт, Дарий тотчас же вспомнил о великой услуге, оказанной ему Гистиеем из Милета и о совете Коя из Митилены. Он повелел им прибыть в Сарды и предложил по [их собственному] выбору просить [любой] милости. Гистией, который был уже тираном Милета, не желал больше никакой тирании, но просил дать ему во владение местность Миркин в земле эдонян, где он хотел основать город. Так вот, Гистией выбрал эту землю. Кой же, который не был тираном, но простым гражданином, попросил царя сделать его тираном Митилены.

12. Царь удовлетворил желание их обоих, и они отправились в места по своему

[598] В противоположность грекам и италикам эти фракийские племена не вынуждали девушек сохранять целомудрие.

[599] Обычай татуировки был общим у фракийцев со скифами. Татуировка, вероятно, была первоначально магическим средством охотников для привлечения дичи.

[600] Т. е. бога войны, бога плодородия и богиню рождения.

[601] Фракийские царьки возводили свое происхождение к древнему богу Гермесу.

[602] Существовавший у фракийцев обычай сжигании и погребения в земле трупов указывает на неоднородный состав населения. Находки во фракийских могилах обнаруживают сильное скифское влияние.

[603] К северу от греческой колонии Массалии жили лигурийские племена салиев (или саллювиев).

[604] Геродот (или его осведомитель), быть может, здесь объясняет туземное название иллирийского племени, которое звучало как "милиссай" (по-гречески "пчелы").

выбору. Вышло, однако, так, что Дарий из-за одного случая, который ему пришлось наблюдать, приказал Мегабазу покорить пеонов и изгнать их из Европы в Азию. Два пеона, именно Пигрет и Мантиес, прибыли в Сарды по возвращении Дария в Азию вместе со своей сестрой, девушкой статной и красивой (братья сами хотели сделаться владыками пеонов). Воспользовавшись случаем, когда Дарий однажды, восседая перед воротами города, разбирал тяжбы, они сделали вот что. Братья нарядили сестру как можно красивее и послали с сосудом на голове за водой. Девушка вела за собой коня, привязанного на поводу к руке, и пряла лен. Проходя мимо, она привлекла внимание Дария, потому что ее действия были необычны для персов, лидийцев и какого-либо другого народа Азии. Удивленный царь послал несколько своих телохранителей с приказанием посмотреть, что станет делать девушка с конем. Телохранители следовали за ней сзади. А она, придя к реке, напоила коня, а затем наполнила сосуд водой и пошла опять назад мимо царя тем же путем с сосудом на голове, ведя привязанного к руке коня и вращая веретено.

13. А Дарий, дивясь и рассказу [телохранителей], и тому, что видел сам, повелел привести женщину пред свои очи. Когда ее привели, то пришли и ее братья, которые неподалеку "на страже стояли"[605]. На вопрос Дария, откуда она родом, юноши отвечали, что они пеоны, а это – их сестра. Царь же спросил, что за люди пеоны, где они живут и зачем пришли в Сарды. А те отвечали, что пришли они отдать себя под его покровительство. Пеония же расположена на реке Стримоне, а Стримон течет вблизи Геллеспонта; они – потомки тевкров из Трои. Все это юноши рассказывали, а царь спросил: все ли женщины там такие же трудолюбивые, как эта. Юноши и это охотно подтвердили, потому что ради этого-то они и привели сестру к царю.

14. Тогда Дарий написал послание Мегабазу, которого он оставил военачальником во Фракии[606], с повелением изгнать пеонов с их родины и привести к нему вместе с женами и детьми. Тотчас же всадник поспешил с этой вестью к Геллеспонту и, переправившись через пролив, вручил послание Мегабазу. А Мегабаз прочитал послание и, взяв фракийских проводников, выступил в поход на пеонов.

15. Когда пеоны узнали, что персы идут войной на них, то, собрав войско, двинулись к морскому побережью: они думали, что персы придут оттуда. Так пеоны стояли на море, готовясь отразить нападение Мегабазова войска. Персы же, проведав о том, что пеоны собрались и заняли проход у моря, избрали верхний путь [по горам], так как у них были проводники. Затем тайно от пеонов персы напали на их города, лишенные защитников. Напав таким образом, персы легко овладели ими. При вести о том, что их города в руках персов, [войско] пеонов немедленно рассеялось и каждый [воин] возвращался в свой город и сдавался персам. Так-то племена пеонов: сириопеоны, пеоплы и все пеоны, обитавшие [в области] вплоть до озера Прасиады, были изгнаны из родных земель и уведены в Азию.

16. Племена же у горы Пангея – доберы, агрианы, одоманты – и племена на самом озере Прасиада вообще не были покорены Мегабазом. Он пытался, правда, изгнать также и племена, жившие на самом озере. А живут эти племена вот как: среди озера стоит на высоких опорных сваях связанный [из досок] помост, куда ведет с суши узкий проход по одному мостику. А сваи, подпирающие помост, забивало в древние времена сообща все племя. Впоследствии же был введен вот такой обычай: каждый собирающийся жениться должен принести с горы под названием Орбел и вколотить за одну женщину по три опорных сваи. Но у каждого пеона много жен. Живут же пеоны там вот как: у каждого есть на этом помосте хижина, где он живет, с люком, [проделанным] в помосте и ведущим в озеро. Маленьких детей они привязывают за ногу веревкой, чтобы те не упали в воду. Своих коней и вьючный скот они кормят рыбой. Рыбы там так много, что если

[605] Гомеризм, ср.: Одиссея VIII, 302.

[606] Между Сардами и Фракией у персов существовала курьерская связь, поддерживаемая цепью станций с готовыми перекладными лошадьми.

открыть люк и опустить [в озеро] пустую корзину, то спустя немного времени вытащишь ее, полную рыбы. В озере водится рыба двух пород: папрак и тилон.

17. Итак, покоренные племена пеонов персы увели в Азию. А Мегабаз после покорения пеонов отправил в Македонию послов – семь персов, наиболее важных после него самого людей в войске[607]. Этих людей отправили послами к Аминте с требованиями земли и воды царю Дарию. От озера Прасиады ведет кратчайший путь в Македонию[608]. К озеру непосредственно примыкает рудник, который впоследствии приносил Александру ежегодный доход талант серебра. За этим рудником возвышается гора под названием Дисорон, а за ней уже – Македония.

18. Итак, эти персидские послы прибыли [в Македонию], предстали перед Аминтой и затем потребовали земли и воды царю Дарию. Аминта же обещал дать и то и другое и пригласил послов на угощение. Царь устроил роскошный пир и любезно угощал персов. А после пира персы, продолжая без удержу бражничать, сказали вот что: "Друг-македонянин! У нас, персов, когда мы задаем пир, есть обычай приводить к столу наших наложниц и жен. Ты столь радушно принял нас и так великолепно угостил и даже хочешь дать царю землю и воду, исполни же [для нас] этот наш обычай". Аминта ответил на это: "У нас нет этого в обычае: мужчины и женщины [пируют] у нас отдельно. Но поскольку таково ваше желание, а вы – наши владыки, то будь по-вашему". После этих слов Аминта велел послать за женщинами. Женщины явились на зов и уселись в ряд против персов. Тут персы при виде красивых женщин стали говорить Аминте, что он поступил неумно [и не угодил им]. Лучше уж было бы женщинам вообще не являться, чем прийти и сидеть напротив, как помрачение очам. Тогда Аминта был вынужден приказать женщинам сесть рядом с персами. Но едва женщины успели пересесть, как персы стали хватать их за груди, так как напились сверх меры, и некоторые пытались даже целовать женщин.

19. При виде этого Аминта хотя и возмущался, но все же старался сохранить спокойствие, так как сильно боялся персов. Александр же, сын Аминты, который также был участником пира и видел все это, как человек молодой и не вкусивший еще [жизненных] невзгод, не мог смолчать и с негодованием сказал Аминте вот что: "Отец! В твои годы тебе лучше бы отдохнуть и больше не пить: Я же останусь с гостями и приготовлю им все, что нужно". Аминта понял, что Александр затеял недоброе дело и сказал: "Сын мой! По твоим гневным словам я понимаю, что ты отсылаешь меня, замыслив что-то недоброе. Поэтому прошу тебя оставить этих людей в покое, чтобы не погубить нас. Сдерживайся и не обращай внимания на происходящее. Что же до твоего совета уйти, то я согласен".

20. Когда Аминта после этого вышел, Александр сказал персам: "Эти женщины, друзья, всецело в вашем распоряжении. Вы можете по желанию спать со всеми или только с некоторыми из них. Подайте только знак о вашем желании. А теперь уже пора спать, и, как я вижу, вы сильно опьянели. А этих вот женщин прошу вас отпустить совершить омовение. После чего и ждите их". Персы согласились, и Александр отослал женщин в женский покой. Сам же он велел переодеть в женские одежды столько же безбородых юношей и, дав им кинжалы, ввел в покой. А персам Александр сказал вот что: "Персы! Кажется, вы попировали на славу! Все, что у нас есть и что мы могли достать, – все перед вами! И даже – что для нас самое дорогое – мы отдали в ваше распоряжение наших матерей и сестер, чтобы вы поняли, какие почести мы воздали вам по заслугам. А царю, пославшему вас, сообщите, какой радушный прием оказал вам эллин, правитель Македонии, угостив вас и предоставив ложе!". После этого Александр приказал каждому юноше под видом женщины сесть рядом с персом. А когда персы стали хватать юношей, те перебили их.

21. Такая печальная участь постигла самих послов и их свиту (ведь они привезли с собой челядь и повозки со всем обычным у персов скарбом). Так вот, все это

[607] Персы из семи знатнейших семей, верхушка персидской аристократии (ср. III 84).

[608] Геродот описывает дорогу из долины совр. Струмы (Стримон) через оз. Дойран в долину совр. Вардара.

вместе с самими послами бесследно исчезло. Вскоре после этого персы, конечно, начали тщательные поиски этих людей. Однако Александр сумел ловко замять это дело. А именно, он подкупил перса Бубара, главу персидских должностных лиц, посланных на розыск пропавших послов, отдав ему огромную сумму денег и свою сестру Гигею. Так-то [дело] о гибели этих персов было улажено[609].

22. А то, что эти македонские цари, потомки Пердикки, – действительно эллины, утверждают не только они сами, но и я убежден в этом. Кроме того, и судьи Олимпийских состязаний признали это. Когда Александр пожелал принять участие в состязаниях и для этого прибыл в Олимпию, то эллины, участники состязаний, требовали его исключения[610]. Эти состязания, говорили они, для эллинов, а не для варваров. Александр же доказал, что он аргосец, и судьи признали его эллинское происхождение. Он принял участие в беговом состязании и пришел к цели одновременно с победителем. В общем дело обстояло так.

23. Мегабаз же прибыл с пеонами к Геллеспонту. Оттуда он приказал перевезти их через пролив и привел в Сарды. А Гистией из Милета уже начал строить город на пожалованной ему Дарием земле в награду за сохранение моста (земля же эта под названием Миркин находилась на реке Стримоне). Мегабаз услышал о том, что делает Гистией, и, как только прибыл с пеонами в Сарды, сказал Дарию вот что: "Царь! Что это ты сделал, разрешив этому дошлому и хитрому эллину построить город во Фракии? Там огромные корабельные леса и много [сосны] для весел, а также серебряные рудники. В окрестностях обитает много эллинов и варваров, которые, обретя в нем своего вождя, будут день и ночь выполнять его повеления. Не позволяй ему этого делать, иначе тебе грозит война в твоем собственном царстве. Прикажи ему явиться к тебе и заставь прекратить работы. А когда ты его захватишь в свои руки, сделай так, чтобы он больше уже не возвращался к эллинам".

24. Этими словами Мегабаз легко убедил Дария, так как царь ясно видел, какие последствия будет иметь строительство города. После этого Дарий послал вестника в Миркин с повелением передать [тирану] вот что: "Гистией! Так говорит царь Дарий. Размышляя [о благе и судьбе моего царства], я не нахожу никого преданнее тебя как лично мне, так и моей державе. И в этом меня убедили не слова, а дела твои. Я задумал совершить ныне великие деяния. Поэтому непременно явись ко мне, ибо я желаю сообщить тебе об этом". Гистией поверил этим словам (да к тому же и очень гордился быть царским советником) и прибыл в Сарды. По прибытии же в Сарды Дарий сказал ему вот что: "Гистией! Послал я за тобою вот почему. Как только я возвратился из Скифии и ты пропал с глаз моих, я вскоре почувствовал, что больше всего жалею о твоем отсутствии и о том, что не могу беседовать с тобой. Я убежден, что высшее благо на земле – это мудрый и верный друг. То и другое я обрел в тебе, и моя судьба подтверждает это. Итак, хорошо ты поступил, придя ко мне, и я предлагаю тебе вот что: оставь Милет и вновь основанный город во Фракии, иди со мною в Сусы и там разделяй со мною как мой сотрапезник[611] и советник все, что у меня есть".

25. Так сказал Дарий. Затем царь поставил сатрапом Сард своего сводного брата Артафрена и вместе с Гистиеем отбыл в Сусы. Отана же он назначил начальником войска в Приморской области. Отец этого Отана – Сисамн был одним из царских судей. За то, что этот Сисамн, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор, царь Камбис велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на

[609] Эпизод об убиении персидских послов –придуманная впоследствии патриотическая легенда. Исторически достоверно, что Александру I пришлось подчиниться персам и в знак покорности отдать свою сестру в гарем знатного персидского вельможи. Для персов покорение Пеонии и Македонии было необходимо, так как эти области должны были служить плацдармом для похода на Грецию.

[610] По преданию (ср. VIII 137), македонские цари происходили из Аргоса.

[611] Сотрапезники персидского царя обладали особыми привилегиями. Быть сотрапезником царя считалось величайшей честью.

котором тот восседал в суде. Обтянув кресло [такими ремнями], Камбис назначил судьей вместо Сисамна, которого казнил и велел затем содрать кожу, его сына, повелев ему помнить, на каком кресле восседая он судит.

26. Этот-то Отан, который должен был судить на таком кресле, стал тогда преемником Мегабаза в звании главного военачальника. Он завоевал Византий и Калхедонию, овладел Антандром в Троаде и Лампонием. Затем на лесбосских кораблях завоевал Лемнос и Имброс (оба этих острова тогда еще населяли пеласги)[612].

27. Лемносцы же, правда, мужественно сражались, но все же после долгого сопротивления были побеждены. Правителем над уцелевшими лемносцами персы поставили Ликарета, сына Меандрия, брата царя Самоса. Этот-то Ликарет затем скончался правителем Лемноса [...][613] Причина же была вот какая. Отан всех их обращал в рабство, обвинял одних за отказ служить персам в походе на скифов, а других в [предательских] нападениях на войско Дария при возвращении.

28. Такие дела совершил Отан как военачальник. Затем для эллинских городов пришли (хотя и ненадолго) лучшие времена. Но вскоре на Ионию вновь обрушились невзгоды из Наксоса и Милета. Наксос ведь был тогда богаче других островов, а Милет в то время процветал как никогда – ни раньше, ни позже. Это была жемчужина Ионии. За два поколения до этого Милет раздирали гражданские распри, пока паросцы не примирили [враждующие партии]. Милетяне выбрали в посредники именно паросцев из всех эллинов.

29. А примирили их паросцы вот как. Когда знатнейшие жители Пароса прибыли в Милет, то увидели там дотла разоренных жителей и объявили, что желают обойти их поля. Так паросцы и сделали: они обошли всю Милетскую область из конца в конец. Если им случалось заметить в опустошенной стране хорошо возделанный участок, то они записывали имя хозяина. Лишь немного таких участков им удалось найти при обходе всей страны. По возвращении в город паросцы созвали народное собрание и передали управление городом тем [немногим хозяевам], чьи участки были хорошо возделаны. [Сделали же они так] потому, по их словам, что тот, кто заботится о своем участке, будет так же хорошо заботиться и об общем достоянии. Прочим милетянам, которые раньше бунтовали, паросцы приказали подчиняться [назначенным ими] людям.

30. Так-то паросцы примирили милетян. А теперь невзгоды, вновь разразившиеся над Ионией, начались из-за этих двух городов. Произошло же это вот как. Из Наксоса народ изгнал несколько богатых граждан. Изгнанники прибыли в Милет. Правителем же Милета был тогда Аристагор, сына Молпагора, зять и двоюродный брат Гистиея, Лисагорова сына, которого Дарий удерживал у себя в Сусах. Гистией ведь был тираном Милета и, когда эти наксосцы – прежние гостеприимцы[614] Гистиея – прибыли в Милет, как раз находился в Сусах. Они стали просить Аристагора дать им какой-нибудь [отряд] войска, чтобы [с его помощью] вернуться на родину. Аристагор же сообразил, что, возвратив изгнанников, он может стать владыкой острова[615], и сказал им вот что (прикрывая свой замысел дружественными связями их с Гистиеем): "Сам я, конечно, не могу обещать вам выставить столь большое войско, чтобы вернуть вас из изгнания на Наксос против воли господствующей в городе партии. Ведь, как я слышу, у наксосцев есть 8000 гоплитов и много военных кораблей. Впрочем, я хочу сделать все, что возможно, и думаю действовать вот как. Артафрен – мой друг, а Артафрен, как вы знаете, – сын

[612] Пеласги были пришельцами из Пеласгиотиды в северной Фессалии.

[613] Лакуна в тексте.

[614] В Греции издавна существовали особые союзы (ксении) между гражданами отдельных государств. Люди, связанные взаимным союзом гостеприимства, назывались ксенами (гостеприимцами, "кунаками"). Отдельные лица могли быть "гостеприимцами" (проксенами) какого-нибудь государства. Они защищали интересы этого государства у себя на родине.

[615] На о. Наксосе так называемая народная партия свергла господство аристократии. Изгнанные аристократы обратились за помощью в Милет, где аристократы были у власти.

Гистаспа и брат царя Дария. Он повелевает всеми народами и городами на побережье Азии. Под его начальством большое войско и много кораблей. Этот-то человек, как я думаю, уж, конечно, сделает все, что мы его ни попросим". Услышав эти слова, наксосцы поручили Аристагору устроить это дело наилучшим образом. Артафрену они велели обещать подарки, а расходы на содержание войска, по их словам, они возьмут на себя. Они совершенно уверены далее, что появись только [персы] у острова, как наксосцы тотчас же выполнят все их приказания так же, как и прочие островитяне. Тогда ведь ни один из Кикладских островов еще не был под властью Дария.

31. Итак, Аристагор прибыл в Сарды и рассказал Артафрену об острове Наксосе: "[Остров этот], правда, небольшой, но красивый и плодородный и находится поблизости от Ионии; здесь большие богатства и много рыбы. Поэтому выступи в поход на эту землю и возврати на остров изгнанников. И если ты только это сделаешь, то у меня есть много денег и помимо [сумм], назначенных на содержание войска (ведь эта-то обязанность по справедливости должна лежать на нас, предводителях). Затем ты сможешь завоевать царю не только Наксос, но и зависимые от него острова: Парос, Андрос и другие, так называемые Киклады. Отсюда ты легко сможешь напасть на Евбею – большой богатый остров, не меньше Кипра – и без труда его завоевать. Сотни кораблей довольно, чтобы захватить все эти острова". Артафрен же отвечал ему так: "Ты пришел в царский дом с добрыми вестями. Все, что ты советуешь, – хорошо. Только вместо сотни весной у тебя должно быть готово две сотни кораблей. Впрочем, на это следует испросить согласие самого царя".

32. Аристагор же, услышав такой ответ, чрезвычайно обрадованный, возвратился в Милет. А Артафрен послал [вестника] в Сусы сообщить царю предложение Аристагора. Дарий дал согласие, и Артафрен снарядил тогда 200 триер и большое войско из персов и союзников. Во главе войска царь поставил Мегабата, перса из рода Ахеменидов, двоюродного брата Артафрена и Дария. С его-то дочерью впоследствии обручился Павсаний, сын Клеомброта, лакедемонянин (если только верен слух), так как он [Павсаний] захотел стать владыкой Эллады. Итак, назначив Мегабата военачальником, Артафрен послал войско Аристагору.

33. Мегабат же вместе с Аристагором, ионийским флотом и наксосскими изгнанниками отплыл из Милета, держа курс якобы к Геллеспонту. Дойдя до Хиоса, он бросил якорь у Кавкасов, чтобы с северным ветром переправиться оттуда на Наксос. Однако Наксосу не суждено было погибнуть при этом походе, и вот какой случай его спас. Обходя однажды сторожевые посты на кораблях, Мегабат на одном миндийском корабле вовсе не нашел стражи. В яростном гневе он приказал телохранителям схватить капитана этого корабля, по имени Скилак, связать его и просунуть через бортовой люк[616] таким образом, чтобы голова торчала снаружи, а туловище находилось внутри. Когда Скилак был уже связан, кто-то сообщил Аристагору, что Мегабат, мол, велел связать его гостеприимца из Минда и подвергнуть позорному наказанию. Аристагор явился к Мегабату и стал упрашивать простить Скилака. Но перс оставался неумолим, и тогда Аристагор пошел сам и освободил Скилака. Узнав об этом, Мегабат пришел в негодование и [теперь] обратил свой гнев на Аристагора. А тот сказал: "Что тебе до моих дел? Разве Артафрен не послал тебя, чтобы повиноваться мне и плыть, куда я прикажу? Зачем ты суетишься и суешься не в свое дело?". Так сказал Аристагор. А Мегабат в бешенстве с наступлением ночи отправил корабль на Наксос сообщить наксосцам все замыслы против них.

34. Наксосцы вовсе не ожидали, что этот флот нападет на них. Но теперь, получив такое известие, они немедленно перенесли все запасы хлеба с полей в город, заготовили для осады продовольствие и воду и восстановили городские стены. Так они подготовились к предстоящей войне. А когда враги из Хиоса переправились на кораблях к Наксосу, то нашли там все готовым к защите и

[616] Бортовой люк –это отверстие в корабле, через которое просовывалось весло.

осаждали город четыре месяца. Израсходовав, наконец, все привезенные с собой деньги (да и самому Аристагору пришлось также истратить огромные средства, а осада между тем поглощала все больше денег), персы построили наксосским изгнанникам крепость и с большим уроном вернулись в Азию.

35. Итак, Аристагор не смог выполнить своего обещания Артафрену. К тому же его угнетали еще и расходы на содержание войска, которые нужно было оплачивать; затем его беспокоили тяжелое состояние войска и тревожные опасения, что его ссора с Мегабатом будет стоить ему владычества над Милетом. Все эти опасения внушили Аристагору мысль поднять восстание против персов. А как раз в это время прибыл к Аристагору из Сус вестник от Гистиея (на голове у вестника были написаны письмена) с советом отложиться от царя. Ведь Гистией желал склонить Аристагора к восстанию, но не мог найти другого безопасного способа [передать свой совет], так как все дороги [из Сус] охранялись. Тогда Гистией велел обрить голову своему верному слуге, наколол на голове татуировкой знаки, а затем, подождав, пока волосы отрастут, отослал его в Милет. Гистией дал слуге только одно поручение: прибыв в Милет, просить Аристагора обрить ему волосы и осмотреть голову. Знаки же на голове слуги, как я уже сказал, призывали к восстанию. А Гистией поступил так, потому что вынужденное пребывание в Сусах было для него великим несчастьем. В случае же восстания он определенно надеялся, что его отпустят к морю. Не решись же Милет на восстание, Гистией не мог бы рассчитывать когда-нибудь опять попасть туда.

36. Так вот, эти-то соображения и заставили Гистиея послать упомянутого вестника, и именно как раз в то время в силу стечения всех этих обстоятельств Аристагор решился на восстание. Аристагор собрал своих приверженцев на совет, изложил им свой замысел и рассказал о предложении Гистиея. Все остальные [присутствующие] соглашались с ним и советовали начать восстание. Только один логограф Гекатей был вообще против войны с персидским царем[617]. При этом Гекатей сначала перечислил все подвластные Дарию народности и указал на персидскую военную мощь. Затем, когда ему не удалось убедить совет, он предложил добиться по крайней мере хотя бы господства на море. По его словам, он не видит иной возможности успеха, так как ему прекрасно известна слабость военной силы милетян, как только взять из святилища в Бранхидах сокровища[618] – посвятительные дары лидийского царя Креза. Тогда-то, он совершенно уверен, Милет добьется господства на море, и таким образом и сокровища будут в их руках, и враги не смогут их разграбить. Сокровища же эти были весьма велики, как я уже рассказал в первой части моего труда. Этот совет милетяне также не приняли; тем не менее они решили начать восстание. Один из милетян должен был отплыть в Миунт к флоту, возвратившемуся с Наксоса, и попытаться захватить военачальников на кораблях.

37. С этим поручением был отправлен Иатрагор. Ему удалось хитростью захватить многих из них: между прочим, Олиата, сына Ибаноллия из Милас; Гистиея, сына Тимна из Термер; Коя, сына Эрксандра, которому Дарий пожаловал во владение Митилену; Аристагора, сына Гераклида из Кимы, и многих других. Так-то Аристагор открыто поднял восстание и пустил в ход все средства во вред Дарию. Прежде всего он для вида уничтожил тиранию и установил демократию в Милете для того, чтобы милетяне добровольно примкнули к восстанию. После этого Аристагор сделал то же самое и в остальной Ионии – одних тиранов он

[617] Геродот, очевидно, цитирует далее рассказ Гекатея, который сообщал о своей роли в начале восстания. В Ионии не все группы населения были за войну с персами. Противниками персов были только те группы торгово-ремесленного класса, которые были заинтересованы в торговле с Причерноморьем и Фракией. Напротив, группы, имевшие интересы в самой Малой Азии, а не в Понте, стояли за подчинение персам. Сам Геродот считает, что войны с великой и могучей Персией можно и нужно было избежать. Осведомители Геродота всячески стремились изобразить ионическое восстание как образец безрассудного злодейства.

[618] См. выше, I 92.

изгнал, а других, которых успел захватить на кораблях после похода против Наксоса, выдал тем городам, чтобы снискать их расположение, откуда тираны были родом.

38. Лишь только митиленцы захватили Коя, как вывели его за город и побили камнями. Кимейцы же, напротив, отпустили своего тирана. Так же поступило и большинство других городов. Милетянин Аристагор же, устранив тиранов, предоставил каждому городу выбор [военачальников], а сам затем отплыл на триере послом в Лакедемон. Ведь ему было нужно найти могущественного союзника.

39. А в Спарте Анаксандрид, сын Леонта, тогда уже более не царствовал. Он скончался, и царем стал сын его Клеомен, который получил престол не по доблести, а в силу происхождения. Супругой Анаксандрида была дочь его брата. Хотя царь любил ее, но детей у них не было. При таких обстоятельствах эфоры призвали Анаксандрида к себе и сказали: "Если ты сам не заботишься о своем потомстве, то мы не допустим, чтобы угас род Еврисфена. Так как твоя супруга не рожает, то отпусти ее и возьми себе другую. Если ты это сделаешь, то спартанцы будут тебе за это признательны". Анаксандрид же ответил, что не сделает ни того, ни другого: не подобает им советовать и уговаривать его отвергнуть неповинную супругу и ввести в дом другую. Он не намерен подчиняться им.

40. После этого эфоры и геронты держали совет и затем предложили Анаксандриду вот что: "Мы понимаем твою привязанность к теперешней супруге. А ты сделай в угоду нам по крайней мере вот что (иначе спартанцам придется принять против тебя другие меры). Мы не требуем, чтобы ты отпустил твою теперешнюю супругу. Ты можешь, как и прежде, любить ее и оставить все супружеские права, но должен взять вторую жену, которая родит тебе детей". Анаксандрид на такое предложение согласился. После этого у него были две жены, и он вел два хозяйства, совершенно вразрез со спартанскими обычаями.

41. Спустя немного времени вторая жена родила царю этого вот Клеомена и подарила наследника престола спартанцам. Но случилось так, что и первая жена, ранее бывшая бездетной, как раз теперь забеременела (так удивительно совпали эти события). Когда же [выяснилось, что она] действительно ожидает ребенка, то родственники второй жены, узнав об этом, подняли шум и с негодованием стали говорить, что она просто хвастается и хочет подбросить [чужого] ребенка. Когда же настало время ей родить, эфоры уселись около роженицы, так как не доверяли ей, и стали наблюдать. А она родила Дориея, а вскоре затем зачала Леонида и сразу же после него – Клеомброта. Некоторые передают даже, что Клеомброт и Леонид были близнецами. Напротив, родительница Клеомена, вторая жена царя, дочь Принетада, Демарменова сына, больше уже не рожала.

42. Клеомен же, по рассказам, был несколько слабоумен, со склонностью к помешательству. Дорией, напротив, всегда первенствовал среди сверстников и прекрасно понимал, что по доблести престол должен принадлежать ему. Таков был его образ мыслей. Поэтому после кончины Анаксандрида, когда лакедемоняне по закону как старшего возвели на престол Клеомена, Дорией разгневался и не захотел признать царем Клеомена. Он попросил спартанцев себе людей в спутники и выселился на чужбину, даже не вопросив дельфийского оракула, в какой земле ему следует поселиться, и не выполнив никаких обычаев, установленных в таких случаях. В гневе он отплыл в Ливию, а путь ему указывали жители Феры. Прибыв в Ливию, Дорией основал поселение в прекрасной местности на реке Кинипе[619]. Отсюда, однако, спустя два года его изгнали маки, ливийцы и карфагеняне, и ему пришлось возвратиться в Пелопоннес.

43. Здесь же ему некто Антихар из Элеона посоветовал, согласно изречениям оракула Лаию, основать поселение в земле Геракла в Сикелии[620]. Антихар сказал Дориею, что вся Эрикинская область принадлежит Гераклидам, потому что сам

[619] Ср. выше, IV 175, 198.

[620] Прорицания оракула относили к западному побережью Сицилии, занятому финикиянами. Здесь у горы Эрик находился знаменитый храм Мелькарта (Геракла).

Геракл владел ею. А Дорией, услышав это, отправился в Дельфы вопросить оракул: получит ли он землю, в которой хочет поселиться. Пифия же отвечала ему, что получит. Тогда Дорией взял с собой тех же самых поселенцев, с которыми он плавал в Ливию, и отплыл вдоль берегов Италии [в Сикелию].

44. В то время (по рассказам сибаритов) город Сибарис и царь Телис собирались идти войной на Кротон. Кротонцы в страхе обратились к Дориею за помощью и получили ее. Дорией принял участие в походе на Сибарис и помог завоевать город. Это, как передают сибариты, совершил Дорией и его спутники. Напротив, кротонцы утверждают, что ни один чужеземец не принимал участия в войне с сибаритами, кроме элейца Каллия из рода Иамидов; а этот последний участвовал вот как. Каллий бежал от Телиса, тирана сибаритов, и прибыл к ним, потому что, гадая по жертвам о войне с Кротоном, он получил неблагоприятные предзнаменования. Это говорят кротонцы.

45. В доказательство же и те и другие приводят вот что. Сибариты – священный участок и храм у сухого русла реки Крафий. Этот-то храм, по их словам, воздвиг Дорией Афине под названием Крафийской после взятия города. Далее, как думают сибариты, смерть самого Дориея – самое важное доказательство того, что он поступал противно велениям оракула. Если бы Дорией не уклонился от основной цели своего похода, а выполнил бы повеление оракула (ради чего и был послан), то завоевал бы и удержал Эрикинскую землю и не погиб бы со своим войском. Напротив, кротонцы ссылаются на обширные и прекрасные поместья, пожалованные элейцу Каллию в Кротонской области, которыми еще и в мое время владели его потомки. Дориею же и его потомкам кротонцы не пожаловали ничего. И если бы Дорией действительно участвовал в войне с сибаритами, то, конечно, они пожаловали бы ему земли, еще гораздо более обширные, чем Каллию. Вот доказательства, которые оба города приводят в пользу своих утверждений. Каждый может принять то из них, чему он [больше] склонен верить.

46. А вместе с Дориеем плыли еще другие спартанские поселенцы – Фессал, Паребат, Келей и Еврилеонт. После прибытия в Сикелию со всем флотом они были, однако, побеждены в битве с финикиянами и эгестейцами и погибли. Только один из вождей переселенцев, Еврилеонт, остался в живых. Он собрал остатки войска и захватил Миною, поселение селинунтцев и помог селинунтцам освободиться от их тирана Пифагора. После низвержения тирана Еврилеонт сам захотел стать тираном Селинунта и на короткое время захватил власть в городе. Однако селинунтцы подняли восстание и убили его у алтаря Зевса Агорея, где он нашел убежище.

47. Среди спутников Дориея, павших вместе с ним, был некто Филипп, сын Бутакида, кротонец, обрученный с дочерью Телиса, царя сибаритов (он поэтому был изгнан из Кротона). Потеряв надежду на этот брак, он отплыл в Кирену. Отсюда на собственной триере и с людьми, нанятыми на свои средства, он присоединился к переселенцам. Он был олимпийским победителем и самым красивым из эллинов своего времени. За его красоту эгестейцы воздали ему исключительные почести, как никому другому. На его могиле воздвигли храм и приносят ему жертвы [как герою].

48. Так-то нашел свой конец Дорией. Примирись он с царем Клеоменом и останься в Спарте, он мог бы сам стать царем Лакедемона. Ведь Клеомен царствовал очень недолго и умер, не оставив сына, а только одну дочь, по имени Горго.

49. Итак, Аристагор, тиран Милета, прибыл в Спарту, когда царем там был еще Клеомен. Вступив с царем в переговоры, Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также "всякое море и реки"[621]. И вот, явившись к царю, Аристагор сказал ему вот что:

[621] На этой карте, изготовленной в Милете, был изображен план персидской дороги из Сус в Сарды со всеми станциями. В ионийских городах были также карты земель персидской державы: на одних были только очертания земель (ср. IV 37–1), а на других нанесены даже сатрапии (ср. IV 96, 97).

"Клеомен! Не удивляйся, что я столь поспешно прибыл сюда. Наше положение ужасно. То, что мы, дети ионян, стали из свободных людей теперь рабами – величайший позор и скорбь не только нам самим, но и для всех остальных эллинов, и особенно для вас, потому что вы стоите во главе Эллады. Поэтому заклинаю вас эллинскими богами: спасите единокровных ионян от рабства! Этого вы легко можете добиться. Ведь варвары вовсе не отличаются мужеством, вы же достигли высшей военной доблести. А сражаются варвары вот как: у них есть луки и короткие копья, в бой идут в штанах, с островерхими шапками на голове. Поэтому вы легко можете одолеть их. К тому же народы, обитающие на этом материке, гораздо богаче всех остальных: прежде всего – золотом, потом – серебром, медью, пестрыми одеждами, вьючными животными и рабами. Стоит вам лишь пожелать, и все это будет ваше. Живут же эти народы рядом друг с другом, вот как я тебе покажу. Вот здесь соседи ионян – лидийцы; их земля плодородная и богата серебром". Говоря это, Аристагор показывал земли на карте, вырезанной на меди, которую он принес с собой. "А вот здесь, – продолжал Аристагор, – на востоке с лидийцами граничат фригийцы; их страна весьма богата скотом и самая плодородная из всех, что я знаю. Далее, после фригийцев идут каппадокийцы, которых мы зовем сирийцами. Их соседи – киликийцы, земля которых вот здесь доходит до [Средиземного] моря, где лежит, как ты видишь, остров Кипр. Они платят царю ежегодно дань в 500 талантов. С киликийцами вот здесь граничат армении (они также богаты скотом), а с армениями – матиены, которые живут вот в этой стране. Затем следует вот эта земля киссиев, а в ней на этой вот реке Хоаспе лежит город Сусы, где пребывает великий царь и находятся его сокровища. Если вы завоюете этот город, то смело можете спорить в богатстве с самим Зевсом. К чему вам воевать за незначительные и даже скудные земли с равными вам по силам врагами, как мессенцы? Или с аркадцами и аргосцами, у которых нет ни золота, ни серебра, из-за чего вы готовы биться не на жизнь, а на смерть? Если есть возможность легко овладеть всей Азией, то к чему вам завоевывать другие земли?". Так говорил Аристагор, а Клеомен отвечал: "Друг из Милета! Подожди три дня, и я дам тебе ответ!".

50. На этом тогда дело и кончилось. Когда же наступил назначенный день для ответа и они встретились в условленном месте, Клеомен спросил Аристагора: "Сколько дней пути от берегов Ионийского моря до [столицы] персидского царя?". Тут Аристагор, человек, впрочем, хитрый, который сумел бы ловко обмануть царя, совершил ошибку. Ведь если он хотел завлечь спартанцев в Азию, то ему следовало бы скрыть истину, а он все-таки решил сказать правду, именно, что идти до царской столицы надо три месяца[622]. Тогда Клеомен, не дав Аристагору закончить дальнейшую речь об этом пути, сказал: "Друг из Милета! Покинь Спарту до захода солнца! Ты хочешь завести лакедемонян в землю на расстоянии трехмесячного пути от моря: это совершенно неприемлемое условие для них!".

51. Так сказал Клеомен и отправился домой. Аристагор же взял оливковую ветвь и пошел вслед за царем. Войдя затем в дом Клеомена, он попросил выслушать его как просителя, молящего о защите, но предварительно отослать ребенка (рядом с Клеоменом стояла его единственная дочь, по имени Горго, восьми или девяти лет). Клеомен велел Аристагору высказать свои пожелания и смело говорить при девочке. Тогда Аристагор сначала предложил царю 10 талантов за исполнение своей просьбы. Когда Клеомен отказался, Аристагор стал предлагать царю все больше и больше денег, пока не пообещал 50 талантов. Тогда девочка воскликнула: "Отец! Чужеземец подкупит тебя, если ты не уйдешь!". Клеомен обрадовался совету дочери и ушел в другой покой, а Аристагору, ничего не добившись, пришлось покинуть Спарту. Ему не удалось даже обстоятельнее рассказать об этом пути к царской столице.

52. С этим путем в Сусы дело обстоит ведь так. На всем его протяжении есть царские стоянки и отличные постоялые дворы, и весь путь про ходит по

[622] Три месяца –время, за которое отряд войска мог пройти весь путь. Курьеры персидского царя могли доставить письмо из Сард в Сусы за семь дней.

населенной и безопасной стране. Двадцать таких стоянок расположено на пути через Лидию и Фригию на расстоянии 941/2 парасангов. Из Фригии путь ведет непосредственно к реке Галису, где есть [горный] проход, через [ворота] которого необходимо пройти для переправы через реку. У [ворот] прохода находится сторожевое укрепление с сильной охраной[623]. За рекой следует Каппадокия, и по ней на расстоянии 104 парасангов до границы Киликии расположено 28 стоянок. На этой границе надо пройти через два прохода и миновать два сторожевых укрепления[624]; на пути через Киликию – три стоянки на расстоянии 151/2 парасангов. Границу Киликии и Армении образует судоходная река по имени Евфрат[625]. В Армении находится 15 стоянок с заезжими домами и сторожевым укреплением на протяжении 561/2 парасангов. Из этой [Армении] путь ведет в Матиену; [здесь] 34 стоянки на расстоянии 136 парасангов. По этой стране протекают четыре судоходных реки[626]. Через все эти реки надо переправляться на судах. Первая река – Тигр, затем вторая и третья под [одним] названием Забат. Но это – разные реки, и начинаются они не в одной местности. Первая из упомянутых рек течет из Армении, а вторая – из Матиены. Четвертая же река называется Гинд. Ее Кир в свое время разделил на 360 каналов. Затем путь идет [через эти проходы] в страну Киссию, где на расстоянии 421/2 парасангов находится 11 стоянок до реки Хоаспа, которая также судоходна. На ней лежит город Сусы. Всех этих стоянок от Сард до Сус 111 и столько же постоялых дворов.

53. Если этот царский путь правильно измерен парасангами и если 1 парасанг равен 30 стадиям (что так и есть на самом деле), то из Сард до царского дворца в Сусах (по имени Мемнония) 13 500 стадий, так как путь составляет 450 парасангов. Если считать на каждый день по 150 стадий, то на весь путь придется как раз 90 дней.

54. Таким образом, Аристагор из Милета совершенно правильно указал лакедемонянину Клеомену, что до царской столицы надо идти три месяца. Если же кто пожелает точнее узнать продолжительность пути, то я могу и это сообщить: следует добавить к этому еще путь от Эфеса до Сард. И действительно, все расстояние от берегов Эллинского моря до Сус, которые называются также Мемноновым градом, – 14 040 стадий. Ведь от Эфеса до Сард 540 стадий, и поэтому трехмесячный путь удлиняется на три дня[627].

55. Между тем, покинув Спарту, Аристагор прибыл в Афины, которые тогда только что освободились от тиранов, именно вот каким образом. Гиппарха, сына Писистрата и брата тирана Гиппия, убили Аристогитон и Гармодий по происхождению Гефиреи (Гиппарху ясно предвозвестило его участь сновидение). После его смерти тирания в Афинах продолжала существовать еще четыре года и была не менее, а скорее даже более жестокой, чем прежде.

56. А сновидение Гиппарха было вот какое. В ночь перед Панафинейским праздником предстал Гиппарху во сне статный и красивый человек и обратился к нему с такими загадочными словами:

Сердцем, о лев, терпеливым терпи нестерпимую муку. Рок справедливою карою всех нечестивцев карает.

На следующее утро Гиппарх сообщил (как доподлинно известно) об этом сне снотолкователям. А затем, не обратив больше внимания на сновидение, устроил торжественное шествие[628], где и нашел себе смерть.

[623] У прохода персы построили мост. В 585 г. до н. э. (ср. I 74) его еще не существовало.

[624] Речь идет об огражденном воротами мосте, по которому дорога пересекала Галис второй раз.

[625] Путь достигал верховьев Евфрата.

[626] Имеются в виду реки Тигр (Большой и Малый), Заб и Гинд (совр. Диала).

[627] Этот путь до побережья моря был продолжен впоследствии.

[628] Гиппий, по Фукидиду, отстранил сестру Гармодия и Аристогитона от участия в празднестве Панафиней. За это оскорбление они отомстили убийством Гиппарха в августе 514 г. до н.э.

57. Гефиреи же, к которым принадлежали убийцы Гиппарха, по их собственным словам, пришли первоначально из Эретрии. А, как я узнал из расспросов, они были [по происхождению] финикиянами, прибывшими вместе с Кадмом в землю, теперь называемую Беотией. Здесь они поселились, получив по жребию Танагрскую область. Отсюда кадмейцев сначала изгнали аргосцы, а этих Гефиреев затем изгнали беотийцы, и они пришли в Афины. Афиняне же приняли их .в число граждан на известных условиях, наложив на них много ограничений, не стоящих упоминания[629].

58. А финикияне эти, прибывшие в Элладу с Кадмом (среди них были и упомянутые Гефиреи), поселились в этой земле и принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную эллинам[630]. Первоначально у кадмейцев письмена были те же, что и у остальных финикиян. Впоследствии же вместе с изменением языка постепенно изменилась и форма букв. В то время из эллинских племен соседями их были в большинстве областей ионяне. Они переняли от финикиян письменность, изменили также по-своему немного форму букв и назвали письмена финикийскими (что было совершенно справедливо, так как финикияне принесли их в Элладу)[631]. Ионяне также издревле называют книги кожами, потому что при отсутствии папируса они писали на козьих и овечьих шкурах[632]. Еще и поныне многие варварские народности пишут на таких шкурах[633].

59. И мне самому пришлось видеть в святилище Аполлона Исмения в беотийских Фивах кадмейские письмена[634], вырезанные на нескольких треножниках и большей частью сходные с ионийскими. Надпись на одном треножнике гласит:

Амфитрион меня посвятил, одолев телебоев.

Эта надпись, быть может, относится ко временам Лаия, сына Лабдака, внука Полидора, правнука Кадма.

60. На другом треножнике начертана шестистопным размером вот такая надпись:

Скей, кулачный боец, тебе Аполлон-дальновержец, Верх одержав, посвятил меня, жертвенный дар несравненный.

Этот Скей, быть может, был сыном Гиппокоонта. Если только это – он, а не тезка посвятившего сына Гиппокоонта, то треножник относится ко времени Эдипа, сына Лаия.

61. На третьем треножнике также надпись в шестистопном размере, гласящая:

Лаодамант сей треножник тебе, Аполлон остроокий, Царь иждивеньем своим посвятил как дар несравненный.

При этом-то царе Лаодаманте, сыне Этеокла, изгнанные аргосцами кадмейцы направились в землю энхелеев. Гефиреи же остались в стране, но впоследствии, теснимые беотийцами, ушли в Афины. В Афинах они воздвигли святилища, к которым остальные афиняне, однако, не имеют никакого отношения. Эти святилища сильно отличаются от других святилищ, особенно же – святилище и тайные обряды Деметры Ахейской.

629 Гефиреи не были полноправными гражданами в Афинах. Причиной убийства Гиппарха было, следовательно, ущемление политических прав новых граждан, которым Афины были обязаны своим экономическим расцветом в VI в. до н. э.

630 С половины II тысячелетия греки пользовались равными письменами: на Крите и в Пелопоннесе употреблялось линеарное письмо B, а также слоговое кипрское письмо.

631 От финикиян греки переняли только звуковое письмо (вероятно, впервые на Кипре, где были финикийские и греческие города). Некоторые знаки для финикийских согласных звуков, которые не имели соответствия в греческом языке, греки применили как знаки для гласных звуков.

632 Книги из кожи употребляли жрецы. На таких кожаных книгах сохранялись сборники древних прорицаний оракулов.

633 Египтяне и аккадцы также применяли кожу как материал для письма.

634 Древние надписи, написанные уже не употреблявшимся во время Геродота письмом.

62. Так вот, я рассказал о сновидении Гиппарха и о происхождении Гефиреев, к роду которых принадлежали его убийцы. Теперь я должен снова возвратиться к повествованию о том, как афиняне освободились от тиранов. Итак, Гиппий правил как тиран и был сильно ожесточен против афинян из-за убиения Гиппарха. В это время Алкмеониды, афинский род, изгнанный Писистратидами после попытки вместе с другими изгнанниками возвратиться с помощью военной силы (при этой попытке освободить Афины они потерпели даже жестокое поражение), укрепили местечко Лепсидрий к северу от [дема] Пеонии. Отсюда Алкмеониды строили всяческие козни Писистратидам. Так, они получили от амфиктионов подряд на сооружение теперешнего дельфийского храма, которого тогда еще не существовало. Так как они были богатым и уже издревле уважаемым родом, то и воздвигли храм, еще более великолепный, чем предполагалось по замыслу. Хотя по договору они должны были строить храм из известкового туфа, но соорудили фасад его из паросского мрамора.

63. Итак, по рассказам афинян, Алкмеониды во время пребывания в Дельфах подкупили Пифию деньгами, чтобы она всякий раз, как спартанцы вопрошали оракул, по частному ли делу или от имени государства, возвещала им [волю божества] освободить Афины. Получая постоянно одно и то же изречение, лакедемоняне наконец отправили войско во главе с Анхимолием, сыном Астера, человеком, весьма влиятельным в городе, изгнать Писистратидов из Афин (хотя спартанцы находились с Писистратидами в самой тесной дружбе). Ведь они считали веление божества важнее долга к смертным. А отправили войско спартанцы морем на кораблях. Пристав к берегу в Фалере, Анхимолий высадил свое войско. Писистратиды же проведали заранее о походе и вызвали помощь из Фессалии, так как у них уже прежде был заключен союз с фессалийцами. По просьбе Писистратидов фессалийцы единодушно решили послать тысячу всадников с царем Кинеем из Кония во главе. С такими союзниками Писистратиды придумали вот какой способ войны. Они велели вырубить деревья на Фалернской равнине, так что эта местность стала доступной для действий [фессалийской] конницы. Затем они двинули эту конницу против спартанского войска. При стремительной атаке [фессалийцев] погибло много спартанцев и среди них сам Анхимолий. Уцелевшие воины были оттеснены к кораблям. Так закончился первый поход из Лакедемона, и в Алопеках в Аттике (близ храма Геракла, что в Киносарге) есть могила Анхимолия.

64. После этого лакедемоняне снарядили в поход на Афины более многочисленное войско во главе с царем Клеоменом, сыном Анаксандрида, но отправились на этот раз не морским путем, а по суше. Когда спартанцы проникли в Аттику, то их прежде всего встретила [фессалийская] конница, но после схватки быстро обратилась в бегство, оставив на месте более 40 убитых. Уцелевшие же тотчас прямым путем возвратились в Фессалию. А Клеомен вместе с афинянами, желавшими свободы, занял нижний город и стал осаждать тиранов, которые заперлись в Пеларгической крепости.

65. Однако лакедемоняне, конечно, никогда бы не захватили [крепости и] Писистратидов (они ведь не намеревались вести осады, а Писистратиды сумели хорошо обеспечить себя продовольствием и питьевой водой). После немногих дней безуспешной осады спартанцы возвратились бы в Спарту, если бы тут не произошло события, рокового для осажденных и счастливого для осаждающих: сыновья Писистратидов попались в плен при попытке тайно увезти их из Аттики в безопасное место. Это обстоятельство смешало все расчеты Писистратидов, и им пришлось взамен выдачи детей сдаться на поставленных афинянами условиях: покинуть Аттику в течение пяти дней. Писистратиды удалились в Сигей на Скамандре после 36-летнего владычества над афинянами. Писистратиды, так же как и прежние афинские цари из рода Кодра и Меланфа, первоначально были пришельцами из Пилоса и потомками Нелея[635]. Поэтому-то Гиппократ в память

[635] Род Писистрата возводил свое происхождение к Нестору (как и цари из династии Кодра).

Несторова сына Писистрата дал своему сыну то же имя Писистрат. Так-то афиняне освободились от тиранов. А что "совершили они достойного упоминания и какие беды претерпели"[636] после освобождения [от тиранов] и до восстания Ионии против Дария, именно до прибытия в Афины милетянина Аристагора с просьбой о помощи, – об этом-то я прежде всего и хочу рассказать.

66. Афины, правда, уже и прежде были великим городом, а теперь после освобождения от тиранов стали еще более могущественными. Двое людей стояли тогда во главе города: Алкмеонид Клисфен, который, как говорят, подкупил Пифию, и Исагор, сын Тисандра (предков его я, однако, не могу назвать). Его родичи, впрочем, приносят жертвы Зевсу Карийскому. Эти-то люди боролись за власть в городе. Клисфен потерпел поражение и стал заискивать перед простым народом. После этого он заменил четыре филы, на которые прежде делились афинские граждане, десятью новыми. Прежние названия фил, которые назывались по именам четырех сыновей Иона – Гелеонта, Эгикора, Аргада и Гоплета[637], он отменил и взял названия по именам других племенных героев и, кроме того, чужого – Эанта. А это имя он взял (хотя Эант и не был афинянин), потому что тот был соседом и союзником города.

67. Это преобразование Клисфен, мне думается, произвел, подражая своему деду с материнской стороны, тирану Сикиона. Этот-то старший Клисфен во время войны с Аргосом запретил рапсодам устраивать состязания в Сикионе потому именно, что в эпических песнях Гомера почти всюду воспеваются аргосцы и Аргос. Затем тиран хотел изгнать из страны [героя] Адраста, сына Талая, храм которого стоял и поныне стоит на самой рыночной площади в Сикионе, за то, что тот был аргосцем. Клисфен прибыл в Дельфы вопросить оракул, изгнать ли ему Адраста. Пифия же изрекла ему в ответ: Адраст – царь Сикиона, а он [Клисфен] – только жестокий тиран. По возвращении домой, так как бог не позволил тирану уничтожить почитание Адраста, Клисфен стал придумывать средства, как бы заставить Адраста добровольно уйти из Сикиона. Когда он решил, что средство найдено, то послал в беотийские Фивы и велел сказать, что желает призвать в Сикион героя Меланиппа, сына Астака. Фиванцы согласились, а Клисфен призвал Меланиппа в Сикион, посвятил ему священный участок у самого пританея и воздвиг храм в самом неприступном месте города. Призвал же Клисфен Меланиппа (это тоже нужно добавить) потому, что тот был заклятым врагом Адраста из-за убийства Адрастом его брата Мекистея и тестя Тидея. После посвящения храма Клисфен отнял у Адраста жертвоприношения и празднества и отдал их Меланиппу. Сикионцы же всегда воздавали Адрасту великие почести. Ведь он был сыном дочери Полиба и получил [царскую] власть в Сикионе после кончины не имевшего сыновей царя Полиба. Среди других почестей, которые сикионцы оказывали Адрасту, они прославляли еще и его "страсти"[638] [представлениями] трагических хоров. Вместо Диониса они таким образом почитали Адраста. Клисфен же передал теперь [трагические] представления Дионису, а остальной культ – Меланиппу.

68. Так Клисфен поступил с Адрастом. А названия дорийских фил он заменил другими, чтобы они не были одинаковыми с аргосскими. При этом он позволил себе издевательства над сикионцами. Так, он выбрал новые имена [фил] от свиньи и осла и прибавил к ним только окончания. Только своей собственной филе он дал имя от слова "власти" [[ρξη], именно архелаи, других же назвал гиаты, онеаты и хереаты. Такие названия носили там филы не только при Клисфене, но и еще 60 лет после его кончины. Затем [сикионцы] пришли к взаимному соглашению и восстановили прежние названия фил: гиллеи, памфилы и диманты. К ним они

[636] Ср.: Одиссея VIII, 490.

[637] Новые территориальные объединения (филы) заменили древние родовые филы –оплот аристократии.

[638] Каждый храм в Греции имел свои храмовые легенды, т. е. цикл рассказов о "страстях бога", о судьбах и переживаниях храмового божества и его приближенных. Из этих религиозных действ впоследствии возникли театральные представления.

добавили еще четвертую филу и назвали ее членов эгиалеями по имени сына Адраста Эгиала.

69. Это сделал Клисфен Сикионский. Клисфен же Афинский, сын дочери Клисфена Сикионского (названный по имени деда), в подражание своему тезке Клисфену так же, думается, презирал ионян, как и тот дорийцев, и равным образом не желал, чтобы имена фил у афинян были одинаковыми с ионянами. Ведь, как только Клисфен привлек на свою сторону ранее бесправный народ афинский, он изменил названия фил и увеличил их число. Именно он поставил вместо четырех старост фил десять и распределил также демы по десяти на каждую филу. Теперь, когда народ был на стороне Клисфена, он был гораздо сильнее своих противников.

70. Исагор же на этот раз был побежден и со своей стороны придумал вот что. Он призвал на помощь лакедемонянина Клеомена, который был его гостеприимцем со времени осады Писистратидов. Впрочем, ходили слухи о связи Клеомена с женой Исагора. И вот Клеомен сначала отправил в Афины глашатая с требованием изгнать Клисфена и вместе с ним много других афинян, над которыми, как он считал, "тяготела скверна". Это все он сделал по наущению Исагора. Действительно, Алкмеониды и их приверженцы были повинны в кровопролитии, но ни сам он[639], ни его друзья не были причастны [к нему].

71. "Запятнанными же скверной" афиняне назывались вот почему. Был в Афинах некто Килон, победитель в Олимпии. Он до того возгордился, что стал добиваться тирании. С кучкой своих сверстников он пытался захватить акрополь. Когда это ему не удалось, Килон сел как "умоляющий о защите" у кумира богини. Старосты навкрарий[640], которые тогда правили Афинами, склонили Килона с товарищами уйти оттуда, обещав сохранить им жизнь. Вина же за убиение Килона и его приверженцев лежит на Алкмеонидах. Это событие произошло еще до времени Писистрата.

72. Когда Клеомен через глашатая потребовал изгнать Клисфена и запятнанных скверной, сам Клисфен тайно бежал из города. Тем не менее Клеомен явился в Афины с небольшим отрядом и по прибытии изгнал 700 семейств, запятнанных скверной, по указанию Исагора. Затем царь вновь сделал попытку распустить совет[641] и отдать всю власть в руки 300 приверженцев Исагора. Когда совет воспротивился и не пожелал подчиниться, Клеомен, Исагор и их приверженцы захватили акрополь. Остальные же афиняне объединились и осаждали [акрополь] два дня. А на третий день они заключили [с осажденными] соглашение, по которому все лакедемоняне покинули страну. Тогда исполнилось прорицание, данное Клеомену. Ведь, когда Клеомен поднялся на акрополь, чтобы занять его, он вступил также в священный покой богини[642] якобы с целью помолиться ей. Не успел царь переступить порог, как жрица поднялась с седалища и сказала: "Назад, чужеземец из Лакедемона! Не вступай в святилище! Ведь сюда не дозволено входить дорийцам!". А тот возразил: "Женщина! Я – не дориец, а ахеец". Так, вот, Клеомен пренебрег прорицанием [жрицы] и все-таки силой проник [в святилище] и поэтому должен был снова покинуть страну со своими лакедемонянами. Остальных же [приверженцев] Исагора афиняне заключили в оковы и казнили. В числе казненных был и дельфиец Тимесифей, о силе и доблестных деяниях которого я мог бы рассказать очень многое.

73. Так-то сторонники Исагора были заключены в оковы и казнены. Афиняне же после этого возвратили Клисфена и 700 семейств, изгнанных Клеоменом, и

[639] Геродот под словами "сам он" подразумевает Исагора, а не Клисфена (см.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 80).

[640] Каждая аттическая фила делилась на 12 навкрарий (капитанств) –территориальных округов. Начальники этих навкрарий (пританы) и были тогда у власти. О них Геродот упоминает, чтобы снять вину с Мегакла, который был тогда архонтом.

[641] Геродот имеет в виду совет пятисот, состоявший из представителей отдельных фил.

[642] Т. е. святилище Афины в Эрехфейоне.

отправили посольство в Сарды заключить союз с персами[643]: они были убеждены ведь, что предстоит война с Клеоменом и лакедемонянами. Когда посольство прибыло в Сарды и изложило свое поручение, то Артафрен, сын Гистаспа, сатрап Сард, спросил: "Что это за народ, где обитает и почему ищет союза с персами". Получив разъяснение послов, сатрап дал им такой краткий ответ: "Если афиняне дадут царю землю и воду, то он заключит союз, если же нет, то пусть уходят". Послы же, желая заключить союз, согласились, приняв это на свою ответственность. Впрочем, по возвращении на родину они подверглись суровому осуждению за эти самостоятельные действия.

74. Между тем Клеомен считал себя крайне оскорбленным афинянами на словах и на деле и стал собирать войско со всего Пелопоннеса. О цели похода царь, правда, умалчивал, хотя желал отомстить афинскому народу и поставить тираном Исагора (Исагор ведь вместе с ним покинул акрополь). Так вот, Клеомен с большим войском вступил в Элевсин, а беотийцы по уговору заняли Эною и Гисии, пограничные селения в Аттике. А с другой стороны напали халкидяне и стали опустошать аттические поля. Афиняне же хоть и оказались между двух огней, но решили потом припомнить это беотийцам и халкидянам и выступили против пелопоннесцев в Элевсине.

75. Когда оба войска должны были уже сойтись для битвы, сначала коринфяне сообразили, что поступают несправедливо, одумались и возвратились домой. За ними последовал Демарат, сын Аристона, второй спартанский царь, стоявший во главе лакедемонского войска вместе с Клеоменом. До этого времени он был в согласии с Клеоменом. Из-за этой-то распри в Спарте был издан закон, запрещающий обоим царям вместе идти в поход (прежде ведь отправлялись в поход оба царя). А когда теперь один из царей был отстранен от начальства над войском, то и один из Тиндаридов должен был оставаться дома: ведь до этого оба Тиндарида как помощники и защитники выступали в поход [со спартанским войском][644].

76. И вот когда остальные союзники в Элевсине увидели, что лакедемонские цари в распре, а коринфяне покинули боевые ряды, то и сами также возвратились домой. Так-то дорийцы в четвертый раз вторглись в Аттику. Дважды приходили они врагами и дважды – на защиту афинской демократии. Первый раз – в то время, когда основали Мегары (этот поход будет, пожалуй, правильно отнести ко временам афинского царя Кодра).Второй же и третий раз спартанское войско вышло из Спарты, чтобы изгнать Писистратидов. А четвертое вторжение – теперешнее, когда Клеомен во главе пелопоннесцев вступил в Элевсин. Так-то теперь в четвертый раз дорийцы проникли в Аттическую землю.

77. Итак, это вражеское войско бесславно распалось. Тогда афиняне, решив отомстить, сначала пошли войной на Халкиду. Беотийцы же выступили на помощь халкидянам к Еврипу. Заметив идущих на помощь беотийцев, афиняне решили прежде напасть на них, чем на халкидян. Афиняне вступили в сражение с беотийцами и одержали полную победу: множество врагов они перебили и 700 человек взяли в плен. Еще в тот же самый день афиняне переправились на Евбею, напали на халкидян и также одолели их. После победы они оставили 4000 клерухов-поселенцев на земле гиппоботов (гиппоботами назывались халкидские богачи)[645]. Пленных халкидян вместе с беотийскими пленниками афиняне также

[643] Клисфен признал протекторат Персии. Геродот, близкий к Алкмеонидам, изображает дело так, будто послы действовали на свой страх и риск, так как после персидских войн этот поступок считался позорным (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 159).

[644] Замечание Геродота следует понимать так, что с этого времени с началом войны призывали в помощники не обоих Диоскуров, а только одного. По верованию спартанцев, Диоскуры сопровождали войско в походе. Спартанские цари были земными воплощениями Диоскуров.

[645] В подлиннике παξ]εζ (толстопузые), т. е. богатые. Раздел земель крупных землевладельцев между мелкими крестьянами (клерухами) был главным средством афинского господства в завоеванной области. Гиппоботы (коневоды) –крупные

бросили в оковах в темницу. Через некоторое время пленники, правда, были отпущены за выкуп в 2 мины. Оковы же, которыми они были связаны, афиняне повесили на акрополе. Оковы эти находились там еще и до моего времени и висели на стене, опаленной пожаром [в войне] с мидянами, против святилища на западной стороне. На десятую часть выкупа [за пленников] афиняне посвятили богине медную четверку коней. Она стоит сразу налево при входе в пропилеи на акрополе. Надпись на ней гласит:

Рать беотян и халкидян совместную мы укротили, Гордых афинян сыны, подвигом бранным своим. Мрачной темницей и цепью железной их буйство смирили И десятину Палладе сих посвятили коней.

78. Итак, могущество Афин возрастало. Ясно, что равноправие для народа не только в одном отношении, но и вообще – драгоценное достояние. Ведь, пока афиняне были под властью тиранов, они не могли одолеть на войне ни одного из своих соседей. А теперь, освободившись от тирании, они заняли безусловно первенствующее положение. Поэтому, очевидно, под гнетом тиранов афиняне не желали сражаться как рабы, работающие на своего господина; теперь же после освобождения каждый стал стремиться к собственному благополучию.

79. Так обстояли дела у афинян. Фиванцы же после этого отправили послов в Дельфы вопросить оракул об отмщении афинянам. А Пифия ответила: одним им не удастся отомстить афинянам, и приказала фиванцам созвать "собрание, полное шума"[646], и просить о помощи ближайших соседей. По возвращении послы созвали народное собрание и сообщили изречение оракула. Узнав от послов, что им следует обратиться за помощью к ближайшим соседям, фиванцы сказали: "Разве не ближайшие наши соседи танагрийцы, коронейцы и феспийцы? Они всегда ведь охотно сражаются на нашей стороне и помогают нам. Почему же нам нужно еще просить их об этом? Нет, нужно думать, что смысл изречения оракула иной!"[647].

80. Во время обсуждения [в собрании] один из слушателей сказал: "Мне думается, я понимаю, что имеет в виду наше изречение оракула. Как гласит сказание, у Асопа[648] было две дочери – Фива и Эгина. Они были сестрами, и поэтому, я полагаю, бог советует нам просить помощи у эгинцев". Так как никто, по-видимому, не мог дать лучшего совета, то фиванцы тотчас же отправили на Эгину послов, согласно изречению оракула, просить о помощи эгинцев как своих ближайших [родственников]. На просьбу фиванцев эгинцы обещали прислать им помощниками Эакидов[649].

81. Когда же фиванцы в союзе с Эакидами пытались напасть на афинян и потерпели тяжкое поражение, то снова отправили послов на Эгину: они отказываются от помощи Эакидов и просят о помощи людьми. Тогда эгинцы, кичась своим великим богатством, вспомнили о стародавней своей вражде к Афинам и по просьбе фиванцев начали теперь без объявления войну с афинянами. Ведь в то время как афиняне теснили беотийцев, эгинцы переправились на военных кораблях в Аттику и опустошили Фалер и много других мест на побережье. Этим они и нанесли великий урон афинянам.

82. Стародавняя же вражда эгинцев к афинянам началась вот отчего. В Эпидавра земля не давала плодов. Об этой беде эпидаврийцы вопросили оракул в Дельфах. Пифия же повелела им воздвигнуть кумиры Дамии и Авксесии, и тогда их несчастья кончатся. Затем эпидаврийцы вопросили бога: сделать ли им кумиры из

землевладельцы в Халкиде на Евбее.

[646] Ср.: Одиссея II, 150.

[647] Туманный характер дельфийских изречений сближает их с загадками.

[648] В Беотии, как и в Пелопоннесе, была река под названием Асоп. Эгина была мифической дочерью пелопоннесской реки Асопа. Ее именем назван остров Эгина в Сароническом заливе. Смешение, видимо, указывает на древнее прорицание оракула, которое было известно уже Пиндару. .

[649] Это место Геродота показывает, что статуэткам героев (бронзовым или из слоновой кости) приписывали сверхъестественную силу. Одна такая бронзовая статуэтка найдена в Олимпии у храма Геры.

меди или из мрамора. Пифия же не позволила им ни того, ни другого, но только из ствола взращенной человеком маслины. Тогда эпидаврийцы попросили афинян разрешения вырубить маслину[650], так как они считали афинские маслины самыми священными. Впрочем, говорят, что в то время нигде не было маслин, кроме как в Афинах. Афиняне согласились при условии, если эпидаврийцы будут ежегодно приносить жертвенные дары Афине Палладе и Эрехфею. Эпидаврийцы приняли эти условия и, получив просимое, воздвигли кумиры, вырезанные из этих маслин. Тогда их земля стала вновь приносить плоды, и эпидаврийцы выполнили свое обещание.

83. В это время и еще ранее эгинцы находились в зависимости от Эпидавра. Между прочим, для ведения судебных дел и улаживания споров между гражданами эгинцам тогда приходилось ездить в Эпидавр. С этого времени, однако, эгинцы начали строить военные корабли и необдуманно отложились от Эпидавра. При враждебных столкновениях эгинцы наносили [большой] урон эпидаврийцам, так как они господствовали на море, и даже похитили у них упомянутые кумиры Дамии и Авксесии. Кумиры эти эгинцы взяли с собой и воздвигли их в глубине страны в месте под названием Эя (приблизительно в 20 стадиях от города). Поставив там эти кумиры, эгинцы приносили богиням жертвы и умилостивляли их [плясками] и насмешливыми песнями женских хоров. Каждой богине они назначали по 10 хорегов. В песнях этих хоров, впрочем, никогда не высмеивались мужчины, а всегда только местные женщины. Существуют, впрочем, такие же священные обряды и у эпидаврийцев, а кроме того, еще и тайный культ[651].

84. Между тем после похищения этих кумиров эпидаврийцы перестали выполнять свои обязательства афинянам. Тогда афиняне через послов выразили эпидаврийцам свое негодование. Эпидаврийцы же, приведя доводы, объявили, что вовсе ни в чем не виноваты. Пока эти кумиры, говорили они, были в их стране, они выполняли свои обязательства. Афиняне же должны требовать жертвенных даров от згинцев, потому что кумиры ведь теперь у них. Тогда афиняне отправили послов на Эгину с требованием возвратить кумиры. Эгинцы же отвечали, что у них нет никаких дел с афинянами.

85. Так вот, после отказа эгинцев, по афинскому преданию, на Эгину была послана от имени всей общины одна триера с афинскими гражданами. Прибыв на Эгину, они пытались стащить эти кумиры с подножий, так как они ведь были изготовлены из афинского дерева, и увезти их. Так как статуи нельзя было таким способом сдвинуть с места, то афиняне накинули на них канаты и потащили. В то время когда они тянули канаты, внезапно загремел гром и одновременно началось землетрясение. Люди же с триеры, тянувшие канат, от этого потеряли разум и в безумии стали убивать друг друга, как враги, пока из всех их не остался в живых только один, который и возвратился в Фалер.

86. Так было дело, по рассказам афинян. Эгинцы же утверждают, что афиняне прибыли не на одном корабле; ведь один корабль и даже несколько большее число кораблей эгинцы легко бы отразили, даже если у них самих вовсе не было бы кораблей. Нет, афиняне напали на их землю со множеством кораблей, и они, эгинцы, уклонились от морской битвы.. Впрочем, эгинцы не могут точно разъяснить, потому ли они уклонились от морской битвы, что чувствовали свою слабость, или же оттого, что желали сделать так, как они и действительно сделали. Во всяком случае афиняне, так как эгинцы не приняли боя, высадились с кораблей и направились к статуям. Но так как они не могли стащить их с оснований, то накинули канаты и потянули статуи, пока наконец влекомые ими обе статуи не сделали то же самое (я, правда, этому сказанию не верю, но кто-нибудь другой, быть может, и поверит), именно они пали перед афинянами на колени. С того времени они и остались в таком положении до сего дня[652]. Так, по сказанию,

[650] Священная маслина почиталась на акрополе.

[651] Мистерии, в которых, как и при Фесмофориях, могли участвовать только женщины.

поступили афиняне. А сами эгинцы, продолжает эгинское сказание, узнав о предполагаемом походе афинян, заручились помощью аргосцев. Когда афиняне вступили на эгинскую землю, то и аргосцы прибыли на помощь, тайно переправившись из Эпидавра на их остров. Аргосцы напали на ничего не подозревавших афинян и отрезали их от кораблей. В этот момент и загремел гром и началось землетрясение.

87. Так гласит аргосское и эгинское сказание. Оно согласно с афинским преданием лишь в том, что только один афинянин благополучно возвратился в Аттику. Аргосцы же, кроме того, утверждают, что этот единственный человек остался в живых после уничтожения ими афинского войска, тогда как афиняне приписывают гибель своего войска божеству. По афинскому преданию, впрочем, даже и этот один не спасся, но погиб вот при каких обстоятельствах. Он прибыл в Афины с вестью о несчастье. А жены воинов, участников похода на Эгину, узнав о том, что из всех спасся только он один, пришли в такое возбуждение, что окружили его со всех сторон (каждая с вопросом, где ее муж) и искололи несчастного своими булавками от [застежек на] платье. Так погиб этот человек. Афинян же это злодеяние женщин, по-видимому, еще более опечалило, чем поражение. Они не знали, чем бы им еще иначе наказать женщин, и заставили их переменить одежду на ионийскую. До того времени ведь афинские женщины носили дорийскую одежду, совершенно одинаковую с коринфской. Теперь они должны были носить льняные хитоны, чтобы не употреблять застежек.

88. Собственно же говоря, эта одежда первоначально была не ионийской, но карийской. Ведь в стародавние времена все эллинские женщины носили одежду, которая теперь называется дорийской[653]. Аргосцы же и эгинцы поэтому решили, напротив, ввести обычай делать отныне женские застежки в полтора раза длиннее прежнего, а затем, чтобы женщины посвящали в святилище этих богинь прежде всего застежки. Вообще было запрещено приносить в дар в святилище все предметы аттического производства и аттическую глиняную посуду и впредь пить там только из глиняных сосудов местного изделия. Еще и в мое время аргосские и эгинские женщины из ненависти к афинянам носили застежки длиннее, чем раньше.

89. Первоначально повод для вражды афинян к Эгине был именно такой, как я рассказал. Когда теперь фиванцы стали звать их на помощь, эгинцы охотно откликнулись в память происшествия с этими кумирами. Итак, эгинцы начали опустошать берега Аттики. Когда же афиняне захотели выступить в поход на Эгину, пришло из Дельф изречение оракула, гласившее: афиняне должны подождать 30 лет со времени нашествия эгинцев, а на 31-м году, посвятив храм Эаку, начать войну с Эгиной, и тогда их чаяния исполнятся. Если же они теперь тотчас выступят против Эгины, то за это время их ожидает много неудач и успехов, и только под конец они все же одержат полную победу. Услышав это изречение, афиняне, правда, посвятили храм Эаку (он стоит еще и теперь на рыночной площади), однако не захотели 30 лет спокойно терпеть обиды эгинцев.

90. Во время приготовлений афинян к походу, чтобы отомстить [эгинцам], однако, возникла помеха со стороны лакедемонян. Лакедемоняне ведь, узнав, что Алкмеониды подстроили Пифии и что сделала Пифия с ними и с Писистратидами, раскаялись в том, что им пришлось изгнать своих друзей из их страны, и распалились гневом на афинян за их неблагодарность. Кроме того, их побуждали [выступить против Афин] и из речения оракулов, предрекавшие им много бед от афинян. Эти изречения оракулов прежде были неизвестны спартанцам, и только теперь спартанцы познакомились с ними, когда Клеомен привез их в Спарту. Клеомен же нашел эти изречения на афинском акрополе. Прежде владевшие ими Писистратиды после изгнания оставили их в святилище, а Клеомен взял их

[652] Обе богини были изображены в сидячем положении. Статуи остались в таком положении, как упали.

[653] Греческое слово ξιτϖν заимствовано от карийцев.

оттуда[654].

91. Когда лакедемоняне получили эти изречения оракулов и увидели, что могущество афинян возросло и что у них нет больше охоты подчиняться спартанцам, тогда-то спартанцы поняли, что аттический народ, будучи свободным, пожалуй, сравняется с ними могуществом. При господстве же тиранов, думали они, афиняне останутся слабыми и готовыми к подчинению. И вот, уяснив себе все это, спартанцы вызвали Гиппия, сына Писистрата, из Сигея на Геллеспонте, куда бежали Писистратиды. Когда Гиппий прибыл на зов, спартанцы послали вестников к остальным союзникам и сказали им вот что: "Союзники! Мы признаемся, что поступили неправильно. Побуждаемые ложными изречениями оракула, мы изгнали самых лучших наших друзей, которые обещали держать Афины в подчинении, из их родного города. Потом мы отдали город во власть неблагодарного народа, который, получив с нашей помощью свободу, высоко поднял голову. Он с позором изгнал нас и нашего царя из города и теперь высокомерно заносится. Это особенно хорошо должны были почувствовать их соседи – беотийцы и халкидяне, да, пожалуй, и кое-кто другой скоро почувствует, что он просчитался. Раз уж мы совершили эту ошибку, то давайте теперь вместе попытаемся отомстить им. Поэтому мы призвали вот этого Гиппия и вас, посланцев от городов, чтобы сообща обдумать это дело и общими силами возвратить его в Афины, вернув ему то, чего мы его лишили".

92. Так говорили лакедемоняне. Большинство союзников, однако, не одобрило этих слов. Остальные, правда, предпочитали молчать, а коринфянин Сокл сказал вот что: "Поистине, скорее небо провалится под землю, а земля поднимется высоко на воздух над небом, скорее люди будут жить в море, а рыбы – там, где раньше жили люди, чем вы, лакедемоняне, решитесь уничтожить свободу, восстановив господство тиранов в городах. Нет ведь на свете никакой другой более несправедливой власти и более запятнанной кровавыми преступлениями, чем тирания. Если вы действительно считаете прекрасным и справедливым такое положение вещей, именно, что тираны властвуют над городами, то сначала поставьте себе самим тирана, а потом уж навязывайте его остальным. А теперь, хотя сами вы никогда не испытали тирании и всеми силами стараетесь, чтобы ничего подобного не проникло в Спарту, вы хотите поступать так несправедливо с союзниками. Будь у вас одинаковый опыт с нами, то вы судили бы об этом правильнее. Государственный строй в Коринфе ведь был вот какой. Коринф прежде находился под властью немногих [знатных родов], и эти так называемые Бакхиады правили городом. Они отдавали [своих дочерей замуж] и брали жен из своей среды. У одного из Бакхиадов – Амфиона – родилась хромая дочь по имени Лабда. Так как никто из Бакхиадов не желал брать ее в жены, то ее взял замуж некто Эетион, сын Эхекрата, из селения Петры, но по происхождению, собственно, лапиф и потомок Кенея. Детей у него не было ни от этой жены, ни от другой. Так вот, он отправился в Дельфы вопросить оракул о потомстве. Не успел Эетион, однако, вступить в святилище, как Пифия обратилась к нему вот с какими словами:

Эетион, нет почета тебе, хоть ты чести стяжал себе много, Лабда родит сокрушительный камень; падет он На властелинов-мужей и Коринф покарает.

Это изречение оракула Эетиону как-то стало известно и Бакхиадам. А они уже раньше получили в Коринфе темное изречение, намекавшее на то же самое, что и изречение Эетиону. Оно гласило так:

В скалах приимет во чреве орел, но льва породит он Мощного и сыроядца: сокрушит он многим колени. Крепко сие разочтите, коринфяне, те, чья обитель Славной Пирены вокруг и твердыни высокой Коринфа.

Прорицание это, данное раньше Бакхиадам, было им тогда непонятно. Теперь же, узнав об изречении Эетиону, они тотчас поняли, что прежнее их прорицание соответствует Эетионову. Уяснив себе смысл прорицания, Бакхиады оставались спокойными, потому что хотели погубить будущего младенца Эетиона. А как

[654] Речь идет о сборнике прорицаний. Писистратиды собрали большую библиотеку из сочинений древних поэтов.

только жена его родила, Бакхиады послали десять человек из своей среды в то селение, где жил Этион, чтобы убить младенца. Так вот, эти люди пришли в Петру и, ворвавшись в дом Этиона, потребовали младенца. Лабда же вовсе не подозревала, зачем они пришли. Думая, что они требуют ребенка из дружелюбия к его отцу, она принесла младенца и отдала в руки одному из них. А они уговорились дорогой, что взявший сначала на руки ребенка и должен его бросить оземь. Когда же Лабда принесла и отдала младенца, то дитя по божественному внушению улыбнулось. Этот человек заметил [улыбку младенца], и какое-то чувство жалости удержало его от убийства. Тогда он передал младенца второму, а тот третьему. Так ребенок прошел через руки всех десяти человек, и ни один не захотел его погубить. Тогда они отдали дитя назад матери и вышли из дома. Однако, остановившись у дверей, они начали перебранку и взаимные обвинения. Особенно же они обвиняли первого, взявшего ребенка, за то, что тот не выполнил уговора. Наконец через некоторое время они решили снова вернуться в дом и всем вместе умертвить младенца. Однако суждено было Коринфу претерпеть несчастья от потомства Этиона. А Лабда, стоя у самых дверей, все это слышала. В страхе, как бы эти люди не раздумали и, снова взяв ребенка, не убили бы его, она взяла его и спрятала, как ей казалось, в самом потаенном месте, именно в сундуке. Она думала, что если эти люди придут и начнут поиски, то обыщут все. Так оно и случилось. Они вернулись и принялись искать младенца, но не нашли. Тогда они решили возвратиться домой и объявить тем, кто им дал это поручение, что все исполнено, как было приказано. Так вот, вернувшись домой, они так и сказали. А сын Этиона после этого стал подрастать, и так как остался в живых благодаря сундуку, то получил от сундука имя Кипсел[655]. Возмужав, Кипсел вопросил оракул в Дельфах и получил в ответ двусмысленное прорицание. Уповая на это прорицание, он сделал попытку овладеть городом и захватил власть в Коринфе. А прорицание было вот какое:

Счастлив сей муж, что ныне в чертог мой вступает,
Этинов Кипсел; царь славного града
Коринфа Будет все же он сам и дети его, но не внуки.

Таково было это прорицание. А Кипсел, воцарившись в Коринфе, был жестоким правителем: многих коринфян он изгнал, а других лишил имущества, а больше казнил. После 35-летнего царствования он благополучно окончил свои дни. Наследовал его царство сын Периандр. Вначале Периандр был милостивее отца, а потом, вступив в общение через послов с Фрасибулом, тираном Милета, стал даже еще кровожаднее. Так, Периандр послал глашатая к Фрасибулу спросить совета, как ему, установив самый надежный государственный строй, лучше всего управлять городом. Фрасибул же отправился с прибывшим от Периандра глашатаем за город и привел его на ниву. Проходя вместе с ним по полю, Фрасибул снова и снова переспрашивал о причине прибытия его из Коринфа. При этом тиран, видя возвышающиеся над другими колосья, все время обрывал их. Обрывая же колосья, он выбрасывал их, пока не уничтожил таким образом самую красивую и густую часть нивы. Так вот, проведя глашатая через поле и не дав никакого ответа, тиран отпустил его. По возвращении же глашатая в Коринф Периандр полюбопытствовал узнать ответ Фрасибула. А глашатай объявил, что не привез никакого ответа и удивляется, как это Периандр мог послать его за советом к такому безумному человеку, который опустошает собственную землю. Затем он рассказал, что видел у Фрасибула. Периандр же понял поступок Фрасибула, сообразив, что тот ему советует умертвить выдающихся граждан. Тогда-то тиран начал проявлять величайшую жестокость к своим гражданам. Всех

[655] Возможно, что это сказание связано с посвятительными дарами Кипселидов в храме в Олимпии. Одним из этих даров был художественной работы ларец (сундук). Вместе с тем греческое слово ξψχελοζ (ящик, сундук) было именем основателя рода новых правителей, что и дало повод для возникновения подобного сказания.

уцелевших от казней и изгнаний Кипсела теперь прикончил Периандр[656]. Затем он велел из-за своей супруги Мелиссы[657] в один день раздеть всех женщин в Коринфе догола. Он отправил ведь послов в Феспротию на реке Ахеронте[658] вопросить оракул мертвых [о вверенном ему] в заклад имуществе какого-то гостеприимца, Тогда явилась [тень] Мелиссы и сказала, что ни знаками, ни словами она не укажет места, где лежит добро. Она ведь совершенно нагая и мерзнет, так как ее погребальные одежды не были сожжены вместе с ней и потому она не может ими пользоваться. В доказательство правдивости своих слов она напомнила Периандру, что он положил хлебы в холодную печь. Когда послы сообщили об этом Периандру (для него ответ Мелиссы был достоверным доказательством, так как он совокупился с ней уже бездыханной), он тотчас же после этого известия повелел через глашатая всем коринфским женщинам собраться в храм Геры. Они пришли, нарядившись в свои самые красивые одежды, как на праздник, а тиран поставил своих телохранителей в засаде и велел догола раздеть всех женщин без разбора – как свободных, так и служанок. Одежды же их Периандр приказал бросить в яму и сжечь, призывая Мелиссу. После этого Периандр вновь отправил послов в Феспротию, и тогда тень Мелиссы указала место, куда она спрятала [вверенное ему] сокровище гостеприимца. Вот, лакедемоняне, что такое тирания! Вот каковы деяния тиранов! А мы, коринфяне, уже тогда были весьма удивлены, услышав, что вы послали за Гиппием, а ныне и еще больше дивимся вашим речам. Мы заклинаем вас поэтому эллинскими богами не вводить в городах тирании! Но если вы все же настаиваете и желаете вопреки всей справедливости вернуть Гиппия, то знайте, что коринфяне не одобряют ваших действий".

93. Так говорил Сокл, коринфский посол. А Гиппий, призывая тех же эллинских богов, отвечал ему: как раз коринфянам-то еще больше всех придется желать [возвращения] Писистратидов. Придет день, и они еще натерпятся от афинян. Так мог говорить Гиппий потому, что никто на свете не знал так точно прорицаний оракулов, как он. Прочие же союзники сначала молчаливо слушали. А когда они услышали откровенную речь Сокла, то один за другим нарушили молчание и присоединились к мнению коринфянина. Они заклинали лакедемонян не затевать недоброго в эллинском городе.

94. Так эти замыслы расстроились. А Гиппий уехал оттуда. Македонский же царь Аминта предложил ему в дар город Анфемунт, а фессалийцы – Иолк. Гиппий, однако, отклонил оба предложения и снова возвратился в Сигей, который некогда Писистрат отнял мечом у митиленцев. Завладев городом, Писистрат поставил там тираном своего незаконного сына Гегесистрата (рожденного от аргосской женщины), который не без борьбы отстаивал это наследство Писистрата. Ведь митиленцы и афиняне из городов Ахиллея и Сигея вели постоянные войны друг с другом. Митиленцы требовали назад Сигейскую область, а афиняне оспаривали их право [на нее], указывая, что на земли древнего Илиона эолийцы имеют отнюдь не больше прав, чем они, афиняне, и другие, кто помогал Менелаю отомстить за похищение Елены.

95. Во время этих войн в битвах случилось много замечательных происшествий. Между прочим, после одной стычки, в которой победили афиняне, поэт Алкей спасся бегством, но его оружие попало в руки афинян, и они повесили его в храме Афины в Сигее. Алкей же воспел это событие в песне и послал ее на Митилену, чтобы сообщить о несчастье своему другу Меланиппу. Митиленцев же с афинянами примирил Периандр, сын Кипсела, которого они выбрали посредником. А примирил он их вот на каких условиях: каждая сторона получала то, что у нее было. Так-то Сигей остался за афинянами.

96. Гиппий же после возвращения из Лакедемона прибыл в Азию и пустил все

[656] Кипсел в свое время изгнал из Коринфа аристократов, а Периандр оказался еще более жесток.

[657] См. выше, III 50.

[658] На Ахеронте, где, по представлениям древних, был вход в подземное царство, издавна существовал оракул мертвых.

средства в ход против афинян: он клеветал на них Артафрену и делал все возможное, чтобы подчинить Афины себе и Дарию. Когда афиняне узнали о происках Гиппия, они отправили послов в Сарды, убеждая персов не верить афинским изгнанникам. Артафрен же велел передать послам: если афинянам дорога жизнь, то пусть они примут назад Гиппия. А афиняне наотрез отклонили эти предложения, сообщенные послами. Не согласившись же, они твердо решились открыто воевать с персами.

97. Как раз во время такого враждебного настроения к персам прибыл в Афины милетянин Аристагор, изгнанный из Спарты царем Клеоменом. Ведь этот город был тогда после Спарты самым могущественным из остальных эллинских городов. Аристагор явился в народное собрание и повторил то же самое, что он уже сказал в Спарте. Он говорил о богатствах Азии и о персидской военной тактике, о том, что в бою они не применяют ни щита, ни копья и поэтому их легко-де одолеть. К этому он добавил еще, что Милет – афинская колония и что долг Афин как могущественной державы спасти город. Аристагор давал всевозможные обещания и просил так настойчиво, пока не убедил афинян. Ведь многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного: одного лакедемонянина Клеомена ему не удалось провести, а 30000 афинян он обманул[659]. И вот, афиняне постановили поэтому послать на помощь ионянам 20 кораблей под начальством Меланфия, одного из самых уважаемых афинских граждан. А эти корабли стали началом всех бед для эллинов и варваров.

98. Аристагор же отплыл вперед. По прибытии в Милет он принял решение, от которого не ожидалось никакой пользы ионянам. Да это и не входило в замыслы Аристагора (он хотел этим только раздражить царя Дария). Тиран послал вестника во Фригию к пеонам, которых Мегабаз переселил с реки Стримона как пленников [в Азию] (во Фригий они жили в местности и в селении, [предназначенных] только для них). Когда вестник пришел к пеонам, то сказал им вот что: "Пеоны! Послал меня Аристагор, тиран Милета, предложить вам свободу, если вы пожелаете последовать его совету. Вся Иония охвачена восстанием против царя. Теперь вы можете благополучно возвратиться на родину. Добраться до моря вы должны сами, а оттуда уже мы позаботимся [о вас]". Услышав эти слова, пеоны с радостью согласились. С женами и детьми они поспешно направились к морю. Некоторые из них, впрочем, побоялись идти и остались во Фригии. Прибыв на побережье, пеоны переправились оттуда на Хиос. Когда они были уже на Хиосе, на берегу появился большой отряд персидской конницы, преследовавший пеонов по пятам. Так как персы уже не нашли пеонов, то послали им на Хиос приказание возвратиться. Пеоны же не подчинились; тогда хиосцы отправили их с Хиоса на Лесбос, лесбосцы же перевезли в Дориск, откуда они по суше прибыли в Пеонию.

99. Аристагор же после прибытия афинян с 20 кораблями и в сопровождении 5 триер с Эретрии предпринял поход на Сарды. А эретрийцы примкнули к походу не в угоду афинянам, а ради самих милетян, которым они хотели отплатить за [старую] услугу. Милетяне ведь пришли на помощь эретрийцам в войне против халкидян, когда самосцы помогали халкидянам против эретрийцев и милетян. Так вот, когда прибыли афиняне и прочие союзники, Аристагор и начал поход на Сарды. Сам он, однако, не пошел с войском, но остался в Милете, передав главное командование двум другим милетянам: своему брату Харопину и другому горожанину – Гермофанту.

100. С этим флотом ионяне прибыли в Эфес; затем они оставили корабли в Коресе в Эфесской области, а сами с большим войском выступили в глубь страны, взяв себе в проводники эфесцев. Они шли вдоль реки Каистра[660], переправились затем через Тмол, прибыли в Сарды и взяли город беспрепятственно. Они

[659] Геродот имеет здесь в виду граждан с правом голоса, которых было в Афинах около 10000.

[660] Ионяне выступили в поход на Сарды не по персидской дороге от Эфеса, но по тропам, ведущим через горы. Поход на Сарды был вызван желанием расправиться с сатрапом, управляющим Лидией и малоазийским побережьем (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 109).

захватили весь город, кроме акрополя. Акрополь же защищал сам Артафрен со значительной военной силой.

101. А, взяв город, эллины не разграбили его вот почему. Дома в Сардах были построены в большинстве из камыша, и даже у кирпичных домов были камышовые крыши. Когда какой-то воин поджег один из домов, огонь тотчас же распространился от дома к дому и охватил весь город. Когда же город загорелся, то жители – лидийцы и оставшиеся в городе персы, так как все кругом было охвачено пламенем и они не могли найти выхода,– стали сбегаться на рыночную площадь и к реке Пактолу (Пак-тол, несущий с собой золотой песок, течет с Тмола через рыночную площадь и потом впадает в реку Герм, а та – в море). На рыночной площади у этого-то Пактола и собрались лидийцы и персы, вынужденные защищаться. А ионяне, видя, что враги обороняются, а часть даже большими толпами нападает на них, в страхе отступили к горе под названием Тмол, а оттуда под покровом ночи – к своим кораблям.

102. Сарды же стали добычей пламени, и вместе с городом погиб и храм местной богини Кибелы. Под предлогом сожжения этого храма персы впоследствии из мести предали огню святилища в Элладе. Тогда персидские сатрапы по сю сторону Галиса, узнав о вторжении ионян, собрали свои силы и выступили на помощь лидийцам. В Сардах же персы уже не нашли ионян и, следуя за ними по пятам, настигли их в Эфесе. Ионяне построились в боевом порядке, но в битве были разбиты наголову. Персы убили много знатных ионян и среди них Евалкида, военачальника эретрийцев, который одержал несколько побед в состязаниях и был воспет и прославлен Симонидом Кеосским. Уцелевшие после битвы ионяне рассеялись по своим городам.

103. Таким-то образом они сражались тогда. После этого афиняне оставили ионян на произвол судьбы. Когда же Аристагор стал настоятельно просить их через послов о помощи, то афиняне ответили, что не будут больше им помогать[661]. Так ионяне лишились поддержки афинян, но, несмотря на это, они продолжали войну против царя. Ведь их вина перед Дарием была слишком тяжкой. Они отплыли в Геллеспонт и подчинили Византий и все остальные города в той области. Затем они покинули Геллеспонт и привлекли на свою сторону большую часть Карии. И даже Кавн, который прежде не желал присоединиться к ним, теперь после сожжения Сард вступил с ними в союз.

104. Все жители Кипра добровольно присоединились к ионянам, кроме амафунтцев. Ведь и киприоты отпали от мидян и вот каким образом. Был у них Онесил, младший брат царя саламинцев Горга, сын Херсия, внук Сирома[662] и правнук Евельфонта. Этот-то человек часто и раньше уговаривал Горга отложиться от царя, а теперь, услышав о восстании ионян, все сильнее настаивал. Когда Онесилу все-таки не удалось убедить Горга, то он со своими сторонниками выждал однажды, пока Горг покинул город саламинцев, и закрыл за ним городские ворота. Так-то Горг, лишенный власти в городе, был вынужден бежать к мидянам. Онесил же стал теперь царем Саламина и старался побудить всех киприотов присоединиться к восстанию. Всех остальных жителей острова ему удалось убедить. Только амафунтцы не желали подчиниться, и поэтому он осадил их город.

105. Так вот, Онесил стал осаждать Амафунт. А царь Дарий между тем получил известие о взятии и сожжении Сард афинянами и ионянами и о том, что зачинщиком и виновником этого нашествия был милетянин Аристагор, который таким именно образом все это и затеял. Услышав эту весть, прежде всего, как говорят, царь, не обратив никакого внимания на ионян (он прекрасно знал, что этим-то во всяком случае придется дорого заплатить за восстание), спросил только, кто такие афиняне. А после того как ему сообщили это, царь потребовал

[661] В Афинах обе персофильские группы в это время объединились, в 496 г. до н. э. им удалось прийти к власти, и тогда афинский вспомогательный отряд был отозван из Малой Азии (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 191).

[662] Сиром –финикийское Хирам.

свой лук, вложил в него стрелу и пустил в небо. Когда же стрела полетела в воздух, он сказал: "Зевс![663] Дай мне отомстить афинянам!". После этих слов он, говорят, приказал одному из слуг каждый раз перед обедом трижды повторять ему: "Владыка! Помни об афинянах!".

106. После этого Дарий велел призвать пред свои очи милетянина Гистиея, которого он уже давно удерживал при себе, и сказал: "Я слышу, Гистией, что твой преемник, которому ты поручил Милет, восстал против меня. Он привел людей из другой части света и с ними ионян, которые, конечно, еще получат мзду за дела их, уговорил выступить в поход и разрушил Сарды. Как тебе кажется, хорошо ли это? Как могло такое произойти без твоих советов? Смотри, как бы потом тебе не пришлось пенять на себя!". Гистией отвечал на это: "Царь! Какие слова ты произнес? Неужели я мог подстрекать к какому-нибудь действию, от которого у тебя возникнут потом великие или малые беды? С какой целью я стал бы это делать ? Чего мне еще недостает? Разве нет у меня всего, что есть у тебя, и разве я не удостоен участия во всех твоих замыслах) Если мой наместник действительно совершил что-либо такое, как ты говоришь, то знай, что сделал он это по собственному почину. Я, правда, вовсе не могу поверить, что милетяне и мой наместник восстали против твоей державы. Если же они все-таки это совершили и то, что ты услышал, – правда, то пойми, царь, какую ошибку ты допустил, выслав меня от моря внутрь страны. Ведь ясно, что лишь только я скрылся с их глаз, как ионяне и совершили то, к чему давно стремились. Будь я в Ионии, тогда ни один город даже не осмелился бы восстать. Поэтому как можно скорее позволь мне отправиться в Ионию, чтобы я мог восстановить прежнее положение и моего наместника в Милете, который повинен во всем, передать в твои руки. А если я устрою эти дела по твоей воле, то, клянусь твоими царскими богами, не сниму хитона[664], в котором я отправлюсь в Ионию, пока не сделаю твоим данником Сардон, величайший остров".

107. Гистией такими словами старался обмануть царя, а Дарий поверил и действительно отпустил его с приказанием возвратиться в Сусы, когда исполнит свои обещания.

108. А в то время, когда весть о взятии Сард пришла к царю, и Дарий, пустив стрелу из лука, вступил в беседу с Гистиеем, и Гистией, отпущенный Дарием, прибыл к морю, – за все это время случилось вот что. Когда саламинец Онесил осаждал амафунтцев, ему сообщили о приближении к Кипру на кораблях большого персидского войска во главе с персом Артибием. Услышав же об этом, Онесил послал вестников в ионийские города с просьбой о помощи. А ионяне, недолго раздумывая, тотчас прибыли с большим войском. Так вот, ионяне явились на Кипр, а персы, переправившись из Киликии, пришли к Саламину по суше. А финикияне на кораблях обогнули мыс, называемый "Ключами Кипра".

109. Когда события приняли такой оборот, кипрские тираны созвали военачальников-ионян и сказали им: "Ионяне! Мы, киприоты, предоставляем вам выбор: на кого вы желаете напасть – на персов или на финикиян? Ведь если вы предпочитаете напасть на сухопутное войско, то вам придется теперь покинуть корабли и приготовиться для битвы на суше. Мы же тогда взойдем на борт ваших кораблей, чтобы сразиться с финикиянами. Если же, напротив, вы предпочитаете помериться силами с финикиянами, то будь по-вашему! Но что бы вы ни выбрали, действуйте так, чтобы, насколько это зависит от вас, Иония и Кипр обрели свободу!". На это ионяне ответили: "Послал нас союз ионян охранять море, но не затем, чтобы мы, передав свои корабли киприотам, сами сражались на суше с персами. Так вот, где нам приказали, там мы будем стараться честно выполнять наш долг. Вам же следует, помня о страданиях под игом персов, доблестно сражаться с ними".

[663] Зевс –здесь Ахурамазда.

[664] Хитон носили непосредственно на теле. Завоевание Сардо (совр. Сардиния) у карфагенян –невыполнимое предприятие. Геродот хочет показать, каким грубым способом Гистией обманывал царя.

110. Таков был ответ ионян. Когда персы вступили на саламинскую равнину, цари киприотов[665] поставили в боевом порядке воинов прочих кипрских городов против воинов других племен [персидского войска], а цвет воинов Саламина и Сол – против персов. А против Артибия, военачальника персов, добровольно встал Онесил.

111. Артибий же ехал на коне, обученном вставать на дыбы перед гоплитом. Онесил узнал об этом и сказал своему оруженосцу, родом карийцу, испытанному и отважному воину: "Я слышу, что конь Артибия, становясь на дыбы, бьет копытами и кусает зубами врага. Так вот, сообрази и скажи мне скорее, кого ты желаешь подстеречь и поразить: коня или самого Артибия?". Отвечал ему на это оруженосец: "Царь! Я готов совершить и то и другое или одно из двух и вообще исполнить любое твое приказание. Однако я скажу, что, по моему мнению, более подобает твоему сану: царю и военачальнику следует, говорю я, сражаться с царем и военачальником. Ведь если ты одолеешь военачальника, слава твоя велика; но даже если ты будешь повержен (чего да не будет) рукою равного тебе по достоинству противника, то это только половина несчастья. Нам же, слугам, подобает сражаться с другими слугами и с конем. Выходок же коня ничуть не бойся! Я обещаю тебе, что он никогда уже больше не станет на дыбы".

112. Так сказал он, и тотчас же после этого начались сухопутная и морская битвы. На кораблях в этот день храбро сражались и одержали победу над финикиянами ионяне, а среди них особенно отличились самосцы. На суше же, как только оба войска сошлись, то бросились врукопашную. Что же до обоих военачальников, то случилось вот что. Лишь только Артибий на коне устремился на Онесила, Онесил по условию со своим оруженосцем нанес удар самому Артибию. А когда конь ударил копытами в щит Онесила, кариец, поразив коня серпом, отсек ему ноги.

113. Так-то пал здесь Артибий, персидский военачальник, вместе со своим конем. Между тем, когда остальные киприоты [храбро] сражались, Стесенор, тиран Курия, с довольно большим отрядом изменнически покинул поле битвы (как говорят, эти курийцы были аргосскими поселенцами). После измены курийцев за ними тотчас же последовали и боевые колесницы саламинцев. Тогда персы одолели киприотов. Много киприотов погибло во время бегства и, между прочим, Онесил, сын Херсия, виновник восстания киприотов, а также царь солийцев Аристокипр, сын того Филокипра, которого афинянин Солон по прибытии на Кипр восхвалял в своих стихах превыше всех властителей.

114. Амафунтцы же обезглавили тело Онесила за то, что он осаждал их город, голову же привезли в Амафунт и повесили там над городскими воротами. В пустом черепе поселился пчелиный рой и наполнил его медовыми сотами. Об этом амафунтцы вопросили оракул, который повелел снять череп и предать погребению, а Онесилу приносить ежегодные жертвы как герою, что и послужит им ко благу.

115. Амафунтцы так и поступили и приносят ему жертвы еще до сего дня. Когда же ионяне, которые сражались в морской битве на Кипре, узнали, что дело Онесила проиграно и что все остальные города киприотов, кроме Саламина, в осаде (а Саламин отдан прежнему царю Горгу), ионяне тотчас, узнав об этом, отплыли в Ионию. Из всех же городов на Кипре дольше всего сопротивлялись осажденные Солы. Только на пятом месяце осады персам путем подкопа стены кругом удалось взять город[666].

116. Так-то киприоты после года свободы вновь оказались под игом персов. А Даврис, женатый на дочери Дария, а также Гимей и Отан, другие персидские военачальники и также зятья Дария, преследовали ионян, предпринявших поход на Сарды. Одолев ионян в битве, персы оттеснили их к кораблям и затем, разделив

[665] Это были властители греческих городов на Кипре: Саламина, Кития, Куриона, Мариона, Сол, Лапефа, Керинеи и Хитр. Только Амафунт держал сторону персов.

[666] Персы подкопали и затем обрушили стены в нескольких местах и таким образом проникли в город.

свое войско, стали завоевывать города.

117. Даврис же направился против городов на Геллеспонте[667] и взял Дардан; взял затем Абидос, Перкоту, Лампсак и Пес; именно, каждый город был взят за один день. На пути от Песа к городу Парию персы получили весть о том, что карийцы присоединились к ионянам и также восстали. Тогда Даврис покинул Геллеспонт и выступил против Карии.

118. А карийцы получили, вероятно, известие об этом еще до прибытия Davриса. Узнав об этом, карийцы стали собираться у так называемых "Белых Столпов" на реке Марсии, текущей из области Идриады и впадающей в Меандр. На собрании карийцев было предложено много советов. Самым лучшим, по моему мнению, был совет Пиксодара, сына Мавсола из Киндии, зятя Сиеннесия, царя киликийцев. Он высказался за то, чтобы карийцы перешли Меандр и сражались, имея реку с тыла. Тогда карийцы, лишенные возможности бежать назад, были бы вынуждены оставаться на месте и показать чудеса храбрости. Этот совет, однако, не был принят. Карийцы предпочли, чтобы Меандр был в тылу у персов: ведь если персы проиграют сражение и обратятся в бегство, то, очевидно, будут бросаться в реку и уже не смогут оттуда выбраться живыми.

119. Затем персы подошли к Меандру и переправились через него. Жестокая битва персов с карийцами произошла у реки Марсия и длилась долго; наконец персы одолели своей численностью. Персов пало 2000, а карийцев 10000. Беглецы с поля битвы были вынуждены укрыться в Лабраинды, в святилище Зевса Стратия, именно в огромной священной платановой роще (карийцы же, насколько известно, единственный народ, который приносит жертвы Зевсу Стратию). Так вот, укрывшиеся там беглецы стали держать совет, как им спастись: сдаться ли персам или же лучше совершенно покинуть Азию.

120. Между тем еще во время этого совещания подошли на помощь милетяне и остальные союзники. Тогда карийцы оставили планы, которые они только что обсуждали, и снова стали готовиться к битве. Когда же персы напали на них, карийцы приняли бой и сражались еще более ожесточенно, чем прежде, но опять потерпели поражение. Потери с обеих сторон были велики, причем особенно пострадали милетяне.

121. Однако и после этой беды карийцам удалось оправиться и даже загладить свое поражение. Получив известие, что персы выступили против карийских городов, они устроили засаду на пути у Педаса: персы попали ночью в засаду и были уничтожены. Пали также и военачальники их: Даврис, Аморг и Сисимак, а с ними погиб и Мирс, сын Гигеса. Начальником же в этой засаде был Гераклид, сын Ибаноллия из Милас.

122. Так-то погибла эта часть персидского войска. А Гимей, второй из военачальников, которые преследовали ионян, участников похода на Сарды, направился в Пропонтиду и взял мисийский город Киос. Узнав затем, что Даврис покинул Геллеспонт и выступил в поход на Карию, он оставил Пропонтиду, повел свое войско в Геллеспонт и захватил все эолийские города в Илионской области; подчинил он также и гергифов – остаток древних тевкров. Однако сам Гимей во время подчинения этих городов и племен занемог и скончался в Троаде.

123. Так-то скончался Гимей. Артафрен же, сатрап Сард, и Отан, третий военачальник, получили приказание выступить в поход против Ионии и соседней Эолии. Так вот, в Ионии они захватили Клазомены, а в Эолии – Киму.

124. Когда эти города попали в руки врагов, то обнаружилось, что милетянин Аристагор не отличается мужеством. Он, который привел в волнение Ионию и поднял великую смуту, видя это, думал теперь о бегстве. К тому же ему стало ясно, что невозможно одолеть Дария. Так вот, для этого-то он созвал своих сторонников на совет и объяснил, что для них лучше было бы заранее подготовить безопасное убежище на случай, если их изгонят из Милета. Поэтому он спрашивает, не желают ли они, чтобы он вывел их из Милета в колонию либо на

[667] Персы приняли меры к захвату Геллеспонта, чтобы отрезать Элладу от понтийского хлеба.

Сардон, либо в Миркин, что в стране эдонян, который Гистией укреплял, получив в дар от Дария.

125. Такой вопрос задал им Аристагор. А Гекатей, сын Гегесандра, логограф, дал совет, что не следует высылать колонию ни на Сардон, ни в Миркин, а построить крепость на острове Леросе[668] и в случае изгнания из Милета спокойно сидеть там. А впоследствии можно бы оттуда и возвратиться в Милет.

126. Это был совет Гекатея, сам же Аристагор считал наилучшим вывести колонию в Миркин. Он поручил управление Милетом влиятельному гражданину Пифагору, а сам, взяв с собой всех желающих, отплыл во Фракию и занял местность, куда направился. Во время одного из походов на фракийцев сам Аристагор и его отряд изменнически погибли от руки врага, когда он, осадив один фракийский город, разрешил по договору фракийцам свободный выход из города.

[668] Геродот, вероятно, передает здесь сообщение Гекатея.

Книга VI
ЭРАТО

1. Так-то Аристагор, поднявший восстание в Ионии, окончил свою жизнь[669]. Гистией же, тиран Милета, после освобождения его Дарием, прибыл в Сарды. По приезде Гистиея из Сус Артафрен, сатрап Сард, спросил тирана: "Отчего, по его мнению, восстали ионяне?". А Гистией отвечал, что ничего не знает об этом и даже удивлен, как это ему, мол, ничего не было известно об этих событиях. Артафрен же, понимая, что тиран притворяется, так как тот прекрасно знал истинную причину возмущения, сказал: "С мятежом дело обстоит, Гистией, вот как: сшил эту обувь ты, а надел ее Аристагор".

2. Так высказался Артафрен о восстании. Тогда Гистией в страхе, что Артафрен раскрыл его обман, в первую же ночь бежал к морю, обманув царя Дария. Тиран обещал подчинить царю громадный остров Сардон, а теперь пытался стать во главе ионян в войне против Дария. Когда Гистией прибыл на Хиос, хиосцы бросили его в оковы (они подозревали, что тиран по поручению Дария замышляет переворот в городе). Впрочем, узнав затем о действительном положении дел, хиосцы освободили тирана.

3. Тогда ионяне спросили Гистиея, почему же он так настойчиво побуждал Аристагора восстать против царя и этим навлек страшную беду на ионян. Гистией скрыл от них истинную причину мятежа, но объявил, что царь Дарий задумал выселить финикиян с родины и поселить в Ионии, а ионян – в Финикии. Поэтому-то он и побудил ионян восстать[670]. Хотя царь был далек от подобных планов, но Гистией желал этим только напугать ионян.

4. Затем Гистией отправил в Сарды (через вестника некоего Гермиппа из Атарнея) послания к персам, с которыми уже раньше сговорился о восстании. Однако Гермипп не вручил посланий тем, кому они были направлены, но отнес и отдал их Артафрену. Артафрен же, узнав обо всем этом, приказал Гермиппу отдать послания тем, кому было поручено, а ответ персов отвезти Гистиею. Когда эти замыслы были таким образом раскрыты, Артафрен приказал казнить многих персов[671].

5. Итак, в Сардах началось смятение. Расчеты же Гистиея (на восстание) не оправдались, и по его просьбе хиосцы отправили его назад в Милет. Между тем милетяне на радостях, что избавились от Аристагора, вовсе не имели желания принимать к себе в страну другого тирана, так как уже вкусили блага свободы[672]. И когда Гистией под покровом ночи сделал попытку силой проникнуть в город, какой-то милетянин нанес ему рану в бедро. Так-то изгнанный из своей страны тиран был вынужден возвратиться на Хиос. Гистиею не удалось, однако, убедить хиосцев дать ему корабли. Из Хиоса он переправился на Митилену и там уговорил лесбосцев предоставить ему корабли. Лесбосцы снарядили восемь триер и отплыли с Гистиеем в Византий. Потом они заняли крепкую позицию и стали захватывать все идущие из Понта [грузовые] корабли, кроме кораблей тех городов, которые изъявили готовность подчиниться Гистиею.

[669] Ср. V 126.

[670] Подобные "депортации" целых народностей практиковались властителями Вавилона, Ассирии и Персии (ср. так называемое "Вавилонское пленение"). Возможно, что Дарию пришла мысль переселить часть ионян в Финикию.

[671] Гистией мог опираться на недовольные Дарием элементы в Малой Азии. Персидские заговорщики, вероятно, принадлежали к числу сторонников устраненного Дарием сатрапа Орета (ср. III 120, 126, 128).

[672] Уничтожение Аристагором тирании в Милете послужило сигналом к низвержению тиранов в ряде ионийских городов и установлению так называемого народного правления. Тирания как демократическая диктатура была переходной властью. Как только власть аристократии была сокрушена, то городские элементы стали воспринимать тиранию как пережиток, мешающий развитию рабовладения, свободного торгового оборота и демократических учреждений (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 116).

6. Так действовали Гистией и митиленцы. А против Милета между тем собиралось в поход огромное войско и флот персов. Персидские военачальники[673] объединили свои силы и выступили против Милета, так как остальным городам они не придавали значения. Самыми лучшими мореходами в персидском флоте были финикияне; в походе участвовали также недавно покоренные киприоты, киликийцы и египтяне. Итак, персы пошли войной на Милет и на остальную Ионию.

7. Услышав об этом, ионяне послали своих представителей на собрание в Панионий[674]. По прибытии туда советники обсудили дело и решили не выставлять общего сухопутного войска против персов: милетяне должны были сами защищать свой город с суши. Зато было решено снарядить флот, собрать все без исключения корабли и как можно скорее сосредоточить их у Лады для защиты Милета с моря (Лада – островок, лежащий близ Милета).

8. Затем прибыли ионяне на своих кораблях с воинами и вместе с ними эолийцы, живущие на Лесбосе. Построены же корабли были в таком вот порядке. Восточное крыло занимали сами милетяне со своими 80 кораблями. Рядом с ними стояли приенцы с 12 кораблями и 3 корабля жителей Миунта. Затем следовали 17 кораблей теосцев; за теосцами – хиосцы со 100 кораблями. Возле них выстроились эрифрейцы и фокейцы. Эритрейцы прислали 8 кораблей, а фокейцы 3. К фокейцам примыкали лесбосцы с 70 кораблями. Наконец, на заднем крыле стояли самосцы с 60 кораблями. Общее число всех кораблей ионян было 353.

9. Это были корабли ионян. У варваров же было 600 кораблей. Когда персидский флот и сухопутное войско прибыли в Милетскую землю, то военачальники персов, увидев множество ионийских кораблей, устрашились и решили, что не в состоянии одолеть их. Не добившись господства на море, полагали они, им не взять Милета, и к тому же еще рискуют навлечь на себя за это немилость Дария. Поэтому персидские военачальники призвали на совет ионийских тиранов (эти тираны, устраненные Аристагором из Милета, вынуждены были искать убежища у персов и теперь участвовали в походе на Милет)[675]. Вызвав тех из них, кто находился в персидском стане, персидские военачальники обратились к ним с такими словами: "Ионяне! Пусть каждый из вас проявит [свою преданность], оказав услугу царскому дому. Попробуйте склонить ваших сограждан к измене остальным союзникам. Сообщите им это и скажите, что им вовсе не грозит наказание за мятеж: персы не предадут огню ни храмы богов, ни их частное имущество и будут обращаться с ними, как и прежде, милостиво. А если они все же не пойдут на измену, но попытают счастья в битве, то пригрозите им тем, что их ожидает на самом деле. Ведь в случае поражения они сами будут проданы в рабство, сыновей их мы оскопим, дочерей уведем в Бактры, а их родную землю отдадим другим".

10. Так говорили персидские военачальники, а ионийские тираны разослали вестников к своим землякам передать им предложения персов. Ионяне же (до них дошли эти условия персов) из бессмысленной гордости[676] не пожелали принять персидских условий и изменить союзникам: воины каждого города думали, что персы обращаются только к ним одним.

11. Это произошло как раз после прибытия персов к Милету. Затем ионяне, собравшись у Лады, стали держать совет. На этом совете, кроме некоторых других, выступил также военачальник фокейцев Дионисий и сказал так: "Наша участь висит на волоске: или мы будем свободными, или рабами и вдобавок еще беглыми! Поэтому пусть вас не страшат лишения; теперь вам, конечно, придется

[673] Т. е. Гимей и сатрапы II (лидийской) и III (фригийской) сатрапий Артафрен и Отан (ср. выше, V 122, 123).

[674] В собрании в Панионии (на п-ове Микале) участвовали только представители восставших городов. Города, оставшиеся верными персам, не прислали делегатов. Во главе восстания стояли и "демократические" партии в городах, представляющие интересы торгово-ремесленных кругов, заинтересованных в торговле с Понтом и в сбыте туда ремесленных изделии.

[675] См. выше, V 37.

[676] В подлиннике [γνομοσψνη (блажь, тупое упрямство).

тяжело, но зато вы одолеете врага и завоюете свободу. Напротив, если вы проявите слабость и неповиновение, то я вовсе не надеюсь, что вам удастся избежать суровой кары царя за восстание. Итак, послушайте же моего совета и доверьтесь мне. И я вам обещаю: если только есть на свете божественная справедливость, то враг или не посмеет вступить в бой, а если сделает это, то будет разбит наголову".

12. После этой речи ионяне подчинились приказанию Дионисия. Дионисий же каждый раз, выставляя свои корабли в открытом море в одну линию [кильватерной колонной], заставлял одни корабли проходить на веслах между другими[677], применяя силу гребцов. При этом он выстраивал воинов [на борту] в полном вооружении. Остальную часть дня он приказывал кораблям стоять на якоре, заставляя воинов целый день трудиться. Семь дней подряд ионяне не выходили из повиновения, выполняя приказания Дионисия. На восьмой же день, истомленные мучительным трудом под палящим зноем, они подняли ропот, рассуждая между собою так: "Какое божество мы оскорбили, что претерпеваем такие муки. Мы совершенно сошли с ума, подчинившись этому болвану фокейцу, который выставил всего лишь три корабля. Став нашим начальником, он принялся унижать и мучить нас, и, как видно, много людей уже занемогло, а другим еще придется испытать ту же участь. Лучше терпеть любую напасть, чем такие мучения! Лучше даже будущее рабство (как бы тяжело оно ни было), чем теперешние муки. Давайте же перестанем ему подчиняться!". Так рассуждали ионяне, и после этого никто уже не хотел повиноваться Дионисию. Тогда ионяне, разбив палатки на острове (подобно сухопутному войску), стали в тени предаваться неге, не желая больше возвращаться на корабли для учений.

13. Когда самосские военачальники услышали о таком [настроении] и делах у ионян, то по совету Эака, сына Силосонта, решили (Эак ведь уже раньше по приказанию персов предлагал им покинуть ионян) разорвать союз с ионянами. Самосцы приняли это предложение как из-за полного развала дисциплины у ионян, так и от того, что теперь им стало совершенно ясно: одолеть царя они не могут. Ведь они хорошо знали, что одолей они даже теперешний флот [Дария], то явится другой, впятеро больший. Итак, лишь только самосцы заметили, что ионяне не проявляют мужества, то нашли в этом предлог [для измены]: ведь для них было важнее всего спасти от гибели храмы богов и свое имущество. Эак же, совет которого изменить [союзникам] самосцы приняли, был сыном Силосонта, внуком Эака и тираном Самоса. Его, как и других ионийских тиранов, лишил власти Аристагор из Милета.

14. Итак, когда финикийские корабли напали, ионяне также выступили навстречу врагу, построив свои корабли в два ряда один за другим. Затем противники стали сближаться и вступили в бой. Я не могу, однако, теперь точно сказать, кто из ионян в этой битве оказался трусом и кто проявил доблесть: ведь одни стараются переложить вину на других. Во всяком случае передают, что все самосские корабли, кроме одиннадцати, по уговору с Эаком подняли паруса и, покинув боевой строй, взяли курс на Самос. Триерархи этих кораблей вопреки приказу своих военачальников остались и приняли участие в битве. И за этот доблестный подвиг власти самосцев повелели начертать на столпе их имена с прибавлением отчества, а столп этот стоит у них на рыночной площади. Заметив бегство соседей, лесбосцы также последовали за самосцами. Так же поступило и

[677] Геродот описывает здесь самый важный маневр античной военно-морской тактики. Он был изобретен фокейцами и затем воспринят другими греческими городами. Нападающий корабль должен был пройти между двумя вражескими кораблями так, чтобы сломать им весла и лишить их маневренности. В образовавшийся прорыв входили затем другие корабли и охватывали вражеский флот с тыла. Воины с корабля, проходя мимо вражеских кораблей, осыпали их градом стрел и камней, чтобы воспрепятствовать контрманевру. Подобная тактика требовала молниеносного исполнения приказа командой нападающего корабля и предполагала долгую тренировку. Против этого-то и протестовали экипажи кораблей и воины.

большинство [кораблей других городов] ионян[678].

15. Среди тех, кто стойко держался в битве, самые жестокие потери понесли хиосцы. Они совершили блестящие подвиги и не захотели показать себя трусами. Хиосцы ведь, как было упомянуто выше, выставили 100 кораблей, причем на каждом из них было по 40 отборных воинов экипажа. При виде измены большинства союзников хиосцы все же сочли недостойным уподобиться этим негодяям: сражаясь вместе с немногими оставшимися союзниками, они прорвали боевую линию врагов и захватили много вражеских кораблей[679]. При этом, однако, они и сами потеряли большинство своих кораблей.

16. С уцелевшими кораблями хиосцы бежали на свой остров. А тем хиосцам, чьи корабли едва держались на плаву от повреждений, пришлось бежать в Микале, когда враги стали их преследовать. Там они вытащили корабли на берег, а сами отправились по суше пешком. Во время этого странствования хиосцы вступили в Эфесскую область. Они пришли, когда эфесские женщины как раз справляли праздник Фесмофорий. Эфесцы же еще ничего не знали о судьбе хиосцев. При виде толпы вооруженных людей, проникших в их страну, они были в полной уверенности, что это – разбойники, явившиеся похитить женщин[680]. Весь Эфес вышел на помощь, и хиосцы были перебиты. Такая печальная участь постигла этих хиосцев.

17. Когда фокеец Дионисий понял, что дело ионян проиграно, он, захватив в бою три вражеских корабля, однако, не вернулся назад в Фокею: он прекрасно знал, что и его вместе с остальной Ионией ожидает рабство. Тотчас же после битвы Дионисий взял курс прямо в Финикию, где ему удалось потопить [несколько] купеческих кораблей[681] и захватить богатую добычу. Затем он направился в Сикелию. Отправляясь туда, он стал заниматься морским разбоем, не нападая, впрочем, никогда на эллинские корабли, а только на карфагенские и тирсенские[682].

18. Между тем после победы в морской битве над ионянами персы принялись осаждать Милет с суши и с моря. Они стали делать подкоп стен и подвезли всевозможные осадные орудия. На шестой год после восстания Аристагора персам удалось целиком [вместе с акрополем] овладеть городом. Жителей они обратили в рабство, так что сбылось прорицание оракула, данное Милету[683].

19. И действительно, когда аргосцы вопросили бога в Дельфах о спасении своего города, им было дано общее [с милетянами] прорицание: часть его относилась к самим аргосцам, а добавление Пифия изрекла милетянам. Ответ бога аргосцам я приведу в своем месте, когда мой рассказ дойдет до них. Оракул же, данный милетянам в их отсутствии, гласил так:

В оное время и ты, о Милет, – зачинатель преступных деяний – Многим во снедь ты пойдешь и даром станешь роскошным. Многим тогда твои жены косматым ноги

[678] Они предпочли, как и самосцы, снова принять изгнанных тиранов. Геродот –поклонник Самоса делает все возможное, чтобы обелить Самос и династию Поликратидов: он оправдывает даже измену самосских стратегов в битве при Ладе и жестокости персов на острове (ср.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 94–5).

[679] Хиосцы удачно провели в битве маневр, которому их обучил фокеец Дионисий.

[680] Город Эфес не примкнул к восстанию. Геродот пытается ссылкой на праздничную процессию в честь Деметры (Фесмофории) оправдать позорное поведение эфесцев по отношению к своим землякам-ионянам.

[681] В подлиннике γαψλοζ (финик) –слово, означающее определенный тип корабля (грузовой корабль).

[682] Карфагеняне и этруски господствовали тогда в западной части Средиземного моря.

[683] Милет пал, вероятно, осенью 494 г. до н.э., на шестом году ионийского восстания, которое началось в 499 г. до н.э.

умоют. Капище ж наше в Дидимах[684] возьмут в попеченье другие.

Тогда-то и разразилась над милетянами эта беда, так как большую часть их мужчин умертвили персы, носившие длинные волосы, а жен и детей их обратили в рабство. Священный же храмовый участок, а также храм и прорицалище были разграблены и преданы огню. О сокровищах этого храма я уже нередко упоминал в другой части моего повествования[685].

20. Захваченных в плен милетян персы затем повели в Сусы. Царь Дарий, впрочем, не причинил им больше никакого зла. Он поселил их у так называемого Красного моря в городе Ампе; мимо этого города протекает река Тигр при впадении в море. В Милетской же области персы взяли себе самый город и окрестную равнину, а горную местность отдали во владение карийцам из Педас.

21. Когда милетян постигла такая ужасная участь, то город Сибарис не отплатил им равным за то, что милетяне в свое время сделали для него. Так, после взятия Сибариса кротонцами (сибариты после разрушения их города переселились в Лаос и Скидрос) все взрослое население Милета остригло себе волосы на голове и погрузилось в глубокую скорбь. Ведь из всех городов, которые я знаю, эти города были связаны между собой наиболее тесными узами гостеприимства и дружбы. Совершенно по-иному, однако, поступили афиняне, которые, тяжко скорбя о взятии Милета, выражали свою печаль по-разному. Так, между прочим, Фриних сочинил драму "Взятие Милета"[686], и когда он поставил ее на сцене, то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы.

22. Итак, в Милете теперь уже не было больше милетян. На Самосе же зажиточные граждане вовсе не одобряли образа действий своих военачальников по отношению к персам. После морской битвы они тотчас собрались на совет и решили, пока их тиран Эак не успел вернуться в страну, выселиться куда-нибудь, чтобы, оставаясь на родине, не быть рабами персов и Эака[687]. Как раз в это самое время занклейцы, что в Сикелии, отправили послов в Ионию с приглашением на "Красивый Берег", где они желали основать ионийский город. А этот так называемый "Красивый Берег" находится в стране сикелийцев, именно в части Сикелии, обращенной к Тирсении. Итак, по приглашению занклейцев отправились в путь только самосцы – одни из ионян, а с ними еще беглецы из Милета.

23. В это время произошло вот что. По пути в Сикелию самосцы прибыли в землю эпизефирийских локров. Сами занклейцы во главе со своим царем, по имени Скиф, осаждали тогда [какой-то] город сикелийцев, который они желали захватить. О прибытии самосцев между тем узнал тиран Регия Анаксилай, враждовавший тогда с занклейцами. Встретив пришельцев, он стал убеждать их лучше отказаться от "Красивого Берега", куда они плыли, и захватить Занклу, покинутую мужским населением. Самосцы послушались совета и овладели городом. Как только занклейцы узнали о захвате своего города, они сами поспешили на помощь и призвали Гиппократа, тирана Гелы, своего союзника. Когда же Гиппократ в самом деле явился с войском на помощь, то велел бросить в оковы властителя занклейцев Скифа за то, что тот-де покинул свой город на произвол судьбы. Брата же Скифа Пифогена тиран выслал в город Иник, а остальных занклейцев выдал

[684] В Дидимах был храм Аполлона со знаменитым оракулом (развалины храма у совр. Гиеронды). Ксеркс приказал перенести оракул в Бактрию. Часть милетян после взятия города была переселена в Бактрию.

[685] См. выше. I 92; V 36.

[686] Драма Фриниха не сохранилась. Это была первая известная нам попытка изобразить на сцене исторические события.

[687] Речь о сторонниках так называемой народной партии, которые после изгнания тиранов ввели на Самосе демократию, а теперь решили эмигрировать в Сицилию. Напротив, беднота на острове стояла за подчинение персам. Персы вовсе не были защитниками греческой бедноты: они поддерживали любую партию, которая обращалась к ним за помощью (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 192).

самосцам, заключив с ними договор, подтвержденный взаимной клятвой. В награду за это самосцы обещали Гиппократу вот что: именно, отдать ему половину всей домашней утвари и рабов в городе и, кроме того, весь урожай с полей. Большую часть занклейцев тиран держал в оковах на положении рабов, а 300 самых знатных отдал самосцам, [повелев] казнить. Самосцы, впрочем, не казнили их.

24. Скиф же, властитель занклейцев, из Иника бежал в Гимеру, а оттуда отправился в Азию и прибыл к царю Дарию. Дарий считал его самым честным из эллинов, когда-либо приходивших к нему. И действительно, с разрешения Дария он вновь отправился в Сикелию, а затем возвратился к царю и [жил у него], наслаждаясь великим богатством, пока не скончался глубоким старцем в Персии. Самосцы же, избежав персидского ига, без большого труда завладели прекраснейшим городом.

25. После морской битвы у Милета финикияне по приказанию персов возвратили на Самос Эака, сына Силосонта[688], за его великие заслуги перед царем. И самосцы были единственными из восставших против царя Дария [ионян], город и святилища которых не были преданы огню. После взятия Милета персы сразу же захватили Карию, причем часть городов подчинилась им добровольно, а другие по принуждению. Таков был ход событий.

26. Между тем к Гистиею весть о событиях в Милете пришла, когда он стоял у Византия и захватывал ионийские грузовые корабли, шедшие из Понта[689]. Поручив дела на Геллеспонте Бисальту, сыну Аполлофана из Абидоса, сам Гистией отплыл на лесбосских кораблях, взяв курс на Хиос. Хиосская стража не допустила его в город, и тогда Гистией напал на хиосцев в так называемых Келах в Хиосской области. В схватке тиран перебил много хиосцев. Он одолел так же со своими лесбосцами и хиосцев, уцелевших от поражения в морской битве, отправляясь из Полихны на Хиосе.

27. Обычно, когда какому-нибудь городу или народу предстоят тяжкие бедствия, божество заранее посылает знамения. Так же и хиосцам явлены были перед этими невзгодами великие знамения. Так, из хора в 100 юношей, отправленных в Дельфы, только двое вернулись домой. А 98 из них были внезапно похищены чумой. Затем в то же самое время, незадолго до морской битвы, в самом городе обрушилась крыша школы[690] и из 120 детей только один избежал гибели. Такие знамения божество заранее ниспослало хиосцам. Непосредственно за этим могущество города было сокрушено в морской битве, а после нее явилась [новая напасть] – Гистией с лесбосцами. Сломленных такой бедой хиосцев Гистией легко подчинил своей власти.

28. Из Хиоса Гистией выступил в поход на Фасос с большим отрядом ионян и эолийцев. Во время осады Фасоса пришла весть, что финикийский флот идет из Милета против остальных ионийских городов. Узнав об этом, тиран снял осаду Фасоса и поспешил со своим войском на Лесбос. С Лесбоса из-за нехватки продовольствия для войска он переправился на материк, чтобы добыть хлеба из Атарнея и из долины Каика в Мисийской области. В этих местах тогда как раз находился с большим войском персидский военачальник Гарпаг. Он напал на Гистиея при высадке на берег, взял в плен самого тирана и уничтожил большую часть его войска.

29. А взят в плен Гистией был вот как. Битва эллинов с персами произошла при Малене в Атарнейской области. Эллины долгое время стойко держались; наконец персидская конница стремительно бросилась на них и решила исход дела. Эллины обратились в бегство, а Гистией в надежде, что царь не покарает его смертью за теперешнее преступление, и малодушно пытаясь спасти свою жизнь, поступил

[688] Персы восстановили на Самосе, как и в других ионийских городах, власть тиранов.

[689] Гистией укрепился в Византии, чтобы перехватывать идущие в Грецию корабли с грузом хлеба и блокадой заставить греческие города примкнуть к ионийскому восстанию.

[690] Вероятно, одна из школ, где обучали чтению и письму.

так: во время бегства какой-то персидский воин настиг его и хотел было уже заколоть. Тогда тиран объявил ему по-персидски, что он – Гистией из Милета.

30. Если бы пленника привели к царю Дарию, то, как я думаю, Гистией не понес бы никакой кары и царь бы простил его. По этой-то причине, а также из боязни, как бы тиран, избежав наказания, вновь не приобрел большого влияния у царя Дария, Артафрен, правитель Сард, и Гарпаг, захвативший его в плен, велели привезти его в Сарды [и казнить]. Там тело Гистиея распяли на кресте, а голову, набальзамировав, отослали в Сусы к царю Дарию. Узнав об этом, Дарий выразил свое неудовольствие поступком этих людей, именно за то, что они не доставили тирана живым пред его царские очи. Голову Гистиея царь повелел обмыть, обрядить и предать достойному погребению: Гистией ведь оказал ему и персам великие услуги. Таков был конец Гистиея.

31. На следующий год персидский флот, перезимовав в Милете, вышел в море и без труда захватил острова у побережья: Хиос, Лесбос и Тенедос. Каждый раз при захвате какого-нибудь острова варвары устраивали облавы на людей. Поступали они при этом так: взявшись за руки, они образовывали цепь, растянутую от северного побережья моря до южного, и затем проходили таким образом через весь остров, охотясь за людьми[691]. Подобным же образом персы захватывали и ионийские города на материке, но только облаву на людей здесь было устраивать невозможно.

32. Тогда-то персидские военачальники показали, что их угрозы ионянам, когда те стояли враждебным станом против них, не были пустыми словами. В завоеванных городах персы, выбрав наиболее красивых мальчиков, вырезали у них половые органы и обращали в евнухов, а самых миловидных девушек уводили в плен к царю. Так они поступали и предавали огню города вместе со святилищами богов. Так-то ионяне в третий раз были обращены в рабство: сначала лидийцами, а затем дважды персами[692].

33. Из Ионии персидский флот взял курс на Геллеспонт и захватил все города на левой его стороне при входе в пролив. Города же, лежащие на правой стороне, были уже захвачены персами с суши[693]. А на европейской стороне Геллеспонта находятся следующие местности: Херсонес с большим числом городов, затем город Перинф, укрепленные места во Фракии, потом Селимбрия и Византий. Жители Византия и жившие на противоположном берегу калхедоняне[694] не стали ждать нападения финикиян. Они покинули свои города и отплыли в Евксинский Понт. Там они поселились в городе Месамбрии. Финикияне же, предав огню упомянутые местности, направились в Проконнес и Артаку. Уничтожив огнем и эти города, они вернулись на Херсонес, чтобы захватить остальные города, которые не успели разрушить при первой высадке. Однако на Кизик они не совершили нападения, так как жители его еще до их прихода сами подчинились царю: об этом они договорились с сатрапом Даскилея Эбаром, сыном Мегабаза.

34. Все эти города на Херсонесе, кроме Кардии, попали в руки финикиян. Правил ими тогда Мильтиад, сын Кимона, внук Стесагора. Получил же власть над этими городами в прежние времена Мильтиад[695], сын Кипсела, вот каким образом. Владело Херсонесом фракийское племя долонков. Эти-то долонки, жестоко теснимые во время войны с апсинтиями, отправили своих царей в Дельфы

[691] Это сообщение –позднейшая вставка: на гористых островах, испещренных ущельями и расселинами, подобная тактика совершенно невозможна.

[692] Ионийские города были покорены сначала лидийским царем Крезом, потом при Кире персидскими полководцами Мазаресом и Гарпагом и, наконец, в царствование Дария.

[693] См. выше, V 1.17.

[694] Византии и Калхедония были предмостными укреплениями персов уже во время скифского похода Дария I. Персы могли, опираясь на эти города, отрезать Грецию от понтийского хлеба. Египет –вторая страна, экспортировавшая хлеб, была также в руках персов. Поэтому грекам оставалось только импортировать хлеб из Сицилии.

[695] Оракул, разумеется заранее подготовленный, посоветовал долонкам обратиться к Мильтиаду, сыну Кипсела.

вопросить бога об [исходе] войны. Пифия повелела им в ответ призвать "первым основателем" в свою страну того, кто по выходе из святилища первым окажет им гостеприимство. Возвращаясь священным путем, долонки прошли землю фокийцев и беотийцев[696]. Так как никто не принял их, то они свернули в сторону [и направились] в Афины.

35. В Афинах в те времена вся власть была в руках Писистрата. Большим влиянием, впрочем, пользовался также Мильтиад, сын Кипсела, происходивший из семьи, которая содержала четверку коней. Свой род он вел от Эака из Эгины, а афинянином был лишь с недавних пор. Первым из этого дома стал афинянином Филей, сын Эанта[697]. Этот-то Мильтиад сидел перед дверью своего дома. Завидев проходивших мимо людей в странных одеяниях и с копьями, он окликнул их. Когда долонки подошли [на зов], Мильтиад предложил им приют и угощение. Пришельцы приняли приглашение и, встретив радушный прием, открыли хозяину полученное ими прорицание оракула. Затем они стали просить Мильтиада подчиниться велению бога. Услышав просьбу долонков, Мильтиад сразу же согласился, так как тяготился владычеством Писистрата и рад был покинуть Афины. Тотчас же он отправился в Дельфы вопросить оракул: следует ли ему принять предложение долонков.

36. Пифия же повелела [согласиться]. Так-то Мильтиад, сын Кипсела (незадолго перед этим он одержал победу в Олимпии с четверкой коней), отправился в путь вместе со всеми афинянами, желавшими принять участие в походе, и долонками и завладел страной. Призвавшие же Мильтиада долонки провозгласили его тираном. Мильтиад отделил сначала Херсонесский перешеек стеной от города Кардии до Пактии[698], для того чтобы апсинтии не могли вторгаться и опустошать эту землю. Ширина перешейка 36 стадий, а длина всего Херсонеса от этого перешейка 420 стадий.

37. Итак, отделив стеной Херсонесский перешеек и преградив таким образом путь апсинтиям, Мильтиад пошел войной на прочих врагов, и прежде всего на лампсакийцев. Лампсакийцы же устроили засаду и захватили Мильтиада в плен. Мильтиад же пользовался большим уважением лидийского царя Креза. Когда Крез узнал о пленении Мильтиада, то велел передать лампсакийцам [требование] отпустить Мильтиада с угрозой в противном случае истребить их город, как сосну. Лампсакийцы же не могли понять, что означают слова царской угрозы: истребить их, как сосну. В конце концов какой-то старик растолковал им смысл: когда-то он слышал, что сосна – единственное дерево, не дающее отростков; срубленное дерево совершенно погибает. Тогда лампсакийцы из страха перед Крезом отпустили Мильтиада на свободу.

38. Так-то Мильтиад при помощи Креза избежал страшной опасности. Скончался же он бездетным и власть свою и имущество передал Стесагору, сыну Кимона, своего единоутробного брата. После кончины Мильтиада херсонесцы, по обычаю, приносят ему жертвы как герою – основателю [колонии] и устраивают конские и гимнические[699] состязания, в которых не позволяется участвовать ни одному лампсакийцу. В войне с лампсакийцами нашел свою смерть и Стесагор, также не оставивший потомства. Его поразил в пританее[700] секирой по голове какой-то лампсакиец, выдавший себя за перебежчика, а на самом деле – его злейший враг.

39. После того как и Стесагора постиг такой конец, Писистратиды отправили на

[696] Священная дорога вела из Дельфов в Фокиде через Коронею и Фивы (в Беотии) в Аттику. На всем протяжении пути послы находились под покровительством божества, и поэтому благочестие предписывало оказывать им гостеприимство.

[697] Род Мильтиада (как Алкмеониды и Писистратиды) возводил свое происхождение к героям Троянской войны.

[698] Т. е. в самом узком месте фракийского Херсонеса.

[699] Т. е. гимнастические состязания.

[700] Пританей –служебное здание совета. Там находился алтарь Гестии, богини домашнего очага.

Херсонес с триерой захватить верховную власть Мильтиада, сына Кимона, брата покойного Стесагора. Писистратиды в Афинах дружески обращались с Мильтиадом, делая вид, будто совершенно не причастны к убиению его отца [Кимона] (о чем я расскажу в другом месте)[701]. По прибытии в Херсонес Мильтиад остановился в доме [тирана], очевидно, для того, чтобы еще раз воздать погребальные почести покойному. Между тем, узнав об этом, властители городов на Херсонесе прибыли отовсюду выразить сочувствие. Когда они собрались все вместе, Мильтиад велел схватить их и бросить в оковы. Так-то Мильтиад захватил власть над Херсонесом. Он содержал 500 наемников и взял себе в жены Гегесипилу, дочь Олора, фракийского царя.

40. На этого-то Мильтиада, сына Кимона (а он лишь недавно возвратился на Херсонес), обрушилась теперь еще более тяжкая беда, чем прежде[702]. Ведь за три года до этого он был изгнан скифами. Скифские кочевые племена, раздраженные вторжением царя Дария, объединились и дошли до Херсонеса. Мильтиад не стал ожидать вторжения скифов, а бежал в изгнание, пока скифы не ушли и долонки не вернули его назад. Эти события произошли за три года до постигших его затем несчастий[703].

41. Теперь же при известии, что финикияне стоят у Тенедоса, Мильтиад погрузил на пять триер все свои сокровища и отплыл в Афины. Выйдя в море из города Кардии, Мильтиад поплыл через Меланский залив. Но тут, огибая Херсонес, он встретил финикийские корабли[704]. Самому Мильтиаду с четырьмя кораблями удалось спастись бегством на Имброс[705]. Пятый же корабль во время преследования попал в руки финикиян. Начальником этого корабля был как раз старший сын Мильтиада, но, конечно, не от дочери фракийского царя Олора, а от другой жены. Его-то и захватили в плен финикияне. Узнав затем, что это – сын Мильтиада, финикияне отвезли его к царю, думая этим заслужить великую царскую милость (ведь именно Мильтиад на совете ионян высказался за то, чтобы по требованию скифов разрушить мост и затем отплыть на родину). Когда финикияне привезли в Сусы Метиоха, сына Мильтиада, Дарий не причинил ему, однако, никакого зла. Напротив, царь сделал пленнику много добра: он пожаловал ему дом, поместье и персиянку в жены. От этой женщины у Метиоха родились дети, которые считались уже персами. Сам же Мильтиад с Имброса [благополучно] прибыл в Афины.

42. В этом году персы не предпринимали больше враждебных действий против ионян, кроме уже упомянутых. Напротив, в этот год произошли вот какие весьма выгодные ионянам события. Артафрен, сатрап Сард, приказал прислать к нему предводителей ионийских городов и заставил их заключить между собой договоры: споры должны разрешаться впредь мирным путем, грабить и разорять друг друга городам [было запрещено]. Сатрап заставил ионийские города принять это. Затем сатрап приказал произвести обмер их земли парасангами (этим словом персы обозначают меру в 30 стадий). После обмера он назначил каждому городу подать, которую они всегда с того времени неизменно выплачивают вплоть до сего дня [в таком размере], как установил Артафрен. Эти положенные подати Артафреном почти не превышали прежних податей, уплачиваемых ионийскими городами. Эти меры принесли мир Ионии[706].

[701] См. ниже, VI 103.

[702] Из сообщения Геродота вытекает, что неудачный исход скифского похода Дария ослабил положение греческих тиранов на Геллеспонте.

[703] Геродот возвращается теперь к событиям 493 г. до н.э.

[704] Финикийские корабли, вероятно, подстерегали Мильтиада при выходе из Сардонического залива.

[705] Имброс не был еще тогда захвачен персами.

[706] Артафрен, сатрап II (лидийской) сатрапии, управлял тогда и I сатрапией, куда входили и греческие города. Определив территорию каждого греческого города, он обложил их соответственной податью и затем установил мир между греческими городами. Этими

43. С наступлением весны[707] после смещения царем других главных военачальников Мардоний, сын Гобрия, выступил к морю с огромным сухопутным войском и большим флотом. Мардоний был еще молодой человек и только недавно вступил в брак с дочерью Дария Артозострой. Прибыв с этим войском в Киликию, сам Мардоний сел на корабль и продолжал дальнейший путь с флотом. Сухопутное же войско с другими военачальниками во главе двигалось к Геллеспонту. А Мардоний между тем плыл вдоль побережья Азии и достиг Ионии. Здесь-то и произошло нечто такое, что я назову самым поразительным событием для тех эллинов[708], которые не желали верить, будто Отан предложил семи персам ввести демократию в Персии. И действительно, Мардоний низложил всех ионийских тиранов и установил в городах демократическое правление. Совершив такой переворот, Мардоний поспешил дальше к Геллеспонту. После того как на Геллеспонте собралось множество кораблей, а также большие сухопутные силы, персы переправились на кораблях через пролив и затем двинулись по Европе, а именно на Эретрию и Афины.

44. Города эти явились, однако, лишь предлогом для похода. В действительности же персы стремились покорить как можно больше эллинских городов. Сначала, как известно, они при помощи флота подчинили фасосцев, которые даже не подумали оказать сопротивление. Затем сухопутное войско прибавило к числу прочих порабощенных народностей еще и македонян[709] (ведь все племена к востоку от Македонии были уже во власти персов). От Фасоса персы переправились на противоположный берег и поплыли вдоль побережья дальше до Аканфа[710], а от Аканфа стали огибать Афон. В пути, однако, на персидский флот обрушился порыв сильного северо-восточного ветра, который нанес ему страшные потери, выбросив большую часть кораблей на афонские утесы. При этом, как передают, погибло 300 кораблей и свыше 20000 человек. Море у афонского побережья полно хищных рыб, которые набрасывались на [плавающих людей] и пожирали их. Другие разбивались о скалы, иные же тонули, не умея плавать, а иные, наконец, погибали от холода. Так-то нашел свою погибель персидский флот.

45. Ночью же стан Мардония в Македонии подвергся нападению фракийцев из племени бригов. Много персов при этом было перебито, и сам Мардоний ранен. Бриги, впрочем, все же не избежали персидского ига: Мардоний покинул эту страну, только окончательно покорив ее жителей. После этого ему пришлось отступить с войском, так как сухопутные силы понесли тяжелые потери от бригов, а флот потерпел жестокое крушение у берегов Афона. Итак, этот поход окончился позорной неудачей, и войско возвратилось в Азию.

46. Спустя два года после этого[711] Дарий отправил сначала вестника к фасосцам с повелением разрушить стены города и послать свои корабли в Абдеры (фасосцев оклеветали соседи, приписывая им мятежные замыслы [против царя]). После осады города Гистиеем из Милета фасосцы при своих огромных доходах тратили деньги на строительство военных кораблей и возведение мощных стен. Доходы же они получали из [колоний] на материке и от рудников. Так, золотые рудники в Скаптегиле приносили им обычно 80 талантов[712]; рудники же на самом Фасосе –

мерами персы привлекли на свою сторону влиятельные группы ионян и таким образом обеспечили себе тыл в предстоящей войне.

[707] Именно весны 492 г. до н.э.

[708] Под "эллинами" здесь имеется в виду Гекатей Милетский. Эллинские тирании оказались тогда для персов опаснее, чем так называемые демократии.

[709] Македония была подчинена Бубару, уполномоченному сатрапа Мегабаза (ср. выше, V 18–1).

[710] Город Аканф получал большую выгоду от строительства Ксерксом Афонского канала и поэтому всемерно поддерживал предприятие.

[711] Хронология источников Геродота здесь ненадежна. Эти события должны были относиться уже к 490 г. до н.э. –году Марафонской битвы.

[712] Данные касаются годовой производительности рудников.

несколько меньше, но все же столь много, что фасосцы были не только свободны от налогов на хлеб, но все, вместе взятое, – доходы от владений на материке и от рудников – составляло ежегодно сумму в 200 талантов, а в лучшие годы – даже 300 талантов.

47. Мне самому пришлось также видеть эти рудники. Безусловно самые замечательные из них – это рудники, открытые финикиянами, когда они под предводительством Фасоса поселились на этом острове (он и теперь называется по имени Фасоса, сына Фойника). А эти финикийские рудники на Фасосе лежат между местностями под названием Эниры и Кениры, напротив Самофракии. Огромная гора там изрыта в поисках золота. Таковы эти рудники.

48. Фасосцам все же пришлось по царскому повелению разрушить свои стены и все корабли послать в Абдеры. После этого Дарий сделал попытку разведать замыслы эллинов: думают ли они воевать или предпочитают сдаться. Для этого Дарий отправлял глашатаев в разные города по всей Элладе с повелением требовать царю земли и воды. Этих-то глашатаев он посылал в Элладу, а других отправлял в приморские города, платившие ему дань, приказывая строить военные корабли и грузовые суда для перевозки лошадей.

49. Эти города-данники взялись поставлять [царю] эти корабли, а многие материковые города дали прибывшим в Элладу глашатаям то, что им повелел персидский царь. Так же поступали и все островные города, куда являлись глашатаи [с подобным] требованием. Среди островитян, которые дали Дарию землю и воду, были, между прочим, и жители Эгины. Лишь только эгинцы совершили этот поступок, как афиняне тотчас же напали на них с угрозами. Афиняне полагали, что эгинцы дали [землю и воду царю] с враждебными против них намерениями, именно для того, чтобы вместе с персами потом идти войной на них. С радостью ухватились афиняне за этот предлог и отправились в Спарту, чтобы обвинить эгинцев как предателей Эллады[713].

50. В силу этого-то обвинения Клеомен, сын Анаксандрида, спартанский царь, переправился в Эгину, чтобы схватить главных виновников. Однако некоторые эгинцы при попытке царя захватить их оказывали сопротивление и среди них прежде всего Криос, сын Поликрита. Криос заявил, что Клеомен не уведет ни одного эгинца безнаказанно, так как он-де действует без разрешения спартанских властей, подкупленный афинскими деньгами: иначе он ведь прибыл бы вместе с другим царем. А говорил все это Криос по приказанию Демарата. Уезжая из Эгины, Клеомен спросил Криоса, как его имя. Тот назвал свое настоящее имя, и Клеомен, обратившись к нему, сказал: "Покрой медью твои рога, баран[714]! Тебя ожидает великая беда".

51. Между тем оставшийся в Спарте Демарат, сын Аристона (он был также спартанским царем), стал клеветать на Клеомена. Демарат происходил из менее знатного дома, который, впрочем, считался таковым (родоначальник у них был общий) потому лишь, что дом Еврисфена ради первородства пользовался, вероятно, большим почетом.

52. Лакедемоняне вопреки утверждениям всех поэтов[715] рассказывают, что сам царь Аристодем, сын Аристомаха, внук Клеодея, правнук Гилла, привел их в эту землю, которой они теперь владеют, а вовсе не сыновья Аристодема. Спустя немного времени супруга Аристодема по имени Аргея родила. Она, по преданию, была дочерью Автесиона, сына Тисамена, внука Ферсандра, правнука Полиника. Родила же она близнецов; и после того как Аристодем увидел детей своими

[713] Отсюда следует, что еще до первого похода Дария в Греции образовался союз городов под руководством Спарты. Эгина –постоянный соперник Афин, закрывающая им выход в открытое море. По наущению Афин Спарта как общепризнанный вождь Эллады требует от эгинцев заложников в обеспечение того, что Эгина не станет на сторону персов в случае их нашествия.

[714] Криос –баран.

[715] Речь идет наряду с другим, быть может, о каком-нибудь недошедшем произведении Гесиода.

глазами, он занемог и скончался. Тогда народ лакедемонский решил, по обычаю, поставить царем старшего мальчика. Однако лакедемоняне не знали, которого из них выбрать, так как оба мальчика были совершенно одинаковы видом и ростом. При таком затруднительном положении (или уже раньше) пришлось обратиться с вопросом о старшинстве к родильнице. Родильница же сказала, что также не может решить, кто старший. Она-то, конечно, прекрасно знала разницу между детьми, но ответила так намеренно, предвидя возможность, что они оба будут царствовать. Итак, лакедемоняне, не зная, что предпринять, отправили посольство в Дельфы вопросить бога, как им поступить. Пифия же повелела поставить царями обоих младенцев, но старшему оказывать больше почета. Так повелела Пифия, а лакедемоняне все еще были в затруднении, как определить, кто из младенцев старший. Тогда один мессенец, по имени Панит, дал им совет. Посоветовал же этот Панит лакедемонянам вот что: они должны подсмотреть, которого младенца мать будет сначала мыть и кормить; и если они увидят, что мать всегда поступает одинаково, то узнают, что хотят узнать. Если же и сама мать будет колебаться и поступать то так, то эдак, то ясно, что она сама знает не больше их, и тогда следует попробовать другой способ. По совету мессенца лакедемоняне стали наблюдать за матерью детей Аристодема и увидели, что она всегда отдает предпочтение старшему, когда кормит и обмывает детей. При этом мать не знала, ради чего за ней наблюдают. Тогда спартанцы взяли от матери младенца, которому она отдавала предпочтение как старшему, чтобы воспитывать его на общественный счет. Назвали же его Еврисфеном, а младшего Проклом. Когда мальчики подросли, то, по преданию, хотя и были братьями, всю жизнь враждовали между собой. И эта вражда продолжалась в их потомстве.

53. Это сказание передают лакедемоняне – и только они одни из всех эллинов. А вот что я утверждаю, согласно общеэллинскому преданию[716]. Этих дорийских царей, вплоть до Персея, эллины правильно считают и изображают эллинами. Ведь уже тогда [со времен Персея] их род причисляли к эллинам. Я сказал "вплоть до Персея" и не восхожу дальше, потому что имя смертного отца Персея неизвестно (как, например, у Геракла [имя смертного отца] было Амфитрион). Поэтому я совершенно правильно сказал выше [о царях] "вплоть до Персея". Если же перечислить по порядку каждого предка Данаи, дочери Акрисия, то, конечно, вожди дорийцев окажутся настоящими египтянами.

54. Такова родословная спартанских царей по сказаниям эллинов[717]. Напротив, согласно персидскому преданию, не только предки Персея, но и сам Персей еще был ассирийцем и стал эллином. Предки же Акрисия поэтому вовсе не состояли ни в каком родстве с Персеем, но были, как это подтверждает и эллинское предание, египтянами. Но об этом довольно.

55. А почему эти египтяне и за какие подвиги получили царскую власть над дорийцами, я рассказывать не буду, так как об этом уже говорили другие писатели[718]. Я хочу сообщить лишь то, о чем они не упоминали.

56. Особые же почести и права спартанцы предоставили своим царям вот какие: обе жреческие должности – Зевса Лакедемонского и Зевса Урания[719] и даже право вести войну с любой страной. Ни один спартанец не смеет им противодействовать, в противном же случае подлежит проклятию. В битве цари выступают впереди и последними покидают поле сражения. Сотня отборных воинов служит им в походе телохранителями. Жертвенных животных цари могут брать с собой в поход сколько угодно: от каждой жертвы они получают шкуру и спинную часть мяса.

[716] Передаваемое здесь Геродотом предание не имеет никакого отношения к древним легендам о переселении дорийцев, а является измышлением поэтов на службе у правящих аристократических родов.

[717] Геродот хочет здесь сообщить то, что рассказывали о происхождении спартанских царей в остальной Греции, кроме Спарты.

[718] Геродот имеет в виду логографов.

[719] Цари были верховными жрецами спартанского племенного бога и бога неба.

Таковы особые преимущества царей во время войны.

57. В мирное же время царям полагаются следующие [особые] преимущества. Во время жертвоприношений от имени общины цари восседают на первом месте на жертвенном пиршестве; по сравнению с остальными участниками им первым подносят угощение и в двойном количестве[720]. При возлиянии царям полагается первый кубок и шкура жертвенного животного. В первый и седьмой дни начала месяца обоим царям община доставляет отборное животное (для жертвоприношения в святилище Аполлона)[721], а затем лаконский медимн ячменной муки и лаконскую четверть вина. На всех состязаниях царям принадлежат особые почетные места. Им поручено назначать проксенами[722] любого из граждан и выбирать по два пифия (пифиями называются послы в Дельфы, которые обедают вместе с царями на общественный счет). Если цари не являются на пиршество, то им посылают на дом 2 хеника ячменной муки и по котиле вина каждому. А когда они приходят [на пир], то им подают все кушанья в двойном количестве. Такой же почет оказывает им и частный гражданин, приглашая к обеду. Изречения оракулов цари обязаны хранить в тайне[723]; знать эти изречения должны также пифии. Только одним царям принадлежит право выносить решения по следующим делам: о выборе мужа для дочери-наследницы[724] (если отец никому ее не обручил) и об общественных дорогах[725]. Также если кто пожелает усыновить ребенка, то должен сделать это в присутствии царей. Цари заседают также в совете 28 геронтов[726]. Если цари не являются в совет, то их ближайшие родственники среди геронтов получают их привилегии, именно каждый, кроме своего, получает еще два голоса.

58. Эти-то почести и права предоставляет царям спартанская община при жизни. Посмертные же почести царей вот какие. О кончине царя всадники сообщают во все концы Лаконии, а женщины ходят вокруг города и бьют в котлы. Лишь только раздаются эти звуки, в каждом доме двое свободных людей – мужчина и женщина – должны облечься в траур. Тех, кто не подчинился этому приказу, ожидает суровая кара. Впрочем, обычаи лакедемонян при кончине царей такие же, как и у азиатских варваров. Ведь у большинства варварских племен те же обычаи при кончине царей. Всякий раз, когда умирает царь лакедемонян, на погребении обязано присутствовать, кроме спартанцев, также определенное число периэков[727]. Много тысяч периэков, илотов и спартанцев вместе с женщинами собирается [на погребение]. Они яростно бьют себя в лоб, поднимают громкие вопли и при этом причитают, что покойный царь был самым лучшим из царей[728]. Если же смерть постигнет царя на поле брани, то в его доме устанавливают изображение покойного и на устланном [цветами] ложе выносят [для погребения]. После погребения царя на десять дней закрыт суд и рынок, а также не бывает

[720] Цари занимали почетные места не только на празднествах, но и на общих обедах (сисситиях).

[721] Два ежемесячных праздника у спартанцев были новолуние и день рождения Аполлона (седьмой день каждого месяца).

[722] Проксенами в Спарте назывались избранные царями граждане, оказывавшие гостеприимство иностранцам и защищавшие их интересы.

[723] Полученное предсказание оракула записывалось на коже и затем хранилось царями.

[724] Речь идет о дочери –единственной наследнице, которая после брака приносила в семью мужа все свое имущество.

[725] Имеется в виду охрана безопасности на дорогах.

[726] Речь идет о заседаниях совета старейшин (геронтов).

[727] Периэки, принадлежавшие к дорийским и додорийским племенам, обладали в противоположность совершенно бесправным илотам некоторыми политическими правами (например, местным самоуправлением). Наряду с воинской повинностью они должны были выставлять траурную свиту при погребении царей.

[728] Имеется в виду погребальная песнь в честь покойного, в которой восхвалялись его заслуги.

собраний по выборам должностных лиц, но в эти дни все облекаются в траур.

59. Есть еще у спартанцев вот какой обычай, схожий с персидским. После кончины царя его наследник, вступив на престол, прощает спартанцам все долги царю или общине. И у персов также новый царь при восшествии на престол прощает недоимки всем городам.

60. А вот следующий обычай лакедемонян похож на египетский. У них глашатаи, флейтисты и повара наследуют отцовское ремесло. Сын флейтиста становится флейтистом, сын повара – поваром, а глашатая – глашатаем. На смену потомкам глашатаев не назначают посторонних из-за зычного голоса, но должность остается в той же семье. Такие наследственные обычаи хранят спартанцы.

61. Итак, в то время как Клеомен находился на Эгине и действовал на благо всей Эллады, Демарат клеветал на него не столько в интересах эгинцев, сколько из зависти и злобы. Возвратившись с Эгины, Клеомен задумал поэтому лишить Демарата престола. Нанести врагу удар он решил, воспользовавшись вот чем. Спартанский царь Аристон, хотя и женатый дважды, не имел потомства. Не считая себя виновным в этом, царь взял себе третью супругу. А вступил в этот третий брак он вот каким образом. Был у Аристона среди спартанцев друг, с которым он был особенно близок. У этого человека была супруга, далеко превосходившая красотой всех спартанских женщин, притом еще красавицей она стала из безобразной. Будучи дочерью богатых родителей, девочка отличалась ужасным безобразием, и ее кормилица, чтобы помочь беде, придумала вот какое средство (к тому же кормилица видела, что родители девочки несчастны из-за безобразия дочери). Она приносила ребенка каждый день в святилище Елены, в местность под названием Ферапна[729], что над святилищем Феба[730]. Принося ребенка в храм, кормилица всякий раз становилась перед кумиром богини и молила даровать девочке красоту. И вот, как рассказывают, однажды, когда кормилица уже покидала святилище, предстала ей некая женщина и спросила, что она носит на руках. Кормилица отвечала, что носит младенца. Женщина попросила показать ей дитя. Кормилица же отказалась, так как родители запретили ей показывать девочку кому-либо. Женщина все же просила непременно показать ей младенца. Тогда кормилица, заметив, насколько важно этой женщине видеть девочку, показала ей. Женщина погладила девочку по головке и сказала, что она будет красивейшей женщиной в Спарте. И с этого дня [безобразная] наружность девочки изменилась, а когда она достигла брачного возраста, то стала супругой Агета, сына Алкида, именно упомянутого друга Аристона.

62. Как оказалось, Аристон распалился страстью к этой женщине и придумал вот какую хитрость. Он обещал своему другу, супругу этой женщины, подарить из своего имущества все, что тот пожелает. То же самое он просил и у своего друга. Тот согласился, вовсе не опасаясь за свою жену, так как видел, что Аристон уже женат. Потом друзья скрепили этот договор клятвой. Аристон подарил Агету одну из своих драгоценностей по его выбору, а потом, выбирая взамен равный дар у него, потребовал себе его жену. Агет сказал в ответ, что жена – это единственное, что он не может отдать. Однако [в конце концов], попавшись на коварную хитрость и связанный клятвой, был вынужден уступить ее Аристону.

63. Так вот, Аристон вступил в третий брак, отпустив свою вторую жену. Спустя немного времени (не прошло еще и десяти месяцев) эта женщина родила ему этого самого Демарата. Во время заседания в совете с эфорами кто-то из слуг принес царю весть о рождении сына. Аристон знал время, когда привел супругу в свой дом. Прикинув на пальцах число [прошедших] месяцев, с клятвой он воскликнул: "Это не мой сын!". Эфоры услышали эти слова, но не обратили тогда

[729] Святилище Елены и Менелая (Менелайон) находилось к юго-востоку от Спарты. Здесь, по преданию, были погребены Менелай и Елена. При раскопках святилища была найдена статуэтка нагой женщины (ок. 680 г. до н.э.). Подобные статуэтки в это время были еще редки.

[730] В святилище Феба (Фебеон), по верованию спартанцев, были погребены Диоскуры.

на них никакого внимания[731]. Между тем младенец подрос, и Аристон раскаялся в своих словах: теперь ведь он был совершенно уверен, что Демарат – его сын. Дал же он младенцу имя Демарат, потому что весь спартанский народ, почитавший Аристона больше всех своих прежних царей, желал ему сына.

64. Через некоторое время Аристон скончался, и Демарат вступил на престол. Однако судьбе, как кажется, было угодно, чтобы те слова [Аристона] стали известны и [из-за них-то] Демарат и лишился престола. С Клеоменом Демарат был в смертельной вражде. Сначала Демарат отвел свое войско из Элевсина, а затем оклеветал Клеомена, когда тот переправился на Эгину, чтобы наказать там сторонников персов.

65. Перед походом Клеомен договорился с Левтихидом, сыном Менара, внуком Агиса (из того же дома, что и Демарат). Клеомен обещал возвести его на престол вместо Демарата при условии, если тот выступит с ним в поход на эгинцев. Левтихид же был заклятым врагом Демарата вот из-за чего. Левтихид был обручен с Перкалой, дочерью Хилона, сына Демармена, а Демарат хитростью расстроил этот брак. Опередив Левтихида, Демарат похитил эту женщину и сам взял ее в жены. Из-за этого-то и началась вражда Левтихида с Демаратом. Тогда по наущению Клеомена Левтихид под клятвой обвинил Демарата, утверждая, что тот – не сын Аристона[732] и поэтому незаконно царствует над спартанцами. Принеся клятву, Левтихид напомнил слова, вырвавшиеся у Аристона, когда слуга сообщил царю весть о рождении сына. Тогда царь, сочтя по пальцам месяцы, поклялся, что это не его сын. Левтихид особенно ссылался на эти слова царя в доказательство того, что Демарат – не сын Аристона и незаконно присвоил себе царское достоинство. Свидетелями он вызвал тех эфоров, которые заседали тогда в совете вместе с Аристоном и слышали его слова.

66. У спартанцев из-за этого возникли разногласия, и, наконец, было решено вопросить оракул в Дельфах: Аристонов ли сын Демарат. Когда по наущению Клеомена дело это перенесли на решение Пифии, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, сына Аристофанта, весьма влиятельного человека в Дельфах. А этот Кобон убедил Периаллу, прорицательницу, дать ответ, угодный Клеомену. Так-то Пифия на вопрос послов изрекла решение: Демарат – не сын Аристона. Впоследствии, однако, обман открылся: Кобон поплатился изгнанием из Дельф, а прорицательница была лишена своего сана[733].

67. Так-то был низложен Демарат. А бежал Демарат из Спарты в Персию вот из-за какого оскорбления. После низложения с престола он был выбран на другую начальственную должность. На празднике Гимнопедий Демарат был среди зрителей. Левтихид, ставший вместо него царем, послал слугу издевательски спросить Демарата, как ему нравится новая должность после царского сана. Демарат, больно задетый этим вопросом, сказал в ответ, что он, Демарат, уже изведал на опыте обе должности, а Левтихид – еще нет; вопрос этот, впрочем, послужит для лакедемонян началом бесчисленных бедствий или безмерного счастья. После этих слов Демарат с покрытой головой покинул праздник и направился домой. Дома он сделал приготовление к жертве и принес Зевсу в жертву быка. Затем он позвал свою мать.

68. Когда мать пришла, Демарат вложил ей в руки куски внутренностей жертвы и стал взывать к ней такими словами: "О мать! Всеми богами и вот этим Зевсом Геркейским заклинаю и молю тебя: открой мне правду, кто же мой настоящий отец? Ведь на суде Левтихид утверждал, что ты пришла к Аристону, уже имея во чреве плод от первого мужа. А иные распускают даже еще более нелепые слухи, будто ты явилась в дом Аристона от пастуха ослов с нашего двора и что я, мол, его

[731] Т. е. влияние эфоров тогда не было еще столь значительным, чтобы они в этом вопросе могли вступать в спор с царем.

[732] Истец и ответчик перед началом процесса должны были принести клятву в том, что их утверждения истинны. Затем начинался суд.

[733] Сообщение об этом случае показывает, насколько скептически относился Геродот к поступкам жрецов, изрекавших предсказания оракулов.

сын. Заклинаю тебя богами, скажи правду! Если ты действительно совершила что-либо подобное тому, о чем говорят люди, то ты – не единственная: много женщин поступает так же. В Спарте повсюду ходила молва, что Аристон не способен производить потомство, иначе ведь ему родили бы детей прежние жены".

69. Так говорил Демарат, и мать отвечала ему вот какими словами: "Сын мой! Ты заклинаешь меня открыть правду, так я расскажу тебе все, как было. На третью ночь, после того как Аристон привел меня в свой дом, явился мне призрак, похожий на Аристона. Он возлег со мной на ложе и увенчал венками, которые принес. Затем призрак исчез и пришел Аристон. Увидев меня увенчанной, он спросил, кто дал мне венки. Я сказала, что он сам, но Аристон не хотел признаться в этом. А я тогда поклялась и сказала, что нехорошо ему отрицать это: ведь он только что приходил ко мне, возлег со мной на ложе и дал мне эти венки. Услышав мою клятву, Аристон понял, что это – дело божества. И не только венки оказались из святилища героя, что стоит перед входом в наш двор и называется храмом Астрабака, но и прорицатели также изъяснили, что [явился мне] именно этот герой. Теперь, дитя мое, ты знаешь все, что хотел знать. Либо ты родился от этого героя и отец твой – герой Астрабак, или Аристон. Ведь в эту ночь я зачала тебя. А то, на что больше всего ссылаются враги, утверждая, что сам-де Аристон при вести о твоем рождении перед множеством свидетелей объявил, что ты – не его сын, потому что десять месяцев еще не истекли, то у него лишь по неведению в таких делах вырвалось это слово. Некоторые женщины ведь рожают даже девяти и семимесячных младенцев, и не всегда они носят полные десять месяцев. Я же родила тебя, дитя мое, семимесячным. И даже сам Аристон очень скоро признал, что у него эти слова слетели с языка по неразумию. Не верь и прочей болтовне о твоем рождении; ведь ты теперь узнал сущую правду. А от ослиных пастухов пусть рожают детей жены Левтихиду и другим, кто распространяет подобные слухи".

70. Так она сказала. А Демарат, узнав все, что ему хотелось узнать, взял с собой съестного в дорогу и отправился в Элиду[734] под предлогом, что ему нужно вопросить оракул в Дельфах. Лакедемоняне же, подозревая намерение Демарата бежать, бросились в погоню за ним. Беглец успел, однако, из Элиды переправиться в Закинф. Лакедемоняне же последовали за ним и туда, настигли его и захватили его спутников. Закинфяне, однако, не выдали Демарата, и он оттуда уехал в Азию к царю Дарию. Царь принял изгнанника с великим почетом и пожаловал ему землю и города. Так-то и при таких обстоятельствах прибыл Демарат в Азию. Он прославился среди лакедемонян многими подвигами, великим благоразумием и был единственным спартанским царем, который доставил им славу победы в Олимпии с четверкой коней.

71. Левтихид же, сын Менара, вступил на престол после низложения Демарата. У него был сын Зевксидам, которого некоторые спартанцы называли Киниском. Этот Зевксидам не стал царем Спарты, так как скончался еще при жизни Левтихида, оставив сына Архидама. После кончины Зевксидама Левтихид взял себе вторую супругу Евридаму, сестру Мения, дочь Диакторида. Мужского потомства от этой супруги у него не было, а только дочь Лампито, которую Левтихид отдал в жены сыну Зевксидама Архидаму.

72. Сам Левтихид, однако, также не дожил в Спарте до старости. Ему пришлось все же искупить свою вину перед Демаратом вот каким образом. Во время похода в Фессалию он предводительствовал лакедемонянами и, хотя легко мог покорить всю страну, позволил подкупить себя большими деньгами. Левтихида застали на месте преступления: он сидел в своем собственном стане на мешке, полном золота. Привлеченный к суду, царь бежал из Спарты, и его дом был разрушен. Бежал же он в Тегею[735] и там скончался. Впрочем, это произошло позднее.

73. А Клеомен тотчас же после низложения Демарата вместе с Левтихидом выступил в поход на Эгину, распалившись яростным гневом за причиненный ему позор. Теперь, когда оба царя выступили против них, эгинцы не решились

[734] Речь идет об области Элиде.

[735] Царь со свитой укрепился в аркадской Тегее, откуда и пытался захватить Спарту.

сопротивляться. А цари выбрали десять эгинцев, самых богатых и знатных, и увели их в плен. Среди них были и Криос, сын Поликрита, и Касамб, сын Аристократа,– самые влиятельные граждане [на Эгине]. Затем пленных повели в Аттику и отдали заложниками афинянам, злейшим врагам эгинцев.

74. Когда впоследствии обнаружились козни Клеомена против Демарата, Клеомен в страхе перед спартанцами бежал в Фессалию. По при бытии оттуда в Аркадию он поднял там мятеж, возбудив аркадцев против Спарты. Аркадцев он заставил поклясться, что они пойдут за ним, куда бы он их ни повел. Именно, он хотел собрать главарей аркадцев в городе Нонакрис и там заставить принести клятву "водой Стикса"[736]. Близ этого города Нонакрис, как говорят аркадцы, находится источник этой воды. И действительно, вода там стекает каплями со скалы в овраг, обнесенный изгородью из терновника. Нонакрис же, близ которого протекает этот источник, – аркадский город неподалеку от Фенея.

75. Узнав об этих происках Клеомена, лакедемоняне устрашились и возвратили его в Спарту, где он стал, как и прежде, царем. Тотчас же по возвращении его поразил недуг, именно безумие (впрочем, Клеомен уже и раньше был не совсем в уме): так, первому встречному в Спарте царь тыкал своей палкой в лицо. За такие безумные поступки родственники наложили на Клеомена ножные колодки. Уже связанный, Клеомен, увидев, что он наедине со стражем, потребовал нож. Страж сначала не хотел давать, но царь стал грозить, что заставит его потом поплатиться, пока тот в страхе от угроз (это был илот) не дал ему нож. Схватив это железное орудие, царь принялся увечить свое тело, начиная от голеней. Он изрезал мясо [на теле] на полосы: от голеней до ляжек и от ляжек до бедер и паха, Дойдя до живота, Клеомен и его изрезал на полосы и таким образом скончался. Большинство эллинов утверждает, что такая смерть постигла царя за то, что он подкупил Пифию, заставив ее дать несправедливое изречение о Демарате[737]. Только одни афиняне приводят другую причину смерти: именно то, что при вторжении в Элевсин[738] царь велел вырубить священную рощу богинь. А по словам аргосцев, причиной смерти Клеомена было то, что он выманил из святилища Аргоса бежавших туда после битвы аргосцев и приказал изрубить их и даже священную рощу безрассудно предал огню.

76. Клеомен ведь вопрошал дельфийский оракул и в ответ получил изречение, что завоюет Аргос. Во главе спартанского войска царь прибыл к реке Эрасину, которая, как говорят, вытекает из Стимфальского озера. Озеро же это изливается в невидимую расселину и снова появляется на поверхность в Аргосе, где его воды аргосцы называют [рекой] Эрасином. И вот, подойдя к этой реке, Клеомен принес ей жертву. Однако знамения оказались вовсе неблагоприятными для переправы. Царь заявил, что очень хвалит Эрасин за то, что тот не выдает своих земляков, но аргосцев все-таки постигнет кара. Затем он отвел свое войско в Фирею, принес в жертву быка и потом на кораблях переправился в Тиринфскую землю и в Навплию.

77. При вести о его высадке аргосцы выступили с войском к морю. Близ Тиринфа, в той местности, где лежит [селение] по имени Сепия, на небольшом расстоянии от врага аргосцы расположились станом. Открытого сражения аргосцы не боялись, опасаясь только, как бы их коварно не захватили врасплох. На это действительно указывало изречение оракула, данное Пифией им одновременно с милетянами. Оракул гласил так[739]:

Если же в битве жена одолеет когда-либо мужа, Дав изгнанье в удел, меж аргивян же славу стяжает, Много аргивянок станет свой лик от печали царапать. Скажет тогда кто-нибудь из грядущих потомков [аргосских]: "Страшный в извивах

[736] Уже Гомер и Гесиод упоминают Стикс. Водой этой реки у Гомера клянутся боги. Вокруг Стикса образовался религиозный центр аркадских племен.

[737] Ср. выше, V 66.

[738] Ср. выше, V 74.

[739] Другую часть предсказания Геродот сообщает в VI 19. Для своего труда Геродот, по-видимому, пользовался сборниками предсказаний оракулов отдельным городам.

дракон[740] погиб, копием прободенный".

Все это привело аргосцев в ужас, и они решили поэтому подражать действиям глашатая врагов. А решив так, они стали действовать вот как. Когда спартанский глашатай что-нибудь объявлял лакедемонянам, то и [глашатай] аргосцев повторял его слова.

78. Клеомен заметил, что аргосцы делают все, что объявляет его глашатай, и приказал воинам по знаку глашатая к завтраку взяться за оружие и идти в атаку на аргосцев. Так лакедемоняне и поступили. Когда аргосцы по знаку глашатая приступили к завтраку, лакедемоняне напали на них и многих перебили, а еще большую часть, которая нашла убежище в [священной] роще Аргоса, окружили и держали под стражей.

79. Тогда Клеомен сделал вот что. Узнав от перебежчиков имена запертых в святилище аргосцев, он велел вызывать их поименно, объявляя при этом, что получил уже за них выкуп (выкуп же за каждого пленника установлен у пелопоннесцев по 2 мины). Так Клеомен вызвал одного за другим около 500 аргосцев и казнил их. Оставшиеся в святилище не знали о их судьбе, так как роща была густая и те, кто там находился, не могли видеть, что происходит снаружи, пока кто-то из них не влез на дерево и не увидел сверху, что там творится. Тогда, конечно, никто уже больше не вышел на зов.

80. Тогда Клеомен приказал всем илотам навалить вокруг [святилища] дров и затем поджечь рощу[741]. Когда роща уже загорелась, царь спросил одного из перебежчиков: какому божеству она посвящена. Тот сказал, что это – роща Аргоса. Услышав такой ответ, Клеомен с глубоким вздохом сказал: "О, прорицатель Аполлон! Сколь жестоко ты обманул меня твоим изречением, что я завоюю Аргос! Я полагаю, что пророчество это теперь исполнилось".

81. После этого Клеомен отправил большую часть своего войска в Спарту, а [сам] с 1000 отборных воинов направился к храму Геры совершить жертвоприношение. Когда он хотел начать там приносить жертву на алтаре, жрец запретил ему, сказав, что чужеземцам не дозволено приносить жертвы. Тогда Клеомен приказал илотам прогнать жреца от алтаря и подвергнуть бичеванию. Царь принес жертву сам и затем возвратился в Спарту.

82. По возвращении враги Клеомена привлекли его к суду эфоров, утверждая, что царь дал себя подкупить и поэтому-де не взял Аргоса, который можно было захватить. В свою защиту Клеомен объявил (я не могу с уверенностью сказать, лгал ли он или говорил правду): после взятия святилища Аргоса он, дескать, решил, что предсказание бога сбылось. Поэтому он счел неразумным нападать на город, пока не принесет жертвы и не узнает, отдаст ли божество в его руки город или воспрепятствует ему. Но когда он стал приносить жертвы в святилище Геры, то из груди кумира сверкнуло пламя. Таким образом, он совершенно ясно понял, что не возьмет Аргоса. Если бы пламя сверкнуло из головы кумира, то он, наверно, взял бы город и акрополь. Но так как пламя воссияло из груди, то он понял, что совершил все так, как желало божество. Эти слова Клеомена показались спартанцам убедительными и правдоподобными, и он был оправдан значительным большинством голосов.

83. Аргос же настолько опустел, что рабы захватили там верховную власть и управляли всеми делами до тех пор, пока сыновья погибших не возмужали. Тогда они вновь отвоевали Аргос и изгнали рабов. Изгнанные же рабы силой оружия овладели Тиринфом. Некоторое время у аргосцев с изгнанниками-рабами были дружественные отношения. Затем к рабам пришел прорицатель Клеандр, родом из Фигалии, в Аркадии. Этот человек убедил рабов напасть на своих господ. С тех пор началась у них долгая война, пока наконец аргосцы с трудом не одолели врага[742].

[740] Дракон был знаменем воинов Аргоса.

[741] По описанию Геродота выходит, что роща была окружена стеной, за которой укрепились аргосцы.

[742] Речь идет о части додорийского населения, которое до того не имело никаких политических прав.

84. Так вот, это-то и было, по словам аргосцев, причиной безумия и ужасной гибели Клеомена. Сами же спартанцы утверждают, что божество вовсе не виновно в безумии царя: общаясь со скифами, он научился пить неразбавленное вино и от этого впал в безумие. После вторжения Дария в их страну скифы-кочевники вознамерились отомстить царю. Они отправили в Спарту послов и заключили союз с лакедемонянами. При этом было решено, что сами скифы сделают попытку вторгнуться в Мидию вдоль течения реки Фасиса[743], в то время как спартанцы из Эфеса направятся внутрь [персидской] страны на соединение со скифами. Клеомен же, как говорят, когда скифы прибыли [в Спарту] для переговоров, слишком часто общался со скифами; общаясь же с ними больше, чем подобало, он научился у них пить неразбавленное вино. От этого-то, как думают, спартанский царь и впал в безумие. С тех пор спартанцы, когда хотят выпить хмельного вина, говорят: "Наливай по-скифски". Так рассказывают спартанцы о Клеомене. Я же думаю, что этим [безумием] он искупил свой поступок с Демаратом.

85. Между тем эгинцы, узнав о кончине Клеомена, отправили вестников в Спарту принести жалобу на Левтихида по делу о заложниках, содержавшихся в Афинах. Лакедемоняне же тогда назначили суд. Суд постановил, что Левтихид причинил эгинцам великую несправедливость и за это его следует выдать им на Эгину вместо заложников, задержанных в Афинах. Когда эгинцы собирались уже увести Левтихида, то Феасид, сын Леопрепея, уважаемый в Спарте человек, сказал им: "Что вы задумали делать, эгинцы? Спартанского царя увести, которого вам выдали его сограждане? Если ныне спартанцы в своем гневе даже и вынесли такое решение, то берегитесь, как бы потом, если вы это сделаете, они не погубили вашу страну". Выслушав эти слова, эгинцы отказались от своего намерения увести с собой царя. Однако они договорились, что Левтихид отправится в Афины и вернет им заложников.

86. Левтихид прибыл в Афины и потребовал выдачи заложников. Афиняне же, не желая выдавать их, выставляли [разные] отговорки. Так, они говорили, что заложников им передали оба царя и они теперь не могут их выдать одному царю без согласия другого. Когда же афиняне [решительно] отказались, Левтихид сказал им вот что: "Афиняне! Поступайте, как хотите. Но если вы отдадите заложников, поступите справедливо. Если же не отдадите, совершите несправедливость. Я хочу рассказать вам, что произошло однажды в Спарте с оставленным на хранение добром. У нас, спартанцев, есть предание, что за три поколения до нашего времени жил в Лакедемоне некий человек, по имени Главк, сын Эпикида. Он был во всех отношениях выдающимся человеком в Лакедемоне, и в особенности слыл самым честным человеком среди тогдашних лакедемонян. Однажды случилось с ним вот что. Прибыл в Спарту один милетянин, посетил Главка и сделал ему такое предложение: "Я – милетянин и пришел к тебе, Главк, желая воспользоваться твоей честностью. Ведь по всей Элладе и даже в Ионии идет о ней громкая слава. Я подумал, как все-таки жизнь в Ионии с давних пор сопряжена с опасностями[744] и сколь прочно положение у вас в Пелопоннесе. Ведь у нас, в Ионии, никогда богатый не может рассчитывать на сохранность своих денег. И вот, поразмыслив так, я решил половину всего моего состояния превратить в деньги и отдать тебе на хранение, так как уверен, что в твоих-то руках они будут в сохранности. Итак, возьми мои деньги, а эти [опознавательные] таблички[745] сохрани. Кто, предъявив их, потребует деньги, тому и отдай". Так

[743] Под Фасисом имеется в виду р. Аракс. Скифы всякий раз вторгались в Мидию через проход у Дербента.

[744] Здесь, по-видимому, следует иметь в виду нападения лидийских царей на ионийские города в первой половине VI в.

[745] Опознавательные таблички, или "хирограф", который предъявлялся при получении денег. На этом хирографе (на коже) дважды писали текст документа и между обоими текстами оставляли пространство, где писали слово "хирограф". Затем в этом месте разрезали кожу пополам. При представлении хирографа обе половины должны были совпасть. Главк, по-видимому, уничтожил или спрятал свою половину хирографа.

сказал чужеземец из Милета, а Главк принял сданные ему на указанных условиях деньги. Прошло много времени, и тогда прибыли в Спарту сыновья того человека, вверившего деньги Главку. Они явились к Главку и, показав [опознавательные] таблички, потребовали возвращения денег. А тот отказал им, ответив вот что: "Я не знаю об этом деле и не могу припомнить ничего из того, о чем вы говорите. Однако если вспомню, то желаю поступить по справедливости. Ведь если я [действительно] получил деньги, то должен честно их вернуть. Если же я вовсе их не получал, то поступлю по эллинским законам. Четыре месяца даю вам сроку от сегодняшнего дня, чтобы доказать ваши требования". Печально возвратились милетяне домой, думая, что лишились уже своих денег. А Главк отправился в Дельфы вопросить оракул. Когда же он вопросил оракул, должен ли он присвоить деньги ложной клятвой, то Пифия грозно изрекла ему в ответ такие слова:

Сын Эпикида, о Главк: сейчас тебе больше корысти
Клятвою верх одержать, вероломной, и деньги присвоить.
Ну же, клянись, ибо смерть ожидает и верного клятве.
Впрочем, у клятвы есть сын, хотя безымянный, безрукий,
Он и безногий, но быстро настигнет тебя, покуда не вырвет
С корнем весь дом твой и род не погубит,
А доброклятвенный муж и потомство[746] оставит благое.

Услышав этот оракул, Главк попросил у бога прощения за свой вопрос. Пифия же ответила, что испытывать божество и приносить ложную клятву – одно и то же. Тогда Главк послал за чужеземцами-милетянами и отдал им деньги. А я, афиняне, хочу теперь объяснить, чего ради я рассказал эту повесть. Не осталось теперь ни Главкова потомства, ни дома, который носил его имя в Спарте: с корнем вырван его род. Поэтому всякому, у кого требуют возвращения заклада, следует думать только о том, чтобы вернуть его собственникам". Так говорил Левтихид. А афиняне и тогда не вняли его словам, и царю пришлось возвратиться домой [ни с чем].

87. Эгинцы же, не искупив еще своих прежних обид, которые они дерзко в угоду фиванцам нанесли афинянам, сделали вот что. В гневе на афинян и почитая себя обиженными, эгинцы стали готовиться к мщению. Во время празднества, справляемого афинянами каждые пять лет у Суния[747], они подстерегли и захватили священный корабль со знатными афинянами. Захватив корабль, эгинцы бросили затем пленников в оковы.

88. Тогда афиняне решили немедленно всеми доступными средствами наказать эгинцев. Жил тогда на Эгине почтенный человек по имени Никодром, сын Кнефа. Он затаил злобу на эгинцев за свое прежнее изгнание с острова. Прослышав, что афиняне готовы напасть на Эгину, Никодром задумал предать афинянам свой родной город. Он назначил уже срок восстания и день, когда афиняне должны прийти на помощь.

89. После этого в определенный день Никодром овладел так называемым старым городом. Афиняне же не явились вовремя, так как у них не было достаточно кораблей, чтобы сразиться с эгинским флотом. Пока афиняне упрашивали коринфян дать им корабли, все предприятие рухнуло. Коринфяне, которые были тогда в большой дружбе с афинянами, дали, правда, им 20 кораблей (продав по 5 драхм каждый, так как дарить по закону запрещалось). С этими кораблями, прибавив к ним еще своих (всего 70 кораблей) и посадив на них экипаж, афиняне отплыли на Эгину, но запоздали на один день.

90. Так как афиняне не явились в назначенное время, то Никодрому пришлось сесть на корабль и бежать с Эгины. За ним последовали и другие эгинцы. Афиняне поселили их на Сунии, откуда эти люди устраивали разбойничьи набеги на остров. Впрочем, это происходило уже позднее.

[746] Вымирание собственного рода было для тогдашних греков самой страшной угрозой.

[747] Праздник в честь Посейдона праздновался в его храме в Сунии (мыс на юге Аттики). Знатнейшие афиняне отправлялись туда на государственном корабле.

91. Богатые[748] эгинцы одолели тогда [простой] народ, восставший вместе с Никодромом, и повели затем захваченных в плен повстанцев на казнь. С тех пор они навлекли на себя проклятие, которое не смогли уже искупить жертвами, несмотря на все старания. И только после изгнания [богачей] с острова богиня вновь стала милостивой к ним. Ведь тогда они захватили в плен живыми 700 человек из народа и предали казни. Одному из пленников удалось вырваться из оков и бежать к портику святилища Деметры Фесмофоры. Ухватившись за дверное кольцо, он крепко держался. Преследователи, несмотря на все усилия, не могли оттащить его. Тогда они отрубили руки несчастному и увели на казнь. А руки его, словно приросшие к дверному кольцу, продолжали висеть[749].

92. Вот как свирепствовали эгинцы против своих же сограждан! По прибытии афинян на 70 кораблях произошло морское сражение. Эгинцы были разбиты и, как и прежде, [снова] обратились за помощью к аргосцам. На этот раз аргосцы, однако, ответили отказом: они обиделись на эгинцев за то, что эгинские корабли, конечно вынужденные Клеоменом, направились в Арголиду и высадили там лакедемонское войско. При этом вторжении высадили войско также и сикионские корабли. Аргосцы наложили за это на Эгину и Сикион 1000 талантов штрафа – по 500 талантов на каждый город[750]. Сикионцы признали свою вину и согласились искупить ее, уплатив 100 талантов. Эгинцы же не только отвергли виновность, но держались даже слишком заносчиво. Поэтому-то теперь ни один аргосец не пришел на помощь эгинцам от имени государства. Все же около 1000 добровольцев под предводительством Еврибата, искусного борца в пятиборье[751], прибыло [на остров]. Большинство этих добровольцев не вернулось домой: их перебили афиняне на Эгине. Сам же их предводитель Еврибат одолел в единоборстве троих противников и был убит четвертым – Софаном из Декелеи.

93. Эгинцы же со своими кораблями напали на афинские корабли, стоявшие в беспорядке, и нанесли им поражение. Четыре афинских корабля с экипажем попали в руки неприятелей.

94. Так-то афиняне начали войну с эгинцами. Между тем персидский царь стал приводить в исполнение свои замыслы. Ведь слуга постоянно напоминал царю не забывать об афинянах, а Писистратиды не переставали клеветать на афинян и возбуждать против них Дария. Вместе с тем Дарий намеревался под предлогом похода на афинян подчинить и других эллинов, которые не дали ему земли и воды. За неудачу в походе царь отстранил Мардония от должности. На его место он назначил двух новых военачальников, именно мидянина Датиса и Артафрена, сына Артафрена, своего племянника, и затем отправил их против Эретрии и Афин. Послал же их царь с приказанием обратить в рабство жителей Афин и Эретрии и привести пред его царские очи.

95. Эти назначенные вновь военачальники во главе многочисленного и прекрасно снаряженного войска прибыли на Алейскую равнину в Киликии. Пока они стояли там станом, подошел и весь флот (каждый приморский город был обязан выставлять корабли). Прибыли также и грузовые суда для перевозки лошадей (эти суда Дарий велел построить в прошлом году своим данникам). Погрузив лошадей на эти суда и посадив пехотинцев на корабли, персы отплыли на 600 триерах в Ионию. Оттуда, однако, они взяли курс не прямо вдоль берегов Геллеспонта и Фракии, но из Самоса поплыли мимо Икара от острова к острову.

[748] В подлиннике παξ]εζ (толстые, жирные) –крупные торговцы. Они скопили себе капиталы на понтийской торговле хлебом или на эксплуатации серебряных рудников в Фессалии. Их противниками были разоренные хлебным экспортом мелкие крестьяне и городские ремесленники.

[749] Эгинцы нарушили право убежища храма Деметры.

[750] Цифры указывают лишь на то, что сумма, наложенная на Сикион и Эгину, была очень велика. Так, подати с ионийских городов I персидской сатрапии составляли только 300 талантов серебром (ср. выше, III 90).

[751] Греческое пятиборье –это состязание в прыжках, беге на скорость, метании диска, метании копья и борьбе.

Как мне кажется, они прежде всего страшились объезда вокруг Афона, где в прошлом году им пришлось испытать великое бедствие. Кроме того, и Наксос, все еще не захваченный[752], вынуждалл их держаться этого курса.

96. Из Икарийского моря персы подошли к Наксосу (на этот остров они прежде всего решили напасть). Наксосцы же, помня прежнюю осаду, не стали ждать нападения и бежали в горы. Персы же обратили в рабство попавшихся в их руки жителей и сожгли святилище и город. Затем они отплыли к другим островам.

97. Тем временем делосцы, так же как наксосцы, покинув свой остров, поспешно бежали на Тенос. Когда персидский флот появился [у острова], Датис, плывший впереди, приказал кораблям не бросать якорей возле острова, но по другую сторону, у Ренеи. Сам же Датис, узнав, где находятся делосцы, велел через глашатая сказать им следующее: "Жители священного острова! Зачем вы убегаете, подозревая меня в недостойных замыслах. Ведь я и сам настолько благоразумен, да и царь приказал мне: отнюдь не разорять этой страны, родины этих двух божеств[753], и не обижать ее жителей. Так вот, возвращайтесь в ваши дома и живите на острове". Это Датис велел сообщить делосцам через глашатая. Затем, возложив на алтарь 300 талантов благовоний[754], он воскурил фимиам.

98. После этого жертвоприношения Датис отплыл со своими кораблями, на которых находились ионяне и эолийцы, сначала в Эретрию. На Делосе же после его отплытия произошло землетрясение, первое и единственное, как меня уверяли делосцы, до нашего времени. Быть может, этим знамением бог желал указать людям на грядущие бедствия. Ведь за время царствования Дария, сына Гистаспа, Ксеркса, сына Дария, и Артоксеркса, сына Ксеркса, на протяжении этих трех поколений Эллада испытала больше невзгод, чем за 20 поколений до Дария. Эти невзгоды постигли Элладу отчасти по вине персов, отчасти же по вине главных эллинских городов, боровшихся за первенство[755]. Поэтому и нет ничего невероятного в том, что на Делосе случилось землетрясение, чего никогда раньше не было. Об этом было сказано также в изречении оракула:

Делос я поколеблю, хоть неколебим он доселе.

На эллинском языке имена персидских царей означают вот что: Дарий – деятельный, Ксеркс – воин, Артоксеркс – великий воин, и мы могли бы совершенно правильно этих царей так и называть на нашем языке[756].

99. Отплыв с Делоса, варвары приставали к островам, набирали там войско и брали в заложники детей островитян. Так, плывя от острова к острову, они прибыли к Каристу. Каристийцы ведь не дали персам заложников и отказывались воевать против соседних городов, именно против Эретрии и Афин. Поэтому персы начали осаждать их город и опустошать их землю, пока каристийцы не подчинились.

100. Когда эретрийцы узнали, что персидский флот плывет против них, то обратились за помощью к афинянам. Афиняне же не отказали в поддержке и послали на помощь 4000 своих клерухов, владевших землей халкидских гиппоботов[757]. Это решение эретрийцев, по-видимому, было вовсе неразумным: ведь они призвали на помощь афинян, но согласия между ними не было. Одни

[752] Неудачное нападение сатрапа Мегабата и тирана Аристагора на Наксос послужило внешним поводом к ионийскому восстанию (ср. выше, V 33–4).

[753] Делос, по преданию, был местом рождения Аполлона и Артемиды. Приведенный эпизод показывает, как персы старались оказать уважение чужеземным богам.

[754] Речь идет о количестве ладана ценностью в 300 талантов. Числа приведены для указания огромного количества.

[755] Геродот подводит здесь итог за время от начала Персидской войны в 490 г. до н.э. до первого периода Пелопоннесской войны (от 431 до 421 г.).

[756] Объяснение Геродотом персидских трех царских имен показывает, что он совершенно не знал иранских языков.

[757] Ср. V 77. Эти клерухи оставались афинскими гражданами и числились в списках граждан.

хотели покинуть город и бежать в горы на Эвбее, а другие в надежде на личные выгоды от персов замышляли измену. Один влиятельный эретриец – Эсхин, сын Нофона, осведомленный об этих замыслах, сообщил прибывшим афинянам о положении дел; он просил афинян вернуться домой, чтобы не погибнуть вместе с ними. Афиняне же послушались этого совета Эсхина.

101. Они переправились в Ороп и спаслись. Персы же пристали к берегу у Тамин, Херей и Эгилии в Эретрийской области[758]. Овладев этими местечками, персы тотчас же стали высаживать свою конницу и приготовились к битве. Эретрийцы же решили не выходить из города и не вступать в бой. Они заботились только о защите своего города, так как в конце концов приняли решение не покидать его. Шесть дней шла жестокая схватка у стен города и с обеих сторон пало много воинов. На седьмой же день Евфорб, сын Алкимаха, и Филагр, сын Кинея,– два знатных эретрийских горожанина – предали город персам. Персы вошли в город, разграбили и сожгли храм в возмездие за сожженное святилище в Сардах, а жителей по повелению Дария обратили в рабство.

102. После подчинения Эретрии персы простояли там несколько дней и затем отплыли дальше к Аттике. Они загоняли афинян в теснины, полагая, что те поступят так же, как эретрийцы. Наиболее удобным местом для действий конницы в Аттике был Марафон, к тому же находившийся ближе всего к Эретрии. Туда и вел их Гиппий, сын Писистрата.

103. Узнав об этом, афиняне также двинулись к Марафону. Во главе их войска стояло десять стратегов[759]. Десятый был Мильтиад. Отец его Кимон, сын Стесагора, был изгнан из Афин Писистратом, сыном Гиппократа. Во время изгнания ему случилось победить в Олимпии [в состязании] с четверкой коней. Одержав ату победу, Кимон получил такую же награду, что и его единоутробный брат Мильтиад. На следующий раз Кимон опять победил в Олимпии на этих конях и позволил провозгласить победителем Писистрата. Уступив победу Писистрату, Кимон получил по уговору возможность вернуться в Афины. На этих же конях он и в третий раз одержал победу в Олимпии. Затем, когда самого Писистрата уже не было в живых, Кимон был умерщвлен сыновьями Писистрата[760]. Они приказали наемным убийцам убить Кимона ночью из засады вблизи пританея. Погребен Кимон перед городскими воротами за улицей под названием "Через Келу"[761]. Напротив похоронили его коней, которые трижды одержали победу в Олимпии. Такой подвиг совершили ранее только кони лаконца Евагра, а, кроме них, больше ничьи. Старший сын Кимона Стесагор воспитывался тогда у своего дяди Мильтиада на Херсонесе, а младший жил у Кимона в Афинах. Он был назван Мильтиадом по имени основателя поселения на Херсонесе Мильтиада.

104. Итак, этот-то Мильтиад после возвращения из Херсонеса был тогда стратегом афинян. Дважды ему удалось избежать смерти: первый раз финикияне преследовали его до Имброса, во что бы то ни стало стараясь захватить и доставить к царю. Затем, избежав преследования финикиян, он возвратился на родину и чувствовал себя уже в безопасности. Тогда враги схватили его и предали суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Однако Мильтиаду удалось оправдаться и от этих обвинений, и он по народному избранию был назначен афинским стратегом.

105. Находясь еще в походе, стратеги прежде всего отправили в Спарту

[758] Высадившись в области Эретрии, Датис находился поблизости от Беотии, где существовала сильная проперсидская партия, и от Аттики –непосредственной цели его похода.

[759] Каждая из десяти аттических фил являлась также и военной единицей, которая выставляла отряд, состоящий из гоплитов и всадников, и выбирала стратега (командира). Номинально во главе всего войска стоял полемарх, а фактически командовали поочередно 10 стратегов.

[760] Кимон был убит после своей олимпийской победы в 524 г. до н.э.

[761] Имеется в виду дорога, начинавшаяся у Мелитских ворот и шедшая на север вдоль холма Муз. Koqgh (лощина) –район Афин к западу от Пникса.

глашатаем афинянина Фидиппида, который был скороходом и сделал себе из этого даже ремесло. Как потом рассказывал и уверял афинян сам Фидиппид, на горе Парфений[762], что выше Тегеи, ему явился бог Пан. Бог окликнул Фидиппида по имени и велел сказать афинянам, почему они так пренебрегают им, тогда как он благосклонен к афинянам, часто прежде им помогал и впредь также будет полезен. И действительно, афиняне, поверив истинности слов Фидиппида, когда настали для них вновь лучшие времена, воздвигли святилище Пана у подошвы акрополя[763] и с тех пор ежегодно умилостивляют его жертвами и устраивают бег с факелами.

106. Итак, посланный стратегами из Афин, этот Фидиппид (по дороге, как он говорил, ему явился Пан) на второй день прибыл в Спарту. Там он предстал перед властями и сказал вот что: "Лакедемоняне! Афиняне просят вас помочь им и не допустить порабощения варварами древнейшего города в Элладе. Ведь Эретрия уже несет ярмо рабства, и Эллада стала беднее одним знаменитым городом". Так Фидиппид исполнил данное ему поручение; лакедемоняне же решили помочь афинянам. Тотчас же они, однако, не могли этого сделать, не желая нарушить закон. Это ведь был как раз девятый день первой половины месяца, а в девятый день, говорили они, нельзя выступать в поход, если луна будет неполной[764].

107. Так вот, лакедемоняне ждали полнолуния, а Гиппий, сын Писистрата, тем временем вел варваров к Марафону. В минувшую ночь Гиппий видел такой сон. Ему приснилось, будто он спал со своей собственной матерью. Сон этот он истолковал так, что он вернется в Афины, отвоюет себе власть и затем окончит свои дни в старости на родной земле. Так он объяснил свое видение. Тогда Гиппий велел переправить пленников из Эретрии, которых он вез с собою, на остров стирейцев под названием Эгилия; кораблям же приказал бросить якорь у Марафона, а после высадки расположил войско в боевом порядке. Между тем на Гиппия напали чихание и приступ кашля сильнее обычного. А так как у него, как у человека уже старого, большая часть зубов шаталась, то один зуб от сильного кашля даже выпал. Зуб упал на песок, и Гиппию стоило больших усилий его искать, но зуб не находился. Тогда Гиппий со вздохом сказал своим спутникам: "Нет! Это не наша земля, и мы ее не покорим, ту часть ее, принадлежавшую мне по праву, взял теперь мой зуб".

108. Гиппий полагал, что сон его таким образом исполнился. К афинянам же у священной рощи Геракла[765] подошли на помощь со всем своим ополчением платейцы. Платейцы отдались под защиту афинян, и из-за них афиняне уже испытали много бедствий. А искали защиты платейцы у афинян вот как. Сначала они, теснимые фиванцами, обратились за помощью к Клеомену, сыну Анаксандрида, который находился поблизости с лакедемонянами. Однако лакедемоняне отказались, ответив так: "Мы живем слишком далеко, и вам наша помощь бесполезна. Ведь вас успеют десять раз продать в рабство, пока весть об этом дойдет до нас. Мы советуем вам стать под защиту афинян. Они – ваши соседи и могут вас защитить". Этот совет лакедемоняне дали не столько из расположения к платейцам, сколько желая вовлечь афинян в тягостные распри с беотийцами. Платейцы же послушались их. И вот, когда афиняне приносили жертвы 12 богам, платейцы сели на алтаре как умоляющие и отдали свой город под покровительство афинян. Узнав об этом, фиванцы пошли войной на платейцев; афиняне же выступили на помощь платейцам. Обе стороны уже были готовы к бою, однако коринфяне не допустили кровопролития: они находились как раз

[762] Дорога, по которой шел скороход, вела из Аргоса через Гисии и гору Парфений в Тегею и оттуда в Спарту.

[763] Так называемый грот Пана в Афинах находился между акрополем и ареопагом.

[764] Спартанцы справляли в это время праздник Карнеи. Когда послы прибыли в Спарту, оставалось еще 9 дней до полнолуния и конца праздника. Марафонская битва произошла уже 12 сентября 490 г. до н.э.

[765] Афиняне укрепились за стеной, окружавшей рощу святилища Геракла.

поблизости и с согласия обеих сторон установили пограничную линию и уладили спор на таких условиях. Фиванцы должны оставить в покое беотийские города, которые не желают примкнуть к Беотийскому союзу. После этого решения коринфяне удалились. Беотийцы же напали на афинян, когда те возвращались домой, но потерпели поражение. Тогда афиняне перешли границы, установленные коринфянами для платейцев, и объявили реку Асоп и Гисии границей Фиванской и Платейской областей[766]. Таким образом, платейцы отдались под защиту афинян, а теперь прибыли на помощь к Марафону.

109. Между тем мнения афинских стратегов разделились: одни высказались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой. Когда мнения так разошлись и верх стало брать худшее предложение, Мильтиад обратился к одиннадцатому участнику голосования, избранному афинянами по жребию полемархом[767] (афиняне ведь издревле давали полемарху равное право голоса со стратегами). Полемархом же был тогда Каллимах из Афин. К нему-то и пришел Мильтиад и сказал вот что: "В твоих руках, Каллимах, сделать афинян рабами или же, освободив их, воздвигнуть себе памятник навеки, какого не воздвигали себе даже Гармодий и Аристогитон. Ведь с тех пор как существуют Афины, никогда еще им не грозила столь страшная опасность, как теперь. Если афиняне покорятся мидянам и снова попадут под власть Гиппия, то участь их решена. Если же наш город одолеет персов, то станет самым могущественным из эллинских городов. Как это возможно и почему именно решение в твоей власти, я сейчас тебе объясню. Мы – десять стратегов – разошлись во мнениях: одни советуют дать битву, а другие – нет. Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасаюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом, прежде чем у кого-либо [из афинян] возникнет гнусный замысел [изменить], то мы одолеем, так как ведь существует же божественная справедливость. Все это теперь в твоей власти и зависит от тебя. Присоединись к моему совету, и твой родной город будет свободен и станет самым могущественным городом в Элладе. А если ты станешь на сторону противников битвы, тогда, конечно, мы погибли".

110. Этими словами Мильтиад привлек Каллимаха на свою сторону. Когда полемарх присоединил свой голос в поддержку Мильтиада, то было окончательно решено дать бой врагу. Потом стратеги, голосовавшие за битву, когда пришел их черед быть главнокомандующими, уступили главное начальство Мильтиаду. А тот хотя и принял главное начальство, но все еще не начинал сражения, пока очередь командовать не дошла до него самого.

111. И вот, когда пришел по кругу черед командовать Мильтиаду, афиняне выстроились в боевом порядке для битвы вот как: начальником правого крыла был полемарх Каллимах (у афинян существовал тогда еще обычай полемарху быть во главе правого крыла)[768]. За правым крылом во главе с Каллимахом следовали [аттические] филы одна за другой, как они шли по счету. Последними выстроились на левом крыле платейцы. Со времени этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, справляемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам. В то время когда афиняне строились в боевой порядок, на Марафонском поле случилось вот что: боевая линия эллинов оказалась равной

[766] Платейцы не вступили в Беотийский союз во главе с Фивами.

[767] Полемарх –член коллегии из 9 архонтов, которые тогда управляли Афинами. Коллегия состояла из архонта-эпонима, архонта-басилея (царя), полемарха и 6 фесмофетов. Архонт-эпоним, по которому назывался год, в это время решал вопросы, связанные с семейным и наследственным правом. Архонт-басилей был верховным жрецом и председателем ареопага. Полемарх –первоначально главный военачальник –фактически в это время не имел военной власти. Фесмофеты исполняли только судебные обязанности.

[768] На правом фланге в бою занимал место когда-то афинский царь. Теперь это почетное место по наследству перешло к полемарху.

персидской, но при этом центр ее составлял только немного рядов в глубину; здесь боевая линия была слабее всего, зато на обоих крыльях воины стояли более плотно.

112. Окончив боевое построение, после того как выпали счастливые предзнаменования, афиняне быстрым шагом по данному сигналу устремились на варваров[769]. Расстояние же между обоими противниками было не меньше 8 стадий. При виде подходящих быстрым шагом врагов персы приготовились отразить атаку. Поведение афинян персам казалось безумным и даже роковым, так как врагов было немного и притом они устремлялись на персов бегом без прикрытия конницы и лучников. Так думали варвары. Афиняне бросились на врагов сомкнутыми рядами врукопашную и бились мужественно. Ведь они первыми из всех эллинов, насколько мне известно, напали на врагов бегом и не устрашились вида мидийского одеяния и воинов, одетых по-мидийски. До сих пор даже ведь одно имя мидян приводило в страх эллинов.

113. Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки[770], одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с врагами, прорвавшими центр. И здесь также победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Здесь они старались напасть на корабли и поджечь их.

114. В этой битве пал доблестно бившийся с врагом полемарх [Каллимах], а из стратегов – Стесилай, сын Фрасила, потом Кинегир, сын Евфориона (ему отрубили руку секирой, когда он ухватился за изогнутую часть корабельной кормы). Затем погибло также много других знатных афинян.

115. Семь кораблей захватили таким образом афиняне. На остальных же варвары снова вышли в море. Затем, захватив с собой оставленных на острове пленников в Эретрии, персы стали огибать Суний, стремясь прибыть к Афинам раньше афинского войска. Афиняне подозревали, что персы задумали этот [маневр] по коварному наущению Алкмеонидов: говорили, что Алкмеониды, условившись с персами, когда те уже были на кораблях, дали им сигнал щитом.

116. Пока персы огибали Суний[771], афиняне со всех ног спешили на защиту родного города и успели прибыть туда раньше варваров. И как они прибыли от святилища Геракла в Марафоне, так теперь остановились и разбили стан у другого Гераклова святилища, что в Киносарге. Варварский же флот появился и стал против Фалера (тогда это была гавань афинян); затем, простояв на якоре в открытом море выше Фалера, варвары отплыли назад в Азию.

117. В этой битве при Марафоне пало около 6400 варваров, афиняне же потеряли 192 человека[772]. Таковы были потери обеих сторон. Случилось в этой

[769] Геродот изображает атаку фаланги гоплитов. Эта фаланга –тесно сомкнутая боевая колонна, глубиной в 8–2 шеренг –при Марафоне в центре состояла только из немногих шеренг (ввиду большого расстояния до врага). При этом нужно было избегать, чтобы при продвижении оба крыла не столкнулись в центре и шеренги не потеряли строя. Фаланга должна была достичь вражеской линии в сомкнутом строю и прорвать ее. Атака фаланги афинян при Марафоне оказалась успешной потому, что персидская конница была уже посажена на суда (да и вообще у персов в этом походе было мало конницы). Поэтому впоследствии Ксеркс велел построить специальные корабли для перевозки конницы. Победа при Марафоне имела преимущественно моральное значение для греков, разрушив представление о непобедимости персов. Военное значение битвы было незначительно (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 197).

[770] У персов полководец в противоположность грекам находился в центре боевой линии; его окружали телохранители и отборные сакские отряды.

[771] Персы огибали южную оконечность Аттики в направлении к Афинам.

[772] Геродот точно передает число павших в битве на основании официальных списков погибших.

битве также удивительное происшествие. Один афинянин, по имени Эпизел, сын Куфагора, доблестно сражавшийся в битве, лишился зрения, не будучи поражен ни мечом, ни стрелой. С этого времени он ослеп и остался слепым на всю остальную жизнь. Как я слышал, он сам рассказывал об этом приблизительно вот что: предстал ему тяжело вооруженный воин огромного роста, борода которого закрывала весь щит. Призрак этот прошел, однако, мимо него, но поразил стоявшего с ним рядом воина. Так, говорили мне, рассказывал Эпизел.

118. Когда Датис на пути в Азию прибыл на Миконос, предстало ему сновидение. Что это было за сновидение, об этом не говорят. А он приказал с наступлением дня обыскать свои корабли. На одном финикийском корабле была найдена позолоченная статуя Аполлона. Датис велел узнать, откуда она похищена. Узнав, из какого святилища ее захватили, Датис отплыл на своем корабле на Делос. Там он поставил статую в святилище, а делосцам, которые тогда уже возвратились на свой остров, приказал отвезти ее в фиванский Делий (город этот лежит на побережье против Халкиды)[773]. Затем, отдав эти приказания, Датис снова отплыл. Делосцы же не отвезли эту статую на место, и только двадцать лет спустя сами фиванцы по велению бога возвратили ее в Делий.

119. По прибытии с флотом в Азию Датис и Артафрен привели пленных эретрийцев в Сусы. Царь Дарий распалился на эретрийцев страшным гневом (еще до их пленения) за то, что они первыми начали борьбу с персами. Увидев теперь приведенных к нему эретрийцев в своей власти, царь не причинил им никакого зла, но приказал поселить их в области Киссия в своем поместье по имени Ардерикка. Ардерикка находится в 210 стадиях от Сус и в 40 стадиях от известного колодца, откуда добывают три разнородных вещества: именно из этого колодца вычерпывают асфальт, соль и масло следующим образом[774]. Асфальт вычерпывают с помощью колодезного журавля, а вместо ведра прицепляют к нему пол винного бурдюка. Погрузив бурдюк, зачерпывают им жидкость и выливают в сосуд. Затем жидкость переливается в другой сосуд, где она разлагается на три составные части. Асфальт и соль тотчас же осаждаются. Масло же [...][775] Персы называют его "раданака", оно черного цвета с неприятным запахом[776]. Здесь-то и поселил эретрийцев царь Дарий. В этой местности они живут еще и до нашего времени и сохранили родной язык. Такова была судьба эретрийцев.

120. После полнолуния прибыло в Афины 2000 лакедемонян. Они двигались так быстро, стараясь прийти вовремя, что были уже на третий день по выступлении из Спарты на Аттической земле. Несмотря на то что спартанцы опоздали к сражению, они все же хотели посмотреть на павших мидян. Они прибыли в Марафон, осмотрели поле битвы и затем, воздав хвалу афинянам за победу, возвратились домой.

121. Меня удивляют и представляются совершенно невероятными толки о том, будто Алкмеониды действительно вступили тогда в соглашение с персами и подняли даже сигнальный щит персам, желая предать афинян под иго варваров и Гиппия. Ведь они были такими же или еще большими ненавистниками тиранов, как Каллий, сын Фениппа, отец Гиппоника. Этот Каллий, один из всех афинян, осмелился после изгнания Писистрата из Афин купить объявленные через глашатая к продаже имения тирана. И по всякому поводу Каллий проявлял свою

[773] Датис, вероятно, решил возвратить похищенную статую из внимания к персофильской партия в Беотии.

[774] Геродот описывает метод перегонки нефти с выделением асфальта и песка, содержащего сырую нефть (песок он неправильно называет солью).

[775] Лакуна в тексте (по Кобету).

[776] Из описания Геродота выходит, что тогдашняя добыча сырой нефти ограничивалась добыванием масла. Упомянутые месторождения нефти, вероятно, находились недалеко от современной иракско-иранской границы. Персы называли нефть "раданак".

смертельную вражду к Писистрату[777].

122. Этот-то Каллий заслуживает того, чтобы о нем часто вспоминали. Ведь, как было уже сказано, он не только храбро защищал свободу родины, но завоевал первую награду в Олимпии на беговой лошади, а на четверке – вторую. На Пифийских играх он уже прежде получил награду и своей роскошью прославился по всей Элладе. А затем, каким щедрым отцом он стал для своих трех дочерей! Когда дочери достигли брачного возраста, он роскошно одарил их и позволил каждой выбрать себе среди афинян мужа, какого она сама хотела, и тому отдал ее.

123. Такую же великую ненависть, как он, питали к тиранам и Алкмеониды. Поэтому-то я удивляюсь и не могу поверить клевете, будто они подняли [персам] сигнальный щит. Ведь все время правления тиранов Алкмеониды провели в изгнании, и их стараниями Писистратиды лишились власти. Поэтому, я думаю, они были еще в гораздо большей степени освободителями Афин, чем сами Гармодий и Аристогитон. Ведь умерщвление ими Гиппарха только ожесточило оставшихся в живых Писистратидов, но не покончило с тиранией. Алкмеониды же действительно освободили Афины, по крайней мере если верно, что они склонили Пифию повелеть лакедемонянам, как я рассказал об этом выше, освободить Афины.

124. Но, быть может, Алкмеониды предали свой родной город в раздражении на народ афинский? Напротив, в Афинах не было знатнее и более уважаемых людей, чем они, и потому даже невероятно, что они с такой целью могли поднять [сигнальный] щит. Щит был тогда действительно поднят – этого нельзя отрицать, потому что это правда. Но кто все-таки его поднял – я не могу ничего больше об этом сказать.

125. Алкмеониды были в Афинах уже издревле знамениты. Со времен же Алкмеона и Мегакла они достигли высокого почета. Алкмеон, сын Мегакла, оказал помощь лидийцам, прибывшим из Сард от Креза к дельфийскому оракулу, и заботился о них[778]. Услышав от своих послов к оракулу об услугах Алкмеона, Крез просил его прибыть в Сарды. Когда Алкмеон приехал в Сарды[779], царь дал ему в подарок столько золота, сколько он мог сразу унести на себе. Алкмеон же ухитрился еще умножить этот щедрый дар. Он облекся в длинный хитон, оставив на нем глубокую пазуху. На ноги он надел самые большие сапоги, которые только можно было найти. В таком одеянии Алкмеон вошел в сокровищницу, куда его ввели. Бросившись там на кучу золотого песка, Алкмеон сначала набил в сапоги сколько вошло золота. Потом наполнил золотом всю пазуху, густо насыпал золотого песку в волосы на голове и еще набил в рот. Выходя из сокровищницы, Алкмеон еле волочил ноги и был похож скорее на какое-то другое существо, чем на человека. Рот его был полон, и вся одежда набита золотом. При виде этого Крез не мог удержаться от смеха и не только оставил все унесенное им золото, но еще и добавил не меньше. Так-то этот дом чрезвычайно разбогател. Алкмеон же этот держал четверку лошадей и победил в Олимпии, получив награду[780].

126. Одним поколением позже Клисфен, тиран Сикионский, настолько возвысил дом Алкмеонидов, что он стал еще более славен в Элладе. У Клисфена, сына Аристонима, внука Мирона, правнука Андрея, была дочь по имени Агариста. Дочь эту он пожелал отдать в жены тому из эллинов, кого он найдет самым доблестным[781]. На Олимпийских играх Клисфен одержал победу с четверкой коней

[777] Архонтом-эпонимом во время Марафонской битвы был Фенипп, отец Каллия. Каллием же звали также отца Алкмеонида Гиппоника (стратега 426 г.). Этот Каллий, конечно, не мог быть современником Писистрата. Здесь Геродот допустил ошибку.

[778] Ср. I 46–5.

[779] Алкмеон был в Сардах ок. 570 г. до н. э, значит Крез не мог встретиться с ним.

[780] Геродот, очевидно, имеет в виду 47-ю Олимпиаду (592 г.). Эту победу упоминает и Пиндар (Пиф. VII, 14).

[781] Геродот передает, по-видимому, содержание стихотворения, восхвалявшего

и велел объявить через глашатая: кто среди эллинов считает себя достойным быть зятем Клисфена, может на 60-й день или раньше прибыть в Сикион (так как Клисфен решил отпраздновать свадьбу дочери в течение года, начиная с 60-го дня). Тогда все эллины, которые гордились своими предками и родным городом, отправились свататься в Сикион. Для развлечения гостей Клисфен велел устроить конское ристалище и гимнастические состязания.

127. Из Италии прибыл Сминдирид, сын Гиппократа из Сибариса[782], человек, утопавший в роскоши (ведь Сибарис в то время достиг вершины процветания). Из Сириса приехал Дамас, сын Амириса, по прозванию Мудрого. Это были женихи из Италии. С побережья Ионийского залива приехал Амфимнест, сын Эпистрофа из Эпидамна. Этот человек прибыл с побережья Ионийского залива. Из Этолии приехал брат Титорма Малес, того Титорма, который был сильнейшим из всех эллинов, но бежал от людей на окраину Этолийской земли. Из Пелопоннеса прибыл Леокед, сын Фидона, тирана Аргоса, того самого Фидона, который ввел в Пелопоннесе меры и вес[783] и был самым дерзостным из всех эллинов: он изгнал элейских судей на [Олимпийских] играх и сам руководил олимпийскими состязаниями. Сын этого-то человека и прибыл [в Сикион], а также Амиант, сын Ликурга, аркадец из Трапезунта, азанец Лафан из города Пея, сын Евфориона, того Евфориона, который, по аркадскому сказанию, принял в своем доме Диоскуров и с тех пор оказывал гостеприимство всем странникам. Затем – элеец Ономаст, сын Агея. Эти женихи приехали из самого Пелопоннеса, а из Афин прибыл Мегакл, сын Алкмеона, который посетил Креза, и другой жених – Гиппоклид, сын Тисандра, самый богатый и красивый человек в Афинах. Из Эретрии же, которая в то время процветала, приехал Лисаний (единственный жених с Евбеи). Из Фессалии прибыл Диахторид – один из Скопадов из города Краннона, и Алкон из земли молоссов. Столько явилось женихов.

128. Когда эти женихи прибыли к назначенному сроку, Клисфен сначала справился у каждого из них о родном городе и его роде. Затем, удерживая женихов у себя целый год, тиран испытывал их доблесть, образ мыслей, уровень образования и характер. При этом он беседовал с каждым отдельно и со всеми вместе. Для более молодых женихов он устраивал гимнастические состязания, особенно же наблюдал их [поведение] на общих пирах. Во все время пребывания женихов в Сикионе Клисфен поступал так и при этом роскошно угощал их. Больше всех пришлись ему по сердцу женихи из Афин и среди них особенно сын Тисандра Гиппоклид, которого он ценил не только за доблесть, но и за исконное родство с Кипселидами в Коринфе.

129. Между тем наступил день свадебного пиршества, и Клисфен должен был объявить, кого из женихов он выбрал. Тогда Клисфен принес в жертву 100 быков[784] и пригласил на пир женихов и весь Сикион. После угощения женихи начали состязаться в песнях и откровенно-шутливых рассказах. В разгаре пиршества Гиппоклид, который всецело завоевал внимание остальных гостей, велел флейтисту сыграть плясовой мотив. Когда тот заиграл, Гиппоклид пустился в пляс и плясал в свое удовольствие. Клисфен же смотрел на всю эту сцену мрачно и с неприязнью. Затем, немного отдохнув, Гиппоклид велел внести стол. Когда стол внесли, Гиппоклид сначала начал исполнять на нем лаконские плясовые коленца[785], а затем и другие – аттические. Наконец, упершись головой о стол [и подняв ноги вверх], он стал выделывать коленца ногами. Уже при первом и втором танце Клисфен думал хотя и с ужасом, что этот бесстыдный плясун может стать его зятем, но все же еще сдерживался, не желая высказывать свое

Алкмеонидов. Свадьба Мегакла и Агаристы изображается по образцу мифической свадьбы Пелея и Фетиды.

[782] Сибарис разрушен в 510 г. до н.э. кротонцами.

[783] В подлиннике t[m]tra (меры и вес).

[784] Не жертва в сто быков, но только богатая праздничная жертва.

[785] Грубо-комические пляски, даже непристойного характера.

неудовольствие. Когда же он увидел, как тот исполняет ногами пантомиму, то не мог уже молчать и вскричал: "О, сын Тисандра, ты, право, проплясал свою свадьбу!". А Гиппоклид ответил ему: "Что за дело до этого Гиппоклиду!". Отсюда пошла известная поговорка о Гиппоклиде.

130. Клисфен между тем, водворив молчание, обратился к собравшимся с такими словами: "Женихи моей дочери! Вы все мне любезны, и, если бы это только было возможно, я всем вам угодил бы, не отдавая предпочтения одному избраннику и не отвергая остальных. Но ведь дело идет только об одной девушке, и потому нельзя исполнить желание всех. Тем из вас, кто получит отказ, я даю по таланту серебра за то, что он удостоил меня чести породниться со мной, посватавшись к моей дочери, и должен был так долго пребывать на чужбине. А дочь мою Агаристу и отдаю в жены Мегаклу, сыну Алкмеона, по законам афинян". Мегакл объявил о согласии обручиться с Агаристой, и тогда Клисфен назначил срок свадьбы.

131. Вот каково было состязание женихов. Таким образом, слава Алкмеонидов разнеслась по всей Элладе. От брака же Мегакла с Агаристой родился Клисфен, который ввел филы и установил демократию в Афинах. Назван он был по имени деда по матери, тирана Сикионского. Так вот, этот Клисфен и Гиппократ были родными сыновьями Мегакла. А у Гиппократа был сын – другой Мегакл и дочь – другая Агариста (названная по Агаристе, дочери Клисфена). Она вышла замуж за Ксантиппа, сына Арифрона. Когда Агариста ожидала ребенка, то имела видение, во сне: ей представилось, что она родит льва. Несколько дней спустя она произвела на свет Перикла[786].

132. Хотя Мильтиад и прежде был в почете у афинян, теперь же, после поражения персов при Марафоне, приобрел еще больше влияния. Он потребовал у афинян 70 кораблей, войско и деньги, не сказав, однако, на какую землю собирается в поход. Мильтиад объявил только, что афиняне разбогатеют, если последуют за ним, а он, по его словам, поведет их в такую землю, где они легко добудут много золота. Так говорил Мильтиад, требуя корабли. Афиняне же прельстились такими посулами и дали корабли Мильтиаду.

133. С этим-то флотом Мильтиад взял курс на Парос. Поводом для Похода он выставил то, что паросцы первыми начали войну, отправив свои триеры вместе с персами к Марафону. Это, конечно, был всего лишь предлог. На самом же деле он ненавидел паросцев за то, что один паросец – Лисагор, сын Тисия, оклеветал его перед персом Гидарном. Прибыв со своим флотом на Парос, Мильтиад стал осаждать паросцев, которые вынуждены были укрыться за стенами города. Затем через глашатая он потребовал от горожан 100 талантов и велел объявить, что в случае отказа он не уйдет, пока не возьмет города. Однако паросцы вовсе не собирались давать Мильтиаду денег, но изыскивали лишь средства защиты своего города: для этого они в наиболее уязвимых местах по ночам доводили стену до двойной высоты против прежнего.

134. До этих пор все эллины рассказывают об этих событиях одинаково. О дальнейшем же сами паросцы передают вот что. Мильтиад не знал, что предпринять. И вот явилась к нему женщина, родом с Пароса, по имени Тимо, служка [при храме] подземных богинь[787]. Тимо допустили к Мильтиаду, и она дала совет: если Мильтиад непременно желает взять Парос, то пусть поступит так, как она велит. После этого Мильтиад пробрался к холму перед городом и перескочил через ограду храма Деметры Фесмофоры[788], так как дверей он открыть не мог. Затем он вступил в святилище, чтобы там что-то (я не знаю что) сделать: либо унести с собой запретное, либо совершить что-нибудь еще. Однако уже у дверей святилища Мильтиада внезапно охватил страх, и он поспеши тем же путем назад

[786] Геродот упоминает рождение знаменитого афинского государственного деятеля Перикла, смерть которого он еще пережил.

[787] Подземные богини –Деметра и Персефона. Мильтиад думал, завладев священными сосудами (утварью) богини, которым приписывалась волшебная сила, захватить город.

[788] Речь идет о стене, окружавшей священный участок и рощу храма.

и, спрыгивая со стены, вывихнул себе бедро. Другие, впрочем, утверждают, что он повредил себе только колено.

135. Так-то Мильтиад, почувствовав себя плохо, отплыл назад без сокровищ для афинян и не завоевав Пароса: за 26 дней осады он успел только опустошить остров. Когда же паросцы узнали, что служка [при храме] подземных богинь Тимо указала путь Мильтиаду, они решили наказать ее. После снятия осады они отправили в Дельфы послов. А послали они вопросить оракул: казнить ли им служку богинь за то, что она открыла врагам способ захватить родной город и показала Мильтиаду священные предметы, которые не подобает лицезреть ни одному мужчине. Пифия же запретила наказывать, объявив, что Тимо невиновна и призрак служки явился и склонил Мильтиада на путь бедствия только потому, что судьба определила ему печальную кончину. Такой ответ дала Пифия паросцам.

136. Афиняне же стали бранить Мильтиада по возвращении его с Пароса, и прежде всего Ксантипп, сын Арифрона. Он обвинил Мильтиада перед народом за обман афинян. Мильтиад хотя и присутствовал на суде, но сам не мог защищаться, так как бедро у него было поражено воспаленьем. Он лежал на ложе перед народным собранием, а друзья выступали в его защиту. Они подробно говорили о Марафонской битве и о взятии Лемноса: Мильтиад захватил Лемнос, отомстил пеласгам и передал остров афинянам. При голосовании народ поддержал Мильтиада, отклонив смертную казнь, но признал виновным и наложил пеню в 50 талантов[789]. После этого Мильтиад скончался от гнойного воспаления бедра. А 50 талантов уплатил его сын Кимон.

137. Лемнос же Мильтиад, сын Кимона, завоевал вот каким образом[790]. Афиняне изгнали пеласгов из Аттики – справедливо ли или несправедливо они поступили – этого я не знаю, и могу лишь передать, что рассказывают другие. Именно, Гекатей, сын Гегесандра, в своей истории утверждает, что афиняне поступили несправедливо. Они ведь отдали свою собственную землю у подошвы Гиметта для поселения пеласгам в награду за то, что те некогда возвели стену вокруг акрополя[791]. Когда же афиняне увидели, что эта, прежде плохая и ничего не стоящая земля теперь прекрасно возделана[792], их охватила зависть и стремление вновь овладеть этой землей. Так-то афиняне без всякой иной причины изгнали пеласгов. Напротив, афиняне утверждают, что изгнали они пеласгов с полным правом[793]. Ведь пеласги, жившие у подошвы Гиметта, оттуда причиняли оскорбления афинянам. Дочери афинян постоянно ходили за водой к источнику Эннеакрунос (ведь в те времена у афинян и прочих эллинов еще не было рабов). Всякий раз, когда девушки приходили за водой, пеласги с заносчивым пренебрежением оскорбляли их. Но этого им было еще мало. В конце концов пеласги даже были пойманы на месте преступления, когда хотели напасть на Афины. А насколько афиняне выказали себя благороднее пеласгов, видно из того, что афиняне могли бы перебить их, когда разоблачили их коварные замыслы, но не пожелали этого, а приказали покинуть страну. Итак, изгнанные пеласги переселились в другие земли, и в том числе на Лемнос[794]. Таков рассказ Гекатея и

[789] В аттическом судебном процессе прежде всего разбирался вопрос: виновен или невиновен. После вынесения вердикта о виновности защита имела право произносить защитительную речь о смягчении наказания.

[790] Лемнос завоевал не Мильтиад, марафонский победитель, а его тезка-предок, современник Писистрата. Пеласги были жителями области Пеласгиотиды в Фессалии.

[791] Так называемая пеласгическая стена принадлежала еще к микенской эпохе (1600–200 гг.). Очевидно, ионяне-пришельцы, по преданию, еще не были знакомы с техникой постройки стен и поэтому прибегали при сооружении укреплений к помощи пеласгов.

[792] По этому сообщению, пеласги превосходили ионийских пришельцев в умении обрабатывать землю.

[793] Геродот передает очень древнее предание о борьбе пеласгов с ионянами за владение источником Каллироей. Этот источник при Писистрате стал называться Эннеакрунос: над ним было построено здание с девятью выходами-отверстиями, через которые текла вода.

[794] Пеласги на Лемносе, вероятно, осели из Фессалии.

таково предание афинян.

138. Жившие тогда на Лемносе пеласги хотели отомстить афинянам. Пеласги хорошо знали, когда афиняне справляют празднества, и, снарядив 50-весельные суда, устроили засаду афинским женщинам во время празднества Артемиды в Бравроне. Похитив отсюда много женщин, они отплыли с ними на Лемнос и1 там сделали их своими наложницами. Когда у этих женщин родилось много детей, они стали учить младенцев аттическому языку и обычаям. Дети их не желали даже общаться с детьми пеласгийских женщин, и если мальчик-пеласг бил кого-нибудь из них, то все остальные сбегались на помощь и отстаивали своих. Кроме того, они считали даже, что имеют право на власть над детьми пеласгов и далеко превосходили их силой. Узнав об этом, пеласги стали держать совет. На совете пеласги с тревогой спрашивали себя, что же в таком случае станут делать эти мальчики, когда возмужают, если уж теперь они решились защищать друг друга против детей законных жен и пытаются заставить их подчиняться. Поэтому пеласги решили умертвить сыновей аттических женщин. Так они и сделали, а вместе с детьми умертвили и матерей их. За это-то преступление и за [другие], совершенные прежде женщинами, убившими своих мужей, спутников Фоанта, все такие ужасные злодеяния в Элладе называют лемносскими.

139. После убиения пеласгами своих детей и жен земля их вовсе перестала плодоносить. Их женщины не были так плодовиты, как раньше. А также и скот. Голод и бездетность заставили их, наконец, отправить послов в Дельфы и просить об избавлении от этих бед. Пифия же повелела им дать удовлетворение афинянам, какое те сами им присудят. Тогда пеласги прибыли в Афины и объявили, что желают дать удовлетворение за причиненные обиды. Афиняне же приготовили в пританее самое красивое ложе, какое у них было, и рядом поставили стол, полный наилучших яств. Затем они потребовали от пеласгов отдать им свою землю в таком же прекрасном состоянии. На это пеласги ответили: "Когда корабль при северном ветре совершит за один день путь из вашей страны в нашу, тогда и мы отдадим вам свою землю". Они знали, что это невозможно, так как Аттика лежит гораздо южнее Лемноса. Вот что случилось тогда.

140. А много лет спустя, когда афиняне владели уже Херсонесом на Геллеспонте[795], Мильтиад, сын Кимона, во время этесийских ветров, когда они дуют беспрерывно, прибыл на корабле из Элеунта на Херсонесе на Лемнос и приказал пеласгам покинуть остров[796]. При этом он напомнил им изречение оракула, которое, как они думали, никогда не сбудется. Гефестиейцы подчинились, а миринейцы не хотели допустить, чтобы Херсонес принадлежал Аттике. Афиняне осаждали их город, пока они не сдались. Так-то афиняне во главе с Мильтиадом овладели Лемносом.

[795] Ср. IX 114–18. Афиняне захватили Геллеспонт еще в 479 г. {в год битвы при Платеях).

[796] Дело идет о событии из времен войны Афин против Фасоса в 466 г., когда полководцем был Кимон, отец упомянутого здесь Мильтиада.

Книга VII

ПОЛИГИМНИЯ

1. Когда весть о Марафонской битве пришла к царю Дарию, сыну Гистаспа, то царь еще сильнее распалился гневом на афинян, хотя и раньше питал против них страшную злобу за нападение на Сарды. Он повелел ускорить приготовления к походу на Элладу[797]. Тотчас же царь стал рассылать гонцов по городам с приказанием снаряжать войско. На этот раз каждый город должен был выставить еще больше войска, военных кораблей, коней, продовольствия и грузовых судов, чем раньше. После того как вышло это повеление, вся Азия пришла на три года в движение, причем собирали и снаряжали всех самых доблестных мужей в поход на Элладу. Между тем на четвертый год подняли восстание против персов покоренные Камбисом египтяне[798]. Тогда Дарий стал еще более усиленно готовиться в поход против тех и других.

2. Во время этих сборов Дария в поход на Египет и Афины среди его сыновей началась великая распря из-за царского сана, так как, по персидскому обычаю, перед походом Дарий должен был назначить другого царя. У Дария еще до вступления на престол было трое сыновей от первой супруги, дочери Гобрия, а после воцарения – еще четверо от Атоссы, дочери Кира. Из прежних сыновей старшим был Артобазан, а из родившихся после – Ксеркс. Как сыновья разных матерей, те и другие притязали на власть. Так, Артобазан [утверждал], что он – старший в роде и что у всех народов власть, по обычаю, принадлежит старшему. Ксеркс же основывал свои притязания на том, что он – сын Атоссы, дочери Кира, а Кир – освободитель персов[799].

3. Дарий еще не успел разрешить этот спор, когда в Сусы как раз прибыл Демарат, сын Аристона. Лишенный царской власти в Спарте, он добровольно удалился в изгнание из Лакедемона. Этот-то человек, услышав о ссоре сыновей Дария, пришел, как гласит молва, к Ксерксу с советом: [в споре в Артобазаном], кроме приведенных доводов, Ксеркс должен опираться на то, что родился после воцарения Дария, когда тот был уже владыкой персов. Артобазан же – когда Дарий еще не был царем. Поэтому нелепо и несправедливо, чтобы кто-либо другой, кроме Ксеркса, обладал царским саном. В Спарте, по крайней мере, говорил Демарат, также в обычае, если при сыновьях, родившихся до воцарения отца, у царя по вступлении на престол рождается еще сын, то этот позже рожденный становится наследником престола. Ксеркс принял совет Демарата, и Дарий, признав совет правильным, отдал престол Ксерксу. Я думаю, впрочем, что Ксеркс, пожалуй, воцарился бы и без этого совета, потому что Атосса была всемогуща[800].

4. Итак, поставив царем Ксеркса, Дарий стал собираться в поход. Но вот случилось так, что спустя год после восстания в Египте Дарий во время сборов к походу скончался[801] (он всего царствовал 36 лет) и ему так и не удалось покарать восставших египтян и афинян.

[797] Царь Дарий вовсе не считал себя побежденным при Марафоне: марафонский поход представлялся персам одной из многочисленных карательных экспедиций против мятежников.

[798] Восстание в Египте охватило только область Дельты.

[799] Артобазан и его братья, по-видимому, погибли в борьбе (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 126). Так называемая гаремная надпись Ксеркса из Персеполя подтверждает рассказ Геродота о распре сыновей Дария.

[800] Ксеркс был назначен наследником престола уже в 498 г. до н.э., т.е. до похода. Влияние гаремных интриг на политику было заметно уже в царствование Дария.

[801] Дарий скончался в октябре 486 г. до н.э. Последний египетский документ времени его правления относится к июню 486 г.

5. Так-то вот после кончины Дария наследником стал его сын Ксеркс. Однако Ксеркс вначале вовсе не желал идти в поход на Элладу; он снаряжал только войско против Египта. Был при дворе Ксеркса человек, весьма уважаемый среди персов,– Мардоний, сын Гобрия (он приходился двоюродным братом Ксерксу и был сыном сестры Дария). Этот-то Мардоний обратился к царю с таким предложением: "Владыка! Несправедливо оставлять афинян без наказания за много зол, которые они причинили персам. Ныне же ты можешь выполнить свой замысел. Подавив мятеж высокомерного Египта, иди в поход на Афины. Тогда ты стяжаешь себе добрую славу среди людей, и в будущем любой враг остережется нападать на твою землю". Эти слова Мардония взывали к отмщению. Потом он добавил к этому еще вот что: "Европа,– сказал он,– страна замечательно красивая, изобилует всякого рода плодовыми деревьями, и исключительно плодородная, и из смертных один только царь достоин обладать ею".

6. Все это Мардоний говорил потому, что, будучи человеком беспокойным, сам желал стать сатрапом Эллады. Впоследствии Мардоний добился своей цели и склонил Ксеркса действовать именно так. Помогли ему убедить Ксеркса еще и другие обстоятельства. Сначала из Фессалии прибыли от Алевадов послы. Они приглашали царя идти на Элладу, заверяя в своей полной преданности (эти Алевады были владыками Фессалии). Затем прибыли в Сусы некоторые Писистратиды и не только повторили предложение Алевадов, но и обещали сверх того еще больше. Они-то и привезли с собой афинянина Ономакрита – толкователя оракулов, который собрал [и обнародовал] изречения Мусея. Перед этим Писистратиды примирились с Ономакритом. Ведь Гиппарх, сын Писистрата, изгнал Ономакрита из Афин, когда Лас из Гермионы[802] уличил его в подделке оракула [из сборника] Мусея. [Этот оракул гласил], что острова, лежащие у Лемноса, исчезнут в морской пучине[803]. Поэтому-то Гиппарх и изгнал Ономакрита, хотя прежде был связан с ним тесной дружбой. Теперь же Ономакрит отправился вместе с ними [в Сусы] и всякий раз, являясь пред царские очи, читал свои прорицания. При этом он пропускал те изречения, которые намекали на поражение варваров, и выбирал лишь наиболее благоприятные. Он объявил, что некогда одному персу суждено соединить мостом Геллеспонт, и предсказал поход Ксеркса. Так Ономакрит побуждал царя своими прорицаниями, а Писистратиды и Алевады советами.

7. [Уступив таким доводам], Ксеркс решил идти в поход на Элладу и на второй год после кончины Дария выступил сначала против египетских мятежников. Восстание было подавлено, и на весь Египет наложено еще более тяжкое, чем при Дарии, ярмо рабства[804]. Правителем Египта Ксеркс поставил своего брата Ахемена, сына Дария. Впоследствии Ахемена, когда он правил Египтом, убил Инар, сын Псамметиха, ливиец[805].

8, А Ксеркс после покорения Египта решил идти в поход на Афины. Царь собрал чрезвычайное совещание персидских вельмож[806], чтобы выслушать их мнение и объявить всем свою волю. Когда все собрались, Ксеркс сказал так[807]: "Персы! Я вовсе не собираюсь вводить ничего нового, но буду следовать лишь старому обычаю. Ведь, как я слышал от старых людей, мы, персы, никогда еще не жили в мире с тех пор, как владычество перешло к нам от мидян и Кир одолел Астиага.

[802] Лас раскрыл слишком грубый обман прорицателя.

[803] Лас раскрыл слишком грубый обман прорицателя.

[804] Ксеркс уничтожил иерархическое самоуправление Египта, при котором персидский царь считался наследником египетских фараонов. В противоположность Камбису и Дарию Ксеркс не сооружал со своим именем египетских храмов. По-видимому, Ксеркс отличался религиозной нетерпимостью: он враждебно относился к культу Мардука в Вавилоне, которому его предшественники как наследники вавилонских царей приносили богатые дары.

[805] Ср. выше, III 12.

[806] Персидский государственный совет, состоявший из сатрапов и представителей знати.

[807] Речи Ксеркса и других персов, конечно, выдуманы Геродотом.

Однако это также – воля божества, и все наши великие начинания и замыслы складываются ко благу. О деяниях Кира, Камбиса и отца моего Дария и о том, какие они сделали завоевания, вы сами прекрасно знаете и рассказывать вам не нужно. Я же по вступлении на престол всегда размышлял, как бы мне не умалить царского сана моих предков и совершить не меньшие, чем они, деяния на благо персидской державы. И вот, думая об этом, я нахожу, что мы можем не только стяжать славу и завоевать страну, не меньше и даже прекраснее и плодороднее нашей нынешней державы, но и покарать врагов. Ныне я собрал вас, чтобы открыть мой замысел. Я намерен, соединив мостом Геллеспонт, вести войско через Европу на Элладу и покарать афинян за все зло, причиненное ими персам и моему родителю[808]. Вы видели, что и отец мой Дарий также снаряжался на войну с этим народом. Но его нет в живых, и ему не дано уже покарать виновных. Поэтому в отмщение за него и за остальных персов я не сложу оружия до тех пор, пока не возьму и не предам огню Афины, которые начали творить зло мне и отцу моему. Сначала они вместе с Аристагором из Милета, нашим рабом, пришли в Сарды и предали пламени священную рощу и храмы[809]. Потом всем вам, вероятно, известно, что они сотворили нам, когда мы высадились на их земле под предводительством Датиса и Артафрена[810]. Поэтому-то ныне я и готов к походу на них, причем этот поход, я думаю, принесет нам дальнейшие выгоды. Если мы покорим афинян и их соседей, обитающих на земле фригийца Пелопса, то сделаем персидскую державу сопредельной эфирному царству Зевса. И не воссияет солнце над какой-либо другой страной, сопредельной с нашей, но все эти страны я обращу с вашей помощью в единую державу и пройду через всю Европу. Ведь, как я слышал, дело обстоит так: не остается больше ни одного города и народа на свете, который осмелился бы восстать против нас, когда мы разделаемся с теми, о которых я сказал. Так мы наложим и на виновных перед нами и на невиновных ярмо рабства. Вы же угодите мне, если поступите вот так: каждый из вас должен в назначенное мною время быть на месте. А кто приведет лучше всего снаряженное войско[811], потом получит от меня дары, как полагают, самые почетные в нашей стране. Так вот, так и поступайте. Но чтобы вы не думали, что я поступаю по своему личному усмотрению, я предлагаю этот вопрос на общее обсуждение и повелеваю каждому желающему высказать свое мнение". Такими словами он кончил свою речь.

9. После царя взял слово Мардоний: "Владыка,– сказал он,– ты – самый доблестный из всех прежде бывших и из будущих персов. Слова твои прекрасны и совершенно истинны. Особенно же [прекрасно] то, что ты не позволишь издеваться над нами презренным ионянам, живущим в Европе. Действительно, весьма странно, если мы не покараем эллинов, напавших на нас первыми, в то время как саков, индийцев, эфиопов, ассирийцев[812] и множество других народов, которые не причинили нам, персам, никаких обид, мы покорили и поработили только из желания преумножить и расширить нашу державу. Что же нас страшит? Неужели громадное скопище людей или огромные денежные средства? Ведь мы знаем, как они воюют, знаем слабость их боевой мощи. Их потомков мы уже покорили, именно эллинов в нашей части света, называемых ионянами, эолийцами и дорийцами. Мне довелось самому узнать этих людей, когда я повелением твоего родителя выступил против них. При этом я, дойдя до Македонии, не встретил никакого сопротивления и прошел почти до самих Афин. Хотя эллины привыкли

[808] Геродот приводит несколько причин похода Ксеркса, не согласованных между собой: месть Афинам (VII 5, 8), веление судьбы (VII 8), желание Ксеркса завоевать Европу (VII 5), честолюбие Мардония (VII 6), мифический мотив (VII 11). Ср.: А. И. До вату р. Стиль, стр. 148.

[809] Речь идет о храме Кибелы, сожженном ионянами в Сардах (ср. V 102).

[810] Ср. выше. VI 94–19.

[811] Каждый сатрап стоял во главе войска своей области и заботился о его снаряжении.

[812] "Ассирийцами" Геродот называет аккадцев нововавилонского царства.

вести войну, но, как я слышал, по невежеству и глупости воюют самым безрассудным образом. Так, объявив друг другу войну, они ищут прекрасное и гладкое поле битвы и там сражаются. Поэтому даже победители возвращаются с большим уроном. О побежденных я даже вообще не хочу и говорить, потому что они окончательно уничтожены. Так как они говорят на одном языке, то им следовало бы улаживать споры через глашатаев и послов и лучше любыми другими способами, чем войнами. А если уж война вообще неизбежна, то каждый должен искать наименее уязвимое для себя положение и потом уже начинать войну. Однако, несмотря на вечные войны, которые эллины бестолково ведут друг с другом, они даже и не подумали мне оказать сопротивление, хотя я дошел до Македонии. Кто же, в самом деле, дерзнет, о царь, восстать против тебя, если ты ведешь с собою всю мощь Азии и все корабли? Я убежден, что эллины никогда не решатся на такую дерзость. Если же против ожидания я буду обманут и они по своему безрассудству все же ринутся в бой с нами, то узнают, что на войне мы, персы, доблестнее всех. Но все же испытаем все средства, так как само собой ничего не дается и обычно только смелым дерзанием люди достигают цели".

10. Расхвалив в таких словах замыслы Ксеркса, Мардоний умолк. Остальные персы между тем хранили молчание, не осмеливаясь возражать против высказанного мнения. Только Артабан, сын Гистаспа, полагаясь на свое родство с царем, так как он был дядей Ксеркса, сказал вот что: "О царь! Не будь здесь различных суждений, не пришлось бы и выбирать наилучшее из них, а лишь принимать одно-единственное. Если же есть много мнений, то и выбор возможен. Ведь даже само по себе чистое золото нельзя распознать, и только путем трения на пробирном камне вместе с другим золотом мы определяем лучшее. Я не советовал твоему родителю, моему брату, Дарию идти походом на скифов, людей, у которых вовсе нет городов. А он меня не послушал в надежде покорить скифов, которые все-таки были кочевниками, и выступил в поход. Однако ему пришлось возвратиться назад, потеряв много храбрых воинов из своего войска. Ты же, о царь, желаешь ныне идти против людей, гораздо доблестнее скифов, которые, как говорят, одинаково храбро сражаются и на море, и на суше. Я должен сказать тебе о том, что меня страшит в этом походе. По твоим словам, ты намерен построить мост на Геллеспонте и вести войско через Европу в Элладу. Но может случиться, что ты потерпишь неудачу на суше, или на море, или в обоих случаях. Ведь противники, говорят,– храбрый народ. Это видно из того, что одни афиняне уничтожили вторгшееся в Аттику столь великое войско во главе с Датисом и Артафреном. Впрочем, врагам, конечно, не удастся одержать верх на суше и на море. Но если они нападут и одержат победу в морской битве, а затем поплывут к Геллеспонту и разрушат мост, тогда, о царь, твое положение будет опасно. Я заключаю об этом не своим умом, но могу представить себе, какое несчастье нас едва не постигло, когда родитель твой построил мост на Боспоре Фракийском[813] и на реке Истре и переправился в Скифскую землю. Тогда скифы всячески старались убедить ионян, которым была поручена охрана моста на Истре, разрушить переправу. И если бы тогда Гистией, тиран Милета, согласился с мнением прочих тиранов и не воспротивился, то войско персов погибло бы. Впрочем, даже и подумать страшно, что тогда вся держава царя была в руках одного человека. Итак, не подвергай себя такой опасности без крайней нужды, но последуй моему совету. А теперь распусти это собрание и затем, обдумав еще раз наедине, сообщи нам твое решение, которое ты признаешь наилучшим. Ведь правильное решение, как я считаю, – дело самое важное. Если даже потом возникнет какое-либо препятствие, то решение все же не менее хорошо: его только одолел рок. Напротив, тому, кто принял плохое решение, может, если судьба к нему благосклонна, выпасть даже неожиданное счастье, но, несмотря на это, решение остается не менее плохим. Ты видишь, как перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти

[813] Ср. выше. IV 87–9.

божества. Ты видишь, как бог мечет свои перуны в самые высокие дома и деревья. Ведь божество все великое обыкновенно повергает во прах. Так же и малое войско может сокрушить великое и вот каким образом: завистливое божество может устрашить воинов или поразить перуном так, что войско позорно погибнет. Ведь не терпит божество, чтобы кто-либо другой, кроме него самого, высоко мнил о себе. Итак, поспешность всегда ведет к неудачам, отчего происходит великий вред для нас. Напротив, промедление ко благу, которое хотя и не сразу проявляется, но со временем убеждаешься в этом. Таков мой совет, о царь. Ты же, Мардоний, сын Гобрия, перестань говорить пренебрежительно об эллинах, которые, конечно, не заслуживают этого. Ведь такими клеветническими речами ты подстрекаешь царя к войне с эллинами. Ради этого-то ты, думается, прилагаешь все старания. Но да не будет этого! Нет ничего страшнее клеветы: ведь клевета двоих делает преступниками, а третьего – жертвой. Клеветник виновен в том, что возводит обвинения за глаза. А тот, кто ему верит, виновен, потому что судит, не разобрав точно дела. Отсутствующий же страдает от того, что один клевещет на него, а другой считает дурным человеком. Но ведь если уж непременно нужно идти войной на этот народ, то пусть царь останется в Персидской земле. А мы оба оставим наших детей в залог. Затем ты, Мардоний, один выступай в поход, набери людей по собственному выбору и войско, сколь угодно большое. Если поход царя окончится так, как ты говоришь, то пусть мои дети будут умерщвлены, а вместе с ними и сам я. Но если выйдет, как я предвещаю, то пусть та же участь постигнет твоих детей и тебя самого, если ты вообще вернешься домой. Если же ты не согласен с этим, но все-таки поведешь войско на Элладу, то я предрекаю тебе: когда-нибудь иные люди здесь, на Персидской земле, еще услышат, что Мардоний, ввергнувший персов в бездну несчастий, погиб, растерзанный псами и птицами[814] где-нибудь в Афинской или Македонской земле, если только еще не раньше по дороге туда. И тогда-то он поймет: на какой народ побуждал царя идти войной".

11. Так говорил Артабан, а Ксеркс гневно возразил ему такими словами: "Артабан, ты – брат моего родителя! Это спасет тебя от заслуженной кары за твои вздорные речи. Но все-таки я хочу заклеймить тебя позором, так как ты – малодушный трус: ты не пойдешь со мной в поход на Элладу, но останешься здесь с женщинами. А я и без тебя могу совершить все, что сказал. Пусть же я не буду сыном Дария, сына Гистаспа, потомка Арсама, Ариарамна, Теиспа, Кира, Камбиса, Теиспа, Ахемена, если не покараю афинян! Я ведь прекрасно знаю, что если мы сохраним мир, то они-то уже, наверное, не захотят мира, а сами пойдут войной на нас. Это можно понять по их деяниям. Они ведь уже предали огню Сарды, совершив вторжение в Азию. В самом деле, уже нельзя никому отступать. Сейчас речь идет о том, нападать ли нам или самим стать жертвой нападения: тогда или вся наша часть света покорится эллинам, или их часть попадет под власть персов. Ведь при такой вражде примирения быть не может. Итак, по справедливости нам следует оплатить эллинам за зло, причиненное нам раньше. Тогда-то, выступив в поход, я узнаю "то страшное", что может причинить мне этот народ. Ведь некогда фригиец Пелопс, раб моих отцов, так прочно покорил его, что даже по сей день и сами обитатели, и страна их называются именем победителя"[815].

12. Так долго продолжалось совещание. А с наступлением ночи Ксеркс стал мучиться словами Артабана. Размышляя всю ночь, царь пришел к выводу, что вовсе неразумно ему идти войной на Элладу. Приняв новое решение, Ксеркс заснул. И вот ночью, как рассказывают персы, увидел он такое сновидение. Ксерксу показалось, что перед ним предстал высокого роста благообразный человек и сказал: "Так ты, перс, изменил свое решение и не желаешь идти войной на Элладу, после того как приказал персам собирать войско? Нехорошо ты поступаешь, меняя свои взгляды, и я не могу простить тебе этого. Каким путем решил ты идти днем,

[814] Это не соответствует персидским обычаям. Сам же Геродот (I 140) рассказывает, что у персов считалось почетным, если труп растерзают хищные птицы и звери.
[815] По-видимому, здесь идет речь о дорийском переселении. Дорийцы, вероятно, назывались иногда вместе с фракийскими племенами общим именем "фригийцев".

того и держись!".
13. После этих слов призрак, как показалось Ксерксу, улетел. На следующий день Ксеркс не придал никакого значения сну и, вновь созвав совет тех же персидских вельмож, сказал так: "Персы! Простите меня за внезапную перемену решения! Еще нет у меня зрелой мудрости, и люди, побуждающие начать войну, никогда не оставляют меня одного[816]. Так, когда я услышал мнение Артабана, тотчас вскипела моя юношеская кровь и я нечаянно высказал старшему недостойные слова. Ныне же я должен признаться, что был не прав, и решил последовать его совету. Итак, я раздумал идти войной на Элладу, и вы можете спокойно оставаться дома".
14. С радостью услышав такие слова, персидские вельможи пали к ногам царя. Ночью, однако, Ксерксу во сне опять предстал тот же самый призрак и сказал: "Сын Дария! Так ты, кажется, действительно отказался от похода, не обратив внимания на мои слова, как будто ты услышал их не от власть имущего? Знай же: если ты тотчас же не выступишь в поход, то выйдет вот что. Сколь быстро ты достиг величия и могущества, столь же скоро ты вновь будешь унижен".
15. В ужасе от видения Ксеркс вскочил с ложа и послал вестника к Артабану. Когда Артабан явился, царь сказал ему так: "Артабан! Я сразу поступил неблагоразумно, когда наговорил тебе много вздора за твой добрый совет. Потом спустя немного я все же пожалел об этом и понял, что нужно выполнить твой совет. Однако я не могу этого сделать, как бы мне ни хотелось. Ибо, когда я, опомнившись, изменил свое решение, мне не раз во сне являлся призрак и настойчиво запрещал следовать твоему совету. А теперь призрак удалился даже с угрозами. Если бог послал мне это видение и непременно желает, чтобы мы пошли войной на Элладу, то этот же призрак явится, конечно, и к тебе с таким же повелением. Я думаю, что это так и будет, если ты облачишься в мое царское одеяние, воссядешь так на престол и затем возляжешь на моем ложе".
16. Так говорил Ксеркс. Артабан же сначала отказался повиноваться, так как считал недостойным восседать на царском троне. Наконец, когда царь продолжал настаивать, он все же согласился исполнить приказание и сказал: "По-моему, о царь, одинаково важно, как самому зрело обдумать дело, так и следовать чужому доброму совету. Тебе же выпало на долю и то и другое: тебя сбивает с толку общение с дурными людьми. Так, говорят, порывы ветров обрушиваются на море, самую полезную людям стихию, и не позволяют использовать его природные свойства, так что оно не может показать свою истинную сущность. Я был не столько огорчен твоим резким отзывом обо мне, но гораздо более тем, что из двух мнений, предложенных на совете, ты выбрал гибельное тебе и персам. Одно мнение питало высокомерие, а другое старалось предотвратить его и утверждало, что нехорошо воспитывать человеческие души в ненасытном стремлении к все большему могуществу. Ныне же, когда ты склонился к более здравому мнению и отложил поход на Элладу, как ты говоришь, явился тебе во сне посланец какого-то божества и запретил отменить поход. Но эти сновидения, сын мой, исходят не от богов. Ведь я гораздо старше тебя и могу разъяснить тебе сновидения, каковы они. Обычно ведь люди видят во сне то, о чем они думают днем. Мы же в последние дни только и были заняты этим походом. Если же дело обстоит не так, как я думаю, но этот сон ниспослан богом, то ты всецело прав. Пусть тогда призрак явится и мне с тем же предсказанием, как и тебе. Ведь ему должно быть безразлично предстать мне, буду ли я в твоем одеянии или в моем собственном и на твоем ли ложе буду я отдыхать или на своем, если только призрак вообще пожелает явиться мне. Действительно, это призрачное существо, представшее тебе во сне (каково бы оно ни было), не может быть все-таки столь простодушным, чтобы, глядя на меня, принять меня за тебя, оттого что я в твоем одеянии. Впрочем, надо испытать, быть может, призрак не обратит на меня внимания и не удостоит явиться мне, все равно в твоем ли одеянии я буду или в своем. Так, если призрак явится как тебе, так и мне, тогда я и сам признаю, что он ниспослан

[816] Ксерксу в то время было около 37 лет.

богом. Однако, если такова твоя воля и иначе быть не может и мне придется отойти ко сну на твоем ложе, то да будет так; и, когда я выполню это твое повеление, пусть призрак явится мне, Но пока я все же останусь при своем мнении".

17. Так говорил Артабан и в надежде доказать, что Ксеркс говорит пустяки, исполнил повеление царя. Он облачился в царские одежды, воссел на трон, и, когда после этого отошел ко сну, явился ему во сне тот же самый призрак, как и Ксерксу. Призрак предстал в изголовье Артабана и сказал так: "Это ты стараешься всячески отговорить Ксеркса от похода на Элладу, якобы желая ему блага? Ты не останешься безнаказанным ни в будущем, ни теперь за то, что тщишься отвратить веление рока. А что ждет Ксеркса за неповиновение – это объявлено ему самому".

18. Такими словами угрожал призрак Артабану и, казалось, хотел выжечь ему глаза раскаленным железом. Громко вскрикнув, Артабан подскочил и сел рядом с Ксерксом. Затем, рассказав царю сон, продолжал так: "Мне, о царь, пришлось неоднократно наблюдать ниспровержение великих держав малыми. Поэтому я хотел удержать тебя от увлечений юности, зная, сколь гибельна страсть к великому могуществу. Я помню, чем кончился поход Кира на массагетов, помню и поход Камбиса на эфиопов. А сам я участвовал в войне Дария со скифами. Зная все это, я думал, что все народы будут тебя прославлять как счастливейшего [из смертных], если ты сохранишь мир. Но так как мы [начинаем поход], так сказать, по божественному внушению и эллины, видимо, обречены божеством на погибель, то и я сам теперь меняю свое мнение и стою за поход. Ты же объяви персам о ниспосланном тебе откровении божества и повели им выполнить твое первое приказание – готовиться к походу. Итак, действуй, раз божество этого хочет, но так, чтобы с твоей стороны не было задержки". Так сказал Артабан. Оба они ободрились видением, а как только наступил день, Ксеркс сообщил все персидским вельможам. Артабан же, который один открыто всячески раньше отговаривал царя от похода, теперь даже явно торопил [с приготовлениями].

19. Во время сборов к походу Ксеркс имел еще одно видение. Царь вопросил магов, и те истолковали видение так: оно указывает на то, что вся земля и все народы подчинятся власти персов. Сновидение же было вот какое: Ксерксу приснилось, что он увенчан оливковой ветвью, а оливковые ветви простерлись по всей земле. Затем, однако, венец, возложенный на голову царя, исчез. После того как маги так объяснили сновидение, все собравшиеся на совет персидские вельможи тотчас же разъехались по своим провинциям. При этом каждый, желая получить обещанные награды, ревностно выполнял царское повеление. Так Ксеркс производил набор войска, тщательно обыскивая каждый уголок на [азиатском] материке.

20. После покорения Египта полных четыре года потребовалось Ксерксу на снаряжение и набор войска. На исходе же пятого[817] года царь выступил в поход с огромными полчищами. Это было, безусловно, самое большое войско из известных нам. С этим войском не могло сравниться ни войско Дария [в походе] на скифов, ни скифское войско, когда скифы, преследуя по пятам киммерийцев, вторглись в Мидийскую землю и, покорив почти всю Переднюю Азию, там поселились[818] (из-за чего впоследствии Дарий и выступил в поход отомстить скифам)[819]. Точно так же, по сказанию, [было гораздо меньше] и войско Атридов в походе на Илион, и мисийцев, и тевкров (они еще до Троянской войны переправились в Европу по Боспору, покорили всех фракийцев, дошли до Ионийского моря и на юге – до реки Пенея)[820].

21. Эти и другие походы нельзя сравнить с одним этим походом. Действительно,

[817] Под "пятым годом" имеется в виду 481 г. –пятый год правления Ксеркса.

[818] Ср. выше, I 15 и IV 12.

[819] Ср. выше, IV 1.

[820] Здесь идет речь о войнах между малоазиатскими, фракийскими и греческими племенами. Сюда относится и предание об осаде Трои.

какой только народ не привел Ксеркс из Азии в Элладу? Разве не оказалось питьевой воды слишком мало для Ксерксова войска всюду, кроме больших рек? Ведь одни народы должны были снаряжать корабли, другим было приказано выставить пеших воинов, третьим – конницу, четвертым, кроме войска,– грузовые суда для перевозки лошадей, пятые должны были доставлять длинные суда[821] для мостов и, наконец, шестые – продовольствие и грузовые суда.

22. Так как в первый раз флот персов понес тяжелые потери, огибая Афон, то уже заранее почти три года подряд велись работы с целью прорыть Афонский перешеек[822]. В Элеунте, что на Херсонесе, стояли на якоре триеры[823]. Отправляясь оттуда, все разноплеменные войска под ударами бичей должны были прокапывать [перешеек], причем одни воины приходили на смену другим. Персы заставляли копать также и жителей Афона. Персы Бубар, сын Мегабаза, и Артахей, сын Артея, руководили работами. Афон – высокая и замечательная гора, спускающаяся к морю, на ней обитают люди. Там, где гора переходит в материк, она образует перешеек в виде полуострова около 12 стадий в ширину. Перешеек этот гладкий, только с незначительными холмами, которые тянутся от Аканфского моря до моря, что напротив Тороны[824]. На этом перешейке, в который переходит гора Афон, находится эллинский город Сана. За Саной на самом Афоне лежат города, которые персидский царь тогда хотел превратить из материковых в островные. Города эти вот какие: Дион, Олофикс, Акрофоон, Фисс и Клеоны. Это города на Афоне.

23. Копали варвары канал таким вот образом: разделив отдельные участки между разными народностями, они протянули затем прямую линию по каналу. Когда прокопанный ров стал глубоким, то одни рабочие, стоявшие ниже, продолжали копать, другие же передавали выкапываемую землю стоявшим выше на ступенях; последние принимали и передавали далее следующим, пока земля не попадала к стоящим наверху. Эти же выносили и выбрасывали землю. Всем остальным народностям, кроме финикиян, осыпающиеся крутые стенки канала доставляли двойную работу. Это происходило неизбежно, так как и верхнюю и нижнюю часть прокопа они делали одинакового размера. Финикияне же, напротив, и здесь показали себя сметливыми, как, впрочем, и в других работах. Получив доставшийся им по жребию участок работы, они стали копать верхний край канала вдвое шире нижнего. По мере продвижения работы ров все сужался; а когда достигли дна, то ширина рва оказалась такой же, как и у остальных рабочих. Есть там луг, где они устроили площадь для собраний и рынок. Много муки прибывало сюда к ним из Азии.

24. Если мое предположение правильно, то Ксеркс велел копать канал просто из пустого тщеславия[825]. Он желал показать свое могущество и воздвигнуть себе памятник. Хотя корабли легко можно было протащить волоком через перешеек, царь все же повелел построить канал такой ширины, что по нему одновременно могли плыть две триеры на веслах. Тем же самым людям, работавшим на канале, было приказано построить мост на реке Стримоне.

25. Так-то царь воздвиг эти сооружения. Кроме того, он повелел изготовить канаты для мостов из волокна папируса и "белого льна"[826]. Эта обязанность, а

[821] Финикийский корабль gayloz был широкий и круглый. Для переправы необходимы были греческие "длинные" корабли.

[822] Ср. выше, VI 44.

[823] Из Элеунта можно было блокировать проход греческих судов с хлебом из Черного моря.

[824] Речь идет о мысе между заливом Гиериса и бухтой Агион Орос.

[825] Строительство канала показывает твердое намерение царя покорить Грецию. Афон тогда был опасен для мореплавания.

[826] Bybgoz здесь означает кору (лыко) сирийского папируса, из которого изготовляют канаты (название происходит от финикийского города Библа-Гебал). Впоследствии, когда ионяне познакомились с писчим материалом из папируса в Египте, они этот папирус также стали называть "библос". Под упомянутой вместе с библосом коноплей (белый лен) имеется в виду волокно произраставшего в Испании спартия (Spartium junceum), служившего карфагенянам для изготовления канатов.

также обязанность устраивать склады продовольствия для войска, чтобы войско и вьючные животные не испытывали голода в походе на Элладу, была возложена на финикиян и египтян. Разыскав предварительно наиболее удобные места для продовольственных складов, Ксеркс приказал доставлять запасы муки из различных частей Азии в разные пункты на грузовых судах и паромах. Большинство продовольствия они привозили в так называемую Левке Акте во Фракии, другие – в Тиродизу у Перинфа, третьи – в Дориск, четвертые – в Эион на Стримоне[827], пятые, наконец, – в Македонию.

26. Пока эти люди выполняли урочную работу, все сухопутное войско во главе с Ксерксом собралось и двинулось на Сарды из Криталлов в Каппадокии. Ведь Криталлы были назначены местом сбора всего войска, которое под предводительством Ксеркса должно было идти по суше. Какой сатрап привел тогда наилучше снаряженное войско и получил за это назначенные царем дары – этого я сказать не могу. Я даже не знаю, была ли у них вообще речь о таком соревновании. Когда персы направились через реку Галис, то вступили во Фригию и затем прибыли в Келены[828]. Там находятся истоки реки Меандра и другой не менее значительной реки, чем Меандр, по имени Катарракт, которая берет начало посреди самой рыночной площади Келен и впадает в Меандр. В этом городе висит кожа Силена Марсия, содранная с него, по фригийскому сказанию, Аполлоном и повешенная здесь.

27. В Келенах Ксеркса уже ожидал Пифий, сын Атиса, лидиец, который устроил самому царю и всему его войску роскошный прием. Пифий объявил, что готов предоставить царю деньги для войны. Когда Пифий сделал Ксерксу это предложение, царь спросил персов из своей свиты, кто этот Пифий и неужели он так богат, что может делать такие предложения. Персы отвечали: "О царь! Это тот человек, который поднес в дар родителю твоему Дарию знаменитый платан и виноградную лозу из чистого золота. Он и теперь еще самый богатый человек после тебя, о котором мы знаем".

28. Удивленный последними словами, Ксеркс затем сам спросил Пифия, сколько же денег есть у него. А Пифий отвечал: "О царь! Я не хочу скрывать и отговариваться незнанием своего имущества. Но так как я его точно знаю, то "правдиво поведаю тебе"[829]. Как только узнал я, что ты отправляешься к Эллинскому морю, то решил сосчитать свое состояние – денежное имущество, желая дать тебе денег на войну. После подсчета я нашел, что у меня 2000 талантов серебра, а золота 4 000 000 дариевых статеров без 7000. Эти деньги я приношу тебе в дар. Самому же мне достаточно средств на жизнь от моих рабов и поместий".

29. Так сказал Пифий. А Ксеркс обрадовался его словам и сказал: "Мой друг лидиец! С тех пор как я покинул Персию, я еще до сих пор не встретил ни одного человека, кто бы пожелал оказать гостеприимство моему войску. И никто, представ пред мои очи, не объявил о добровольном пожертвовании денег на войну, кроме тебя. Ты же оказал моему войску роскошный прием и обещаешь большие суммы денег. За это я желаю отдарить тебя вот такими дарами. Я нарекаю тебя моим гостеприимцем[830] и восполню из моего собственного достояния те 7000 статеров, которых не хватает у тебя в 4 000 000, чтобы сумма была полной и число было круглым. Владей же сам богатством, которое ты сам приобрел. Будь всегда таким, как сейчас, и тебе не придется никогда раскаиваться ни теперь, ни в будущем".

30. Так сказал царь и сдержал свое слово. Затем он пошел с войском дальше. Пройдя фригийский город Анаву и озеро, из которого добывают соль, Ксеркс

[827] Цепь опорных пунктов обеспечивала подвоз от Византия на Боспоре до Афона.

[828] Следующее описание маршрута пути царя взято Геродотом, вероятно, из сообщения какого-нибудь грека из царской свиты.

[829] Гомеризм (Илиада X, 413).

[830] Титул "гостеприимец царя" был связан с высокими почестями.

прибыл в Колоссы, большой город Фригии. В этом городе река Лик низвергается в расселину и исчезает под землей. Затем приблизительно через 5 стадий эта река снова выходит на поверхность и впадает в Меандр. Выступив из Колосс, войско двинулось к границам Фригии и Лидии и прибыло в город Кидрары, где находится врытый в землю столп, воздвигнутый Крезом, с надписью, обозначающей эти границы.

31. Из Фригии Ксеркс вступил в Лидию, где дорога разделяется. Налево ведет путь в Карию, а направо – в Сарды. На этом последнем пути неизбежно приходится переходить реку Меандр и идти мимо города Каллатеба. В этом городе ремесленники изготовляют мед из тамариска и пшеницы[831]. На этой дороге Ксеркс встретил платан. Царь одарил дерево за красоту золотым украшением[832] и поручил охрану его одному из "бессмертных". На следующий день он прибыл в столицу Лидии.

32. По вступлении же в Сарды Ксеркс, прежде всего, отправил послов в Элладу потребовать земли и воды с приказанием позаботиться о дружественном приеме царя. Он отправил послов требовать земли во все другие города, кроме Афин и Лакедемона. Вновь же отправил он послов с требованием земли и воды вот по какой причине: он твердо надеялся, что те города, которые раньше отказались подчиниться Дарию, теперь из страха согласятся. И вот, желая точно убедиться в этом, Ксеркс и отправил послов.

33. Затем Ксеркс начал готовиться к походу на Абидос. Между тем мост через Геллеспонт из Азии в Европу, соединявший оба материка, был построен [финикиянами и египтянами]. На Херсонесе (что на Геллеспонте) между городами Сестом и Мадитом находится скалистый выступ против Абидоса. Это то самое место, где незадолго до этого афиняне под начальством стратега Ксантиппа, сына Арифрона, захватили перса Артаикта, сатрапа Сеста, и живым распяли на кресте, того самого перса, который велел согнать женщин в святилище Протесилая в Элеунте и там поступил с ними нечестиво.

34. Итак, к этому скалистому выступу из Абидоса людьми, которым это было поручено, были построены два моста. Один мост возвели финикияне с помощью канатов из "белого льна", а другой – из папирусных канатов – египтяне. Расстояние между Абидосом и противоположным берегом – 7 стадий. Когда же, наконец, пролив был соединен мостом, то разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку.

35. Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков[833]. Передают еще, что царь послал также палачей заклеймить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: "О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке". Так велел Ксеркс наказать это море, а надзирателям за сооружением моста через Геллеспонт – отрубить головы.

36. И палачи, на которых была возложена эта неприятная обязанность, исполнили царское повеление. Мосты же вновь соорудили другие зодчие. Построили же они таким вот образом: поставили рядом пентеконтеры и триеры; для одного моста в сторону Понта взяли 360 кораблей, для другого – в сторону

[831] Речь идет о Tamarix mannifera, которая после укуса орехотворки (Cecidomyia) выделяет на ветвях сладкий сок; из него, смешав с мукой, изготовляли сладкое блюдо.

[832] Почитание персидским царем платана напоминает культ священных деревьев, охраняемых демонами, как изображено на ассирийских рельефах.

[833] По мнению С. Рейнака, погружение цепей в море должно было символизировать обряд венчания Ксеркса с морем. Тогда непонятно, почему же Ксеркс приказал бичевать море.

Геллеспонта 314 кораблей[834]; первые поставили поперек течения Понта, а последние – по течению Геллеспонта, чтобы держать канаты натянутыми. Затем бросили огромные якоря на одном [верхнем] мосту на стороне Понта против ветров, дующих с Понта, а на другом мосту на стороне Эгейского моря – против западных и южных ветров. Между укрепленными на якорях пентеконтерами и триерами они оставили промежуток для прохода любых мелких судов из Понта и в Понт. После этого канаты туго натянули с земли при помощи накручивания их на деревянные вороты. Однако уже больше не ограничивались канатами только одного рода, но на каждый мост связывали вместе по два каната из "белого льна" и по четыре – из волокна папируса. Толщина и прекрасная работа канатов [обоих сортов] была одинакова, но "льняные канаты" были относительно тяжелее и весили (каждый локоть) более таланта. Когда пролив был соединен мостом, бревна распилили, выровняв длину досок по ширине понтонного моста. Затем доски уложили в порядке поверх натянутых канатов и там снова крепко привязали их к поперечным балкам. После этого принесли фашинник, разложили в порядке и засыпали землей. Потом утрамбовали землю и по обеим сторонам моста выстроили перила, чтобы вьючные животные и кони не пугались, глядя сверху на море.

37. Когда строительство мостов и работы на Афоне были завершены (именно, насыпи у устьев канала, возведенные для того, чтобы вода во время прибоя не переливалась через устья прокопа), пришла весть, что сам канал совершенно готов. Тогда снаряженное к походу войско после зимовки с наступлением весны двинулось из Сард к Абидосу. Между тем как раз во время сборов царя в поход солнце, покинув свою обитель на небе, стало невидимым, хотя небо было безоблачное и совершенно ясное, и день обратился в ночь[835]. При виде этого небесного явления Ксерксом овладела тревога, и он вопросил магов, что может означать это знамение. Маги же отвечали, что божество этим предвещает эллинам гибель их городов, так как у эллинов солнце – провозвестник грядущего, а у персов – луна[836]. Ксеркс же, услышав такое толкование, с великой радостью продолжал путь.

38. В пути подошел к Ксерксу лидиец Пифий и сказал так (он был в страхе от небесного знамения, и царские дары придали ему смелости): "Владыка! Я желал бы попросить тебя о том, что тебе легко исполнить, и для меня будет очень важно твое согласие". Ксеркс же, ожидая от него любой другой просьбы, кроме того, что Пифий действительно попросил, обещал исполнить и повелел говорить, что ему нужно. Услышав ответ царя, Пифий ободрился и сказал так: "Владыка! У меня пять сыновей. Им всем выпало на долю идти с тобой в поход на Элладу. Сжалься, о царь, над моими преклонными летами и освободи одного моего старшего сына от похода, чтобы он заботился обо мне и распоряжался моим достоянием. Четырех же остальных возьми с собой, и я желаю тебе счастливого возвращения и исполнения твоих замыслов".

39. А Ксеркс в страшном гневе отвечал ему такими словами: "Негодяй! Ты еще решился напомнить мне о своем сыне, когда я сам веду на Элладу своих собственных сыновей, братьев, родственников и друзей? Разве ты не раб мой, который обязан со всем своим домом и с женой сопровождать меня? Знай же теперь, что дух людей обитает в их ушах: если дух слышит что-либо благостное, то он наполняет тело радостью; услышав же противоположное, дух распаляется

[834] Расположение кораблей-понтонов по косой линии от азиатского к европейскому берегу сообразовалось с характером течения в Геллеспонте. У самого северного берега проходит сильное верхнее течение (со скоростью 2.8 км в час) из Мраморного в Эгейское море; приспосабливаясь к этому течению, корабли-понтоны лежали косо на воде.

[835] Упомянутое солнечное затмение наблюдалось 17 февраля 478 г. Геродот (или его источник) неправильно отнес это событие к походу царя против Греции, предпринятому двумя годами раньше.

[836] Иранцы почитали Солнце (Хвар) и Луну (Магх). Здесь имеются в виду скорее не собственно прорицания оракулов, а астрологические расчеты, которые халдеи производили по положению и фазам Луны.

гневом. Ты сделал мне, правда, доброе дело и изъявил готовность сделать подобное же, но не тебе хвалиться, что превзошел царя благодеяниями. А ныне, когда ты выказал себя наглецом, ты все-таки не понесешь заслуженной кары, но меньше заслуженной. Тебя и четверых твоих сыновей спасает твое гостеприимство. Но один, к которому ты больше всего привязан, будет казнен". Дав такой ответ, царь тотчас же повелел палачам отыскать старшего сына Пифия и разрубить пополам, а затем одну половину тела положить по правую сторону пути, а другую по левую, где должно было проходить войско.

40. Палачи выполнили царское повеление, и войско прошло между половинами тела. Впереди персидского войска шел обоз и вьючные животные. Затем следовали вперемежку отряды разных народностей, но беспорядочными массами. Когда половина этих полчищ успела пройти, то образовался промежуток и дорога оставалась некоторое время пустой. Царю предшествовала 1000 отборных персидских всадников[837], за ними двигалась 1000 копьеносцев (также отборных) с копьями, обращенными вниз к земле. Потом шло 10 священных так называемых нисейских коней[838] в роскошной сбруе. Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей. На этой-то равнине и разводят таких больших коней. За этими 10 конями двигалась священная колесница Зевса[839], которую везло 8 белых коней. Позади самих коней следовал пешком возница, держа в руках узду, так как никто из людей не мог подниматься на седалище этой колесницы. За этой колесницей ехал сам Ксеркс на колеснице, запряженной нисейскими конями. Рядом с царем стоял возница по имени Патирамф, сын перса Отана.

41. На этой колеснице Ксеркс выступил из Сард. Впрочем, царь переходил как ему заблагорассудится с колесницы в крытую дорожную повозку. Позади царя следовала 1000 копьеносцев, самые доблестные и знатные персы, по обычаю держа копье кверху. Затем шла другая 1000 отборных персидских всадников, а после всадников 10 000 пеших воинов, отобранных из остального войска персов. Из них у 1000 человек на нижнем конце копий были золотые гранатовые яблоки[840]. Эти воины окружали остальных кольцом. У 9000 воинов, шедших в середине, были серебряные гранатовые яблоки [на нижних концах копий]. Были также золотые гранатовые яблоки и у копьеносцев с копьями, обращенными вниз к земле. Ближайшая свита Ксеркса имела золотые яблоки [вместо гранатов]. За этими 10 000[841] следовало 10 000 персидской конницы. За конницей образовывался опять промежуток в 2 стадии и, наконец, шли все остальные нестройные полчища.

42. Из Лидии персидское войско совершало путь к реке Каику и в Мисийскую землю[842]. А от Каика оно через местность Атарней, имея на правой стороне гору Кану, достигло города Карены. От этого города войско шло через фиванскую равнину к городу Атрамиттию и мимо пеласгийского Антандра. Оставив влево гору Иду, войско вступило затем в Илионскую область. Когда войско остановилось на ночлег у подошвы Иды, то сначала разразилась гроза с ураганом, причем от ударов молнии погибло очень много людей.

43. Когда затем Ксеркс прибыл к реке Скамандру (это была первая река с тех пор, как выступили из Сард, которая иссякла и в ней не хватило воды, чтобы напоить войско и скот). И вот, когда царь прибыл к этой реке, он, желая осмотреть кремль Приама, поднялся на его вершину. Осмотрев кремль и выслушав все

[837] "Тысяча" здесь не указание на численность телохранителей, а перевод персидского наименования для телохранителей. Их начальник назывался "хазабрапати" (начальник тысячи).

[838] Кони из знаменитого конского завода в Нисе в Парфии.

[839] Священная колесница Ахурамазды (или бога Солнца).

[840] Подобные копья носят телохранители на рельефе из Персеполя.

[841] "Десять тысяч" не указывает на численность, а только на название личной охраны царя.

[842] Войско шло через плодородную равнину Бергамы к побережью и затем вдоль побережья до Троянской равнины.

рассказы о том, что там произошло, царь принес в жертву Афине Илионской 1000 быков. Маги же совершили [местным] героям жертвенное возлияние[843]. После этого ночью на войско напал страх. А с наступлением дня царь продолжал поход, оставив на левой стороне города Ретий, Офриней и Дардан (город, пограничный с Абидосом), а справа – тевкрские Гергифы.

44. Дойдя до Абидоса, Ксеркс пожелал произвести смотр своему войску. Для этого уже раньше нарочно был воздвигнут здесь на холме трон из белого мрамора (его соорудили абидосцы по заранее отданному повелению). Там царь восседал, сверху вниз глядя на берег, обозревая войско и корабли. После смотра он пожелал видеть морскую битву. Затем было устроено морское сражение. Победу одержали финикияне из Сидона, и Ксеркс радовался сражению и своему войску.

45. Увидев, что весь Геллеспонт целиком покрыт кораблями и все побережье и абидосская равнина кишат людьми, Ксеркс возрадовался своему счастью, а затем пролил слезы.

46. Когда это заметил дядя его Артабан, который вначале свободно высказал свое мнение, отговорив Ксеркса идти в поход на Элладу, этот-то Артабан при виде слез Ксеркса обратился к нему так: "О царь! Почему ты поступаешь столь различно теперь и немного раньше? Сначала ведь ты обрадовался своему счастью, а затем пролил о себе слезы". Ксеркс ответил: "Конечно, мною овладевает сострадание, когда я думаю, сколь скоротечна жизнь человеческая, так как из всех этих людей никого уже через сто лет не будет в живых". Артабан же в ответ сказал так: "В жизни мы испытываем еще нечто, внушающее больше сожаления, чем это. Ведь, несмотря на такую мимолетность жизни, все же никто не может в силу своей человеческой натуры быть счастлив. И не только среди этих людей, но и среди всех на свете нет никого, кому бы часто или хоть однажды не приходила в голову мысль, что лучше быть мертвым, чем жить. Невзгоды и телесные немощи ведь поражают и мучают нас так, что наша, пусть даже краткая жизнь, кажется нам слишком долгой. Поэтому смерть для человека – самое желанное избавление от жизненных невзгод. А божество, позволив человеку вкусить сладости жизни, оказывается при этом завистливым".

47. Ксеркс, отвечая ему, сказал: "Артабан! Не будем рассуждать о человеческой жизни, хотя она в действительности такова, как ты ее изобразил. Не станем вспоминать о невзгодах, так как теперь счастье у нас в руках. Но скажи-ка мне вот что. Если бы сновидение так живо телесно-осязательно не предстало тебе, остался бы ты при своем прежнем мнении и отсоветовал бы мне идти войной на Элладу или ты изменил его? Скажи мне это по правде". Артабан отвечал: "О царь! Пусть то, что обещает видение, явившееся во сне, сбудется так, как мы оба этого желаем. Что до меня, то я все время полон страха и не могу прийти в себя: очень многое у меня на уме, тем более что вижу – у тебя есть два страшных врага".

48. На это Ксеркс возразил такими словами: "Странный человек! Как это ты говоришь, что у меня два страшных врага? Разве ты считаешь мое войско недостаточно многочисленным, а эллинское кажется тебе гораздо сильнее? Или наш флот уступает их кораблям? Или то и другое? Если же наша военная сила в этом отношении окажется недостаточна, то следует как можно скорее набирать другое войско".

49. Артабан отвечал: "О царь! Ни войско твое, ни число кораблей ни один благоразумный человек не считает недостаточным. Если ты наберешь еще больше людей, то оба врага, о которых я тебе говорю, станут только еще страшнее. А эти два врага – это земля и море. Ведь нет нигде на земле, как я думаю, столь большой гавани, которая во время бури могла бы принять этот твой флот и уберечь от непогоды. Однако флот должен иметь не только одну гавань, но тебе нужны гавани на всем побережье, у которого ты плаваешь. А так как нет у тебя достаточно обширных гаваней, то ты должен понять, что случайности господствуют над людьми, а не люди над ними. И вот, назвав тебе одного врага, я хочу теперь сказать и о другом. Земля – твой враг вот почему. Если у тебя даже не

[843] Герои почитались как подземные боги; им совершали возлияния.

будет на пути никакого врага, то земля станет тебе все более враждебной по мере твоего продвижения, заманивая тебя все далее вперед. Нет ведь у людей вовсе полного счастья. Итак, я полагаю, если ты даже не встретишь сопротивления, то земли [за нами] будет тем больше, чем дальше [мы будем продвигаться], и, наконец, мы начнем страдать от голода. Итак, пожалуй, тот самый доблестный человек, кто в совете показывает себя боязливым, так как он старается предусмотреть любое возможное несчастье, а на деле проявляет мужество".

50. Ксеркс отвечал на это: "Артабан! Все, что ты говоришь, совершенно правильно. Тем не менее, не следует всюду страшиться невзгод и всему придавать значение в равной степени. Если бы ты вздумал при всякой непредвиденной случайности взвешивать все возможные тяжелые последствия, то никогда ничего бы не совершил. Лучше отважиться на все и испытать половину опасностей, чем заранее бояться, как бы впоследствии как-нибудь не пострадать. Затем, если заранее станешь оспаривать всякое предложение и если не укажешь правильного пути, то наверняка при этом ошибешься, как и твой противник. Итак, одно не лучше другого. А может ли человек вообще знать правильный путь? Думается, что нет. Кто решился действовать, тому обычно сопутствует удача. А кто только и делает, что рассуждает обо всем и медлит, вряд ли окажется победителем. Ты видишь, сколь могущественна теперь персидская держава, Если бы цари – мои предшественники – были с тобой одинакового мнения или, не придерживаясь сами таких взглядов, слушали бы советов таких людей, [как ты], то ты никогда бы не увидел такого могущества. А ныне, презирая опасности, они так возвеличили свою державу. Ибо великие дела обычно сопряжены с великими опасностями. Следуя примеру наших предшественников, мы выбрали для похода самое прекрасное время года. Покорив всю Европу, мы затем возвратимся назад, не испытав ни голода, ни какой-либо другой беды. Ведь мы, во-первых, сами отправляемся в поход с большими запасами [продовольствия], а затем, в какую бы страну и народность мы ни пришли, мы возьмем у них весь хлеб, [который там есть]. Мы идем войной на земледельцев, а не на кочевников".

51. После этого Артабан сказал: "Царь! Так как ты не желаешь слышать об опасениях, то прими, по крайней мере, мой совет: ведь о многих делах необходимо и говорить многословно. Кир, сын Камбиса, всю Ионию, кроме Афин, заставил платить дань персам. Этих-то ионян я тебе никоим образом не советую вести против их предков. В самом деле, и без них мы достаточно сильны, чтобы сокрушить врага. Если же они пойдут с нами, то им придется либо совершить страшную несправедливость, обращая в рабство свою родину, или, как честные люди, вместе с ними сражаться за свободу. Если они пойдут на несправедливость, то нам от этого вовсе не будет большой пользы. А стань они на честный путь, то могут принести великий вред твоему войску. Вспомни также древнее правильное изречение: вначале не видно всего, что будет потом".

52. На это Ксеркс возразил: "Из всех высказанных тобой мнений ты заблуждаешься наиболее глубоко в том, что страшишься восстания ионян. У нас есть весьма важное доказательство верности ионян, свидетелем которого являешься и ты сам, и другие участники похода Дария на скифов. Действительно, от них зависела гибель или спасение всего персидского войска. Ионяне же показали себя тогда честными и верными и не причинили нам никакого зла. Кроме того, они оставили в нашей стране детей, жен и имущество, так что нельзя думать, что они поднимут восстание. Поэтому не страшись восстания, но, исполнившись мужества, храни мой дом и мою власть. Тебе одному из всех я поручаю мой скипетр".

53. После этого Ксеркс отослал Артабана назад в Сусы и затем снова приказал персидским вельможам собраться. Когда они явились, царь сказал им так: "Персы! Я собрал вас, желая внушить доблесть, дабы вы не посрамили великие и многоценные подвиги наших предков. Будем же каждый в отдельности и все вместе ревностно сражаться! Ведь подвиги и слава наших предков есть общее благо, к чему все вы и должны стремиться. Поэтому я требую от вас напрячь все

силы в этой войне, ведь, как я слышу, наши противники – доблестные люди. Если мы одолеем этот народ, то уже не найдется на свете силы, способной противостоять нам. А теперь, вознеся молитвы богам – хранителям персов, начнем переправу".

54. Этот день персы провели в приготовлениях к переправе. На следующий же день в ожидании восхода солнца, так как желали увидеть восход, они возжигали на мостах различные жертвенные благовония и устилали путь миртовыми ветками. После восхода солнца Ксеркс совершил возлияние в море из золотой чаши, вознося молитвы солнцу[844], дабы не случилось несчастья, которое помешает ему покорить Европу, пока не достигнет ее пределов. После молитвы царь бросил чашу в Геллеспонт, а также золотой кубок и персидский меч, называемый "акинака". Я не могу точно сказать, погрузил ли Ксеркс все эти вещи в море как жертву солнцу или же, раскаявшись, что приказал бичевать Геллеспонт, принес за это [искупительные] дары морю.

55. После этого войско приступило к переправе. Пешее войско и вся конница шли по одному мосту в сторону Понта, а по другому – в сторону Эгейского моря переправлялись вьючные животные и обоз. Во главе выступало 10 000 персидских воинов; все они были увенчаны венками. За ними вперемежку следовали разноплеменные полчища. Шли они весь этот первый день. А на следующий сначала переправлялись всадники и копьеносцы с копьями, обращенными вниз. Эти воины были также увенчаны венками. За ними двигались священные кони и священная колесница, затем – сам Ксеркс с копьеносцами и 1000 всадников и, наконец, остальное войско. Одновременно и корабли поплыли к другому берегу. Впрочем, я слышал также, что Ксеркс переправился самым последним.

56. Переправившись в Европу, Ксеркс стал наблюдать переправу своего войска, [двигавшегося] по мосту под ударами бичей. Продолжался переход царского войска семь дней и семь ночей без отдыха. При этом, как передают, когда Ксеркс уже находился на другой стороне Геллеспонта, какой-то геллеспонтиец сказал ему: "Зевс! Почему ты в облике перса, приняв имя Ксеркса, желаешь опустошить Элладу и ведешь с собой полчища всего мира? Ведь это ты мог бы совершить и без них!"[845].

57. Когда, наконец, все переправились и персы собирались уже следовать дальше, явилось им великое и чудесное знамение. Ксеркс не обратил на него, конечно, никакого внимания, хотя объяснить знамение было нетрудно: кобыла родила зайца. В данном случае истолковать его было легко: Ксеркс поведет свои полчища на Элладу со всей пышностью и великолепием, а возвратится в свою землю, спасаясь бегством, [как заяц]. Было Ксерксу еще и другое знамение: лошачиха родила мула с двойными половыми частями – мужским и женским (сверху были мужские части). Царь пренебрег и этим знамением и двигался с войском дальше.

58. Корабли отплыли за пределы Геллеспонта и шли вдоль побережья в направлении, противоположном войску, именно они плыли на запад, держа курс на Сарпедонский мыс, где им было приказано ожидать сухопутное войско. Войско же направлялось на восток через Херсонес. Оставив на правой стороне могильный памятник Геллы, дочери Афаманта[846], а налево – город Кардию, войско прошло посредине города под названием Агора. Затем оно обогнуло залив по имени Мелас и реку Мелас. Воды в реке было недостаточно для войска, и река иссякла. Перейдя эту реку, от которой и название залива, войско повернуло на запад. Затем мимо эолийского города Эноса и Стенторийского озера оно прибыло в Дориск.

59. Дориск же – это обширная равнина на фракийском побережье. По этой

[844] Ксеркс молился Митре, персидскому богу Солнца.

[845] В Ксерксе видели сверхчеловеческое, божественное существо. Жречество Аполлона поддерживало этот взгляд (ср. VII 220). Сам Ксеркс (согласно лидийцу Ксанфу) объявил себя "спасителем" мира от зла и смут, устанавливающим в мире новый порядок (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 131, 132, 140).

[846] Здесь, по преданию, Гелла ринулась в море.

равнине течет большая река Гебр. Там уже раньше было воздвигнуто царское укрепление под названием Дориск. В нем Дарий во время похода на скифов оставил персидскую стражу. Местность эта показалась Ксерксу подходящей для смотра и подсчета боевых сил, что царь и сделал. А все корабли, пришедшие в Дориск, Ксеркс велел навархам причалить к соседнему с Дориском побережью, где лежат самофракийские города Сала и Зона, а на самом конце его находится знаменитый мыс Серрий[847]. Область эта еще издревле принадлежала киконам[848]. К этому-то побережью навархи и причалили свои корабли и затем вытащили на берег для просушки. Тем временем Ксеркс в Дориске производил подсчет боевых сил.

60. Сколь велика была численность полчищ каждого народа, я точно сказать не могу, потому что об этом никто не сообщает. Общее же количество сухопутного войска составляло 1 700 000 человек[849]. А подсчет производился следующим образом: согнали в одно место 10 000 человек и, поставив как можно плотнее друг к другу, обвели вокруг чертой. Обведя чертой, отпустили эти 10000 воинов и по кругу построили ограду высотой человеку до пупа. После этого стали загонять в огороженное место другие десятки тысяч людей, пока таким образом не подсчитали всех. Затем воинов распределяли по племенам.

61. Принимали же участие в походе следующие народности: прежде всего персы, которые были одеты и вооружены вот как[850]. На головах у них были так называемые тиары (мягкие [войлочные] шапки), а на теле – пестрые хитоны с рукавами из железных чешуек[851] наподобие рыбьей чешуи. На ногах персы носили штаны. Вместо [эллинских] щитов у них были плетеные щиты, под которыми висели колчаны. Еще у них были короткие копья, большие луки с камышовыми стрелами, а, кроме того, на правом бедре с пояса свисал кинжал[852]. Предводителем их был Отан, отец супруги Ксеркса Аместриды. В древнее время эллины называли персов кефенами. Сами же они называли себя артеями[853] (так их звали и соседи). Когда же Персей, сын Данаи и Зевса, прибыл к Кефею, сыну Бела, и взял себе в жены его дочь Андромеду, то родившегося сына назвал Персом. Сына своего Персей оставил в стране, так как у Кефея не было мужского потомства. От него-то персы и получили свое имя.

62. Мидяне же носят в походе такое же вооружение, как и персы (вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское). Предводителем мидян был Тигран из [рода] Ахеменидов. В древности все называли их ариями. После прибытия к этим ариям колхидянки Медеи из Афин и они также изменили свое имя. Так гласит о них мидийское предание[854]. Киссии выступили в поход также в персидском вооружении, только вместо [войлочных] шапок они носили митру[855]. Во главе

[847] Геродот имеет в виду прибрежную полосу между современными городами Макри и Дедеагач.

[848] С этим именем связаны мифы о Дионисе и Орфее.

[849] Численность армии Ксеркса сильно преувеличена. Вряд ли число воинов было больше 200 000 человек.

[850] Геродот перечисляет персидское войско по родам оружия. Персидские военные силы делились (не по региональному принципу) на пехоту, кавалерию и флот. В пехоте были лучники, копьеносцы и метатели дротиков; в кавалерии –всадники, всадники на верблюдах и боевые колесницы. Этот принцип деления, впрочем, при отсутствии единого языка для команды весьма затруднял перегруппировку отдельных войсковых соединений в рамках тактического движения и приводил к поражению персов.

[851] Здесь впервые встречаем чешуйчатый панцирь. Впоследствии его заимствовали римляне от парфян.

[852] Имеется в виду так называемая "акинака" –оружие персов и скифов.

[853] Имя персов произошло от области Персиды (перс. "парса", акк. "парсуа"), которую персы завоевали между 675 и 640 г. до н.э.

[854] Игра слов, основанная на сходстве имен.

[855] Повязка на лбу, концы которой свешивались по обеим сторонам лица.

киссиев стоял Анаф, сын Отана. Также и гирканы были вооружены по-персидски. Начальником их был Мегапан, впоследствии правитель Вавилона.

63. Ассирийцы в походе носили на голове медные шлемы, своеобразно сплетенные каким-то трудно объяснимым способом. У них были щиты, копья и кинжалы, подобные египетским, а, кроме того, еще деревянные палицы с железными шишками и льняные панцири. Эллины называют их сирийцами, а варвары – ассирийцами. Предводителем их был Отасп, сын Артахея.

64. Бактрийцы носили на головах шапки, очень схожие с мидийскими, тростниковые бактрийские луки и короткие копья. Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы – [обоюдоострые] боевые секиры. Это-то племя (оно было, собственно, скифским) называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов зовут саками. Бактрийцами и саками предводительствовал Гистасп, сын Дария и Атоссы, дочери Кира.

65. Индийцы выступили в поход в хлопковых одеждах и с камышовыми луками и стрелами с железными наконечниками. Таково было вооружение индийцев. Начальником их был Фарназафр, сын Артабата.

66. Арии же были вооружены мидийскими луками, а остальное вооружение у них было бактрийское. Во главе ариев стоял Сисамн, сын Гидарна. Парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии и дадики шли в поход в таком же вооружении, как и бактрийцы. Начальниками их были: у парфян и хорасмиев – Артабаз, сын Фарнака; у согдийцев – Азан, сын Артея; у гандариев и дадиков – Артифий, сын Артабана.

67. Каспии были одеты в козьи шкуры и вооружены [своими] местными луками из камыша и персидскими мечами. Таково было их вооружение, а начальником их был Ариомард, брат Артифия. Саранги же щеголяли пестро раскрашенными одеждами и сапогами до колен. Луки и копья у них были мидийские. Предводителем их был Ферендат, сын Мегабаза. Пакли носили козьи шкуры, вооружены были местными луками и кинжалами. Во главе пактиев стоял Артаинт, сын Ифамитры.

68. Утии, мики и парикании вооружены были подобно пактиям. Начальниками их были: у утиев – Арсамен, сын Дария; у париканиев же – Сиромитра, сын Эобаза.

69. Арабы были одеты в длинные, высоко подобранные бурнусы[856] и носили на правой стороне очень длинные вогнутые назад [гибкие] луки. Эфиопы же носили барсовые и львиные шкуры. Луки их из пальмовых стеблей имели в длину не менее 4 локтей. Стрелы у них маленькие, камышовые, на конце вместо железного наконечника – острый камень, которым они режут камни на перстнях для печатей. Кроме того, у них были копья с остриями из рога антилопы, заостренными в виде наконечника. Были у них и палицы, обитые железными шишками. Идя в бой, они окрашивали половину тела мелом, а другую – суриком. Во главе арабов и эфиопов, живущих южнее Египта, стоял Арсам, сын Дария и Артистоны, дочери Кира (ее Дарий любил больше всех своих жен и велел сделать для себя ее изображение из чеканного золота)[857]. Итак, предводителем эфиопов, живущих южнее Египта, и арабов был Арсам.

70. Восточные же эфиопы (в походе участвовали два племени эфиопов) были присоединены к индийцам. По внешности они ничем не отличались, а только языком и волосами. Так, у восточных эфиопов волосы прямые, а у ливийских – самые курчавые волосы на свете. Вооружены были эти азиатские эфиопы в основном по-индийски, только на голове они носили лошадиную шкуру, содранную вместе с ушами и гривой. Грива служила вместо султана, причем лошадиные уши торчали прямо. Вместо щитов они держали перед собой как прикрытие журавлиные кожи.

71. Ливийцы выступали в кожаных одеяниях с дротиками, острия которых были

[856] Речь идет об арабах в совр. оазисе Джоф.

[857] Вероятно, золотая статуя богини Анаиты, черты лица которой напоминают царицу. Само слово Анаита, по Гесихию, означает "золотая".

обожжены на огне. Предводителем их был Массагес, сын Оариза.

72. Пафлагонцы шли в поход в плетеных шлемах, с маленькими щитами и небольшими копьями; кроме того, у них были еще дротики и кинжалы. Ноги у них были обуты в местные сапоги, доходившие до середины ноги. Лигии, матиены, мариандины и сирийцы[858] шли в поход в одинаковом с пафлагонцами вооружении. Сирийцев же этих персы зовут каппадокийскими[859]. Во главе пафлагонцев и матиенов стоял Дот, сын Мегасидра; начальником же мариандинов, лигиев и сирийцев был Гобрий, сын Дария и Артистоны.

73. Вооружение фригийцев было весьма похоже на пафлагонское, с небольшим лишь различием. По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались бригами. А после переселения в Азию они вместе с переменой местопребывания изменили и свое имя на фригийцев[860]. Армении[861] же, будучи переселенцами из Фригийской земли, имели фригийское вооружение. Начальником тех и других был Артохм, женатый на дочери Дария.

74. Вооружение лидийцев было почти такое же, как у эллинов. Лидийцы в древности назывались меонами, а [свое теперешнее имя] получили от Лида, сына Атиса. Мисийцы же носили на голове местные шлемы; вооружение их состояло из маленьких щитов и дротиков с обожженным на огне острием. Мисийцы – переселенцы из Лидии, а по имени горы Олимпа[862] они зовутся олимпиенами. Предводителем лидийцев и мисийцев был Артафрен, сын Артафрена, который вместе с Датисом напал на Марафон.

75. У фракийцев в походе на головах были лисьи шапки. На теле они носили хитоны, а поверх – пестрые бурнусы. На ногах и коленях у них были обмотки из оленьей шкуры. Вооружены они были дрожками, пращами и маленькими кинжалами. После переселения в Азию это племя получило имя вифинцев, а прежде, по их собственным словам, они назывались стримониями, так как жили на Стримоне. Как говорят, тевкры и миаийцы изгнали их с мест обитания. Начальником азиатских фракийцев был Бассак, сын Артабана.

76. [... Писидийцы][863] носят маленькие щиты из невыделанных бычьих шкур. Каждый вооружен охотничьим копьем ликийской работы, а на голове у них медные шлемы; на шлемах приделаны медные бычачьи уши и рога, а сверху – султаны. Ноги у них были обмотаны красными тряпками. У этого народа есть прорицалище Ареса.

77. Кабалии – меонийское племя, которых зовут также ласониями, вооружены по-киликийски (об этом я расскажу, когда перейду к киликийским отрядам). У милиев же были короткие копья и плащи, застегивающиеся [на плече] пряжкой. Некоторые из них носили ликийские луки, а на голове – кожаные шлемы. Всеми этими народностями предводительствовал Бадр, сын Гистана.

78. У мосхов на голове были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты и копья с длинными наконечниками. Тибарены, макроны и моссиники шли в поход вооруженными, как мосхи. Начальниками их были: у мосхов и тибаренов Ариомард, сын Дария и Пармисы, дочери Смердиса, внучки Кира; у макронов же и моссиников Артаикт, сын Херасмия, который был сатрапом на Геллеспонте.

79. Мары носили на головах плетеные туземные шлемы. Вооружение их –

[858] Здесь соединены племена из различных стран по их одинаковому вооружению в одну военную единицу.

[859] Греки сирийцами называли также каппадокийцев, живших на каппадокийском берегу Понта.

[860] Геродот сообщает здесь о переселении фригийцев из Фракии. Это переселение стояло в связи с движением на юг дорийских племен и армянским переселением в Переднюю Азию и привело к падению хеттского царства.

[861] Армении, по Геродоту, так же как и фригийцы, переселились из Фракии.

[862] Имеется в виду мисийский Олимп (совр. Кешиш-даг).

[863] Лакуна в тексте. По связи речь шла о писидийцах, которые обитали в труднодоступной горной области к северу от залива Анталия.

маленькие кожаные щиты и дротики. У колхов же на головах были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья и, кроме того, еще кинжалы. Во главе маров и колхов стоял Фарандат, сын Теаспия. Алародии же и саспиры выступали в поход вооруженными, как колхи. Предводителем их был Масистий, сын Сиромитры.

80. Племена с островов Красного моря[864] (именно, с тех островов, где царь поселил так называемых изгнанников) были одеты и вооружены совершенно по-мидийски. Предводителем этих островитян был Мардонт, сын Багея, который через два года после этого погиб во главе [персидского флота] в битве при Микале[865].

81. Эти народности сражались на суше и составляли пешее войско. Предводителями их были названные мною люди. Они выстроили свои отряды в боевом порядке и подсчитали число воинов. Затем они назначили начальников тысяч и десятков тысяч, а начальники десятков тысяч в свою очередь поставили сотников и десятников. Кроме того, у отдельных отрядов и народностей были еще и другие предводителями.

82. Итак, военачальниками были эти названные мною люди. Во главе же их и всего сухопутного войска стояли Мардоний, сын Гобрия; Тритантехм, сын Артабана, который подал совет против похода на Элладу; Смердомен, сын Отана (оба они – сыновья братьев Дария, двоюродные братья Ксеркса); Масист, сын Дария и Атоссы; Гергис, сын Ариаза, и Мегабиз, сын Зопира.

83. Это были начальники всего сухопутного войска, кроме 10 000 персов. Во главе этого отряда 10 000 отборных персидских воинов стоял Гидарн, сын Гидарна. Этот отряд персов называли "бессмертными", и вот почему. Если кого-нибудь постигала смерть или недуг и он выбывал из этого числа, то [на его место] выбирали другого и [потому в отряде] всегда бывало ровно 10 000 воинов – не больше и не меньше[866]. Из всех народностей лучше всего держали боевой порядок персы, и они были самыми доблестными. Снаряжение их было такое, как я уже сказал, а кроме того, они блистали множеством роскошных золотых украшений. Их сопровождали повозки с наложницами и множеством прислуги в богатых одеждах. Продовольствие для них везли (отдельно от прочих воинов) на верблюдах и вьючных животных.

84. В коннице [Ксеркса], впрочем, служили не все народности, а только следующие: прежде всего персы. Они носили то же вооружение, как и пешие, но только у некоторых на голове были медные, чеканной работы и железные шлемы.

85. Среди них есть некое кочевое племя по имени сагартии. По происхождению и языку – это персидская народность, но одежда их наполовину персидская, наполовину пактийская. Они выставляли 8000 всадников; бронзового или железного оружия у них, по обычаю, нет, кроме кинжалов. Вместо этого у них только плетенные из ремней арканы. С этими-то арканами они и идут в бой. Сражаются они так: сойдясь с врагом, они забрасывают арканы с петлей и затем тащат к себе, кого они поймают – коня или человека. Люди, пойманные в аркан, погибают. В битве сагартии стояли возле персов.

86. Мидийские всадники были снаряжены подобно своим пехотинцам, так же и киссии. Индийские же всадники носили одинаковое снаряжение с пешими воинами, но ехали не только верхом на конях, но и на колесницах, запряженных конями и дикими ослами[867]. Вооружение бактрийских всадников было то же, что и

[864] Лакуна в тексте. По связи речь шла о писидийцах, которые обитали в труднодоступной горной области к северу от залива Анталия.

[865] Речь идет об островах в Персидском заливе.

[866] Наряду с разделением по родам оружия в персидском войске существовало, таким образом, членение на отряды по 10000, 1000 и на более мелкие подразделения. Эта новая организация войска сменила старое деление по племенам. Алтайские кочевники переняли эту новую организацию войск от иранцев.

[867] На этих индийских колесницах, запряженных четверкой коней, находились возница и два лучника.

у пеших воинов, точно так же и у каспиев. И ливийцы имели одинаковое вооружение с пешими воинами. Все эти народности также ехали на колесницах. Каспии и парикании были вооружены так же, как и пешие воины. У арабов тоже было одинаковое вооружение с пешими воинами, но все они ехали на верблюдах[868], по быстроте не уступающих коням.

87. Только одни эти народности служили в коннице. Численность же конницы составляла 80 000 всадников, не считая верблюдов и колесниц. Всадники [других народностей] были построены эскадронами, арабские же [всадники] стояли последними. Ведь кони не могли выносить верблюдов, и, чтобы кони не пугались, их поставили позади.

88. Начальниками конницы были Гармамифрас и Тифей, сыновья Датиса. Третий же начальник – Фарнух занемог и остался в Сардах. При выступлении из Сард с ним приключилось неприятное происшествие. Когда Фарнух ехал верхом, под ногами коня пробежала собака, и конь, не заметив ее, в испуге стал на дыбы и сбросил всадника. После падения Фарнух стал харкать кровью и недуг перешел в чахотку. С конем же слуги тотчас поступили по его приказу: отведя коня на то место, где он сбросил своего хозяина, они отсекли ему ноги по колени. Так Фарнух вынужден был расстаться с должностью начальника.

89. Число триер [во флоте Ксеркса] было 1207. Выставили же эти [корабли] следующие народности: финикияне вместе с сирийцами, что в Палестине, – 300 триер. Вооружены они были так: на головах воинов были шлемы почти такие же, как у эллинов. Затем они носили льняные панцири, щиты без [металлических] ободьев и дротики. Эти финикияне, по их же словам, в древности обитали на Красном море[869], а впоследствии переселились оттуда и ныне живут на сирийском побережье. Эта часть Сирии и вся область вплоть до Египта называется Палестиной. Египтяне же выставили 200 кораблей. Они носили плетеные шлемы, выпуклые щиты с широкими [металлическими] ободьями, морские [абордажные] копья и большие секиры. У большинства были панцири и длинные ножи. Так они были вооружены.

90. Жители острова Кипра доставили 150 кораблей. Снаряжение у них было вот такое: цари их носили головные повязки, а все прочие – хитоны; в остальном они были одеты по-эллински. Они происходят из следующих земель: из Саламина, Афин, Аркадии, Кифна, Финикии и Эфиопии, как говорят сами киприоты[870].

91. Киликийцы же снарядили 100 кораблей. Они носили на голове шлемы опять-таки особого местного вида, круглые щиты из бычьей кожи вместо больших щитов и шерстяные хитоны. У каждого было по два дротика и меч, весьма схожий с египетскими ножами. В древности киликийцы назывались гипахеями, а свое теперешнее имя получили от Килика, сына Агенора, финикиянина. Памфилы доставили 30 кораблей и были вооружены по-эллински. Эти памфилы ведут свое происхождение от [эллинов] из отрядов Амфилоха и Калханта, рассеявшихся из-под Трои[871].

92. Ликийцы доставили 50 кораблей. Они носили панцири и поножи, кизиловые луки, неоперенные камышовые стрелы и дротики. На плечах у них были накинуты козьи шкуры, а на головах – шапки, увенчанные перьями. Кроме того, у них были еще кинжалы и серпы. Ликийцы родом критяне и назывались [прежде]

[868] Здесь были также арабские всадники на верблюдах, которые помогли Киру выиграть битву с Крезом {ср. I 80).

[869] Здесь имеется в виду совр. Персидский залив. По Геродоту, финикияне (арамеи) ок. 1400 г. до н.э. из области Персидского залива дошли до сирийского побережья Средиземного моря около совр. Алеппо.

[870] На о. Кипре Геродот выделяет три слоя населения: греки (пришли на остров ок. 1350 г. до н.э.), финикияне и эфиопы (исконное население).

[871] Греческие переселенцы в Памфилии были ахейцами и пришли из Пелопоннеса в XIV в. до н.э.

термилами[872]; свое же теперешнее имя они получили от Лика, сына Пандиона, афинянина.

93. Азиатские дорийцы доставили 30 кораблей. Они вооружены по-эллински и родом из Пелопоннеса. Карийцы же выставили 70 кораблей. Вооружение у них было также эллинское, но, кроме того, еще серпы и кинжалы. Как они назывались раньше, я уже рассказал в первой книге моего труда[873].

94. Ионяне снарядили 100 кораблей и были вооружены по-эллински. Пока ионяне жили в Пелопоннесе в теперешней Ахее, т. е. до прихода Даная и Ксуфа в Пелопоннес, они назывались, по эллинскому преданию, пеласгами и эгиалеями[874]. Затем от Иона, сына Ксуфа, они получили имя ионян.

95. Жители островов выставили 17 кораблей; вооружены они были по-эллински. Они также принадлежали к пеласгическому племени и впоследствии были названы ионянами по той же причине, как и переселенцы из Афин – жители двенадцати ионийских городов. Эолийцы доставили 16 кораблей; вооружены они были так же, как эллины, и назывались в древности, по эллинскому преданию, пеласгами. Геллеспонтийцы – все другие жители Понта, кроме абидосцев (абидосцам было приказано царем оставаться на месте и охранять мосты) – снарядили 100 кораблей и были вооружены, как эллины. Эти города – частью ионийские, частью дорийские колонии.

96. На всех кораблях, кроме местных воинов, находились еще персидские, мидийские и сакские воины. Из этих кораблей лучше всех на плаву были финикийские, а из финикийских – сидонские. У всех этих народностей (и у тех, которые составляли пешее войско) были еще и свои собственные военачальники. Их имена я, однако, не привожу, так как это вовсе не нужно для моего повествования. Ведь не о каждом предводителе народности стоит упоминать. Сколько было городов у каждого племени, столько было у них и предводителей, и все они являлись не военачальниками, а простыми воинами. Подлинных же военачальников, поскольку в отрядах каждого отдельного племени полновластными начальниками были персы, я уже назвал.

97. Предводителями же флота были: Ариабигн, сын Дария; Прексасп, сын Аспафина; Мегабаз, сын Мегабата, и Ахемен, сын Дария. А именно, во главе ионийского и карийского флота стоял Ариабигн, сын Дария и дочери Гобрия; египетским флотом начальствовал Ахемен, родной брат Ксеркса; предводителем остальных кораблей были два других начальника [из этих четырех]. Число 30-весельных, 50-весельных кораблей, легких судов и длинных грузовых судов для перевозки лошадей доходило до 3000.

98. Наиболее выдающимися после военачальников во флоте были сидонянин Тетрамнест, сын Аниса; тириец Маттен, сын Сирома; Мербал, сын Агбала из Арада; киликиец Сиеннесий, сын Оромедонта; ликиец Киберниск, сын Сика; Горг из Кипра, сын Херсия, и Тимонакт, сын Тимагора; карийцы Гистией, сын Тимна, Пигрет, сын Гисселдома, и Дамасифим, сын Кандавла.

99. Говорить об остальных начальниках нет необходимости. Упомяну лишь об Артемисии – женщине, которой я весьма удивляюсь за то, что она выступила в поход на Элладу. После кончины своего супруга она взяла верховную власть в свои руки и с мужественной отвагой собралась в поход, хотя при малолетнем сыне ее к этому не принуждали. Имя ее было Артемисия. По отцу она происходила из Галикарнасса (она была дочерью Лигдамида), а по матери – из Крита. Она предводительствовала кораблями из Галикарнасса, Коса, Нисира и Калидны и снарядила 5 кораблей. Эти корабли после сидонских были самыми лучшими во всем флоте, и советы, которые Артемисия давала царю, из всех советов участников

[872] Ср. выше, I 173.

[873] Ср. выше, I 171.

[874] Мифы о Данае и Ксуфе указывают на два важных фактора в образовании древнегреческих городов-государств: во-первых, на "Египет", под которым следует разуметь о. Крит с его древней культурой, и, во-вторых, на дорийских и ионийских переселенцев, которые проникли на юг через Фессалию.

похода были наиболее полезными. Я хочу еще упомянуть, что население перечисленных мною городов, подвластных Артемисии, было чисто дорийским: галикарнассцы ведь вышли из Трезена, а прочие – из Эпидавра. Столько сведений я сообщил о кораблях.

100. После подсчета своих сил Ксеркс велел построить войско в боевой порядок и пожелал сам сделать ему смотр, проехав [между рядами]. Затем царь стал объезжать на колеснице один за другим отряды отдельных племен и спрашивал имя [каждой народности], а писцы записывали, пока он не осмотрел все пешее войско и конницу из конца в конец. Потом, после спуска кораблей на воду, Ксеркс перешел с колесницы на сидонский корабль, сел на нем под золотой сенью[875] и поплыл мимо кораблей, обращенных к нему носами. Здесь так же, как во время смотра на суше, царь расспрашивал имена племен и велел записывать. Навархи же, выведя корабли в море на 4 плефра от берега, повернули их носами к суше. Затем выстроили корабли в одну линию, а воинов морской пехоты привели в полную боевую готовность. Ксеркс плыл между носами кораблей и берегом и производил смотр.

101. Проплыв между кораблями, Ксеркс сошел с корабля на берег и затем велел послать за Демаратом, сыном Аристона (он участвовал в походе на Элладу). Призвав Демарата, царь сказал ему так: "Демарат! Мне угодно теперь задать тебе вопрос. Ты эллин и, как я узнал от тебя и от прочих эллинов, с которыми мне пришлось говорить, не из самого ничтожного и слабого города. Скажи же мне теперь: дерзнут ли эллины поднять на меня руку? Ведь, мне думается, даже если бы собрались все эллины и другие народы запада, то и тогда не могли бы выдержать моего нападения, так как они не действуют заодно. Но все же мне желательно узнать твое мнение. Что ты скажешь о них?". Так спрашивал царь, а Демарат отвечал: "Царь! Говорить ли мне правду или тебе в угоду? ". Ксеркс приказал ему говорить правду, прибавив, что, как и раньше, не оставит его своими милостями.

102. Услышав ответ царя, Демарат сказал так: "Царь! Так как ты велишь мне непременно говорить правду так, чтобы потом за это меня нельзя было уличить во лжи, то скажу тебе. Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании. Я воздаю, конечно, хвалу всем эллинам, живущим в дорийских областях. Однако то, что я хочу теперь тебе поведать, относится не ко всем им, но только к лакедемонянам. Прежде всего они никогда не примут твоих условий, которые несут Элладе рабство. Затем они будут сражаться с тобой, даже если все прочие эллины перейдут на твою сторону. Что же до их численности, то не спрашивай, сколько у них боеспособных воинов. Ведь если их выйдет в поход только тысяча или около того, то все равно они будут сражаться!".

103. Выслушав такую речь, Ксеркс заметил со смехом: "Демарат! Какие слова слетели с твоих уст! Тысяча воинов будет биться со столь великим войском! Ведь ты говорил, что сам был царем этого народа, так сможешь ли сейчас один устоять против десяти? Если весь ваш народ действительно таков, как ты его описываешь, то тебе-то, их царю, следовало бы, по вашим законам, выйти против двойного числа врагов. Ведь если каждый спартанец стоит десяти моих воинов, то можно ожидать, что ты равноценен по крайней мере двадцати моим воинам. И тогда я поверю, что ты говоришь правду. Если же они силой и статностью такие же люди, как и ты и другие эллины, с которыми мне довелось общаться, то вы только похваляетесь. Смотри, как бы такие речи не оказались пустым хвастовством. Рассуди же по всему вероятию и разумно. Возможно ли, чтобы 1000, 10 000 или даже 50 000 воинов, к тому же одинаково свободных и без единого начальника, могли устоять против столь великого войска? Ведь если у них 5000 воинов, то у нас на каждого спартанца придется свыше 1000. Конечно, будь они под начальством одного человека (по нашему персидскому обычаю), то из страха

[875] Имеется в виду золоченый балдахин.

перед ним они могли бы выказать сверхчеловеческую храбрость и под ударами бичей напали бы даже на численно превосходящего врага. Напротив, представленные самим себе, они, конечно, не в состоянии совершить ничего подобного. А мне думается, что эллины, даже численно равные, с трудом устоят против одних персов. Только у нас, однако, действительно есть то, о чем ты говоришь; правда, встречается это довольно редко: среди моих копьеносцев есть такие, что могут легко справиться сразу с тремя эллинами. Ты ничего этого не знаешь и поэтому болтаешь много вздора!".

104. На это Демарат ответил так: "Царь! Я уже заранее знал, что мои правдивые слова придутся тебе не по душе. Но так как ты велел мне быть совершенно искренним, то я и говорил тебе так о спартанцах. Тебе самому, впрочем, прекрасно известно, как я именно теперь люблю спартанцев, которые отняли у меня царские почести и наследственные права, сделав лишенным родины изгнанником. Родитель же твой принял меня и дал средства для жизни и кров. Ведь не дело разумному человеку отвергать столь великие благодеяния, но, напротив, следует высоко ценить и проявлять благодарность. Я не стану утверждать, что могу сражаться ни с десятью, ни с двумя противниками, а добровольно я не вступил бы даже в единоборство. В случае же необходимости или если бы меня ожидала великая награда за победу, я с превеликим удовольствием сразился бы с одним из тех воинов, которые, по твоим словам, могут сражаться сразу с тремя эллинами. Так дело обстоит и с лакедемонянами: в единоборстве они сражаются столь же храбро, как и другие народы, а все вместе в бою они доблестней всех на свете. Правда, они свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка – это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть. Если эти мои слова кажутся тебе пустой болтовней, то впредь об остальном я ничего тебе не скажу. Впрочем, да будет все, царь, по твоей воле!"[876].

105. Так отвечал Демарат, а Ксеркс, обратив весь разговор в шутку, вовсе не разгневался, но милостиво отпустил его. После этого Ксеркс назначил Маскама, сына Мегадоста, наместником Дориска, сместив [прежнего наместника], поставленного Дарием. Затем царь повел войско дальше через Фракию на Элладу.

106. Маскам же, которого Ксеркс оставил наместником, проявил себя прежде таким превосходным правителем, что царь только ему одному посылал дары, как самому лучшему сатрапу из всех поставленных им самим или Дарием. Посылал же он дары ежегодно. Впоследствии такие же дары посылал потомкам Маскама и Артоксеркс, сын Ксеркса. Ведь еще ранее, до этого похода, были поставлены наместники по всей Фракии и Геллеспонту. Все эти фракийские и геллеспонтские наместники после этой войны были изгнаны эллинами. Маскама же в Дориске им не удалось изгнать и поныне, несмотря на неоднократные попытки. Поэтому-то правящий персами царь всегда посылает ему упомянутые дары.

107. Из других наместников, изгнанных эллинами, царь Ксеркс никого не признавал доблестным, кроме одного лишь Бога из Эиона. Его царь непрестанно восхвалял, а сыновей его, живших в Персии, осыпал почестями. И действительно, в высшей степени Бог заслужил такие отличия. Осажденный афинянами во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, он получил по договору позволение выйти [из крепости] и возвратиться в Азию. Однако Бог не пожелал воспользоваться этим (дабы царь не подумал, что он, как трус, спасает свою жизнь), но держался до последнего. Когда в крепости не осталось больше продовольствия, Бог велел сложить огромный костер; затем, заколов своих детей, жену, наложниц и слуг, бросил их тела в огонь[877]. Потом все золото и серебро из города он высыпал со стены в Стримон и, наконец, бросился сам в огонь. За этот подвиг, как это и подобает, персы восхваляют его еще и до сего дня.

108. Из Дориска Ксеркс продолжал поход на Элладу и все племена на своем

[876] Этот диалог между Ксерксом и Демаратом, по-видимому, выдуман Геродотом.

[877] Самосожжение Бога можно понять как жертву богу солнца Митре.

пути заставлял присоединяться к персидскому войску. Ведь, как я упоминал уже раньше[878], вся страна вплоть до Фессалии была подчинена царю и платила ему дань. Покорил же ее Мегабаз, а позднее Мардоний. По пути из Дориска Ксеркс миновал сначала самофракийские укрепления, из которых дальше всего на запад расположен город по имени Месамбрия. С ним граничит город фасосцев Стрима. Между этими городами протекает река Лис; в ней не хватило тогда воды для Ксерксова войска, и река иссякла. Область эта в древности называлась Галлаикой, теперь же Бриантикой, но принадлежит, собственно, еще киконам.

109. Перейдя высохшее русло реки Лиса, Ксеркс миновал эллинские города: Маронею, Дикею и Абдеры. Затем он прошел мимо некоторых известных озер поблизости от этих городов, а именно мимо Исмариды, что между Маронеей и Стримой, и мимо Бистониды, лежащей у Дикеи, куда впадают две реки – Травос и Компсатос. У Абдер Ксеркс не встретил никакого известного озера, но зато пересек реку Нест, текущую в море. Отсюда царь прошел мимо городов, лежащих внутри страны, один из которых находится на озере около 30 стадий в окружности (озеро это богато рыбой и очень соленое). Озеро иссякло, когда только вьючные животные выпили из него воду. Город этот называется Пистир.

110. Ксеркс оставил с левой стороны все эти эллинские города у моря. Фракийские же народности, через земли которых проходил царь, были вот какие: петы, киконы, бистоны, сапеи, дерсеи, эдоняне и сатры. Из них те, что обитали на побережье, следовали за войском на кораблях. Все же остальные упомянутые племена, живущие внутри страны, кроме сатров, должны были служить в сухопутном войске.

111. Что до сатров, то они, насколько нам известно, никогда не были никем покорены. Только они одни из фракийцев сохранили свободу до наших времен. Они живут высоко в горах, покрытых разнообразным лесом и снегом, и отличаются воинственностью. В их владении знаменитое прорицалище Диониса[879]. Прорицалище же это находится высоко в горах, и бессы (один из родов сатров) толкуют прорицания при храме. Оракулы, как в Дельфах, изрекает главная жрица, и [вообще] все происходит, как и в других прорицалищах.

112. Пройдя упомянутую область, Ксеркс миновал затем города пиерийцев, из которых один называется Фагрет, а другой Пергам. Здесь он шел мимо самих городов, оставляя вправо Пангей, большую и высокую гору с золотыми и серебряными рудниками. Обитают в этой стране пиерийцы, одоманты, и прежде всего сатры[880].

113. Затем Ксеркс двинулся на запад мимо области пеонов, доберов и пеоплов, живущих на севере от Пангея, пока не достиг реки Стримона[881] и города Эиона, где правителем был (тогда еще бывший в живых) только что упомянутый Бог. А область эта у горы Пангея называется Филлидой. На запад она простирается до реки Ангиты, притока Стримона, а на юг – до самого Стримона. Этой реке маги принесли жертву закланием белых коней[882].

114. Совершив эти и еще много других магических обрядов в честь этой реки, персы переправились по мостам через реку у Эннеагодой в Эдонийской области (на Стримоне они нашли уже построенный мост). Узнав, что это место называется Эннеагодой, они принесли в жертву там столько же мальчиков и девочек из числа местных жителей, закопав их живыми в землю. Закапывать жертвы живыми – это персидский обычай. Как я узнал из рассказов, супруга Ксеркса Аместрида, достигнув преклонного возраста, велела закопать живыми 14 сыновей знатных

[878] Ср. VII 59.

[879] Ср. выше, V 7.

[880] Эти племена жили в области горы Крушницы.

[881] Ксеркс избрал путь южнее горы Крушницы, ведущий к Стримону.

[882] Маги приносили жертву не богу реки, а Митре, которому были посвящены белые кони. Митра был также богом победы.

персов в благодарность богу, живущему, как говорят, под землей[883].

115. Продолжая путь от Стримона далее на запад, войско миновало приморский эллинский город Аргил. Область эта и лежащая под нею часть страны называется Бисалтией. Отсюда, оставив влево залив у Посидея, войско прошло по так называемой равнине Силея мимо эллинского города Стагира и прибыло в Аканф. Царь вел с собой как эти, так и племена, обитающие у горы Пангея, а также и все вышеупомянутые народности, причем приморские жители должны были служить на кораблях, а народности, жившие вдали от моря, – в сухопутном войске. Дорогу же эту, по которой царь Ксеркс вел свое войско, фракийцы не разрушают и не засевают, но до сих пор весьма почитают как священную[884].

116. По прибытии в Аканф Ксеркс объявил жителей города своими гостеприимцами и пожаловал им мидийскую одежду. Царь хвалил их, так как видел их усердие на войне и получил донесение о том, что они прилежно рыли канал.

117. Во время стоянки Ксеркса в Аканфе скончался от недуга Артахей, начальник [строительства] канала. Он пользовался уважением Ксеркса и происходил из рода Ахеменидов. Ростом Артахей превосходил всех персов (без четырех пальцев пять царских локтей) и отличался самым зычным голосом. Смерть его была поэтому для Ксеркса великим несчастьем, и царь повелел устроить ему пышные похороны. Все войско насыпало курган над его могилой. Этому-то Артахею по велению оракула жители Аканфа приносят жертвы, как герою, призывая его [в молитвах] по имени[885].

118. Итак, царь Ксеркс был опечален гибелью Артахея. Эллинские же города, которые принимали у себя персидское войско и должны были угощать Ксеркса, впали в великую нужду, так что граждане их даже лишились своих жилищ и имущества. Так, фасосцам (им пришлось принимать и угощать войско Ксеркса за их города на материке), например, угощение стоило 400 талантов серебром, как указал выбранный [ими для этого] Антипатр, сын Оргея, один из самых уважаемых граждан.

119. Столь же велики примерно были и расходы прочих городов, как показали отчеты начальников, [ведавших продовольствием войска]. Угощение происходило так: о прибытии войска сообщалось задолго и каждый делал все, что мог. Лишь только объявляли приказ [заготовлять продовольствие], хлебные запасы распределялись между всеми гражданами, которые мололи пшеничное и ячменное зерно в течение многих месяцев. Затем откармливали наиболее ценное поголовье скота, какое только могли найти, разводили птицу в клетках и прудах, живущую на суше и водоплавающую, на продовольствие войску. Приготовляли также золотые и серебряные кубки, сосуды для смешения вина и всю прочую столовую утварь. Эти вещи были предназначены, конечно, только для самого царя и его сотрапезников; остальному же войску полагалось лишь пропитание. Куда бы войско ни приходило, всюду разбивался шатер, в котором располагался Ксеркс, а все войско отдыхало под открытым небом. Когда наступала обеденная пора, у хозяев, принимавших войско, было много хлопот. Персы же, насытившись, оставались там на ночлег. А на следующий день они снимали шатер, брали с собой всю [золотую и серебряную] утварь и уходили дальше, ничего не оставляя.

120. Тогда-то некто Мегакреон из Абдер высказал здравое замечание. Он дал совет абдеритам всенародно (мужчинам и женщинам) отправиться в свои святилища и молить богов о защите, прося их об избавлении впредь от половины грядущих бед. За прошлые же страдания следует принести богам великую благодарность, именно за то, что Ксеркс не привык обедать дважды в день: если бы кроме обеда им приказали готовить еще и столь же обильный завтрак, то

[883] Человеческие жертвы в эпоху Геродота были редкостью.

[884] Фракийские племена считали персидского царя богом, а путь, по которому он шел, священным.

[885] За "благодеяния" городу, т. е. из-за выгоды, полученной от строительства канала, Артахей был причислен к героям, владыкам подземного мира.

пришлось бы на выбор: либо вовсе не ожидать прихода Ксеркса, либо оставаться на страшную погибель.

121. Все же эллинским городам под давлением необходимости приходилось выполнять царское повеление. Ксеркс же отдал приказ военачальникам флота отплыть из Аканфа и ожидать его в Ферме. А Ферма лежит именно в Фермейском заливе (от нее и залив этот получил свое название). Ведь, как царь узнал, через Ферму проходил самый короткий путь для войска. От Дориска до Аканфа войско двигалось в таком порядке: все сухопутное войско Ксеркс разделил на три части. Одной части он приказал идти вместе с флотом вдоль побережья. Во главе этого отряда стояли Мардоний и Масист. Вторая часть войска под предводительством Тритантехма и Гергиса шла дорогой, ведущей в глубь страны. Третья же часть, с которой следовал сам Ксеркс, под начальством Смердомена и Мегабиза двигалась посредине между двумя первыми.

122. Итак, флот был отослан Ксерксом и прошел Афонским каналом в залив, где лежат города Асса, Пилор, Синг и Сарта. Взяв из этих городов также [пополнение] для команды, корабли поплыли дальше в Фермейский залив. Затем, обогнув мыс Ампел у Тороны, флот миновал следующие эллинские города: Торону, Галепс, Сермилу, Мекиберну и Олинф[886]. Из всех этих городов были взяты корабли и команды. Область эта называется Сифонией.

123. От мыса Ампел флот Ксеркса поплыл прямо к Канастрейскому мысу, а этот мыс на всей Паллене далее всего выдается в море. Здесь опять взяли корабли с командой из Потидеи, Афития, Неаполя, Эги, Ферамбо, Скионы, Менды и Саны. Это – города на Паллене, которая прежде называлась Флегрой. Миновав и эту область, флот поплыл к месту назначения, принимая по пути команды из пограничных с Палленой городов, что лежат по соседству с Фермейским заливом. Названия этих городов такие: Липакс, Комбрия, Лисы, Гигон, Кампса, Смила, Энея. Область же, где они расположены, еще и поныне называется Кроссеей[887]. От Энеи же (последнего из названных городов) флот направился теперь в самый Фермейский залив и к Мигдонской области. Так флот прибыл в условленное место – Ферму и к городам Синду и Халестре на реке Аксии, которая образует границу между Мигдонией и Боттиеидой. На узкой прибрежной полосе в Боттиеиде лежат города Ихны и Пелла[888].

124. Итак, флот Ксеркса бросил якорь в ожидании [подхода] царя [у побережья] от устья реки Аксия до города Фермы и лежащих между ними городов. Ксеркс же во главе сухопутного войска выступил из Аканфа, избрав прямой путь через внутренние области страны на Ферму. Путь лежал через Пеонию и Крестонию к реке Эхидору. Река эта берет начало в Крестонии, протекает через Мигдонию и впадает в болото на реке Аксии[889].

125. Когда войско шло по этой местности, то на вьючных верблюдов с продовольствием напали львы. Ночью львы спускались из логовищ. Они не трогали, однако, ни вьючных животных, ни людей, а нападали только на верблюдов. Удивляюсь, что за причина заставляла львов оставлять в покое всех прочих животных и набрасываться лишь на верблюдов: львы ведь не видали прежде этих животных и не пробовали [их мяса].

126. В этой местности водится много львов и диких быков, огромные рога которых [торговцы] ввозят в Элладу. Границей обитания львов служат реки Нест,

[886] Здесь Геродот описывает путь одной части персидского флота, которая должна была произвести реквизицию кораблей и набор команды в городах залива Кассандры. Главные силы персидского флота шли прямо от мыса Дрепанон к мысу Палинури.

[887] Эти городки представляли собой цепь маленьких укреплений, прикрывавших вход в Салоникский залив.

[888] Здесь описывается узкий коридор, соединявший тогда Македонию с Салоникским заливом и доходивший до моря у устья Аксия (совр. Вардара).

[889] Ксеркс направился от залива Орфани внутри страны и дошел до р. Галика, впадающего в море.

текущая через область Адбер, и Ахелой, пересекающая Акарнанию[890]. Ведь к востоку от Неста во всей передней части Европы не увидишь льва, точно так же как и к западу от Ахелоя на остальном материке. Львы встречаются только между этими [двумя] упомянутыми реками.

127. По прибытии в Ферму Ксеркс расположился там станом со своим войском. Стан же войска занял все побережье от города Фермы в Мигдонии вплоть до рек Лидия и Галиакмона, которые отделяют область Боттиеиду от земли македонян, сливая свои воды в одно русло. В этих-то местах варвары и разбили свой стан. Из всех перечисленных рек в одном только Эхидоре, вытекающем из земли крестонов, не хватило воды для питья войску. Вода в реке иссякла.

128. Из Фермы Ксеркс обозревал огромные фессалийские горы – Олимп и Оссу – высотой до облаков; между ними, как ему рассказывали, лежит узкая долина, по которой течет Пеней[891]. Царь слышал также, что там проходит дорога в Фессалию, и жаждал осмотреть с корабля устье Пенея, так как войско должно было идти верхним путем через землю македонян на севере в область перребов, минуя город Гонн[892]. Здесь ведь путь, как он узнал, был самым надежным. А, возгоревшись желанием, царь выполнил свой замысел. Взойдя на борт сидонского корабля, на который он обычно садился в подобных случаях, Ксеркс дал знак остальным кораблям выходить в море, войску же приказал оставаться в Ферме. Прибыв туда и обозрев устье Пенея, царь пришел в великое изумление. Затем он призвал проводников и спросил, нельзя ли отвести реку и заставить ее изливаться [в море] в другом месте.

129. Фессалия в древности, как гласит предание, была озером. И действительно, эта страна со всех сторон окружена высочайшими горами. На востоке она ограничена горами Пелионом и Оссой, предгорья которых сходятся друг с другом, на севере – Олимпом, на западе – Пиндом, – а на юге – Офрисом. В середине между этими горами находится фессалийская котловина. В эту-то котловину стекает множество рек. Наиболее значительных рек пять: Пеней, Апидан, Онохон, Энипей и Памис. Они стекают как самостоятельные реки в фессалийскую равнину с гор, кольцом окружающих Фессалию. Затем, слившись в единую реку, они впадают в море через одно и притом узкое ущелье. Сразу же после слияния только Пеней сохраняет свое имя, а все остальные реки становятся безымянными. По рассказам, упомянутой котловины и этого речного протока в древности еще не существовало; реки же эти и кроме них еще и Бебеидское озеро уже стекали в равнину, хотя и не носили теперешних названий, превращая всю Фессалию в море. Сами же фессалийцы утверждают, что ущелье, по которому течет Пеней, проломал Посейдон. И они, вероятно, правы. Ведь если верить, что Посейдон производит землетрясение, и приписывать этому богу возникшие от землетрясений расселины, то, конечно, посмотрев и на эту расселину, можно счесть и ее делом Посейдона. Расселина эта между горами, по-видимому, возникла под действием землетрясения.

130. А проводники на вопрос Ксеркса, есть ли у Пенея второе устье для выхода в море, зная точно местность, ответили так: "У этой реки, царь, нет другого выхода в море, кроме этого. Ведь горы, как венцом, окружают всю Фессалию". В ответ на это Ксеркс, говорят, сказал: "Хитрые люди – фессалийцы. Вот почему они, давно уже опасаясь моего могущества, одумались, так как поняли, как легко и быстро можно овладеть их страной. Стоит ведь лишь направить реку в их землю, отведя плотиной воды Пенея, преградить ему путь через ущелье, где он течет ныне, так что вся Фессалия, кроме гор, окажется под водой". Эти слова Ксеркса относились к

[890] В микенское время, как показывают изображения, львы еще водились повсюду в Греции.

[891] Темпейская долина длиной в 7 км, по которой протекает р. Пеней.

[892] Ксеркс с главными силами через долину Верхней Вистрицы и затем, вероятно, через проход Волустана достиг Фессалийской области. Другая группа персидской армии шла через Темпейскую долину мимо г. Гонна. Этот марш двух разных групп персидской армии имел целью затруднить оборону горных проходов на пути по побережью.

Алевадам, так как они, будучи фессалийцами, первыми из эллинов изъявили покорность царю, как думал Ксеркс, от имени всего народа Фессалии. После этого, обозрев устье, царь отплыл назад в Ферму.

131. Много дней Ксеркс оставался в Пиерийской области. Отряд, [составлявший] третью часть персидского войска, прорубал просеку в лесу на македонских горах, чтобы [по проложенной] здесь дороге все войско могло пройти в землю перребов. Тем временем возвратились глашатаи, отправленные царем в Элладу с требованием покорности: одни – с пустыми руками, а другие – неся землю и воду.

132. В числе же племен, которые дали землю и воду, были следующие: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы[893] и остальные беотийцы[894], кроме феспийцев и платейцев. Против них-то прочие эллины, которые объявили войну варварам, заключили освященный жертвоприношением и клятвой союзный договор. А договор этот гласил так: всякий эллинский город, предавшийся персидскому царю, не вынужденный [к этому] необходимостью, в случае победы союзников обязан уплатить десятину дельфийскому богу. Таков был союзный договор эллинов[895].

133. В Афины же и в Спарту Ксеркс не отправил глашатая с требованием земли [и воды], и вот по какой причине. Когда Дарий прежде отправил туда послов, требуя покорности, то афиняне сбросили их в пропасть, а спартанцы – в колодец и велели им оттуда принести [царю] землю и воду. Поэтому-то Ксеркс теперь и не послал к ним глашатаев с требованием покорности. Какое несчастье постигло афинян за их поступок, я не могу сказать, кроме того, что их земля и сам город были разорены. Впрочем, мне думается, опустошение [Аттики] произошло не из-за этого.

134. Что до лакедемонян, то их поразил гнев Тальфибия, глашатая Агамемнона. Ведь в Спарте есть святилище героя Тальфибия, и существуют также его потомки, так называемые Тальфибиады, которым предоставлено преимущественное право выполнять должность глашатаев. После умерщвления глашатаев у спартанцев все [предзнаменования] при жертвоприношениях выпадали неблагоприятными. И это продолжалось долгое время. Лакедемоняне были глубоко встревожены, предаваясь печали из-за этого несчастья. Много раз они созывали народное собрание и через глашатаев объявляли: не желает ли кто-нибудь из лакедемонян пожертвовать жизнью за Спарту. Тогда выступили Сперхий, сын Анериста, и Булис, сын Николая, знатного рода и богатые спартанцы. Они добровольно вызвались понести наказание от Ксеркса за умерщвление в Спарте глашатаев Дария. Так спартанцы отослали этих людей в Мидийскую землю на смерть.

135. Дерзновенная отвага этих мужей достойна удивления, и, кроме того, [не менее поразительны] вот такие их слова. На пути в Сусы прибыли они к Гидарну (родом персу), который был начальником персидского войска на асийском побережье. Гидарн дружески принял спартанцев и за угощением спросил их: "Лакедемоняне! Почему вы избегаете царской дружбы? Вы можете видеть на моем примере, какое я занимаю положение – как царь умеет воздавать честь доблестным мужам. Так и вы, если предадитесь царю (царь ведь считает вас доблестными мужами), то он поставит каждого из вас, спартанцев, властителем области в Элладе". На эти слова они отвечали так: "Гидарн! Твой совет, кажется, не со всех сторон одинаково хорошо обдуман. Ведь ты даешь его нам, имея опыт лишь в одном; в другом же у тебя его нет. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода – сладка ли она или горька, ты ничего не

[893] Таким образом, все греческие города от фессалийской границы до Патрасского залива (исключая западные области –Эпир, Этолию и Акарнанию) подчинились персам. Только Аттика, Платеи, Евбея, Коринф, некоторые острова и большая часть Пелопоннеса защищали свою независимость.

[894] Несмотря на то что беотийцы дали персам "землю и воду", все же их отряды сражались при Фермопилах.

[895] Эллинский союз под руководством Спарты, вероятно, образовался перед началом ионийского восстания.

знаешь. Если бы тебе пришлось отведать свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой". Так они отвечали Гидарну.

136. Оттуда спартанцы прибыли в Сусы и предстали пред царские очи. Телохранители прежде всего приказали им пасть ниц и поклониться царю до земли и хотели принудить их к этому силой[896]. Однако они наотрез отказались, даже если их поставят на голову. Ведь, по их словам, не в обычае у них падать ниц и поклоняться человеку и пришли сюда они не ради этого, а по другой причине. После решительного отказа выполнить это требование они вновь взяли слово и сказали приблизительно так: "Царь мидян! Послали нас лакедемоняне вместо умерщвленных в Спарте глашатаев, чтобы искупить смерть их". В ответ на эти слова Ксеркс сказал, что по своему великодушию он не поступит подобно лакедемонянам, которые, презрев обычай, священный для всех людей, предали смерти глашатаев. Сам же он не желает подражать им в том, что достойно порицания, а потому не умертвит послов, но снимет с лакедемонян вину за убийство.

137. Таким образом, после этого тотчас же утих гнев Тальфибия, хотя Сперхий и Булис возвратились в Спарту. Однако спустя много времени после этого, именно во время войны пелопоннесцев с афинянами, гнев Тальфибия, по словам лакедемонян, вспыхнул с новой силой. И это мне кажется самым чудесным. Но то, что гнев затем постиг сыновей этих двух мужей, которые отправились к царю из-за гнева этого же героя, именно Николая, сына Булиса, и Анериста, сына Сперхия (того Анериста, который на грузовом судне вместе с командой воинов захватил населенный тиринфянами город Галиеи)[897], – в этом совершенно ясен перст разгневанного божества. Оба они отправились из Лакедемона в Азию, но в пути были выданы афинянам Ситалком, сыном Терея, царем фракийцев, и Нимфодором, сыном Пифея, абдеритом. Их схватили в Бисанфе на Геллеспонте и отвезли в Аттику, где их казнили афиняне. Вместе с ними был казнен и Аристей, сын Адиманта, коринфянин. Это событие, впрочем, произошло много лет спустя после похода Ксеркса[898]. Теперь же я возвращаюсь к моему рассказу.

138. О походе царя говорили, будто он направлен только против Афин, на самом же деле персы шли против всей Эллады. Эллины уже давно знали об этом по слухам, но не могли объединиться для совместных действий. Некоторые из них уже дали персидскому царю [в знак покорности] землю и воду и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе, так как во всей Элладе не доставало боевых кораблей, чтобы дать отпор врагу. Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но открыто сочувствовало персам[899].

139. Поэтому я вынужден откровенно высказать мое мнение, которое, конечно, большинству придется не по душе. Однако я не хочу скрывать то, что признаю истиной. Если бы афиняне в страхе перед грозной опасностью покинули свой город или, даже не покидая его, сдались Ксерксу, то никто [из эллинов] не посмел бы оказать сопротивления персам на море. Далее, не найди Ксеркс противника на

[896] В подлиннике προσξψν]ειν (оказывать почтение божеству; приветствовать, падая ниц и целуя край одежды). Персы почитали царя как божество.

[897] Речь идет о жителях Тиринфа, которые после разрушения их города (в 468 г. до н.э.) основали новый в Аргосском заливе.

[898] Именно в 430 г. до н.э.

[899] Почти во всех греческих городах существовали проперсидские партии и партии независимости. Общины Фессалии, Беотии, Локриды, возглавляемые земледельческой аристократией, стояли за подчинение персам. Группы, заинтересованные в торговле с Персией, держались также персидской ориентации. К антиперсидской партии принадлежали мелкие крестьяне и ремесленники, которые опасались в случае победы персов потерять влияние в государстве. В Афинах и в Спарте война с персами считалась справедливой войной. Перед лицом страшного нашествия в Афинах все группы населения объединились и возглавили патриотическое движение остальных греков.

море, то на суше дела сложились бы вот как: если бы даже и много "хитонов стен"[900] пелопоннесцам удалось воздвигнуть на Истме, то все же флот варваров стал бы захватывать город за городом и лакедемоняне, покинутые на произвол судьбы союзниками (правда, не по доброй воле, но в силу необходимости), остались бы одни. И вот покинутые всеми, лакедемоняне после героического сопротивления все-таки пали бы доблестной смертью. Следовательно, их ожидала бы такая участь или, быть может, видя переход всех прочих эллинов на сторону персов, им пришлось бы еще раньше сдаться на милость Ксеркса. Таким образом, и в том и в другом случае Эллада оказалась бы под игом персов. Действительно, мне совершенно непонятно, какую пользу могли принести стены на Истме, если царь [персов] господствовал на море. Потому-то не погрешишь против истины, назвав афинян спасителями Эллады. Ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам, поскольку те еще не перешли на сторону мидян, и с помощью богов обратили царя в бегство. Не могли устрашить афинян даже грозные изречения дельфийского оракула и побудить их покинуть Элладу на произвол судьбы. Они спокойно стояли и мужественно ждали нападения врага на их землю.

140. Афиняне ведь отправили послов в Дельфы вопросить оракул. После обычных обрядов в священном участке послы вступили в святилище и там воссели[901]. Пифия по имени Аристоника изрекла им следующий оракул[902]:

Что ж вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу, Домы покинув и главы высокие круглого града. Не устоит ни глава, ни тело пред гибелью страшной, И ни стопа, и ни длань, и ничто иное средь града Не уцелеет. Но все истребится, и град сей погубит Огнь и жестокий Арей, что стремит колесницу сириян[903]. Много и прочих твердынь – не только твою он погубит... Ныне кумиры бессмертных стоят, уже пот источая. В страхе трепещут они, а кровли их храмов Черною кровью струят – в предвестие бед неизбывных... Но выходите из храма и скорбию душу излейте.

141. Такой ответ оракула глубоко опечалил афинских послов. И вот, когда они уже впали в отчаяние от возвещенных им бедствий, некто Тимон, сын Андробула, один из самых уважаемых людей в Дельфах, посоветовал им вернуться в святилище с оливковыми ветвями и еще раз вопросить оракул уже в качестве "умоляющих бога о защите". Афиняне так и поступили и обратились к богу с такими словами: "Владыка! Ради этих вот оливковых ветвей, которые мы принесли, изреки нам более милостивое прорицание о нашем родном городе, иначе мы не уйдем из святилища, но пребудем здесь до конца наших дней". На это прорицательница изрекла им вторично вот что:

Гнев Олимпийца смягчить не в силах Афина Паллада, Как ни склоняй она Зевса – мольбами иль хитрым советом. Все ж изреку тебе вновь адамантовой крепости слово: Если даже поля меж скалою Кекропа[904] высокой И Киферона долиной святой добычею вражеской станут, Лишь деревянные стены дает Зевес Тритогенее Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам. Конных спокойно не жди ты полков или рати пехотной Мощно от суши грядущей, но тыл обращая, Все ж отступай: ведь время придет и померишься силой! Остров божественный, о

[900] Поэтическое выражение, вероятно, из какого-нибудь прорицания оракула.

[901] Т. е. в священный покой, куда вошли послы после совершения обрядов очищения, чтобы выслушать изречение Пифии.

[902] Дельфийский храм был общеэллинским святилищем. Естественно было ожидать, что Пифия возглавит всенародное движение. Но Пифия оказалась под влиянием персофилов. Дельфийское жречество во время греко-персидских войн решительно стало на сторону персов. Поэтому Дельфы не были разрушены, и их сокровища уцелели. Геродот делает все возможное, чтобы снять с Дельфов подозрение в сочувствии персам.

[903] Ассирийские колесницы, которыми пользовались персидские цари, подобно ассирийским царям.

[904] Скала Кекропа –акрополь, где находилась гробница этого героя.

Саламин, сыновей своих жен ты погубишь В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.

142. Это изречение оракула послы записали, так как оно казалось им (да и действительно было) более милостивым, чем первое, и затем возвратились в Афины. По прибытии они объявили ответ оракула народному собранию. Афиняне старались разгадать смысл изречения, и по этому поводу, между прочим, высказывались главным образом два таких противоположных мнения: некоторые старики утверждали, что акрополь останется невредим, так как в древние времена афинский кремль был огражден плетеной изгородью из терновника. Они считали поэтому, что выражение "деревянная стена"[905] относится к этой ограде. Другие же говорили, что бог подразумевает корабли, и предлагали поэтому привести флот в боевую готовность, бросив все остальное на произвол судьбы. Однако тех, кто понимал под "деревянной стеной" корабли, смущали два последних стиха Пифии:

Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты погубишь В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.

Эти стихи опровергали мнение тех, кто считал, что "деревянные стены" – это корабли, так как толкователи оракулов объясняли их в том смысле, что афиняне будут разбиты, приняв морской бой при Саламине.

143. Был тогда в Афинах один человек, лишь недавно выдвинувшийся на первое место среди наиболее влиятельных граждан. Его звали Фемистоклом, и был он сыном Неокла[906]. Он считал, что толкователи оракулов не все изречение объясняли правильно, и говорил так: "Если бы упомянутый стих действительно относился к афинянам, то бог, как мне кажется, не выбрал бы столь миролюбивых выражений, но сказал бы: "несчастный Саламин" вместо "божественный Саламин", если только жителям его суждено погибнуть в борьбе за остров. Напротив, если изречение понять правильно, то его следует относить к врагам, а не к афинянам". Поэтому Фемистокл советовал афинянам готовиться к морской битве, так как "деревянные стены" и есть корабли. Толкование Фемистокла понравилось афинянам гораздо больше, чем объяснение толкователей оракулов, которые были против приготовлений к битве на море и вообще советовали даже не поднимать руки на врага, но покинуть Аттику и поселиться где-нибудь в другой стране.

144. Еще раньше этого совета Фемистокла афиняне приняли другое его удачное предложение. В государственной казне афинян тогда было много денег, поступавших от доходов с Лаврийских рудников. Эти деньги полагалось разделить между гражданами, так что каждому приходилось по 10 драхм. Фемистокл убедил афинян отказаться от дележа и на эти деньги построить 200 боевых кораблей, именно для войны с Эгиной[907]. Эта-то вспыхнувшая тогда война с Эгиной и спасла Элладу, заставив Афины превратиться в морскую державу. Хотя корабли эти не нашли применения против эгинцев (для чего были построены), но теперь они пригодились Элладе. Итак, у афинян были уже эти, построенные раньше корабли, и теперь нужно было построить еще другие. И вот афиняне, обсудив ответ оракула, решили по совету бога встретить всей своей военной мощью на море нападение варваров на Элладу вместе с эллинскими городами, которые пожелали к ним присоединиться. Вот мой рассказ об изречениях оракула, которые получили афиняне.

145. Теперь все эллины, избравшие "лучшую долю" в общеэллинском деле, собрались в одном месте. Там они держали совет и заключили союз под клятвой,

[905] Под "деревянными стенами" Пифия несомненно разумела те же корабли, которые должны были увезти афинян на запад, "на край земли".

[906] Фемистокл уже раньше занимал важные государственные должности, среди них должность архонта-эпонима, но только после изгнания своего соперника Аристида в 484/83 г. до н.э. он смог провести в жизнь свои планы.

[907] Народное собрание постановило отказаться в пользу государства от ранее распределявшихся между гражданами доходов с Лаврийских серебряных рудников. Однако этой суммы было далеко не достаточно для постройки кораблей.

прежде всего решив прекратить вражду и междоусобные войны. Между прочим, и другие города воевали тогда друг с другом, но самую ожесточенную войну вели афиняне с эгинцами[908]. Затем эллины решили послать соглядатаев в Азию разузнать о военной силе персидского царя, который, по их сведениям, находился с войском в Сардах. В Аргос они отправили послов заключить союз против персидского царя. Также отрядили они двух послов в Сикелию к Гелону, сыну Диномена, и еще других – на Керкиру и на Крит с просьбой помочь Элладе. Они хотели сделать попытку объединить, если возможно, всех эллинов и побудить их действовать заодно пред лицом всеобщей опасности. Держава же Гелона, как считали тогда, была весьма могущественной и, пожалуй, даже самой могущественной среди эллинских городов.

146. После этого эллины покончили с взаимными распрями и прежде всего послали на разведку в Азию трех человек. По прибытии в Сарды эти люди собрали сведения о царском войске, но были схвачены. Военачальники велели после допроса под пыткой отвести эллинов на казнь. Их ожидала уже верная смерть. Однако Ксеркс, узнав об этом, не одобрил решения военачальников и велел послать своих телохранителей привести осужденных к себе, если застанут еще их в живых. Телохранители застали соглядатаев еще в живых и привели их пред царские очи. Ксеркс спросил, зачем они пришли, и повелел телохранителям водить эллинов повсюду и показать им все персидское войско, как пехоту, так и конницу, и затем, когда они вдоволь насмотрятся, отпустить невредимыми куда захотят идти.

147. Царь объяснил этот свой приказ вот как: если бы соглядатаи погибли, то эллины не узнали бы заранее, сколь велики его силы, а казнь трех человек не принесет большого вреда врагу. Напротив, если они возвратятся в Элладу, то эллины, по его мнению, услышав рассказы о его могуществе, еще до войны откажутся от своей "странной" свободы и поэтому тяжелый поход против них будет вовсе не нужен. Подобное же мнение Ксеркс высказал и в другом случае. В Абидосе царь увидел, как проходили через Геллеспонт корабли с грузом зерна из Понта на Эгину и в Пелопоннес[909]. Приближенные царя, заметив, что это вражеские корабли, хотели их захватить и смотрели на царя, ожидая его повеления. На вопрос Ксеркса, куда плывут эти корабли, приближенные отвечали: "К твоим врагам, владыка, с грузом хлеба". Тогда Ксеркс сказал им: "Разве и мы не плывем туда же, куда и они, и не везем с собой хлеб и остальное продовольствие? Какой же вред от того, что эти люди доставляют нам хлеб?".

148. Итак, разведчики, все осмотрев, были отпущены и возвратились в Европу. Эллины же, заключив союз против Персии, после отправки соглядатаев вновь послали вестников в Аргос. А дела в Аргосе, по словам самих аргосцев, тогда сложились так: уже давно известно было в Аргосе о предстоящем походе варваров на Элладу. Когда же аргосцы узнали, что эллины собираются вовлечь их в войну с персами, то отправили послов в Дельфы вопросить бога, как им лучше всего поступить. Ведь незадолго до этого 6000 аргосцев пало в борьбе против лакедемонян во главе с их царем Клеоменом, сыном Анаксандрида. Поэтому-то аргосцы отправили послов к богу. Пифия же на их вопрос изрекла следующее:

Недруг соседям своим, богам же бессмертным любезный! Сулицу крепко держи и дома сиди осторожно. Голову коль сбережешь, глава сохранит твое тело.

Таков был тогда ответ Пифии. Между тем вестники прибыли в Аргос и, явившись в совет, изложили свое поручение. Аргосцы отвечали, что готовы участвовать в войне, однако лишь по заключении 30-летнего мира с лакедемонянами и притом еще, если наравне со Спартой они будут стоять во главе союза. Хотя по праву руководство союзом всецело принадлежит им одним, но они удовлетворятся и половинным участием в нем.

149. Так отвечал вестникам, по словам аргосцев, совет аргосцев, несмотря на

[908] Ср. выше, VI 49, 94.

[909] Из Южной России экспортировался хлеб в Пелопоннес и Среднюю Грецию. Уже тогда эти области не могли прокормиться без импорта хлеба.

запрещение оракула вступать в союз с эллинами. Хлопотали же они о 30-летнем мире (хотя и боялись оракула), чтобы их сыновья успели вырасти за эти годы. Аргосцы опасались, что без такого мира, если вдобавок к постигшей их беде они еще потерпят поражение от персов, то попадут под власть лакедемонян. Вестники же из Спарты возразили на это постановление совета так: о мире они сообщат [лакедемонскому] народному собранию. Что же до руководства [союзом], то им поручено объявить: у лакедемонян два царя, а у аргосцев – только один. Недопустимо поэтому лишать одного из них руководства [союзом]. Однако ничто не мешает аргосскому царю иметь одинаковое право голоса с двумя их царями. Поэтому-то, по словам аргосцев, они не могли вынести высокомерия спартанцев и предпочли скорее подчиниться варварам, чем уступить лакедемонянам. А [спартанским] вестникам аргосцы приказали до захода солнца покинуть Аргосскую землю, а то с ними поступят, как с врагами.

150. Так об этом рассказывают сами аргосцы. Но есть еще и другой рассказ, распространенный в Элладе. Еще до сборов в Элладу Ксеркс, как говорят, послал глашатая в Аргос. По прибытии туда глашатай сказал: "Аргосцы! Царь Ксеркс говорит вам так: "Мы, персы, считаем себя отпрысками Персея, сына Данаи, и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, и вам в союзе с другими враждовать с нами. Оставайтесь дома и храните спокойствие. Если мой замысел удастся, то никого я не буду уважать больше, чем вас""[910]. Это предложение царя аргосцы, как говорят, сочли весьма важным и сначала не давали эллинам никаких обещаний и не выставляли требований. Только после того как эллины стали приглашать их вступить в союз, тогда-то аргосцы и потребовали участия в руководстве союзом, зная, что лакедемоняне не уступят. Это требование было простым предлогом, чтобы не воевать.

151. С этим рассказом, как думают некоторые эллины, связан еще и другой случай, происшедший много лет спустя. Тогда в Мемноновом граде Сусах по другому делу[911] находилось афинское посольство, именно Каллий, сын Гиппоника, с товарищами. В это же время и аргосцы также отправили послов в Сусы, чтобы спросить Артоксеркса, сына Ксеркса: может ли продолжаться дружба и союз, заключенный с Ксерксом, как они этого хотят, или же царь считает их врагами. Царь Артоксеркс ответил-де на это аргосцам, что дружба безусловно сохраняется и что нет для него города любезнее Аргоса[912].

152. Действительно ли Ксеркс посылал в Аргос глашатая и спрашивало ли позднее аргосское посольство в Сусах Артоксеркса о дружбе – этого я достоверно утверждать не могу. Я не хочу даже оспаривать правильность утверждений об этом самих аргосцев. Одно только я знаю: если бы все люди однажды вынесли на рынок все свои грешки и пороки, то каждый, разглядев пороки соседа, с радостью, пожалуй, унес бы свои домой. Поэтому-то и поступок аргосцев еще не самый постыдный. Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но,

[910] Персидский царь, конечно, знал о раздорах и длительных войнах между Спартой и Аргосом, и поэтому весьма вероятно, что он заключил с Аргосом союз против Спарты. Аргос –главный соперник Спарты в Пелопоннесе. Во время написания VII книги Геродота Аргос был в союзе с Афинами. Геродот, усвоивший афинскую ориентацию, должен был щадить афинского союзника и всячески выгораживать поведение Аргоса во время Персидской войны. Поэтому Геродот предпочитает воздерживаться от суждения о том, как было дело в действительности (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 78–9).

[911] Афинские послы встретились в Сусах с аргосскими послами, конечно, не случайно. Общественное мнение видело в соглашении с персами нечто позорное. Поэтому Геродот прибавляет, что афиняне прибыли в Сусы "по другому делу" (а отнюдь не для соглашения с персами, как это, по-видимому, было). Каллий (глава посольства) подвергался ожесточенным нападкам в Афинах.

[912] Вероятно, аргосцы в 465 г. до н.э. отправили посольство к персидскому царю Артаксерксу и просили о продолжении союзного договора, заключенного с Ксерксом. Возможно, что по этому договору аргосцы получали ежегодные субсидии от персов.

конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде. Так, утверждают даже, что аргосцы просто призвали персов в Элладу, так как они терпели поражения в войне с лакедемонянами и поэтому они предпочли любой ценой избавиться от своей настоящей беды. Это мой рассказ об аргосцах.

153. А в Сикелию прибыло другое посольство союзников для переговоров с Гелоном (среди послов от лакедемонян был также Сиагр). Предок этого Гелона, который переселился в Гелу, происходил с острова Телоса, что лежит против [мыса] Триопия. Он участвовал также в основании Гелы линдянами с Родоса и Антифемом. Потомки его впоследствии стали [наследственными] иерофантами подземных богинь. Они занимали эту должность постоянно, с тех пор как один из их предков – Телин приобрел ее вот каким образом. В Макторий, город, лежащий к северу от Гелы, бежали потерпевшие поражение повстанцы из Гелы. Этих-то изгнанников Телину удалось вернуть из изгнания в Гелу без помощи военной силы, взяв с собой лишь святыни подземных богинь[913]. Как он раздобыл эти святыни и сам ли впервые ввел почитание этих богинь – этого я не могу сказать. Во всяком случае под покровительством этих святынь Телин возвратил изгнанников с условием, что его потомки будут иерофантами богинь. Впрочем, имея в виду то, что известно о характере Телина, мне кажется странным, как именно такой человек мог совершить столь великое дело. Ведь такие подвиги, я думаю, не всякому дано совершить, так как они требуют отваги и решительности. Телин же, по сицилийскому преданию, напротив, был женоподобный и весьма изнеженный человек. Тем не менее он получил эту жреческую должность.

154. После кончины сына Пантарея Клеандра (он был тираном Гелы семь лет и погиб от руки Сабилла из Гелы) царем стал брат Клеандра Гиппократ. В правление Гиппократа Гелон, потомок иерофанта Телина, вместе с многими другими (и, между прочим, с Энесидемом, сыном Патека) был телохранителем Гиппократа. Немного спустя из-за своей доблести он был сделан начальником конницы. При осаде Гиппократом Каллиполиса, Наксоса, Занклы, Леонтин и еще, кроме того, многих варварских городов во всех этих войнах Гелон блестяще отличился как воин. Из всех названных городов только Сиракузы избежали Гиппократовой неволи. После поражения в битве при реке Элоре Сиракузян все же спасли от этой участи коринфяне и керкиряне. А спаслись Сиракузяне, заключив мир при условии выдачи Гиппократу Камарины (город Камарина издавна принадлежал Сиракузам).

155. Между тем Гиппократа (он был тираном столько же лет, как и его брат Клеандр) настигла смерть у города Гиблы[914] во время похода на сикелийцев. Тогда упомянутый Гелон выступил под предлогом помощи сыновьям Гиппократа, так как жители Гелы не желали им подчиниться. В действительности же после победы над жителями Гелы он сам захватил власть, устранив сыновей Гиппократа. После этой удачи Гелон[915] возвратил в Сиракузы изгнанников из города Касмены, так называемых гаморов, изгнанных народом и своими рабами-киллириями, и овладел также и Сиракузами. Ибо народ Сиракузский, как только Гелон явился под Сиракузы, отдался вместе с городом под власть тирана.

156. Сделавшись владыкой Сиракуз, Гелон стал уже меньше придавать значения своему господству над Гелой. Он передал управление городом своему брату Гиерону, а сам укрепил Сиракузы, и город стал опорой его могущества. Под его управлением Сиракузы быстро достигли процветания и могущества. Сначала Гелон переселил в Сиракузы всех жителей Камарины и дал им права гражданства. [Нижний] же город Камарину он велел разрушить; затем с большей половиной граждан Гелы он поступил так же, как и с камаринцами. Потом после долгой осады он заставил сдаться Мегары Сикелийские и богачей-мегарцев переселил в Сиракузы, предоставив гражданские права, хотя они-то как раз и начали войну с

[913] Деметра и Персефона. Иерофанты –верховные жрецы.

[914] Имя Гибла носило несколько городов в Сицилии.

[915] Гелон представлял интересы гаморов –знатных крупных землевладельцев.

ним и теперь ожидали казни. Напротив, народ мегарский, вовсе не причастный к войне и не ждавший себе никакой беды, он также велел отвести в Сиракузы и отдать [работорговцам] на продажу за пределы Сикелии. Так же поступил он и с населением Евбеи Сикелийской. Так он действовал в обоих случаях, считая [неимущую] часть населения самой неприятной[916].

157. Так-то Гелон стал могущественным властелином. Когда же эллинские послы прибыли в Сиракузы и были приняты тираном, они обратились к нему так: "Послали нас лакедемоняне, афиняне и их союзники пригласить тебя на помощь против варваров. Ты, вероятно, уже слышал, что царь собирается навести мост через Геллеспонт и во главе всего войска с Востока идти войной на Элладу. Под предлогом похода на Афины царь замышляет покорить всю Элладу. Ты достиг великого могущества, и как владыке Сикелии тебе досталось господство над частью Эллады, не самой малой. Поэтому приди на помощь освободителям Эллады и вместе с ними вступи в борьбу за ее свободу. Ведь, объединившись, вся Эллада выставит огромное войско, и тогда мы сможем принять бой с врагом. Если же одни из нас окажутся изменниками, а другие не пожелают помогать и "здравая" часть Эллады будет слишком мала, тогда нужно опасаться гибели всей Эллады. Не думай, что персидский царь после победы над нами не придет к тебе, но своевременно огради себя от этого. Ведь, оказывая помощь нам, ты поможешь и самому себе: правильное решение обычно ожидает успех".

158. Так говорили послы, а Гелон запальчиво набросился на них с такими словами: "Люди из Эллады! Вы дерзнули явиться сюда и в наглой речи приглашаете меня в союзники против варвара. Когда-то и я просил вас также сообща напасть на варварское войско, когда у меня разгорелась война с карфагенянами и я настоятельно просил вас отомстить за умерщвление эгестейцами Дориея, сына Анаксандрида, и даже обещал помочь вам освободить ваши столь выгодные и доходные торговые порты[917]. Вы же не пожелали ни помочь мне, ни отомстить за умерщвление Дориея. И если бы это зависело только от вас, то вся Сикелия была бы теперь в руках варваров. Однако наши дела хороши и складываются все лучше. А вот теперь, когда эта война дошла до вас и стоит у вашего порога, тут-то вам пришлось вспомнить и о Гелоне! Впрочем, невзирая на нанесенное мне оскорбление, я не стану подражать вам, но готов прийти на помощь: я выставлю вам 200 триер, 20 000 гоплитов, 2000 всадников, 2000 лучников, 2000 пращников и 2000 легковооруженных всадников. Кроме того, обещаю снабжать продовольствием все эллинское войско до конца войны. Однако я даю такое обещание, конечно, лишь при условии, что сам буду предводителем и вождем эллинов в войне против варвара. На иных условиях и сам я не приду вам на помощь и других не пошлю".

159. Услышав эти слова, Сиагр не выдержал и отвечал так: "Воистину горько восплакал бы Пелопид Агамемнон, узнай он, что Гелон и Сиракузяне лишили спартанцев верховного начальства[918]. Но ни слова больше о том, чтобы мы отдали тебе верховное начальство! Если же ты желаешь помочь Элладе, то знай, что тебе придется быть под началом у лакедемонян. Если же не заблагорассудишь подчиниться, то не помогай нам!".

160. В ответ на эту враждебную речь Сиагра Гелон сделал послам еще вот такое последнее предложение: "Пришелец из Спарты! Когда человека осыпают оскорблениями, он обычно распаляется гневом. Тем не менее своей наглой речью ты не заставишь меня отвечать в столь же грубых выражениях. Уж если вы так дорожите верховным начальством, то мне следовало бы еще больше настаивать на

[916] Сицилия была страной крупного землевладения. Так называемая народная партия была подавлена Гелоном.

[917] Ср. выше, V 42-46.

[918] Спартанцы выставили притязание на наследство "царя народов" Агамемнона. Это притязание вместе с планами господства в Элладе получило свое выражение в перенесении костей Ореста в Спарту (ср. I 67–8).

этом, так как войско и флот у меня под началом гораздо многочисленнее вашего. Но если мое предложение вам так неприемлемо, то я готов кое в чем уступить. Если вы желаете стоять во главе сухопутного войска, то я буду начальствовать над морскими силами. Угодно вам командовать флотом, то дайте мне предводительствовать сухопутными силами. Поэтому вам придется либо пойти на это предложение, либо вернуться домой, не заключив столь важного союза со мной".

161. Такое предложение сделал Гелон. А посол афинян, опередив лакедемонского посла, ответил ему такими словами: "Царь Сиракузян! Эллада послала нас к тебе просить не предводителя, но войско. А ты отказываешься даже послать нам войско, если сам не будешь главой всей Эллады, и лишь жадно цепляешься за верховное начальство. Пока ты домогался предводительства над всем эллинским войском, мы, афиняне, конечно, были спокойны: мы ведь знали, что лаконец справится с тобой и выступит за нас обоих. А теперь, когда твои притязания на верховное командование отклонены и ты добиваешься начальства над флотом, то слушай вот что: даже если лаконец и отдаст тебе предводительство флотом, то мы не допустим этого. Ведь командование флотом принадлежит нам, если лакедемоняне от него отказываются. Пожелай [лакедемоняне] оставить командование флотом за собой, то мы не против, но никого другого не допустим начальствовать на море. Ведь, пожалуй, напрасно стали мы самой могущественной морской державой среди эллинов, если мы, афиняне, древнейший народ, единственные из эллинов, которые не являются пришельцами[919], уступим Сиракузянам морское командование. Уже поэт Гомер говорит, что под Илион прибыл из Афин доблестный муж, чтобы "строить на битвы мужей"[920] и предводительствовать ратью. Поэтому нам вовсе не позорно утверждать, [что именно нам, а не вам подобает предводительствовать на море]".

162. Гелон же отвечал на это такими словами: "Чужестранец из Афин! У вас, видимо, нет недостатка в предводителях, а вот желающих подчиняться не хватает. Так как вы ни в чем не уступаете, а желаете иметь все, то возвращайтесь как можно скорее домой и сообщите Элладе, что год ее лишился весны". Этим Гелон хотел сказать, что как весна, очевидно, – самое прекрасное время года, так и его войско – лучшая часть войска эллинов. Поэтому-то Элладу, отвергшую союз с ним, он сравнивал как бы с годом, лишенным весны.

163. После этих безуспешных переговоров с Гелоном эллинские послы отплыли домой. Гелон же опасался, что эллины, отказавшись от союза с ним, не смогут одни одолеть персидского царя. А с другой стороны, ему как владыке Сикелии [требование послов] прибыть в Пелопоннес и стать под начальство лакедемонян казалось невыносимой наглостью. Поэтому он отказался от прежнего образа действий и избрал новый путь. Лишь только Гелон узнал о переходе персидского царя через Геллеспонт, как тотчас отправил в Дельфы Кадма, сына Скифа, с острова Коса на трех 50-весельных кораблях, нагруженных великими сокровищами, с дружественными предложениями [персидскому царю]. Кадм должен был выждать исхода войны: в случае победы варвара отдать ему сокровища, а также землю и воду [от городов], подвластных Гелону. Если же победят эллины, Кадм должен был привезти сокровища назад.

164. А этот Кадм еще до этих событий унаследовал от отца прочное владычество над Косом. Хотя ему не грозило никакой опасности, он добровольно, только лишь из чувства справедливости, отдал верховную власть косскому народу и отправился в Сикелию. Тут он захватил у самосцев город Занклу (город этот теперь уже не называется Занклой, а Мессеной)[921] и поселился там. Этого-то Кадма, прибывшего так в Сикелию, Гелон и отправил послом в Дельфы из-за его

[919] Афиняне, ссылаясь на Кекропа, своего первого царя, которого, согласно мифу, породила земля, считали себя древнейшими жителями Греции.

[920] Илиада II, 550.

[921] Из этого города был изгнан его отец.

честности (в чем тиран, кроме того, мог и сам убедиться). И среди его честных поступков этот вот занимает не последнее место. Действительно, располагая огромными сокровищами, которые ему вверил Гелон, Кадм не пожелал их присвоить себе, хотя имел полную возможность это сделать, но после победы эллинов в морской битве и отступления Ксеркса он возвратился в Сикелию со всеми сокровищами.

165. В Сикелии есть еще другое предание, именно, будто Гелон все же согласился бы помочь эллинам (даже под начальством лакедемонян), если бы как раз в то самое время против него не выступил Терилл, сын Криниппа, тиран Гимеры, изгнанный из Гимеры властителем акрагантинцев Фероном, сыном Энесидема. Войско Терилла насчитывало 300 000 финикиян, ливийцев[922], иберов, лигиев, элисиков[923], сардонов и жителей Кирна. Предводительствовал войском Амилка, сын Аннона, царь[924] карфагенян. Терилл был гостеприимцем Амилки и поэтому склонил его к походу. Главным зачинщиком похода был, однако, Анаксилай, тиран Регия. Он-то отдал в заложники Амилке своих детей и привел в Сикелию карфагенян на помощь своему тестю (дочь Терилла по имени Кидиппа была супругой Анаксилая). Оттого-то Гелон и не мог помочь эллинам и отослал свои сокровища в Дельфы.

166. Кроме того, в Сикелии рассказывают еще вот что: Гелон и Ферон победили в Сикелии карфагенского царя Амилку в тот же самый день, когда эллины разбили персов при Саламине. Амилка же (по отцу он был карфагенянином, а по матери – Сиракузцем и за свою доблесть стал царем карфагенян) во время сражения, которое он проиграл, как я слышал, исчез. И действительно, его нигде не могли найти ни живым, ни мертвым, хотя Гелон велел повсюду производить тщательные поиски.

167. Сами карфагеняне, впрочем, утверждают (и это правдоподобно), что сражались варвары с эллинами в Сикелии от зари до позднего вечера (столь долго, говорят, продолжалась битва). Амилка же в это время оставался в стане и приносил жертвы за благоприятный исход битвы (он возлагал при этом на костер для сожжения целые туши животных). Увидев, однако, бегство своих воинов (он как раз тогда окроплял жертвы), Амилка ринулся в огонь. Так-то он, предав себя пламени, погиб. Амилке же – погиб ли он так, как рассказывают финикияне, или иначе – они не только приносят жертвы, но и воздвигли памятники во всех городах своих поселений, и наибольший – в самом Карфагене. Столько сказано о делах в Сикелии.

168. Керкиряне же дали послам один ответ, а поступили вот как. Ведь те же самые послы, ранее приезжавшие в Сикелию, старались и их привлечь к союзу, повторяя те же речи, что говорили и Гелону. Керкиряне тотчас же обещали им прислать помощь и объяснили, что не допустят гибели Эллады. Ведь если Эллада будет разгромлена, то их также ждет рабство в первый же день. Их долг поэтому всеми силами помочь Элладе. Таков был внешне благопристойный ответ керкирян. Когда же пришло время выступить на помощь, они изменили свое намерение. Правда, они снарядили 60 кораблей и, едва выйдя в море, подошли к Пелопоннесу и бросили якорь у Пилоса и Тенара в Лакедемонской области[925] в ожидании, как и Гелон, исхода войны. Керкиряне не рассчитывали на победу эллинов, а, напротив, были убеждены, что персидский царь решительно одержит верх и станет владыкой всей Эллады. Поступили они так преднамеренно, чтобы потом сказать персидскому царю: "Царь! Хотя эллины и пытались склонить нас к этой войне

[922] Под ливийцами здесь следует понимать хамитские племена в совр. Тунисе и Алжире.

[923] Около 600 г. до н.э. элисиков вытеснили кельтские племена Пиренеев, пришедшие из области совр. Боденского озера.

[924] Это был один из двух суффетов Карфагена, высших должностных лиц, выбиравшихся на один год.

[925] В Наваринской бухте у мыса Тенара.

(наша военная сила и флот весьма велики, и мы можем выставить больше всего кораблей, по крайней мере после афинян), однако мы не пожелали сражаться против тебя и не проявили к тебе враждебности". Такой речью керкиряне надеялись выиграть больше других, что, как я думаю, пожалуй, им и удалось. Для эллинов же они сумели найти оправдание, которым и воспользовались. И действительно, в ответ на упреки эллинов, что они не оказали помощи, керкиряне отвечали: они снарядили-де 60 триер, но из-за этесийских ветров не смогли обогнуть Малею. Поэтому-то они и не прибыли к Саламину и вовсе не из трусости не участвовали в этой битве. Так керкиряне старались обмануть эллинов.

169. Критяне же, когда их стали приглашать в союз посланные для переговоров эллины, поступили так: они сообща отправили послов в Дельфы вопросить бога, лучше ли будет для них помочь Элладе или нет. Пифия отвечала им: "Глупцы! Разве вы не сетуете на то, что разгневанный вашей помощью Менелаю Минос причинил вам столько слез? Ведь эллины не помогли вам отомстить за его смерть в Камике, хотя вы и пришли им на помощь в отмщенье за похищенную варваром женщину из Спарты"[926]. Услышав такой ответ оракула, критяне отказались помогать эллинам.

170. По преданию, ведь Минос в поисках Дедала прибыл в Сиканию (теперешнюю Сикелию). Через некоторое время по внушению божества все критяне, кроме полихнитов и пресиев, выступили великим походом в Сикелию и в течение пяти лет осаждали город Камик, где в мое время жили акрагантинцы[927]. Однако они не могли ни взять города, ни оставаться дольше в стране, страдая от голода, и в конце концов отплыли домой. В пути у берегов Иапигии их застигла страшная буря[928] и выбросила корабли на берег. Корабли их были разбиты, и поэтому, не имея уже никакой возможности возвратиться на Крит, они основали там город Гирию и остались жить в этой стране. Вместо критян они стали, переменив свое имя, иапигскими мессапиями, а из островитян превратились в жителей материка. Из города Гирии они основали другие поселения, которые много лет спустя пытались разрушить тарантинцы, понеся при этом огромные потери. Это была самая кровавая резня[929] [между эллинами] из всех мне известных, причем тяжко пострадали как сами тарантинцы, так и регинцы. Одних только граждан Регия, которых Микиф, сын Хойра, заставил прийти на помощь тарантинцам, пало на поле битвы 3000. Потери же самих тарантинцев неизвестны. А Микиф этот состоял на службе у Анаксилая и был оставлен правителем Регия. Впоследствии после изгнания из Регия он поселился в Тегее в Аркадии и посвятил в Олимпии много статуй[930].

171. Однако эти рассказы о регинцах и тарантинцах являются только вставкой в мое повествование. А на опустевший Крит, как рассказывают пресии[931], переселились другие народности, главным образом эллины. Через три поколения после смерти Миноса разразилась Троянская война, когда критяне оказались верными союзниками и мстителями Менелая. А после возвращения из-под Трои на острове начались голод и мор людей и скота, пока Крит вторично не опустел; теперь же на острове живет уже третье критское население вместе с остатками

[926] Имеется в виду похищение Елены Парисом.

[927] Предание сохранило память о походах ахейцев с Крита (ср. I 171).

[928] Буря разразилась в Тарантском заливе.

[929] Битва произошла в 473 г. до н.э.

[930] Эти 15 статуй стояли в Олимпии еще во II в. н.э.

[931] Геродот сообщает предание неэллинских обитателей Крита (быть может, строителей дворцовых сооружений в Кноссе).

прежних жителей[932]. Об этом-то Пифия и напомнила критянам[933] и удержала их от помощи эллинам, хотя они и желали помочь.

172. Фессалийцы же первыми, и то лишь поневоле, перешли на сторону персов, как это они и дали понять, потому что им вовсе были не по душе происки Алевадов[934]. Лишь только они узнали о намерении персидского царя переправиться в Европу, то отправили послов на Истм. На Истме же собрались посланцы Эллады, избранные от городов, верных эллинскому делу. По прибытии послы выступили на этом собрании и сказали так: "Эллины! Нужно удерживать олимпийский проход, чтобы спасти Фессалию и всю Элладу от [ужасов] войны. Мы готовы ныне вместе с вами защищать этот проход, но и вы также должны послать большое войско. Если вы этого не сделаете, то знайте: мы сдадимся персидскому царю. Поэтому вы не должны требовать, чтобы мы, стоящие на страже так далеко от остальной Эллады, одни погибли за вас. Не желая помочь нам, вы никак не сможете заставить нас присоединиться к вашему союзу. Ибо нет силы сильнее немощи. А нам придется тогда самим подумать о своем спасении". Так говорили фессалийцы.

173. А эллины в ответ на это решили послать морем войско в Фессалию для защиты прохода. Войско собралось и затем отплыло через [пролив] Еврипа. По прибытии в Алос войско высадилось на сушу и, оставив там корабли, направилось в Фессалию. Затем оно пришло в Темпейскую долину к проходу, идущему вдоль реки Пенея между горами Олимпом и Оссой из Нижней Македонии в Фессалию. Там собрались станом эллины в числе около 10 000 гоплитов; к ним присоединилась здесь и фессалийская конница. Во главе лакедемонян стоял Евенет, сын Карена, один из полемархов[935], однако не царского рода; военачальником же афинян был Фемистокл, сын Неокла. Впрочем, эллины оставались там всего несколько дней: прибывшие от Александра, сына Аминты, македонского царя, вестники советовали не оставаться в проходе, чтобы не дать себя раздавить наступающему врагу. При этом вестники указывали на огромную численность вражеского войска и кораблей. Эллины послушалась этого совета, так как нашли его благоразумным и сам македонский царь казался дружественно расположенным к ним. По моему же мнению, побудительной причиной их поступка был страх: эллины узнали, что существует еще другой проход в Фессалию в Верхней Македонии, через страну перребов у города Гонна[936], через который действительно и прошло Ксерксово войско. Эллины же снова сели на корабли и отплыли назад к Истму.

174. Как раз во время этого похода в Фессалию [персидский] царь был уже в Абидосе, собираясь переправиться из Азии в Европу. А покинутые эллинами фессалийцы откровенно и без колебания перешли на сторону персов и оказали царю на войне весьма ценные услуги.

175. Когда эллины снова прибыли на Истм, то стали держать совет, где и как им вести войну после сообщения Александра. Верх одержало мнение, что следует занять Фермопильский проход. Этот проход был, конечно, уже прохода, ведущего

[932] По этому древнему минойскому преданию, Кносс, резиденция мифического царя Миноса, трижды после страшных катастроф вновь заселялся. С этими известиями Геродота можно сопоставить данные раскопок в Кноссе. Ок. 1700 г. до н.э. древние дворцы были разрушены, быть может, землетрясением. Ок. 1450 г. до н.э. начинаются ахейское вторжение и разрушение дворцов. Под третьим поселением следует понимать дорийское нашествие на остров после Троянской войны.

[933] Персофильски настроенный дельфийский оракул предостерегал критян от поддержки афинян и спартанцев.

[934] В Фессалии была, как и в других греческих государствах, так называемая народная партия, которая, однако, не могла одолеть власть крупных землевладельцев во главе с Алевадами. Народные массы Фессалии были на стороне афинян.

[935] Спартанское ополчение делилось на шесть отрядов (morai), во главе которых стояли полемархи.

[936] Ср. VII 128.

в Фессалию, и ближе к их земле. О тропинке же, из-за которой погибли павшие в Фермопильском ущелье эллины, они тогда еще ничего не знали. Узнали же о ней только в Фермопилах от трахинцев. Этот-то проход эллины и решили занять, чтобы преградить путь персидскому царю в Элладу. Флот же должен был плыть к Артемисию в области Гистиеотиды. И то и другое место находится неподалеку друг от друга, так что из одного быстро можно узнать, что происходит в другом. Расположены же они вот так.

176. Во-первых, Артемисий. Здесь из широкого Фракийского моря образуется узкий пролив, отделяющий остров Скиаф от Магнесии на материке. А за Евбейским проливом идет Артемисий, т. е. побережье [Артемисия], где стоит святилище Артемиды. Во-вторых, проход в Элладу через местность Трахин, шириной в самом узком месте в полплефра. Однако наиболее узкое место находится не у города Трахина, а перед Фермопилами и за ними. Так, у селения Альпены за Фермопилами есть проезжая дорога только для одной повозки, и перед ними у реки Феникс близ города Анфелы можно опять ехать только на одной повозке. На западе от Фермопил поднимается недоступная, обрывистая и высокая гора, простирающаяся до Эты. На востоке же проход подходит непосредственно к морю и болотам. В этом проходе находятся горячие источники (местные жители зовут их хитрами)[937], а поблизости от ник воздвигнут алтарь Геракла. В ущелье этом построена стена, а в ней некогда были ворота. Воздвигли эту стену фокийцы из страха перед фессалийцами[938], когда те пришли из Феспротии и поселились в Эолиде, где они живут еще и поныне. Фессалийцы пытались покорить их; фокийцы же построили для защиты эту стену, а также спустили в ущелье горячие потоки воды, чтобы сделать местность непроходимой из-за рытвин и оврагов, [образовавшихся от этих потоков]. Фокийцы пустили в ход все эти средства, лишь бы только помешать вторжению фессалийцев в свою страну. Древняя стена была построена в стародавние времена и от времени большей частью уже разрушилась. Эллины решили теперь восстановить стену и таким образом преградить варвару путь в Элладу. Есть там одно селение совсем близко у дороги под названием Альпены. Отсюда-то эллины рассчитывали добывать себе съестные припасы.

177. Эти-то оба места эллины и выбрали благодаря их удачному расположению. Обсудив все заранее и, кроме того, учтя, что варвары не смогут тут пустить в дело массу своей пехоты и конницу, эллины и решили в этом месте ожидать нападения врага. Когда затем стало известно, что персидский царь уже в Пиерии, эллины распустили собрание на Истме и выступили в поход: одни – сухим путем к Фермопилам, а другие – морем к Артемисию.

178. Итак, эллины двинулись поспешно на помощь, каждый в указанное место. Между тем дельфийцы, страшась за свою судьбу и участь всей Эллады, вопросили бога. Бог ответил им: нужно молиться ветрам, так как [боги] ветров будут могучими союзниками Эллады. Дельфийцы же с верою приняли прорицание и прежде всего сообщили ответ оракула всем свободолюбивым эллинам, которые трепетали перед варваром. И дельфийцы, это прорицание "им возвестив, благодарность навеки стяжали". Затем они воздвигли ветрам алтарь в Фие, где лежит [священный участок] и святилище Фии, дочери Кефиса (от нее и пошло название этого места), и почтили их жертвоприношениями. И поныне еще в силу этого прорицания дельфийцы умилостивляют ветры жертвоприношениями.

179. Между тем флот Ксеркса вышел из города Фермы, и десять самых быстроходных кораблей поплыли вперед прямо к Скиафу. Здесь стояли три дозорных эллинских корабля: трезенский, эгинский и аттический. Завидев издали варварские корабли, эллины обратились в бегство.

180. Варвары пустились в погоню за трезенским кораблем под начальством Праксина и тотчас же захватили его. Затем они привели на нос корабля самого красивого воина и закололи его (они считали счастливым предзнаменованием, что

[937] Т. е. горшками для варки.

[938] Стена была воздвигнута против северо-западных греческих племен, которые проникли в Фессалию из Албании через гору Пинд и пытались продвинуться на юг.

первым захваченным ими эллином был такой красавец). Имя заколотого воина было Леонт (быть может, несчастный из-за своего имени и поплатился смертью)[939].

181. Что до эгинского корабля под начальством Асонида, то он причинил персам много хлопот: один из воинов на корабле – Пифей, сын Исхенoя, выказал в этот день чудеса храбрости. Он продолжал сопротивляться, когда корабль был уже взят, пока его не изрубили в куски. Когда он, уже поверженный, но все еще живой, лежал на земле, персидские воины, бывшие на корабле, стремились всеми средствами спасти жизнь храбреца из-за его доблести: они прикладывали мирру к его ранам и бинтовали их повязками из тончайшего льняного полотна. Когда эти персидские воины возвратились к своим кораблям, то с восхищением показывали пленника всему войску и прекрасно обращались с ним. Остальных же моряков, захваченных в плен на корабле, они обратили в рабство.

182. Таким-то образом два эти корабля попали в руки персов. Третий же корабль под начальством афинянина Форма во время бегства был отнесен к устью Пенея, и варварам удалось захватить только корабль, но не людей. Ибо лишь только афиняне пристали к берегу, как выскочили с корабля и через Фессалию возвратились в Афины.

183. Об этом эллины, стоявшие с кораблями у Артемисия, узнали с помощью сигнальных огней из Скиафа. А как только узнали, то в страхе отплыли из Артемисия назад к Халкиде для прикрытия Еврипа. На высотах Евбеи они оставили "дневные стражи". Из десяти же варварских кораблей три прибыли к подводному утесу, что между Скиафом и Магнесией, под названием Мирмек. Там варвары воздвигли каменный столп, привезенный ими с собой на утес[940]. Затем, после того как путь был очищен, весь флот также покинул Ферму через одиннадцать дней после ухода оттуда царя. На то, что подводная скала находится почти в самом проливе [на пути кораблей], указал персам Паммон из Скироса. За целый день плавания варварский флот достиг Сепиады в Магнесийской области и побережья между городом Касфанея и мысом Сепиада[941].

184. До этого места и до Фермопил персидское войско и флот еще не понесли никаких потерь. Общая численность персидских боевых сил, по моим вычислениям, была тогда вот какая: на 1207 азиатских кораблях первоначально было воинов из разных народностей 241 000, считая по 200 человек на корабль. На этих кораблях, кроме воинов из местных жителей, было еще по 30 человек персов, мидян и саков, что составляет еще 36 210 человек. К этому и к тому первому числу я прибавляю еще команды 50-весельных кораблей, принимая в среднем по 80 человек на корабль. Следовательно, на этих 50-весельных кораблях (а их было, как я уже сказал раньше, 3000) должно было находиться 240 000 человек. Таким образом, численность команды всего азиатского флота составляла 517 610[942] человек. Пехота же персов насчитывала 1 700 000, а конница 80000 человек. К этому следует добавить арабов на их верблюдах и ливийцев на боевых колесницах[943]; в общем 20 000 человек. Если сосчитать вместе общее количество воинов на кораблях и в сухопутном войске, то в итоге получим 2 317 610 человек. Здесь перечислены боевые силы персов, приведенные из самой Азии, не считая следовавшего за ними обоза, грузовых судов с продовольствием и их команд.

185. К этому общему числу следует прибавить еще численность войска, которое царь привел с собой. О его численности я могу судить, конечно, лишь приблизительно. Так, эллины из Фракии и с островов у фракийского побережья

[939] Персы принесли в жертву Ваалу, статуя которого стояла на носу корабля, самого красивого и (как они думали, судя по имени: Леонт –греч. Лев) самого сильного и доблестного пленника. Лев, по воззрениям древних, –воплощение силы.

[940] Каменный столб для предупреждения кораблей об опасности.

[941] Имеется в виду побережье от оз. Карлас до горы на южной оконечности полуострова.

[942] Численность персов сильно преувеличена. Вероятно, Геродот неправильно понял данные своего источника.

[943] Боевые колесницы ливийских гарамантов.

выставили 120 кораблей. Это значит, что на этих кораблях было 24 000 воинов. Что до сухопутного войска, то его выставили фракийцы, пеоны, эорды, боттиеи, народности на Халкидике, бриги, пиерийцы, македоняне, перребы, эниены, долопы, магнеты, ахейцы и все жители фракийского побережья. Численность отрядов всех этих народностей, по моему мнению, составляла 300 000 человек. Итак, если прибавить эти мириады к мириадам, [приведенным] из Азии, то получим боеспособную военную силу в 2 641 610 человек.

186. Столь велика была боевая мощь Ксеркса! Обоз же, следовавший за войском, команды легких судов с продовольствием и прочих вспомогательных кораблей были, мне думается, не менее многочисленны, но даже еще многочисленнее самих боевых сил. Однако я принимаю численность обоза равной численности боевой силы и вовсе не больше и не меньше. Если это так, то численность обоза составляет столько же мириад, как и боевой силы. Таким образом, Ксеркс, сын Дария, привел к Сепиаде и Фермопилам 5 283 220 человек. Такова была общая численность полчищ Ксеркса.

187. Число же поварих-женщин, наложниц и евнухов точно определить невозможно. Так же и количество упряжных и других вьючных животных и индийских псов[944] в войсках нельзя установить из-за огромного их числа. Поэтому вовсе не удивительно, что воды некоторых рек иссякли; зато гораздо более поразительно, что нашлось достаточно пищи для стольких мириад людей. Ведь, по моим расчетам, выходит: если ежедневный паек на человека только 1 хеник пшеницы и ничего больше, то каждый день выходило 110 340 медимнов. При этом я не считаю количества продовольствия для женщин, евнухов, вьючного скота и псов. Однако из стольких мириад людей не было ни одного по красоте и статному телосложению более достойного обладать таким могуществом, чем сам Ксеркс.

188. Между тем персидский флот отдал якоря и, выйдя в море, достиг берегов Магнесии между городом Касфанея и мысом Сепиада. Первые ряды кораблей бросили якорь непосредственно у самого берега, а другие за ними – в море. Берег был неширок, и поэтому корабли стояли в шахматном порядке по восьми в ряд носами к морю[945]. Так они стояли на якоре эту ночь. А ранним утром при ясном небе и затишье море вдруг заволновалось, и разразилась страшная буря с ужасным северо-восточным ветром, который местные жители зовут Геллеспонтием. Все, кто заметил крепнущий ветер и кому место стоянки дозволяло это, успели еще до начала бури вытащить свои корабли на берег и таким образом спаслись вместе с кораблями. Те же корабли, которых буря застигла в открытом море, [силой ветра] частью отнесло к так называемым Ипнам на Пелионе, частью же выбросило на берег. Иные корабли потерпели крушение у самого мыса Сепиада, другие были выброшены на берег у города Мелибеи или Касфанеи. Это была буря неодолимой силы.

189. Существует сказание о том, что афиняне призвали себе на помощь Борея по велению божества. Именно, они получили другое изречение оракула: призвать на помощь своего зятя. По эллинскому преданию, супругой Борея была аттическая женщина Орифия. В силу этого родства через брак афиняне (так гласит молва) считали Борея своим зятем. Когда [афиняне] стояли на якоре у Халкиды на Евбее и заметили, что поднимается буря (или уже ранее этого), то стали приносить жертвы и призывать Борея и Орифию помочь им и сокрушить варварские корабли, как прежде у Афона. Впрочем, из-за этого ли действительно Борей обрушился на варварские корабли, стоявшие на якоре, – этого я не могу сказать. Во всяком случае, по словам афинян, Борей уже и раньше помогал им и на этот раз также вызвал бурю. [После войны], возвратившись домой, афиняне воздвигли Борею храм на реке Илиссе.

190. Во время этой бури погибло по самому скромному счету не менее 400 кораблей, несчетное число людей и огромные богатства. Одному магнету

[944] Привозимые тогда из Индии в Персию охотничьи и сторожевые собаки.

[945] Это описание стоящих на якоре персидских кораблей, по-видимому, заимствовано из Илиады (XIV, 30–5).

Аминоклу, сыну Кретина, владельцу земельного участка у мыса Сепиады, это кораблекрушение принесло большую выгоду. Он подобрал множество золотых и серебряных кубков, впоследствии выброшенных на берег; нашел также денежные ящики [с корабельной казной] персов и, кроме того, присвоил себе еще множество других ценных вещей. Благодаря этому Аминокл сделался великим богачом, хотя это богатство не принесло ему счастья. Ведь его тревожило некое тяжкое горе, как убийцу собственного сына.

191. Число погибших от бури персидских грузовых кораблей с продовольствием и прочих судов неизвестно. Предводители флота после такого страшного несчастья из боязни нападения фессалийцев приказали возвести вокруг стана ограду из обломков кораблей, ибо буря бушевала три дня. Наконец, маги принесли кровавые жертвы [ветрам][946] и умилостивили ветер волшебными заклинаниями. Кроме того, они совершили жертвоприношение Фетиде и нереидам, и на четвертый день буря утихла[947]. Впрочем, быть может, буря успокоилась сама собой. Фетиде же персы приносили жертвы, потому что слышали от ионян сказание с том, что из этих мест Пелей похитил Фетиду и [поэтому] все побережье Сепиады посвящено ей и другим нереидам.

192. Итак, на четвертый день буря стихла. Между тем к эллинам уже на второй день после того, как поднялась буря, прибежали с евбейских вершин "дневные стражи" и сообщили все обстоятельства кораблекрушения. Услышав об этом, эллины сотворили молитвы и возлияния Посейдону-спасителю и поспешно отплыли назад к Артемисию: они ожидали найти там лишь немного вражеских кораблей. Итак, эллины вторично прибыли в Артемисию и бросили там якорь. С тех пор и до сего дня Посейдон у них называется спасителем.

193. Варвары же, лишь только стих ветер и улеглось волнение, спустили на воду свои корабли и поплыли вдоль побережья материка. Затем, обогнув мыс Магнесии, они направились прямо в залив, ведущий к Пагасам[948]. В этом заливе Магнесии есть одно место, где, по преданию, Иасон и его спутники с корабля "Арго" покинули Геракла, отправив героя за водой (во время плавания в колхидскую Эю за руном). Ведь отсюда они, запасшись водой, хотели выйти в открытое море. Поэтому-то это место и называется Афеты[949]. Здесь-то флот Ксеркса и бросил якорь.

194. Вышло так, что пятнадцать персидских кораблей отплыли значительно позже прочих. И вот они заметили случайно у Артемисия эллинские корабли. Варвары приняли их за свои и, продолжая плыть, оказались среди врагов. Начальником этих варварских кораблей был Сандок, сын Фамасия, правитель Кимы в Эолиде. Это был тот самый Сандок, которого прежде царь Дарий велел распять на кресте вот по какой причине. Он был одним из царских судей и за деньги вынес несправедливый приговор. Когда Сандок уже висел на кресте, Дарий одумался, решив, что заслуги [несчастного] перед царским домом превышают его вину. Придя к такому заключению, царь решил, что поступил слишком поспешно и потому неблагоразумно, и велел отпустить несчастного. Так-то Сандок избежал гибели при царе Дарии, а вторично, когда он подплыл к эллинам, это ему уже не удалось. Ибо лишь только эллины увидели плывущие к ним корабли, как поняли ошибку врагов, и, напав на них, легко захватили.

195. На одном из этих кораблей был захвачен Аридолис, тиран Алабанд и Карии, на другом – Пенфил, сын Демоноя, полководец пафосцев. Он был начальником двенадцати кораблей с Пафоса. Одиннадцать из них он потерял во время бури у мыса Сепиады и, приплыв с одним уцелевшим кораблем к Артемисию, был взят в

[946] Сила ветра в Авесте называется "созданной Маздой". Маги кровавыми жертвами умилостивляли ветер (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 118).

[947] Персы в чужой стране приносили жертвы местным богам. Так поступали персидские цари в Египте и Вавилоне.

[948] Совр. залив Волос.

[949] Одна из необходимых тогда для мореплавания станций с пресной водой.

плен эллинами. Выведав у этих людей все, что хотели узнать о войске Ксеркса, эллины отослали их в оковах в Коринф на Истме.

196. Итак, флот варваров, кроме упомянутых пятнадцати кораблей под начальством Сандока, пришел к Афетам. Ксеркс же во главе сухопутного войска, следуя через Фессалию и Ахею, прибыл на третий день в область малийцев. В Фессалии царь устроил конские состязания своих и фессалийских коней (он слышал, что фессалийская конница – лучшая в Элладе). Тут эллинские кони, конечно, остались далеко позади. Из фессалийских рек только в одной реке Онохон не хватило воды, чтобы напоить войско. А из рек, протекающих в Ахее, напротив, даже в самой большой реке Апидан едва хватило воды[950].

197. По прибытии Ксеркса в Алос в Ахее проводники, желая все рассказать царю, передали ему местное сказание о святилище Зевса Лафистия, как Афамант, сын Эола, вместе с Ино замыслил погубить Фрикса и как потом ахейцы по велению божества наложили на его потомков вот такие наказания: старшему в этом роде было воспрещено вступать в пританей (причем сами ахейцы сторожили вход). Пританей же у ахейцев называется леитом. Если же его схватят [в пританее], то он уже не выйдет оттуда, пока не будет принесен в жертву богу. Затем проводники рассказали, что много осужденных в жертву богу в страхе убегали на чужбину. Если они через некоторое время возвращались и были пойманы, то их вводили в пританей как бы в торжественной процессии и, покрыв с ног до головы венками, приносили в жертву. Такая участь постигла потомков Китиссора, сына Фрикса, вот почему: этот Китиссор прибыл в Ахею из Эи в Колхиде как раз в то время, когда ахейцы по велению оракула совершали очищение своей страны и собирались заколоть Афаманта, сына Эола, как искупительную жертву. Китиссор спас Афаманта и навлек этим гнев бога на своих потомков. Когда Ксеркс прибыл к упомянутой священной роще, то, услышав это сказание, и сам не вступил в нее и запретил вход туда своему войску. Так же и дому потомков Афаманта и святилищу царь оказал благоговейный почет[951].

198. Это – события в Фессалии и Ахее. Отсюда Ксеркс двигался в Малиду вдоль морского залива, где целый день бывают приливы и отливы. Вокруг этого залива простирается [болотистая] равнина, местами широкая, а местами очень узкая. Местность эта окружена высокими и недоступными горами под названием Трахинские скалы, которые замыкают всю Малийскую область. Если направляться из Ахеи, то первым городом в заливе будет Антикира, где впадает в море река Сперхей, текущая из области эниенов. В 20 стадиях от Сперхея протекает другая река по имени Дирас, по сказанию, явившаяся из земли на помощь охваченному пламенем Гераклу. А еще в 20 стадиях от этой реки течет третья река – Мелас.

199. Город же Трахин от реки Меласа в 5 стадиях. В этом месте – самое большое во всей этой области расстояние от гор до моря, где лежит Трахин. Ведь здесь равнина шириной в 22 000 плефров. В горе же, замыкающей Трахинскую область, к югу от города Трахина находится скалистое ущелье, по которому вдоль подножья горы протекает река Асоп[952].

200. К югу от Асопа есть еще небольшая речка Феникс. Она стекает с этих гор и впадает в Асоп. Там, у реки Феникса, – самое узкое ущелье. И действительно, дорога здесь проложена лишь для одной повозки. От реки Феникса до Фермопил 15 стадий. Между рекой Фениксом и Фермопилами лежит селение под названием Анфела, мимо которого протекает Асоп и затем впадает в море. Около этого селения есть обширное место, где воздвигнуто святилище Деметры

[950] Летом в реках бывает мало воды.

[951] Персы хотели привлечь на свою сторону греческих богов.

[952] Путь шел здесь через теснину. На одной стороне лежало море (Ламийский залив), а на другой возвышалась гора (Каллидромос).

Амфиктионийской со скамьями для амфиктионов и храм самого Амфиктиона[953].

201. Итак, царь Ксеркс разбил свой стан у Трахина в Малийской земле, эллины же – в проходе. Место это большинство эллинов зовет Фермопилами, а местные жители и соседи называют его Пилами. Так, оба войска стояли друг против друга в этих местах. В руках Ксеркса была вся область к северу вплоть до Трахина, а эллины занимали местности к югу от прохода со стороны эллинского материка.

202. Эллинские же силы, ожидавшие в этой местности персидского царя, состояли из 300 спартанских гоплитов, 1000 тегейцев и мантинейцев (по 500 тех и других); далее, 120 человек из Орхомена в Аркадии и 1000 – из остальной Аркадии. Столько было аркадцев. Затем из Коринфа 400, из Флиунта 200 и 80 – из Микен[954]. Эти люди прибыли из Пелопоннеса. Из Беотии было 700 феспийцев и 400 фиванцев.

203. Кроме того, эллины вызвали на помощь опунтских локров со всем их ополчением и 1000 фокийцев. Эллины ведь сами пригласили их и велели передать через вестников: "Это – только головной отряд, и со дня на день ожидается прибытие всех остальных союзников. О положении на море не следует беспокоиться, так как охрану моря взяли на себя афиняне, эгинцы и прочие, кто назначен во флот. Ведь на Элладу идет войной вовсе не [какой-нибудь] бог, а [просто] человек, и нет и не будет ни одного смертного, которого от рождения ни постигло бы в жизни несчастье. И именно, самых великих из людей и поражают самые страшные бедствия". На этот призыв локры и фокийцы поспешили в Трахин на помощь.

204. У каждого города были свои особые военачальники. Но среди них особенно достоин восхищения главный начальник всего войска лакедемонянин Леонид, сын Анаксандрида, потомок Леонта, Еврикратида, Анаксандра, Еврикрата, Полидора, Алкамена, Телекла, Архелая, Гегесилая, Дорисса, Леобота, Эхестрата, Эгия, Еврисфена, Аристодема, Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла. Леонид же получил спартанский престол неожиданно.

205. У Леонида было два старших брата – Клеомен и Дорией, и поэтому он отбросил мысль стать царем. Однако Клеомен скончался, не оставив наследников мужского пола, а Дориея также не было уже в живых (он погиб в Сикелии)[955]. Так-то Леонид вступил на престол, потому что был старше Клеомброта (тот был младшим сыном Анаксандрида) и, кроме того, потому что был женат на дочери Клеомена[956]. Этот Леонид пришел в Фермопилы, отобрав себе, по обычаю, отряд в 300 человек и притом таких, у кого уже были дети[957]. По пути туда он присоединил к своему отряду также и перечисленных мною выше фиванцев под начальством Леонтиада, сына Евримаха. Леонид так поспешно присоединил к себе только одних фиванцев из всех эллинов именно потому, что над ними тяготело тяжкое подозрение в сочувствии мидянам. Итак, царь призвал их на войну, желая удостовериться, пошлют ли они войско на помощь или же открыто откажутся от союза с эллинами. Фиванцы все же послали ему людей, хотя и думали об измене.

206. Отряд же этот во главе с Леонидом спартанцы выслали вперед для того, чтобы остальные союзники видели это и также выступили в поход и не перешли на сторону мидян, заметив, что сами спартанцы медлят. Дело было в канун праздника Карнеи. По окончании празднества спартанцы собирались, оставив в Спарте только стражу, быстро выступить на помощь со всем своим войском. Так же

[953] Здесь находилось святилище союза амфиктионов –храм Деметры и святилище героя-эпонима Амфиктиона. Вокруг храма объединялись племена по соседству в союзы, которые назывались амфиктиониями.

[954] В греческом войске не было отрядов из пелопоннесских государств: Мессении, Элиды, Ахеи и Арголиды.

[955] Ср. выше. V 41–8.

[956] Ее звали Горго; ср. V 48.

[957] Знаменитый спартанский отборный отряд трехсот состоял из членов знатнейших фамилий определенного возраста.

думали поступить и прочие союзники, так как с этими событиями как раз совпадали и Олимпийские игры[958]. И действительно, никто не предполагал, что борьба за Фермопилы так быстро окончится, и поэтому послали туда передовой отряд. Так решили поступить союзники.

207. Между тем, лишь только персидский царь подошел к проходу, на эллинов напал страх и они стали держать совет об отступлении. Все пелопоннесские города предложили возвратиться в Пелопоннес и охранять Истм. Фокийцы и локры пришли в негодование от такого предложения, и потому Леонид принял решение оставаться там и послать вестников в города с просьбой о помощи, так как у них слишком мало войска, чтобы отразить нападение мидийских полчищ.

208. Во время этого совещания Ксеркс послал всадника-лазутчика выведать численность и намерение врагов. Ведь еще в Фессалии царь получил сведения, что в Фермопилах собрался маленький отряд под начальством лакедемонян и Леонида из рода Гераклидов. Когда этот всадник подъехал к стану, он не мог, правда, разглядеть весь стан (ведь тех, кто находился за восстановленной стеной, нельзя было видеть). Лазутчик заметил лишь воинов, стоявших на страже перед стеной. А в это время стражу перед стеной как раз несли лакедемоняне. И он увидел, как одни из них занимались телесными упражнениями, а другие расчесывали волосы. Он смотрел на это с удивлением и старался заметить число врагов. Когда же он все точно узнал, то спокойно уехал назад, так как на него не обратили никакого внимания. По возвращении всадник передал Ксерксу все, что видел.

209. Услышав рассказ лазутчика, Ксеркс не мог понять, что спартанцы таким образом действительно готовятся, как подобает мужчинам, к борьбе не на жизнь, а на смерть. Поведение спартанцев казалось царю смешным, и он велел послать за Демаратом, сыном Аристона, который находился в стане персов. Когда Демарат явился, Ксеркс стал подробно расспрашивать его, желая понять действия лакедемонян. Демарат же отвечал: "Ведь я уже раньше, царь, когда ты еще собирался в поход на Элладу, рассказывал тебе об этих людях. Но ты поднял меня на смех, когда я тебя предупреждал, каков, по-моему, будет исход этого предприятия. Ведь для меня, царь, говорить правду наперекор тебе – самая трудная задача. Но все же выслушай меня теперь. Эти люди пришли сюда сражаться с нами за этот проход, и они готовятся к битве. Таков у них обычай: всякий раз, как они идут на смертный бой, они украшают себе головы. Знай же, царь, если ты одолеешь этих людей и тех, кто остался в Спарте, то уже ни один народ на свете не дерзнет поднять на тебя руку. Ныне ты идешь войной на самый прославленный царский род и на самых доблестных мужей в Элладе". Ксеркс же слушал эти слова с большим недоверием и спросил затем: "Как же они при такой малочисленности будут сражаться с моими полчищами?". Демарат отвечал: "Царь! Поступи со мной, как с лжецом, если не выйдет так, как я тебе говорю! ".

210. Эти слова Демарата, однако, не убедили Ксеркса. Четыре дня царь велел выждать, все еще надеясь, что спартанцы обратятся в бегство. Наконец на пятый день, так как эллины все еще не думали двигаться с места, но, как он думал, продолжали стоять из наглого безрассудства, царь в ярости послал против них мидян и киссиев с приказанием взять их живыми и привести пред его очи. Мидяне стремительно бросились на эллинов; [при каждом натиске] много мидян падало, на место павших становились другие, но не отступали, несмотря на тяжелый урон. Тогда, можно сказать, всем стало ясно, и в особенности самому царю, что людей у персов много, а мужей [среди них] мало. Схватка же эта длилась целый день.

211. Получив суровый отпор, мидяне вынуждены были отступить. На смену им прибыли персы во главе с Гидарном (царь называл их "бессмертными"). Они думали легко покончить с врагами. Но когда дело дошло до рукопашной, то персы не добились большего успеха, чем мидяне, но дело шло одинаково плохо: персам приходилось сражаться в теснине с более короткими копьями, чем у эллинов. При этом персам не помогал их численный перевес. Лакедемоняне же доблестно бились с врагом и показали свою опытность в военном деле перед неумелым

[958] Последний день упомянутой Олимпиады падал на 19 сентября 480 г. до н.э.

врагом, между прочим, вот в чем. Всякий раз, когда они время от времени делали поворот, то все разом для вида обращались в бегство. При виде этого варвары с боевым кличем и шумом начинали их теснить. Спартанцы же, настигаемые врагом, поворачивались лицом к противнику и поражали несметное число персов. При этом, впрочем, погибало и немного спартанцев. Так как персы никак не могли овладеть проходом, хотя и пытались штурмовать отдельными отрядами и всей массой, то им также пришлось отступить.

212. Во время этих схваток царь, как рассказывают, наблюдал за ходом сражения и в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона. Так они бились в тот день, но и следующий день не принес варварам удачи. Варвары нападали в расчете на то, что при малочисленности врагов они все будут изранены и не смогут уже сопротивляться. Эллины же стояли в боевом строю по племенам и родам оружия, и все сражались, сменяя друг друга, кроме фокийцев. Фокийцы же были отосланы на гору охранять горную тропу. А персы, увидев, что дело идет не лучше вчерашнего, вновь отступили.

213. Между тем царь не знал, что делать дальше. Тогда явился к нему некий Эпиальт, сын Евридема, малиец. Надеясь на великую царскую награду, он указал персам тропу, ведущую через гору в Фермопилы, и тем погубил бывших там эллинов. Впоследствии предатель из страха перед лакедемонянами бежал в Фессалию, и пилагоры (собравшиеся в Пилее амфиктионы) объявили за голову беглеца денежную награду. Через некоторое время Эпиальт возвратился на родину в Антикиру и был там убит Афинадом из Трахина. Афинад же этот умертвил Эпиальта по другой причине (о чем я расскажу позднее), но все же получил награду от лакедемонян. Так впоследствии погиб Эпиальт.

214. Есть, однако, и другое распространенное предание, будто с таким же предложением к царю обратились Онет из Кариста, сын Фанагора, и Коридалл из Антикиры и провели персов через гору. Впрочем, я вовсе этому не верю. Прежде всего это предание следует отвергнуть потому, что пилагоры эллинов объявили денежную награду не за голову Онета и Коридалла, а за Эпиальта из Трахина (а они-то уже должны были прекрасно знать истину). Затем мы знаем, что Эпиальт бежал именно по этой причине. Онет же мог знать эту тропу, даже и не будучи малийцем, если ему подолгу приходилось жить в этой стране. Но Эпиальт действительно был проводником персов по этой тропе вокруг горы, и поэтому я и считаю его виновником.

215. Ксеркс же принял предложение Эпиальта и тотчас, чрезвычайно обрадовавшись, послал Гидарна с его отрядом. Персы вышли из стана около того времени, когда зажигают светильники. Тропу же эту некогда отыскали местные малийцы и указали путь по ней фессалийцам против фокийцев (фокийцы же, оградив стеной проход, считали себя в безопасности от нападения). Впрочем, уже с тех пор, как тропа была открыта, малийцы ею совершенно не пользовались.

216. Тропа эта идет так: начинается она от реки Асопа, текущей по горному ущелью (гора там носит одинаковое с тропой название – Анопея). Проходит же эта Анопея вдоль горного хребта и оканчивается у города Альпена (первого города локров со стороны Малиды), у так называемой скалы Мелампиг и у "Обителей Керкопов", в самом узком месте прохода.

217. По этой-то тропе после переправы через Асоп персы шли целую ночь. Справа возвышались Этейские горы, а слева – Трахинские. И вот уже засияла утренняя заря, когда они достигли вершины горы. В этом месте горы (как я уже раньше сказал) стояла на страже 1000 фокийских гоплитов для защиты своей земли и охраны тропы. Проход внизу сторожили вышеперечисленные отряды. Охранять же тропу, ведущую через гору, добровольно предложили Леониду фокийцы.

218. А фокийцы заметили, что персы уже стоят на вершине, вот каким образом. Поднимались ведь персы на гору незаметно, так как она вся густо поросла дубовым лесом. Стояла полная тишина, и, когда внезапно раздался сильный треск (от листвы, естественно шуршавшей под ногами воинов), фокийцы вскочили и

бросились к оружию. В этот-то момент и показались варвары. С изумлением увидели варвары перед собою людей, надевавших на себя доспехи. Ибо они, не ожидая встретить никакого сопротивления, наткнулись на отряд воинов. Тогда Гидарн, опасаясь, что это – не фокийцы, а лакедемоняне, спросил Эпиальта, откуда эти воины. Получив точные сведения, он построил воинов в боевой порядок. А фокийцы под градом стрел тотчас же бежали на вершину горы и, думая, что персы нападают именно на них, уже приготовились к смерти. Так думали фокийцы, а персы во главе с Эпиальтом и Гидарном даже не обратили на них внимания, но поспешно начали спуск.

219. Эллинам же в Фермопилах первым предсказал на заре грядущую гибель прорицатель Мегистий, рассмотрев внутренности жертвенного животного. Затем прибыли перебежчики с сообщением об обходном движении персов. Это случилось еще ночью. Наконец, уже на рассвете, спустившись бегом с вершины, явились "дневные стражи" [с такой же вестью]. Тогда эллины стали держать совет, и их мнения разделились. Одни были за то, чтобы не отступать со своего поста, другие же возражали. После этого войско разделилось: часть его ушла и рассеялась, причем каждый вернулся в свой город; другие же и с ними Леонид решили оставаться.

220. Рассказывают также, будто сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели. Ему же самому и его спартанцам не подобает, считал он, покидать место, на защиту которого их как раз и послали. И к этому мнению я решительно склоняюсь. И даже более того, я именно утверждаю, что Леонид заметил, как недовольны союзники и сколь не охотно подвергаются опасности вместе с ним, и поэтому велел им уходить. А сам он считал постыдным отступать. Если, думал Леонид, он там останется, то его ожидает бессмертная слава и счастье Спарты не будет омрачено. Ибо когда спартанцы вопросили бога об этой войне (еще в самом начале ее), то Пифия изрекла им ответ: или Лакедемон будет разрушен варварами, или их царь погибнет. Этот оракул Пифия дала им в следующих шестимерных стихах:

Ныне же вам изреку, о жители Спарты обширной: Либо великий и славный ваш град чрез мужей-персеидов Будет повергнут во прах, а не то – из Гераклова рода Слезы о смерти царя пролиет Лакедемона область. Не одолеет врага ни бычачья, ни львиная сила, Ибо во брани Зевсова мощь у него и брань он не прежде Кончит, чем град целиком иль царя на куски растерзает.

Так, вероятно, рассуждал Леонид. А так как он желал стяжать славу только одним спартанцам, то, по-моему, вероятнее, что царь сам отпустил союзников, а не они покинули его из-за разногласий, нарушив военную дисциплину.

221. Доводом, и притом немаловажным, в пользу этого мнения, по-моему, является еще вот что: достоверно известно, что Леонид отослал упомянутого прорицателя акарнанца Мегистия (этот Мегистий находился при войске; по преданию, он был отдаленным потомком Мелампода и предсказал Леониду грядущую судьбу по внутренностям жертвенных животных), чтобы тот не погиб вместе с ним. Однако Мегистий сам не покинул спартанцев, несмотря на приказ, но только отпустил своего единственного сына, который вместе с отцом участвовал в походе.

222. Итак, отпущенные союзники ушли по приказу Леонида. Только одни феспийцы и фиванцы остались с лакедемонянами. Фиванцы остались с неохотой, против своей воли, так как Леонид удерживал их как заложников; феспийцы же, напротив, – с великой радостью: они отказались покинуть Леонида и его спартанцев. Они остались и пали вместе со спартанцами. Предводителем их был Демофил, сын Диадрома.

223. Между тем Ксеркс совершил жертвенное возлияние восходящему солнцу[959]. Затем, выждав некоторое время, выступил около того часа, когда рынок наполняется народом. Такой совет дал царю Эпиальт. Ибо спуск с горы скорее и расстояние гораздо короче, чем дорога в обход или подъем. Наконец, полчища

[959] Ксеркс принес жертву богу войны и солнца Митре.

Ксеркса стали подходить. Эллины же во главе с Леонидом, идя на смертный бой, продвигались теперь гораздо дальше в то место, где проход расширяется. Ибо в прошлые дни часть спартанцев защищала стену, между тем как другие бились с врагом в самой теснине, куда они всегда отступали. Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами в руках и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На погибающих никто не обращал внимания. Эллины знали ведь о грозящей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой.

224. Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев[960]. Имена их, так как они заслуживают хвалы, я узнал. Узнал я также и имена всех трехсот спартанцев. Много пало там и знатных персов; в их числе двое сыновей Дария – Аброком и Гиперанф, рожденных ему дочерью Артана Фратагуной. Артан же был братом царя Дария, сына Гистаспа, сына Арсама. Он дал Дарию в приданое за дочерью все свое имущество, так как у него она была единственной.

225. Итак, два брата Ксеркса пали в этой битве. За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартанцами, пока наконец отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали в бегство врага). Битва же продолжалась до тех пор, пока не подошли персы с Эпиальтом. Заметив приближение персов, эллины изменили способ борьбы. Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме – все вместе, кроме фиванцев. Холм этот находился у входа в проход (там, где ныне стоит каменный лев в честь Леонида). Здесь спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон.

226. Из всех этих доблестных лакедемонян и феспийцев самым доблестным все же, говорят, был спартанец Диенек. По рассказам, еще до начала битвы с мидянами он услышал от одного человека из Трахина: если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца. Столь великое множество стрел было у персов! Диенек же, говорят, вовсе не устрашился численности варваров и беззаботно ответил: "Наш приятель из Трахина принес прекрасную весть: если мидяне затемнят солнце, то можно будет сражаться в тени".

227. Такие и подобные достопамятные слова, по рассказам, говорил лакедемонянин Диенек. А после него самыми доблестными, говорят, были два брата – Алфей и Марон, сыновья Ореифанта. Среди феспийцев же особенно отличился один, по имени Дифирамб, сын Горматида.

228. Погребены же они на том месте, где они пали. Им и павшим еще до того, как Леонид отпустил союзников, поставлен там камень с надписью, гласящей:

Против трехсот мириад здесь некогда бились Пелопоннесских мужей сорок лишь сотен всего.

Эта надпись начертана в честь всех павших воинов, а лакедемонянам особая:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне, Что, их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли.

Эта надпись в честь лакедемонян, а прорицателю вот какая:

Славного это могила Мегистия, коего миды Некогда тут умертвили, бурный Сперхей перейдя. Ведал преславный гадатель грядущую верную гибель, Но все же не захотел Спарты покинуть царя.

Этими надписями и памятными столпами, кроме надписи в честь прорицателя, почтили павших амфиктионы[961]. Надпись же в честь прорицателя Мегистия

[960] Геродот, очевидно, видел надпись с именами павших воинов.

[961] Каждый город поставил особые надписи в честь павших своих сограждан. Особенно

посвятил ему Симонид, сын Леопрепея, в память о дружбе.

229. Рассказывают, что двое из трехсот [спартанцев] – Еврит и Аристодем – оба могли бы остаться в живых, если бы были единодушны, и возвратиться в Спарту (они были отпущены Леонидом из стана и лежали в Альпенах, страдая тяжелым глазным недугом). Или же, не желая вернуться на родину, они могли бы по крайней мере умереть вместе с остальными. Хотя им открывались обе эти возможности, но они не достигли взаимного согласия, разойдясь во мнениях. Еврит, узнав о том, что персы обошли гору, потребовал свои доспехи. Затем, облачившись в доспехи, он приказал илоту вести его к бойцам. Илот провел Еврита в Фермопилы, но потом бежал, а Еврит попал в самую гущу схватки и погиб. Аристодем же не имел мужества [умереть] и остался жив. Если бы вернулся только один Аристодем больным в Спарту или оба они вместе, то, думается, спартанцы не стали бы гневаться на него. Теперь же, когда один из них пал, а другой (выставив ту же причину в свое оправдание) не захотел умереть, спартанцы неизбежно должны были сильно озлобиться на него.

230. Таким-то образом и с такой оговоркой, гласит одно предание, Аристодем прибыл в Спарту невредимым. Другие же рассказывают, что его послали вестником из стана и он мог успеть к началу битвы, но не пожелал этого, а, умышленно задержавшись в пути, сохранил себе жизнь. Между тем другой гонец (его товарищ) подоспел к сражению и погиб.

231. По возвращении в Лакедемон Аристодема ожидало бесчестие и позор. Бесчестие состояло в том, что никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним, а позор – в том, что ему дали прозвание Аристодем-Трус. Впрочем, в битве при Платеях Аристодему удалось совершенно загладить тяготевшее над ним позорное обвинение.

232. Рассказывают, впрочем, что в живых остался еще один из этих трехсот, по имени Пантит, отправленный гонцом в Фессалию. По возвращении в Спарту его также ожидало бесчестие, и он повесился.

233. Между тем фиванцам во главе с Леонтиадом пришлось в силу необходимости некоторое время сражаться заодно с эллинами против царского войска. Увидев, что персы берут верх и теснят отряд Леонида к холму, фиванцы отделились от лакедемонян и, простирая руки, пошли навстречу врагу. Фиванцы заявляли – и это была сущая правда, – что они всецело на стороне персов и с самого начала дали царю землю и воду, а в Фермопилы они пришли только по принуждению и невиновны в уроне, нанесенном царю. Такими уверениями фиванцы спасли свою жизнь, и [истинность] их слов засвидетельствовали фессалийцы. Правда, им посчастливилось не во всем: когда фиванцы подошли, варвары схватили некоторых из них и умертвили. Большинство же их, и прежде всего начальника Леонтиада, по приказанию Ксеркса заклеймили царским клеймом[962] (сына Леонтиада Евримаха впоследствии умертвили платейцы, когда он во главе 400 фиванцев захватил их город).

234. Так сражались эллины при Фермопилах. А Ксеркс велел призвать к себе Демарата для расспросов и начал вот как: "Демарат! Ты – человек, преданный мне. Я сужу об этом по твоей правдивости. Ведь все и вышло так, как ты говорил. А теперь скажи-ка мне, сколько еще осталось лакедемонян и много ли у них еще таких доблестных бойцов или они все – храбрецы?". Демарат отвечал: "Царь! Число лакедемонян велико, и городов у них много. А то, что ты желаешь узнать, узнаешь. Есть в Лаконии город Спарта, и в нем около 8000 мужей. Все они так же доблестны, как и те, что здесь сражались. Остальные лакедемоняне, правда, не такие, как эти, но все же – храбрые мужи". Затем Ксеркс сказал: "Демарат! Как же нам легче всего победить этот народ? Скажи-ка мне! Ведь тебе известны все ходы и лазейки в их замыслы, так как ты был их царем".

235. А тот отвечал: "Царь! Если ты и вправду серьезно спрашиваешь моего совета, то я обязан дать тебе самый лучший совет. Тебе следовало бы послать 300

прославился Симонид Кеосский своими эпиграммами в честь героев Персидской войны.

[962] Такой процедуре подвергались только рабы.

кораблей из твоего флота к лаконским берегам. У берегов Лаконии лежит остров по имени Кифера. Об этом острове Хилон – один из наших мудрецов – сказал, что спартанцам гораздо лучше было бы, если бы он погрузился в море, а не возвышался над водой. Хилон всегда ожидал с этого острова какого-нибудь нападения, вроде того как я тебе теперь предлагаю. Не оттого, что он предвидел твой поход, но потому, что опасался любого вражеского нападения оттуда. С этого-то острова пусть твои корабли и войско держат в страхе лакедемонян. Если же лакедемоняне будут заняты войной в своей стране, непосредственно их затрагивающей, то тебе не надо будет опасаться, что они придут на помощь, когда твое сухопутное войско станет захватывать остальную Элладу. Когда же ты покоришь остальную Элладу, то у тебя останется единственный противник – слабое лаконское войско. А если ты не примешь моего совета, то ожидай вот чего. Есть в Пелопоннесе узкий перешеек. Там жди еще более жестоких битв, чем здесь при Фермопилах, и притом против всех объединенных сил пелопоннесцев. Если же ты поступишь иначе, то этот перешеек падет без боя и сдадутся города".

236. После этого взял слово Ахемен, брат Ксеркса, предводитель морских сил (он также присутствовал на этом совете). Опасаясь, что Ксеркс примет предложение Демарата, он сказал вот что: "Царь! Я вижу, что ты склонен прислушиваться к речам человека, который завидует твоим успехам или даже предает тебя. И действительно, таков излюбленный образ действий эллинов: они завидуют счастливым и ненавидят могущественных. Если ты при нынешнем положении, когда мы уже потеряли от бури 300 кораблей, пошлешь из твоего флота еще 300 кораблей, то противник сможет помериться силами с тобой. Напротив, флот твой, сосредоточенный в одном месте, враги не одолеют и тогда вообще даже не смогут оказать сопротивления. Продвигаясь и действуя совместно, флот и сухопутное войско будут взаимно помогать друг другу. Если же они будут разъединены, то ни сам ты не сможешь прийти на помощь морским силам, ни они – тебе. Старайся лишь, чтобы в твоем собственном войске дела шли хорошо и не думай о войске противника – где оно начнет войну, что предпримет и сколь многочисленно. Враги ведь достаточно сообразительны, чтобы самим о себе заботиться, а мы будем точно так же [заботиться] о себе. Если же лакедемоняне действительно пойдут на персов, то не избегнут гибели".

237. На это Ксеркс отвечал так: "Ахемен! Твои слова хороши, и я поступлю так, как ты сказал. Хотя Демарат и дал мне совет с самыми благими намерениями, но ты все-таки превзошел его проницательностью. Я не могу, конечно, поверить, что Демарат не желает успеха моему походу. Я сужу об этом потому, что он говорил раньше, и из самого дела. Правда, один гражданин, завидуя счастью другого, может своим молчанием проявлять враждебность и не дать полезного совета, когда другой к нему обратится за этим, если только он не достиг вершин доблести. А такие люди – редкость. Однако гостеприимец более всех радуется благополучию друга, и когда друг обращается за советом, то дает ему наилучший. Поэтому я повелеваю всем впредь не оскорблять Демарата, так как это – мой друг".

238. После этого Ксеркс пошел между мертвыми телами [осматривать поле битвы]. [Увидев тело Леонида], он повелел отрубить голову и посадить на кол[963] (царь узнал, что Леонид был царем и полководцем лакедемонян). По многим другим признакам, и в особенности же после такого приказа, мне стало ясно, что никого из своих врагов при жизни царь Ксеркс не ненавидел столь яростно, как Леонида. Иначе никогда бы он не учинил такого надругательства над телом павшего. Ведь из всех известных мне народов именно у персов более всего в почете доблестные воины. А слуги, получившие приказание царя, исполнили его.

[963] Ксеркс считал, таким образом, Леонида мятежником.

239. Я же возвращусь теперь к тому месту, где и прервал свое повествование. Лакедемоняне первыми получили весть о сборах царя в поход на Элладу. Поэтому-то они и отправили посольство к дельфийскому оракулу, и им было дано в ответ изречение, приведенное мною немного раньше. А пришло к ним это известие о предстоящем походе удивительным способом. Демарат, сын Аристона, который бежал к мидянам, как мне думается (и это, вероятно, так и есть), не был расположен к лакедемонянам. Можно предположить поэтому, что действовал он так не по доброй воле, а из злорадства. Когда Ксеркс задумал поход на Элладу, Демарат как раз находился в Сусах. Узнав о походе, Демарат захотел послать весть лакедемонянам. Так как иным способом он не мог известить лакедемонян (из страха, что будет обнаружен), то придумал вот какую хитрость. Взяв двухстороннюю дощечку[964] [для письма], он соскоблил с нее воск. Затем на дереве дощечки написал замысел царя и снова залил воском написанное, чтобы чистая дощечка не могла возбудить подозрения у дорожных стражей. Когда же дощечку доставили в Лакедемон, то лакедемоняне не могли понять, [что это значит]. Наконец, как мне рассказывали, дочь Клеомена, супруга Леонида, Горго разгадала смысл [посылки]. Она сказала, что нужно соскоблить воск и тогда на дереве обнаружатся буквы. Лакедемоняне так и сделали, нашли надпись прочитав ее, отослали остальным эллинам. Так, по рассказам, распространилась весть [о походе].

Книга VIII
УРАНИЯ

1. Эллинские морские силы состояли вот из каких кораблей. Афиняне выставили 127 кораблей. Воинами и матросами на этих кораблях вместе с афинянами служили неопытные, правда, в мореплавании, но доблестные и отважные платейцы[965]. Коринфяне доставили 40 кораблей, а мегарцы 20. Халкидяне снарядили экипаж для 20 кораблей, предоставленных афинянами. Эгина выставила 18 кораблей, Сикион 12, лакедемоняне 10, Эпидавр 8, эретрийцы 7, Трезен 5, стирейцы 2, кеосцы 2 боевых корабля и 2 пентеконтеры и, наконец, опунтские локры прислали на помощь 7 пентеконтер.

2. Итак, эти корабли стояли у Артемисия. Сколько кораблей выставил каждый город, я уже сказал. Общее же число кораблей, собранных у Артемисия (кроме пентеконтер)[966], было 271. Главным начальником флота спартанцы выставили Еврибиада, сына Евриклида. Союзники отказались подчиняться афинянину и объявили, что если начальник лаконского отряда не будет главнокомандующим, то они не примут участия в походе.

3. Сначала ведь (еще до отправки послов за помощью в Сикелию) шла речь о том, чтобы отдать командование флотом афинянам. Однако из-за сопротивления союзников афинянам пришлось уступить. Самой главной заботой афинян было спасение Эллады: они понимали, что спор из-за главного командования может погубить Элладу. И афиняне были правы. Ведь распри в своем народе настолько же губительнее войны против внешнего врага, насколько война губительнее мира. Так вот, по этим соображениям афиняне решили не противиться, а уступать, однако лишь до тех пор, пока была настоятельная нужда в помощи союзников[967]. Это они ясно дали понять впоследствии. Ибо, лишь только афиняне изгнали войско персидского царя и обратились против его собственной державы, они отняли у

[964] Речь идет о дощечках, покрытых воском и связанных по две, по три или несколько шнуром с печатью.

[965] Платейцы служили матросами-гребцами на афинских кораблях.

[966] Пентеконтера –50-весельное судно.

[967] Геродот воспринял взгляды кружка Перикла и сделал все возможное для прославления Афин и защиты их политики.

лакедемонян главное командование под предлогом высокомерного поведения Павсания[968]. Впрочем, это случилось позднее.

4. Итак, эллинские корабли прибыли тогда к Артемисию. Между тем, увидев огромный флот противника на якоре у Афет и [заметив], что всюду полно вражеских кораблей (ведь против ожидания силы варваров оказались гораздо более значительными)[969], эллины устрашились и решили снова бежать во внутренние воды Эллады. Узнав об этом, евбейцы просили Еврибиада подождать, по крайней мере, хоть немного, пока они тайно не отправят детей и челядь в безопасное место. Еврибиад, однако, отклонил их просьбу, и тогда евбейцы обратились к афинскому военачальнику Фемистоклу. Им удалось за 30 талантов подкупить Фемистокла, и тот склонил эллинов остаться и дать морскую битву перед Евбеей.

5. Фемистокл же сумел убедить эллинов подождать вот каким образом: из этих денег он отдал Еврибиаду 5 талантов как будто бы из своего личного достояния. Когда Фемистокл уговорил Еврибиада, то среди прочих военачальников оставался только один противник – коринфский военачальник Адимант, сын Окита. Он заявил, что отплывет и не останется у Артемисия. К нему-то обратился Фемистокл и с клятвой сказал: "Ты не покинешь нас на произвол судьбы, так как я обещаю тебе более щедрые дары, чем даст тебе мидийский царь за измену союзникам". С этими словами он тотчас же послал на корабль Адиманта 3 таланта серебра. Так-то Фемистокл сумел привлечь на свою сторону денежными подарками обоих военачальников и оказать услугу евбейцам. Сам же Фемистокл тоже не остался в накладе, утаив остальные деньги[970]. А те, кто получил эти денежные подарки, полагали, что деньги на это посланы из Афин.

6. Так-то эллины остались у Евбеи и дали там морскую битву. Произошла же она вот как. Когда варвары сразу же после полудня прибыли к Афетам и сами увидели маленький флот эллинов на якоре у Артемисия, о чем они и раньше имели сведения, то загорелись желанием напасть на эллинские корабли и захватить их. Плыть, однако, прямо на эллинов варвары считали неразумным, потому что эллины при виде подходящих врагов обратятся в бегство и могут ускользнуть под покровом ночи. Персы, естественно, полагали, что эллины именно так и поступят, и желали лишь погубить всех врагов до единого.

7. Поэтому-то на погибель эллинам персы придумали вот что. Из всего флота они выделили 200 кораблей и отправили за остров Скиаф, чтобы враги не заметили кораблей, плывущих вокруг Евбеи мимо мыса Каферея и Гереста в Еврип. [Задачей этих кораблей было] захватить там эллинов и отрезать им путь к отступлению, в то время как главные силы должны были напасть на врага спереди. Приняв такое решение, персы направили [в обход] назначенные для окружения врага корабли[971]. Главные же силы не имели в виду в этот день нападать на эллинов в ожидании условного знака о прибытии огибавших остров кораблей. Итак, персы послали эти корабли в плавание вокруг Евбеи и в это время стали производить смотр главных сил, стоявших у Афет.

8. Между тем во время этого смотра кораблей в стане персов находился некто Скиллий из Сикиона, самый лучший водолаз того времени. После кораблекрушения у Пелиона он спас персам большую часть их сокровищ, а много присвоил и себе. Этот-то Скиллий перебежал к эллинам (он намеревался и раньше перейти к

[968] Здесь Геродот ссылается на события после завоевания Византия в 477/476 г. до н.э.

[969] Греки считали, что большая часть персидского флота уничтожена бурей у мыса Сепиады (ср. VII 188–92).

[970] Сведения о Фемистокле, как и о Мильтиаде, быть может, взяты Геродотом из судебных дел. Так, данные о взятке, якобы полученной Фемистоклом от евбейцев, вероятно, восходят к обвинительному акту на процессе Фемистокла.

[971] По плану персов предполагалось обойти, запереть и уничтожить боевые силы греков. В соответствии с этим часть персидских кораблей должна была объехать Евбею, чтобы запереть узкий пролив Еврипа между Эретрией на Евбее и материком и таким образом отрезать путь на юг греческому флоту, возвратившемуся от Артемисия.

эллинам, но до тех пор ему не представлялось удобного случая). Каким именно образом он попал потом, наконец, к эллинам, я достоверно сказать не могу. Ведь рассказы об этом представляются едва ли вероятными, Так, например, говорят, что он погрузился в море в Афетах и впервые вынырнул на поверхность только у Артемисия, т. е. проплыл под водой приблизительно 80 стадий. Передают также и другие рассказы об этом человеке, очень похожие на выдумку; некоторые же из них все-таки правдивы. В данном случае я, впрочем, держусь того мнения, что Скиллий прибыл к Артемисию на какой-нибудь лодке. А лишь только он явился туда, то немедленно сообщил эллинским военачальникам о кораблекрушении и о кораблях, посланных вокруг Евбеи.

9. Услышав такие вести, эллины собрались на военный совет. После многих речей верх одержало предложение: этот день еще остаться на месте и расположиться станом на берегу, а затем после полуночи выйти навстречу плывшим вокруг Евбеи кораблям. После этого военного совета, так как [главные силы персов] не начинали нападения, эллины, подождав до вечера, сами бросились на варваров, чтобы испробовать свой способ сражения – прорыв боевого строя вражеских кораблей[972].

10. Когда экипаж и военачальники на кораблях Ксеркса увидели плывущие на них малочисленные вражеские корабли, они также снялись с якорей и вышли в открытое море. Персы считали эллинов совершенно безумными и надеялись без труда захватить их корабли. И их надежды были вполне обоснованы. Ведь персы видели, сколь мало кораблей у эллинов и во сколько раз их собственный флот больше и лучше на плаву. С таким-то чувством превосходства [над противником] персы стали окружать эллинов. Некоторые ионяне, преданные эллинскому делу и лишь неохотно выступившие в поход с персами, с великой тревогой взирали теперь, как персидский флот окружает эллинов. Они думали, что никто из эллинов уже не вернется домой. Столь слабой им казалась эллинская мощь! Другие же, напротив, радовались судьбе эллинов и даже пустились в соревнование: кто первым захватит аттический корабль, получит за это царский подарок. Ведь во всем персидском флоте только и речи было, что об афинянах.

11. Между тем эллины по первому сигналу трубы повернули носы кораблей на врага, а кормами сдвинули их в середину друг против друга. По второму сигналу эллины начали атаку, хотя и были стеснены ограниченным пространством, так что могли плыть только прямо. При этом они захватили тридцать варварских кораблей и взяли в плен Филаона, сына Херсия, брата Горга, царя Саламина, человека влиятельного в персидском флоте. Первым из эллинов овладел вражеским кораблем афинянин Ликомед, сын Эсхрея. Он получил награду за доблесть. Наступившая ночь разъединила противников, и битва осталась нерешенной. Эллины отплыли назад к Артемисию, а варвары – к Афетам. Вопреки их ожиданиям битва окончилась совершенно иначе. В этой морской битве только один эллин из царского войска – Антидор из Лемноса – перешел на сторону эллинов. За это афиняне подарили ему участок земли на Саламине.

12. С наступлением темноты (лето было в разгаре) разразился страшный ливень на всю ночь и с Пелиона гремели глухие раскаты грома. Мертвые же тела и обломки кораблей [течением] принесло к Афетам и прибило к носам персидских кораблей, и они запутались в лопастях корабельных весел[973]. Люди на кораблях в Афетах, слышавшие шум, пришли в смятение, думая, что при всех несчастьях им теперь уже не миновать гибели. Ведь едва они успели прийти в себя после крушения и бури у Пелиона, как сразу началась ожесточенная битва, а после нее – страшный ливень: бурные потоки воды стремглав обрушились [с вершины Пелиона] в море и загремели глухие раскаты грома. Такую ужасную ночь пришлось пережить персам!

13. А для кораблей, посланных вокруг Евбеи, эта самая ночь оказалась еще

[972] Этот (фокейский) маневр, примененный при Ладе (в 485 г. до н.э.) только хиосцами, в 480 г. уже вошел в тактику морской войны у всех греков (ср. VI 11–2).

[973] Персидские корабли, таким образом, бросили якорь в открытом море.

ужаснее, тем более что непогода застала варваров в открытом море и их ожидал печальный конец. Буря и ливень, настигли варваров у евбейских утесов[974], когда они плыли мимо "Лощин"; гонимые по воле ветра неведомо куда, варварские корабли выбросило на прибрежные скалы. Все это божество совершило, для того чтобы уравнять персидскую мощь с эллинской и чтобы флот персов не был гораздо сильнее эллинского. Так-то эти персидские корабли нашли свою гибель у евбейских утесов.

14. Когда же, наконец, воссиял желанный день, флот варваров в Афетах хранил полное спокойствие: варвары были рады, что в теперешней беде их хоть оставили в покое. Эллины же получили подкрепление – пришло 53 аттических корабля. Прибытие этих кораблей, а также весть о гибели всего отряда варварских кораблей, плывших вокруг Евбеи, подняли дух эллинов. Эллины дождались того же часа дня, как и в предыдущий день, и затем напали на киликийские корабли. Уничтожив эти корабли, они с наступлением темноты возвратились назад к Артемисию.

15. Военачальники варваров между тем сильно досадовали на то, что такой ничтожный отряд кораблей нанес им столь сильный урон. Они страшились также гнева Ксеркса и поэтому на третий день не стали больше ждать нападения эллинов. Набравшись храбрости, персы около полудня вышли в море. Случайно эти морские битвы произошли в те же самые дни, что и битва на суше при Фермопилах, причем задачей эллинского флота была только защита Еврипа[975], так же как отряд Леонида должен был прикрывать [Фермопильский] проход. Итак, эллины стремились не допустить варваров в Элладу, а варвары – уничтожить эллинское войско и овладеть проходом.

16. Когда корабли Ксеркса стали подходить в боевом порядке, эллины спокойно стояли перед Артемисием. Затем варвары построили свои корабли дугой (в виде полумесяца), чтобы окружить врага. Тогда эллины снова вышли навстречу варварам, и битва началась. Силы противников в этой битве были равны, потому что флот Ксеркса из-за большого числа кораблей и их величины сам себе причинял урон: корабли нарушали боевой порядок и сталкивались друг с другом. Но все же варвары держались стойко и не отступали: ведь для них было страшным позором бежать от немногочисленных вражеских кораблей. Много кораблей и людей погибло у эллинов, но еще гораздо больше варвары потеряли людей и кораблей. Так они сражались и затем разошлись, и каждый флот вернулся назад на свою стоянку.

17. В этой битве из Ксерксовых воинов отлично сражались египтяне. Они совершили много подвигов и, между прочим, захватили пять эллинских кораблей со всеми людьми. На стороне же эллинов в этот день особенно отличались афиняне и среди них Клиний, сын Алкивиада, который сражался с экипажем 200 человек на корабле, построенном на собственные средства[976].

18. Итак, оторвавшись от противника, обе стороны с радостью поспешили к своим стоянкам. Эллины же покинули поле битвы, хотя и захватив с собой [для погребения] мертвые тела и обломки кораблей, но все же с тяжелыми потерями (особенно пострадали афиняне, у которых половина кораблей была повреждена). Поэтому-то эллины и решили, наконец, отступить во внутренние воды Эллады.

19. Между тем Фемистокл понял, что если побудить ионян и карийцев к отпадению от персов, то остальных варваров можно легко одолеть. Увидев, что евбейцы сгоняют скот к побережью [у Артемисия], Фемистокл собрал эллинских военачальников и объявил им, что у него есть средство, как переманить лучших союзников царя на сторону эллинов. Больше, однако, он ничего им не сообщил. При настоящем положении, добавил Фемистокл, следует делать вот что: сначала

[974] В проливе Еврипа перед Эретрией.

[975] Т. е. мыса между Халкидой на Евбее и побережьем Беотии.

[976] Обычно государство только строило корабль и передавало его триерарху, который обязан был заботиться об оснастке, канатах, веслах и прочей арматуре.

забить сколько кто хочет голов евбейского скота; пусть лучше собственное войско ест мясо, чем враги. Затем каждый должен отдать приказ своим людям зажечь лагерные огни. О возвращении же он сам позаботится и укажет подходящее время, когда они смогут безопасно вернуться в Элладу. Военачальники охотно согласились с этим предложением Фемистокла и тотчас велели зажечь огни и начали резать скот.

20. Евбейцы ведь пренебрегли прорицанием Бакида как ничего не значащим. Они даже не вывезли ничего из имущества в безопасное место и не сделали никаких запасов продовольствия на случай войны и таким образом сами себе уготовили жалкий конец. Прорицание же Бакида о войне гласит так:

Коль лубяное ярмо чужеземец на море накинет, Время тогда тебе гнать многоблеющих козлищ с Евбеи.

Так как евбейцы даже не обратили внимания на это изречение, то им пришлось и теперь, и впоследствии пережить страшные невзгоды.

21. Так они поступили. Между тем из Трахина прибыл лазутчик. Ведь в Артемисии был лазутчиком антикирец Полий, который получил приказ (лодка с гребцами всегда была наготове) сообщить войску в Фермопилах, если флот потерпит неудачу. Точно так же в стане Леонида всегда находился наготове с триаконтерой афинянин Аброних, сын Лисикла, чтобы в случае какой-нибудь беды с сухопутным войском передать весть бойцам у Артемисия. Этот-то Аброних прибыл тогда и рассказал о печальной участи Леонида и его войска. Услышав эту весть, эллины немедленно начали отступление; отходили же корабли в том порядке, как каждый стоял: впереди [плыли] коринфяне, а последними афиняне.

22. Фемистокл же выбрал несколько самых быстроходных афинских кораблей и поплыл с ними к местам, где была пресная вода. Он велел вырезать на камнях надпись, которую на следующий день прочитали прибывшие к Артемисию ионяне. Надпись эта гласила так: "Ионяне! Вы поступаете несправедливо, идя войной на своих предков и помогая [варварам] поработить Элладу. Переходите скорей на нашу сторону! Если же это невозможно, то, по крайней мере, хоть сами не сражайтесь против нас и упросите карийцев поступить так же. А если не можете сделать ни того, ни другого, если вы скованы слишком тяжелой цепью принуждения и не можете ее сбросить, то сражайтесь, как трусы, когда дело дойдет до битвы. Не забывайте никогда, что вы произошли от нас и что из-за вас первоначально пошла у нас вражда с персидским царем". Фемистокл, как я думаю, написал это с двойным умыслом: либо ионяне изменят персам и перейдут к эллинам (если это воззвание Фемистокла останется неизвестным царю), либо Ксеркс, получив донесение об этом, возьмет ионян под подозрение и сам не позволит им участвовать в морских битвах[977].

23. Тотчас после того, как Фемистокл написал это воззвание [к ионянам], к варварам прибыл на лодке какой-то человек из Гистиеи с вестью об отплытии эллинов из Артемисия. Варвары, не поверив сообщению, заключили вестника под стражу, а затем послали быстроходные корабли на разведку. Люди [с кораблей] подтвердили известие, и тогда с первыми брызгами лучей восходящего солнца весь персидский флот поплыл к Артемисию. В этом месте варвары стояли на якоре до полудня, а затем поплыли дальше в Гистиею. По прибытии туда персы захватили город гистиейцев в области Эллопии и опустошили все прибрежные селения земли Гистиеотиды.

24. Пока флот стоял там, Ксеркс распорядился убрать мертвые тела и послал к воинам во флоте глашатая. С телами павших царь сделал вот что. Из всего числа павших в его войске под Фермопилами (а их было 20 000 человек) Ксеркс велел

[977] На пути к югу персидский флот пользовался запасами питьевой воды на остановках на берегу. Так, персы бросили якорь у Афет на материке, чтобы возобновить запасы воды, а греки –у Артемисия. Воззвание Фемистокла, по-видимому, успеха не имело, так как ведущие группы населения ионийских городов, кроме изгнанников, после разумных мер Артафрена были теперь настроены персофильски: они были довольны миром, установленным персами, и умеренными податями.

оставить около 1000, а для остальных вырыть могилы и предать погребению. Могилы были покрыты листвой и засыпаны землей, чтобы люди с кораблей их не увидели. Глашатай же, переправившись в Гистиею, сказал всему собранному там флоту вот что: "Союзники! Царь Ксеркс позволяет всякому, желающему покинуть свое место, пойти посмотреть, как он сражается с этими безрассудными людьми, которые возмечтали одолеть царскую мощь!".

25. После этого объявления глашатая так много людей захотело смотреть тела павших, что не хватило даже судов для [перевозки] всех. Они переправлялись и смотрели, проходя по рядам мертвых тел. Все верили, что лежавшие там мертвецы были только лакедемоняне и феспийцы (за них же считали и илотов)[978]. Все же ни для кого из приехавших [смотреть павших] не остался в тайне поступок Ксеркса со своими павшими воинами. И это было действительно даже смешно: из всего числа павших персов на виду лежала только 1000 трупов, тогда как павшие эллины – 4000 мертвых тел – все вместе были свалены в одно место[979]. Этот день прошел в осмотре мертвецов, а на следующий день люди с кораблей отплыли в Гистиею к своим кораблям, сухопутное же войско во главе с Ксерксом продолжало свой путь.

26. Здесь к персам прибыло несколько перебежчиков из Аркадии. Не имея средств для жизни, они хотели поступить на службу к персам[980]. Их привели пред очи царя и спросили, что теперь делают эллины. Один из персов от имени всех задавал вопросы. Аркадцы отвечали, что эллины справляют олимпийский праздник[981] – смотрят гимнические и эпические состязания. На вопрос перса, какая же награда назначена состязающимся за победу, те отвечали: "Победитель обычно получает в награду венок из оливковых ветвей". Тогда Тигран, сын Артабана, высказал весьма благородное мнение, которое царь, правда, истолковал как трусость. Именно, услышав, что у эллинов награда за победу в состязании – венок, а не деньги, он не мог удержаться и сказал перед всем собранием вот что: "Увы, Мардоний! Против кого ты ведешь нас в бой? Ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести!". Но об этом сказано довольно.

27. Между тем тотчас же после Фермопильского поражения фессалийцы отправили глашатая к фокийцам (фокийцев они ненавидели с давних пор, а после последней войны – особенно). Фессалийцы еще за несколько лет до этого похода персидского царя [на Элладу] со всем своим ополчением и союзниками вторглись в Фокиду, но потерпели тяжелое поражение с жестоким уроном. Они заперли фокийцев на Парнасе вместе с прорицателем Теллием из Элиды. Этот-то Теллий придумал там вот какую военную хитрость. Он велел обмазать мелом 600 самых отважных фокийских [воинов] (и их самих, и доспехи) и послал их ночью против фессалийцев, приказав убивать всякого не побеленного. При виде их фессалийская стража сначала в страхе обратилась в бегство, думая, что это какие-то призраки, а затем – и само войско. Фокийцы перебили 4000 человек и овладели щитами фессалийцев (половину этих щитов они посвятили в Абы, а другую – в Дельфы). Десятую часть захваченной в этой битве добычи составляли огромные статуи[982], стоящие около треножника перед храмом в Дельфах. Подобные же

[978] Таким образом, спартанцы и феспийцы после ухода остальных греков остались одни защищать проход. Илоты –потомки низших классов коренного свободного населения Лаконии и Мессении –государственные крепостные в Спарте.

[979] Если данные Геродота правильны, то потери греков весьма высоки (сравнительно с малочисленностью греческих сил). Персы снесли тела павших греков вместе для особого обряда погребения. Простых своих воинов персы немедленно похоронили. К ногам же тысячи павших представителей персидской знати Ксеркс велел положить убитых ими греков.

[980] После Фермопильской битвы часть аркадских союзников Спарты перешла на сторону персов. Персидский флот, блокируя Боспор и Геллеспонт, не пропускал корабли с хлебом, шедшие в Пелопоннес или Аттику.

[981] Олимпийские игры продолжались в то время пять дней.

[982] Вероятно, бронзовые статуи в человеческий рост, изображавшие Аполлона и Геракла в борьбе за священный треножник в Дельфах.

статуи фокийцы посвятили в Абы.

28. Это поражение осажденные фокийцы нанесли пешему войску фессалийцев. Конницу же, которая вторглась в их землю, они совершенно уничтожили. В горном проходе, что у Гиамполиса, они выкопали широкий ров и поместили туда порожние амфоры. Затем снова засыпали ров, сравняли с землей и стали ждать нападения фессалийцев. Конница фессалийцев стремительно бросилась в атаку, чтобы уничтожить врага, но лошади проваливались в амфоры[983] и переломали себе ноги.

29. Из-за этих-то двух поражений фессалийцы распалились гневом на фокийцев. Они отправили глашатая к фокийцам с таким предложением: "Фокийцы! Опомнитесь, наконец, и поймите, что вы не можете помериться с нами. Ведь уже раньше, когда мы были на стороне эллинов, у нас всегда было больше силы и влияния в Элладе, чем у вас. А теперь мы в такой силе у персидского царя, что в нашей власти изгнать вас из вашей земли, да еще и обратить в рабство. Впрочем, имея все возможности к тому, мы не желаем мстить вам. Однако за это вы должны дать нам 50 серебряных талантов, и мы обещаем отвратить грозящую вашей земле беду".

30. Таково было предложение фессалийцев. Ведь фокийцы были единственной народностью в этой части [Эллады], которая не перешла на сторону персов и, думается, не по какой иной причине, а только из ненависти к фессалийцам. Будь фессалийцы на стороне эллинов, то фокийцы, я полагаю, поддерживали бы персов. Поэтому в ответ на это предложение фессалийцев фокийцы объявили, что не дадут никаких денег; если бы они вообще захотели, то могли бы, подобно фессалийцам, перейти к персам, но они никогда добровольно не предадут Элладу[984].

31. Получив такой ответ, фессалийцы озлобились на фокийцев и указали персидскому царю путь в Фокиду. Из Трахинии персы сначала вторглись в Дориду. Между Малидой и Фокидой тянется узкая полоса Дорийской земли, стадий около 30 в ширину, которая в древности называлась Дриопидой. Эта Дорийская земля была родиной пелопоннесских дорийцев. При вторжении варвары не разорили ее, так как жители держали сторону персов, да и фессалийцы были против опустошения[985].

32. Когда персы затем из Дориды проникли в Фокиду, то не могли захватить самих фокийцев, так как часть их бежала на высоты Парнаса. Вершина Парнаса под названием Тифора возвышается совершенно одиноко у города Неона и представляет удобное пристанище для большого отряда войска. Туда-то фокийцы и бежали со всем своим добром. Большая же часть населения спаслась бегством к озольским локрам в город Амфиссу, который лежит по ту сторону Крисейской равнины. Варвары же разорили всю Фокиду (фессалийцы вели их войско): все, что им ни попадалось, уничтожали в огне пожарищ, предавая пламени города и святилища.

33. Действительно, на своем пути вдоль реки Кефиса варвары все превращали в пустыню и уничтожили огнем следующие города: Дримос, Харадру, Эрохос, Тефроний, Амфикею, Неон, Педиеи, Тритеи, Элатею, Гиамполис, Парапотамии и Абы, где был богатый храм Аполлона со множеством сокровищ и посвятительных

[983] Это были огромные глиняные сосуды для хранения зерна.

[984] Геродот старается очернить фокийцев, так как они всегда были заклятыми врагами Дельфов.

[985] Персы не тронули маленькой страны Дориды, которая находилась под покровительством Дельфов. Наоборот, они разграбили Фокиду и святилище Аполлона в Абах (см. VIII 33) –главный конкурент дельфийского святилища (ср.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 93). Персидская армия наступала здесь несколькими колоннами. В то время как один персидский отряд сломил сопротивление греков у Фермопил, другой уже продвинулся по другому пути в верхнюю долину Кефиса, чтобы отрезать отступление грекам. Персы приняли отряд Леонида за главные силы греков. Греки разгадали этот маневр и пытались оторваться от врага. Пожертвовав отрядом Леонида, главным силам греков удалось прорваться в Беотию и избежать окружения.

приношений[986]. Было там и прорицалище, которое существует еще и поныне. И это святилище варвары разграбили и предали огню. Некоторое число фокийцев варварам все же удалось, преследуя в горах, захватить в плен. Несколько женщин также погибло от насилий множества воинов.

34. Миновав Парапотамии, варвары прибыли в Панопей[987]. Здесь войско разделилось на две части. Большая и сильнейшая часть во главе с Ксерксом, двигаясь на Афины, проникла в Беотию, сперва в Орхоменскую область. Вся Беотия была на стороне персов, и македонские отряды, которые послал Александр и разместил по отдельным городам, взяли на себя охрану беотийских городов[988]. Они хотели этим показать Ксерксу, что беотийцы на стороне персов.

35. Итак, эта часть варварского войска направилась в Беотию. Другая же часть с опытными проводниками двинулась к дельфийскому святилищу, оставив Парнас на правой стороне. Это войско также опустошало все фокийские селения на своем пути. Так были преданы огню города панопеев, давлиев и эолидов[989]. Войско же это следовало этим путем отдельно от прочих сил, чтобы разграбить дельфийское святилище и передать его сокровища царю Ксерксу. Ведь, как мне передавали, Ксерксу все знаменитые сокровища дельфийского святилища были известны лучше оставленных им в своем доме: [у персов] только и было толков, что о сокровищах в Дельфах, в особенности же о посвятительных дарах Креза, сына Алиатта[990].

36. Дельфийцы же, узнав о намерении Ксеркса, пришли в ужас. В великом страхе они вопросили оракул: закопать ли им в землю храмовые сокровища или вывезти в другую страну. Бог же запретил им трогать сокровища и сказал, что сам сумеет защитить свое достояние. Получив такой ответ оракула, дельфийцы стали заботиться о собственном спасении. Жен и детей они отослали на другую сторону в Ахею, сами большей частью укрылись на вершинах Парнаса, а свое имущество снесли в Корикийскую пещеру. Некоторые же бежали в Амфиссу, что в земле локров. Короче говоря, все дельфийцы покинули свой город, осталось лишь 60 человек и прорицатель.

37. Варвары между тем были уже близко и издали могли видеть святилище. Тогда прорицатель по имени Акерат заметил, что священное оружие[991], которого никто не должен был касаться, вынесено из мегарона[992] и лежит на земле. Прорицатель пошел сообщить об этом чуде людям, оставшимся в Дельфах. А когда персы поспешно достигли храма Афины Пронеи, случилось еще более великое чудо, чем это. Конечно, весьма удивительно, что боевое оружие появилось само собой и лежало перед храмом. Однако то, что последовало за этим, было самым удивительным знамением из всех. Ибо в то самое мгновение, когда варвары появились у святилища Афины Пронеи, с неба пали перуны, а с Парнаса со страшным грохотом низверглись две оторвавшиеся вершины и поразили

[986] Ср. выше, I 46.

[987] У Панопея путь разветвлялся. Ксеркс послал один отряд по дороге, ведущей через Дельфы к Патрасскому заливу. Этот отряд должен был вдоль побережья дойти до Истма раньше основных сил греков, находившихся в Беотии. Другой отряд персов должен был идти в Беотию, преследуя греков, и задержать их там, чтобы первый отряд успел раньше греков проникнуть к Истму.

[988] Македонский царь воспользовался персидским походом, чтобы на свой страх и риск расширить свои владения в Греции. Геродот, живший при царском дворе в столице Македонии Пелле, стремится оправдать действия македонян. Особенно он старался обелить двусмысленное поведение Александра I, союзника персов в походе на Грецию, и сделать его даже панэллинским героем.

[989] Города на границе Фокиды и Беотии.

[990] Ср. I 50–1.

[991] Очевидно, лук и стрелы Аполлона, хранившиеся в святилище.

[992] Мегарон –внутренняя часть храма.

множество персов. Из храма же Афины Пронеи раздавались голоса и боевой клич[993].

38. Все эти чудесные знамения повергли варваров в ужас. Дельфийцы же, лишь только заметили бегство врагов, спустились с гор и многих перебили. Оставшиеся в живых персы бежали прямым путем вплоть до Беотии. По возвращении к своим, как я узнал, эти варвары рассказывали еще и о других явленных им знамениях: два воина выше человеческого роста преследовали их и убивали.

39. Это были, по словам дельфийцев, два местных героя – Филак и Автоной, храмы которых находятся поблизости от святилища Аполлона: Филака – на самой улице выше святилища Пронеи, Автоноя же – недалеко от Кастальского источника у подножия крутого утеса Гиампии. А низвергнувшиеся с Парнаса обломки скал уцелели еще и до нашего времени и поныне лежат в священной роще Афины Пронеи, куда они стремительно обрушились, прорвав ряды варваров[994]. Так-то произошло отступление отряда персов от дельфийского святилища.

40. Между тем эллинский флот по просьбе афинян направился из Артемисия к берегам Саламина. Остановиться же у Саламина афиняне просили потому, что хотели вывезти жен и детей из Аттики в безопасное место. А затем им нужно было держать совет о том, как дальше вести войну. Ведь при сложившихся обстоятельствах обманутые в своих расчетах афиняне должны были принять новые решения. Так, они рассчитывали найти в Беотии все пелопоннесское ополчение в ожидании варваров, но не нашли ничего подобного. Напротив, афиняне узнали, что пелопоннесцы укрепляют Истм, и так как для них важнее всего спасти Пелопоннес, то только один Пелопоннес они и хотят защищать. Все же прочие земли Эллады они оставляют на произвол судьбы[995]. При этом известии афиняне попросили сделать остановку у Саламина.

41. Так вот, остальные [эллинские] корабли бросили якорь у Саламина, афиняне же высадились на берег. Тотчас же по прибытии афиняне объявили через глашатая, чтобы каждый спасал своих детей и челядь кто где может. Тогда большинство отправило своих жен и детей в Трезен, другие – на Эгину, а иные – на Саламин. Афиняне спешили тайно укрыть родных в безопасное место, чтобы исполнить повеление оракула, а особенно вот по какой причине. По рассказам афинян, в святилище на акрополе живет большая змея – страж акрополя, которой (сообщают они далее) приносят, как [человеческому] существу, ежемесячную жертву. Эта жертва состоит из медовой лепешки. Эту-то медовую лепешку змея прежде всегда поедала, а теперь оставила нетронутой. После того как жрица объявила об этом, афиняне гораздо скорее и охотнее покинули родной край, так как думали, что и богиня покинула свой акрополь. После того же, как женщины и дети со всем имуществом были отправлены в безопасное место, афиняне присоединились к флоту.

42. В то время как пришедшие из Артемисия корабли стояли на якоре у Саламина, остальной эллинский флот, узнав об этом, также прибыл туда из Трезена. Флот еще раньше получил приказ собраться в трезенской гавани Погоне. Туда пришло гораздо больше кораблей, чем сражалось при Артемисии, и от большого числа городов. Во главе этого флота оставался, как и при Артемисии, тот

[993] Геродот передает храмовую дельфийскую легенду. Легенда объясняет, почему варвары не ограбили храма и его сокровищ, если Аполлон, как утверждали впоследствии жрецы, всегда был врагом варваров и ревнителем национального объединения греков (ср.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 93).

[994] Вследствие нападения фокийцев персидский отряд не мог двигаться дальше к Патрасскому заливу и к Истму. Таким образом, важнейшая часть стратегического плана персов оказалась невыполненной.

[995] Здесь Геродот в угоду афинянам старается очернить пелопоннесцев, т. е. спартанцев и их союзников: вместо вторжения в Беотию спартанцы занимаются перегораживанием Истма и из-за них афиняне должны покинуть свою родину. Перикл и его партия, вдохновлявшие Геродота, были заинтересованы в том, чтобы изобразить поведение Спарты, Коринфа, Эгины и Фив в самых мрачных красках (ср.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 70).

же Еврибиад, сын Евриклида, спартанец, притом человек не царского рода. Однако гораздо больше кораблей, и к тому же самых быстроходных, выставили афиняне.

43. Сражались же вот какие корабли. Из Пелопоннеса лакедемоняне выставили 16 кораблей. Коринфяне же – такое же число кораблей, как и при Артемисии. Сикионцы доставили 15 кораблей, эпидаврийцы 10, трезенцы 5, гермионяне 3. Все эти города, кроме Гермионы, принадлежат к дорийскому и македонскому племени, и [жители их] переселились в Пелопоннес из Эринея и из Пинда и, наконец, из Дриопиды. Гермионяне же – дриопы, изгнанные Гераклом и малийцами из так называемой ныне Дорийской земли.

44. Это были пелопоннесские города. Из городов же на материке только одни афиняне выставили почти столько же кораблей, как все остальные вместе, именно 180. Ведь при Саламине платейцы не сражались на афинских кораблях вот почему. Когда эллины возвратились от Артемисия и прибыли в Халкиду, платейцы высадились на противоположный берег Беотии, чтобы перевезти свои семьи и челядь в безопасное место. И вот платейцы, спасая своих близких, не могли своевременно прибыть [на помощь]. Что до афинян, то они в то время, когда пеласги владели так называемой ныне Элладой, были пеласгами и назывались кранаями. А при царе Кекропе их называли кекропидами. Когда же затем царем стал Эрехфей, они получили имя афинян и, наконец, по имени их предводителя Иона, сына Ксуфа, – ионян[996].

45. Мегарцы выставили столько же кораблей, как и при Артемисии; ампракиоты прибыли с семью кораблями, левкадцы – с тремя (население этих городов принадлежало к дорийскому племени из Коринфа).

46. Из островитян эгинцы доставили тридцать кораблей. У эгинцев, правда, были снаряжены и другие корабли, но они предназначались для защиты родной земли. А сражались они при Саламине на тридцати самых лучших кораблях. Эгинцы – это дорийцы и происходят из Эпидавра. Остров же их прежде назывался Эноной. После эгинцев прибыли халкидяне с двадцатью кораблями, [как и] при Артемисии, и эретрийцы с семью кораблями. Они – ионяне. Затем прибыли кеосцы с теми же самыми кораблями; они ионийского происхождения из Афин. Наксосцы выставили четыре корабля. Эти корабли были, собственно, посланы гражданами к персам, так же как и корабли прочих островов. Однако вопреки приказу они прибыли к эллинам по настоянию Демокрита, человека, весьма уважаемого среди наксосцев, который был тогда триерархом. Наксосцы же – ионяне и происходят от афинян. Стирейцы снарядили столько же кораблей, как и при Артемисии. Кифнии – одну триеру и одно 50-весельное судно. И те и другие – дриопы. Так же снарядили корабли серифии и мелосцы. Это были единственные острова, которые не дали земли и воды персидскому царю.

47. Все эти города и племена, участвовавшие в войне, живут по сю сторону земли феспротов и реки Ахеронта. Феспроты ведь граничат с ампракиотами и левкадцами, которые выступили в поход из самых дальних пределов [Эллады]. Из эллинов, живущих на той стороне [Ионийского моря], только одни кротонцы пришли с одним кораблем на помощь Элладе в опасности[997]. Начальником этого корабля был Фаилл, трижды победитель на пифийских состязаниях. Кротонцы по происхождению ахейцы.

48. В то время как остальные города выступили в поход с триерами, мелосцы же, сифнийцы и серифии снарядили 50-весельные корабли. Мелосцы (по происхождению из Лакедемона) доставили два корабля. Сифнии же и серифяне (они ионяне из Афин) – по одному. Общее же число кораблей, кроме 50-весельных, составляло 378.

49. Собрав свои корабли у Саламина, военачальники всех упомянутых городов стали держать совет. Еврибиад предложил каждому желающему высказать свое

[996] Геродот приравнивает коренных жителей Аттики к ионийским переселенцам.

[997] Геродот хочет этим сказать, что греческие города и племена севернее совр. залива Арта (среди них жители Керкиры и Эпира) не участвовали в войне.

мнение: в каком месте из тех, что еще были под властью эллинов, удобнее всего дать морскую битву. Ведь Аттика была уже оставлена на произвол судьбы, и теперь дело шло только об остальной Элладе. Большинство выступавших единодушно высказалось за то, чтобы отплыть к Истму и дать там морскую битву в защиту Пелопоннеса. В пользу этого мнения они приводили вот какой довод: если они, оставшись у Саламина, проиграют битву, то будут заперты на острове без всякой надежды на спасение; с Истма же они могут спастись, [возвратившись] в свои города.

50. В то время как пелопоннесские военачальники высказывали такие соображения, прибыл какой-то афинянин с известием, что персидский царь находится уже в Аттике и опустошает всю землю огнем и мечом. Ксеркс с войском прошел Беотию, предав огню город Феспии (феспийцы покинули свой город и бежали в Пелопоннес). Так же поступил он и с Платеями, а затем проник в Аттику и разоряет там все. Феспии и Платеи царь предал огню, узнав от фиванцев, что эти города не на стороне персов.

51. После переправы через Геллеспонт, где варвары начали поход и оставались один месяц, считая время переправы в Европу, в течение следующих трех месяцев персы достигли Аттики. Архонтом тогда у афинян был Каллиад. Персы заняли пустой город, и только в святилище [Афины Паллады] они нашли небольшое число афинян – хранителей храмовой утвари и бедняков. Эти люди заперли ворота акрополя и завалили их бревнами, чтобы преградить вход в храм. Они не переехали на Саламин отчасти по бедности и к тому же, как им казалось, только они разгадали смысл изречения Пифии о том, что деревянная стена неодолима: акрополь, думали они, будет им убежищем, которое подразумевал оракул, а не корабли.

52. Персы же заняли холм против акрополя, который афиняне называют ареопагом, и затем стали осаждать акрополь вот как: они зажгли обмотанные паклей стрелы и стали метать их в засеку. Осажденные афиняне все-таки продолжали защищаться, хотя дошли уже до крайности, так как засека уже их не защищала. Тем не менее, они не согласились на предложенные Писистратидами условия сдачи, но придумывали разные новые средства защиты. Так, они скатывали огромные камни на варваров, напиравших на ворота, и Ксеркс долгое время был в затруднении, как ему взять акрополь.

53. Наконец варвары нашли выход из затруднительного положения. Согласно изречению оракула, ведь вся материковая Аттика должна была перейти под власть персов. С передней [северной] стороны акрополя, противоположной воротам и дороге, ведущей наверх, несколько персов поднялось на скалу. В этом месте не было никакой стражи, так как считалось, что здесь-то уже никто не сможет взобраться наверх. Это было подле святилища Аглавры, дочери Кекропа, где скалы действительно очень крутые. Когда афиняне увидели врагов наверху, на акрополе, то одни из них ринулись вниз со стены и погибли, другие же нашли убежище внутри святилища. Персы же, поднявшись наверх, прежде всего, направились к воротам святилища и открыли их; затем они умертвили защитников, моливших о спасении. Когда со всеми защитниками акрополя было покончено, персы разграбили святилище и предали огню весь акрополь[998].

54. Захватив полностью Афины [и акрополь], Ксеркс отправил конного гонца в Сусы к Артабану с сообщением о достигнутом успехе. На второй день после отправления гонца царь собрал афинских изгнанников, следовавших за ним в походе, и повелел подняться на акрополь и принести жертву по своему обряду. Потому ли он приказал это, что видел какое-либо сновидение, или же раскаивался в том, что велел предать огню святилище. Афинские же изгнанники исполнили

[998] При разрушении акрополя персами особенно пострадали здания, построенные Писистратом. Значительные части здании и большие куски скульптурных украшений были впоследствии (при Перикле) застроены и в таком виде частично сохранились до нашего времени.

царское повеление[999].

55. Почему я об этом упомянул, я сейчас расскажу. Есть на акрополе святилище Эрехфея, как говорят, рожденного Землей, и в нем маслина и источник соленой воды. У афинян существует сказание, что Посейдон и Афина, поспорив из-за этой страны, перенесли туда маслину и источник как [видимые] знаки своего владычества над страной. Эту-то маслину варвары как раз и предали огню вместе со святилищем. На следующий день после пожара афинские [изгнанники] по приказанию царя пришли в святилище и увидели, что от пня пошел отросток почти в локоть длиной. Об этом они сообщили царю.

56. Между тем весть об участи афинского акрополя привела эллинов у Саламина в столь великое смятение, что некоторые военачальники даже не стали дожидаться, пока будет решено, [где дать морскую битву]. Они бросились к своим кораблям и подняли паруса, чтобы тотчас же отплыть. Оставшиеся военачальники решили дать морское сражение перед Истмом. С наступлением ночи собрание разошлось, и военачальники взошли на борт своих кораблей.

57. Когда Фемистокл пришел на свой корабль, афинянин Мнесифил спросил его, какое решение принято [на совете]. Узнав о решении отвести корабли к Истму и сражаться перед Пелопоннесом, Мнесифил сказал: "Если флот покинет Саламин, то тебе больше не придется сражаться за родину. Ведь каждый вернется в свой город, и тогда ни Еврибиад и никто на свете не сможет уже помешать флоту рассеяться. Эллада погибнет от собственной глупости. Поэтому если есть какая-нибудь возможность [спасения], то иди и попытайся отменить решение или, по крайней мере, убедить Еврибиада остаться здесь".

58. Этот совет пришелся Фемистоклу весьма по душе. Ничего не ответив, он направился к кораблю Еврибиада. Придя к Еврибиаду, Фемистокл сказал, что желает обсудить с ним одно общее дело. Еврибиад пригласил его на свой корабль, предложив сказать, что ему нужно. Тогда Фемистокл сел рядом со спартанцем и повторил все слова Мнесифила (но как свое собственное мнение) и, кроме того, прибавил еще много других доводов, пока, наконец, не убедил его просьбами сойти с корабля и созвать совет военачальников.

59. Когда военачальники собрались (еще до того как Еврибиад объяснил причину созыва совещания), Фемистокл произнес длинную речь, так как дело для них было слишком важным. Коринфский военачальник Адимант, сын Окита, однако, прервал его словами: "Фемистокл! На состязаниях бьют палками тех, кто выбегает раньше поданного знака". В свое оправдание Фемистокл ответил: "А тот, кто остается позади, не получает в награду венка!".

60. Так он дружески ответил коринфянину. Однако, обращаясь к Еврибиаду, Фемистокл теперь не повторил того, что сказал ему раньше, именно что флот рассеется, если они покинут Саламин. Ведь с его стороны было бы неуместно в присутствии союзников кого-нибудь обвинять. Поэтому Фемистокл выдвинул другие доводы и сказал вот что: "В твоих руках ныне спасение Эллады! Послушайся моего совета и дай здесь морскую битву, а не следуй за теми, кто предлагает отплыть отсюда к Истму. Сравни оба предложения: у Истма придется сражаться с персами в открытом море, а это нам весьма невыгодно, так как наши корабли более тяжелые и числом уступают врагу. С другой стороны, ты потеряешь Саламин, Мегары и Эгину, даже если в остальном нам улыбнется счастье. Ведь за флотом последует и сухопутное войско, и таким образом ты сам приведешь врагов в Пелопоннес и ввергнешь в опасность всю Элладу. Если же ты послушаешься меня, то получишь вот какие выгоды. Во-первых, если мы будем сражаться с небольшим числом кораблей в теснине против большого флота, то, по всей вероятности, одержим решительную победу. Ведь сражаться в теснине выгоднее нам, а в открытом море – противнику. К тому же Саламин, куда мы перевезли жен и детей, также остается в наших руках. И этим ты также достигнешь того, к чему

[999] Писистратиды принесли жертвы на акрополе Афине Палладе, которые обычно приносил архонт-басилей. Это обстоятельство указывает, по-видимому, на то, что персы восстановили, правда на короткое время, в Афинах тиранию Писистратидов.

вы больше всего стремитесь. Если ты останешься здесь, то будешь так же хорошо защищать Пелопоннес, как и на Истме, и благоразумно не привлечешь туда врагов. Если дело пойдет так, как я ожидаю, и мы победим на море, то варвары никогда не придут к вам на Истм. Они не проникнут и дальше в Аттику, но обратятся в беспорядочное бегство. И этим мы спасем Мегары, Эгину и Саламин. При Саламине и оракул обещал нам также "врагов одоленье". Когда люди принимают разумные решения, то обычно все им удается. Если же их решения безрассудны, то и божество обыкновенно не помогает человеческим начинаниям".

61. Когда Фемистокл говорил это, коринфянин Адимант снова восстал против него и сказал: "Тому, кто не имеет родины, следовало бы молчать. Еврибиад не должен предоставлять права голоса человеку, лишенному отечества. Ведь, прежде чем вносить предложения, Фемистокл должен показать, какой город он представляет". Так упрекал Адимант Фемистокла, потому что Афины были взяты и находились во власти врага. Тогда-то Фемистокл наговорил ему и коринфянам много резких слов. Он доказывал, что город Афины и Аттическая земля больше Коринфа и что Афины снарядили 200 кораблей. И ни один эллинский город не в состоянии отразить нападение афинян.

62. После этих слов Фемистокл вновь обратился к Еврибиаду и заговорил более решительно, чем прежде: "Если ты останешься здесь и выкажешь себя доблестным мужем – прекрасно! Если – нет, погубишь Элладу. Ведь в этой войне главная наша опора – флот. Поэтому послушайся меня! Если же ты этого не сделаешь, то мы немедленно с женами, детьми и челядью отправимся в италийский Сирис. Город этот уже с давних времен наш, и по изречениям оракула мы должны там поселиться. А вы, лишившись таких союзников, как мы, еще вспомните мои слова!".

63. Эти слова Фемистокла заставили Еврибиада переменить мнение. Он позволил убедить себя, как я думаю, главным образом из страха, что афиняне покинут его, уведи он свой флот к Истму. Ведь без афинян остальные эллины не могли уже осмелиться на бой с врагами. Итак, Еврибиад принял совет Фемистокла оставаться и дать там битву.

64. Так, после жаркого спора эллины у Саламина по приказу Еврибиада стали готовиться к сражению. Когда наступил день, с восходом солнца разразилось землетрясение: земля и море сотрясались. Эллины же решили вознести молитвы богам и призвать на помощь Эакидов[1000]. Так они и сделали: совершив молебствие всем богам, они призвали из Саламина на помощь Эанта и Теламона, а за самим Эаком и прочими Эакидами отправили корабль на Эгину.

65. Дикей[1001], сын Феокида, афинский изгнанник, бывший тогда в почете у персов, рассказывал: когда войско Ксеркса опустошало опустевшую Аттику, ему как раз пришлось быть вместе с лакедемонянином Демаратом на Фриасийской равнине. И вот он увидел поднимающееся от Элевсина облако пыли, как бы от трех мириад человек[1002]. Оба они пришли в изумление: какие это люди могли поднять такое облако пыли? И вдруг послышались звуки голосов, которые показались им ликующей песней хора мистов. Демарат, который не был посвящен в Элевсинские мистерии, спросил Дикея, что это за звуки. А тот отвечал: "Демарат! Ужасная беда грозит царскому войску. Аттика ведь покинута жителями, и совершенно очевидно, что это голос божества, которое идет из Элевсина на помощь афинянам и их союзникам. И если [это облако пыли] обрушится на Пелопоннес, то это грозит опасностью самому царю и его войску на материке; если же оно обратится на корабли у Саламина, тогда под угрозой царский флот. А празднество это афиняне

[1000] Имеются в виду скульптурные изображения этих героев (статуэтки, которым приписывалась сверхъестественная, чудотворная сила).

[1001] По мнению некоторых ученых, сведения о составе и численности войск Ксеркса и ряд других сообщении почерпнуты Геродотом из мемуаров Дикея. Однако существование этих мемуаров нельзя доказать (см.: А. И. Доватур. Стиль, стр. 186, 187).

[1002] Выражение означает "неопределенное множество" (подобное нашему "тьма народу").

справляют каждый год в честь Матери и Коры[1003], и всякий афинянин или другой эллин, если пожелает, принимает посвящение в таинства. Звуки же, которые ты слышишь, – это ликующие песни [хора] на празднике". На это Демарат ответил: "Храни молчание и никому не говори об этом! Ведь, если эти твои слова дойдут до царя, тебе не снести головы и тогда ни я и никто на свете не сможет тебя спасти. Но будь спокоен и предоставь богам заботу о войске персов". Такой совет Дикею дал Демарат. А пыль и звуки голосов превратились в облако, которое, поднявшись вверх, полетело на Саламин к эллинскому флоту. Тогда Демарат и Дикей поняли, что флоту Ксеркса предстоит гибель. Это рассказывал Дикей, сын Феокида, ссылаясь на Демарата и других свидетелей.

66. После осмотра павших лакедемонян люди с кораблей Ксеркса переправились из Трахина в Гистиею. Там флот оставался три дня и затем поплыл через Еврип, а еще через три дня прибыл в Фалер. Боевые силы персов, вступившие в Аттику по суше и по морю, как я думаю, по численности были не меньше тех, что стояли у Сепиады и под Фермопилами. Ведь потери, понесенные персами от непогоды и в морских бритвах при Фермопилах и Артемисии, уравновешивались подкреплениями, прибывшими к царю позднее. Малийцы, дорийцы, локры и все беотийское ополчение, кроме феспийцев и платейцев, а также каристийцы, андросцы, теносцы и все остальные, за исключением пяти городов, имена которых я упомянул выше, присоединились к царскому войску. Ведь, чем дальше царь проникал в глубь Эллады, тем больше народностей шло за ним.

67. Весь персидский флот, кроме паросских кораблей, прибыл к Афинам, паросцы же остались на Кифне в ожидании исхода боя. Когда все остальные корабли бросили якорь в Фалере, сам Ксеркс спустился на побережье к кораблям для встречи и совещания с начальниками кораблей. По прибытии царь воссел на почетном председательском месте. Затем явились вызванные на совет властители племен и начальники кораблей и заняли места, указанные царем по чину. Во главе сидел царь Сидона, затем тирский царь и потом уже остальные. Когда они уселись в ряд по чинам и званиям, Ксеркс послал Мардония и велел спрашивать каждого по очереди, следует ли дать морскую битву или нет[1004].

68. Мардоний обходил ряды и спрашивал, начиная с царя Сидона. Все единодушно высказались за то, чтобы дать сражение, и только Артемисия сказала вот что: "Мардоний! Передай царю, что я говорю так: "Владыка! Так как в битвах при Евбее я, конечно, не оказалась трусом и совершила не самые ничтожные деяния, то я должна откровенно заявить тебе то, что я считаю самым полезным для тебя. Поэтому я говорю тебе: щади свои корабли и не вступай в битву. Здесь эти люди так же превосходят на море твоих людей, как мужчина – женщину. Зачем тебе вообще начинать опасную битву? Разве не в твоей власти Афины, из-за чего ты и выступил в поход? Разве ты не владыка и остальной Эллады? Никто не стоит на твоем пути. Те, кто восстал против тебя, получили по заслугам. Я хочу рассказать тебе, чем, по моему мнению, кончится дело с нашими врагами. Если ты не начнешь поспешно морской битвы, а будешь стоять здесь с кораблями на якоре, оставаясь в Аттике, или даже продвинешься в Пелопоннес, то твои замыслы, владыка, ради которых ты прибыл в Элладу, без труда увенчаются успехом. Здесь эллины не в состоянии очень долго сопротивляться. Ты рассеешь их силы, и они разбегутся по своим городам. Ведь у них на этом острове, как я слышала, нет продовольствия. И если ты двинешься с войском на Пелопоннес, то следует ожидать, что люди из Пелопоннеса не останутся здесь с флотом; они даже не подумают сражаться на море за Афинскую землю. Напротив если ты сейчас поспешишь дать бой, то я опасаюсь, что поражение твоего флота повлечет за собой и гибель сухопутного войска. Кроме того, запомни, царь, еще вот что: у хороших господ обычно бывают плохие слуги. Ты – самый благородный властелин на свете, а слуги у тебя плохие (они, правда, считаются твоими союзниками – эти

[1003] Т. е. Деметры и Персефоны.

[1004] Царь сам руководил заседанием совета через Мардония, сидя на возвышенном троне, невидимый присутствующими.

египтяне, киприоты, киликийцы и памфилы) и пользы от них никакой"".

69. Так Артемисия говорила Мардонию. А все, кто относился к ней доброжелательно, огорчились: они думали, что Артемисию постигнет царская опала за то, что она отсоветовала царю дать морскую битву. Напротив, недоброжелатели и завистники (царь ведь оказывал ей наибольший почет среди всех союзников) радовались возражению, которое, как они думали, ее погубит. Когда же мнения военачальников сообщили Ксерксу, царь весьма обрадовался совету Артемисии. Он и раньше считал Артемисию умной женщиной, а теперь расточал ей еще больше похвал. Тем не менее, царь велел следовать совету большинства военачальников. Ксеркс полагал, что персы при Евбее сражались плохо только потому, что он сам не присутствовал. Зато теперь царь принял меры, чтобы самому наблюдать морскую битву.

70. Был отдан приказ к отплытию, персидские корабли взяли курс на Саламин и там спокойно выстроились в боевом порядке. Однако днем они не могли уже вступить в бой: надвигалась ночь. Поэтому персы стали готовиться к бою на следующий день. Эллинов же охватил страх и тревога. Особенно тревожились пелопоннесцы: они должны были сидеть здесь, на Саламине, и сражаться за землю афинян. Ведь, проиграв битву, они будут отрезаны и осаждены на острове, а родина останется беззащитной.

71. Между тем сухопутное войско варваров двинулось на Пелопоннес. Конечно, там были приняты все какие только возможно меры, чтобы не допустить вторжения варваров по суше. Ведь, лишь только весть о гибели войска Леонида в Фермопилах достигла Пелопоннеса, из всех городов поспешно собрались воины и заняли Истм. Предводителем их был Клеомброт, сын Анаксандрида, брат Леонида. Они разбили свой стан на Истме, завалили Скиронову дорогу, сделав ее непроезжей, а затем решили на военном совете построить стену поперек Истма. А так как войско состояло из многих десятков тысяч воинов, и каждый усердно работал, то дело быстро подвигалось вперед. И действительно, отовсюду несли камни, кирпичи, бревна, корзины, полные песку, и работа непрестанно продолжалась днем и ночью без отдыха.

72. Из эллинских городов и племен прибыли на помощь к Истму вот какие: лакедемоняне, все племена аркадцев, элейцы, коринфяне, сикионцы, эпидаврийцы, флиунтцы, трезенцы и гермионяне. Это были города, поспешившие на помощь, тревожась за Элладу в грозный час опасности. Остальных же пелопоннесцев война ничуть не заботила, хотя олимпийский и карнейский праздники уж прошли.

73. А живет в Пелопоннесе семь разных племен. Из них аркадцы и кинурии – коренные жители страны и поныне еще обитают в тех же местах, где жили в древности[1005]. Одно племя – ахейское, правда, не выселялось из Пелопоннеса, но [вынуждено было покинуть] свою родину и ныне живет в чужой земле. Остальные же четыре племени из семи – пришельцы. Это – дорийцы, этолийцы, дриопы и лемносцы. У дорийцев есть много знаменитых городов, а у этолийцев – только один единственный город – Элида. Дриопам принадлежат Гермиона и Асина, что находится близ лаконского города Кардамилы. Пароректы же – все лемносцы. Кинурии принадлежат к коренным жителям. Это, по-видимому, единственное ионийское племя в Пелопоннесе. Со временем, будучи под властью аргосцев, они обратились в дорийцев. Это – орнеаты и их соседи. Из этих семи племен остальные города, кроме только что упомянутых, оставались нейтральными. А если сказать откровенно, то другие города только потому держались в стороне от общего дела, что сочувствовали персам[1006].

74. Воины на Истме трудились между тем с таким рвением, как будто спасение Эллады зависело только от них. Ведь одержать победу на море они вовсе не

[1005] Переселившиеся из Фтиотиды в Пелопоннес ахейцы осели сначала в Арголиде и Лаконии. Оттуда они были оттеснены дорийцами в северную часть Пелопоннеса. Отсюда они в свою очередь вытеснили ионян.

[1006] Здесь Геродот прямо высказывает свою точку зрения.

надеялись. Пелопоннесцами же у Саламина, несмотря на известие об этих работах, овладел страх. Они опасались не так за самих себя, как за Пелопоннес. Сначала люди тайно переговаривались друг с другом, дивясь безрассудству Еврибиада. Наконец недовольство прорвалось открыто. Созвали сходку и опять много толковали о том же: одни говорили, что нужно плыть к Пелопоннесу и там дать решительный бой за него, а не сражаться здесь за землю, уже захваченную врагом. Напротив, афиняне, эгинцы и мегарцы советовали остаться у Саламина и дать отпор врагу.

75. Когда Фемистокл увидел, что мнение пелопоннесцев стало одерживать верх, он незаметно покинул собрание. Выйдя из совета, он отправил на лодке одного человека с поручением в мидийский стан. Звали этого человека Сикинн, и был он слугой и учителем детей Фемистокла. Его-то Фемистокл после войны сделал феспийским гражданином (когда феспийцы принимали новых граждан) и богачом[1007]. Прибыв на лодке к военачальникам варваров, Сикинн сказал вот что: "Послал меня военачальник афинян тайно от прочих эллинов (он на стороне царя и желает победы скорее вам, чем эллинам) сказать вам, что эллины объяты страхом и думают бежать. Ныне у вас прекрасная возможность совершить величайший подвиг, если вы не допустите их бегства. Ведь у эллинов нет единства, и они не окажут сопротивления: вы увидите, как ваши друзья и враги [в их стане] станут сражаться друг с другом". После этого Сикинн тотчас же возвратился назад.

76. Варвары поверили этому сообщению. Прежде всего, они высадили на островок Пситталию, что лежит между Саламином и материком, большой персидский отряд. Потом, с наступлением полночи, корабли западного крыла отплыли к Саламину, чтобы окружить эллинов. Корабли же, стоявшие у Кеоса и Киносуры[1008], также вышли в море, так что весь пролив до Мунихия[1009] был занят вражескими кораблями. Варвары плыли туда для того, чтобы не дать эллинам бежать, отрезать их на Саламине и отомстить за битву при Артемисии. А на острове под названием Пситталия высадился персидский отряд, чтобы спасать или уничтожать занесенных туда волнами людей и обломки кораблей (ведь остров лежал, на пути предстоящего сражения). Приготовления эти персы производили в полной тишине, чтобы враги ничего не заметили. Так персы готовились к бою, проведя целую ночь без сна.

77. Я не могу оспаривать правдивость изречений оракулов. Если предсказания недвусмысленны, я не хочу подвергать их сомнению. Вот, например, такое изречение:

Но когда берег святой со златым мечом Артемиды До Киносуры морской съединят корабельной запрудой, В спеси безумной разрушив прекрасный город Афины, Славная Дика тогда смирит сына Дерзости Кора, Буйного (мнится ему, что все покорил он под ноги), Медь будет с медью сходиться. Арес же пучину Кровью окрасит морскую. Тогда день свободы Элладе Дальногремящий Кронид принесет и владычица Ника.

Если Бакид изрекает такое пророчество в столь ясных выражениях, то я и сам не

[1007] Это сообщение, быть может, заимствовано из обвинительного акта против Фемистокла. С. Я. Лурье (История, стр. 203) считает этот рассказ сочиненным впоследствии для прославления Фемистокла.

[1008] Стратегический план персов имел целью запереть греческий флот в бухте Амбелаки. Первой частью этого плана был захват о. Пситталии между Саламином и Пиреем. После этого началась вторая часть: один отряд кораблей должен был высадить десант на Саламине, чтобы занять г. Саламин. Одновременно отплыли корабли для захвата островка Кеос (совр. Гиоргио) у северного выхода из Саламинского пролива. Последним отплыл отряд кораблей, который должен был занять мыс Киносура. Однако из всех этих операций имели успех только операции против маленьких островков, высадка же на Саламине не удалась ни у мыса Киносура, ни у г. Саламина. Раздробленный на мелкие отряды персидский флот оказался великолепной целью для атаки греческих кораблей. Фемистокл прекрасно понял, что персы лишились своего численного превосходства из-за раздробленности, и распознал удачный момент для атаки, принесший грекам победу.

[1009] Гавань Мунихия в Фалерской бухте была базой персидского флота.

смею высказывать недоверие к его прорицаниям и не желаю слушать возражений от других.

78. Между тем военачальники [эллинов] под Саламином продолжали жаркий спор, не зная еще, что варварские корабли уже окружили их. Они думали, что враги стоят еще на прежнем месте, где они видели их днем.

79. Во время этого спора с Эгины прибыл Аристид, сын Лисимаха, афинянин, которого народ изгнал остракизмом[1010]. Этого Аристида я считаю, судя по тому, что узнал о его характере, самым благородным и справедливым человеком в Афинах. Он предстал перед советом и велел вызвать Фемистокла (Фемистокл вовсе не был его другом, а, напротив, злейшим врагом). Теперь перед лицом страшной опасности Аристид предал забвению прошлое и вызвал Фемистокла для переговоров. Он узнал, что пелопоннесцы хотят отплыть к Истму. Когда Фемистокл вышел к нему, Аристид сказал: "Мы должны всегда, и особенно в настоящее время, состязаться, кто из нас сделает больше добра родине. Я хочу только сказать тебе, что пелопоннесцы могут теперь рассуждать сколько угодно об отплытии отсюда, это совершенно бесполезно. Я видел собственными глазами и утверждаю, что коринфяне и сам Еврибиад не смогут теперь отплыть отсюда, даже если бы и захотели: ведь мы окружены врагами. Выйди и сообщи об этом".

80. Фемистокл же ответил ему так: "Твой совет превосходен, и ты принес добрую весть. Ведь ты подтвердил мне как очевидец, что все произошло, как я желал. Знай же, что мидяне поступили так по моему внушению. Ведь эллины не желали добровольно сражаться, поэтому я должен был заставить их сделать это против воли. Но так как ты пришел с доброй вестью, то сам и передай ее. Ведь, если я сам скажу им об этом, они сочтут мои слова пустой болтовней и не поверят, так как, по их мнению, варвары никогда не сделают этого. Поэтому выйди и сам сообщи им, как обстоит дело! Если они поверят твоему сообщению, то все хорошо. А если и не поверят, то нам это безразлично: бежать они, конечно, уже больше не смогут, так как ведь, по твоим словам, мы окружены со всех сторон".

81. После этого Аристид предстал перед советом и объявил, что прибыл с Эгины, лишь с трудом избежав преследования сторожевых кораблей варваров. Весь эллинский флот окружен кораблями Ксеркса, и он советует приготовиться, чтобы дать отпор врагу. Затем Аристид покинул собрание. А в совете опять начались споры потому, что большинство военачальников не верили сообщению Аристида.

82. В то время как они еще сомневались, прибыла теносская триера под начальством Пантия, сына Сосимена, который перешел на сторону эллинов. Этот-то корабль принес самые достоверные сведения. За это деяние [имя] теносцев вырезано на дельфийском треножнике в числе победителей персидского царя. Итак, вместе с этим кораблем, перешедшим к эллинам у Саламина, и с ранее присоединившимся у Артемисия лемносским эллинский флот насчитывал теперь 380 кораблей. Прежде ведь недоставало двух кораблей до этого числа.

83. Эллины же поверили известию теносцев и стали готовиться к бою. Когда занялась заря, военачальники созвали сходку корабельных воинов и Фемистокл перед всеми держал прекрасную речь. В этой речи он сопоставлял все благородные и постыдные побуждения, которые проявляются в душе человеческой. Фемистокл призывал воинов следовать благородным порывам и закончил речь приказанием вступить на борт кораблей. Воины уже поднимались на свои корабли, как вдруг с Эгины возвратилась триера, посланная к Эакидам. Тогда весь эллинский флот вышел в море, и тотчас же варвары напали на него.

84. Прочие эллины хотели было уже грести назад и причалить к берегу, а Аминий из Паллены, афинянин, выйдя из строя, напал на вражеский корабль. Корабли сцепились и не могли разойтись. Поэтому другие корабли подошли на помощь Аминию и вступили в бой. Так, по афинскому преданию, началась битва; а эгинцы утверждают, что бой завязал первым корабль, посланный на Эгину к Эакидам. Рассказывают также, что эллинам явился призрак некоей женщины. Громким голосом, так что весь флот слышал, призрак ободрил эллинов,

[1010] Остракизм –изгнание путем подачи голосов черепками.

обратившись к ним сначала с язвительными словами: "Трусы! Доколе будете вы еще грести назад? ".

85. Против афинян стояли финикияне (они образовали западное крыло у Элевсина), а против лакедемонян – Ионяне, которые находились на восточном крыле против Пирея. Однако только немногие ионяне по призыву Фемистокла бились без воодушевления, большинство же сражалось мужественно. Я мог бы перечислить имена многих начальников ионийских триер, которые захватили эллинские корабли, но не желаю их упоминать, кроме Феоместора, сына Андродаманта, и Филака, сына Гистиея (оба они из Самоса). А только этих одних я упоминаю ради того, что Феоместора за этот подвиг персы сделали тираном Самоса. Филака же они записали в список "благодетелей" царя и пожаловали обширными землями. Этих царских "благодетелей" зовут по-персидски "оросангами"[1011]. Так обстояло дело с этими начальниками триер.

86. Большинство вражеских кораблей у Саламина погибло: одни были уничтожены афинянами, а другие эгинцами. Эллины сражались с большим умением и в образцовом порядке. Варвары же, напротив, действовали беспорядочно и необдуманно. Поэтому-то исход битвы, конечно, не мог быть иным. Между тем варвары на этот раз бились гораздо отважнее, чем при Евбее. Из страха перед Ксерксом каждый старался изо всех сил, думая, что царь смотрит именно на него.

87. Об остальных – как эллинах, так и варварах – я не могу точно сказать, как каждый из них сражался. Что же до Артемисии, то с ней приключилось вот какое событие, отчего она еще более возвысилась в глазах царя. Именно, когда царский флот уже пришел в великое расстройство, в это самое время аттический корабль пустился в погоню за кораблем Артемисии. Сама она не могла бежать, так как впереди шли другие союзные корабли, а ее собственный корабль как раз находился в непосредственной близости от неприятеля. Тогда Артемисия решилась вот на какое дело, что ей и удалось. Преследуемая аттическим кораблем, она стремительно бросилась на союзный корабль калиндян, на котором плыл сам царь калиндян Дамасифим. Даже если у Артемисии еще раньше на Геллеспонте была с ним действительно какая-нибудь ссора, то я все же не мог бы решить, умышленно ли она совершила этот поступок или же калиндийский корабль только случайно столкнулся с ее кораблем. Когда же Артемисия стремительно бросилась на калиндийский корабль и потопила его, то этот счастливый случай принес ей двойную пользу. Так, начальник аттического корабля, увидев, что она напала на варварский корабль, либо принял корабль Артемисии за эллинский, либо решил, что ее корабль покинул варваров и перешел к эллинам. Поэтому он отвернул от корабля Артемисии и обратился против других кораблей.

88. Так-то Артемисия, во-первых, спаслась бегством, а затем ей, несмотря на причиненный вред, как раз благодаря этому удалось снискать величайшее благоволение Ксеркса. Как передают, наблюдая за ходом битвы, царь заметил нападающий корабль Артемисии, и кто-то из его свиты сказал: "Владыка! Видишь, как храбро сражается Артемисия и даже потопила вражеский корабль". Ксеркс спросил, правда ли, что это Артемисия, и приближенные подтвердили, что им хорошо известен опознавательный знак корабля царицы. Погибший же корабль они считали вражеским. А Артемисии, как было сказано, сопутствовала удача и во всем прочем; особенно же ей посчастливилось в том, что с калиндийского корабля никто не спасся, чтобы стать ее обвинителем. Передают, что Ксеркс сказал затем [в ответ] на замечание спутников: "Мужчины у меня превратились в женщин, а женщины стали мужчинами". Это были, как говорят, слова Ксеркса.

89. В этом бою [у персов] пал военачальник Ариабигн, сын Дария и брат Ксеркса, и с ним много других знатных персов, мидян и их союзников. У эллинов же было немного потерь: они умели плавать, и поэтому люди с разбитых кораблей,

[1011] Оросанги –люди, оказавшие услуги царю и государству и награжденные за это земельными угодьями. Ср. выше, III 140 и прим. 102.

уцелевшие в рукопашной схватке, смогли переплыть на Саламин. Напротив, большинство варваров из-за неумения плавать нашло свою гибель в морской пучине. Лишь только передние корабли обратились в бегство, большая часть их стала гибнуть. Ведь задние ряды кораблей, желая пробиться вперед, чтобы совершить какой-нибудь подвиг перед царем, сталкивались со своими же кораблями.

90. В суматохе битвы произошло еще вот что. Несколько финикиян, корабли которых затонули, явились к царю с обвинением ионян в измене, будто бы их корабли погибли по вине ионян. Однако военачальники ионян не пострадали, а клеветники-финикияне, напротив, понесли заслуженную кару. Произошло же это вот как. Пока финикияне еще внушали царю это, самофракийский корабль напал на аттический. Аттический корабль стал тонуть, а стремительно подоспевший эллинский корабль потопил самофракийский. Самофракийцы были, однако, искусными метателями дротиков: они стали метать дротики и сбросили в море воинов с корабля, потопившего их корабль, и затем захватили его. Этот-то случай и спас ионян. Когда Ксеркс увидел, что они совершили столь великий подвиг, то обратил свой страшный гнев на финикиян[1012]. Он возложил всю вину на финикиян и повелел отрубить им головы, чтобы эти трусы не смели клеветать на храбрецов. Ксеркс восседал у подошвы горы под названием Эгалеос[1013] против Саламина и всякий раз, видя, что кто-нибудь из его людей отличился в сражении, спрашивал его имя, и писцы записывали имя начальника корабля с прибавлением отчества и его родной город. Виновником этой беды финикиян был, кроме того, перс Ариарамн, друг ионян. Так финикияне были преданы палачам.

91. Когда варвары, пытаясь выйти к Фалеру, бежали, эгинцы, устроившие засаду в проливе, совершили замечательные подвиги. В то время как афиняне в суматохе битвы топили вражеские корабли, если те сопротивлялись и бежали, эгинцы перехватывали бегущих. Если какому-нибудь кораблю и удавалось избежать афинян, он попадал в руки эгинцев.

92. В это время корабль Фемистокла, преследовавший вражеский корабль, встретился с кораблем эгинца Поликрита, сына Криоса. Поликрит напал на сидонский корабль, который захватил сторожевой эгинский корабль у [острова] Скиафа. На этом корабле находился Пифей, сын Исхеноя (персы, восхищенные его доблестью, сохранили жизнь тяжелораненому Пифею и держали его на своем корабле)[1014]. Этот-то сидонский корабль, везший Пифея, был теперь захвачен вместе с персидскими воинами, так что Пифей мог благополучно вернуться на Эгину. Увидев аттический корабль, Поликрит тотчас же по опознавательному

[1012] В результате различных десантных операций персидский флот, как показывает описание Геродота, оказался рассредоточенным. Так, одна часть –финикийские корабли –в начале битвы стояла в Элевсинской бухте, севернее Саламинского пролива. Вторая группа, состоявшая главным образом из ионийских кораблей, утром в день битвы стояла между Пситталией и Пиреем (у южного выхода из Саламинского пролива). Поэтому греки имели возможность бросить все свои силы сначала против финикийской эскадры (как это ясно из VIII 90). Финикиянам пришлось одним выдерживать атаки превосходных сил греков. При попытке выйти из Элевсинской бухты, прорвавшись через Саламинский пролив к стоящей у южного выхода ионийской эскадре, финикияне понесли тяжелые потери. Когда ионяне завязали сражение, исход его уже нельзя было изменить. Наступившая темнота заставила кончить битву. После сражения персидский военный суд возложил вину за поражение на командиров финикийских кораблей, которые продвинулись слишком далеко на север и потеряли поэтому связь с остальным флотом. Саламинская битва была задолго обдумана и подготовлена руководством союзного греческого войска. Совершенно невероятно, как это изображает Геродот, чтобы флот, составленный из множества отдельных контингентов (при фактическом отсутствии единого командования), треть которого готова была бежать без боя, мог одержать блестящую победу (ср.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 73). Все остальные, кроме спартанцев, афинян, тегейцев, мегарцев и флиунтцев, будто бы уклонились от сражения.

[1013] Отсюда открывался вид на большую часть Саламинского пролива.

[1014] Ср. VII 181.

знаку признал его за корабль военачальника. Затем Поликрит громким голосом вызвал Фемистокла и с издевкой напомнил ему о "расположении эгинцев к персам". Такие упреки Поликрит бросил Фемистоклу как раз, когда напал на вражеский корабль. Варвары же с уцелевшими кораблями бежали в Фалер под защиту сухопутного войска.

93. Величайшую славу среди эллинов стяжали себе в этой битве эгинцы, а затем – афиняне. Среди отдельных воинов особенно отличились эгинец Поликрит и афиняне – Ермен из дема Анагирунта и Аминий из Паллены (тот, который преследовал Артемисию). Знай Аминий, что Артемисия находилась на этом корабле, он, конечно, не прекратил бы преследования, пока не захватил бы корабль или сам не был бы захвачен. Действительно, начальники афинских кораблей получили приказание захватить в плен Артемисию, а, кроме того, за поимку царицы живой была еще назначена награда в 1000 драхм. Ведь афиняне были страшно озлоблены тем, что женщина воюет против них. А ей, как я уже рассказал, удалось бежать, а также и остальным варварам с уцелевшими кораблями в Фалер.

94. Что касается Адиманта, коринфского военачальника, то он, по рассказам афинян, с самого начала битвы в смертельном страхе велел поднять паруса и бежал. Коринфяне же, видя бегство корабля военачальника, также бежали. Когда беглецы были уже вблизи святилища Афины Скирады на Саламине[1015], навстречу им вышло какое-то парусное судно, ниспосланное божеством, которое, как оказалось, никто [из людей] не посылал. Судно подошло к коринфянам, когда те ничего еще не знали об участи флота. Афиняне усмотрели в этом вмешательство божества вот почему. Когда судно приблизилось к коринфским кораблям, то люди, бывшие на нем, сказали: "Адимант! Ты обратился в бегство с твоими кораблями, предательски покинув эллинов. А эллины все-таки одерживают столь полную победу над врагом, о какой они могли только мечтать!". Адимант не поверил их словам, и тогда они снова сказали, что готовы отдаться коринфянам в заложники и принять смерть, если эллины не одержат блестящей победы. Тогда Адимант и другие коринфяне повернули свои корабли и возвратились назад к флоту, когда битва уже кончилась. Так гласит афинское предание. Коринфяне же, конечно, возражают против этого, утверждая, что доблестно сражались в битве в числе первых. Все прочие эллины подтверждают это[1016].

95. Афинянин же Аристид, сын Лисимаха, о котором я недавно упоминал как о человеке благороднейшем, во время Саламинской битвы сделал вот что. С большим отрядом гоплитов (это были афиняне, стоявшие на побережье Саламина) он переправился на остров Пситталию и перебил всех персов, находившихся на этом острове.

96. После окончания битвы эллины снесли на берег Саламина все найденные обломки кораблей и стали готовиться к новому бою: они ожидали, что царь с оставшимися кораблями еще раз отважится совершить нападение. Между тем множество корабельных обломков, подхваченных западным ветром, принесло к берегам Аттики, к так называемому [мысу] Колиада. Так-то исполнились не только все прорицания Бакида и Мусея о морской битве, но и пророчество о принесенных волнами сюда корабельных обломках (за много лет до этого изрек его афинский

[1015] Храм находился на южной оконечности о. Саламина. Легенда могла возникнуть оттого, что коринфские корабли огибали остров, чтобы запереть пролив между Саламином и Мегаридой. Этот маневр был предусмотрен, вероятно, для того, чтобы помешать персам прорваться к Истму.

[1016] Коринф был врагом Афин, и Геродот в угоду афинянам заставляет коринфян бежать во время Саламинской битвы. Он прямо клевещет на коринфского героя Адиманта, который получил "венок свободы от всей Эллады" (Плутарх. О злокозненности Геродота XXXIX). Многие выдумки партии Перикла Геродот выдает за исторические факты: о подчинении Эгины персам, о трусости коринфян при Артемисии и Саламине, о низости коринфского наварха Адиманта, о медлительности спартанцев, что и было якобы причиной двукратного разрушения Афин.

прорицатель Лисистрат, смысл его остался непонятным всем эллинам):

Колиадские жены [ячмень] будут жарить на веслах.

Это пророчество должно было теперь исполниться после отступления царя.

97. Когда Ксеркс понял, что битва проиграна, то устрашился, как бы эллины (по совету ионян или по собственному почину) не отплыли к Геллеспонту, чтобы разрушить мосты. Тогда ему грозила опасность быть отрезанным в Европе и погибнуть. Поэтому царь решил отступить. Желая, однако, скрыть свое намерение от эллинов и от собственного войска, Ксеркс велел строить плотину [между берегом и Саламином][1017]. Прежде всего, он приказал связать финикийские грузовые суда, которые должны были служить понтонным мостом и стеной, и затем стал готовиться к новой морской битве. Все, видевшие эти сборы, думали, конечно, что царь совершенно серьезно решил оставаться и готовится продолжать войну. Только Мардоний не дал себя обмануть этим, так как ему были прекрасно известны замыслы царя.

98. Тем временем Ксеркс отправил в Персию гонца с вестью о поражении. Нет на свете ничего быстрее этих гонцов: так умно у персов устроена почтовая служба! Рассказывают, что на протяжении всего пути у них расставлены лошади и люди, так что на каждый день пути приходится особая лошадь и человек. Ни снег, ни ливень, ни зной, ни даже ночная пора не могут помешать каждому всаднику проскакать во весь опор назначенный отрезок пути. Первый гонец передает известие второму, а тот третьему. И так весть переходит из рук в руки, пока не достигнет цели, подобно факелам на празднике у эллинов в честь Гефеста. Эту конную почту персы называют "ангарейон"[1018].

99. Первое известие о взятии Афин Ксерксом, доставленное в Сусы, так обрадовало оставшихся дома персов, что они осыпали миртовыми ветвями все улицы города, воскуряли фимиам, приносили жертвы и задавали пиры. А вторая весть [о поражении] настолько потрясла персов, что все они раздирали свои одежды и с криками и бесконечными воплями обвиняли Мардония. Так вели себя персы, сокрушаясь, впрочем, не столько о гибели флота, сколько тревожась за самого Ксеркса.

100. И эти огорчения и тревоги продолжали тяготить персов все время, пока сам Ксеркс по возвращении не успокоил их. Мардоний же видел, как глубоко Ксеркс опечален поражением, и подозревал, что царь замыслил отступление из Афин. Сообразив, что ему, который убедил царя идти в поход на Элладу, придется нести ответственность, Мардоний решил, что лучше еще раз попытать счастья в битве, покорить Элладу или с честью пасть в борьбе за великое дело. Впрочем, он больше надеялся на покорение Эллады. Итак, обдумав все это, Мардоний обратился к царю с такими словами: "Владыка! Не печалься и не принимай близко к сердцу эту беду! Ведь решительный бой предстоит нам не на море с кораблями, а на суше с пехотой и конницей. Никто из этих людей, считающих себя победителями, не осмелится сойти с кораблей и выступить против тебя, а также никто из живущих здесь на материке. И те, кто восстал против нас, понесли достойную кару. Если тебе угодно, мы тотчас же нападем на Пелопоннес. Желаешь ли ты подождать – это также зависит от тебя. Только не падай духом! Ведь эллинам нет никакого спасения: их постигнет кара за нынешние и прежние деяния, и они станут твоими рабами. Лучше всего тебе поступить так. А если ты решил сам уйти с войском, то на этот случай у меня есть другой совет. Не делай, царь, персов посмешищем для эллинов. Ведь персы еще вовсе не потерпели поражения, и ты не можешь сказать, что мы где-либо оказались трусами. А если финикияне, египтяне, киприоты и киликийцы проявили трусость, то в этом поражении персы вовсе неповинны. А так как ты не можешь ни в чем упрекнуть персов, то послушайся меня. Если ты действительно не желаешь здесь оставаться, то возвращайся на родину с большей

[1017] Несмотря на поражение на море, Ксеркс сначала не оставил плана высадки на о. Саламине. По-видимому, начавшиеся внутренние волнения в Персии (восстание Масиста) заставили царя прекратить поход и отказаться от захвата Саламина.

[1018] [γγαρεθον (от перс. "хангар") означает "царский курьер".

частью войска, а мне оставь 300 000 отборных воинов, чтобы я мог сделать Элладу твоей рабыней".

101. Услышав эти слова, Ксеркс весьма обрадовался, думая, что уже избежал гибели. Мардонию же сказал, что сначала будет держать совет, а затем сообщит, какое решение принял. Затем Ксеркс стал совещаться со своими персидскими советниками и решил призвать на совет также и Артемисию, так как и раньше она, казалось, понимала, что следовало делать. Когда Артемисия явилась, Ксеркс велел всем остальным – персидским советникам и копьеносцам – удалиться и сказал ей вот что: "Мардоний советует мне остаться здесь и напасть на Пелопоннес. Он говорит, что персы и сухопутное войско вовсе неповинны в поражении и мечтают на деле доказать свою невиновность. Поэтому он предлагает либо мне самому сделать это, либо он с 300 000 отборного войска покорит мне Элладу, в то время как мне с остальным войском советует возвратиться на родину. Ты дала мне перед битвой прекрасный совет, именно отговаривала меня вступить в бой. Так посоветуй же мне и теперь, что следует делать, чтобы добиться успеха".

102. Так он спрашивал, Артемисия отвечала вот что: "Царь! Трудно советнику найти наилучший [совет], но в настоящем положении тебе следует, думаю я, вернуться домой. Мардоний же, если желает и вызвался на это дело, пусть остается с войском по его желанию. Если Мардоний действительно покорит ту землю, которую обещает покорить, и выполнит свой замысел, то это, владыка, будет и твоим подвигом, потому что совершили его твои слуги. Если же дело пойдет иначе, чем думает Мардоний, то беда твоему дому вовсе невелика, так как сам ты и твоя держава в Азии останутся в целости. И пока ты и твой дом невредимы, эллины будут постоянно бороться за свою свободу. Случись с Мардонием какая-нибудь беда, – это неважно, и даже если эллины одолеют его, то и это не будет победой, так как они одолеют только твоего слугу. А ты, предав пламени Афины (ради чего ты и пошел в поход), возвращайся домой".

103. Ксеркс обрадовался этому совету, ведь царица советовала как раз то, о чем он и сам думал. Если бы теперь даже все мужчины и женщины советовали ему остаться, он, как мне думается, не остался бы: такой страх напал на царя. Итак, похвалив Артемисию, Ксеркс отослал своих сыновей с ней в Эфес[1019]. Ведь несколько его внебрачных сыновей было с ним в походе.

104. Вместе с этими сыновьями царь отправил и их воспитателя Гермотима родом из Педас, самого главного из царских евнухов. Педасийцы же живут севернее Галикарнасса. У этих педасийцев, по рассказам, случается иногда нечто диковинное: всякий раз как жителям города или их соседям угрожает в скором времени какая-нибудь беда, то у тамошней жрицы Афины вырастает длинная борода. И это случалось у них уже дважды.

105. От этих-то педасийцев и происходил Гермотим. Он отомстил за нанесенную ему обиду самой страшной местью, которую только я знаю. Гермотим был взят в плен врагами и выставлен на продажу в рабство. Купил его хиосец Панионий, который зарабатывал себе на жизнь постыднейшим ремеслом: он покупал красивых мальчиков, оскоплял их, приводил в Сарды или в Эфес на рынок и там перепродавал за большие деньги. У варваров же евнухи ценятся дороже, чем неоскопленные люди, из-за их полной надежности во всех делах. Панионий оскопил уже много других мальчиков, так как этим ремеслом он жил, и, между прочим, и этого Гермотима. Впрочем, Гермотим не во всем был несчастлив: из Сард вместе с прочими дарами он прибыл к царю и спустя некоторое время достиг у Ксеркса наивысшего почета среди всех евнухов.

106. Когда царь с персидским войском выступил в поход на Афины и находился в Сардах, Гермотим по какому-то делу отправился на побережье в Мисию, в

[1019] Ксеркс приказал Артемисии перевести его сыновей через море в Эфес. Вероятно, оттуда они должны были по царскому пути следовать в Сусы и принять там меры к подавлению начавшегося восстания. Сам Ксеркс оставался с сухопутным войском, отдав приказ флоту охранять коммуникации войска на Геллеспонте и на фракийском побережье.

местность под названием Атарней, где живут хиосцы[1020]. Там он встретил Паниония. Гермотим узнал Паниония и долго ласково беседовал с ним, перечислив сначала все блага, которыми ему обязан. Затем он обещал Панионию сделать в благодарность много добра, если тот переселится с семьей в Атарней. Панионий с радостью согласился на предложение Гермотима и привез жену и детей к нему. Когда же Гермотим захватил в свои руки Паниония со всей семьей, то сказал ему вот что: "О ты, добывающий себе пропитание самым позорным ремеслом на свете! Какое зло я или кто-нибудь из моих предков причинили тебе и твоим? За что ты превратил меня из мужчины в ничтожество? Ты думаешь, конечно, что твое преступление осталось тогда сокрытым от богов? Но боги по закону справедливости предали тебя за твои нечестивые деяния в мои руки. Поэтому не упрекай меня за кару, которую я тебе уготовлю". После этой злобной речи Гермотим велел привести четверых сыновей Паниония и заставил его отрезать у них детородные члены. Панионий был вынужден это исполнить. А после этого Гермотим принудил сыновей оскопить своего отца. Так постигло Паниония мщение Гермотима.

107. Поручив Артемисии отвезти в Эфес его сыновей, Ксеркс призвал Мардония и повелел ему выбрать каких угодно людей из своего войска и, если возможно, осуществить свои замыслы. Так прошел этот день, а ночью военачальники по царскому повелению начали отступление с кораблями из Фалера к Геллеспонту. Каждый спешил как мог на защиту моста для прохода царя. Когда во время плавания варвары были вблизи мыса Зостера, они приняли небольшие утесы на материке, выступающие из воды, за неприятельские корабли и бежали от них в разные стороны на далекое расстояние. Через некоторое время они заметили, однако, что это не корабли, а утесы, и тогда снова собрались и продолжали путь.

108. С наступлением дня эллины, видя, что сухопутное войско персов на том же месте, подумали, что и флот также находится у Фалера. Они ожидали второй морской битвы и готовились к отпору. Но лишь только эллины узнали об уходе вражеских кораблей, они тотчас же решили пуститься в погоню за ними. Однако они потеряли из виду флот Ксеркса, преследуя его до Андроса. Там, на Андросе, эллины держали военный совет. Фемистокл был за то, чтобы преследовать неприятеля и плыть между островами [Эгейского моря] прямо к Геллеспонту, чтобы разрушить мост. Еврибиад же держался другого мнения, говоря, что разрушение моста было бы величайшей бедой для Эллады. Ведь если персидский царь будет отрезан и вынужден оставаться в Европе, то он, конечно, не станет бездействовать. Сохраняя мир, он не добьется успеха, и возвращение домой будет ему невозможно, так как войско его в конце концов погибнет от голода. Перейди царь снова к нападению, может случиться, что он покорит целую Элладу город за городом и народ за народом либо силой, либо путем добровольной сдачи. А ежегодный урожай хлеба в Элладе всегда пропитает царское войско. Впрочем, Еврибиад думает, что персидский царь после поражения не намерен оставаться в Европе. Поэтому следует дать ему возможность бежать, пока он не вернется в свою землю. А затем, по его мнению, нужно напасть на царя уже в его собственной земле. Такого же мнения держались и остальные пелопоннесские военачальники.

109. Когда Фемистокл понял, что ему не удастся убедить, по крайней мере, большинство военачальников плыть к Геллеспонту, он обратился к афинянам с такими словами (афиняне ведь особенно сильно досадовали на бегство врагов и были готовы плыть к Геллеспонту даже одни, если остальные откажутся): "Мне самому пришлось быть свидетелем подобных случаев и слышать еще гораздо больше рассказов об этом: когда побежденных доводят до крайности, они снова бросаются в бой и заглаживают прежнее поражение. Поэтому не станем преследовать бегущего врага. Нам ведь неожиданно посчастливилось спасти самих себя и Элладу, отразив столь страшные тучи врагов. Ведь этот подвиг совершили не мы, а боги и герои, которые воспротивились тому, чтобы один

[1020] Около Атарнея находились царские имения, которые и поехал инспектировать Гермотим.

человек стал властителем Азии и Европы, так как он нечестивец и беззаконник. Он ведь одинаково не щадил ни святилищ богов, ни человеческих жилищ, предавая огню и низвергая статуи богов. И даже море повелел он бичевать и наложить на него оковы. Мы же теперь добились успеха, и поэтому нам лучше оставаться в Элладе и подумать о себе и своих домочадцах. Пусть каждый восстановит свой дом и старательно возделывает свое поле, после того как мы окончательно изгоним врага из нашей земли. А весной мы отплывем к Геллеспонту и в Ионию". Так говорил Фемистокл, чтобы обеспечить себе убежище у персидского царя на случай, если его постигнет какая-нибудь беда в Афинах, что впоследствии и случилось[1021].

110. Фемистокл же этой речью хотел обмануть афинян, и они послушались его. Ведь и прежде Фемистокла они считали человеком мудрым, а теперь он действительно оказался умным и проницательным советником, и афиняне с готовностью беспрекословно последовали его совету. После того как афиняне поддались убеждению Фемистокла, тот немедленно отправил к царю корабль с доверенными людьми (он был уверен, что они даже под пыткой не выдадут того, что он поручил передать царю). Среди этих людей был опять его слуга Сикинн. Когда посланные прибыли к берегам Аттики, то все прочие остались на корабле и только Сикинн отправился в глубь страны к Ксерксу и сказал ему вот что: "Послал меня Фемистокл, сын Неокла, военачальник афинян – самый доблестный и мудрый человек среди союзников – сообщить тебе, что афинянин Фемистокл, желая оказать тебе услугу, отговорил эллинов преследовать твои корабли и разрушить мост на Геллеспонте. Отныне ты можешь совершенно спокойно возвратиться домой". Передав это сообщение, посланцы вернулись назад.

111. Между тем эллины, отказавшись от дальнейшего преследования флота варваров, решили не плыть к Геллеспонту для разрушения мостов. Они осадили Андрос, желая захватить остров. Андрос был первым островом, от которого Фемистокл потребовал денег[1022]. Андросцы, однако, отказались выдать деньги. Фемистокл велел тогда объявить андросцам, что афиняне прибыли с двумя великими божествами – Убеждением и Принуждением, так что андросцам, безусловно, придется заплатить деньги. Андросцы отвечали на это: "Действительно, Афины, должно быть, велики и богаты, если с такими благосклонными богами преуспевают в жизни. Что же до них, андросцев, то они, напротив, до крайности бедны землей и к тому же два ни на что не годных божества не покидают их острова, который стал даже их излюбленным местопребыванием. Это именно – Бедность и Беспомощность. С этими-то божествами андросцы не могут уплатить деньги: ведь могущество Афин никогда не превзойдет их немощи". Так они отвечали и, не заплатив денег, подверглись осаде.

112. А Фемистокл в своей ненасытной алчности посылал и на другие острова тех же самых вестников, которых раньше отправлял к царю. Вестники требовали денег, угрожая в случае отказа, что Фемистокл явится с эллинским флотом и осадой возьмет их город. Такими угрозами Фемистокл заставил каристян и паросцев выплатить огромные суммы денег. Жители этих островов, услышав, что Андрос осажден за приверженность к персам и что Фемистокл имеет решающее слово среди эллинских военачальников, устрашились и послали деньги. Заплатили ли деньги и другие острова, я не могу сказать, но думаю, впрочем, что Карист и Парос не были единственными. Все же каристийцы этим вовсе не избежали беды, тогда как паросцам, подкупив Фемистокла, удалось спастись от нападения. Так Фемистокл, стоя на якоре у Андроса, собирал деньги с островов тайно от прочих военачальников[1023].

[1021] В 470 г. до н.э. Фемистокл был изгнан из Афин. Сначала он направился в Аргос, а затем к персидскому царю Артоксерксу, который сделал его владыкой Магнесии.

[1022] Фемистокл хотел наложить на о. Андрос, державший сторону персов, большую военную контрибуцию.

[1023] Здесь Геродот, по-видимому, цитирует судебное дело, считая правильным обвинения

113. Ксеркс же подождал в Аттике еще несколько дней после морской битвы и затем выступил с войском прежним путем в Беотию. Мардоний решил сопровождать царя, и время года, кроме того, казалось не подходящим для военных действий. Он считал, что благоразумнее зимовать в Фессалии и потом весной напасть на Пелопоннес. По прибытии в Фессалию Мардоний отобрал, прежде всего, для себя персидских воинов, так называемых бессмертных (однако без их предводителя Гидарна, который не пожелал оставить царя). Затем [он выбрал] из прочих персов латников и тысячу конников, далее – еще мидян, саков, бактрийцев и индийцев, пехотинцев и конников[1024]. [Воинов] этих народностей он взял целиком, из числа же прочих союзников он выбрал лишь немногих, статность которых ему нравилась, или же известных своей храбростью. Самой многочисленной народностью в его войске были персы, носившие ожерелья и запястья. Затем шли мидяне, уступавшие персам не численностью, а телесной силой. Таким образом, всех воинов вместе с конниками было у Мардония 300 000 человек.

114. В то время когда Мардоний отбирал свое войско и Ксеркс находился в Фессалии, из Дельф пришло лакедемонянам изречение оракула, [гласившее]: они должны требовать от Ксеркса удовлетворение за убийство Леонида и удовольствоваться тем, что царь предложит. Спартанцы немедленно отправили [к Ксерксу] глашатая, который застал еще все войско в Фессалии. Представ пред очи Ксеркса, глашатай сказал: "Царь мидян. Лакедемоняне и Гераклиды спартанские требуют от тебя удовлетворения за убийство, так как ты умертвил их царя, который хотел защитить Элладу". Ксеркс засмеялся [в ответ] и долго хранил молчание. Затем указал на Мардония, который как раз стоял неподалеку, и сказал: "Пусть вот этот Мардоний даст им удовлетворение, какого они заслуживают". Глашатай же, получив такой ответ, возвратился назад.

115. А Ксеркс, оставив Мардония в Фессалии, поспешно двинулся к Геллеспонту и прибыл к месту переправы за 45 дней. Царь привел с собой, можно сказать, почти что жалкие остатки войска. Куда бы только и к какому народу персы ни приходили, всюду они добывали себе хлеб грабежом. Если же не находили хлеба, то поедали траву на земле, обдирали кору деревьев и обрывали в пищу древесную листву как садовых, так и дикорастущих деревьев, не оставляя ничего. К этому их побуждал голод. Кроме того, в пути войско поразили чума и кровавый понос, которые губили воинов. Больных приходилось оставлять, поручив питание и уход за ними городам, через которые царь проходил. Одних пришлось оставить в Фессалии, других в Сирисе, что в Пеонии, и в Македонии. Там Ксеркс оставил и священную колесницу Зевса, когда шел в поход на Элладу. При возвращении он не взял колесницу с собой, потому что пеоны отдали ее фракийцам. Когда Ксеркс потребовал возвращения колесницы, пеоны ответили, что фракийцы, живущие наверху у истоков Стримона, похитили пасущихся на лугу кобылиц [и колесницу][1025].

116. Там царь бисальтов из Крестонийской земли, фракиец, совершил чудовищный поступок. Он объявил, что и сам не станет добровольно рабом Ксеркса (и бежал на вершину горы Родопы), и сыновьям запретил идти в поход на Элладу. А те пренебрегли отцовским запретом (или же ими овладело страстное желание увидеть войну) и выступили в поход вместе с царем. Когда же все они (а их было шестеро) вернулись невредимыми, то отец в наказание велел выколоть им глаза.

117. Такое возмездие они получили. А персы, покинув Фракию, прибыли к

против Фемистокла.

[1024] Мардоний оставил себе, кроме мидян и персов, только бактрийцев, саков и индийцев, т. е. контингенты народностей, живших на востоке и северо-востоке персидского царства. Именно эти области и были охвачены восстанием Масиста. Сведения Геродота об этом восстании почерпнуты из источника, передававшего события хронологически неправильно и в непонятной исторической связи.

[1025] Фракийские племена в совр. Болгарии.

проливу и постепенно переправились на кораблях в Абидос. Однако наведенных мостов персы уже не нашли, так как они были разрушены бурей. Там персы задержались, и так как пищи теперь было больше, чем в пути, то, не соблюдая меры, набрасывались на еду и от того, а также от перемены воды многие воины из уцелевшего войска погибали. Остатки же войска во главе с Ксерксом благополучно прибыли в Сарды.

118. Впрочем, существует еще другой вот какой рассказ об отступлении Ксеркса из Афин. Когда царь прибыл в Эион на Стримоне, то, как говорят, отсюда остальную часть пути проделал уже не по суше. Он поручил Гидарну отвести войско к Геллеспонту, а сам на финикийском корабле отплыл в Азию. Во время плавания на царский корабль обрушился бурный стримонский ветер, [высоко] вздымающий волны. По рассказам, когда буря стала все усиливаться, царя объял страх (корабль был переполнен, так как на палубе находилось много персов из Ксерксовой свиты). Ксеркс закричал кормчему, спрашивая, есть ли надежда на спасение. Кормчий отвечал: "Владыка! Нет спасения, если мы не избавимся от большинства людей на корабле". Услышав эти слова, Ксеркс, как говорят, сказал: "Персы! Теперь вы можете показать свою любовь к царю! От вас зависит мое спасение!". Так он сказал, а персы пали к его ногам и затем стали бросаться в море. Тогда облегченный корабль благополучно прибыл в Азию. А Ксеркс, лишь только сошел на берег, говорят, сделал вот что. Он пожаловал кормчему золотой венец за спасение царской жизни и велел отрубить голову за то, что тот погубил столь много персов.

119. Впрочем, этот второй рассказ о возвращении Ксеркса, мне думается, вообще не заслуживает доверия, в особенности в той его части, где речь идет о гибели персов. Ведь если кормчий действительно обратился к Ксерксу с такими словами, то не найдется из тысяч людей ни одного, кто стал бы противоречить моему утверждению, что царь не мог бы поступить так. Скорее он послал бы людей с палубы в трюм [на скамьи гребцов] (тем более что это были знатнейшие персы), а из гребцов-финикиян, вероятно, еще больше, чем персов, велел бы выкинуть за борт. Нет, царь возвратился в Азию, как сказано выше, сухим путем вместе с остальным войском.

120. В доказательство можно привести вот какое важное свидетельство. Ведь, несомненно, на обратном пути Ксеркс посетил Абдеры, заключил с абдеритами соглашение о дружбе и пожаловал им золотую "акинаку" и шитую золотом тиару. И сами абдериты передают (чему я не верю), что Ксеркс со времени бегства из Афин здесь впервые развязал свой пояс, чувствуя себя в безопасности. Абдеры же лежат ближе к Геллеспонту, чем Стримон и Эион, где Ксеркс, как говорят, сел на корабль.

121. Между тем эллины, не будучи в состоянии взять Андрос, обратились против Кариста. Они опустошили землю каристян и затем возвратились на Саламин. Прежде всего, они посвятили богам "початки" добычи, в том числе три финикийские триеры. Одну послали на Истм, где ее можно видеть и поныне, вторую – на Суний, а третью оставили на Саламине и посвятили Эанту[1026]. Затем разделили добычу между собою и отборную часть отослали в Дельфы. Из этой части [добычи] была сделана статуя человека, высотой в 12 локтей, с корабельным носом в руке (она стоит там же, где и золотая статуя Александра из Македонии)[1027].

122. При отсылке даров в Дельфы эллины сообща вопросили бога: достаточно ли он получил даров и доволен ли ими. А бог отвечал, что от других эллинов он получил довольно, но не от эгинцев. Он требует от эгинцев часть награды за доблесть в битве при Саламине. Узнав об этом, эгинцы посвятили богу три золотые звезды, которые водружены на медной мачте и стоят в углу святилища рядом с

[1026] Помощи Эакида Эанта приписывали победу над персами и поэтому посвятили ему часть военной добычи.

[1027] Здесь, вероятно, имеется в виду бронзовая позолоченная статуя –посвятительный дар македонского царя.

сосудом для смешения вина – даром Креза[1028].

123. После раздела добычи эллины отплыли на Истм, чтобы вручить там награду за доблесть тому эллину, который в эту войну совершил самый выдающийся подвиг. Прибыв на Истм, военачальники получили у алтаря Посейдона вотивные камешки, чтобы избрать того, кто получит первую и вторую награду. Тогда каждый из них положил камешки себе, считая себя самым доблестным. Вторую же награду большинство присудило Фемистоклу. Итак, каждый военачальник получил по одному голосу, Фемистокл же далеко превзошел всех по числу голосов, поданных за вторую награду.

124. Из зависти эллины не пожелали присудить [Фемистоклу первую награду] и, не приняв никакого решения, возвратились каждый к себе домой. Впрочем, слава Фемистокла как мужа, безусловно, умнейшего из эллинов, прогремела по всей Элладе. Но так как сражавшиеся вместе с ним при Саламине не признали Фемистокла победителем и не почтили его, то он вскоре после этого отправился в Лакедемон, чтобы получить там почести. Лакедемоняне приняли его достойно и с великими почестями. Правда, награду за доблесть (венок из оливковых ветвей) они дали Еврибиаду, а самому Фемистоклу – награду за мудрость и проницательность – также оливковый венок. Они подарили ему также колесницу, самую прекрасную в Спарте. Осыпав Фемистокла похвалами, они при отъезде дали ему свиту из 300 отборных спартанцев, называемых "всадниками"[1029], которые провожали гостя до тегейской границы. Фемистокл был, насколько мы знаем, единственным человеком, которому спартанцы дали такую свиту.

125. По возвращении же Фемистокла из Лакедемона в Афины там некто Тимодем из Афидн, враг Фемистокла (впрочем, не из числа людей выдающихся), совершенно вне себя от зависти поносил Фемистокла. Тимодем ставил в упрек Фемистоклу поездку в Лакедемон, говоря, что дарами лакедемонян тот обязан только Афинам, но не себе. Когда Тимодем продолжал без конца повторять свои упреки и брань, Фемистокл сказал: "Будь я бельбинитом, спартанцы не оказали бы мне столь высоких почестей, но тебя, человече, они не почтили бы, хотя бы ты и был афинянином". Таковы были события в Элладе.

126. Артабаз же, сын Фарнака, влиятельный у персов и раньше человек (после Платейской битвы влияние его еще более возросло), провожал царя с 6000 (из войска, которое отобрал себе Мардоний) до пролива. Когда царь переправился в Азию, Артабаз возвратился назад. Прибыв в Паллену, он, так как Мардоний зимовал в Фессалии и Македонии и вовсе не побуждал его присоединиться к остальному войску, не желал упустить случая продать в рабство отпавших от царя потидейцев. Действительно, потидейцы, когда царь с войском прошел мимо них, а персидский флот бежал из Саламина, открыто отпали от варваров. Так же поступили и другие города Паллены.

127. Тогда Артабаз начал осаду Потидеи. Подозревая также, что и олинфяне восстали против царя, он осадил и олинфян. Олинфом же владели боттиеи, изгнанные с побережья Фермейского залива македонянами. Когда Артабаз завладел, наконец, городом, он велел вывести жителей к озеру и умертвить, а город передал под надзор торонейца Критобула и халкидийцев. Так Олинф попал в руки халкидийцев.

128. Захватив Олинф, Артабаз обратился со всеми силами против Потидеи. Во время ревностной осады города военачальник скионян Тимоксейн договорился с ним предать [город]. Каким образом начались переговоры об измене, я не могу сказать (об этом у меня нет сведений). Конец же был вот какой. Всякий раз когда Тимоксейн писал записку, желая отослать Артабазу, или Артабаз Тимоксейну, то письмо прикреплялось к зарубкам на нижнем конце стрелы (так, чтобы она была покрыта перьями), и затем стрелу пускали в условленное место. Однако замысел Тимоксейна предать Потидею открылся. Именно Артабаз, выпустив стрелу в

[1028] Ср. выше, 151.

[1029] Это были представители 300 знатнейших спартанских семейств, которые составляли отборный отряд 300.

условленное место, промахнулся и поразил в плечо какого-то потидейца. Около раненого собралась толпа народа, как это часто бывает на войне. Люди тотчас вынули из раны стрелу и, заметив записку, отнесли ее военачальникам (в городе находились военачальники вспомогательных отрядов союзных городов Паллены). Те прочитали записку и открыли изменника. Однако было решено не клеймить Тимоксейна как изменника ради города скионян, чтобы в будущем скионян вечно не звали предателями. Так-то было открыто предательство.

129. Артабаз уже три месяца осаждал город, когда на море наступил сильный и продолжительный отлив. Варвары увидели, что море превратилось [в этом месте] в болото и двинулись вдоль берега в Паллену. Они прошли уже 2/5 расстояния по болоту (а осталось им пройти еще 3/5 до Паллены), как внезапно начался столь сильный прилив на море, какого еще, по словам местных жителей, никогда не бывало, хотя высокая вода стоит нередко. Те из персов, кто не умел плавать, погибли, а умевших плавать перебили потидейцы, подплывая к ним на лодках. Причиной этого прилива, наводнения и беды, постигшей персов, потидейцы считают вот что: именно персы, которых постигла гибель в море, и осквернили святилище и статую Посейдона в предместье города. В этом, мне думается, они правы. Уцелевших воинов Артабаз отвел в Фессалию и Македонию. Вот что случилось с теми, кто сопровождал царя.

130. Уцелевшие корабли Ксеркса между тем после бегства из Саламина прибыли в Азию и переправили царя и войско из Херсонеса в Абидос. Затем флот остановился на зимовку в Киме. Когда же засияла весна, корабли тотчас поплыли на Самос, где часть кораблей уже провела зиму. Большинство воинов на кораблях состояло теперь из персов и мидян. Военачальники их были Мардонт, сын Багея, и Артаинт, сын Артахея. Вместе с ними начальником был также Ифамитра, племянник Артаинта, которого тот сам выбрал себе помощником. После тяжкого поражения варвары уже не осмеливались идти дальше на запад, к чему, впрочем, никто их и не принуждал. Они стояли у Самоса на страже на случай восстания в Ионии. Вместе с ионийскими кораблями флот варваров насчитывал 300 кораблей. Впрочем, они вовсе не ожидали, что эллины придут в Ионию, но, как они полагали, удовлетворятся защитой своей земли. Так варвары решили потому, что эллины не преследовали бегущих из Саламина кораблей, но сами были рады возвратиться домой. На море они в душе считали себя, правда, побежденными, но ожидали, что уж на суше Мардоний одержит решительную победу. Стоя у Самоса, персы держали совет, могут ли они нанести врагу вред, и вместе с тем с нетерпением ожидали, какой оборот примут дела у Мардония.

131. Наступление весны[1030] и пребывание Мардония в Фессалии побудило эллинов к действию. Сухопутное войско их еще не успело собраться, а флот в числе 110 кораблей прибыл на Эгину. Военачальником и навархом был Левтихид, сын Менара, внук Гегесилая, правнук Гиппократида, потомок Левтихида, Анаксилая, Архидама, Анаксандрида, Феопомпа, Никандра, Харилая, Евнома, Полидекта, Притания, Еврифонта, Прокла, Аристодема, Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла. Он принадлежал, таким образом, к другой ветви царского дома. Все названные предки Левтихида, кроме последних семи, были царями Спарты. Во главе афинян же стоял Ксантипп, сын Арифрона.

132. Когда все корабли пришли на Эгину, в стан эллинов явились вестники ионян, которые успели уже побывать в Спарте, и просили лакедемонян освободить Ионию. В числе этих вестников был и Геродот, сын Басилида. Они вступили в заговор (сначала их было семеро) и замыслили умертвить Страттиса, хиосского тирана[1031]. Однако замысел их был раскрыт, так как их выдал один из соучастников. Остальные же шестеро тайно бежали из Хиоса и прибыли сначала в Спарту, а потом на Эгину, чтобы просить эллинов плыть в Ионию. Им удалось (и то с трудом) уговорить эллинов отвести их только до Делоса. Ведь дальнейшее

[1030] Имеется в виду весна 479 г. до н.э. Зимой тогда военные действия прекращались.

[1031] Сторонники так называемой народной партии пытались после ионийского восстания свергнуть вернувшихся к власти тиранов.

плавание казалось эллинам слишком опасным: они не знали тех стран и всюду подозревали присутствие врагов. А до Самоса, по их представлениям, было так же далеко, как до Геракловых Столпов. Вышло так, что ни варвары из страха не осмеливались плыть за Самос на запад, ни эллины, несмотря на просьбы хиосцев,– за Делос на восток. Таким образом, взаимный страх охранял области, лежавшие между врагами.

133. Итак, эллины отплыли на Делос. Мардоний же в это время еще зимовал в Фессалии. Оттуда Мардоний отправил к местным прорицалищам некоего человека родом из Европа, по имени Мис, и приказал ему всюду, где только был доступ варварам, обращаться с вопросами к оракулам. Какие именно вопросы Мардоний пожелал задать оракулам, я не могу сказать, так как об этом мне ничего не рассказывали. Впрочем, я полагаю, что эти вопросы относились к современному положению дел и ни к чему другому.

134. Этот Мис, по-видимому, прибыл в Лебадию и, подкупив там одного из местных жителей, проник в пещеру Трофония. Затем он посетил оракул в Абах, что в Фокиде, и пришел также в Фивы. Сначала он вопросил Аполлона Исмения (там, как и в Олимпии, получают прорицания, [сжигая] внутренности жертв), а потом с помощью какого-то чужеземца (не фиванца), соблазненного деньгами, лег спать в святилище Амфиарая. Ведь ни одному фиванцу вообще не дозволяется там вопрошать оракул; и вот по какой причине. Амфиарай повелел им некогда в изречении оракула выбирать одно из двух: хотят ли они иметь его прорицателем или же союзником. Фиванцы же выбрали Амфиарая союзником. Поэтому-то ни одному фиванцу не дозволяется там ложиться спать.

135. Самым удивительным же представляется мне вот какой рассказ фиванцев. Именно, Мис из Европа, обойдя все прорицалища, прибыл в святилище Аполлона Птойского. Храм этот называется Птойским, а принадлежит фиванцам и расположен за Копаидским озером у подошвы горы в непосредственной близости от города Акрефии. Когда этот человек по имени Мис пришел в храм в сопровождении трех выбранных общиной людей для записи прорицаний, как вдруг главный жрец изрек оракул, но на каком-то варварском языке. Фиванские провожатые пришли в изумление, услышав варварскую речь вместо эллинской, и не знали, как им поступить. А Мис из Европа выхватил у них принесенную дощечку для записи и стал записывать на ней слова прорицателя. Он сказал, что прорицатель говорил на карийском языке. Записав изречение, Мис возвратился в Фессалию.

136. Прочитав изречение оракулов, Мардоний отправил послом в Афины Александра из Македонии, сына Аминты. Александра он выбрал, во-первых, потому, что тот был в родстве с персами: сестра Александра Гигея, дочь Аминты, была супругой перса Бубара; их сын Аминта, носивший имя деда, жил в Азии. Царь поставил его наместником большого фригийского города Алабанды. Затем Мардоний знал о том, что Александр был гостеприимцем афинян и имел [почетное звание] благодетеля города. Так он рассчитывал, скорее всего, привлечь на свою сторону афинян, которые, как он слышал, были многочисленным и храбрым народом и к тому же являлись главными виновниками морского поражения персов. Если бы афиняне вступили с ним в союз, то он смог бы легко, как твердо надеялся, достичь господства на море, что, конечно, и случилось бы. А так как на суше Мардоний чувствовал себя гораздо сильнее эллинов, то рассчитывал на полную победу над эллинами. Быть может, к такому шагу его побудили также изречения оракулов, которые давали совет заключить союз "с афинянином", так что по их указанию он отправил [посланца к афинянам].

137. Предком этого Александра в седьмом колене был Пердикка, который вот каким образом завладел престолом в Македонии. Из Аргоса бежали в Иллирийскую землю трое братьев – потомки Темена: Гаван, Аэроп и Пердикка. Из Иллирии, перевалив через горы, братья прибыли в Верхнюю Македонию, в город Лебею. Там они поступили за плату на службу к царю. Старший сторожил коней, второй пас коров, а младший Пердикка ухаживал за мелким скотом. А супруга царя сама

варила им пищу (ведь в стародавние времена даже царицы, не только простой народ, жили бедно). Всякий раз как царица выпекала хлеб для мальчика (поденщика Пердикки), то из теста выходило в два раза больше хлеба, чем обычно. Так как это странное явление постоянно повторялось, то царица рассказала, наконец, своему мужу. А тот, услышав слова царицы, сразу же подумал, что это – божественное знамение и предвещает нечто великое. Затем царь призвал к себе поденщиков и приказал им покинуть страну. А те отвечали, что сначала получат заработанную ими плату, а потом уйдут. Услышав о плате, царь в своем ослеплении божеством воскликнул: "Вот вам заслуженная плата!". При этом он указал на солнце, лучи которого проникали в дом через дымовое отверстие в крыше. Гаван и Аэроп – старшие братья – стояли пораженные, услышав эти царские слова. А мальчик сказал: "Мы принимаем, царь, твое даяние", и очертил ножом, который носил с собой, на полу дома солнечное пятно. Затем он трижды зачерпнул себе за пазуху солнечного света из очерченного круга и удалился вместе с братьями.

138. Так поденщики ушли, а один из советников растолковал царю, что означает поступок мальчика и что он, самый младший, думал, принимая дар. Тогда царь распалился гневом и послал в погоню всадников, чтобы умертвить братьев. Есть в той стране река, которой потомки этих братьев из Аргоса еще и поныне приносят жертву, как их спасительнице. Река эта, после того как ее перешли Темениды, так сильно разлилась, что всадники не смогли ее перейти. Братья же прибыли в другую часть Македонии и поселились поблизости от так называемых Садов Мидаса, сына Гордия[1032]. В этих садах растут дикие розы с 60 лепестками. Запах их гораздо сильнее запаха прочих роз. По македонскому сказанию, в этих-то садах был пойман Силен. За ними высится гора под названием Бермий, вершина которой недоступна из-за снега и холода. Братья завладели этой местностью и отсюда покорили остальную Македонию.

139. От этого-то Пердикки и происходил Александр. Вот его предки: Александр был сыном Аминты, Аминта – сыном Алкета; отец Алкета был Аероп, сын Филиппа. Филиппов же отец был Аргей, внук Пердикки, который завладел македонским престолом. Такова родословная Александра, сына Аминты[1033].

140. Прибыв в Афины посланцем Мардония, Александр сказал так: "Афиняне! Мардоний велел сказать вам: "Пришла ко мне весть от царя, гласящая: я дарую прощение афинянам за все причиненные мне обиды. Теперь, Мардоний, поступай так: отдай им не только их собственную землю, но пусть они, кроме того, возьмут еще сколько захотят земли и останутся свободными и независимыми. Все святилища их, которые я предал огню (если они захотят помириться со мной), восстанови. Этому царскому повелению я, Мардоний, должен повиноваться, если только вы не станете препятствовать. И я спрашиваю вас: почему вы с такой неистовой яростью начали войну с царем? Ведь вам никогда царя не одолеть и вы не будете в состоянии вечно ему противиться. Вам, конечно, известно, сколь велико войско Ксеркса и какие подвиги оно совершило. Вы слышали также, какая военная сила теперь у меня. Поэтому даже если бы вы меня и одолели (на что вы вовсе, как люди разумные, не можете рассчитывать), то явится вместо моего войска другое, гораздо более многочисленное. К чему вам равняться с царем и терять свою землю, к чему постоянно подвергать опасности свое существование? Примиритесь с ним! Ведь теперь у вас есть прекрасная возможность примирения, так как царь желает мира. Заключите с ним союз без коварства и обмана и будьте свободны!". Это передать вам, афиняне, поручил мне Мардоний. Что до меня, то я не буду говорить о моем к вам расположении, так как впервые вы об этом узнали не сегодня, но прошу вас – послушайтесь Мардония! Я представляю себе ясно, что

[1032] Фригийские имена Мидас и Гордий указывают на то, быть может, что в этой области жили фригийцы до их переселения в Малую Азию.

[1033] Александр I был проксеном (гостеприимцем) афинян и защищал интересы афинских граждан в Македонии. Геродот особенно старается обелить двусмысленное поведение Александра.

вы не сможете вечно воевать с Ксерксом. Ведь если бы я видел, что вы в состоянии вести бесконечную войну, то, конечно, я никогда бы не явился к вам с таким предложением. Ведь мощь у царя превышает человеческую, и рука у него загребущая. Итак, если теперь вы не согласны на предложение, сулящее столь великую выгоду, то я страшусь за вас. Вы ближе всех ваших союзников живете к военной дороге и должны всегда одни расплачиваться за всех, так как ваша страна лежит в середине, как поле битвы между двумя противниками. Поэтому послушайтесь меня! Ведь вы должны высоко ценить, что великий царь только вас одних среди эллинов желает иметь друзьями, простив все причиненные вами обиды"[1034].

141. Так сказал Александр. А лакедемоняне проведали о прибытии в Афины Александра, чтобы склонить афинян к соглашению с персидским царем. Они вспомнили предсказание оракула о том, что их вместе с остальными дорийцами изгонят из Пелопоннеса мидяне и афиняне[1035]. Поэтому лакедемоняне, сильно опасаясь, как бы афиняне действительно не сговорились с персами, решили тотчас же отправить послов [в Афины]. Вышло так, что лакедемоняне попали на прием послов [в афинском народном собрании]. Ведь афиняне выжидали, затягивая переговоры, так как прекрасно знали, что в Лакедемоне прослышат о прибытии посла от персидского царя для переговоров о мире и затем немедленно отправят своих послов в Афины. А потому афиняне нарочно ожидали, желая показать лакедемонянам свое истинное настроение.

142. Когда кончил свою речь Александр, взяли слово спартанские послы: "Послали нас лакедемоняне просить вас не изменять делу эллинов и не принимать предложения царя. Ведь это было бы недобросовестно и не к чести никакому эллинскому народу, а вам – менее всего – и по многим причинам. Ведь вы как раз против нашей воли раздули пламя этой войны, и сначала борьба шла только за вашу землю, а ныне война распространилась на всю Элладу. Впрочем, если бы вы, афиняне,– виновники теперешней беды – вздумали еще помогать персам обратить в рабство эллинов, вы, которые уже с древнейших времен всегда были освободителями многих людей, – это было бы совершенно неслыханным делом! Мы, конечно, глубоко сочувствуем вашему тяжелому положению: ведь вы уже дважды лишены плодов урожая и долгое время живете, не имея ни кола, ни двора. За это лакедемоняне и их союзники предлагают вам содержать ваших жен и всю челядь, бесполезную для войны, пока не кончится эта война. И пусть вас не соблазняет македонянин Александр, искусно смягчая грубые слова Мардония. Ведь ему приходится так поступать: он – тиран и помогает другому тирану. А вот вам не следует, если только вы в здравом уме, делать этого. Вы знаете ведь, что варвары нечестны и неискренни!". Так говорили послы.

143. А афиняне сначала ответили Александру вот как: "Нам и самим, правда, известно, что боевая сила царя во много раз превосходит нашу. Поэтому нас вовсе не приходится упрекать в неведении. Тем не менее, стремясь к свободе, мы будем ее защищать, пока это в наших силах. Не пытайся примирить нас с царем, так как мы не поддадимся твоим убеждениям. А теперь сообщи Мардонию ответ афинян: пока солнце будет ходить своим прежним путем, никогда мы не примиримся с Ксерксом. Мы выступили против него, полагаясь на помощь богов и героев, святилища и кумиры которых царь преступно предал пламени. Ты же впредь никогда не приходи к афинянам с такими предложениями и не соблазняй нас к нечестивым поступкам под видом того, что радеешь о нашей пользе. Ты – наш гостеприимец и друг и потому нам не угодно, чтобы ты как-нибудь пострадал от нас, афинян".

144. Так афиняне отвечали Александру, а спартанским послам сказали вот что: "Опасения лакедемонян, как бы мы не примирились с персидским царем,

[1034] При посредстве Александра персы делали попытку оторвать афинян от союза со Спартой.

[1035] Это предсказание оракула "выглядит афинской выдумкой" (С. Я. Лурье. Геродот, стр. 77).

совершенно естественны для людей [в их положении]. Нет на свете столько золота, нет земли, столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и предать Элладу в рабство. Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить, если бы мы даже пожелали этого. Во-первых, самое важное препятствие к примирению – это сожженные и разрушенные кумиры и святилища богов. За это нам нужно кровью отомстить, прежде чем примириться с человеком, содеявшим это. Затем – наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни. Предать все это – позор для афинян. Поэтому знайте, если до сих пор вы не узнали этого: пока жив еще хоть один афинянин, не будет у нас мира с Ксерксом! Что же до вашей заботы о нас, то мы ценим и память о нашем разорении, и ваше желание содержать наших родных. Вы в полной мере выказали свое благожелательное отношение к нам. А мы будем, конечно, терпеливо выдерживать наше тяжелое положение и постараемся не быть вам в тягость. Теперь же при таком нашем положении скорей посылайте на помощь войско. Скоро, как мы думаем, враг нападет на нашу землю, лишь только узнает, что мы отвергаем все его требования. Итак, до прихода персов в Аттику [вам] и нам нужно вовремя поспеть на помощь в Беотию". Выслушав ответ афинян, спартанские послы возвратились в Спарту.

Книга IX

КАЛЛИОПА

1. А Мардоний после возвращения Александра с ответом афинян выступил из Фессалии и пошел на Афины. Жителей тех местностей, где проходило войско, он заставлял следовать за собою. Фессалийские властители между тем вовсе не раскаивались в своих прежних поступках, но теперь даже гораздо более настойчиво побуждали царя [напасть на Элладу]. Так, Форак из Ларисы, сопровождавший Ксеркса во время бегства из Эллады, теперь открыто разрешил Мардонию проход через свою страну в Элладу.

2. Когда же персидское войско прибыло в Беотию, фиванцы стали уговаривать Мардония не идти дальше: они советовали разбить здесь стан, так как, по их словам, в Элладе нет более подходящего места для военных действий, чем Беотия. Дальше ему не следует двигаться, но на месте пытаться без боя покорить всю Элладу. Силой ведь одолеть эллинов было бы трудно целому свету, когда те единодушны, как это было до сих пор. "Если ты последуешь нашему совету, – говорили они, – то легко расстроишь все их враждебные замыслы. Пошли денежные подарки наиболее влиятельным людям в отдельных городах и этим ты внесешь раздор в Элладу. А затем с помощью твоих новых приверженцев без труда одолеешь врагов".

3. Так беотийцы советовали Мардонию, а тот не послушался их: он горел желанием вторично взять Афины, отчасти из безрассудного упрямства, а отчасти также потому, что решил сообщить царю весть о взятии Афин сигнальными огнями через острова, пока тот еще пребывал в Сардах. Однако, когда Мардоний вступил в Аттику, он не нашел там афинян. Большинство их, по слухам, вновь переправилось на кораблях на Саламин, и он взял пустой город. А [первое] взятие города царем произошло за 10 месяцев до вторжения Мардония.

4. Из Афин Мардоний послал на Саламин геллеспонтийца Мурихида с таким же предложением, какое раньше передал афинянам македонянин Александр. Враждебное настроение афинян Мардоний, конечно, знал заранее, но все же вновь отправил посла в надежде, что захват военной силой и подчинение Аттики исцелит афинян от глупого упрямства. Вот почему Мардоний и отправил Мурихида на Саламин.

5. А Мурихид предстал перед советом [афинян] и изложил поручение Мардония. Один из советников, Ликид, высказался за то, что лучше было бы не отвергать предложения Мурихида, а представить его народному собранию. А подал такое мнение Ликид неизвестно, потому ли, что был подкуплен Мардонием, или оттого, что считал его действительно правильным. Афиняне же, услышав такой совет, пришли в негодование (советники – не менее, чем народ, с нетерпением ожидавший на улице) и тотчас обступили Ликида и побили его камнями. Геллеспонтийца же Мурихида они отпустили невредимым. На Саламине между тем поднялось смятение из-за Ликида; афинские женщины, узнав о происшествии, знаками подстрекая и забирая по пути с собой одна другую, явились к жилищу Ликида и побили камнями его жену и детей.

6. На Саламин же афиняне переправились вот как. В ожидании прибытия пелопоннесского войска афиняне оставались в Аттике. Но так как пелопоннесцы все время медлили с помощью, попусту проводя время, а Мардоний наступал и, как сообщали, стоял уже в Беотии, то афиняне перенесли свое имущество в безопасное место, а сами переправились на Саламин. А в Лакедемон афиняне отправили послов с упреками лакедемонянам за то, что те допустили вторжение варваров в Аттику, не встретив врага в Беотии. Послы должны были, кроме того,

напомнить им о щедрых посулах персидского царя афинянам (в случае их перехода к персам). Да к тому же еще объявить лакедемонянам: если те откажут в помощи, афиняне сами найдут средство спасения.

7. Лакедемоняне же как раз справляли тогда праздник, именно Гиакинфии, и для них важнее всего в то время было чествование божества (да и стена, воздвигаемая в Истме, была почти готова, и на ней даже ставили зубцы [башен]). По прибытии в Лакедемон афинские послы вместе с мегарцами и платейцами явились к эфорам и сказали вот что: "Послали нас афиняне и велели передать вам, что царь мидян возвращает нам нашу землю и желает заключить с нами союз на условиях полного равенства [обеих сторон], без обмана и коварства. Он жалует нам кроме нашей земли еще и другую по нашему выбору. А мы не приняли его предложений из благоговейного страха перед эллинским Зевсом и потому, что измена Элладе для нас – отвратительное деяние. Мы отказались, хотя эллины обижали нас и покинули на произвол судьбы и хотя мы знали, что мир с царем нам выгоднее войны. Все же добровольно мы, конечно, не заключили мира с персами. И [поэтому] наш образ действий и намерения по отношению к эллинам честны и искренни. Вы же, напротив, были тогда в сильнейшей тревоге: как бы мы не помирились с персидским царем. А после того как вам стали ясны наши намерения (именно, что мы никогда не предадим Эллады) и так как стена на Истме была почти готова, тогда вы стали совершенно безразличны к афинянам. Договорившись с нами встретить персов в Беотии, вы покинули нас и допустили варваров в Аттику. Поэтому-то афиняне в данный момент гневаются на вас: ведь вы поступили нечестно. Афиняне требуют теперь, чтобы вы без промедления послали войско и вместе с ними дали отпор врагу в Аттике. Но так как мы уже [из-за вашей медлительности] опоздали вступить в Беотию, то на нашей земле самым подходящим полем битвы будет Фриасийская равнина".

8. Выслушав эту речь, эфоры отложили ответ на следующий день, а потом – снова на день. И так они поступали 10 дней, откладывая ответ со дня на день. А в это время пелопоннесцы с великим усердием возводили стену на Истме и закончили работы. И я по крайней мере не могу привести никакой иной причины, почему спартанцы, когда Александр был в Афинах, всеми силами старались не допустить примирения афинян с персами, а потом совершенно перестали заботиться об этом, кроме той, что теперь они успели укрепить Истм и считали, что афиняне им уже более не нужны. А когда Александр прибыл в Аттику, стена [на Истме] была еще не готова, но работы, впрочем, велись усердно, так как спартанцы были охвачены ужасом перед [нашествием] персов.

9. Наконец спартанцы дали ответ и выступили, и вот при каких обстоятельствах. Накануне дня последнего приема афинских послов некто Хилей из Тегеи (человек, наиболее уважаемый из чужеземцев в Лакедемоне) узнал от эфоров содержание речи афинян и сказал им вот что: "Дело обстоит вот как, эфоры: если афиняне – не наши друзья, а, наоборот, союзники персидского царя, то ворота в Пелопоннес, несмотря на мощную стену поперек Истма, врагам открыты. Поэтому послушайтесь меня и уступите, пока афиняне еще не приняли какого-нибудь гибельного решения для Эллады".

10. Так Хилей советовал спартанцам. А те взвесили его слова и тотчас же, ничего не сообщив послам трех городов, еще ночью выслали отряд в 500 спартанцев (причем к каждому спартанскому гоплиту приставили по семи илотов). Предводительствовать этим войском в походе они приказали Павсанию, сыну Клеомброта. Высшее начальство по закону принадлежало, собственно, Плистарху, сыну Леонида. Но тот был еще ребенком, а Павсаний как его двоюродный брат являлся его опекуном (ведь Клеомброта, отца Павсания, сына Анаксандрида, уже не было в живых). После того как Клеомброт отвел домой войско, строившее стену на Истме, он вскоре скончался. Отвел же Клеомброт войско с Истма вот почему: во время гадания по жертвам о походе против персов солнце на небе померкло. Павсаний же взял себе в товарищи Еврианакта, сына Дориея, также происходившего из царского рода.

11. Итак, войско во главе с Павсанием покинуло Спарту. А послы, еще ничего не зная об отправлении войска из Спарты, с наступлением дня пришли к эфорам, намереваясь также покинуть Лакедемон и вернуться домой. И вот, явившись к эфорам, послы повели такую речь: "Вы, лакедемоняне, остаетесь здесь, справляете Гиакинфии, веселитесь, предавая своих союзников! А афиняне, с которыми вы так недостойно обращаетесь, вынуждены будут теперь заключить мир с персидским царем, как только у них будет возможность для этого, так как у них больше нет союзников. Если же мы примиримся с персами, то, естественно, станем союзниками царя и тогда пойдем в поход вместе с персами, против кого они нас поведут. А чем все это кончится для вас, вы потом узнаете". В ответ на эту речь послов эфоры дали клятвенное заверение: их воины выступили в поход против чужеземцев (чужеземцами они называли варваров) и теперь, должно быть, прибыли уже к святилищу Ореста. Послы же не поняли их и спросили: "Что значат эти слова". И тогда они узнали всю правду и в полном изумлении немедленно отправились вслед за войском. Вместе с ними вышел также пятитысячный отряд тяжеловооруженных лакедемонских периэков.

12. Между тем спартанцы спешили к Истму. Аргосцы же, лишь только узнали о выступлении войска во главе с Павсанием из Спарты, послали глашатаем в Аттику лучшего скорохода, какого могли найти, так как они раньше добровольно обещали Мардонию задержать выступление спартанцев. Прибыв в Афины, скороход передал Мардонию вот что: "Мардоний! Послали меня аргосцы с вестью: спартанское ополчение покинуло Спарту и аргосцы не в силах помешать их выступлению. Поэтому постарайся хорошо обдумать положение".

13. После этого скороход поспешил назад, а Мардоний, получив такую весть, не имел больше охоты оставаться в Аттике. Однако он пока не трогался с места, желая проведать намерения афинян: он не опустошал и не разорял Аттики, так как все еще не терял надежды на мир с афинянами. Когда же Мардонию не удалось склонить афинян на свою сторону и он понял [истинное] положение дел, то отступил, пока войско Павсания еще не прибыло на Истм, предав огню Афины. Все, что еще уцелело [в городе] от стен, жилых домов и храмов, он велел разрушить и обратить во прах. Отступил Мардоний вот по какой причине. Аттическая земля была неудобна для действий персидской конницы, и, потерпи он здесь поражение, отступать пришлось бы через ущелье, где персов могла бы задержать даже горсть врагов. Поэтому-то Мардоний и решил возвратиться в Фивы и дать битву у дружественного города и на земле, удобной для действий конницы.

14. Итак, Мардоний начал отступление. В пути пришла к нему весть о том, что 1000 лакедемонян – головной отряд эллинского войска – уже стоит в Мегерах. Узнав об этом, Мардоний стал обдумывать, как бы ему прежде всего захватить этот отряд. Итак, он повернул назад и повел войско в Мегары. Конница же двинулась вперед и опустошила Мегариду. Эта была самая дальняя страна на западе Европы, до которой дошло это персидское войско.

15. После этого Мардоний получил [новую] весть, что эллины собрались на Истме. На обратном пути он шел через Декелею, потому что беотархи послали за соседями – жителями Асопа, чтобы те показали путь войску в Сфендалу и оттуда в Танагру. В Танагре Мардоний остановился на ночлег и затем на следующий день направился в Скол и теперь находился уже на Фиванской земле. Там он приказал вырубить [плодовые] деревья на полях фиванцев, хотя те держали сторону персов. Мардоний сделал это, впрочем, без всякого злого умысла против них: ему было настоятельно необходимо построить полевое защитное укрепление для войска, чтобы иметь убежище на случай поражения. [Укрепленный] стан, построенный Мардонием, простирался, начиная от Эрифр, мимо Гисий, вплоть до Платейской области вдоль реки Асопа. Впрочем, Мардоний укрепил стан не на всем протяжении, а только приблизительно на 10 стадий по обеим сторонам [полевого] укрепления.В то время когда варвары занимались этими работами, Аттагин, сын Фринона, фиванец, устроил у себя роскошный пир и пригласил самого Мардония и

с ним пятьдесят знатнейших персов. Приглашенные персы явились. Пиршество происходило в Фивах.

16. То, что случилось дальше, я узнал от Ферсандра из Орхомена, одного из самых уважаемых людей в городе. А Ферсандр рассказывал, что Аттагин позвал его самого на пир и кроме него еще пятьдесят фиванцев. Аттагин разместил каждого из гостей не на отдельном ложе, но перса с фиванцем [попарно] на одном ложе. После обеда за вином сосед его по ложу на эллинском языке спросил, откуда он. Ферсандр же ответил, что он из Орхомена. Тогда перс сказал: "Так как ты – мой сотрапезник и мы вместе совершили возлияние, то в память моего дружеского расположения я желаю открыть тебе кое-что, что поможет тебе в будущем принять полезное решение. Видишь ли пирующих здесь персов и войско, которое оставлено нами в стане там на реке? От всех этих людей (ты скоро это увидишь) останется какая-нибудь горсть воинов". Слова эти перс произнес с горькими слезами. А Ферсандр в изумлении от такой речи спросил тогда: "Не следует ли сообщить обо всем этом Мардонию и подчиненным ему военачальникам?". А перс отвечал: "Друг! Не может человек отвратить то, что должно совершиться по божественной воле. Ведь обычно тому, кто говорит правду, никто не верит. Многие персы прекрасно знают свою участь, но мы вынуждены подчиняться силе. Самая тяжелая мука на свете для человека – многое понимать и не иметь силы [бороться с судьбой]". Это мне рассказал Ферсандр из Орхомена и добавил, что еще перед битвой при Платеях он рассказывал об этом многим другим людям.

17. Когда Мардоний стоял в Беотии, все остальные эллинские племена – союзники персов в той области – прислали свои отряды [на помощь]. Они все уже раньше принимали участие во вторжении в Аттику, кроме одних фокийцев. И фокийцы также, конечно, держали сторону персов, правда, не по доброй воле, а по принуждению. Через несколько дней по прибытии персов в Фивы пришла и 1000 фокийских гоплитов во главе с Гармокидом, одним из самых уважаемых граждан Фокиды. Когда же фокийцы также явились в Фивы, Мардоний послал всадников с приказом фокийцам расположиться на равнине отдельно. Фокийцы повиновались, и вдруг перед ними появилась вся персидская конница. После этого среди эллинов в персидском стане прошел слух, что Мардоний хочет перебить [фокийцев]; и этот слух дошел до фокийцев. Тогда-то их военачальник Гармокид обратился к фокийцам с речью и, воодушевляя их, сказал вот что: "Как я полагаю, нас оклеветали фессалийцы. Пусть теперь каждый проявит свою доблесть! Лучше ведь пасть в борьбе, храбро защищая свою жизнь, чем сдаться врагам на милость и погибнуть позорной смертью. Дайте врагам почувствовать, что они варвары, коварно замыслившие гибель эллинам".

18. Так он говорил, а [персидские] всадники окружили фокийцев со всех сторон и стали нападать, угрожая смять их конями. И вот уже луки [персов] были натянуты, чтобы пустить стрелы (и некоторые, вероятно, даже выстрелили). А фокийцы выстроились кругом, фронтом против врага, сомкнув свои ряды как можно теснее. Тогда всадники повернули коней и ускакали назад. Я не могу, впрочем, сказать определенно: действительно ли всадники прискакали по наущению фессалийцев, чтобы перебить фокийцев, а затем только из страха потерпеть урон от готовых к защите фокийских гоплитов, они по приказу Мардония повернули назад. Или, быть может, Мардонию захотелось испытать их мужество. Когда же всадники возвратились, Мардоний послал глашатая и приказал ему сказать фокийцам вот что: "Не страшитесь, фокийцы! Вы проявили себя доблестными мужами, а не такими, как я слышал о вас. Теперь же, не щадя своих сил, помогайте нам в этой войне. А за ваши услуги и я, и царь щедро отплатим вам". Так обстояло дело с фокийцами.

19. Лакедемоняне же, прибыв на Истм, разбили стан. Когда остальные пелопоннесцы, поскольку они избрали "лучшую долю", прослышали об этом (а некоторые даже видели выступление спартанцев в поход), то не захотели отставать от лакедемонян. И вот, после того как при жертвоприношении на Истме выпали благоприятные знамения, все войско эллинов выступило и прибыло в

Элевсин. И там эллины также принесли жертвы и, после того как выпали опять счастливые знамения, двинулись дальше. Афиняне же переправились с Саламина и присоединились к [эллинскому] войску в Элевсине. По прибытии в Эрифры, что в Беотии, эллины узнали, что варвары разбили стан у реки Асопа. Получив сведения об этом, они расположились против врагов в боевом порядке на предгорьях Киферона.

20. Так как эллины не спускались на равнину, то Мардоний двинул против них всю конницу во главе с Масистием, прославленным [воином] у персов (эллины называют его Макистием). Он ехал на нисейском коне с золотой уздечкой и прочими богатыми украшениями. Подскакав близко к эллинам, [персидские] всадники стали нападать отдельными отрядами. При этом они причиняли эллинам тяжкий урон и обзывали их бабами.

21. Как раз в самом опасном месте всего поля битвы стояли мегарцы и подвергались сильнейшему натиску вражеской конницы. И вот теснимые конницей мегарцы послали глашатая к эллинским военачальникам. Глашатай прибыл [к военачальникам] и сказал им вот что: "Так говорят мегарцы: "Союзники! Мы не можем одни выдерживать натиск персидской конницы на том месте, где вы нас сначала поставили. До сих пор мы все же сражались неукротимо и доблестно, хотя враги и теснят нас. Теперь же, если вы не пришлете на смену других, знайте, что нам придется покинуть наше место в боевом строю"". Так говорил глашатай. А Павсаний стал спрашивать эллинов, не найдется ли охотников заменить мегарцев. Так как остальные эллины не пожелали, то согласились афиняне, а именно отборный отряд в 300 человек во главе с Олимпиодором, сыном Лампона.

22. Эти воины приняли на себя [защиту опасного места] и выстроились перед собравшимся у Эрифр остальным эллинским войском, взяв себе [для прикрытия] стрелков из лука. После долгой борьбы битва окончилась вот как: при атаке отрядов конницы конь Масистия, скакавшего впереди, был поражен стрелой в бок. От боли он взвился на дыбы и сбросил Масистия. Афиняне тотчас же накинулись на поверженного врага. Коня его они поймали, а самого Масистия прикончили, несмотря на отчаянное сопротивление. Сначала афиняне, правда, не могли справиться с ним, так как он был вооружен вот как: на теле у Масистия был чешуйчатый золотой панцирь, а поверх надет пурпуровый хитон. Удары по панцирю не причиняли Масистию вреда, пока какой-то воин, заметив причину безуспешных попыток, не поразил его в глаз. Так-то упал и погиб Масистий. Другие же всадники, по-видимому, не заметили этого несчастья: они ведь не видели ни как он упал с коня, ни его гибели и даже при отходе, когда делали поворот, ничего не заметили. Однако не успели они остановить коней, как сразу же обратили внимание на отсутствие начальника. Узнав о несчастье, вся конница по данному знаку поскакала назад, чтобы спасти хоть тело павшего [для погребения].

23. Когда афиняне увидели, что их атакуют уже не отдельные отряды всадников, а сразу вся масса конницы, то вызвали на помощь остальное войско. Между тем, пока вся [остальная] эллинская пехота спешила на помощь, у тела Масистия завязался жаркий бой. Пока 300 афинских воинов бились одни, они несли большие потери и вынуждены были оставить тело. А когда подошло на помощь все войско, то персидская конница не смогла уже выдержать натиск и спасти тело; кроме того, персы потеряли у тела Масистия много своих людей. Отъехав стадии на две, персы остановились и держали совет, что им делать дальше. Так как у них не было начальника, то решили скакать назад к Мардонию.

24. Когда конница возвратилась в [свой] стан, все войско погрузилось в глубокую скорбь по Масистию и больше всех – сам Мардоний. В знак печали персы остригли волосы и даже гривы коней и [шерсть на] вьючных животных и подняли громкие вопли по покойнику. Вся Беотия оглашалась звучанием скорбных воплей о гибели самого уважаемого человека у персов после Мардония и их царя.

25. Так варвары, по своему обычаю, воздавали почести павшему Масистию. А эллины, выдержав натиск конницы и вынудив ее отступить, стали гораздо

отважней. Они сперва положили тело Масистия на повозку и возили его между рядами воинов. А на покойника стоило посмотреть из-за его статности и красоты: поэтому-то они и возили тело. Затем эллины решили спуститься вниз к Платеям, потому что местность [у Платей] казалась гораздо удобнее эрифрейской для стана, особенно из-за лучшего снабжения водой. В эту-то местность и к текущему там источнику Гаргафии они и решили идти и там расположиться станом в боевом порядке. И вот, взяв оружие, они двинулись вдоль предгорья Киферона, мимо Гисий, в Платейскую область. Там, близ источника Гаргафии и святилища героя Андрократа, по невысоким холмам и на равнине они [расположились станом], выстроившись по племенам.

26. Здесь при распределении мест в строю начался многословный спор у тегейцев с афинянами. И те, и другие требовали себе места на одном крыле, ссылаясь при этом на древние и новые примеры. Тегейцы говорили так: "Все союзники уже с давних пор предоставляли нам это почетное место в боевом строю во всех общих походах пелопоннесцев и в древности и в новые время, с той поры как Гераклиды после кончины Еврисфея пожелали возвратиться в Пелопоннес. Тогда-то мы и завоевали это почетное право благодаря вот какому подвигу. Когда мы выступили к Истму вместе с ахейцами и ионянами, которые тогда еще жили в Пелопоннесе, и разбили стан напротив возвращавшихся [в Пелопоннес] Гераклидов, тогда, как гласит предание, Гилл сделал пелопоннесцам [такое] предложение: "Нет нужды одному войску вступать с другим в решительный бой, но следует, выбрав самого доблестного [воина] из пелопоннесского войска, выставить его на единоборство со мной, Гиллом, на определенных условиях". Пелопоннесцы согласились и под клятвой заключили следующее соглашение: если Гилл одолеет пелопоннесского вождя, тогда Гераклиды должны вернуться на родину отцов; если же он будет побежден, то Гераклиды уйдут назад и уведут свое войско и затем сто лет не будут делать новых попыток возвращения в Пелопоннес. И вот из всего союзного войска был избран доброволец Эхем, сын Аеропа, внук Фегея, наш полководец и царь, и он умертвил Гилла в единоборстве. Этим подвигом мы стяжали себе у тогдашних пелопоннесцев великие почести и преимущества, которыми пользуемся еще и поныне, и среди них право всегда предводительствовать при общем походе на одном из крыльев. С вами, лакедемоняне, мы не спорим. Вы можете выбирать, каким крылом хотите начальствовать. А во главе другого крыла подобает стоять нам, как и в прежнее время. Но и, помимо этой древней заслуги, мы достойнее афинян занимать это почетное место в строю. Много ведь у нас было счастливых сражений с вами, спартанцы, много и с другими. Поэтому-то справедливо нам, а не афинянам стоять на другом крыле. Ведь афиняне не совершили таких подвигов, как мы, ни в древности, ни теперь".

27. Так говорили тегейцы. Афиняне же в ответ сказали вот что: "Мы знаем, конечно, что собрались здесь на борьбу с варварами, а не для словесных прений. Но так как тегейцы завели речь о том, чтобы обе стороны перечислили здесь все свои подвиги в древности и в новое время, то и нам приходится рассказывать, какими подвигами мы как доблестные воины приобрели право занимать первое место перед аркадцами. Во-первых, Гераклидов, вождя которых, по словам тегейцев, они умертвили на Истме, этих-то Гераклидов, которых после их бегства от микенского рабства сначала изгоняли все эллины, к кому бы они ни обращались, только мы одни приютили, смирив дерзость Еврисфея и одолев вместе с ними тогдашних властителей Пелопоннеса. Далее, когда аргосцы во главе с Полиником пошли походом на Фивы и там, окончив свои дни, лежали без погребения, то мы начали войну с кадмейцами, спасли тела аргосцев, чем мы можем похвалиться, и предали погребению в Элевсине, на нашей земле. Славное деяние совершили мы также в борьбе с амазонками, которые некогда с реки Фермодонта вторглись в Аттическую землю, да и в битвах под Троей мы не уступали ни одному городу. Впрочем, об этом не будем вспоминать, потому что тогдашние храбрецы ныне могут быть трусами, а тогдашние трусы – теперь стали победителями. Поэтому

довольно о делах стародавних. Но если мы даже ничего другого не совершили, хотя за нами много славных подвигов, так же как и у любого другого эллинского племени, то все же из-за Марафонской победы нам подобает эта честь, да и не только эта! Мы бились тогда с персами совершенно одни, одолели и разбили сорок шесть племен. Неужели же мы недостойны получить почетное место в боевом строю ради этого единственного подвига? Но так как в настоящем положении не время спорить о месте в строю, то мы готовы, лакедемоняне, подчиниться вашим приказаниям. Ставьте нас где и против кого вы найдете более подходящим! Мы будем всюду стараться выказать доблесть, где бы вы нас ни поставили. Ведите нас, а мы последуем за вами". Так отвечали афиняне, а все войско лакедемонян единодушным криком заявило, что афиняне достойнее аркадцев занимать место на крыле. Так-то афиняне заняли крыло, одолев [в споре] тегейцев.

28. Затем прибывшие позже эллины и первоначальное войско стали выстраиваться в боевом порядке вот таким образом. На правом крыле стояло 10 000 лакедемонян, 5000 из них были спартиаты; прикрытием им служило 35 000 легковооруженных илотов, по 7 илотов около каждого спартанца. Рядом с собою спартанцы поставили тегейцев из-за почета и доблести, а их было 1500 гоплитов. За тегейцами следовали коринфяне – 5000 человек. А подле них коринфяне потребовали у Павсания место 300 потидейцам, явившимся из Паллены. К ним примыкало 600 аркадцев из. Орхомена, а к этим последним 300 сикионцев. Потом шло 800 эпидаврийцев. Рядом с ними была поставлена 1000 трезенцев, а подле трезенцев 200 лепреатов; рядом с ними – 400 микенцев и тиринфян, а к ним примыкала 1000 флиунтцев. Около этих последних стояло 300 гермионян. К гермионянам же примыкало 600 эретрийцев и стирейцев. За ними шло 400 халкидян, а за этими последними 500 ампракиотов. После них следовало 800 левкадцев и анакториев. К ним примыкало 200 палейцев из Кефаллении. А за ними было выстроено 500 эгинцев; около них же построилось 300 мегарцев. К этим последним примыкало 600 платейцев. В конце и в начале стояло 800 афинян, занимая левое крыло. Во главе их был Аристид, сын Лисимаха.

29. Все эти воины, кроме 7 илотов, приставленных к каждому спартанцу, были гоплитами. Общее количество воинов было 38 700 человек. Столько было всех собравшихся против варваров гоплитов. Число же легковооруженных было вот какое. В спартанском войске их было 35 000 человек (потому именно, что при каждом спартанце было по 7 легковооруженных илотов), и почти каждый из них был снаряжен для войны. Легковооруженные воины остальных лакедемонян и эллинов, считая приблизительно по одному на каждого воина, составляли 34 500 человек. Число же всех легковооруженных воинов было 69 500 человек.

30. Общее количество всех собравшихся в Платеи эллинских воинов вместе с гоплитами и легковооруженными боеспособными воинами было 108 200 человек. А вместе с явившимися потом упомянутыми феспийцами получилось полных 110 000 человек. В стане эллинов было уцелевших феспийцев 1800 человек. Однако у них не было тяжелого вооружения. Они были построены станом у реки Асопа.

31. Между тем варварское войско Мардония, кончив оплакивать Масистия и узнав, что эллины находятся в Платеях, также пришло к Асопу, который протекает в той местности. По прибытии туда Мардоний стал выстраивать войско против эллинов в следующем порядке. Против лакедемонян он выставил персов, и так как персы далеко превосходили лакедемонян численностью, то он построил больше рядов [в глубину и ширину], так что их боевая линия простиралась еще и до тегейцев. Расставил же он воинов вот как: он отобрал всех самых сильных людей и поставил их против лакедемонян, а более слабых – против тегейцев. А сделал он это по совету и указанию фиванцев. Рядом с персами Мардоний выстроил мидян, которые стояли против коринфян, потидейцев, орхоменцев и сикионцев. А подле мидян он поставил бактрийцев. Эти стояли против эпидаврийцев, трезенцев, лепреатов, тиринфян, микенцев и флиунтцев. За бактрийцами стояли индийцы против гермионян, эретрийцев, стирейцев и халкидян. Рядом с индийцами он построил саков. Они занимали место против ампракиотов, анакториев, левкадцев,

палейцев и эгинцев. Рядом же с саками против афинян, платейцев и мегарцев он поставил беотийцев, локров, малийцев, фессалийцев и тысячу фокийцев (так как не все фокийцы держали сторону персов). Часть из них, оттесненная персами на Парнас, поддерживала эллинов и оттуда производила вылазки, нанося всяческий урон войску Мардония и его союзникам-эллинам. Так же македонян и фессалийские племена Мардоний поставил против афинян.

32. Я перечислил здесь самые главные, наиболее известные и значительные народности из тех, которые Мардоний выставил [против эллинов]. Были среди них также отдельные воины и из других народностей: фригийцев, фракийцев, мисийцев, пеонов и прочих, в том числе эфиопов и египтян, именно так называемых гермотибиев и каласириев, вооруженных саблями (они одни только в Египте и занимаются военным делом). Их-то Мардоний, когда еще был в Фалере, велел высадить с кораблей, где они служили в морской пехоте. Ведь в сухопутном войске, которое пришло в Афины во главе с Ксерксом, египтян вовсе не было. Число варварских воинов, как уже было сказано раньше, составило 300000 человек. Количество же эллинских союзников Мардония никто не знает, так как подсчета не производилось. Но все же, как можно предполагать, их было около 50 000 человек. Это была пехота, выстроенная Мардонием. Конница же была выстроена отдельно.

33. Когда все построение по народностям и отрядам было закончено, на следующий день стали приносить жертвы, и притом даже обе стороны. У эллинов приносил жертвы Тисамен, сын Антиоха. Он находился в эллинском войске как жрец-прорицатель. Происходил он из Элиды из рода Иамидов и получил от лакедемонян гражданские права. Когда Тисамен вопрошал оракул в Дельфах о потомстве, Пифия изрекла в ответ, что он одержит победу в пяти величайших состязаниях. Тисамен неправильно истолковал изречение и стал усердно заниматься гимническим искусством, чтобы победить в гимнических состязаниях. Он одержал победу в Олимпии даже в пятиборье, за исключением лишь одного рода состязаний, где его противником был Иероним с Андроса. А лакедемоняне узнали, что изречение оракула Тисамену указывает не на гимнические состязания, а на ареевы брани, и пытались деньгами соблазнить его стать их полководцем на войне вместе с царями из дома Гераклидов. Тисамен же, видя, что лакедемоняне очень дорожат его дружбой, повысил цену. Он сообщил спартанцам, что примет их предложение, только если они сделают его полноправным гражданином, а иначе – ни за какие деньги. Сначала спартанцы возмутились таким требованием и совершенно отказались от своего предложения. В конце концов же все-таки великий страх перед этой персидской войной заставил их уступить и согласиться на его требование. Когда же Тисамен убедился, что спартанцы переменили свое решение, то объявил, что даже и этого ему недостаточно: они обязаны еще и его брата Гегия сделать спартанцем на тех же условиях, как и его самого.

34. В этом случае Тисамен следовал примеру Мелампода, если только можно сравнивать требование царского престола с требованием гражданских прав. Когда аргосские женщины впали в исступление, то аргосцы пригласили Мелампода прийти к ним из Пилоса и за вознаграждение исцелить женщин от недуга. Тогда Мелампод потребовал в награду себе полцарства. Аргосцы отказали и возвратились; когда же исступление охватило еще больше женщин, то они согласились на его требование и снова пришли предложить ему престол. А он, видя перемену их решения, потребовал еще больше и сказал, что согласится лишь в том случае, если они еще и его брату Бианту дадут третью часть царства. Тогда аргосцам в их беде пришлось согласиться и на это.

35. Так и спартанцы пошли на все условия Тисамена: ведь он был им крайне необходим. Когда они приняли и эти [последние] условия, то, став спартанцем, Тисамен из Элиды вместе с ними как жрец-прорицатель одержал победу в пяти великих битвах. Впрочем, он и его брат были единственными людьми, которые сделались спартанскими гражданами. А пять битв были вот какие: первая – битва при Платеях, вторая – при Тегее с тегейцами и аргосцами, затем – при Дипее со

всеми аркадцами, кроме мантинейцев; далее – при Ифоме с мессенцами, а последняя при Танагре с афинянами и аргосцами. Это была последняя из пяти битв, в которых он одержал победу.

36. Этот-то Тисамен и приносил тогда как жрец-прорицатель жертвы для эллинского войска при Платеях во главе со спартанцами. Жертвы и предзнаменования выпали благоприятные для эллинов только в случае, если они будут обороняться, но неблагоприятные, если перейдут Асоп и начнут сражение.

37. Мардонию же, который желал вступить в бой, вышли несчастливые предзнаменования, но для оборонительных действий жертвы и ему благоприятствовали. Мардоний ведь тоже приносил жертвы по эллинскому обычаю с помощью Гегесистрата, жреца-прорицателя из Элиды, самого знаменитого в роде Теллиадов. Этого-то Гегесистрата спартанцы еще до Платейской битвы схватили и, бросив в оковы, хотели казнить за причиненное им великое зло. Попав в такую беду (дело шло о жизни и смерти, а перед смертью его ожидали еще страшные пытки), Гегесистрат пошел на невероятное дело. Он лежал [в темнице] в окованной железом [деревянной] колодке. Случайно ему удалось завладеть принесенным кем-то в темницу ножом, и он тотчас замыслил самое смелое дело, какое когда-либо, насколько нам известно, совершал человек. Гегесистрат отрезал себе ступню, чтобы вытащить остальную часть ноги из колодки. После этого он подкопал стену, так как выходы охранялись стражей, и бежал в Тегею. Ночью он шел, днем же скрывался в лесу и отдыхал, и на третью ночь благополучно добрался до Тегеи, хотя весь Лакедемон поднялся на поиски беглеца. Спартанцы были поражены отвагой узника: они видели только лежащий на земле обрубок ноги, но самого его не могли найти. Так-то Гегесистрату удалось спастись от лакедемонян и найти убежище в Тегее, которая тогда враждовала с лакедемонянами. Исцелившись от раны, Гегесистрат приделал себе деревянную ногу и с тех пор стал заклятым врагом лакедемонян. Однако эта вражда к спартанцам кончилась для него печально. Спартанцы схватили его в Закинфе, где он приносил жертвы как жрец-прорицатель, и казнили.

38. Впрочем, смерть постигла Гегесистрата некоторое время спустя после Платейской битвы. А тогда Мардоний нанял Гегесистрата за немалое вознаграждение, и тот приносил жертвы как ревностный друг персов из ненависти к Спарте и из корысти. Между тем предзнаменования оказались неблагоприятными как для самих персов, так и для союзных с ними эллинов (у этих был свой жрец-прорицатель – Гиппомах левкадец), а войско эллинов все усиливалось и становилось многочисленнее. Тогда Тимегенид, сын Герпия, фиванец, дал совет Мардонию занять проходы на Кифероне, чтобы сразу перехватить всех эллинов, которые каждый день туда прибывают.

39. Уже восемь дней стояли они друг против друга, когда фиванец дал этот совет Мардонию. А Мардоний понял выгоду совета и послал ночью конницу к проходам на Кифероне, ведущим к Платеям (беотийцы называют эти проходы "Тремя вершинами", а афиняне – "Дубовыми вершинами"). Посланный отряд всадников прибыл туда не напрасно: персам удалось захватить 500 повозок с продовольствием из Пелопоннеса для войска, как раз спускавшихся на равнину, вместе с людьми, которые сопровождали их. Овладев этой добычей, персы безжалостно перебили всех, не щадя ни животных, ни людей. Когда варвары вволю натешились резней, то, окружив уцелевших [людей и животных], погнали в стан Мардония.

40. После такого "деяния" прошло еще два дня, но ни одна из сторон не хотела начинать сражения: варвары доходили до Асопа, стараясь выманить эллинов, но ни те, ни другие не переходили реку. Только конница Мардония все время наседала, не давая покоя эллинам. Ведь фиванцы, всей душой преданные персам, хотели показать свое усердие в этой войне и все время до битвы вели персов за собой, указывая дорогу. А после начала сражения их место заняли персы и мидяне, которые всячески старались отличиться.

41. Итак, за эти десять дней ничего больше не случилось. На одиннадцатый же

день, когда войска все еще стояли при Платеях друг против друга (эллины все время продолжали получать подкрепления, и Мардоний стал тяготиться бездействием), тогда-то Мардоний, сын Гобрия, и Артабаз, сын Фарнака (один из немногих персов, особенно уважаемых Ксерксом), стали держать совет. На совете они высказали вот какие мнения. Артабаз говорил, что необходимо как можно скорее выступить со всем войском и возвратиться в укрепленный город Фивы, где собрано много продовольствия и корма для вьючных животных. А затем, по его словам, можно спокойно кончить войну вот каким способом. У персов ведь много золота в монете и нечеканного, а также серебра и [драгоценных] сосудов для питья. Все эти сокровища, ничего не жалея, нужно разослать эллинам, именно наиболее влиятельным людям в городах. Тогда эллины тотчас же предадут свою свободу, и персам вовсе не нужно будет вступать в опасную битву. Артабаз разделял мнение фиванцев, так как он, как и фиванцы, был лучше осведомлен о положении дел и оказался гораздо предусмотрительнее Мардония. Мардоний же держался более решительного и твердого взгляда, не желая идти ни на какие уступки: он считал, что персидское войско далеко превосходит эллинское и что поэтому следует как можно скорее вступить в бой, не допуская день ото дня дальнейшего усиления врага. На жертвы Гегесистрата, говорил он, не стоит обращать внимания и не добывать насильно благоприятных знамений, а, по персидскому обычаю, дать бой врагу.

42. Никто не осмелился ему возражать на эти слова, и мнение Мардония одержало верх. Ведь главным военачальником царь поставил Мардония, а не Артабаза. И вот, призвав к себе начальников отрядов и предводителей эллинов в его войске, Мардоний спросил: "Не знают ли они какого-нибудь изречения оракула о гибели, ожидающей персов в Элладе". Собравшиеся молчали, так как они действительно ничего не слышали об оракулах, а другие считали небезопасным упоминать о них. Тогда Мардоний сказал: "Если вы в самом деле ничего не знаете или не решаетесь говорить, то я скажу вам, так как мне-то эти оракулы хорошо известны. Есть изречение оракула о том, что персам суждено прийти в Элладу и разграбить дельфийское святилище и затем погибнуть. А, зная это, мы не пойдем на Дельфы и не станем грабить святилища. Поэтому-то нам и не угрожает гибель. Итак, пусть все, кто предан персам, радуются в надежде на грядущую победу". После этого Мардоний подтвердил приказ всем снарядиться и привести войско в боевую готовность, так как наутро начнется битва.

43. Впрочем, как я знаю, это изречение оракула, которое, по словам Мардония, касалось персов, относилось к иллирийцам и к походу энхелеев, а вовсе не к персам. Напротив, эту битву имеют в виду вот какие стихи Бакида:

... у Фермодонтова тока, на злачных лугах Асопийских Эллинов рать и вопли мужей, чужеземным наречьем гласящих . ……………………………………………………………………….. Много погибнет тогда (даже сверх веления Рока) Луки несущих мидян в смертный час нареченный судьбою.

Это и другие подобные изречения Мусея, как мне известно, относятся к персам. Река же Фермодонт течет между Танагрой и Глисантом.

44. После того как Мардоний кончил расспросы об оракулах и отдал приказание, наступила ночь и персы выставили стражу. И вот глубокой ночью, когда в обоих станах воцарилась тишина, тем более что воины, видимо, спали, к афинской страже подскакал на коне Александр, сын Аминты, военачальник и македонский царь, и потребовал встречи с военачальниками, Большая часть стражи осталась на месте, а некоторые побежали к военачальникам сообщить о прибытии какого-то человека на коне из мидийского стана. Человек этот больше ничего не сказал, а только назвал начальников по имени, заявив, что желает говорить с ними.

45. Военачальники же, услышав это, тотчас последовали за стражами. Когда они прибыли туда, Александр сказал им вот что: "Афиняне! В доказательство моей преданности вам хочу сообщить вам вот что. Но вы не должны никому передавать эти мои слова, кроме Павсания, потому что иначе погубите меня. Никогда бы я не сказал вам этого, если бы искренне не заботился об участи всей Эллады. Ведь и

сам я издревле по происхождению эллин и не желаю видеть свободную Элладу порабощенной. Так вот, я хочу сообщить вам, что Мардоний и персидское войско не могут получить благоприятных предзнаменований. Ведь иначе Мардоний давно уже напал бы на вас. А теперь Мардоний решил пренебречь предзнаменованиями и на рассвете начать сражение. Ведь он очень опасается, как я думаю, вашего усиления. Итак, будьте готовы к битве! Если Мардоний станет откладывать нападение, то терпеливо ждите: ведь у персов осталось продовольствия всего на несколько дней. В случае же счастливого окончания войны подумайте также и об освобождении моей страны. Ведь я пошел на столь опасное дело из любви к Элладе, желая раскрыть вам замыслы Мардония, чтобы варвары не напали на вас неожиданно, еще не подготовленных. Я – Александр македонянин". После этих слов он ускакал назад в стан к своему отряду.

46. Афинские же военачальники перешли на правое крыло и передали Павсанию слышанное ими от Александра. Известие это устрашило Павсания, и он ответил им вот что: "Если битва начнется на рассвете, то вам, афиняне, придется стать против персов, мы же займем место против беотийцев и других, стоящих против вас эллинов, и вот почему. Вы ведь знаете персов и их способ сражаться, так как вам пришлось уже биться с ними при Марафоне. Мы же совершенно не знаем этих людей: ведь никому из спартанцев не приходилось помериться силой с персами, тогда как беотийцев и фессалийцев мы хорошо знаем. Поэтому возьмите ваше оружие и переходите на это крыло, а мы пойдем на левое". На это афиняне ответили так: "Нам и самим уже пришло в голову, видя, что персы выстраиваются против вас, именно то, что вы теперь предлагаете нам. Мы опасались только, что наше предложение будет вам не по душе. А так как вы сами теперь добиваетесь этого, то мы охотно соглашаемся и готовы повиноваться".

47. Так это предложение приняли и те, и другие, и на заре они поменялись местами в строю. Однако беотийцы заметили перемещение и донесли Мардонию. Мардоний же, лишь только узнал об этом, сам тотчас же захотел переменить место и стал переводить персов против лакедемонян. Эту уловку увидел Павсаний и, поняв, что нельзя скрыть передвижения, снова перевел спартанцев на правое крыло. Тогда и Мардоний также возвратился на левое крыло.

48. После того как оба войска заняли первоначальное положение, Мардоний отправил глашатая к спартанцам с приказанием передать вот что: "Вот как, лакедемоняне! Вы слывете самыми доблестными людьми в здешних краях. Люди дивятся, что вы никогда не обращаетесь в бегство и не покидаете своего места в строю, пока не уничтожите врага или сами не погибнете. На деле же выходит, что все это неправда. Ведь еще до начала рукопашной схватки мы увидели, как вы бежали и оставили место в строю. Вы выставляете вперед афинян, а сами становитесь против наших слуг. Доблестные мужи так не поступают никогда: мы были гораздо лучшего мнения о вас. Мы ведь ожидали, что вы при вашей славе действительно вызовете на бой через глашатая только одних персов, к чему мы и были готовы. Однако мы видим, что об этом нет и речи и вы со страху скорее прячетесь от нас. Так вот, если вы первыми не сделали нам вызова, то теперь сделаем это мы. Почему бы нам не сразиться равночисленными отрядами: вы за эллинов, так как считаетесь самыми доблестными, а мы от имени чужеземцев. Если вам угодно, чтобы и остальное войско сражалось, то пусть оно сражается потом. Если же это вам не нужно и вы предпочитаете биться только с нами, то давайте решим это дело между собою. Кто из нас одержит победу, тот пусть и будет победителем со всем своим войском".

49. Так говорил глашатай и некоторое время ожидал. Когда же никакого ответа не последовало, он возвратился назад. Прибыв в стан персов, глашатай сообщил Мардонию, что с ним случилось. Мардоний же весьма обрадовался и, кичась уже воображаемой победой, двинул на эллинов свою конницу. Всадники прискакали и стали причинять большой урон всему эллинскому войску своими дротиками и стрелами: это были конные лучники, и потому к ним было нелегко подступиться. Всадники также замутили и засыпали источник Гаргафию, откуда черпало воду

все эллинское войско. Правда, у этого источника стояли только одни лакедемоняне, а место, где расположились остальные эллины, было дальше от него и скорее ближе к Асопу. А так как неприятель не допускал эллинов к Асопу, то таким образом приходилось ходить за водой к источнику. Черпать же воду из реки было невозможно из-за налетов конницы и обстрела лучников.

50. В таком тяжком положении (войско оставалось без воды, и неприятельская конница все время не давала покоя) военачальники эллинов собрались на правом крыле у Павсания обсудить это и другие дела. Однако при таких обстоятельствах их еще более удручала другая беда: именно, у войска не было больше продовольствия, так как обозная прислуга, отправленная в Пелопоннес за продовольствием, была отрезана персидской конницей и не могла пробраться в стан.

51. На совете военачальников было решено, если день пройдет без битвы, идти на Остров, который находится в 10 стадиях от Асопа и источника Гаргафии, где был тогда эллинский стан, перед городом платейцев. Остров же на суше возник от того, что река, его образующая, разветвляется на два рукава и таким образом стекает с Киферона на равнину, причем рукава отстоят друг от друга стадии на три. Затем рукава снова сливаются в одну реку, которая называется Оероя. Оероя же, по словам местных жителей, была дочерью Асопа. В эту-то местность эллины и решили перейти, для того чтобы у войска было вдоволь воды и чтобы вражеская конница не могла больше причинять вреда, как теперь, когда стояла напротив. Решено было двинуться во вторую стражу ночи, так чтобы персы не заметили выступления и не выслали конницы в погоню. А когда придут на место, омываемое дочерью Асопа Оероей, стекающей с Киферона, то еще ночью решили отрядить половину войска на Киферон за обозной прислугой, отправленной за продовольствием (она была отрезана на Кифероне).

52. После этого весь тот день эллинам пришлось выдерживать непрерывные атаки конницы. Когда же под конец дня нападения конницы прекратились и затем настала ночь и пришла пора отправления, тогда большая часть войска поднялась станом и выступила, однако не в назначенное место. Ибо едва эллины двинулись, как на радостях, что ускользнули от вражеской конницы, побежали к городу платейцев, пока не добрались до святилища Геры. Святилище же находится непосредственно перед городом платейцев, в 20 стадиях от источника Гаргафии. Прибыв туда, они остановились перед святилищем и стали разбивать стан.

53. Между тем Павсаний, видя, что воины покидают стан, приказал и лакедемонянам взять оружие и присоединиться к остальным, так как он считал, что войско идет в назначенное место. Прочие начальники спартанских отрядов с готовностью подчинились приказу Павсания, только Амомфарет, сын Полиада, начальник отряда питанетов, объявил, что не станет бежать по своей воле от чужеземцев и не опозорит Спарту. С изумлением смотрел Амомфарет на происходящее, так как не присутствовал ранее на совете. Павсаний же и Еврианакт были возмущены неподчинением Амомфарета, но еще досаднее был для них его отказ от того, что они не хотели покинуть на произвол судьбы отряд питанетов. Они опасались, что если по условию с остальными эллинами оставят Амомфарета на произвол судьбы, то он, покинутый, погибнет вместе со своим отрядом. Поэтому они велели лаконскому войску остановиться и пытались убедить его, что не следует так поступать.

54. Между тем, пока они уговаривали Амомфарета, который только один оставался на лакедемонском и тегейском крыле, афиняне действовали вот как. Они еще спокойно оставались на том месте, где стояли, зная характер лакедемонян, именно, что те думают одно, а говорят другое. Когда же войско двинулось, афиняне послали всадника посмотреть, готовятся ли спартанцы выступить или же вовсе не думают уходить, а также спросить Павсания, что им делать.

55. Когда глашатай прибыл к лакедемонянам, он увидел, что те все еще стоят на своем месте и их предводители в ссоре между собою. Ведь как раз во время

прибытия глашатая Еврианакт и Павсаний пытались уговорить Амомфарета не подвергать опасности себя и своих людей, оставаясь на месте. Однако они никак не могли уговорить его, и дело у них дошло до ссоры. В пылу спора Амомфарет схватил камень обеими руками и бросил его к ногам Павсания. Этим камнем, заявил он, он подает голос за то, чтобы не бежать от чужеземцев (под "чужеземцами" он подразумевал варваров). Павсаний же назвал его "исступленным безумцем", потом, обратившись к афинскому глашатаю, ответил и на заданный тем вопрос: следует передать лишь то, что здесь происходит. Он просил также афинян подойти ближе к ним и при отходе повторять маневры спартанцев.

56. Глашатай тогда возвратился к афинянам, а спартанцы продолжали спорить до зари. До этих пор Павсаний не двигался с места. Затем, полагая, что если остальные лакедемоняне уйдут, то и Амомфарет, наверное, не останется, как это и случилось в действительности, он дал сигнал к выступлению и двинулся со всем войском по холмам. Тегейцы также последовали за ним. Афиняне же, согласно приказу, пошли по другой дороге в противоположном направлении. В то время как лакедемоняне из страха перед неприятельской конницей двигались по холмам и склонам Киферона, афиняне свернули вниз на равнину.

57. Амомфарет же думал (по крайней мере вначале), что Павсаний никогда не осмелится оставить их на произвол судьбы, и поэтому упорно не двигался с места. Когда же Павсаний с войском ушел вперед, то Амомфарет решил, что тот действительно его покинул, и приказал своему отряду взять оружие и медленным шагом следовать за остальным войском. А Павсаний, отойдя почти на 100 стадий, стал поджидать отряд Амомфарета, остановившись в местности под названием Аргиопий около ручья Молоента, где стоит святилище элевсинской Деметры. Павсаний остановился там для того, чтобы вернуться и прийти на помощь Амомфарету с его отрядом, если тот не уйдет со своего места. Не успел отряд Амомфарета подойти к Павсанию, как вся конница варваров стремительно бросилась на спартанцев. Ведь персидские всадники выполняли свое обычное дело, и когда нашли место, где эллины стояли в прошлые дни, пустым, то поскакали дальше, пока, настигнув лакедемонян, не напали на них.

58. Мардоний же, когда услышал, что эллины за ночь успели уйти, и убедился, что на месте стоянки никого нет, велел призвать к себе Форака из Ларисы и его братьев Еврипила и Фрасидея и сказал им так: "Сыны Алева! Что вы еще скажете после этого, видя эти опустелые места? Вы ведь все-таки соседи лакедемонян, а утверждали, что они в битве никогда не обращают тыла, но, напротив, в ратных делах – первые по доблести. А теперь вы видите, что лакедемоняне не только первыми покинули свое место в строю, но успели даже, как видим, за прошлую ночь все бежать отсюда. Они отличились как-то среди эллинов, очевидно, лишь потому, что другие эллины также ничтожные трусы, тогда как теперь им пришлось помериться силами с людьми, истинно доблестными. Я охотно прощаю вам вашу ошибку, так как вы еще не знаете персов и хвалили тех, о ком вы все-таки кое-что слышали. Впрочем, гораздо более, чем вам, я удивляюсь Артабазу, именно тому, что он испугался лакедемонян и в страхе мог дать самый трусливый совет, что нужно поднять стан и идти в город фиванцев, чтобы там нас осадили! Об этом совете еще услышит от меня царь. Но о нем пойдет речь в другой раз. Теперь же не следует допускать бегства лакедемонян. Мы должны преследовать их, пока не настигнем и не заставим рассчитаться за все беды, которые они причинили персам".

59. После этого Мардоний перешел Асоп и поспешно повел персов вслед за убегающими, как он думал, эллинами. Он устремился, однако, только на лакедемонян и тегейцев. Афинян же, которые свернули в долину, он не мог заметить за холмами. Тогда остальные начальники варварских отрядов, увидев, что персы двинулись преследовать эллинов, тотчас же дали сигнал к выступлению и со всех ног пустились преследовать врагов, однако нестройно и без всякого порядка. Так, персы с криком и шумом бросились на эллинов, чтобы захватить их

врасплох.

60. Павсаний же, лишь только началась атака конницы, послал всадника к афинянам с приказанием передать вот что: "Афиняне! Теперь, когда нам предстоит решительная борьба за то, быть ли Элладе свободной или порабощенной, мы, лакедемоняне, и вы, афиняне, покинуты союзниками на произвол судьбы, которые бежали прошлой ночью. Итак, теперь ясно, что надо делать: защищаться и помогать друг другу как только можем. Если бы конница сначала напала на вас, то нам и тегейцам, которые одни вместе с нами остались верными Элладе, нужно было бы помочь вам. Но так как теперь вся вражеская конница обратилась против нас, то вы по справедливости должны оказать помощь сильнее всего теснимой врагом части войска. Если же сверх ожидания окажется, что сами вы не в состоянии помочь, то окажите нам услугу, послав стрелков из лука [против конницы]. Мы знаем, что за время этой войны вы превзошли всех других храбростью. Поэтому, как мы надеемся, вы и теперь исполните эту просьбу".

61. Услышав это, афиняне со всем войском выступили на помощь. Однако уже по дороге на них напали выстроенные против них эллины из стана царя. Афиняне не могли помочь спартанцам, так как им самим пришлось выдерживать натиск противника. Так-то лакедемоняне и тегейцы остались одни и приготовились к битве с Мардонием и его войском. Вместе с легковооруженными воинами лакедемоняне насчитывали 50000 человек, а тегейцы 3000 (они вовсе не хотели отделяться от лакедемонян). Лакедемоняне стали тогда приносить жертвы, однако счастливые жертвы не выпадали, и за это время успело пасть много воинов и еще больше было ранено. Персы, сомкнув свои плетеные щиты, беспрерывно осыпали эллинов градом стрел. Спартанцы попали в тяжелое положение, а жертвы все выпадали неблагоприятные. Тогда Павсаний обратил взоры на святилище Геры у Платей и стал взывать к богине, умоляя ее не обмануть упований спартанцев.

62. В то время как он еще так молился богине, тегейцы первыми поднялись и двинулись на варваров. Сразу же после молитвы Павсания жертвы для лакедемонян выпали благоприятные. Тогда и лакедемоняне наконец также пошли на персов. Персы же перестали пускать стрелы и выступили навстречу. Сначала схватка завязалась около укрепления из плетеных щитов. Когда же укрепление пало, начался долгий и жаркий бой у самого святилища Деметры, пока дело не дошло до рукопашной. Ибо варвары хватались за длинные копья [гоплитов] и ломали их. Персы не уступали эллинам в отваге и телесной силе; у них не было только тяжелого вооружения и к тому же еще боевой опытности. Не могли они сравниться с противником также и боевым искусством. Персы устремлялись на спартанцев по одному или собирались кучей по 10 человек и больше и погибали.

63. В том месте, где стоял сам Мардоний, который сражался на белом коне во главе отряда из 1000 самых храбрых воинов, персы сильнее всего теснили лакедемонян. Пока Мардоний оставался в живых, персы стойко держались и, храбро защищаясь, умертвили много спартанцев. Когда же Мардоний пал и был перебит [весь] отборный отряд его телохранителей, самых отважных воинов, тогда-то остальные персы повернули назад и бежали с поля битвы от лакедемонян. Потерпели же персы поражение главным образом потому, что у них не было тяжелого вооружения и они должны были сражаться легковооруженными против гоплитов.

64. Так-то Мардоний искупил убиение Леонида, согласно предсказанию оракула спартанцам, и Павсаний, сын Клеомброта, внук Анаксандрида, одержал самую блестящую победу из всех известных нам. Я уже упомянул имена его более ранних предков вплоть до Леонида; ведь они у него с Леонидом одни и те же. Мардоний же пал от руки Аримнеста, влиятельного человека в Спарте. Впоследствии, уже после персидских войн, Аримнест во время Мессенской войны сражался при Стениклере с 300 воинов против всего мессенского войска и пал вместе со всеми этими воинами.

65. Когда же при Платеях персы были разбиты лакедемонянами, то в

беспорядке бежали в свой стан и за деревянное укрепление, которое они построили в Фиванской области. Меня удивляет, однако, как могло случиться, что в битве близ священной рощи Деметры ни один перс не вступил в священный участок или не умер там, тогда как около святилища на неосвященной земле пало очень много варваров. Впрочем, я предполагаю, если только допустимо делать предположение о божественном, что богиня сама не допустила их за то, что они предали огню ее святилище в Элевсине.

66. Так кончилась эта битва. Артабаз же, сын Фарнака, с самого начала был недоволен тем, что царь хотел оставить Мардония [в Элладе], а теперь также настойчиво отговаривал вступать в сражение, но тщетно. Артабаз был не согласен с распоряжениями Мардония и поступил вот как. Когда началась битва, исход которой Артабаз ясно предвидел, он отвел все свое войско по заранее обдуманному плану (а у него была немалая сила – около 40 000 человек). Затем Артабаз приказал всем идти столь же быстро, как и он сам, куда он их поведет. Отдав такой приказ, он повел войско как бы в бой. Когда же по дороге он узнал, что персы уже бегут, то перестал держать походный порядок и быстро помчался оттуда, но, впрочем, не к деревянному укреплению и не в город Фивы, а в Фокиду, чтобы как можно скорее добраться до Геллеспонта.

67. В то время как войско Артабаза бежало таким путем, остальные эллины в войске царя неохотно сражались [с эллинами]. Только беотийцы долго бились с афинянами. Ведь приверженцы персов среди фиванцев показали себя далеко не трусами, а, напротив, храбрыми воинами, так что от руки афинян пало 300 самых знатных и доблестных граждан. Когда же и беотийцы не могли больше сопротивляться, то бежали в Фивы, однако не туда, куда бежали персы и все остальные полчища их союзников (эти даже и не сражались ни с кем и вообще ничем не отличились).

68. Для меня очевидно, что вся мощь варваров держалась на персах, если уж до схватки с врагом все эти союзники бросились бежать при виде бегства персов. Таким образом, все варварское войско бежало, и только конница, главным образом беотийская, отважно билась с врагом, прикрывая отступление: не отрываясь от противника, она все время не допускала преследователей [подходить] к бегущим.

69. Итак, победители преследовали и убивали воинов Ксеркса. Между тем, как только началось бегство персов, весть о битве и о победе Павсания пришла к остальным эллинам, которые стояли у святилища Геры и не участвовали в битве. Тогда эллины в полном беспорядке устремились к святилищу Деметры, причем коринфяне и их соседи – по склонам [Киферона] и холмам дорогой, идущей прямо вверх, мегарцы же, флиунтцы и их соседи – через равнину по самой гладкой дороге. Когда же мегарцы и флиунтцы приблизились к неприятелю, на них бросились фиванские всадники, издали завидев спешащих в беспорядке врагов. Всадники во главе с Асоподором, сыном Тимандра, стремительно ударили по врагу и уложили на месте не менее 600 человек, остальных же преследовали и оттеснили на Киферон. Так они бесславно погибли.

70. Персы же и остальные полчища бежали в деревянное укрепление и успели занять башни до прихода лакедемонян. Сверху они защищали укрепление как могли лучше. Когда подошли лакедемоняне, завязалась ожесточенная схватка за деревянное укрепление. Защитники стойко держались, пока не подошли афиняне, и даже получили значительный перевес над лакедемонянами, так как те не умели осаждать крепостей. Но после прихода афинян началась жестокая и продолжительная борьба за укрепление. В конце концов благодаря упорству и отваге афинянам все же удалось взойти на стену и сделать пролом. Первыми проникли в крепость тегейцы, и они-то и разграбили шатер Мардония. Там, между прочим, они захватили конские ясли целиком из меди замечательно [искусной работы]. Эти ясли Мардония тегейцы посвятили в храм Афины Алеи. Остальную же добычу они снесли в то же место, что и прочие эллины. Варвары же после падения стены уже не держали боевого порядка и никто из них "не вспомнил бурной силы". Тысячи людей метались, загнанные страхом в узкое пространство, и эллины легко

могли их перебить: так что из всего трехсоттысячного войска, не считая 40000, с которыми бежал Артабаз, не осталось в живых даже и 3000 человек. Лакедемонян же из Спарты пало в этой битве всего 91 человек, тегейцев 16, а афинян 52.

71. В войске варваров наиболее отличились пешие персидские воины и конница саков, а из отдельных бойцов – Мардоний. Среди эллинов же лакедемоняне превосходили доблестью тегейцев и афинян, хотя и эти также сражались отважно. Впрочем, я заключаю об этом лишь потому (так как ведь и другие все одолели своих противников), что спартанцы напали и одержали верх над лучшей частью персидского войска. И самым доблестным из всех бойцов, по нашему мнению, безусловно был тот Аристодем, который только один из 300 воинов спасся при Фермопилах и за это подвергся позору и бесчестию. После него более всех отличились Посидоний, Филокион и спартанец Амомфарет. Впрочем, когда однажды в беседе зашла речь, кому из них отдать первенство, то присутствующие спартанцы полагали, что Аристодем бился, как исступленный, выйдя из рядов, и совершил великие подвиги потому лишь, что явно искал смерти из-за своей вины. Посидоний же, напротив, стал доблестным мужем не оттого, что искал смерти. Поэтому-то он и доблестнее Аристодема. Впрочем, так они могли сказать из зависти. Все эти упомянутые мною воины из числа павших в этой битве, кроме Аристодема, который искал смерти по названной причине, получили великие почести.

72. Эти воины при Платеях стяжали себе неувядаемую славу. Калликрат же пал не в самой битве. Это был самый красивый воин в тогдашнем войске эллинов, и не только у лакедемонян, но и среди всех эллинов. Калликрат сидел на своем месте в строю, в то время когда Павсаний приносил жертвы, и был ранен стрелой в бок. И вот, когда остальные уже вступили в бой, его унесли. Калликрат мучительно боролся со смертью и сказал Аримнесту из Платей: "Меня тревожит не то, что я должен умереть за Элладу, а то, что мне не довелось в рукопашной схватке с врагом совершить какой-либо достойный подвиг, к чему я так стремился".

73. Среди афинян, говорят, прославился Софан, сын Евтихида из селения Декелеи, именно из тех декелейцев, которые совершили некогда, по рассказам самих афинян, подвиг, спасительный для них на вечные времена. Именно, когдай битве, кроме Аристодема, который искал смерти по названной причине, получили великие почести.

72. Эти воины при Платеях стяжали себе неувядаемую славу. Калликрат же пал не в самой битве. Это был самый красивый воин в тогдашнем войске эллинов, и не только у лакедемонян, но и среди всех эллинов. Калликрат сидел на своем месте в строю, в то время когда Павсаний приносил жертвы, и был ранен стрелой в бок. И вот, когда остальные уже вступили в бой, его унесли. Калликрат мучительно боролся со смертью и сказал Аримнесту из Платей: "Меня тревожит не то, что я должен умереть за Элладу, а то, что мне не довелось в рукопашной схватке с врагом совершить какой-либо достойный подвиг, к чему я так стремился".

73. Среди афинян, говорят, прославился Софан, сын Евтихида из селения Декелеи, именно из тех декелейцев, которые совершили некогда, по рассказам самих афинян, подвиг, спасительный для них на вечные времена. Именно, когда встарь Тиндариды в поисках похищенной Елены с большой ратью вторглись в Аттическую землю и разорили селения, так как не знали, где скрыта Елена, тогда, по преданию, декелейцы (по другим же – сам Декел) с досады на буйное насилие Тесея и в страхе за всю Аттическую землю открыли все Тиндаридам и показали им дорогу в Афидны. А это селение предал Тиндаридам Титак, коренной житель этих мест. В награду за этот поступок декелейцы пользуются в Спарте (вплоть до сего дня) освобождением от налогов и правом на почетное место [во время праздников]. Даже еще во время войны, которая случилась много лет спустя после упомянутых событий у афинян с пелопоннесцами, лакедемоняне, опустошив остальную Аттику, пощадили Декелею.

74. Из этого-то селения и происходил Софан, который отличился тогда в афинском войске. О нем существует двоякое предание. По одному рассказу, он

носил на панцирном поясе прикрепленный медной цепью железный якорь. Якорь этот он всегда выбрасывал, подходя к неприятелю, чтобы нападающие враги не могли его сдвинуть с места в строю. Если же враги бежали, то он брал якорь и так преследовал их. Так гласит одно предание. По другому же рассказу, который расходится с первым, Софан носил знак якоря на своем постоянно вертящемся, всегда подвижном щите, а вовсе не настоящий железный якорь на поясе.

75. Софан совершил еще один славный подвиг: во время осады афинянами Эгины он вызвал на поединок аргосца Еврибата, победителя в пятиборье, и убил его. Впоследствии самого отважного Софана постигла печальная судьба: в войне за золотые копи, будучи военачальником афинян вместе с Леагром, сыном Главкона, он пал при Дате от руки эдонян.

76. Когда эллины разбили варваров при Платеях, к ним добровольно явилась некая женщина, наложница перса Фарандата, сына Теаспия. Узнав о поражении персов и о победе эллинов, она вместе со своими служанками, надев множество золотых украшений и самые красивые одежды, которые у нее были, сошла с повозки и направилась пешком к лакедемонянам, бывшим в это время еще "на побоище свежем". Заметив, что всем руководит Павсаний (а имя его и род и раньше были ей хорошо известны, так как ей часто приходилось о нем слышать), женщина признала его за Павсания. Затем, обняв колени Павсания, она сказала вот что: "Царь Спарты! Избавь меня, просительницу, от плена и рабства. Ведь ты уже совершил многое, уничтожив этих людей, которые не почитают ни демонов, ни богов! Я – родом из Коса, дочь Гегеторида, сына Антагора. Силой похитили меня на Косе, и обладал мною этот перс". Павсаний же отвечал ей так: "Не бойся, женщина, так как просительнице [не причинят зла], если ты к тому же говоришь правду и ты действительно дочь Гегеторида из Коса, моего лучшего друга, гостеприимца в тех краях". Так он сказал и поручил ее попечению присутствовавших эфоров, а потом отослал на Эгину, куда она сама желала отправиться.

77. Тотчас после ухода этой женщины прибыли мантинейцы, когда с врагами все было уже кончено. Когда они узнали, что опоздали к битве, то весьма опечалились и объявили, что заслуживают наказания. Услышав о бегстве персов во главе с Артабазом, мантинейцы вызвались преследовать неприятелей до Фессалии. Однако лакедемоняне не позволили преследовать бегущих. Тогда мантинейцы возвратились назад в свою страну и изгнали своих военачальников. После мантинейцев пришли еще элейцы и так же, как мантинейцы, с огорчением вернулись домой. По возвращении они также изгнали своих военачальников. О мантинейцах и элейцах сказано достаточно.

78. В войске эгинцев при Платеях был некто Лампон, сын Пифея, один из самых знатных людей на Эгине. Он обратился к Павсанию с нечестивейшим предложением. Торопливо подбежав к Павсанию, Лампон сказал вот что: "Сын Клеомброта! Ты совершил подвиг небывалый, столь велик он и славен. Божество помогло тебе как спасителю Эллады стяжать величайшую славу среди всех эллинов, о которых мы знаем. Теперь тебе остается довершить остальное, чтобы слава твоя возросла еще больше и чтобы варвары впредь не осмелились творить такие беззакония эллинам. Ведь Мардоний и Ксеркс велели отрубить голову павшему при Фермопилах Леониду и пригвоздить к столбу. Если ныне ты воздашь тем же Мардонию, то за это тебя превознесут хвалами не только спартанцы, но и прочие эллины. Ведь пригвоздив к столбу Мардония, ты отомстишь за своего дядю Леонида".

79. Такими словами Лампон думал угодить Павсанию, а тот ответил ему так: "Друг-эгинец! Я ценю твою благосклонность и проницательность. Однако ты ошибся, дав свой добрый совет. Сперва ведь ты высоко превозносишь меня, мой родной город и мой подвиг, а затем низвергаешь меня во прах: ты советуешь мне осквернить покойника, и если я это сделаю, то моя слава, как ты думаешь, возрастет. А так поступать приличествует скорее варварам, чем эллинам, и за это-то мы их и порицаем. Такой ценой я вовсе не желаю купить одобрения эгинцев и

тех, кому подобные предложения по душе. С меня довольно и похвал лакедемонян за то, что я поступаю и говорю справедливо и честно. Что до Леонида, отомстить за которого ты призываешь, то он, мне думается, вполне отомщен. Он сам вместе со всеми остальными павшими при Фермопилах почтен бесчисленным множеством душ убитых здесь врагов. А ты впредь не являйся ко мне с подобными предложениями и будь благодарен, что на сей раз это тебе сошло благополучно".

80. Услышав такой ответ, Лампон удалился, а Павсаний велел глашатаю объявить, чтобы никто не смел присваивать себе добычи, и приказал илотам снести сокровища в одно место. Илоты же рассеялись по персидскому стану и нашли шатры, убранные золотом и серебром, позолоченные и посеребренные ложа, золотые сосуды для смешения вина, чаши и другие питьевые сосуды. На повозках они отыскали мешки с золотыми и серебряными котлами. С павших врагов они снимали запястья, ожерелья и золотые мечи, а на пестрые вышитые одеяния варваров никто даже и не обращал внимания. Илоты похищали много драгоценностей и затем продавали эгинцам, но много добра им пришлось все-таки сдать, так как его невозможно было спрятать. Отсюда-то и происходит великое богатство эгинцев, которые покупали у илотов золото [и платили за него], как будто это была медь.

81. Когда добыча была собрана, эллины отделили десятую часть дельфийскому богу. Из этой десятины был [сделан и] посвящен золотой треножник, который стоит в Дельфах на трехглавой медной змее непосредственно у алтаря. И олимпийскому богу они отделили десятую часть добычи, из которой [сделали и] посвятили медную статую Зевса в 10 локтей высоты, а также и истмийскому богу, [отделив десятую часть], посвятили медную статую Посейдона в 7 локтей высоты. После этого распределили [между собой] всю остальную добычу: персидских наложниц, золото, серебро, прочие ценности и вьючных животных. Каждый получил то, что ему подобало. А сколько дали сверх этого воинам, особо отличившимся при Платеях,– об этом мне никто не мог ничего сказать. Впрочем, как я думаю, им были даны [почетные дары]. Павсаний же получил всего вдесятеро больше: женщин, коней, талантов, верблюдов, а также и других ценностей.

82. Передают еще вот что: после бегства из Эллады Ксеркс оставил Мардонию свою домашнюю утварь. Когда же Павсаний увидел шатер Мардония с золотой и серебряной утварью и пестрыми коврами, он приказал хлебопекам и поварам приготовить такой же обед, как они обычно готовили Мардонию. Те принялись выполнять приказание. Зрелище пышно устланных мягкими коврами золотых и серебряных ложей, золотых и серебряных столов с роскошно приготовленным обедом и всего этого великолепия и роскоши яств привело Павсания в изумление. В шутку он приказал своим слугам приготовить так же и лаконский обед. Разница между обоими обедами оказалась большая, и Павсаний, засмеявшись, велел пригласить эллинских военачальников. Когда те собрались, Павсаний, указывая им на оба обеда, сказал: "Эллины! Я собрал вас, чтобы показать безрассудство этого предводителя мидян, который живет в такой роскоши и все-таки пришел к нам, чтобы отнять наши жалкие крохи". Это, как говорят, были слова Павсания эллинским военачальникам.

83. После этого платейцы находили еще много ящиков с золотом, серебром и другими драгоценностями. Впоследствии, когда платейцы собрали кости в одну кучу, на скелетах павших обнаружили вот что: нашли череп без единого шва, состоящий из одной кости; отыскали также челюсть, именно верхнюю, со сросшимися зубами: все резцы и коренные зубы состояли сплошь из одной кости. Кроме того, были найдены кости человека ростом в 50 локтей.

84. Тело Мардония на другой день после битвы исчезло. Кто его похитил, я точно сказать не могу. Я слышал, правда, про многих людей из разных городов, будто они предали земле прах Мардония, и знаю, что за это они получили богатые дары от сына Мардония Артонтеса. Но кто именно из них тайно похитил и похоронил тело Мардония – этого я точно узнать не мог. Ходит, впрочем, слух, что

это был Дионисофан из Эфеса. Во всяком случае Мардоний был погребен тайно.

85. Эллины же после раздела платейской добычи приступили к погребению павших – каждый город своих. Лакедемоняне выкопали три могилы. В одной они похоронили иренов (в их числе были Посидоний, Амомфарет, а также Филокион и Калликрат); в другой – всех остальных спартанцев, а в третьей – илотов. Так погребали [своих воинов] спартанцы. Тегейцы же хоронили своих воинов отдельно, но всех в одной могиле; также и афиняне – своих воинов вместе, то же и мегарцы и флиунтцы – своих воинов, изрубленных [вражескими] всадниками. Во всех этих могилах действительно были тела павших. Что же касается могил прочих эллинов, которые еще можно видеть у Платей, то это, как я узнал,– пустые курганы (эти курганы насыпали отдельные эллинские города, стыдясь перед потомством своего неучастия в битве). Есть там и так называемая могила эгинцев, которую даже спустя десять лет после битвы насыпал по их просьбе гостеприимец эгинцев Клеад, сын Автодика из Платей.

86. После погребения павших при Платеях эллины решили на совете тотчас же идти на Фивы и требовать выдачи сторонников персов, и прежде всего Тимегенида и Аттагина, главарей персидской партии. В случае же отказа фиванцев было постановлено не снимать осады города, пока не возьмут его. Так они решили и на одиннадцатый день после битвы подошли к Фивам и осадили город, требуя выдачи этих людей. Фиванцы же отказались, и тогда эллины принялись опустошать их землю и штурмовать стену.

87. Так как опустошения продолжались, то на двадцатый день Тимегенид сказал фиванцам так: "Фиванцы! Поскольку эллины приняли решение не снимать осады, пока не возьмут Фивы или пока вы не выдадите нас, то пусть Беотийская земля из-за нас больше не страдает. Если их требование – только предлог, чтобы вымогать деньги, то давайте дадим деньги из государственной казны (ведь мы держали сторону персов вместе с общиной, а вовсе не одни). Если же эллины ведут осаду города, действительно желая захватить нас, то мы сами сумеем оправдаться перед ними". Фиванцы нашли эти слова совершенно правильными и полезными и тотчас же через глашатая сообщили Павсанию, что желают выдать этих людей.

88. Когда на таких условиях был заключен договор, то Аттагин бежал из города. Детей его привели к Павсанию, но тот объявил их невиновными, указав на то, что дети не причастны к дружбе отца с персами. Другие же [сторонники персов], выданные фиванцами, рассчитывали оправдаться и были уверены, что сумеют спастись от беды, [откупившись] деньгами. А Павсаний, когда они попали в его руки, подозревая такие замыслы, распустил союзное войско, а их велел отвести в Коринф и там казнить. Вот что произошло при Платеях и Фивах.

89. Между тем Артабаз, сын Фарнака, продолжал свое бегство из-под Платей и был уже далеко. Когда он пришел в Фессалию, то фессалийцы пригласили его в гости и спросили об остальном войске, так как они еще ничего не знали о Платейской битве. Артабаз же понял, что подвергается опасности погибнуть вместе с войском, если расскажет чистую правду о битве. Он полагал, что любой теперь может на него напасть, узнай только, что там случилось. Рассуждая таким образом, он совершенно умолчал потом об этом фокийцам, а фессалийцам сказал вот что: "Я, фессалийцы, как видите, тороплюсь как можно скорее прибыть во Фракию, а спешу я потому, что послан с этим отрядом туда из нашего стана с поручением. Мардоний с войском идет за мной по пятам и скоро прибудет к вам. Примите его как гостя благосклонно и окажите внимание. Поступив так, вы со временем не раскаетесь". После этого он быстро повел войско через Фессалию и Македонию непосредственно во Фракию, прямым путем через внутреннюю часть страны, как человек, действительно спешащий. Затем он прибыл в Византий с большими потерями в людях, умерщвленных в пути фракийцами или павших от голода и изнеможения. Из Византия же Артабаз переправился [через пролив] на кораблях. Так он возвратился в Азию.

90. В день поражения персов при Платеях произошла как раз и битва при Микале в Ионии. В то время как эллинский флот под начальством лакедемонянина

Левтихида стоял у Делоса, прибыли послы с Самоса: Лампон, сын Фрасикла, Афинагор, сын Архестратида, и Гегесистрат, сын Аристагора, отправленные втайне от персов и тирана Феоместора, сына Андродаманта, которого персы поставили тираном Самоса. Когда послы явились к военачальникам, то взял слово Гегесистрат. Он выступил с длинной речью и на разные лады объяснял, что лишь только ионяне увидят эллинский флот, то сразу же поднимут восстание против персов. К тому же варварский флот вовсе не ожидает появления врага. Если же эллины не решатся [напасть на варваров], то второго такого удачного случая они уже не встретят. Заклиная эллинов общими богами, Гегесистрат побуждал их спасти ионян от рабства и помочь им защититься от варваров. Эллинам, по его словам, это легко сделать, так как корабли у варваров плохие и не подстать эллинским. Если же эллины опасаются хитрости или измены, то они готовы плыть заложниками вместе с ними на кораблях.

91. Так как самосский гость так настойчиво излагал свою просьбу, то Левтихид задал ему вопрос – хотел ли спартанец [этим вопросом] получить [счастливое] предзнаменование или же бог случайно его надоумил: "Как твое имя, гость из Самоса?". А тот отвечал: "Гегесистрат". Тогда Левтихид прервал его, не дав окончить речь, и сказал: "Я принимаю это [имя Гегесистрата] как счастливое предзнаменование. А ты теперь поклянись вместе со своими спутниками, что самосцы действительно будут нам верными союзниками, и возвращайся домой".

92. От слов он перешел к делу: самосцы тотчас же принесли клятву на верность союзу с эллинами. Затем самосцы отплыли, а Гегесистрату Левтихид приказал плыть вместе с эллинским флотом, считая его имя счастливым предзнаменованием. Эллины же подождали еще день, а на следующий день получили счастливые знамения. Жрецом-прорицателем был у них Деифон, сын Евения из Аполлонии, что лежит в Ионийском заливе. С отцом его случилось вот какое [удивительное] происшествие.

93. Есть в этой Аполлонии посвященное Солнцу стадо овец. Днем оно пасется у реки, которая течет с горы Лакмона через Аполлонийскую область и затем у гавани Орик впадает в море. Ночью же стадо стерегут богатые и знатные граждане города. Выбирают из них каждого сторожем на год. Аполлонийцы ведь весьма дорожат этими овцами в силу какого-то прорицания. Ночуют эти овцы в какой-то пещере вдали от города. Здесь-то этот Евений и был выбран стеречь овец. Как-то раз он проспал свою стражу, а волки забрались в пещеру и растерзали около 60 овец. Евений же заметил потерю овец, но хранил молчание и никому не говорил об этом, так как думал подменить овец, купив других. Однако дело это не удалось скрыть от аполлонийцев. Они узнали [об этом], тотчас привели Евения в суд и приговорили за то, что проспал свою стражу, лишить его зрения. Затем сразу же после того, как Евений был ослеплен, овцы перестали ягниться, а земля – приносить плоды. В Додоне и в Дельфах, где аполлонийцы вопрошали оракул о причине такой напасти, они получили в ответ изречение: они виноваты в том, что несправедливо лишили зрения стража священных овец Евения (ведь это сами боги послали волков), и бедствия Аполлонии не прекратятся до тех пор, пока аполлонийцы не дадут удовлетворения, какое он сам потребует и назначит, за содеянное ему зло. А после этого сами боги наделят Евения даром, за который много людей будут его почитать блаженным.

94. Такие изречения оракула были даны аполлонийцам. А те держали ответ оракула втайне и поручили нескольким горожанам исполнить повеление бога. Выполнили же горожане это поручение вот каким образом. Они присели на скамью к Евению, когда тот сидел [на рынке], и, заговорив с ним о том о сем, под конец выразили сожаление о его беде. Когда беседа исподволь дошла до этого, посланцы спросили слепца, что он потребует от аполлонийцев, если те захотят дать ему удовлетворение за причиненное зло. Евений же, ничего не слышав об оракуле, назвал участки двоих горожан, считая их самыми лучшими в городе, и, кроме того, дом, как он думал, самый красивый в городе. Если ему дадут то и другое, добавил Евений, то впредь он не будет гневаться на них и сочтет этот дар

достаточным удовлетворением. Так он сказал, а те, что сидели с ним, ответили: "Хорошо, Евений! Это удовлетворение дают тебе аполлонийцы по воле оракула за то, что они ослепили тебя". А Евений, когда узнал все это дело, пришел в негодование за то, что его так перехитрили. Аполлонийцы же купили у владельцев [землю и дом], выбранные им, и подарили ему. Через немного времени после этого Евению был ниспослан божественный дар пророчества, и он стал знаменитым прорицателем.

95. Сын этого-то Евения Деифон (его привели с собой коринфяне) и прорицал теперь, [принося жертвы] для войска. Я слышал, впрочем, еще вот какой рассказ, будто этот Деифон выдавал себя за сына Евения и бродил по всей Элладе. Пользуясь [знаменитым] именем, он изрекал прорицания за плату.

96. Так как знамения [при жертвоприношении] выпали счастливые, то эллины отплыли с Делоса на Самос. Когда они были уже близ Калам в Самосской области, то бросили там якорь у святилища Геры и стали готовиться к бою. А персы, узнав о приближении эллинов, также вышли в море, но поплыли с остальными кораблями к материку (финикийские же корабли они отослали домой). Они решили не вступать в бой с эллинами, полагая, что их силы не равны эллинским. Отплыли же варвары к материку под защиту части сухопутного войска в Микале (эта часть войска по приказанию Ксеркса была оставлена сзади главных сил и стояла там для защиты Ионии). Численность этого войска составляла 60 000 человек. Во главе его стоял Тигран, превосходивший всех персов красотой и статностью. Под защиту этого войска и решили стать начальники флота, а именно, вытащить на берег корабли и там построить укрепление для защиты кораблей и собственной безопасности.

97. С этой-то целью персы и вышли в море. Когда они, миновав святилище Владычиц, прибыли в область Гесона и Сколопоента, где стоит святилище Деметры Элевсинской (его воздвиг Филист. сын Пасикла, когда он вместе с Нелеем, сыном Кодра, основал Милет), то вытащили корабли на берег. Затем варвары построили там укрепление [в виде вала] из камней и бревен кругом кораблей, вырубив фруктовые деревья и окружив вал острым частоколом, и приготовились как к победе, так и к поражению, ибо благоразумно рассчитывали на то и на другое.

98. А эллины, получив известие об отплытии варваров к материку, раздраженные их бегством, были в нерешительности, что им предпринять: возвращаться ли назад или плыть к Геллеспонту. Наконец решили: не делать ни того, ни другого, а плыть к материку. Итак, они заготовили [абордажные] сходни и все, что нужно для морской битвы, и поплыли к Микале. Подойдя к стану персов, эллины не заметили [в море] ни одного вражеского корабля, но увидели на берегу корабли за укрепленным валом, а вдоль побережья – огромное войско, выстроенное в боевом порядке. Тогда Левтихид, который плыл на своем корабле ближе всего к берегу, велел сначала глашатаю обратиться к ионянам с такими словами: "Ионяне! Кто из вас слышит меня, заметьте мои слова (персы ведь не понимают ничего из того, что я вам предлагаю). Когда начнется битва, пусть каждый из вас помнит прежде всего о своей свободе, а потом слушает наш боевой клич: "Гера!". А кто теперь меня не слышит, тому пусть передаст это слышавший меня". Этот призыв Левтихида был задуман с той же целью, как и обращение Фемистокла к ионянам при Артемисии: если варвары не услышат этих слов, тогда ионяне послушаются эллинов или же, если их передадут варварам, то те не будут доверять эллинам.

99. После этого призыва Левтихида эллины поступили вот как: причалив корабли, они высадились на берег и построились там в боевом порядке. Персы же, увидев, что эллины готовятся к битве и договорились с ионянами, сначала обезоружили самосцев, подозревая их в сочувствии эллинам (ведь когда на Самос прибыли на кораблях варваров афинские пленники, оставшиеся в Аттике и захваченные воинами Ксеркса, то самосцы выкупили их и отправили всех в Афины, снабдив на дорогу запасом продовольствия. Этот-то поступок самосцев, именно то,

что они выкупили 500 человек врагов, и возбудил больше всего подозрение персов). Затем персы поручили милетянам прикрывать проходы, ведущие к вершинам Микале, якобы потому, что милетяне лучше всего знают местность. На самом же деле – чтобы удалить их из стана. Так персы старались принимать такие меры предосторожности против тех ионян, которых считали способными поднять восстание. Сами же персы сомкнули свои плетеные щиты как прикрытие против врага.

100. А эллины, закончив приготовления, двинулись на варваров. Когда же они пошли, то по всему войску внезапно распространился слух и был виден лежащий на взморье жезл глашатая. Стала распространяться из уст в уста молва [о том], что эллины одолели войско Мардония в Беотии. По многим признакам совершенно ясно видна тут божественная воля в земных делах, если тогда, хотя день Платейской битвы совпал с днем битвы при Микале, слух о победе распространился среди эллинов и дух войска от этого и его воинственный пыл поднялись еще выше.

101. Случайно совпало еще и другое, именно вот что: поблизости от обоих полей битвы находятся священные участки Деметры Элевсинской. И действительно, битва при Платеях разыгралась, как я уже сказал раньше, у самого храма Деметры, и при Микале теперь битва должна была произойти точно так же [у самого святилища Деметры]. А слух о победе эллинов во главе с Павсанием оказался совершенно правильным, потому что поражение персов при Платеях случилось уже ранним утром, а битва при Микале – к вечеру. Вскоре после этого подтвердилось также, что обе битвы произошли в тот же день месяца. Однако, пока молва об этом не распространилась, эллины были в страхе, правда, не столько за себя, сколько за эллинов [на родине], как бы Мардоний не сокрушил Элладу. Теперь же, когда молва распространилась с быстротой молнии, эллины тем смелее и быстрее шли в бой. Так спешили эллины и варвары в бой, так как наградой [за победу] были острова и Геллеспонт.

102. Путь афинян и их соседей (до половины боевой линии) шел берегом и по ровной местности, а лакедемоняне и стоявшие за ними [в строю] воины должны были идти ущельем и горами. В то время как лакедемоняне еще обходили горы, афиняне и их соседи на правом крыле уже бились с врагом. Пока у персов стояло их прикрытие из плетеных щитов, они храбро защищались и не уступали неприятелям. Когда же афиняне и их соседи, придавая бодрости друг другу, стали нападать еще более яростно, чтобы самим решить дело, а не лакедемонянам, тогда сражение приняло уже другой оборот. Эллины прорвали плетеное прикрытие и всей массой стремительно бросились на персов, которые, правда, и теперь еще выдерживали натиск и довольно долго защищались, но под конец бежали в укрепление. Тогда афиняне, коринфяне, сикионцы и трезенцы (в таком порядке они стояли в строю), устремившись по пятам за врагом, ворвались в укрепление. А после взятия укрепления варвары уже больше не думали о сопротивлении и все, кроме персов, обратились в бегство. Персы же продолжали сопротивление маленькими отрядами против беспрерывного натиска эллинов. Два персидских военачальника также обратились в бегство, а два погибли. Бежали Артаинт и Ифамитра, предводители флота, а Мардонт и Тигран, начальники сухопутного войска, пали в битве.

103. Персы еще сражались, когда наконец появились лакедемоняне и их спутники [на левом крыле] и довершили победу. В этой битве пало также много эллинов, в особенности сикионцев. Пал и их предводитель Перилай. Самосский же отряд в мидийском войске, обезоруженный персами, лишь только заметил, что победа склоняется на сторону эллинов, делал все возможное, чтобы помочь эллинам. Остальные ионяне также последовали примеру самосцев: они изменили персам и напали на варваров,

104. Милетянам же персы поручили охрану проходов, чтобы на случай поражения (что и случилось в действительности) они могли бы найти убежище на высотах Микале под прикрытием и предводительством милетян. Для этой-то

охраны милетян и поставили на этот пост и отослали из стана, чтобы предотвратить восстание. Однако милетяне поступили как раз против приказаний: они повели отступающих персов другими дорогами (дороги эти приводили персов к врагам) и в конце концов стали открыто, как злейшие враги, умерщвлять персов.

105. В этой битве особенно отличились афиняне, а среди афинян – Гермолик, сын Евфена, весьма искусный в кулачном бою и борьбе. Этого Гермолика постигла впоследствии [печальная участь]: во время войны афинян с каристийцами он пал в битве при Кирне в каристийской земле и покоится в Гересте. После же афинян больше всего отличились коринфяне, трезенцы и сикионцы.

106. Прикончив большую часть варваров в сражении или во время бегства, эллины предали затем огню все их корабли и укрепление. Потом они вытащили добычу на берег, причем нашли несколько [ящиков] военной казны персов. После сожжения крепости и кораблей эллины вышли в море. По прибытии на Самос эллины держали совет о переселении ионян [из их страны]: о том, в какую именно часть занимаемой эллинами области следовало бы переселить их, так как Ионию нужно было оставить варварам. Они считали ведь совершенно невозможным все время защищать ионян, но тем не менее без такой защиты не было надежды на то, что ионяне смогут безнаказанно отпасть от персов. Поэтому высшие власти пелопоннесцев предложили изгнать эллинские племена, стоявшие на стороне персов, из их торговых портов, а землю их отдать ионянам. Афиняне же, напротив, вообще не хотели и слышать об оставлении Ионии и не желали даже позволить пелопоннесцам держать совет об афинских поселениях в Ионии. А так как афиняне были решительно против этого предложения, то пелопоннесцам пришлось все-таки уступить. Так-то были приняты в эллинский союз также самосцы, хиосцы и лесбосцы и прочие островитяне, сражавшиеся вместе с эллинами. Они должны были принести клятву в том, что будут верны и не изменят союзу. Взяв эту клятву, эллины отплыли в Геллеспонт.

107. Части варваров, хотя и незначительной, оттесненной на вершины Микале, все же удалось спастись и благополучно добраться до Сард. В пути Масист, сын Дария, который участвовал в злополучном сражении, стал осыпать Артаинта, главного начальника [в этой битве], горькими упреками. Между прочим, Масист говорил, что тот трусливее бабы [и виновен в поражении], так как плохо руководил битвой и заслуживает тягчайшей кары за то, что опозорил царский дом (у персов нет более страшного поношения, чем если кто скажет кому-нибудь, что тот трусливее женщины). Артаинт же долго терпеливо молчал и наконец, распалившись гневом, выхватил [персидский] меч, чтобы прикончить Масиста. А Ксенагор, сын Праксилая, галикарнассец, стоявший сзади Артаинта, заметил, что тот бросается на Масиста; схватив его поперек туловища, он поднял и затем бросил наземь. В это время [подбежавшие] телохранители заслонили Масиста. Этим поступком Ксенагор заслужил великую благодарность как самого Масиста, так и Ксеркса: он ведь спас царского брата. За этот подвиг царь сделал Ксенагора правителем Киликии. Впрочем, кроме этого, больше с ними не случилось в пути никаких происшествий, и персы [благополучно] прибыли в Сарды.

108. А царь все еще пребывал в Сардах с того времени, как он, потерпев поражение в морской битве, бежал из Афин [в Азию]. Тогда-то, будучи в Сардах, Ксеркс воспылал страстью к супруге Масиста, которая также находилась там. Хотя он и посылал к ней [вестников], но ее оказалось невозможно склонить [к измене]. Применить же насилие царь не хотел из уважения к брату Масисту. То же самое чувство [уважения] удерживало и эту женщину; она прекрасно знала, что ее не принудят силой. Так как у Ксеркса не было больше других средств [овладеть этой женщиной], то он устроил свадьбу своего сына Дария и дочери этой женщины и Масиста. Этим царь надеялся скорее достичь своей цели. Свадьба была совершена с обычными обрядами, и [после этого] Ксеркс возвратился в Сусы. По прибытии туда царь принял в свой дом [молодую] супругу Дария. Тогда он почувствовал охлаждение к супруге Масиста: теперь, изменив свои чувства, Ксеркс воспылал любовью к супруге Дария, дочери Масиста, которая ему и отдалась. Имя этой

женщины было Артаинта.

109. Через несколько времени, однако, супружеская неверность [жены Дария] открылась вот каким путем. Аместрида, супруга Ксеркса, подарила царю пестрый, удивительной красоты плащ, который она сама выткала. Ксеркс с радостью надел его и пошел к Артаинте. Насладившись этой женщиной, царь сказал ей, что она может просить у него все, что хочет в награду за любовь: он готов исполнить любую ее просьбу. Артаинта же отвечала Ксерксу (и это послужило причиной ее собственной гибели и гибели всего дома): "Дашь ли ты мне действительно все, что я ни попрошу?". Ксеркс, который менее всего ожидал от нее такой просьбы, обещал клятвенно. Когда же царь поклялся, Артаинта смело потребовала его плащ. Ксеркс стал тогда придумывать всевозможные отговорки, не желая отдавать плащ не по какой-либо иной причине, а только из страха перед Аместридой. А царица уже и раньше питала подозрения [в неверности], а теперь поймала бы его на месте преступления. Царь же стал предлагать Артаинте в дар города, несметное количество золота и войско, во главе которого будет стоять только она одна (у персов войско считается великолепным даром). Однако Ксеркс не мог убедить эту женщину, и ему пришлось подарить ей плащ. А та, весьма обрадовавшись подарку, стала носить и красоваться в нем.

110. Аместрида услышала, что плащ у Артаинты. Разузнав затем [подробно] о происшествии, царица обратила свой гнев не на эту женщину, так как предполагала виновницей и исполнительницей этого дела ее мать, а замыслила погубить супругу Масиста. Аместрида выждала время, когда ее супруг Ксеркс давал царский пир. Этот пир бывает раз в году в день рождения царя. По-персидски этот пир называется "тикта", что на греческом языке значит "отличный". Только в этот день царь умащает свою голову и одаривает персов. Этот-то день и выждала Аместрида и потребовала у Ксеркса отдать ей в подарок супругу Масиста. Ксеркс нашел это требование выдать жену брата недостойным и возмутительным, которая к тому же была совершенно невиновна в этом деле. Царь ведь хорошо понимал, зачем она обратилась к нему с такой просьбой.

111. Между тем царица стала настойчиво добиваться [исполнения своей просьбы], и царю пришлось (на царском пиру царю нельзя никому отказывать в просьбе) наконец, правда весьма неохотно, дать согласие. Затем, отдав эту женщину во власть Аместриды, Ксеркс поступил так. Позволив царице делать со своей жертвой все, что она хочет, он послал за братом и сказал ему вот что: "Масист! Ты – сын Дария и мой брат, да к тому же и доблестный муж. Так вот, отпусти свою супругу, с которой ты живешь, а я дам тебе в жены вместо нее мою дочь. Пусть она будет твоей супругой. Твою же теперешнюю супругу отпусти: мне не угодно, чтобы ты жил с нею". Масист же, пораженный такими словами Ксеркса, ответил так: "Владыка! Какие бесполезные речи заводишь ты со мною! Ты повелеваешь мне оставить супругу, от которой у меня есть сыновья и дочери (одну из них ты дал в жены даже собственному сыну), супругу, столь любезную моему сердцу, и взять в жены твою дочь? Нет, царь! Сколь ни велика для меня честь, которой ты меня удостоил, стать мужем твоей дочери, но все же я не сделаю ни того, ни другого. Не принуждай же меня силой, так как тебе это вовсе не нужно. Для твоей дочери найдется другой столь же достойный супруг. А мне позволь жить с моей супругой". Так отвечал Масист. Ксеркс же, распалившись гневом, сказал ему в ответ: "Хорошо же, Масист! Теперь моя воля такова: не выдам я за тебя своей дочери, но и со своей женой ты больше не будешь жить. Ты научишься принимать то, что тебе предлагают!". Услышав эти угрозы, Масист поспешно вышел со словами: "Владыка! Ты ведь меня еще не погубил!".

112. Между тем, пока Ксеркс вел этот разговор с братом, Аместрида послала телохранителей Ксеркса изувечить жену Масиста: она велела отрезать у несчастной груди и бросить псам, а также нос, уши и губы, вырезать язык и отправить в таком виде домой.

113. Масист же, еще ничего не зная об этом, но предчувствуя недоброе, бегом бросился домой. Увидев свою жену [столь страшно] изувеченной, он тотчас же,

посоветовавшись с сыновьями, отправился вместе с ними и некоторыми другими людьми в Бактры. Он хотел поднять восстание в Бактрийской области, чтобы лишить царя престола. Это, как я думаю, ему, пожалуй, и удалось бы, если бы он раньше прибыл к бактрийцам и сакам. Действительно, эти народности любили Масиста, и он был сатрапом Бактрии. Ксеркс, однако, проведал замыслы Масиста и отправил в погоню за ним отряд, [который] настиг его в пути: Масист был убит вместе с сыновьями и приверженцами. Это мой рассказ о страсти Ксеркса и смерти Масиста.

114. Эллины же, отплыв из Микале в Геллеспонт, бросили якорь сначала из-за противных ветров у [мыса] Лекта. Отсюда они прибыли в Абидос и нашли там мосты, которые они считали целыми, уже разрушенными (ради этого-то прежде всего они прибыли в Геллеспонт). Тогда Левтихид и пелопоннесцы решили отплыть назад в Элладу. Афиняне же и их предводитель Ксантипп, напротив, решили остаться и напасть на Херсонес. Итак, пелопоннесцы отплыли [домой], афиняне же переправились из Абидоса в Херсонес и приступили к осаде Сеста.

115. В этот Сест – самую сильную крепость в. этой стране, услышав о прибытии эллинов, собрались персы из соседних городов. Так, из города Кардии прибыл перс Эобаз и привез канаты от мостов. В городе же этом жили местные эолийцы, да еще персы и много других союзных с персами народностей.

116. Владыкой этой области был сатрап Ксеркса перс Артаикт, страшный нечестивец, обманувший даже царя во время похода на Афины. Артаикт ограбил храмовые сокровища [героя] Протесилая, сына Ификла из Элеунта. Ведь в Элеунте на Херсонесе в священной роще находится [святилище и] могила Протесилая. [В святилище] хранились богатства, золотые и серебряные чаши, медные статуи, [драгоценные] одежды и другие приношения. [Все это] Артаикт похитил с царского позволения, обманув царя такими словами: "Владыка! Есть тут дом одного эллина, который пошел походом на твою землю и за это его постигло справедливое возмездие – смерть. Подари мне его дом, чтобы впредь всякий поостерегся идти войной на твою землю". Этим ему легко удалось убедить Ксеркса подарить ему этот дом. Слова же Артаикта о походе Протесилая в царскую землю означали вот что: по мнению персов, вся Азия принадлежит им и правящему царю. Овладев этими сокровищами, Артаикт велел перенести их из Элеунта в Сест, а священный участок засеять и возделывать. Сам же, всякий раз когда бывал в Элеунте, то в святилище совокуплялся с женщинами. Итак, теперь афиняне принялись осаждать Артаикта. А он не был готов к осаде, не ожидая прихода эллинов: они напали на сатрапа [так внезапно], что ему некуда было бежать.

117. Между тем осада [Сеста] затянулась до поздней осени, и афиняне уже стали тяготиться долгим пребыванием на чужбине и безуспешной осадой. Они просили военачальников возвратиться на родину. Военачальники же ответили, что не уйдут, пока не возьмут города или пока высшие власти в Афинах не отзовут их домой. Тогда афинянам пришлось примириться с обстоятельствами.

118. А осажденные в крепости [херсонесцы] уже дошли до последней крайности, так, что варили и ели ремни от постелей. Когда же они съели даже и это, то персы с Артаиктом и Эобазом однажды ночью бежали из города: персы опустились по задней стороне стены, там где меньше всего было неприятелей. На следующий день херсонесцы дали знак афинянам с башен о бегстве персов и открыли [городские] ворота. Большая часть [афинского] войска пустилась в погоню за персами, а другая – заняла город.

119. Эобаза, бежавшего во Фракию, захватили фракийские апсинфии и по своему обычаю принесли в жертву местному богу Плистору, а спутников его умертвили другим способом. Артаикта же с товарищами, бежавшими позднее, афиняне вскоре нагнали за Эгоспотамой и частично после долгого сопротивления перебили. Остальных же взяли живыми в плен. Этих последних афиняне повели в оковах в Сест (среди них был также и Артаикт со своим сыном).

120. Тут-то, как рассказывают херсонесцы, случилось с одним из стражей, когда тот жарил соленую рыбу, вот какое чудо: соленые рыбы запрыгали и стали биться

на огне, словно только что пойманные. И все, столпившись вокруг, изумлялись этому диву. Артаикт, который также увидел эту диковину, позвал человека, жарившего соленую рыбу, и сказал: "Друг-афинянин! Не страшись этого чуда! Оно ведь явлено не тебе, а мне. Протесилай в Элеунте этим знамением возвещает, что хотя он и мертв и превратился в мумию, но все же обладает божественной силой, чтобы покарать своего обидчика. Поэтому-то я хочу заплатить выкуп за мое преступление: за сокровища, похищенные мною из его святилища, я хочу пожертвовать [богу] 100 талантов; афинянам же, если они сохранят жизнь мне и моему сыну, я заплачу 200 талантов". Такое его предложение, однако, афинский военачальник Ксантипп отверг. Ведь его смерти требовали элеунтцы в возмездие за Протесилая, и так же думал и сам военачальник. Артаикта отвели на то место побережья, где Ксеркс велел построить мост (по другим рассказам – на холм, что над городом Мадитом), и, пригвоздив к столбу, повесили. А сына его на глазах Артаикта побили камнями.

121. После этого афиняне отплыли в Элладу. Они везли с собой среди другой добычи также и канаты от мостов; [эти канаты] они хотели посвятить в храмы. В этом году больше ничего не произошло.

122. Дед этого распятого на столбе Артаикта был Артембар, давший персам один совет. Персы приняли его и представили Киру с такими словами: "Так как Зевс отнял у Астиага владычество над Азией и вручил его персам, а среди персов – тебе, Кир, давайте же покинем нашу маленькую и притом суровую страну и переселимся в лучшую землю. Много земель здесь по соседству с нами, много и дальше. Если мы завоюем одну из них, то наша слава и уважение к нам еще больше возрастут. Так подобает поступать народу - властителю [других народов]. Ибо когда же еще нам представится более удобный случай, как не теперь, когда мы владычествуем над многими народами и в наших рукам целая Азия?". Услышав эти слова, Кир не удивился предложению и велел его выполнять. Тем не менее он советовал персам готовиться к тому, что они не будут больше владыками, а станут рабами. Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира и отказались от своего намерения. Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать [над другими народами], чем быть рабами на тучной равнине.

Текст приведен по изданию: Геродот. ИСТОРИЯ в девяти томах. Научно-издательский центр "ЛАДОМИР" "АСТ" М., 1999

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду персофильская позиция стоявшей у власти в Фессалии группы во главе с Алевадами.
2. Овладев беотийскими проходами, можно было иметь в своих руках дороги на Аттику и на Истм (через Мегары). Персофильские круги в Греции усматривали причину неудачи Мардония в том, что он не последовал совету фиванцев подкупить людей в Греции.
3. Сигнальные огни в древности играли роль светового телеграфа.
4. До окончания праздника (первая треть июля) не было столкновении с персами. Геродот опять подчеркивает нарочитую медлительность спартанцев. Спартанцы уже раз опоздали к Марафонской битве (из-за новолуния), а теперь опять выступление войска задерживается из-за праздника Гиакинфий. Только угроза афинян стать на сторону персов заставила Спарту перейти к решительным действиям.
5. Это было 2 октября 480 г. Клеомброт возвратился с Истма в Спарту не из-за солнечного затмения, а из-за отступления персов после битвы при Саламине.
6. Ср. V 41; VII 158.
7. Периэки - жители лаконских городов и селений, принадлежавшие к числу покоренных спартанцами дорийских и недорийских общин. Они не были

полноправными гражданами, но обязаны были служить в спартанском войске.
8. В первый раз персы, заняв Афины, разрушили только акрополь, а теперь опустошили весь город.
9. Это диктовал персам прежде всего опыт Марафонской битвы.
10. Мардоний находился уже на перешейке между Сароническим заливом и Патрасской бухтой.
11. Беотархи - политические и военные руководители Беотийского союза. В то время их было одиннадцать. Во главе Беотийского союза стояли Фивы.
12. По-видимому, здесь идет речь о вырубке оливковых деревьев, которые препятствовали действию конницы.
13. Укрепляли только ровную местность между рекой и горой.
14. Греки выбрали эту позицию, чтобы персидская конница не могла их атаковать с тыла. Греки стояли на склонах гор, где конница не могла действовать, а персы - на равнине.
15. Однако атака персидской конницы на греческие позиции окончилась неудачей. Конница персов состояла из саков и бактрийцев, которые осыпали греков градом стрел.
16. Геродот имеет в виду представителей знати, составлявшей афинскую конницу. "Триста" - здесь не указывает на определенное количество.
17. Позолоченный чешуйчатый панцирь, поверх которого надевалась длинная богато украшенная одежда, подвязанная поясом.
18. Святилище героя, окруженное стеной, было опорным пунктом греков.
19. Фиванцы оставили тело Полиника и павших с ним воинов без погребения. Афиняне впоследствии утверждали, что предали их погребению, и даже показывали могилы в Элевсине.
20. В экспедиции Датиса и Артафрена участвовали незначительные силы персов. "Сорок шесть племен" можно сравнить с выражением "нашествие двунадесяти языков" Наполеона. Это число вообще означает здесь неопределенное множество.
21. Греческое войско в действительности было значительно меньше, как можно заключить по числу павших. Численность персидского войска при Платеях также тенденциозно преувеличена с патриотической целью.
22. Сообщение Геродота о построении обоих войск возникло, быть может, под влиянием подобного описания у Гомера. В то время ни греки, ни персы уже не выстраивали свои боевые силы по племенным контингентам. Греки стояли выстроенные по родам оружия. Внутри каждого рода оружия во всяком случае сражались рядом представители отдельных городов-государств. У персов различные роды оружия делились еще на подразделения, в которые были включены представители всех контингентов.
23. Здесь речь идет о воинах особых родов оружия.
24. Ливийские гермотибии и каласирии, жившие в Дельте Нила, не были отпущены домой, быть может, из-за восстания в Египте.
25. Обеим сторонам было одинаково невыгодно наступать. Поэтому гадания по жертвам в ловких руках жрецов не давали благоприятных предзнаменований для наступления.
26. После битвы при Платеях спартанцы напали не только на нейтральные или персофильски настроенные города, но даже на своих прежних союзников (тегейцев и почти на все аркадские племена).
27. По другому чтению: при Истме. Имеется в виду так называемая III Мессенская война (464-460/59 гг. до н.э.).
28. Афиняне отрезали отступление спартанскому экспедиционному корпусу в Фокиде. Победа при Танагре позволила спартанцам пробиться в Пелопоннес.
29. Присутствие Гегесистрата в персидском стане указывает на то, что некоторые враждебные Спарте пелопоннесские города поддерживали персов своими отрядами.
30. По-видимому, после Платейской битвы спартанцы напали на Закинф.
31. Изложение Геродота здесь не соответствует фактам. Персы, вероятно, потому

и укрепились у Платей, что считали это место наиболее удобным для действий своих боевых сил. Они точно рассчитали возможность перерезать проходы, по которым шли коммуникации стоявших против них у Платей греков. Вероятно, фиванцы посоветовали Мардонию избрать это место для битвы.
32. Изречение оракула относилось к вторжению северогреческих племен из Фессалии.
33. Упоминание персов (мидян) в этом сборнике предсказаний оракулов указывает на то, что это издание сборника составлено было уже после персидских войн.
34. Македонский царь играл двойную игру ввиду промежуточного положения его страны между двумя враждующими сторонами. Сначала он пытался с помощью персов увеличить свои владения за счет греков, а затем стремился тайным союзом с греками расширить их за счет территорий дружественных персам греческих городов. Известие, принесенное Александром, было очень важно для греков, так как они не знали, как долго персы могут оставаться у Платей, не страдая от недостатка продовольствия.
35. Персам удалось захватить источник Гаргафию во время перегруппировки спартанцев и афинян и отрезать греков от питьевой воды. Целью атак персидских всадников-лучников было вытеснить спартанцев со стратегически важной цепи холмов, где стояло святилище.
36. Неизвестно, что заставило греков очистить свои прежние позиции: захват ли прохода через Киферон, затруднение ли с питьевой водой или сильные атаки персов на фланге, занятом спартанским отрядом. Быть может, все эти причины в совокупности.
37. Остров находился в непосредственной близости от дороги на Мегары. Здесь греки господствовали над линиями снабжения и могли получать подкрепления из Пелопоннеса.
38. Имеются в виду те отряды с продовольствием, которые не могли проникнуть в Беотию, так как проход был занят персами. Их нужно было под прикрытием провести к новым позициям у так называемого "Острова".
39. Питанеты твердо придерживались древних спартанских традиции и поэтому отказывались подчиняться приказу Павсания об отступлении на другие позиции.
40. Фессалийские тираны считали себя потомками Гераклида Алевада.
41. Геродот описывает здесь тактику сакской пехоты, тактику сплоченного строя, в которой спартанцы не имели себе равных.
42. Спартанские гоплиты были построены в фалангу, против которой персы без поддержки своей конницы были бессильны.
43. Причины поражения персов не в отсутствии у них тяжелого вооружения, как полагает Геродот (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 208), а скорее в неудачной тактике. Преследуя греков, персы потеряли связь с отдельными отрядами, и битва прекратилась в отдельные стычки. Греческие гоплиты, даже разделенные на мелкие отряды, тотчас же смыкались и образовывали фалангу, о которую и разбивались атаки персов.
44. Битва при Стениклере относится к III Мессенской войне. Отряд 300 из представителей знатнейших спартанских семей был тогда полностью уничтожен.
45. Фиванский отборный отряд из знатнейших фиванских семейств сражался мужественно, так как понимал, что поражение Мардония означает конец власти аристократии в Фивах.
46. Гомеровское выражение. Ср.: Илиада VI, 112.
47. Данные Геродота о числе павших греков, вероятно, восходят к надписям на надгробных памятниках на месте битвы. Незначительность потерь греков не соответствует данным о численности их боевых сил. Численность потерь персов сильно преувеличена по сравнению с числом павших греков.
48. Здесь Геродот говорит о походе Архидама в 430 и 431 г. до н. э„ когда спартанцы систематически опустошали Аттику.
49. Война с Фасосом за золотые рудники на фракийском побережье началась в 466 г. до н.э. и кончилась победой афинян.

50. Кос был дорийским островом, с которым спартанцы поддерживали связи даже при персидском владычестве.
51. Знаменитый треножник стоит теперь в Константинополе на площади Мейдан. Имена городов, участвовавших в битве, еще теперь можно прочесть на нем.
52. Ирены - спартанцы в возрасте от 20 до 30 лет. Только после 30 лет спартанцы переходили в разряд "мужей" и становились полноправными гражданами.
53. Фивы были еще более ожесточенным врагом Афин, чем Коринф. Олигархическая партия в Фивах была на стороне персов. Геродот клевещет на фиванцев, будто они перешли во время боя при Фермопилах к персам, но все-таки предателей царь Ксеркс велел за это якобы заклеймить как рабов. Эта клевета справедливо возмущала еще Плутарха. Геродот желает обелить детей Аттагина, с которыми он был, вероятно, знаком во время пребывания в Фивах, и поэтому Павсаний произносит знаменитую формулу: "Сын за отца не отвечает".
54. Спартанцы и здесь стояли во главе Эллинского союза. Спартанский царь своей властью принимает самосцев в Эллинский союз.
55. Имеется в виду совр. р. Семени.
56. Персы при Микале ограничивались обороной. Главные силы персов были, вероятно, брошены на подавление восстания в восточной части Персии.
57. Целью военных операций греков было освобождение эгейских островов и открытие Геллеспонта для подвоза хлеба с Черного моря. Об освобождении ионян в Малой Азии греки еще тогда не думали.
58. Ксеркс провел зиму в Сардах, подготовляя новый поход на Грецию (в феврале 478 г. до н.э. Ксеркс еще находился в Сардах).
59. "Тикта" - персидское слово для названия праздника - дня рождения или вступления на престол царя.
60. Восстание сатрапа Бактрии Масиста было, вероятно, причиной отправки главных сил персидской армии на восток. На западе у персов, кроме корпуса Мардония у Платей и маленького отряда при Микале, не было больше войска.
61. Война велась тогда только с весны до осени.